

М.Ю.
ЛЕРМОНТОВ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Том 6. Проза, письма
(Собрание сочинений в шести томах #6)

Настоящее собрание сочинений великого русского поэта М. Ю. Лермонтова содержит критически установленный текст произведений поэта и полный свод вариантов к ним.

Все произведения и письма, вошедшие в издание, проверяются и печатаются по наиболее точным печатным текстам, автографам и авторитетным копиям.

Тексты сопровождаются краткими примечаниями, заключающими в себе сведения об источниках текста, о первом появлении в печати, о дате создания и краткие фактические разъяснения, необходимые для понимания произведения.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Проза	0012
Вадим *	0012
Княгиня Лиговская *	0229
#3	0230
«Я хочу рассказать вам...» *	0358
Ашик-Кериб *	0366
Герой нашего времени	0381
Кавказец *	0657
Штосс *	0664
Приложения	0693
Панорама Москвы *	0693
Планы, наброски, сюжеты *	0702
Автобиографические заметки *	0721
Наброски стихотворений *	0727
Заметки на рукописях *	0728
Подписи под рисунками *	0732
Надписи на книгах *	0733
Приписываемое Лермонтову	0734
Письма	0745
Письма Лермонтова	0745
Письма к Лермонтову	0845
Письма к Лермонтову, упомянутые в «Деле о непозволительных стихах»	0860
Комментарии	0866
#1	0866

#2	0874
#3	0886
#4	0903
#5	0903
#6	0929
#7	0931
#8	0933
#9	0935
#10	0937
#11	0940
#12	0945
#13	0952
#14	0954
#15	0960
#16	0965
#17	0965
#18	0966
#19	0967
#20	0967
#21	0968
#22	0968
#23	0969
#24	0969
#25	0970
#26	0971
#27	0973
#28	0974
#29	0975

#30	0975
#31	0976
#32	0976
#33	0978
#34	0979
#35	0979
#36	0980
#37	0980
#38	0981
#39	0981
#40	0983
#41	0984
#42	0985
#43	0985
#44	0985
#45	0986
#46	0986
#47	0987
#48	0987
#49	0988
#50	0988
#51	0989
#52	0989
#53	0990
#54	0991
#55	0992
#56	0992
#57	0993

#58	0994
#59	0994
#60	0994
#61	0995
#62	0995
#63	0995
#64	0996
#65	0996
#66	0997
#67	0997
#68	0998
#69	0998
#70	0999
#71	0999
#72	1000
#73	1000
#74	1001
#75	1001
#76	1002
#77	1002
#78	1003
#79	1004
#80	1004
#81	1005
#82	1005
#83	1006
#84	1006
#85	1007

#86	1007
#87	1008
#88	1008
#89	1009
#90	1009
#91	1010
#92	1011
#93	1012
#94	1012
#95	1012
#96	1013
#97	1013
#98	1014
#99	1015
#100	1016
#101	1017
#102	1017
#103	1017
#104	1020
#105	1021
#106	1022
#107	1024
#108	1026
#109	1029
#110	1032
#111	1036
#112	1038
#113	1041

#114	1043
#115	1046
#116	1048
#117	1053
#118	1059
#119	1065
#120	1073
#121	1079
#122	1084
#123	1086
#124	1092
#125	1106
#126	1108
#127	1111
#128	1116
#129	1118
#130	1119
#131	1122
#132	1123
#133	1125
#134	1129
#135	1131
#136	1137
#137	1141
#138	1147
#139	1150
#140	1155
#141	1157

#142	1160
#143	1163
#144	1165
#145	1169
#146	1171
#147	1172
#148	1176
#149	1180
#150	1182
#151	1184
#152	1185
#153	1188
#154	1194
#155	1196
#156	1199
#157	1201
#158	1206
#159	1208
#160	1217
#161	1219
#162	1221
#163	1223
#164	1225
#165	1227
#166	1228
#167	1233
#168	1237
#169	1238

В. Мануйлов	Летопись жизни и творчества	1249
Иллюстрации	1490
От редакции	1492
Выходные данные	1493

Михаил Юрьевич Лермонтов
Собрание сочинений в шести
томах
Том 6. Проза, письма

Проза

Вадим*

Часть I-я Глава I

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерни; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантии с шорохом обметали пыль вслед за ними; и они толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность. Под дымной пеленою ладана трепещущий огонь свечей казался тусклым и красным; богомольцы теснились вокруг сырых столбов, и глухой, торжественный шорох толпы, повторяемый сводами, показывал, что служба еще не началась.

У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали ми-

лости богомольцев; они спорили, бранились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом (только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провидению; создания, лишённые права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления.

Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костистых коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами *нищета!* — хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!

В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состо-

ания; лицо его было длинно, смугло; прямой нос, курчавые волосы; широкий лоб его был желт как лоб ученого, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; синяя жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, бледные, были растягиваемы и сжимаемы каким-то судорожным движением, и в глазах блистала целая будущность; его товарищи не знали, кто он таков; но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона — но не человека: — он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика. Ему казалось не больше 28 лет; на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную; его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность; — нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного

поблекшими красками на св. вратах, и внутренно сожалел об нем; он думал: если б я был чорт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник рая, соперник бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!

И глаза его блистали под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались красными пятнами: всё было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем или лучше он владел одною только страстью, — но зато совершенно!

«Христа ради, барин, — погорелым, калекам, слепому... Христа ради копеечку!» — раздался крик его товарищей; он вздрогнул, обернулся — и в этот миг решила его участь. — Что же увидал он? русского дворянина, Бориса Петровича Палицына. Не больше.

[Глава II]

Представьте себе мужчину лет 50, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором, одетого в синее полукафтаны с анненским крестом в петлице; ноги его,

запратанные в огромные сапоги, производили неприятный звук, ступая на пыльные камни; он шел с важностью размахивая руками и наморщивал высокий лоб всякий раз, как докучливые нищие обступали его; — двое следовали за ним с подобострастием. — Палицын положил серебряный рубль в кружку монашескую и, оттолкнув нищих, воскликнул: «Прочь, вы! — лентяи. — Экие молодцы — а просят Христа ради; что вы не работаете? дай бог, чтоб пришло время, когда этих бродяг без стыда будут морить с голоду. — Вот вам рубль на всю братию. — Только чур не перекусайтесь за него».

Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм.

Когда старый господин удалился от толпы, он поспешил догнать его.

Палицын обернулся.

— Что тебе надобно?

— Очень мало! — я хочу работы...

С язвительной усмешкой посмотрел старик на нищего, на его горб и безобразные ноги... но бедняк нимало не смутился, и остался хладнокровен, как Сократ, когда жена вылила кувшин воды на его голову, но это не было хладнокровие мудреца — нищий был скорее похож на дуэлиста, который уверен в меткости руки своей.

— Если ты, барин, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этот счет. — Он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; Палицын изумился.

— Хочешь ли быть моим слугою?

Нищий в одну минуту принял вид смирения и с жаром поцеловал руку своего нового покровителя... из вольного он согласился быть рабом — ужели даром? — и какая странная мысль принять имя раба за 2 месяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! — воскликнул нищий, — и адская радость вспыхнула на блед-

НОМ ЛИЦЕ.

— Твое имя? —

— Вадим!

— Прелестное имя для такого уroda!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищий взглянул на них с презрением, и неуместная веселость утихла; подлые души завидуют всему, даже обидам, которые показывают некоторое внимание со стороны их начальника.

— Следуй за мной!.. сказал Палицын, и все оставили монастырь. Часто Вадим оборачивался! на полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими черными городами, без всяких оттенков; но в этом зрелище было что<-то> величественное, заставляющее душу погружаться в себя и думать о вечности, и думать о величии земном и небесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление.

Глава III

Поздно, поздно вечером приехал Борис Петрович домой; собаки встретили его громким лаем, и только по светящимся окнам можно было узнать строение; ветер шумя качал ветелки, насаженные вокруг господского двора, и когда топот конский раздался, то слуги вышли с фонарями навстречу, улыбаясь и внутренне проклиная барина, для которого они покинули свои теплые постели, а может быть, что-нибудь получше. Палицын вошел в дом; — в зале было темно; оконницы дрожали от ветра и сильного дождя; в гостиной стояла свеча; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: разноцветные обои, три круглые стола; перед каждым небольшое канапе; глухая стена, находящаяся между двумя высокими печьюми, на которых стояли безобразные статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въезд Петра I в Москву после Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Перед ореховым гладким столом сидела толстая женщина, зевая по сторонам, добрая женщина!.. жиреть, зевать, бранить служа-

нок, приказчика, старосту, мужа, когда он в духе... какая завидная жизнь! и всё это продолжается сорок лет, и продолжится еще столько же... и будут оплакивать ее кончину... и будут помнить ее, и хвалить ее ангельский нрав, и жалеть... чудо что за жизнь! особенно как сравнишь с нею наши бури, поглощающие целые годы, и что еще ужаснее — обрывающие чувства человека, как листья с дерева, одно за другим.

На скамейке, у ног <Натальи> Сергевны (так я назову жену Палицына), сидела молодая девушка, ее воспитанница. — Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. — Сальная свеча, горящая на столе, озаряла ее невинный открытый лоб и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкий золотой пушок; остальная часть лица ее была покрыта густой тенью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда. — Ее грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову,

всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет белая рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картиной!

Борис Петрович взошел; обе встали.

— Я привез нового холопа, — сказал он. — Клад! — нищий, который захотел работать! — он не должен быть слишком боек — это видно по лицу — но зато будет послушен!.. — вот ты увидишь сама — эй! — Вадимка! — живо.

Взошел безобразный нищий. Госпожа осмотрела его без внимания, как краденый товар... «Какой урод!» — воскликнула она. Но Вадим не слышал — его душа была в глазах.

Долго супруг разговаривал с супругой о жатве, льне и хозяйственных делах; и вовсе забыли о нищем; он целый битый час простоял в дверях; куда смотрел он? что думал? — он открыл новую струну в душе своей и новую цель своему существованию. Целый час он простоял; никто не заметил; <Наталья> Сергевна ушла в свою комнату, и тогда Палицын подошел к ее воспитаннице.

— Как тебе нравится мой новый холоп?

— Урод! — отвечала Ольга, и вдруг ей слышалось что-то похожее на скрежет зубов. — Охота привозить таких пугал, — продолжала она, — нам бедным пленным птичкам и без них худо!..

— Оттого худо, что ты не хочешь согласиться, — возразил Борис Петрович и намеревался ее обнять.

Ольга покраснела и оттолкнула его руку; это движение было слишком благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, как ты прекрасна: разве у стариков нет сердца, разве нет в нем уголка, где кровь кипит и клокочет? — а было бы тебе хорошо! — если бы — выслушай... у меня есть золотые серьги с крупным жемчугом, персидские платки, у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У вас нет стыда! — отвечала Ольга; Палицын посмотрел на нее — и вспыхнул; — но услышав шорох в другой комнате, погрозившись ушел.

— Боже!.. это восклицание невольно вырвалось из ее груди; это была молитва и упрек.

Безобразный нищий всё еще стоял в дверях, сложа руки, нем и недвижим — на его ресницах блеснула слеза: может быть первая слеза — и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд! они для одного человека — что был Наполеон для вселенной: в десять лет он подвинул нас целым веком вперед.

— Знаешь ли ты своих родителей, Ольга? — сказал Вадим.

— Странный вопрос! — отвечала она.

— Знаешь ли ты их, — повторил он таким голосом, который заставил ее содрогнуться; она посмотрела ему пристально в глаза, как будто припоминая нечто давно, давно прошедшее.

— Я сирота; — мой отец меня оставил, когда я была ребенком — и отправился бог знает куда — верно очень далеко, потому что он не возвращался, — чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать куда?

— Хочу!.. — и влажные глаза ее ярко заблистали.

— Подумай, — я для тебя человек чужой — может быть я шучу, насмехаюсь!.. подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; всё, что их любит и ненавидит, обречено гибели... берегись того и другого — узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот: он изомнет его...

— Хочу знать непременно... — воскликнула неопытная девушка.

Она посмотрела вокруг — нищего уже не было в комнате.

Глава IV

Прошло двое суток — Вадим еще не объявлял своей тайны... Ужели он только хотел подстрекнуть женское любопытство? если так, то он вполне достиг своей цели. Под разными предложениями, пренебрегая гнев госпожи своей, Ольга отлучалась от скучной работы и старалась встретить где-нибудь в отдаленной пустой комнате Вадима; и странно! она почти

всегда находила его там, где думала найти — и тогда просьбы, ласки, все хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну — однако он был непреклонен; умел отвести разговор на другой предмет, занимал ее разными рассказами — но тайны не было; она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать в его сумрачную душу и заметила, что этот человек рожден не для рабства: — и это заставило ее иметь к нему доверенность; немудрено; — власть разлучает гордые души, а неволя соединяет их.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли я очень безобразен! — воскликнул Вадим. Она пустила его руку. — Да, — продолжал он. — Я это знаю сам. — Небо не хотело, чтоб меня кто-нибудь любил на свете, потому что оно создало меня для ненависти; — завтра ты всё узнаешь: — на что мне беречь тебя? — О, если б... не укоряй за долгое молчанье. — Быть может настанет время и ты подумаешь: зачем этот человек не родился немым, слепым и глухим, — если он мог родиться кривобоким и горбатым?..

Поведение Вадима с протчими слугами бы-

ло непонятно, потому что его цели никто не знал; я объясню его сколько можно следующим разговором; на крыльце дома сидело двое слуг, один старый, другой лет двадцати; вот слова их:

— Заметь, Федька, что, кто из грязи вышел, тот лезет в золото! — как этот Вадимка загордился — эдакой урод — мне никогда никакого уважения не делает — когда сам приказчик меня всегда отличает — да и к барину как умеет он подольститься: словно щенок! — Экой век стал нехристианской.

— Не скажу, дядя Ипат!.. он всегда со мной ласков — парень лихой; с ним держи ухо остро: тотчас на удочку подцепит — вот например вчера...

— Что вчера?

— Я тебе расскажу эту штуку, дядя... слушай... вчера барин разгневался на Олешку Шушерина и приказал ему влечь 25 палок; повели Олешку на конюшню — сам приказчик и стал его бить; 25 раз ударил да и говорит: это за барина — а вот за меня — и занес руку: Вадим всё это время стоял поодаль, в углу: брови его сходились и расходились. — В

один миг он подскочил к приказчику и сшиб его на землю одним ударом. На губах его клубилась пена от бешенства, он хотел что-то вымолвить — и не мог.

— Жаль! — возразил старик, — не доживет этот человек до седых волос. — Он жалел от души, как мог, как обыкновенно жалеют старики о юношах, умирающих преждевременно, во цвете жизни, которых смерть забирает вместо их, как буря чаще ломает тонкие высокие деревья и щадит пни столетние.

Зачем Вадим старался приобрести любовь и доверенность молодых слуг? — на это отвечаю: происшествия, мною описываемые, случились за 2 месяца до бунта пугачевского.

Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь <его> могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра: притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным!..

Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить — но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей! В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать — не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год!

[Глава V]

Но обратимся к нашему рассказу.

Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по берегу построены избы, дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим; по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющимися елями, налево низкий берег, усыпанный кустарником, тя-

нется гладкою покатостью — и далеко, далеко синеют холмы как волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крыше и в стеклах золотыми переливами, раскрашенные резные ставни, колеблемые ветром, стучали и скрип<ели>, качаясь на ржавых петлях. Вокруг старинного дома обходит деревянная резной работы голодарейка, служащая вместо балкона; здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгерями. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег — и новые надежды! — Песни крестьян, идущих с сенокоса, отдаленный колокольчик часто развлекали ее внимание — кто едет, купец? барин? почта? — но на что ей!.. не всё ли равно... и всё-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала из одной крайности в другую: теперь, завернувшись в черную бархатную шубейку, обшитую заячьим мехом, она трепеща отворяет дверь на голодарей-

ку. — Чего тебе бояться, неопытная девушка: Борис Петрович уехал в город, его жена в монастырь, слушать поучения монахов и новости и <3> уст богомолков, не менее ею уважаемых.

Кто идет ей навстречу. — Это Вадим. — Она вздрогнула; — она побледнела, потому что настала роковая минута.

— Что с тобою, — сказал он.

— Ничего...

— А! понимаю! — он закусил губы: — ты меня испугалась...

— Зачем мне бояться тебя, — отвечала гордо Ольга.

— Тем лучше! — продолжал он... — это уже много значит — так я тебе не страшен! не отвратителен... о мой создатель! вот великое блаженство! право мне кажется это первое... — он остановился...

— Послушай, что если душа моя хуже моей наружности? но разве я виноват... я ничего не просил у людей кроме хлеба — они прибавили к нему презрение и насмешки... я имел небо, землю и себя, я был богат всеми чувствами... видел солнце и был доволен... но по-

степенно всё исчезло: одна мысль, одно открытие, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здесь, — спросила она с нетерпением.

— Я здесь для того, чтобы тебя видеть.

— А я совсем не для того...

— Опять, опять! — воскликнул Вадим. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться от меня, то не намекай о моем безобразии: я завистлив, я зол, я всё, что ты хочешь... но пощади меня. — Он закрыл лицо обеими руками. — Ей стало жалко: этот человек, одаренный величайшим самолюбием, просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более, чем он, беззащитной, сожаления — или нет... меньше... он просил, чтоб она его не оскорбляла.

Такие речи иногда трогают женское сердце.

Она прервала неприятное молчание:

— Ты говорил, Вадим, что знаешь, где мой отец?..

Он задумался:

— Обещай никогда не укорять меня за то, что я тебе открыл свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отец был дворянин — богат — счастлив — и подобно многим, кончил жизнь на соломе... ты вздрогнула... но это еще ничего!..

— О если это ничего — то не продолжай.

— Нет слушай: у него был добрый сосед, его друг и приятель, занимавший первое место за столом его, товарищ на охоте, ласкавший детей его, — сосед искренний, простосердечный, который всегда стоял с ним рядом в церкви, снабжал его деньгами в случае нужды, ручался за него своею головою — что ж... разве этого не довольно для гибели человека? — погоди... не бледней... дай руку: огонь, текущий в моих жилах, перельется в тебя... слушай далее: однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась неприимимая вражда — 5 лет спустя твой отец уж не смеялся. — Горе тому, кто наказал смех этот слезами! Друг твоего отца отрыл старинную тяжбу о землях и выиграл ее и отнял у него всё имение; я видал отца твоего перед кончиной; его седая голова неподвижная, су-

хая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти... и мне она осталась в наследство; а его проклятие живо, живо и каждый год пускает новые отрасли, и каждый год всё более окружает свою тенью семейство злодея... я не знаю, каким образом всё это сделалось... но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг? — как, небо!.. в продолжении 17-ти лет ни один язык не шепнул ей: этот хлеб куплен ценою крови — твоей — его крови! и без меня, существа бедного, у которого вместо души есть одно только ненасытимое чувство мщениа, без уродливого нищего, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадим, что сказал ты.

— Благодарность! — продолжал он с горьким смехом. — Благодарность! Слово, изобретенное для того, чтоб обманывать* честных людей!.. слово, превращенное в чувство! — о премудрость небесная!.. как легко тебе из ничего сделать святейшее чувство!.. нет, лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем быть орудием безумца и лизать

руку, кидающую мне остатки пира... — о, благодарность!..

И он ходил взад и вперед скорыми шагами, сжав крестом руки, — и, казалось, забыл, что не сказал имени коварного злодея... и, казалось, не замечал в лице несчастной девушки страх неизвестности и ожидания... он был весь погребен сам в себе, в могиле, откуда также никто не выходит... в живой могиле, где также есть червь, грызущий вечно и вечно ненасытный.

Безобразные черты Вадима чудесно ожились, гений блистал на челе его, — и глаза, если б остановились в эту минуту на человеке, то произвели бы действие глаз василиска: но они были обращены вверх!..

— Я отгадала! — воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостью к Вадиму... — я поняла тебя!.. это Борис Петрович...

Она в самом деле отгадала: великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные, и темные для толпы; одно слово в устах их иногда це-

лая повесть, целая страсть со всеми ее оттенками.

Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги — и взявший к себе дочь, ребенка 3 лет, чтобы принудить к молчанию некоторых дворян, осуждавших его поступок; он воспитал ее как рабу, и хвалился своею благотворительностию; десять лет тому назад он играл ее кудрями, забавлялся ее ребячествами и теперь в мыслях готовил ее для постыдных удовольствий. Это было также мщение в своем роде... кто бы подумал!.. столько страданий за то, что одна собака обогнала другую... как ничтожны люди! как верить общему мнению! — Палицын слыл честнейшим человеком во всем околотке — и точно! он погубил только одно семейство.

Я сказал, что великие души понимают друг друга, потому-то Вадим смотрел на нее, без удивления, но с тайным восторгом.

Она схватила его за руку и повлекла в комнату, где хрустальная лампада горела перед образами, и луч ее сливался с лучом заходящего солнца на золотых окладах, усыпанных

жемчугом и камнями; — перед иконой боготери упала Ольга на колени, спина и плечи ее отделяемы были бледнеющим светом зари от темных стен; а красноватый блеск дрожащей лампы озарял ее лицо, вдохновенное, прекрасное, слишком прекрасное для чувств, которые бунтовали в груди ее; Вадим не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив.

Ольга сорвала с шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Так уничтожаю последний остаток признательности... боже! боже! я невиновна... ты, ты сам дал мне вольную душу, а он хотел сделать меня рабой, своей рабой!.. невозможно! невозможно женщине любить за такое благодеяние... терпеть, страдать я согласна... но не требуй более; боже! если б ты теперь мне приказал почитать его своим благодетелем — я и тебя перестала бы любить!.. моя жизнь, моя судьба принадлежат тебе, создатель, и кому ты хочешь — но сердце в моей власти!..

Слезы покатались из глаз ее, она склонила голову, рука ее дрожала в руке Вадима...

— Я твой брат! — воскликнул он вне себя.

Она обернулась, встала... как будто не поняла... как будто ужаснулась... Руки ее опустились как руки умершей, и сомкнутые уста удерживали дыхание.

— Я твой брат! — повторил он дрожащим, страшным голосом.

Она молчала.

Вадим взглянул на нее в последний раз, схватил себя за голову и вышел; и выходя остановился у двери... и в продолжение одной минуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела... он вышел.

— Брат! — сказала Ольга, смотря ему вслед. — Брат! И без сил она упала на стул.

Глава VI

Борис Петрович был чрезвычайно доволен своим горбачом (так в доме называли Вадима). Горбач везде почти следовал за ним, на охоту, в поле, на пашню, — исполнял его малейшие желания, предугадывал их. Одним словом делал всё, чем мог приобрести доверенность, — и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процветала на этом суровом лице, которое выражало все чувства, все, —

кроме одного, любимого сокровища, хранимого на черный день. Если Борис Петрович хотел наказать кого-нибудь из слуг, то Вадим намекал ему всегда, что есть наказания, которые жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицын воображал; — а когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движеньями помогал им осуждать господина; но никогда ничего не говорил такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — к неудовольствию рабов или помещика. Он был враждебный Гений этого дома...

Однажды, не знаю зачем, Палицын велел его позвать; искали горбача — не нашли. Так это и осталось.

День был жаркий, серебряные облака тяжелели ежечасно; и синие, покрытые туманом, уже показывались на дальнем небосклоне; на берегу реки была развалившаяся баня, врытая в гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нее валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цветы на длинных сте-

бельках. Тут сидел Вадим; один, облокотясь на свои колена и поддерживая голову обеими руками; он размышлял; тени рябиновых листьев рисовались на лице его непостоянными арабесками и придавали ему вид таинственный; золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к солнцу.

Вчера он открылся Ольге; — наконец он нашел ее, он встретился с сестрой, которую оставил в колыбели; наконец... о! чудна природа; далеко ли от брата до сестры? — а какое различие!.. эти ангельские черты, эта демонская наружность... Впрочем разве ангел и демон произошли не от одного начала?..

Однако Вадим заметил в ней семейственную гордость, сходство с его душой, которое обещало ему много... обещало со временем и любовь ее... эта надежда была для него нечто новое; он хотел ею завладеть, он боялся расстаться с нею на одно мгновение... — и вот зачем он удалился в уединенное место, где плеск волны не мог развлечь думы его; он не

знал, что есть цветы, которые, чем более за ними ухаживают, тем менее отвечают стараниям садовника; он не знал, что, слишком привязавшись к мечте, мы теряем существенность; а в его существенности было одно мщенье.

Постепенно мысли его становились туманнее; и он полусонный лег на траву — и нечаянно взор его упал на лиловый колокольчик, над которым вились две бабочки, одна серая с черными крапинками, другая испещренная всеми красками радуги; как будто воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживленный какою-нибудь волшебницей; оба мотылька старались сесть на лиловый колокольчик и мешали друг другу, и когда один был близко, то ветер относил его прочь; наконец разноцветный мотылек остался победителем; уселся и спрятался в лепестках; напрасно другой кружился над ним... он был принужден удалиться. У Вадима был прутик в руке; он ударил по цветку и убил счастливое насекомое... и с каким-то восторгом наблюдал его последний трепет!..

И бог знает отчего в эту минуту он вспомнил свою молодость, и отца, и дом родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами... всё, всё... и отец его представился его воображению, таков, каким он возвратился из Москвы, потеряв свое дело... и принужденный продать всё, что у него осталось, дабы заплатить стряпчим и суду. — И потом он видел его лежащего на жесткой постели в доме бедного соседа... казалось, слышал его тяжелое дыхание и слова: отомсти, сын мой, извергу... чтоб никто из его семьи не порадовался краденым куском... и вспомнил Вадим его похороны: необитый гроб, поставленный на телеге, качался при каждом толчке; он с образом шел вперед... дьячок и священник сзади; они пели дрожащим голосом... и прохожие снимали шляпы... вот стали опускаться в могилу, канат заскрепел, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму в голову, он шопотом повторил роковую клятву и обдумывал исполнение; он готов был ждать... он готов был всё выносить... но сестра! если... о! тогда и она поможет ему... и без трепета он принял эту мысль; он решился завлечь ее в свои за-

мыслы, сделать ее орудием... решился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало... странно! он любил ее; — или не почитал ли он ненависть добродетелью?..

Вдруг над ним раздался свист арапника, и он почувствовал сильную боль во всей руке своей; — как тигр вскочил Вадим... перед ним стоял Борис Петрович и осыпал его ругательствами

Кланяясь слушал он и с покорным видом последовал за Палицыным в дом, где слуги встретили его с насмешливыми улыбками, которые говорили: пришел и твой черед.

С этих пор Вадим ни разу не забывал своей должности.

[Глава VII]

Подвечер приехали гости к Палицыну; Наталья Сергевна разрядилась в фижмы и парчевое платье, распудрилась и раздумянулась; стол в гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свежими; Геннадий Василич Горинкин, богатый сосед, сидел на почетном месте, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки с сладостями; он брал из каждой поне-

множку и важно обтирал себе губы; он был высокого росту, белокур, и вообще довольно ловок для деревенского жителя того века; и это потому быть может, что он служил в лейб-камpanцах; 25<-и> лет вышед в отставку, он женился и нажил себе двух дочерей и одного сына; — Борис Петрович занимал его разговорами о хозяйстве, о Москве и проч., бранил новое, хвалил старое, как все старики, ибо вообще, если человек сам стал хуже, то всё ему хуже кажется; — поздно вечером, истощив разговор, они не знали, что начать; зевали в руку, вертелись на местах, смотрели по сторонам; но заботливый хозяин тотчас нашелся:

— Малой! Египетского, — закричал он, в восторге от своей мысли; — принесли две фляги и две большие серебряные кружки; — начали пить, потом спорить, хохотать и целоваться; — щеки их разгорелись, и воображение, охлажденное годами, закипело.

— Потешить ли тебя, сосед любезный! — воскликнул Палицын;

— А что?

— Да уж то, что твоей милости и в голову

не придет; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть девочка — чудо... а как пляшет!.. жжет, а не пляшет!.. я не монах, и ты не монах, Васильич...

— Избави Христос...

— И точно так!..

— Ну что же?

— Да уж то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергевна, — вели Оленьке принарядиться в шелковый святошный сарафан да выдти поплясать; а других пришли петь, да песельников-то нам побольше, знаешь, чтоб лихо... — он захохотал, сам верно не зная чему; и начал потирать руки, заране наслаждаясь успехом своей выдумки; — этот человек, обыкновенно довольно угрюмый, теперь был совершенный ребенок.

Наталья Сергевна приказала собраться песельникам, а сама вышла искать Ольгу.

Где была Ольга?..

В темном углу своей комнаты, она лежала на сундуке, положив под голову свернутую шубу; она не спала; она еще не опомнилась от вчерашнего вечера; укоряла себя за то, что слишком неласково обошлась с своим бра-

том... но Вадим так ужаснул ее в тот миг! — Она думала целый день идти к нему, сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняет за излишнюю ненависть, что оправдывает его поступок и удивляется чудесной смелости его.

Со свечой в руке вошла Наталья Сергевна в маленькую комнату, где лежала Ольга; стены озарились, увешанные платьями и шубами, и тень от толстой госпожи упала на столик, покрытый пестрым платком; в этой комнате протекала половина жизни молодой девушки, прекрасной, пылкой... здесь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большие города с каменными домами и златоглавыми церквями; — здесь, когда зимой шумела мятелица и снег белыми клоками упал на тусклое окно и собирался перед ним в высокий сугроб, она любила смотреть, завернутая в теплую шубейку, на белые степи, серое небо и ветлы, обвешанные инеем и колеблемые взад и вперед; и тайные, неизъяснимые желания, какие бывают у девушки в семнадцать лет, волновали кровь ее; и досада заставляла плакать; вырывала игол-

ку из рук.

— Вставай, Ольга! — закричала Наталья Сергевна, сердито толкнув ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встретив свечу прямо перед глазами.

— Что спала, ленивая...

— У меня голова болит!

— Вздор! девчонка молодая... и смеет голова болеть! просто лень, уж так бы и говорила... а то еще лжет... отвечай: спала, лентяйка?

— Я никогда не лгу.

— Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! — нет! этот народ никогда не чувствует благодеяний! как волка ни корми, а всё в лес глядит... да не смей строить рож, когда я браню тебя!.. стой прямо и не морщись, — ты забываешь, кто я?..

Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице ее; мрачный пламень, пробужденный в глазах, потерялся в опущенных ресницах; она стояла,

опустив руки, с колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обидным изречениям, которые рассердили, испугали бы другую.

— Поди надень шелковый сарафан и выходи плясать... чтоб голова не болела... слышишь... скорей же!.. да не больно финти перед Борисом Петровичем!.. а не то я тебе дам знать!.. ведь вы все ради заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если б Наталья Сергевна не удалилась, то она не вытерпела бы далее; слезы хотели брызнуть из глаз ее, но женщина иногда умеет остановить слезы... — Как! ее подозревают, упрекают? — и в чем! — о! где ее брат! пускай придет он и выслушает ее клятву помогать ему во всем, что дышит местию и разрушением; пускай посвятит он ее в это грозное таинство, — она готова!..

Теперь она будет уметь отвечать Вадиму, теперь глаза ее вынесут его испытывающие взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожит ее твердости; — эта улыбка имела в себе что-то неземное; она вырывала из души каж-

дое благочестивое помышление, каждое желание, где таилась искра добра, искра любви к человечеству; встретив ее, невозможно было устоять в своем намерении, какое бы оно не было; в ней было больше зла, чем люди понимать способны.

Ольгу ждут в гостиной, Борис Петрович сердится; его гость поминутно наливает себе в кружку и затягивает плясовую песню... наконец она вошла: в малиновом сарафане, с богатой повязкой; ее темная коса упала между плечьями до половины спины; круглота, белизна ее шеи были удивительны; а маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства, которых ищут молодые люди, глядя на женщину как на орудие своих удовольствий; впрочем маленькая ножка имеет еще другое значение, которое я бы открыл вам, если б не боялся слишком удалиться от своего рассказа.

Она вошла... и встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести; но она не смутилась; не покраснела; — тусклая бледность ее лица изобличала совершенное отсутствие беспокойства, совершенную предан-

ность судьбе; — в этот миг она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный орган, который не играет ни начало ни конец прекрасной песни.

Хор затянул плясовую; — Начинай же, Оленька! — закричал Палицын, — не стыдись!.. она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будет плясать перед убийцею отца своего; — эта мысль как молния ворвалась в ее душу и озарила там следы минувшего; и все обиды, все несправедливости, унижения рабства, одним словом, жизнь ее встала перед ней, как остов из гроба своего; и она почувствовала его упрек...

Если б можно было изобразить страдание этого нежного существа, то трудно было бы поверить, что она не лишилась рассудка!.. потому что ее ресницы были сухи, и сжатые дрожащие губы не пропустили ни одного вздоха. — «Что же! красотка моя, начинай!.. небось — ты так хороша сегодня!..» — кричали оба помещика; что за лестное поощрение! не правда ли.

Ольга окинула взором всю комнату, надеясь уловить хотя одно сожаление...

неуместная надежда; — подлая покорность, глупая улыбка встретили ее со всех сторон — рабы не сожалели об ней, — они завидовали! — пускай завидуют, подумала Ольга; это будет им наказание.

Она начала плясать.

Движения Ольги были плавны, небрежны; даже можно было заметить в них некоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась; и тогда душевная буря вылилась наружу; как поэт, в минуту вдохновенного страданья бросая божественные стихи на бумагу, не чувствует, не помнит их, так и она не знала, что делала, не заботилась о приличии своих движений, и потому-то они обворожили всех зрителей; это было не искусство — но страсть.

И вдруг она остановилась, опомнилась, опустила пылающие глаза, голова ее кружилась; все предметы прыгали перед нею, громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...

Она посмотрела вокруг, ужаснулась... махнула рукой и выбежала.

Борис Петрович встал и, качаясь на ногах, последовал за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желание, и с дрожащих губ срывались несвязные слова, но слишком ясные для окружающих.

Дверь в комнату Ольги была затворена; он дернул, и крючок раскочился; она стояла на коленях, закрыв лицо руками и положив голову на кровать; она не слыхала, как он вошел, потому что произнесла следующие слова: «отец мой! не вини меня...»

— Теперь ты не вывернешься! — воскликнул захохотавши Борис Петрович; — я человек добрый — и ты человек добрый; следовательно...

Она вскочила и, устремив на него мутный взор, казалось, не понимала этих слов; — он взял ее за руку; она хотела вырваться — не могла; сев на постель, он притянул ее <к> себе и начал целовать в шею и грудь; у нее не было сил защищаться; отвернув лицо, она предавалась его буйным ласкам, и еще несколько минут — она бы погибла.

Но вдруг раздался шум, и вбежала хозяйка; между достойными супругами начался крик,

спор... однако Наталье Сергевне, благодаря винным парам удалось вывести мужа; долго еще слышен был хриплый бас его и пронзительный дишкант Натальи Сергевны; наконец всё утихло — и Ольга тогда только уверилась, что все ее оставили.

Она слышала, как стучало ее испуганное сердце и чувствовала странную боль в шее; бедная девушка! немного повыше круглого плеча ее виднелось красное пятно, оставленное губами пьяного старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось от его поцелуев!.. встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, и крестообразные рамы окна отделились на бледном полу... и этот луч упал на лицо Ольги — но ничего не прибавил к ее бледности, и красное пятно не могло утонуть в его сияньи... в это время на стенных часах в приемной пробило одиннадцать.

Глава VIII

Где скрывался Вадим весь этот вечер? — на темном чердаке, простертый на соломе, лицом кверху, сложив руки, он уносился мыс-

лию в вечность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни об чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пестрой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого. — Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу, и потом сокрушить ее, — если это было желание безумца, то по крайней мере великого безумца; — что такое величайшее добро и зло? — два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга.

Чудные звуки разрушили мечтания Вадима: то были отрывистые звуки плясовой песни, смешанные с порывами северного ветра; Вадим привстал; луна ударяла прямо в слуховое окно, и свет ее, захватывая несколько измятых соломинок, упал на противную стену, так что Вадим легко мог рассмотреть на ней все скважины, каждый клочок моха, высунувшийся между брусьями; — долго он не сводил глаз с этой стены, долго внимал звукам отдаленной песни —... наконец они

умолкли, облако набежало на полный месяц... Вадим упал на постель свою, и безотчетное страдание овладело им; он ломал руки, вздыхал, скрежетал зубами... неизвестный огонь бежал по его жилам, череп готов был треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!..

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкий шум шагов.

— Брат! — сказал кто-то очень тихо.

Вадим затрепетал. — Между тем облако пробежало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близь него на коленях.

— Всё понимаю, — воскликнул он, прочитавши в ее взоре ужасное беспокойство.

— Точно? — отвечала Ольга изменившимся голосом; — точно? — я пришла тебя обрадовать, друг мой!..

Друг мой! впервые существо земное так называло Вадима; он не мог разом обнять всё это блаженство; как безумный схватил он себя за голову, чтобы увериться в том, что это не обман сновидения; улыбка остановилась на устах его — и душа его, обогащенная це-

лым чувством, сделалась подобна временщику, который, получив миллион и не умея употребить его, прячет в железный сундук и стережет свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова так сильно врезались в его душу, что несколько дней спустя, когда он говорил с самим собою, то не мог удержаться, чтоб не сказать: друг мой...

Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь — везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно; — и человек, который ненавидит всё, и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильнее всех ваших произвольных страстей. Его любовь сама по себе в крови чужда всякого тщеславия... но если к ней примешается воображение то горе несчастному! — по какой-то чудной противоположности самое святое чувство ведет тогда к величайшим злодеяниям: это чувство наконец делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться, или одним ударом сокрушить кумир свой; но часто самолюбие бе-

рет перевес, и божество падает перед смертным.

— Брат! слушай, — продолжала Ольга, я всё обдумала и решилась сделать первый шаг на пути, по которому ни тебе ни мне не возвратиться. Всё равно... они все ведут к смерти; — но я не позволю низкому, бездушному человеку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сделать; — сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... брат! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добродячей для меня; ты примешь мою ненависть, как дитя мое; станешь лелеять его, пока оно вырастет и созреет и смоет мой позор страданиями и кровью... да, позор... он, убийца, обнимал целовал меня... хотел... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь?..

Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою, так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгновение на вампира, глядящего на издыхающую жертву.

— Клянусь этим богом, который создал нас

несчастливыми, клянусь его святыми таинствами, его крестом спасительным, — во всем, во всем тебе повиноваться — я знаю, Вадим, твой удар не будет слаб и неверен, если я сделаюсь орудием руки твоей! — о! ты великий человек!

— Да — теперь, потому что ты меня любишь!..

Она ничего не отвечала.

— Успокойся, опомнись, — сказал Вадим... ты меня еще не знаешь, но я тебе открою мои мысли, разверну всё мое существование, и ты его поймешь. Перед тобой я могу обнажить странную душу мою: ты не слабый челнок, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!.. Помню, как после смерти отца я покидал тебя, ребенка в колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы, — а в моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; — ты протянула ко мне свои ручонки, улыбалась... будто просила о защите... а я не имел своего куска хлеба.

Меня взяли в монастырь, — из сострада-

ния, — кормили, потому что я был не собака, и нельзя было меня утопить; в стенах обители я провел мои лучшие годы; в душных стенах, оглушаемый звоном колоколов, пеньем людей, одетых в черное платье и потому думающих быть ближе к небесам, притесняемый за то, что я обижен природой... что я безобразен. Они заставляли меня благодарить бога за мое безобразие, будто бы он хотел этим средством удалить меня от шумного мира, от грехов... Молиться!.. у меня в сердце были одни проклятия! — часто вечером, когда розовые лучи заходящего солнца играли на главах церкви и медных колоколах, я выходил из святых врат, и с холма, где стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; — она издали была прекрасна. — Облака призывали мое воображение к себе на воздушные крылья, но насмешливый голос шептал мне: ты способен обнять своею мыслию всё сотворенное; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок* и восстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебе знать, что ты можешь это сделать!..

Никто в монастыре не искал моей дружбы, моего сообщества; я был один, всегда один; когда я плакал — смеялись; потому что люди не могут сожалеть о том, что хуже или лучше их; — все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полудобрые существа, глупые от рожденья или от старости, неспособные ни к чему, кроме соблюдения постов... Я желал возненавидеть человечество — и поневоле стал презирать его; душа ссыхалась; ей нужна была свобода, степь, открытое небо... ужасно сидеть в белой клетке из кирпичей и судить о зиме и весне по узкой тропинке, ведущей из келий в церковь; не видать ясное солнце иначе, как сквозь длинное решетчатое окно, и не сметь говорить о том, чего нет в такой-то книге...

Можно придти в отчаянье!

Однажды, Ольга, я заметил безногого нищего, который, не вмешиваясь в споры товарищей, сидел на земле у святых ворот и только постукивал камнем о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. — Я подошел к нему и сказал: «ты очень благоразумен, любезный,

тем, что не мешаешься в их ссору.»

— Я без ног, — отвечал он с недовольным видом; — это меня поразило: я ошибся! — однако продолжал свои вопросы: — что был ты прежде, купец или крестьянин?

— Нищий! — отвечал он; — рожден нищим и умру нищим; только разница в том, что я рожден с ногами, а умру безногий!

— Отчего же?

— Отчего! — тут он призадумался; потом продолжал равнодушно: — я был проводником одного слепого; нас было много; — когда слепой умер, то я стал лишним. Мне переломали руки и ноги, чтоб я не даром кормился, и был полезен; теперь меня возят в тележке — и дают деньги.

— Знал ли ты своих родителей? — спросил я поспешно.

— Как же!

— А кто были они?

— Нищие! — тут он улыбнулся; не знаю, что было в его улыбке, насмешка над судьбой или надо мною, потому что я слушал его с видом полной доверенности.

«Итак есть состояние, в котором безобра-

зие не порок», — подумал я. На другой день бежал из монастыря и сделался нищим.

Вадим остановился.

— Понимаю тебя! — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это знал!.. разве ты не сестра мне? — возразил Вадим.

— Послушай, верно само небо хочет, чтобы мы отомстили за бедного отца; как оно согласило все обстоятельства, как оно привело тебя к цели...

— Небо или ад... а может быть и не они; твердое намерение человека повелевает природе и случаю; — хотя с тех пор как я сделался нищим, какой-то бешеный демон поселился* в меня, но он не имел влияния на поступки мои; он только терзал меня; воскрешая умершие надежды, жажду любви, — он странствовал со мною рядом по берегу мрачной пропасти, показывая мне целый рай в отдалении; но чтоб достигнуть рая, надобно было перешагнуть через бездну. Я не решился; кому завещать свое мщенье? кому его уступить?

Долго я бродил без крова и пристанища, преданный зимним мятелям, как южная пти-

ца, отставшая от подруг своих, долго жить — было целью моей жизни.

Но судьба мне послала человека, который случайно открыл мне, что ты воспитываешься у Палицына, что он богат, доволен, счастлив — это меня взорвало!.. я не хотел чтоб он был счастлив — и не будет отныне; в этот дом я принес с собою моего демона; его дыхание чума для счастливых, чума... сестра, ты мне простишь... о! я преступник... вижу, и тобой завладел этот злой дух, и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее. Ты, земной ангел, без меня не потеряла бы свою беспечность... теперь всё кончено... от моего прикосновения увяли твои надежды... махни рукой твоему спокойствию... цветы не растут посреди бунтующего моря, где есть демон, там нет бога...

— Как! — воскликнула Ольга, — неужели ты раскаиваешься!.. правда, я женщина — но разве всякая женщина променяет печали и беспокойства на блистательный позор... блистательный! — о! быть любовницей старика, злодея моего семейства... ты желал этого, Вадим, не правда ли?

— Нет — я тогда убил бы тебя...

— А теперь, кто мешает?

— Теперь? теперь... — он опустил глаза в землю и замолк; глубокое страданье было видно в следующих словах: — теперь, убить тебя! — теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоих коленях... плакать! о! это величайшее наслажденье для того, чей смех мучительнее всякой пытки!.. нет, я еще не так дурен как ты полагаешь; — человек, для которого видеть тебя есть блаженство, не может быть совершенным злодеем.

— Меня убить значит сделаться моим благодетелем, — отвечала Ольга, улыбаясь после нескольких минут глубокого молчания.

— А кто скажет: он хорошо поступил, когда мое имя сделается на земле проклятием?

— Я удивляюсь тебе, друг мой!..

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обеими руками.

Глава IX

Кто из вас бывал на берегах светлой <Суры>? — кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаньями, богатые природным, собственным блеском! — читатель! не они ли

были свидетелями твоего счастья или кровавой гибели твоих прадедов!.. но нет!.. волна, окропленная слезами твоего восторга или их кровью, теперь далеко в море, странствует без цели и надежды или в минуту гнева расшиблась об утес гранитный! — Она потеряла дорого́й следы страстей человеческих, она смеется над переменами столетий, протекающих над нею безвредно, как женщина над пустыми вздохами глупых любовников; — она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; — сделавшись могилой какого-нибудь несчастного сердца, она не теряет своей прелести, живого, беспокойного своего нрава; и в ее погребальном ропоте больше утешений, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синим, холодным волнам, подвластным одному закону природы, который для нас не годится с тех пор, как мы выдумали свои законы.

Вадим стоял под густою липой, и упоительный запах разливался вокруг его головы, и чувства, окаменевшие от сильного напряжения души, растаяли постепенно, — и отвергнутый людьми, был готов кинуться в

объятия природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, дав ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадим с непонятным спокойствием рассматривал речные травы и густой хмель, который яркими, зелеными кудрями висел с глинистого берега. Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из полосатой пашни: еловые, березовые рощи казались опрокинутыми в воде; и мрачный цвет первых приятно отделялся желтоватой зеленью и белыми корнями последних; летнее солнце с улыбкой золотило эту простую картину.

В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песнью, с рассказами старой няни; Вадим это чувствовал, и память его невольно переселилась в прошедшее, как в дом, который некогда был нашим, и где теперь мы должны пировать под именем гостя; на дне этого удовольствия шевелится неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил* в глубине чистого, прозрачного американского колодца.

Вдруг раздался в отдалении звон дорожно-го колокольчика, приносимый ветром... Вадим вздрогнул, не зная сам тому причины; — он обернулся в ту сторону, где деревянный мост показывался между кустов и где дорога желтея терялась за холмами; — там серая пыль клубилась вслед за простою кибиткой; «Не к нам ли? — подумал Вадим; — но этого не может быть! кому?» —... его тревожил колокольчик, и непонятное предчувствие как свинец упало на его душу. — Он побрел вдоль по реке и старался рассеяться... но не мог: проклятый колокольчик его преследовал...

Что делалось в барском доме? Там также слышали колокольчик, но этот милый звук не произвел никакого неприятного влияния; Наталья Сергевна подбежала к окну, а Борис Петрович, который не говорил с женой со вчерашнего вечера, кинулся к другому. — Они ждали сына в отпуск — верно это он!..

В тот век почты были очень дурны, или лучше сказать они не существовали совсем; родные посылали ходока к детям, посвященным царской службе... но часто они не возвращались, пользуясь свободой; — таким об-

разом однажды мать сосватала невесту для сына, давно убитого на войне. Долго ждала красавица своего суженого; наконец вышла замуж за другого; на первую ночь свадьбы явился призрак первого жениха и лег с ново-брачными в постель; «она моя», говорил он — и слова его были ветер, гуляющий в пустом черепе; он прижал невесту к груди своей — где на месте сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестом и святой водою; и выгнали опоздавшего гостя; и выходя он заплакал, но вместо слез песок посыпался из открытых глаз его. Ровно через сорок дней невеста умерла чахоткою, а супруга ее нигде не могли сыскать.

Таково предание народное; обратимся к повести нашей. Борис Петрович и жена его три года не получали известия от своего Юриньки!.. месяц тому назад он с богомольцем, которого встретил на дороге, прислал письмо, извещающая о скором прибытии... это он !..

Колокольчик звенел всё громче и громче... вот близко, топот, крик ямщика, шум колес... кибитка въехала в ворота... вся дворня стол-

пилаась... это он... в военном мундире... выско-
чил, — и кинулся на шею матери... отец стоял
поодаль и плакал... это был их единственный
сын!

Впротчем, такие вещи не описываются...

Вечером Вадим возвратился в дом... уви-
дал кибитку, поймал некоторые отрывистые
речи... И догадался; — с досадой смотрел он на
веселую толпу и думал о будущем, рассчиты-
вал дни, сквозь зубы бормотал какие-то упре-
ки... и потом, обратившись к дому... сказал:
так точно! слух этот не лжив... через несколь-
ко недель здесь будет кровь, и больше; поче-
му они не заплотят за долголетнее веселье од-
ним днем страдания, когда другие, после бес-
численных мук, не получают ни одной мину-
ты счастья!.. для чего *они* любимцы неба, а не
я! — о, создатель, если б ты меня любил — как
сына, — нет, — как приемыша... половина мо-
ей благодарности перевесила бы все их мо-
литвы... — но ты меня проклял в час рожде-
ния... и я проклянута твое владычество, в час
моей кончины...

Неподвижен стоял Вадим возле рогожной
кибитки; толпа пестрела кругом; старухи, де-

ти, всё теснилось, кричало, смеялось.

— Куда какой красавчик молодой наш барин, — воскликнул кто-то... — Вадим покраснел... и с этой минуты имя Юрия Палицына стало ему ненавистным...

Что делать! он не мог вырваться из демонской своей стихии.

Глава X

Смерклось; подали свеч; поставили на стол разные закуски и медный самовар; Борис Петрович был в восхищении, жена его не знала, как угостить милого приезжего; дверь в гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу света в соседнюю комнату, где по стенам чернели высокие шкафы, наполненные домашней посудой; в этой комнате, у дверей, на цыпочках стояла Ольга и смотрела на Юрия, и больше нежели пустое любопытство понудило ее к этому... Юрий был так хорош!.. — именно таковые лица нравятся женщинам: что-то доброе и вместе буйное, пылкость без упрямства, веселость без насмешки; — он не был напудрен по обычаю того века; длинные русые волосы вились вокруг шеи; и голубые глаза не отражали свет,

но, казалось, изливали его на всё, что им встречалось.

Он говорил о столице, о великой Екатерине, которую народ называл матушкой и которая каждому гвардейскому солдату позволяла целовать свою руку... он говорил об ней, и щеки его горели; и голос его возвышался невольно. — Потом он рассказывал о городских весельствах, о красавицах, разряженных в дымные кружева и волнистые, бархатные платья...

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее; «если б обо мне так говорили, если б и на мне блистали кружева и дорогие камни... о я была бы счастливей!..» — всякой 18-тилетней девушке на ее месте эти мысли пришли бы в голову. Наряды необходимы счастью женщины как цветы весне.

И Ольга боялась, чтоб он не обернулся к дверям и не заметил ее любопытства; маленькая гордость дышала в этом опасении...

Однако ж как уйти?.. Юрий говорит так приятно. — В звуках его голоса так ясно выражались благородные чувства, — что если б даже невозможно было разобрать слов его —

то — ей казалось... она поняла бы смысл разговора!..

Нельзя сомневаться, что есть люди, имеющие этот дар, но им воспользоваться может только существо избранное, существо, которого душа создана по образцу их души, которого судьба должна зависеть от их судьбы... и тогда эти два созданыя, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою участь в голосе друг друга; в глазах, в улыбке... и не могут обмануться... и горе им, если они не вполне доверятся этому святому таинственному влечению... оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ничтожных, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двигалось — что такое были бы все цели, все труды человечества без любви? И разве нет иногда этого всемогущего сочувствия между народом и царем? Возьмите Наполеона и его войско! — долго ли они прожили друг без друга?

О, как Ольга была прекрасна в эту первую минуту самопознания, сколько жизни, невинной, обещающей жизни, было в стесненном дыханьи этой полной груди; где билось серд-

це, обещанное мукам и созданное для райского блаженства...

Надобно было камню упасть в гладкий источник.

Она обернулась...

Полоса яркого света, прокрадываясь в эту комнату, упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой, — всё кругом покрывала темнота, но этого было ей довольно, чтобы тотчас узнать брата... на синих его губах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и как нарочно они одни были освещены...

Он приблизился: от него веяло холодом.

— Поздравляю, Ольга...

— С чем?

— Не правда ли... как хорош собою молодой твой господин!..

— И твой! — обидевшись возразила Ольга...

— Нимало... я добровольно стал слугою... я не обязан им сохранением жизни, воспитанием... но ты!.. о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянец...

Она вздохнула...

— И эта прекрасная голова упадет под ру-

кою казни... — продолжал шопотом Вадим... — эти мягкие, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишком ли ты поторопилась... о мой отец! мой отец!.. скоро настанет минута, когда беспокойный дух твой, плавая над их телами, благословит детей твоих, — скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твое восхищение! — холодно возразил ей брат; — скоро! мы довольно ждали... но зато не напрасно!.. Бог потрясает целый народ для нашего мщенья; я тебе расскажу... слушай и благодари: на Дону родился дерзкий безумец, который выдает себя за государя... народ, радуясь тому, что их государь носит бороду, говорит как мужик, обратился к нему... дворяне гибнут, надобно же игрушку для народа... без этого и праздник не праздник!.. вино без крови для них стало слабо. Ты дрожишь от радости, Ольга...

Она молча поникла головою и удалилась. У нее в сердце уж не было мщенья; — теперь, теперь вполне постигла она весь ужас обещанья своего; хотела молиться... ни одна молит-

ва не предстала ей ангелом утешителем: каждая сделалась укоризною, звуком напрасного раскаянья... «какой красавец сын моего злодея», — думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей с разных сторон, под разными видами: она не могла прогнать других, только покрыла их полусветлой пеленою, — но пропасть, одетая утренним туманом, хотя не так черна, зато кажется вдвое обширнее бедному путнику.

Между тем Вадим остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взор на семейственную картину, оживленную радостью свидания... и в его душе была радость, но это был огонь пожара возле тихого луча месяца.

Долго стоял он тут и любовался красотой молодого Палицына — и так забылся, что не слышал, как Борис Петрович в первый раз закричал: «эй, малой... Вадимка!» — опомнясь, он взошел; — с сожалением посмотрел на него Юрий, но Вадим не смел поднять на него глаз, боясь, чтобы в них не изобразились слишком явно его чувства...

— Как тебе нравится мой горбач!.. — сказал Борис Петрович, — преуморительный...

— Каждый человек, батюшка, — отвечал Юрий, — имеет недостатки... он не виноват, что изувечен природой!..

— Если ты будешь хорошо мне служить, — продолжал он, обратясь к мрачному Вадиму, — то будь уверен в моей милости!.. теперь ступай...

— Пошел вон, — воскликнул отец, потому что Вадим не трогался с места: он был смущен добротою юноши, благосклонным выражением лица его; — и зависть возвратилась в его душу только тогда, как он подошел к дверям, но возвратилась, усиленная мгновенным отсутствием.

Перешагнув через порог, он заметил на стене свою безобразную тень; мучительное чувство... как бешеный он выбежал из дома и пустился в поле; поутру явился он на дворе, таща за собою огромного волка... блуждая по лесам, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой... вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивиться его отважности... Наконец и он насладился минутой торжества! — «Ты будешь моим стремянным!» — сказал Бо-

рис Петрович.

Глава XI

Борис Петрович отправился в отъезжее поле, с новым своим стремянным и большою свитою, состоящей из собак и слуг низшего разряда; даже в старости Палицын любил охоту страстно и спешил, когда только мог, углубляться в непроходимые леса, жилища медведей, которые были его главными врагами.

Что делать Юрию? — в деревне, в глуши? — следовать ли за отцом! — нет, он не находит удовольствия в войне с животными; — он остался дома, бродит по комнатам, ищет рассеянья, обрывает клочки раскрашенных обоев; чудные занятия для души и тела; — но что-то мелькнуло за углом... женское платье; — он идет в ту сторону, и вступает в небольшую комнату, освещенную полуденным солнцем; ее воздух имел в себе что-то особенное, роскошное; он, казалось, был оживлен присутствием юной пламенной девушки.

Кто часто бывал в комнате женщины, им любимой, тот верно поймет меня... он испы-

тал влияние этого очарованного воздуха, который породнился с божеством его, который каждую ночь принимает в себя дыхание свежей девственной груди — этот уголок, украшенный одной постелью, не променял бы он за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга! — сказал засмеявшись молодой Палицын. — Вообрази, я думал, что гонюсь за тенью, — и как обманут!..

— Вас огорчает эта ошибка? — о, если так, я могу вас утешить, стану с вами говорить как тень, то есть очень мало... и потом...

— Ради бога, — не мало, любезная Ольга! — я готов тебя слушать целый день; не можешь вообразить, какая тоска завладела мной; брожу везде... не с кем слова молвить... матушка хозяйничает, — ... ради неба, говори, говори мне... брани меня... только не избегай!..

— Как скоро вы забыли московских красавиц; думайте об них, это вас займет.

— Думать об них — и говорить с тобою? Ольга, это нейдет вместе!..

— А что я могу сказать вам, степная, простая девушка? — что я видела, что слышала? — я не хочу быть вашим лекарством от

скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень неприятно.

— Ты не в духе сегодня, — воскликнул Юрий, взяв ее за руку и принудив сесть. — Ты сердишься на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидел, скажи мне; клянусь честью, этому человеку худо будет...

— Не надо мне вашей защиты, вашего мщения... оставьте мою руку!.. вы хотите забавляться? привозите других, более покорных, чем я, более способных настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мне грустно, скучно... — да сверх того я не раба ваша... и так...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... о! прости мне; разве мое поведение обнаружило такие мысли? разве я поступал с Ольгой как с рабой? — ты бедна, сирота, — но умна, прекрасна; — в моих словах нет лести; они идут прямо от души; чуждые лукавства мои мысли открыты перед тобою; — ты себе же повредишь, если захочешь убежать моего разговора, моего присутствия; тогда-то я тебя не оставлю в покое; — сжался... я здесь один среди получеловеков, и вдруг в пустыне явил-

ся мне ангел, и хочет, чтоб я к нему не приближался, не смотрел на него, не внимал ему? — боже мой! — в минуту огненной жажды видеть перед собою благотворную влагу, которая, приближаясь к губам, засыхает.

— Прекрасны ваши слова, Юрий Борисович, я не спорю, всё это очень ново для меня... со всем тем я прошу вас оставить девушку, несчастную с самой колыбели, и потому нимало не расположенную забавлять вас... поверьте слову: гибель вокруг меня...

— Сто раз готов я погибнуть у ног твоих!..

— Вы меня не поняли.... я кажусь вам странною теперь, — быть может... но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы!.. — с насмешливым видом воскликнула Ольга.

— Не сердись!.. возразил Юрий; и улыбаясь он склонился к ней; потом взял в руки ее длинную темную косу, упавшую на левое плечо, и прижал ее к губам своим; холод пробежал по его членам, как от прикосновения могучего талисмана; он взглянул на нее пристально, и на этот раз удивительная решимость блистала в его взоре; она не смути-

лась — но испугалась.

— Перестаньте, — сказала Ольга с важностью, — мне надо быть одной.

Напрасно он старался угадать в глазах ее намеренье кокетки — помучить; ему не удалось!..

— Ты довольна будешь мною! — сказал он, медленно выходя из комнаты.

Такие разговоры, занимательные только для них, повторялись довольно часто и содержание и заключение почти всегда было одно и то же; и если б они читали эти разговоры в каком-нибудь романе 19-го века, то заснули бы от скуки, но в блаженном 18 и в год, описываемый мною, каждая жизнь была роман; теперь жизнь молодых людей более мысль, чем действие; героев нет, а наблюдателей чересчур много, и они похожи на сладострастного старика, который, вспоминая прежние шалости и присутствуя на буйных пирах, хочет пробудить погаснувшие силы. Этот галванизм кидает величайший стыд на человечество; — оно приближилось к кончине своей; пускай... но зачем прикрывать седины детскими гремушками? — зачем привскакивать

на смертном одре, чтобы упасть и скончаться <на> полу?

Но возвратимся к нашей повести и поторопимся окончить главу.

Ольга старанием утаить свою любовь еще больше ее обнаруживала; Юрий был опытен, часто любил, чаще был любим, и выучен привычкой читал в ее глазах больше, чем она осмеливалась читать в собственной душе. — Она думала об нем и боялась думать о любви своей; ужас обнимал ее сердце, когда она осмеливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображению Ольги; таков был ужас Макбета, когда готовый сесть на королевский престол, при шумных звуках пира, он увидел на нем окровавленную тень Банкуо... но этот ужас не уменьшил его честолюбия, которое превратилось в болезненный бред; то же самое случилось с любовью Ольги.

Юрий не мог любить так нежно, как она; он всё перечувствовал, и прелесть новизны не украшала его страсти; но в книге судьбы его было написано, что волшебная цепь скует

до гроба его существование с участью этой женщины.

Когда он не был с нею вместе, то скука и спокойствие не оставляли его; — но приближаясь к ней, он вступал в очарованный круг, где не узнавал себя, и благословлял свой плен, и верил, что никогда не любил сильнее теперешнего, что до сих пор не понимал определения красоты; — пожалейте об нем.

Глава XII

Таинственные ответы Ольги, иногда ее притворная холодность всё более и более воспаляли Юрия; он приписывал такое поведение то гордости, то лукавству; но чаще, по недоверчивости, свойственной всем почти любовникам, сомневался в ее любви... однажды после долгой душевной борьбы он решился вытребовать у нее полного признанья... или получить совершенный отказ!

— Какое ребячество! — скажете вы; но в том-то и прелесть любви; она превращает нас в детей, дарит золотые сны как игрушки; и разбивать эти игрушки в минуту досады доставляет немало удовольствия; особенно когда мы надеемся получить другие.

С мрачным лицом он вошел в комнату Ольги; молча сел возле нее и взял ее за руку. Она не противилась; не отвела глаз от шитья своего, не покраснела... не вздрогнула; она всё обдумала, всё... и не нашла спасения; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее черным покрывалом и решилась любить... потому что не могла решиться на другое.

— Ольга! — сказал Юрий неверным голосом; — я люблю тебя.

— Знаю, — отвечала она.

— Знаю, знаю! — только-то! и я больше от тебя не услышу!

— Чего же вам больше!.. я слушаю, молчу...

— О, разумеется, этого слишком много! — я недостоин даже приблизиться к тебе... я бы должен был любоваться тобою как солнцем и звездами; ты прекрасна! кто спорит, но разве это дает право не иметь сердца?

— Я у бога ни того, ни другого не просила... если мое обращение вам не нравится, то оставьте меня; мы дурно сделали, что узнали друг друга; но всё на свете может поправиться...

— Как легко, сделав человека несчастным, сказать ему: будь счастлив! — всё на свете может поправиться!.. Ольга, слушай, в последний раз говорю тебе; я люблю больше, чем ты можешь вообразить; это огонь... огонь... о, пойми меня... у меня нет слов... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то всё остальное напрасно... отвечай: чего ты от меня требуешь? каких жертв?..

— Забыть меня! — воскликнула Ольга с удивительною твердостью.

— Нет! никогда... я совершу невозможное, чтоб обладать тобою, — но забыть... нет власти...

Он замолчал; ходил взад и вперед по комнате, потом остановился у окна, закрыл лицо руками. Так прошло несколько минут. Наконец он обернулся и сказал:

— Я ошибался, признаюсь в том откровенно — я ошибался... ах! это была минута, но райская минута, это был сон — но сон божественный; теперь, теперь всё прошло... уничтожаю навеки все ложные надежды, уничтожаю одним дуновением все картины воображения моего; — прочь от меня вера в любовь

и счастье; Ольга, прощай. Ты меня обманывала — обман всегда обман; не всё ли равно, глаза или язык? чего желала ты? не знаю... может быть... о, возьми мое презрение себе в наследство... я умер для тебя.

И он сделал шаг, чтоб выйти, кидая на нее взор, свинцовый, отчаянный взор, один из тех, перед которыми, кажется, стены должны бы были рушиться; горькое негодование дышало в последних словах Юрия; она не могла вынести более, вскочила и рыдая упала к его ногам. В восторге поднял он ее, прижал к груди своей и долго не мог выговорить двух слов; против его сердца билось другое, нежное, молодое, любящее со всем усердием первой любви. Они сели, смотрели в глаза друг другу, не плакали, не улыбались, не говорили, — это был хаос всех чувств земных и небесных, вихорь, упоение неопределенное, какое не всякий испытал, и никто изъяснить не может. Неконченные речи в беспорядке отрывались от их трепещущих губ, и каждое слово стоило поэмы... — само по себе незначащее, но одушевленное звуком голоса, невольным телодвижением — каждое слово было

целое блаженство!

— Я любим, любим, любим, — говорил Юрий... — я буду повторять это слово так громко, так часто, что ангелы услышат — и позавидуют...

— Пускай же ангелы — только не люди!..

— Отчего же, мой ангел!..

— Тогда, может быть, они тебя отнимут у бедной Ольги...

— Ты прекрасна! — что за пустой страх?.. ты моя — моя...

— Не раба! надеюсь!

— Больше, сокровище!

— О мой милый... целуй, целуй меня... я не хочу быть сокровищем скупого... — пускай мне угрожают адские муки... надобно же заплатить судьбе... я счастлива! — не правда ли?

— Ты счастлива! — позволь мне обнять тебя — крепче, крепче...

— Почему же нет! отдав тебе душу, могу ли отказать в чем-нибудь.

— Эти волосы... прочь их! — вот так... чтоб твой поцелуй и мой слились в один...

— Боже, боже... теперь умереть... о! зачем

не теперь?

Глава XIII

— Друг мой, Ольга, есть бог на небесах, — есть на земле счастье...

— Дай бог тебе счастье, если ты веришь им обоим! — отвечала она, и рука ее играла густыми кудрями беспечного юноши; их лодка скользила неприметно вдоль по реке, оставляя белый змеистый след за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обеим сторонам их лодки; они оба сидели рядом, и по веслу было в руке каждого; студеная влага с легким шумом всплескивала, порою озаряясь фосфорическим блеском; и потом уступала, оставляя быстрые круги, которые постепенно исчезали в темноте; — на западе была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, как алмаз, отделялась на синем своде, и свежая роса уж падала на опустелый берег <Суры>; — мирные плователи, посреди усыпленной природы, не думая о будущем, шутили меж собою; иногда Юрий каким-нибудь движением заставлял колебаться лодку, чтоб рассердить, испугать свою подругу; но она умела ото-

мстить за это невинное коварство; неприметно гребла в противную сторону, так что все его усилия делались тщетны, и челнок останавливался, вертелся... смех, ласки, детские опасения, всё так отзывалось чистотой души, что если б демон захотел искушать их, то не выбрал бы эту минуту; — Ольга не считала свою любовь преступлением; она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близок ужасный, кровавый день... и... небо должно было заплатить ей за будущее — в настоящем; она имела сильную душу, которая не заботилась о неизбежном, и по крайней мере хотела жить — пока жизнь светла; как она благодарила судьбу за то, что брат ее был далеко; один взор этого непонятного, грозного существа оледенил бы все ее блаженство; — где взял он эту власть?..

— Будет ли конец нашей любви! — сказал Юрий, перестав грести и положив к ней на плечо голову; — нет, нет!.. — она продолжится в вечность, она переживет нашу земную жизнь, и если б наши души не были бессмертны, то она сделала бы их бессмертными; — клянусь тебе, ты одна заменишь мне

все другие воспоминанья — дай руку... эта
милая рука; — она так бела, что светит в тем-
ноте... смотри, береги же мой перстень, Оль-
га! — ты не слушаешь? не веришь моим клят-
вам?

Вместо ответа она запела вполголоса сле-
дующую песню:

Воеет ветер,
Светит месяц:
Девушка плачет —
Милый в чужбину скачет;
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут:
Месяц погаснет,
Милый изменит!*

— Прочь эту песню, — воскликнул
Юрий, — кто тебя ее выучил.

— Никто, сама.

— Не верю. — Разве ты во мне сомневаешь-
ся!..

— Нет; — однако ты слишком обещаешь —
мы скоро расстанемся... а там —... там...

— О, если только это пугает тебя, то знай...
я скоро не поеду... я пробуду здесь еще три ме-
сяца...

— Три месяца! боже! — она содрогнулась; — ее сердце облилось холодом.

— А потом, — сказал Юрий, стараясь ее утешить, и не понимая значения этого: боже! — потом съезжу в полк, возьму отставку, и возвращусь опять к тебе... тогда ты будешь моею, вопреки всем ничтожным предрассудкам. — Если даже мой отец захочет разлучить нас, если... о — нет! — он дал мне жизнь, а ты меня даришь миллионом жизней в каждой улыбке...

— Три месяца, три месяца, — и несколько дней, — повторяла не слушая Ольга... ее ум остановился на этой пагубной неизменной мысли.

Они причалили к берегу... уж было очень темно; деревенская церковь с своей странной колокольней рисовалась на полусветлом небосклоне запада, подобно тени великана; и попеременно озаряемые окна дома одни были видны сквозь редкий ветельник.

Они шли под руку; молча, — вдоль по узкой тропинке и, поровнявшись с разрушенной баней, вдруг услышали грубые голоса; — «посмотрим, что такое», — шепнул Юрий. Она

машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросил первый голос.

— На-днях; уж в округе начинается кутерьма. Да будет ли у вас готово, — сказал другой.

— Всё будет — уж это наше дело... одни только не смеем; и до вашего прихода будем молчать... воля твоя.

— Ну пожалуй.

— Да правда ли, что будут соль и хлеб давать даром...

— Не ведаю — только будет больно хорошо... а вино будет даром, из барских погребов... — тут несколько слов Юрий не расслушал.

— Да Вадим был у нас, — сказал первый голос...

При этом имени Ольга с необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты? — сказал он с удивлением: — что с тобою?...

— Скорей! скорей! — больше она не могла выговорить.

— Это должны быть воры! подумал Юрий и перестал дивиться ее испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немед-

ленно в свою комнату и заперлась.

Наталья Сергевна встретила сына и с улыбкой намекнула о его ночной прогулке; что за радость этой доброй женщине; теперь муж ее верно не решится погрешить против сына и жены в одно время; — «впрочем, — думала она, — молодым людям простительно шалить; а как седому старику таким вещам придти в голову, — знает царь небесный!..»

— Мы поедем завтра в монастырь, Юрьюшка, — сказала она вошедшему сыну; — Борис Петрович еще долго пропорскает... куда я рада, что ты не в него!..

И точно; предпочитая своей Наталье Сергевне медведей и собак — почтенный помещик не слишком льстил ее самолюбию, хотя у женщин 18 столетия оно не было так взыскательно, как у наших столичных красавиц.

Но век иной, иные нравы!*

Глава XIV

В 8 верстах от деревни Палицына, у глубокого оврага, размытого дождями, окруженная лесом, была деревушка, бедная и мирная; построенная на холме, она господствовала, так сказать, над окрестностями; ее серый дым

был виден издалека, и солнце утра золотило ее соломенные крыши, прежде нежели верхи многих лип и дубов. Здесь отдыхал в полдень Борис Петрович с толпою собак, лошадей и слуг; травля была неудачная, две лисы ушли от борзых и один волк отбился; в тороках у стремянного висело только два зайца... и три гончие собаки еще не возвращались из лесу на звук рогов и протяжный крик ловчего, который, лишив себя обеда из усердия, трусил по островам с тщетными надеждами, — Борис Петрович с горя побил двух охотников, выпил полграфина водки и лег спать в избе; — на дворе всё было живо и беспокойно: собаки, разделенные по сворам, лакали в длинных корытах, — лошади валялись на соломе, а бедные всадники поминутно находились принужденными оставлять котел с кашей, чтоб нагайками подымать их. День был ясен и свеж; северный ветер гнал отрывистые тучки по голубым сводам неба, и вершины лесов шумели, подобно водопаду, качаясь взад и вперед.

Между тем слуги, расположась под навесом, шопотом сообщали друг другу разные из-

вестия о самозванце, о близких бунтах, о казни многих дворян — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшие жить в поле, гоняться за зверьми и неспособные к мирным чувствам, к сожалению и большой приверженности; вино, буйство, охота — их единственные занятия, не могли внушить им много набожных мыслей; и если между ними и был один верный, честный слуга, то из осторожности молчал или удалялся. Однажды шли как-то эти слухи до Бориса Петровича: «вздор, — сказал он, — как это может быть?..» Такая беспечность погубила многих наших прадедов; они не могли вообразить, что народ осмелится требовать их крови: так они привыкли к русскому послушанию и верности!

— Ты помнишь, недавно, когда барин тебя посылал на три дни в город, — здесь нам рассказывали, что какой-то удалец, которого казаки величают Красной шапкой, всё ставит вверх дном, что он кум сатане и сват дьяволу, ха-ха-ха! — что будто сам батюшка хотел с ним посоветаться! Видно хват, — так говорил Вадиму старый ловчий по прозванию Атуев,

закручивая длинные рыжие усы.

— Я его знаю, — отвечал Вадим с улыбкой, — и вы его скоро увидите! В этих словах было столько уверенности, только убедительной твердости, что поневоле старый ловчий вздрогнул. «Ты чорт или Гуммель*», — сказал Фильд*, когда в первый раз услышал этого славного артиста; Атуев не сказал, но подумал почти то же самое.

— Когда! — воскликнули многие; и между тем глаза их недоверчиво устремлены были на горбача, который, с минуту помолчав, встал, оседлал свою лошадь, надел рог, — и выехал со двора.

Удивленная толпа смотрела ему вслед, и по частому топоту они догадались, что Вадим пустился вскачь.

Куда? зачем? — если б рассказывать все их мнения, то мне был бы нужен талант Вальтер-Скотта и терпение его читателей.

Густым лесом ехал Вадим; направо и налево расстилались кусты ореховые и кленовые, меж ними возвышались иногда высокие полусухие дубы, с змеистыми сучьями, странные, темные — и в отдалении синели холмы,

усыпанные сверху до низу лесом, пересекаемые оврагами, где покрытые мохом болота обманчивой, яркой зеленью манили неосторожного путника. Вадим ехал скоро и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце; вдруг звучная, вольная песня привлекла его внимание; он остановился; прислушался... песня была дика и годилась для шума листьев и ветра пустыни; вот она:

*Моя мать родная**
Кручинушка злая;
Мой отец родной
Назывался судьбой.
Мои братья хоть люди
Не хотят к этой груди
Прижаться,
Им стыдно со мною,
С бедной сиротою,
Обняться.
Но мне богом дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизменная;
С ней нашлись другие у меня

*Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое,
А братья мои в лесах
Березы да сосны;
Скачу ли я на коне,
Степь отвечает мне,
Брожу ли поздней порой,
Небо светит луной;
Мои братья в жаркий день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами,
А вольность мне гнездо свила
Как мир необъятное!*

Так пел казак, шагом выезжая на гору по узкой дороге, беззаботно бросив поводя и сложа руки. Конь привычный не требовал по-нуждения; и молодой казак на свободе преда-вался мечтам своим. Его голос был чист и по-лон, его сердце казалось таким же.

Не песня, но вид казака сильно подейство-вал на Вадима; он ударил себя в лоб рукой, как обыкновенно делают, когда является неожиданная мысль.

— Стой, — сказал он, устремив мрачный

взор на подъехавшего казака; не знаю, что больше подействовало на последнего, голос или взор? но казак остановился и хотел ухватиться за саблю.

— Не нужно! — продолжал Вадим: — поезжай скажи Белбородке*, что послезавтра я его жду к себе в гости; — нынешнюю весну Палицын поставил на дворе новые качели... к двум веревкам не долго прибавить третью... итак послезавтра... скажи, что Красная шапка ему кланяется. — Ступай.

При имени Красной шапки казак почти-тельно съехал с дороги и дал место Вадиму, который гордо и вместе ласково кивнул головой, ударил нагайкой лошадь... и ускакал.

Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную, мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертью!.. одним словом, Вадим убил семейство! и что же он такое? — вчера нищий, сегодня раб, а завтра бунтовщик незаметный в пьяной, окровавленной толпе! — Не сам ли он создал свое могущество? какая слава, если б он избрал другое поприще, если б то, что сделал для своей личной мести, если б это терпение, геройское

терпение, эту скорость мысли, эту решительность обратил в пользу какого-нибудь народа, угнетенного чуждым завоевателем... какая слава! если б, например, он родился в Греции, когда турки угнетали потомков Леонида... а теперь?.. имея в виду одну цель — смерть трех человек, из коих один только виновен, теперь он со всем своим гением должен потонуть в пучине неизвестности... ужели он родился только для их казни!.. разобрав эти мысли, он так мал сделался в собственных глазах, что готов был бы в один миг уничтожить плоды многих лет; и презрение к самому себе, горькое презрение обвилось как змея вокруг его сердца и вокруг вселенной, потому что для Вадима всё заключалось в его сердце!

Теряясь в таких мыслях, он сбился с дороги и (был ли то случай) неприметно подъехал к тому самому монастырю, где в первый раз, прикрытый нищенским рубищем, пламенный обожатель собственной страсти, он предложил свои услуги Борису Петровичу... о, тот вечер неизгладимо остался в его памяти, со всеми своими красками земными и небесными, как пестрый мотылек, утонувший в янта-

ре. И теперь опять он здесь, теперь, когда, видя близкий конец своего ужасного предприятия, он едва может перенести тягость одной насмешки самолюбия. Спрашиваю: случай ли привел его сюда!..

Звонили ко всенощной, и протяжный дрожащий вой колокола раздавался в окрестности; солнце было низко, и одна половина стены ярко озарялась розовым блеском заката; народ из соседних деревень, в нарядных одеждах, толпился у святых врат, и Вадим издали узнал длинные дроги Палицына, покрытые узорчатым ковром. Кто же здесь? верно Наталья Сергевна; он привязал свою лошадь к толстой березе и пошел в монастырь; — сердце его билось болезненным ожиданием, но скоро перестало — один любопытный взгляд толпы, одно насмешливое слово! и человек делается снова демон!..

Тихо Вадим приближался к церкви; сквозь длинные окна сияли многочисленные свечи и на тусклых стеклах мелькали колеблющиеся тени богомольцев; но во дворе монастырском всё было тихо; в тени, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, беле-

ли памятники усопших с надписями и крестами; свежая роса упала на них, и вечерние мошки жужжали кругом; у колодца стоял павлин, распуша радужный хвост, неподвижен, как новый памятник; не знаю, с какой целью, но эта птица находится почти во всех монастырях!

По обеим сторонам крыльца церковного сидели нищие, прежние его товарищи... они его не узнали или не смели узнать... но Вадим почувствовал неизъяснимое сострадание к этим существам, которые, подобно червям, ползают у ног богатства, которые, без родных и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять в чувствительности проходящих!.. но люди ко всему привыкают, и если подумаешь, то ужаснешься; как знать? может быть чувства святейшие одна привычка, и если б зло было так же редко как добро, а последнее — наоборот, то наши преступления считались бы величайшими подвигами добродетели человеческой!

Вадим, сказал я, почувствовал сострадание к нищим, и остановился, чтобы дать им что-нибудь; вынув несколько грошей, он каждо-

му бросал по одному; они благодарили нараспев, давно затверженными словами и даже не подняв глаз, чтобы рассмотреть подателя милостыни... это равнодушие напомнило Вадиму, где он и с кем; он хотел идти далее; но костистая рука вдруг остановила его за плечо; — «постой, постой, кормилец!» пропищал хриплый женский голос сзади его, и рука нищенки всё крепче сжимала свою добычу; он обернулся — и отвратительное зрелище представилось его глазам: старушка, низенькая, сухая, с большим брюхом, так сказать, повисла на нем: ее засученные рукава обнажали две руки, похожие на грабли, и полусиний сарафан, составленный из тысячи гадких лохмотьев, висел криво и косо на этом подвижном скелете; выражение ее лица поражало ум какой-то неизъяснимой низостью, какой-то гнилостью, свойственной мертвецам, долго стоявшим на воздухе; вздернутый нос, огромный рот, из которого вырывался голос резкий и странный, еще ничего не значили в сравнении с глазами нищенки! вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами; ни ресниц,

ни бровей!.. и при всем этом взгляд, тяготеющий на поверхности души; производящий во всех чувствах болезненное сжимание!.. Вадим не был суевер, но волосы у него встали дыбом. Он в один миг прочел в ее чертах целую повесть разврата и преступлений, — но не встретил ничего похожего на раскаянье; не мудрено, если он отгадал правду: есть существа, которые на высшей степени несчастья так умеют обрубить, обточить свою бедственную душу, что она теряет все способности кроме первой и последней: жить!

— Ты позабыл меня, дорогой, позабыл — дай копеечку, — не для бога, для чорта... дай копеечку... али позабыл меня! не гордись, что ты холоп барской... чай недавно валялся вместе...

Вадим вырвался из ее рук.

— Проклят! проклят, проклят! — кричала в бешенстве старуха: — чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтоб вороны глаза проклевали, — чтоб тебе ходить, спотыкаться, пить, захлебнуться... — горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!..

И снова она уцепилась за полу Вадима; он

обернулся и с досады так сильно толкнул ее в грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ее стукнула как что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мере Вадим не слышал, потому что он поспешно вошел в церковь, где толпа слушала с благоговением всеобщую. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! и они, крестясь и кланяясь в землю, поталкивали друг друга, если замечали возле себя дворянина, и готовы были растерзать его на месте; — но еще не смели; еще ни один казак не привозил кровавых приказаний в окружные деревни.

Вадим продрался сквозь толпу до самого клироса и, став на амвон, окинул взором всю церковь. Прямой, высокий, вызолоченный иконостас был уставлен образами в 5 рядов, а огромные паникадила, висящие среди церкви, бросали сквозь дым ладана таинственные лучи на блестящую резьбу и усыпанные жемчугом оклады; задняя часть храма была в глубокой темноте; одна лампада, как запоздалая звезда, не могла рассеять вокруг тяготеющие тени; у стены едва можно было различить

бледное лицо старого схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если б голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и клобук увеличивали его бледность. и руки, сложенные на груди крестом, подобились тем двум костям, которые обыкновенно рисуются под адамовой головой

Поближе, между столбами, и против царских дверей пестрела толпа. Перед Вадимом было волнующееся море голов, и он с возвышения свободно мог рассматривать каждую; тут мелькали уродливые лица, как странные китайские тени, которые поражали слиянием скотского с человеческим, уродливые черты, которых отвратительность определить невозможно было, но при взгляде на них рождались горькие мысли; тут являлись старые головы, исчерченные морщинами, красные, хранящие столько смешанных следов страстей унижительных и благородных, что сообразить их было бы трудней, чем исчислить; и между ними кое-где сиял молодой взор, и показывались щеки, полные, раскрашенные здоровьем, как цветы между серыми камнями

ми.

Имея эту картину пред глазами, вы без труда могли бы разобрать каждую часть ее; но целое произвело бы на вас впечатление смутное, неизъяснимое; и после, вспоминая, вы не сумели бы ясно представить себе ни одного из тех образов, которые поразили ваше воображение, подали вам какую-нибудь новую мысль и, оставив ее, сами потонули в тумане.

Вадим для рассеянья старался угадывать внутреннее состояние каждого богомольца по его наружности, но ему не удалось; он потерял принятый порядок, и скоро всё слилось перед его глазами в пестрое собрание лохмотьев, в кучу носов, глаз, бород; и озаренные общим светом, они, казалось, принадлежали одному, живому, вечно движущемуся существу; — одним словом, это была — толпа: нечто смешное и вместе жалкое!

Бродячий взгляд Вадима искал где-нибудь остановиться, но картина была слишком разнообразна, и к тому же все мысли его, сосредоточенные на один предмет, не отражали впечатлений внешних; одно мучитель-

но-сладкое чувство ненависти, достигнув высшей своей степени, загородило весь мир, и душа поневоле смотрела сквозь этот черный занавес.

Направо, между царскими и боковыми дверьми, был нерукотворенный образ спасителя, удивительной величины; позолоченный оклад, искусно выделанный, сиял как жар, и множество свечей, расставленных на висящем паникадиле, кидали красноватые лучи на возвышающиеся части мелкой резьбы, или на круглые складки одежды; перед самым образом стояла железная кружка, — это была милость у ног спасителя, — и над ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: *приидите ко мне вси труждающиеся и азупокою вы!*

Многие приближались к образу и, приложившись после земляного поклона, кидали в кружку медные деньги, которые, упавая, отдавали глухой звук.

Раз госпожа и крестьянка с грудным младенцем на руках подошли вместе; но первая с надменным видом оттолкнула последнюю и ушибенный ребенок громко закричал; — «не

мудрено, что завтра, — подумал Вадим, — эта богатая женщина будет издыхать на виселице, тогда как бедная, хлопая в ладоши, станет указывать на нее детям своим»; — и отвернувшись он хотел идти прочь.

Но третья женщина приблизилась к святой иконе, — и — он знал эту женщину!..

Ее кровь — была его кровь, ее жизнь — была ему в тысячу раз дороже собственной жизни, но ее счастье — не было его счастьем; потому что она любила другого, прекрасного юношу; а он, безобразный, хромой, горбатый, не умел заслужить даже братской нежности; он, который любил ее одну в целом божьем мире, ее одну, — который за первое непридуманное, искреннее: люблю — с восторгом бросил бы к ее ногам всё, что имел, свое сокровище, свой кумир — свою ненависть!.. Теперь было поздно.

Он знал, твердо был уверен, что ее сердце отдано... и навеки... И так она для него погибла... и со всем тем, чем более страдал, тем меньше мог расстаться с своей любовью... потому что эта любовь была последняя божественная часть его души и, угасив ее, он не

мог бы остаться человеком.

Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна; она была одета в черную бархатную шубейку, как в тот роковой вечер, когда Вадим ей открыл свою тайну; большие глаза ее были устремлены на лик спасителя, это была ее единственная молитва, и если б бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнела от девственного дыханья.

И когда Ольга вторично подняла взор, то в нем заметна была перемена, довольно странная; удивительный блеск заменил прежнюю томность; это были слезы... одна из них не удержалась на густой реснице, блеснула, как алмаз, и упала.

Конечно, новая надежда вытеснила из ее сердца эти слезы и Ольга обернулась, чтоб удалиться... и перед ней стоял Вадим; его огненный взгляд в одну минуту высушил слезы, жажда жила ее сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда с верою в

душе, — а возвратилась с отчаяньем; (всё это время дьячок читал козлиным голосом послание апостола Павла, и кругом, ничего не заметив, толпа зевала в немом бездействии... что такое две страсти а целом мире равнодушия?).

С горькой, горькой улыбкой Вадим вторично прочел под образом спасителя известный стих: *приидите ко мне вси труждающиеся и аз успокою вы!* что делать! — он верил в бога — но также и в дьявола!

И выходя из храма, он еще раз взглянул на сестру; возле нее стоял Юрий, небрежно, чертя на песке разные узоры своей шпагой; и она, прислонясь к стене, не сводила с него очей, исполненных неизъяснимой муки... можно было подумать, что через минуту ей суждено с ним расстаться навсегда.

Но разве несколько дней не короче минуты, когда смерть зовет и любовь потеряла надежду.

— Итак, она точно его любит! — шептал Вадим, неподвижно остановясь в дверях. Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко

врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел.

На крыльце шумела куча нищих и богомольцев; они составляли кружок, и посреди их на холодных каменных плитах лежала протянувшись мертвая старуха.

— Какой-то проходящий толкнул ее... мы думали, что он шутит... она упала, да и окачурилась... чорт ее знал! вольно ж было не закричать! — так говорил один нищий; другие повторяли его слова с шумом, оправдываясь в том, что не подали ей помощь, и плачевным голосом защищали свою невинность.

Вадим слышал... но не вспомнил, что он толкнул старуху.

— Итак, она его любит! — бормотал он сквозь зубы, садясь на нетерпеливого коня; — итак, она его любит!

Вадим имел несчастную душу, над которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть. Он должен бы был родиться всемогущим или вовсе не родиться.

Глава XV

Между тем перед воротами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-где показывались казацкие шапки, блистали копья и ружья; часто от общего ропота отделялись грозные речи, дышащие мятежом и убийством, — часто раздавались отрывистые песни и пьяный хохот, которые не предвещали ничего доброго, потому что веселость толпы в такую минуту — поцелуй Иуды! — Что-то ужасное созревало под этой веселостию, подстрекаемой своеволием, возбужденной новыми пришельцами, уже привыкшими к кровавым зрелищам и грабежу свободному...

И всё это происходило в виду церкви, где еще блистали свечи и раздавалось молитвенное пение.

Скоро и в церкви пробежал зловещий шопот; понемногу мужики стали из нее выбираться, одни от нетерпения, другие из любопытства, а иные — так, потому что сосед сказал: пойдём, потому что... как не посмотреть, что там делается?

Народ, столпившийся перед монастырем, был из ближней деревни, лежащей под горой; беспрестанно приходили новые помощники,

беспрестанно частные возгласы сливались более и более в один общий гул, в один продолжительный, величественный рев, подобный непрерывному грому в душную летнюю ночь... картина была ужасная, отвратительная... но взор хладнокровного наблюдателя мог бы ею насытиться вполне; тут он понял бы, что такое народ: камень, висящий на полугоре, который может быть сдвинут усилием ребенка, но несмотря на то сокрушает все, что ни встретит в своем безотчетном стремлении... тут он увидал бы, как мелкие самолюбивые страсти получают вес и силу оттого, что становятся общими; как народ, невежественный и не чувствующий себя, хочет увериться в истине своей минутной, поддельной власти, угрожая всему, что прежде он уважал или чего боялся, подобно ребенку, который говорит неблагопристойности, желая доказать этим, что он взрослый мужчина!

Вокруг яркого огня, разведенного прямо против ворот монастырских, больше всех кричали и коверкались нищие. Их радость была исступление; озаренные трепетным, багровым отблеском огня, они составляли

первый план картины; за ними всё было мрачнее и неопределительнее, люди двигались, как резкие, грубые тени; казалось, неизвестный живописец назначил этим нищим, этим отвратительным лохмотьям приличное место; казалось, он выставил их на свет как главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромного тела — потому что нищета душа порока и преступлений; теперь настал час их торжества; теперь они могли в свою очередь насмеяться над богатством, теперь они превратили свои лохмотья в царские одежды и кровью смывали с них пятна грязи; это был пурпур в своем роде; чем менее они надеялись повелевать, тем ужаснее было их царствование; надобно же вознаградить целую жизнь страданий хотя одной минутой торжества; нанести хотя один удар тому, чье каждое слово было — обида, один — но смертельный.

Когда служба в монастыре отошла, и приездные богомольцы толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шум на время замолк, и потом вдруг пробежал зловецкий ропот по толпе мя-

тежной, как ропот листьев, пробужденных внезапным вихрем. И неизвестная рука, неизвестный голос подал знак, не условный, но понятный всем, но для всех повелительный; это был бедный ребенок одиннадцати лет не более, который, заграждая путь какой-то толстой барыне, получил от нее удар в затылок и, громко заплакав, упал на землю... этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась — как будто она до сих пор ожидала только эту причину, этот незначущий предлог, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтоб совершенно обнаружить свою ненависть! Народ, еще неопытный в таких волнениях, похож на актера, который, являясь впервые на сцену, так смущен новостью своего положения, что забывает начало роли, как бы твердо ее ни знал он; надобно непременно, чтоб суфлер, этот услужливый Протей, подсказал ему первое слово, — и тогда можно надеяться, что он не запнется на дороге.

Между тем Юрий и Ольга, которые вышли из монастыря несколько прежде Натальи Сергевны, не захотев ее дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой

вечера, шли рука об руку по пыльной дороге; чувствуя теплоту девственного тела так близко от своего сердца, внимая шороху платья, Юрий невольно забылся, он обвил круглый стан Ольги одной рукою и другой отодвинул большой бумажный платок, покрывавший ее голову и плечи, напечатлел жаркий поцелуй на ее круглой шее; она запылала, крепче прижалась к нему и ускорила шаги, не говоря ни слова... в это время они находились на перекрестке двух дорог, возле большой засохшей от старости ветлы, коей черные сучья резко рисовались на полусветлом небосклоне, еще хранящем последний отблеск запада.

Вдруг Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикам отчаяния и воплю бешенства, поразили слух ее: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходит у монастыря, — воскликнула Ольга; — моя душа предчувствует... о Юрий! Юрий!.. если б ты знал, мы гибнем... ты заметил ли зловещий шопот народа при выходе из церкви и заметил ли эти дикие лица нищих, которые радовались и веселились... — о, это дурной знак: святые

плачут, когда демоны смеются.

Юрий, мрачный, в нерешимости, бежать ли ему на помощь к матери, или остаться здесь, стоял, вперив глаза на монастырь, коего нижние части были ярко освещены огнями; вдруг глаза его сверкнули; он кинулся к дереву; в одну минуту вскарабкался до половины и вскоре с помощью толстых сучьев взобрался почти на самый верх.

— Что видишь ты, — спросила трепетная Ольга.

Он не отвечал; была минута, в которую он так сильно вздрогнул, что Ольга вскрикнула, думая, что он сорвется; но рука Юрия как бы машинально впиалась в бесчувственное дерево; наконец он слез, молча сел на траву близ дороги и закрыл лицо руками; «что видел ты, — говорила девушка, — отчего твои руки так холодны; и лицо так влажно...» Это роса, — отвечал Юрий, отирая хладный пот с че-ла и вставая с земли.

— Всё кончено... напрасно — я бессилен против этой толпы. Она погибла — о провидение, — что мне делать, что мне делать, отвечай мне, творец всемогущий! — воскликнул

он, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь делалась темнее и темнее; и Ольга, ухватясь за своего друга, с ужасом кидала взоры на дальний монастырь, внимая гулу и воплям, разносимым по полю возрастающим ветром; вдруг шум колес и топот лошадиный послышались по дороге; они постепенно приближались и вскоре подъехал к нашим странникам мужик в пустой телеге; он ехал рысью, правил стоя и пел какую-то нескладную песню. Поровнявшись с Юрием, он приостановил свою буланую лошадь. — «Что, боярин, — сказал он насмешливо, поглаживая рыжую бороду; — аль там не пирогами кормят; что ты больно поторопился домой-то... да еще пешечком, сем-ка доведу!..»

Юрий, не отвечая ни слова, схватил лошадь под уздцы; «что ты, что ты, боярин! — закричал грубо мужик, — уж не впрямь ли хочешь со мною съездить!.. эк всполошился!» — продолжал он ударив лошадь кнутом и присвиснув; добрый конь рванулся... но Юрий, коего силы удвоило отчаяние, так крепко вцепился в узду, что лошадь принуждена была кинуться в сторону; между тем колесо телеги

сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась; мужик, потерявший равновесие, упал, но не выпустил вожжи; он уж занес ногу, чтоб опять вскочить в телегу, когда неожиданный удар по голове поверг его на землю, и сильная рука вырвала вожжи... «Разбой!» — заревел мужик, опомнившись и стараясь приподняться; но Юрий уже успел схватить Ольгу, посадить ее в телегу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всех ног; мужик еще раз успел хриплым голосом закричать: «разбой!» Колесо переехало ему через грудь, и он замолк, вероятно навеки.

Ужасна была эта ночь, — толпа шумела почти до рассвета и кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила; множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились; во многих местах опаленная трава и черный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более... Один из них по всем приметам был некогда женщиной, но, обезображен-

ный, он едва походил на бранные остатки человека; — и даже ближайшие родственники не могли бы в нем узнать добрую <Наталью> Сергевну.

Глава XVI

Я попрошу своего или своих любезных читателей перенестись воображением в ту малую лесную деревеньку, где Борис Петрович со своей охотой основал главную свою квартиру, находя ее центром своих операционных пунктов; накануне травля была удачная; поздно наш старый охотник возвратился на ночлег, досадуя на то, что его стремянный, Вадим, уехав бог знает зачем, не возвратился. В избе, где он ночевал, была одна хозяйка, вдова, солдатка лет 30, довольно белая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная — и потому вы легко отгадаете, что старый наш прелюбодей, несмотря на серебристую оттенку волос своих и на рождающиеся признаки будущей подагры, не смотрел на нее философическим взглядом, а старался всячески выиграть ее благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и без больших убытков и хлопот. Уж давно лучина была по-

гашена; уж петух, хлопая крыльями, сбирался в первый раз пропеть свою сиповатую арию, уж кони, сытые по горло, изредка только жевали остатки хрупкого овса, и в избе на полатах, рядом с полногрудой хозяйкою, Борис Петрович храпел непомилованно. Вероятно утомленный трудами дня, и (вероятнее) упоенный сладкой водочкой и поцелуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совестью, он еще долго бы продолжал храпеть и переворачиваться со стороны на сторону, если б вдруг среди глубокой тишины сильная, неведомая рука не ударила три раза в ворота так, что они затрещали. Собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнув, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшие глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: «господи, боже мой! — да кто это там!.. наше место свято!.. да что это как стучат». Она слезла и подошла к окну; отворила его: ночной ветер пахнул ей на открытую потную грудь, и она, с досадой высунув голову на улицу, повторила свои вопросы; в самом деле, буланая лошадь в хомуте и шлее стояла у ворот и возле нее человек, незнако-

мый ей, но с виду не старый и не крестьянин.

— Отопри проворнее!.. — закричал он громовым голосом.

— Экой скорый! — пробормотала солдатка, захлопнув окно; — подождешь, не замерзнешь!.. не спится видно тебе, так бродишь по лесу, как леший проклятый... Она надела шубу, вышла, разбудила работника, и тот наконец отпер скрипучую калитку, браня приезжего; но сей последний, едва лишь ворвался на двор и узнал от работника, что Борис Петрович гут, как опрометью бросился в избу.

— Батюшка! — сказал Юрий, которого вы, вероятно, узнали, приметно изменившимся голосом и в потемках ощупывая предметы, — проснитесь! где вы!.. проснитесь!.. дело идет о жизни и смерти!.. послушай, — продолжал он шопотом, обратясь к полусонной хозяйке и внезапно схватив ее за горло: — где мой отец? что вы с ним сделали?..

— Помилуй, барин, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусти, пусти меня, окаянный... да разве не слышишь, как он на полатях-то храпит... — И задыхаясь, она старалась вырваться из рук Юрия...

— Что за шум! кто там развозился! Петрушка, Терешка, Фотька!.. ей вы... — закричал Борис Петрович, пробужденный шумом и холодным ветром, который рвался в полурастворенные двери, свистя и завывая, подобно лютому зверю.

— Батюшка! — говорил Юрий, пустив обрадованную женщину, — сойдите скорее... жизнь и смерть, говорю я вам!.. сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человек, — бормотал Борис Петрович, сползая с печи...

— Я! ваш сын... Юрий...

— Юрий... что это значит... объясни... зачем ты здесь... и в это время!..

Он в испуге схватил сына за руки и смотрел ему в глаза, стараясь убедиться, что это он, что это не лукавый призрак.

— Батюшка! мы погибли!.. народ бунтует! да! и у нас... я видел, когда проскакал, на улице села и вокруг церкви толпились кучи народа... и некоторые восклицания, долетевшие до меня, показывают, что они ждут если не самого Пугачева, то казаков его... спасайтесь!..

— А <Наталья> Сергевна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите об ней...

— Она...

— Спасайтесь! — сказал мрачно Юрий, крепко обняв отца своего; горячая слеза брызнула из глаз юноши и упала, как искра, на щеку старика и обожгла ее...

— О!.. — завопил он. — Кто б мог подумать! поверить?.. кто ожидал, что эта туча доберется и до нас грешных! о господи! господи!.. — куда мне деваться!.. все против нас... бог и люди... и кто мог отгадать, что этот Пугачев будет губить кого же? — русское дворянство! — простой казак!.. боже мой! святые отцы!

— Нет ли у вас с собою кого-нибудь, на чью верность вы можете надеяться! — сказал быстро Юрий.

— Нет! нет! никого нет!..

— Фотька Атуев?

— Я его сегодня прибил до полусмерти, каналью!

— Терешка!..

— Он давно желал бы мне нож в бок за жену свою... разбойники, антихристы!.. о спаси меня! сын мой...

— Мы погибли! — молвил Юрий, сложив

руки и подняв глаза к небу. — Один бог может сохранить нас!.. молитесь ему, если можете...

Борис Петрович упал на колена; и слезы рекой полились из глаз его; малодушный старик! он ожидал, что целый хор ангелов спустится к нему на луче месяца и унесет его на серебряных крыльях за тридевять земель.

Но не ангел, а бедная солдатка с состраданием подошла к нему и молвила: *я спасу тебя.*

В важные эпохи жизни, иногда, в самом обыкновенном человеке разгорается искра геройства, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он свершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он сам едва верует. Есть простая пословица: *Москва сгорела от копеешной свечки!*

Между тем хозяйка молча подала знак рукою, чтоб они оба за нею следовали, и вышла; на цыпочках они миновали темные сени, где спал стремянный Палицына, и осторожно спустились на двор по четверем скрипучим и скользким ступеням; на дворе всё было тихо; собаки на сворах лежали под навесом и изредка лишь фыркали сытые кони, или охот-

ник произносил во сне бессвязные слова, поворачиваясь на соломе под теплым полушубком. Когда они миновали анбар и подошли к задним воротам, соединявшим двор с обширным огородом, усеянным капустой, коноплями, редькой и подсолнечниками и оканчивающимся тесным гумном, где только две клады как будки, стоя по углам, казалось, сторожили высокий и пустой овин, возвышающийся посередине, то раздался чей-то голос, вероятно, одного из пробудившихся псарей: «*кто там!*» — спросил он. — «Разве не видишь, что хозяйева», — отвечала солдатка; заметив, что псарь приближался к ней переваливаясь, как бы стараясь поддержать свою голову в равновесии с протчими частями тела, она указала своим спутникам большой куст репейника, за который они тотчас кинулись и хладнокровно остановилась у ворот.

— А разве красавицам пристало гулять по ночам? — сказал, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой с громким смехом ударил ее по плечу!..

— И батюшка! что я за красавица! с нашей работы-то не больно разжиреешь!..

— Уж не ломайся, знаем мы!.. Экая гладкая! у барина видно губа не дура... эх ты прижила себе старого чорта!.. да небось! не сдобровать ему, высчитаем мы ему наши слезки... дай срок! батюшка Пугачев ему рыло-то обтешет... пусть себе не верит... а ты, моя молодка... за это поцелуй меня.

Он хотел обнять ее, но она увернулась и наш проворный рыцарь с пьяну наткнулся на оглоблю телеги... спотыкнулся, упал, проворчал несколько ругательств, и заснул он или нет, не знаю, по крайней мере не поднялся на ноги и остался в сладком самозабвении.

Легко вообразить, с каким нетерпением отец и сын ожидали конца этой неприятной сцены... наконец они вышли в огород и удвоили шаги. Сильно бились сердца их, стесненные непонятым предчувствием, они шли, удерживая дыхание, скользя по росистой траве, продираясь между коноплей и вязких гряд, зацепляя поминутно ногами или за кирпич или за хворост; вороньи пугалы казались им людьми, и каждый раз, когда полевая крыса кидалась из-под ног их, они вздрагивали, Борис Петрович хватался за рукоятку охотни-

чьего ножа, а Юрий за шпагу... но, к счастью, все их страхи были напрасны, и они благополучно приблизились к темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борис Петрович и Юрий; она подвела их к одному темному углу, где находилось два сусека, один из них с хлебом, а другой до половины наваленный соломой.

— Полезай сюда, барин, — сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько с головой в солому, и кто бы ни приходил, что бы тут ни делали... не вылезай без меня; а я, коли жива буду, тебя не выдам; что б ни было, а этого греха не возьму на свою душу!..

Когда Борис Петрович влез, то Юрий, вместо того, чтобы следовать его примеру, взглянул на небо и сказал твердым голосом: «прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословение! может быть, мы больше не увидимся». Он повернулся и быстро пустился назад по той же дороге; взойдя на двор, он, не будучи никем замечен, отвязал лучшую лошадь, вскочил на нее и пустился снова через огород, проскакал гумно, махнул рукою удив-

ленной хозяйке, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочив через ветхий, обвалившийся забор, скрылся в поле как молния; несколько минут можно было различить мерный топот скачущего коня... он постепенно становился тише и тише, и наконец совершенно слился с шопотом листьев дубравы.

«Куда этот верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка, — видно голова крепка на плечах, а то кто бы ему велел таскаться — ну, не дай бог, наткнется на казаков и поминай как звали буйнова мóлодца — ох! ох! больно меня раздумье берет!.. спрятала-то я старого, спрятала, а как станут меня бить да мучить... ну, уж коли на то пошла, так берегись, баба!.. не давши слова держись, а давши крепись... только бы он сам не оплошал!»

Глава XVII

В эту же ночь, богатую событиями, Вадим, выехав из монастыря, пустился блуждать по лесу, но конь, устав продираться сквозь колючий кустарник, сам вывез его на дорогу в село Палицына.

Задумавшись ехал мрачный горбач, сложа

руки на груди и повеся голову; его охотничья плеть моталась на передней луке казацкого седла, и добрый степной конь его, горячий, щекотливый от природы, понемногу стал прибавлять ходу, сбился на рысь, потом, чувствуя, что повода висят покойно на его мохнатой шее, зафыркал, прыгнул и ударился скакать... Вадим опомнился, схватил поводья и так сильно осадил коня, что тот сразу присел на хвост, замотал головою, сделал еще два скачка вбок и остановился: теплый пар поднялся от хребта его, и пена, стекая по стальным удилам, клоками падала на землю.

«Куда торопишься? чему обрадовался, лихой товарищ? — сказал Вадим... но тебя ждет покой и теплое стойло: ты не любишь, ты не понимаешь ненависти: ты не получил от благих небес этой чудной способности: находить блаженство в самых диких страданиях... о если б я мог вырвать из души своей эту страсть, вырвать с корнем, вот так! — и он наклонясь вырвал из земли высокий стебель полыни; — но нет! — продолжал он... одной капли яда довольно, чтоб отравить чашу, полную чистейшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы

вылить яд...» Он продолжал свой путь, но не шагом: неведомая сила влечет его: неутомимый конь летит, рассекает упорный воздух; волосы Вадима развеваются, два раза шапка чуть-чуть не слетела с головы; он придерживает ее рукою... и только изредка поталкивает ногами скакуна своего; вот уж и село... церковь... кругом огни... мужики толпятся на улице в праздничных кафтанах... кричат, поют песни... то вдруг замолкнут, то вдруг сильнее и громче пробежит говор по пьяной толпе... Вадим привязывает коня к забору и неприметно вмешивается в толпу... Эти огни, эти песни — всё дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало вид языческого празднества, и даже в песнях часто повторяемые имена диди и ладо могли бы ввести в это заблуждение неопытного чужестранца.

— Ну! Вадимка! — сказал один толстый мужик с редкой бородою и огромной лысиной... — как слышно! скоро ли наш батюшка-то пожалует.

— Завтра — в обед, — отвечал Вадим, стараясь отделаться.

— Ой ли? — подхватил другой, — так стало быть не нонче, а завтра... — так... так!.. а что, как слышно?.. чай много с ним рати военной... чай, казаков-то видимо-невидимо... а что, у него серебряный кафтан-то?

— Ах ты дурак, дурак, забубенная башка... — сказал третий, покачивая головой, — эко диво серебряный... чай не только кафтан да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станет хлеб с солью? — чай всё старики...

— Вестимо... Послушай, брат Вадим, — продолжал четвертый, огромный детина, черномазый, с налитыми кровью глазами — где наш барин-то!.. не удрал бы он... а жаль бы было упустить... уж я бы его попотчевал... он и в могилу бы у меня с оскоминою лег...

«Нет, нет! — подумал Вадим, удаляясь от них, — это моя жертва... никто не наложит руки на него кроме меня. Никто не услышит последнего его вопля, никто не напечатлеет в своей памяти последнего его взгляда, последнего судорожного движения, — кроме меня... Он мой — я купил его у небес и ада: я заплатил за него кровавыми слезами; ужасными

днями, в течение коих мысленно я пожирал все возможные чувства, чтоб под конец у меня в груди не осталось ни одного кроме злобы и мщения... о! я не таков, чтобы равнодушно выпустить из рук свою добычу и уступить ее вам... подлые рабы!..»

Он быстрыми шагами спустился в овраг, где протекал небольшой гремучий ручей, который, прыгая через камни и пробираясь между сухими вербами, с журчанием терялся в густых камышах и безмолвно сливался с <Сурою>. Тут всё было тихо и пусто; на противной стороне возвышался позади небольшого сада господский дом с многочисленными службами... он был темен... ни в одном окне не мелькала свечка, как будто все его жители отправились в дальнюю дорогу... Вадим перебрался по доскам через ручей и подошел к ветхой бане, находящейся на полугоре и окруженной густыми рябиновыми кустами... ему показалось, что он заметил слабый свет сквозь замок двери; он остановился и на цыпочках подкрался к окну, плотно закрытому ставнем...

В бане слышались невнятные голоса, и Ва-

дим, припав под окном в густую траву, начал прилежно вслушиваться: его сердце, закаленное противу всех земных несчастий, в эту минуту сильно забилося, как орел в железной клетке при виде кровавой пищи... Вадим удивился, как удивился бы другой, если б среди зимней ночи ударил гром... он крепко прижал руку к груди своей и прошептал: «спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала! — но к чему теперь! — разве есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь?.. говори?..» — и он, задержав дыхание, снова приложил ухо к окну — и услышал:

1 голос. Прощай, мой друг... навсегда...

2 голос. Мне тебя покинуть? Нет, если б на этом пороге было написано судьбою: *смерть*, — то я перескочил бы... обнял тебя... и умер...

1 голос. Но я в безопасности!.. я существо ничтожное; я останусь незамечена среди общего волнения...

2 голос. Нет, невозможно... долг зовет меня к отцу... я спасу его и вернусь... мир без тебя? что такое*!.. храм без божества... Зачем мне бежать от опасности... разве провидение не настигнет меня везде, если я должен погиб-

нуть!..

1 голос. Жестокий! так ты не хочешь... послушай! ради бога.. беги...

2 голос. Нет!.. прощай... через несколько часов я снова буду с тобою.

Голоса замолкли, и слышно было, как дверь бани скрипнула отворяясь и как опять захлопнулась, и Вадим видел, как кто-то, подобно призраку, мелькнул в овраге, потом на горе, перескочил через плетень, перерезывающий овраг, и скрылся в ночном тумане...

Вадим встал, подошел к двери и твердою рукою толкнул ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипом распахнулась... кто-то вскрикнул... и всё замолкло снова... Вадим взошел, торжественно запер за собою дверь и остановился... на полу стоял фонарь... и возле него сидела, приклонив бледную голову к дубовой скамье... Ольга!..

Убийственная мысль как молния озарила ум бедного горбача; он отгадал в одно мгновение, кто был этот второй голос, о ком так нежно заботилась сестра его, как будто в нем одном были все надежды, вся любовь ее сердца...

Неподвижно сидела Ольга, на лице ее была печать безмолвного отчаяния, и глаза изливала какой-то однообразный, холодный луч, и сжатые губки казались растянуты постоянной улыбкой, но в этой улыбке дышал упрек провидению... Фонарь стоял у ног ее, и догорающий пламень огарка сквозь зеленые стекла слабо озарял нижние части лица бедной девушки; ее грудь была прикрыта черной душегрейкой, которая по временам приподымалась, и длинная полуразвитая коса упала на правое плечо ее.

Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника; сложа руки, он ожидал, чтоб она к нему обернулась, но она осталась в прежнем положении, хотя молвила прерывающимся голосом:

— Чего ты от меня еще хочешь...

— Еще? — а что же я прежде от тебя требовал? каких жертв?.. говори, Ольга? — разве я силою заставил тебя произнести клятву... ты помнишь!.. разве я виноват, что роковая минута настала прежде, чем находишь это удоб-

НЫМ?..

— О... ты хищный зверь, а не человек!..

— Ольга... твой отец был мой отец!

— Не верю, не могу верить... чтобы он, в жилище святых, желал гибели этого семейства, желал сделать нас преступными... нет! ты не брат мой!.. прочь — я ненавижу... презираю тебя...

— Ненавидишь: так... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... — он дико засмеялся и подошел ближе.

— Вадим... ради отца нашего... удались... от тебя веет смертным холодом...

— Нет, Ольга... я останусь здесь целую ночь...

— Боже! — прошептала вздрогнув несчастная девушка, сердце сжалось... и смутное подозрение пробудилось в нем; она встала; ноги ее подгибались... она хотела сделать шаг и упала на колени...

— Послушай! — сказал Вадим, приподняв сестру; посадив ее на лавку, он взял ее влажную руку и, стараясь смягчить голос, продол-

жал: послушай! было время, когда я думал твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесные очи, я хотел разом разрушить свой ужасный замысел, когда я надеялся забыть на груди твоей всё прошедшее как волшебную сказку... Но ты не захотела, ты обманула меня — тебя пленил прекрасный юноша... и безобразный горбач остался один... один... как черная тучка, забытая на ясном небе, на которую ни люди, ни солнце не хотят и взглянуть... да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангел, тебя не любить — невозможно... я это знаю... о, да посмотри на меня; неужели для меня нет ни одного взгляда, ни одной улыбки... всё ему! всё ему!.. да знаешь ли, что он должен быть доволен и десятою долею твоей нежности, что он не отдаст, как я, за одно твое слово всю свою будущность... о, да это невозможно тебе постигнуть... если б я знал, что на моем сердце написано, как я тебя люблю, то я вырвал бы его сию минуту из груди и бросил бы к тебе на колена... о, одно слово, Ольга, чтоб я не проклял тебя... умирая...

— Проклинай! — ответствовала она холод-

Но...

Вадим, неподвижный, подобный одному из тех безобразных кумиров*, кои доньше иногда в степи заволжской на холме поражают нас удивлением, стоял перед ней, ломая себе руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобедимое страдание... всё было тихо, лишь ветер, по временам пробегая по крыше бани, взрывал гнилую солому и гудел в пустой трубе... Вадим продолжал:

— Еще несколько слов, Ольга... и я тебя оставлю. Это мое последнее усилие... если ты теперь не сжалишься, то знай — между нами нет более никаких связей родства... — я освобождаю тебя от всех клятв, мне не нужна женской помощи; я безумец был, когда хотел поверить слабой девушке бич небесного правосудия... но довольно! довольно. Послушай: если б бедная собака, иссохшая, полуживая от голода и жажды, с визгом приползла* к ногам твоим, и у тебя бы был кусок хлеба, один кусок хлеба... отвечай, что бы ты сделала?..

— Сердце не кусок хлеба, оно не в моей власти...

— А! не в твоей власти!.. А! но разве я это у

тебя спрашивал?..

— Ты хотел ответа... я отвечала.

— В тебе нет жалости!

— А в тебе есть жалость?

— Так ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свете...

— А!.. больше всего на свете... Но это напрасно!..

— Да, я его люблю — люблю — и никакая власть не разлучит нас.

— Ошибаешься, — воскликнул с горьким хохотом горбач... — он непременно должен умереть... и очень скоро!

— Я умру вместе с ним...

— О нет! ты не умрешь... не надейся!..

— Я надеюсь на бога... он возьмет нас вместе к себе или спасет его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мне про бога!.. он меня не знает; он не захочет у меня вырвать обреченную жертву — ему всё равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха !.. Ольга, Ольга — прощай — я иду от тебя... но помни последние слова мои: они стóят всех пророчеств... я говорю тебе: он погибнет, ты к

мертвому праху прилепила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою из списка живущих... да! — продолжал он после минутного молчания, и если хочешь, я в доказательство принесу тебе его голову...

Он отвернулся, хотел, повидимому, что-то прибавить, — но голос замер на посиневших губах его, он закрыл лицо руками и выбежал... быть может, желая утаить смущение или невольные слезы, или стремясь сильнейшим порывом бешенства исполнить немедленно свое ужасное обещание...

Ольга осталась почти без чувств, в забытьи. Она едва видела, как брат ее скрылся, едва слышала удар захлопнувшейся двери...

Глава XVIII

До сих пор в густых лесах Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губернии, некогда непроходимых кроме для медведей, волков и самых бесстрашных их гонителей, любопытный может видеть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои в них искали некогда убежище от набегов татар, крымцев и впоследствии от киргизов и башкир, угрожавших мирным деревням

даже в царствование им. Елизаветы Петровны; последний набег был в 1769 году, но тогда, встретив уже войска около сих мест, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя несколько верст до Саратова и не причинив значительного вреда. Случалось даже, что целые деревни были уведены в плен и рассеяны; во времена, нами описываемые, эти пещеры не были еще, как теперь, завалены сухими листьями и хворостом и одна из них находилась не в большом расстоянии от деревни Палицына. Народ дал ей прозвание Чортова логовища, и суеверные предания населили ее страшными кикиморами и рогатыми лешими.

Чтобы из села Палицына кратчайшим путем достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть реку и версты две идти болотистой долиной, усеянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высоким камышом; только некоторые из окрестных жителей умели по разным приметам пробираться чрез это опасное место, где коварная зелень мхов обманывает неопытного путника, и высокий тростник скрывает ямы и тину; бо-

лото оканчивается холмом, через который прежде вела тропинка и, спустясь с него, поворачивала по косогору в густой и мрачный лес; на опушке столетние липы как стражи, казалось, простирали огромные ветви, чтоб заслонить дорогу, казалось, на узорах их сморщенной коры был написан адскими буквами этот известный стих Данта: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!**[1] Тут тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревьев как змея, исчезая по временам под сухими хрупкими листьями и хворостом. Наконец лес начинал редеть, сквозь забор темных деревьев начинало проглядывать голубое небо, и вдруг открывалась круглая луговина, обведенная лесом как волшебным очерком, блистающая светлую зеленью и пестрыми высокими цветами, как островок среди угрюмого моря, — на ней во время осени всегда являлся высокий стог сена, воздвигнутый трудолюбием какого-нибудь бедного мужика; грозно-молчаливо смотрели на нее друг из-за друга ели и березы, будто завидуя ее свежести, будто намереваясь толпой подвинуться вперед и злобно растоптать ее

бархатную мураву. — От сей луговины еще 3 версты до *Чортова логовища*, но тропинки уже нет нигде... и должно идти всё на восток, стараясь как можно менее отклоняться от сего направления. Лес не так высок, но колючие кусты, хмель и другие растения переплетают неразрывною сеткою корни дерев, так что за 3 сажени нельзя почти различить стоящего человека; иногда встречаются глубокие ямы, гнезда бурею вырванных дерев, коих гнилые колоды, обросшие зеленью и плющем, с своими обнаженными сучьями, как крепостные рогатки, преграждают путь; под ними, выкопав себе широкое логовище, лежит зимой косматый медведь и сосет неистоцимую лапу; дремучие ели как черный полог наклоняются над ним и убаюкивают его своим непонятным шопотом. Пройдя таким образом немного более двух верст, слышится что-то похожее на шум падающих вод, хотя человек, не привыкший к степной жизни, воспитанный на бульварах, не различил бы этот дальний ропот от говора листьев; — тогда, кинув глаза в ту сторону, откуда ветер принес сии новые звуки, можно заметить крутой и глубо-

кий овраг; его берег обсажен наклонившимися березами, коих белые нагие корни, обмытые дождями весенними, висят над бездной длинными хвостами; глинистый скат оврага покрыт камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые беспечно принялись на новой почве; на дне оврага, если подойти к самому краю и наклониться придерживаясь за надёжные деревья, можно различить небольшой родник, но чрезвычайно быстро катящийся, покрывающийся по временам пеною, которая белее пуха лебязьего останавливается клубами у берегов, держится несколько минут и вновь увлечена стремлением исчезает в камнях и рассыпается об них радужными брызгами. На самом краю сего оврага снова начинается едва приметная дорожка, будто выходящая из земли; она ведет между кустов вдоль по берегу рытвины и наконец, сделав еще несколько извилин, исчезает в глубокой яме, как уж в своей норе; но тут открывается маленькая поляна, уставленная несколькими высокими дубами; посередине возвышаются три кургана, образующие правильный тре-

угольник; покрытые дерном и сухими листьями они похожи с первого взгляда на могилы каких-нибудь древних татарских князей или наездников, но, взойдя в середину между них, мнение наблюдателя переменяется при виде отверстий, ведущих под каждый курган, который служит как бы сводом для темной подземной галереи; отверстия так малы, что едва на коленях может вползти человек, но когда сделаешь так несколько шагов, то пещера начинает расширяться всё более и более, и наконец три человека могут идти рядом без труда, не задевая почти локтем до стены; все три хода ведут, повидимому, в разные стороны, сначала довольно круто спускаясь вниз, потом по горизонтальной линии, но галерея, обращенная к оврагу, имеет особенное устройство: несколько сажен она идет отлогим скатом, потом вдруг поворачивает направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направлению; она оканчивается обрывом или, лучше сказать, поворачивает вертикально вниз: должно надеяться на твердость ног своих, чтоб спрыгнуть туда; как ни говори, две сажени не

шутка; но тут оканчиваются все искусственные препятствия; она идет назад, параллельно верхней своей части, и в одной с нею вертикальной плоскости, потом склоняется налево и впадает в широкую круглую залу, куда также примыкают две другие; эта зала устлана камнями, имеет в стенах своих четыре впадины в виде нишей (niches); посередине один четверугольный столб поддерживает глиняный свод ее, довольно искусно образованный; возле столба заметна яма, быть может, служившая некогда вместо печи несчастным изгнанникам, которых судьба заставляла скрываться в сих подземных переходах; среди глубокого безмолвия этой залы слышно иногда журчание воды: то светлый, холодный, но маленький ключ, который, выходя из отверстия, сделанного, вероятно, с намерением, в стене, пробирается вдоль по ней и наконец, скрываясь в другом отверстии, обложенном камнями, исчезает; немолчный ропот беспокойных струй оживляет это мрачное жилище ночи, как песни узника оживляют безмолвие темницы; все эти признаки доказывают, что наши предки могли бы и наме-

ревались выдержать здесь продолжительную осаду. Впрочем камни и земля всё поросло мохом, при свете фонаря можно различить в стене норы земляных крыс и других скромных зверков, любителей мрака и неизвестности; инде свод начал обсыпаться, и от прежней правильности и симметрии почти не осталось никаких следов.

Борис Петрович знал это место, ибо два из любопытства, будучи на охоте, он подъезжал к нему, хотя ни разу не осмелился проникнуть в внутренность мрачных переходов: когда он опомнился от страха, то Чортово логовище, несмотря на это адское прозвание, представилось его мысли как единственное безопасное убежище... ибо остаться здесь, в старом овине, так близко от спящих палачей своих, было бы безрассудно... но как туда пробраться?

Я должен вам признаться, милые слушатели, что Борис Петрович — боялся смерти!.. чувство, равно свойственное человеку и собаке, вообще всем животным... но дело в том, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснее, чем она кажется другим животным, ибо

В эти минуты тревожная душа его, обнимая всё минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизицией упасть в колючие объятия мадоны долорозы (madona dolorosa*), этого искаженного, богохульного, страшного изображения святейшей святыни... О! я вам отвечаю, что Борис Петрович больше испугался, чем неопытный должник, который в первый раз, обшаривая пустые карманы, слышит за дверьми шаги и кашель чахоточного кредитора; бог знает, что прочел Палицын на замаранных листках своей совести, бог знает, какие образы теснились в его воспоминаниях — слово смерть, одно это слово, так ужаснуло его, что от одной этой кровавой мысли он раза три едва не обеспамятел, но его спасло именно отдаление всякой помощи: упав в обморок, он также боялся умереть. Смерть! смерть со всех сторон являлась мутным его очам, то грозная, высокая с распростертыми руками, как виселица, то неожиданная, внезапная, как измена, как удар грома небесного... она была снаружи, внутри его, везде, везде... она дробилась вдруг на тысячу разных видов, она насмешливо

прыгала по влажным его членам, подымала его седые волосы, стучала его зубами друг об друга... наконец Борис Петрович хотел прогнать эту нестерпимую мысль... и чем же? молитвой!.. но напрасно!.. уста его шептали затверженные слова, но на каждое из них у души один был отзыв, один ответ: смерть!.. Он старался придумать способ к бегству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшим; так прошел час, прошел другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались в его сердце; каждый свист неугомонного ветра заставлял его вздрогнуть, малейший шорох в соломе, произведенный торопливостью большой крысы или другого столь же мирного животного, казался ему топотом злодеев... он страдал, жестоко страдал! и то сказать: каждому свой черед; счастье — женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец; Борис Петрович также иногда вспоминал о своей толстой подруге... и волос его вставал дыбом: он понял молчание сына при ее имени, он объяснил себе его трепет... в его памяти пробежали картины прежнего счастья, не омраченно-

го раскаянием и страхом, они пролетали, как легкое дуновение, как листья, сорванные вихрем с березы, мелькая мимо нас, обманывают взор золотым и багряным блеском и упадают... очарованы их волшебными красками, увлечены невероятною мечтой, мы поднимаем их, рассматриваем... и не находим ни красок, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листья!..

Между тем дело подходило к рассвету и Палицын более и более утверждался в своем намерении: спрятаться в мрачную пещеру, описанную нами; но кто ему будет носить пищу?.. где друзья? слуги? где рабы, низкие, послушные мановению руки, движению бровей? — никого! решительно никого!.. он плакал от бешенства!.. К тому же: кто его туда проводит? как выйдет он из этого душного овина, покуда его охотники не удалились?.. и не будет ли уже поздно, когда они удалятся...

На рассвете ему послышался лай, топот конский, крик, брань и по временам призывный звон рогов; это продолжалось с полчаса; наконец всё умолкло; — прошло еще полчаса; вдруг он слышит над собою женский голос:

«барин! — барин!.. вставай... да отвечай же? — не спишь ли ты?..»

Вы можете вообразить, что он не спал, но молчание его происходило оттого, что сначала он не узнал этот голос, а потом хотя узнал, но оледенелый язык его не повиновался; он тихо приподнялся на ноги, как воскресший Лазарь из гроба, — и вылез из сусека.

— Это ты, хозяйка! — пролепетал он невнятно...

— Я, я! — да не бось... они все уехали; искали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорят...

— Хозяйка! — прервал Палицын, — уж светает; послушай: я придумал куда мне спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть место... говорят, недоброе... да это всё равно; ты знаешь Чортово логовище!..

Хозяйка в ужасе три раза перекрестилась и посмотрела пристально на Палицына.

— Ох! кормилец!.. беда! сатанинское это гнездо...

— Нет другого! — возразил он в отчаянии...

— Оно бы есть! да больно близко твоей деревни... и то правда, барин, ты хорошо придумал...

мал... что начала, то кончу; уж мне грех тебя оставить; вот тебе мужицкое платье: скинь-ка свой балахон... — а я тебе дам сына в проводники... он малый глупенек, да зато не болтлив, и уж против материнского слова не пойдет...

Покуда Борис Петрович переодевался в смурый кафтан и обвязывал запачканные онучи вокруг ног своих, солдатка подошла к дверям овина, махнула рукой, явился малый лет 17-и глупой наружности, с рыжими волосами, но складом и ростом богатырь... он шел за матерью, которая шептала ему что-то на ухо; почесывая затылок и кивая головой, он зевал беспощадно и только по временам отвечал: «хорошо, мачка». Когда они приблизились к Палицыну, то он уж был готов: — «с богом!» — прошептала им вслед хозяйка... они вышли в поле чрез задние ворота; Борис Петрович боялся говорить, Петруха не умел и не любил; это случайное сходство было очень кстати.

Оставим их на узкой лесной тропинке, пробирающихся к грозному Чортову логовищу, обоих дрожащих как лист: один опасаясь

погони, другой боясь духов и привидений... оставим их и посмотрим, куда девался Юрий, покинув своего чадолюбивого родителя.

Глава XIX

Юрий, выскакав на дорогу, ведущую в село Палицыно, приостановил усталую лошадь и поехал рысью; тысячу предприятий и еще более опасений теснилось в уме его; но спасти Ольгу или по крайней мере погибнуть возле нее было первым чувством, господствующею мыслию его; любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслуживавшая имя страсти, от нечаянного стечения обстоятельств возросла в его груди до необычайности: как в тени огромного дуба прячутся все окружающие его скромные кустарники, так все другие чувства склонялись перед этой новой властью, исчезали в его потоке.

По гладкой, но узкой дороге ехал Юрий, его шпага, ударяясь об бока лошади, неприметно возбуждала ее благородное рвение... По обоим сторонам дороги начинали желтеть молодые нивы; как молодой народ, они волновались от легчайшего дуновения ветра; далее за ними тянулись налево холмы, покрытые куд-

рявым кустарником, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, мрак черными своими очами выглядывал из-под каждой ветви; казалось, возле каждого дерева стоял рогатый, кривоногий леший... всё молчало кругом; иногда долетал до путника нашего жалобный вой волков, иногда отвратительный крик филина, этого ночного сторожа, этого члена лесной полиции, который засев в свою будку, гнилое дупло, окликает прохожих лучше всякого часового... — Но вдруг Юрий услышал другие звуки; это был конский топот, который неимоверно быстро приближался; Юрий хотел было своротить с дороги, следуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; он остановился, вынул из кармана небольшой пистолет, взятый им из дому на всякий случай, осмотрел кремень, взвел курок и приготовился к храброму отпору; скоро он заметил за собою, но еще очень далеко, белеющую пыль, и наконец показался всадник, который мчался к нему во все лопатки.

Подскакав на расстояние 50 шагов, незнакомец начал удерживать ретивого коня.

— Стой! — закричал Юрий, — не приближайся!.. или я размозжу тебе голову. — Кто ты таков?

— Или ты не узнал меня, барин, — отвечал хриплый голос. — Неужели ты хочешь убить верного своего раба?

— Как, это ты, Федосей? — воскликнул удивленный юноша, приближаясь к нему и стараясь различить его черты; но зачем ты здесь? — продолжал он строго... — мне не нужно спутников... я знаю свою дорогу... разве я звал тебя?.. говори...

— Эх, барин! барин!.. ты грешишь! я видел, как ты приезжал... и тотчас сел на лошадь и поскакал за тобой следом, чтоб совесть меня после не укоряла... я всё знаю, батюшка! времена тяжкие... да уж Федосей тебя не оставит; где ты, там и я сложу свою головушку; бог велел мне служить тебе, барин; он меня спросит на том свете: служил ли ты верой и правдой господам своим... а кабы я тебя оставил, что бы мне пришлось отвечать... Много нынче злодеев, дурной стал народ, да я не из них, Юрий Борисович... прикажи только, отец родной, и в воду и в огонь кинусь для тебя... уж

таково дело холопское; ты меня поил и кормил до сей поры, теперь пришла моя очередь... сгибну, а господ не выдам.

Юрий был растроган; он ударил его по плечу и сказал:

— Если ты говоришь правду, Федосей, то бог наградит тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имею этой власти...

— Да куда ты едешь, барин... один-одинехонек...

— Федосей, я исполнил долг свой, известил отца об опасности, помог ему скрыться... и еду... — Юрий призадумался, и наконец отворотясь, молвил отрывисто: — я хочу видетсья с Ольгой...

«Вот что! — подумал Федосей, поглаживая усы. — Время думать об девках, когда петля на шее!» — эй барин! — молвил он, осмелившись; — брось ее!.. что теперь за свиданья... опасно показаться в селе... пожалуй, на грех мастера нет... ох! кабы ты знал, что болтает народ.

— Я хочу ее видеть... возьму ее с собой... и только тогда буду заботиться об опасности... я хочу, я должен ее видеть...

— Плохо! — пробормотал Федосей.

Молча они ехали рядом несколько времени, ни тот, ни другой не умея или не желая возобновить разговора... В такие часы, когда решается судьба наша, мы не тратим лишних слов, потому что дорожим каждым мгновением, потому что все земные страсти кипят в уме и одного взгляда довольно, чтоб заставить понять себя...

— Барин, — воскликнул вдруг Федосей... — посмотри-ка... кажись, наши гумна виднеются... так... так... Остановись-ка, барин... послушай, мне пришло на мысль вот что: ты мне скажи только, где найти Ольгу — я пойду и приведу ее... а ты подожди меня здесь у забора с лошадьми... — сделай милость, барин... не кидайся ты в петлю добровольно — береженого бог бережет... а ведь ей нечего бояться, она не дворянка...

Это предложение поразило Юрия: он почувствовал некоторый стыд: «как! — думал он, — и я для нее побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью...», но скоро, с помощью некоторых услужливых софизмов, он успокоил свою гордость, победил стыд неуместный —

и, увы! — согласился, слез с коня и махнул рукою Федосею на прощанье.

Я желал бы представить Юрия истинным героем, но что же мне делать, если он был таков же, как вы и я... против правды слов нет; я уж прежде сказал, что только в глазах Ольги он почерпал неистовый пламень, бурные желания, гордую волю, — что вне этого волшебного круга он был человек, как и другой — просто добрый, умный юноша. Что делать?

Когда Федосей исчез за плетнем, окружавшим гумно, то Юрий привязал к сухой ветле усталых коней и прилег на сырую землю; напрасно он думал, что хладный ветер и влажность высокой травы, проникнув в его жилы, охладит кровь, успокоит волнующуюся грудь... все призраки, все невероятности, порождаемые сомнением ожидания, кружились вокруг него в несвязной пляске и невольно завлекали воображение всё далее и далее, как иногда блудящий огонек, обманчивый фонарь какого-нибудь зловредного гения, заводит путника к самому краю пропасти...

Юрий, чтоб оторвать свою мысль от гроз-

ных картин будущего, обратил ее на прошедшее — так врачи в отчаянных случаях употребляют отчаянные средства — но всегда ли они удаются?

И перед ним начал развиваться длинный свиток воспоминаний*, и он в изумлении подумал: ужели их так много? отчего только теперь они все вдруг, как на праздник, являются ко мне?.. и он начал перебирать их одно по одному, как девушка иногда гадая перебирает листки цветка, и в каждом он находил или упрек или сожаление, и он мог по особенному преимуществу, дающемуся почти всем в минуты сильного беспокойства и страдания, исчислить все чувства, разбросанные, растерянные им на дороге жизни: но увы! эти чувства не принесли плода; одни, как семена притчи, были поклеваны хищными птицами, другие потоптаны странниками, иные упали на камень и сгнили от дождей бесполезно.

Он сначала мысленно видел себя еще ребенком, белокурым, кудрявым, резвым, шаловливым мальчиком, любимцем-баловнем родителей, грозой слуг и особенно служанок; он видел себя невинным воспитанником при-

роды, играющим на коленях няни, трепещущим при слове: бука — он невольно улыбался, думая о том, как недавно прошли эти годы, и как невероятно они погибли...

Но вот настал возраст первых страстей, первых желаний... его отдадут воспитываться к старой и богатой бабке. Анютка, простая дворовая девочка, привлекла его внимание; сколько ласк, сколько слов, взглядов, вздохов, обещаний — какие детские надежды, какие детские опасения! Как смешны и страшны, как беспечны и как таинственны были эти первые свидания в темном коридоре, в темной беседке, обсаженной густолиственной рябиной, в березовой роще у грязного ручья, в соломенном шалаше полесовщика!.. о как сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и под конец преступные поцелуи; как разгорались глаза Анюты, как трепетали ее едва образовавшиеся перси, когда горячая рука Юрия смело обхватывала непережатый стан ее, едва прикрытый посконным клетчатым платьем, когда уста его впивались в ее грудь, опаленную солнечным зноем.

Но ему говорят, что пора служить... он

спрашивает зачем! ему грозно отвечают, что 15-ти лет его отец был сержантом гвардии; что ему уже 16-ть, итак... итак... заложили бричку, посадили с ним дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо к какому-то правнучетному дядюшке... ударил бич, колокольчик зазвенел... прости воля, и рощи, и поля, прости счастье, прости Анюта!.. садясь в бричку, Юрий встретил ее глаза неподвижные, полные слезами; она из-за дверей долго на него смотрела... он не мог решиться подойти, поцеловать в последний раз ее бледные щечки, он как вихорь промчался мимо нее, вырвал свою руку из холодных рук Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... о! какой зверской холодности она приписала мой поступок, как смело она может теперь презирать меня! — думал он тогда... Но что же! он ее увидел 6 лет спустя... увы! она сделалась дюжей толстой бабою, он видел, как она колотила слюнявых ребят, мела избу, бранила пьяного мужа самыми отвратительными речами... очарование разлетелось как дым; настоящее отравило прелесть минувшего, с этих пор он не мог вообразить

Анюту, иначе как рядом с этой отвратительной женщиной, он должен был изгладить из своей памяти как умершую эту живую, черноглазую, чернобровую девочку... и принес эту жертву своему самолюбию, почти безо всякого сожаления.

Между тем заботы службы, новые лица, новые мысли победили в сердце Юрия первую любовь, изгладили в его сердце первое впечатление... слава! вот его кумир! — война вот его наслаждение!.. поход! — в Турцию... о как он упитает кровью неверных свою острую шпагу, как гордо он станет попирать разрубленные низверженные чалмы поклонников корана!.. как счастлив он будет, когда сам Суворов* ударит его по плечу и молвит: молодец! хват... лучше меня! помилуй бог!.. о Суворов верно ему скажет что-нибудь в этом роде, когда он первый взлетит, сквозь огонь и град пуль турецких, на окровавленный вал и, колеблясь, истекая кровью от глубокой, хотя бездельной раны, водрузит в чуждую землю первое знамя с двуглавым орлом! — о, какие поздравления, какие объятия после битвы...

Но войска перешли через границу русскую, пылают села неверных на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится через дикие поляны... О как жадно вдыхал Юрий этот теплый ароматный воздух, как страстно он кидался в шумную стычку, с каким наслаждением погружал свою шпагу во внутренность безобразного турка, который, выворотив глаза, с судорожным движением кусал и грыз холодное железо!.. Но кто эта пленница, которую так бережливо скрывает он в шатре своем от взоров товарищей, любопытных и нескромных? кто она!.. О это тайна! тайна, которую знает лишь он да бог, если богу есть какое-нибудь дело до сердца человеческого!..

Он нашел ее полуживую, под пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась в глубине души его, и он поднял Зару*, — и с этих пор она жила в его палатке, незрима и прекрасна как ангел; в ее чертах всё дышало небесной гармонией, ее движения говорили, ее глаза ослепляли волшебным блеском, ее беленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была

восхитительна как фарфоровая игрушка, ее смугловатая твердая грудь воздымалась от малейшего вздоха... страсть блистала во всем: в слезах, в улыбке, в самой неподвижности — судя по ее наружности она не могла быть существом обыкновенным; она была или божество или демон, ее душа была или чиста и ясна как веселый луч солнца, отраженный слезою умиления, или черна как эти очи, как эти волосы, рассыпающиеся подобно водопаду по круглым бархатным плечам... так думал Юрий и предался прекрасной мусульманке, предался и телом и душою, не удостоив будущего ни единым вопросом.

Прошли две недели... и он еще не был утомлен сладострастием, не был пресыщен поцелуями... о друзья мои, это не шутка: две недели!..

Однажды... как живо теперь в его памяти представляется эта грозная ночь!.. Юрий спал на мягком ковре в своей палатке; походная лампада догорала в углу и по временам неверный блеск пробегал по полосатым стенам шатра, освещая серебряную отделку пистолетов и сабель, отбитых у врага и живо-

писно развешанных над ложем юноши; Юрий спал... но вдруг, как ужаленный скорпионом, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и светлый кинжал!.. ад и проклятие!.. еще вчера он ненасытно лобзал эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку он бы отдал всё свое имущество!.. в одно мгновение вырвал он у Зары смертоносное орудие и кинул далеко от себя; но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки, склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно все упреки, все обиды... о, в ней точно кипела южная кровь!..

— Неблагодарная, змея! — воскликнул Юрий, — говори, разве смертью плотят у вас за жизнь? разве на все мои ласки ты не знала другого ответа, как удар кинжала?.. боже, создатель! такая наружность и такая душа! о если все твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адом и раем?.. нет! Зара, нет! это не может быть... отвечай смело: я обманулся, это сон! я болен, я безумец... говори: чего ты хочешь?

— Я хочу свободы! — отвечала Зара.

— Свободы!.. а! я тебе наскучил... ты вспомнила о своих минаретах, о своей хижине — но они сгорели... с той поры моя палатка сделалась твоей отчизной... но ты хочешь свободы... ступай, Зара... божий мир велик. Найди себе дом, друзей... ты видишь: и без моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; он долго следовал за нею взором и мечтою; луна озаряла ее длинное покрывало, которое как белый туман обвивалось вокруг ее гибкого стана; она как призрак неслышно скользила по траве... вот скрылась вдали за палаткой, вот мелькнула, и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навеки!

На другой день рано утром, бледный, с мутным взором, беспокойный, как хищный зверь, рыскал Юрий по лагерю... всё было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдруг в одном шатре Юрий слышит ропот поцелуев, вздохи, стон любви, смех и снова поцелуи; он прислушивается — он видит щель в разорванном полотне, непреодолимая сила приковала его к этой щели... его взоры погружаются во внут-

ренность подозрительного шатра... боже правый! он узнает свою Зару в объятиях артиллерийского поручика!

Он не был мстителен; не злоба, но глубокая печаль проникла в его душу... он много, много плакал, хотел умереть — и не умер, решил забыть Зару... и, друзья мои! — забыл ее!..

Наконец кончилась война, знамена русские, пошумев над берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрий решил мстить изменой всем женщинам вместо одной — чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна 30-летняя вдова рыдала у ног его, не одна богатая барыня сыпала золотом, чтоб получить одну его улыбку... в столице, на пышных праздниках, Юрий с злобною радостью старался ссорить своих красавиц, и потом, когда он замечал, что одна из них начинала изнемогать под бременем насмешек, он подходил, склонялся к ней с этой небрежной ловкостью самодовольного юноши, говорил, улыбался... и все ее соперницы бледнели... о как Юрий забавлялся сею тайной, но убивственной войною! но что ему осталось от

всего этого? — воспоминания? — да, но какие? горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румяной корою, таят под нею пепел, сухой горячий пепел! и ныне сердце Юрия всякий раз при мысли об Ольге, как трескучий факел, окропленный водою, с усилием и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось в груди его, как ягненок под ножом жертвоприносителя. Он смутно чувствовал, что это его последняя страсть, узел, который судьба, не умея расплесть, перерубит, подобно Александру.

Глава XX

Федосей, не быв никем замечен, пробрался через гумна и наконец спустился в знакомый нам овражек, перелез через плетень и приблизился к бане; но что же? в эту решительную минуту внезапный туман покрыл его мысли, казалось, незримая рука отталкивала его от низенькой двери, — и вместе с этим он не имел силы удалиться, как боязливая птица, очарованная магнетическим взором змеи! С минуту он оставался неподвижим, но вдруг опомнился, толкнул дверь — и вошел... Но

переступая через порог, он оглянулся — и ему показалось, что черная тень мелькнула за рябиновым кустом; он не успел различить ее формы; но тайное предчувствие говорило ему, что или злой дух или злой человек. Когда Федосей, пройдя через сени, вступил в баню, то остановился пораженный смутным сожалением; его дикое и грубое сердце сжалось при виде таких прелестей и такого страдания: на полу сидела, или лучше сказать, лежала Ольга, преклонив голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правой рукою; ее небесные очи, полузакрытые длинными шелковыми ресницами, были неподвижны, как очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзии, которую так нестройно, так обильно изливают взоры безумных; можно было тотчас заметить, что с давних пор ни одна алмазная слеза не прокатилась под этими атласными веками, окруженными легкой коришневатой тенью: все ее слезы превратились в яд, который неумолимо грызет ее сердце; ржавчина грызет железо, а сердце 18-летней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит

его как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья; ручей — это надежда; покуда она светла и жива, то в несколько мгновений следы изглажены; но если однажды надежда испарилась, вода утекла... то кому нужна до этих ничтожных следов, до этих незримых ран, покрытых одеждою приличий.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыром полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоров, когда взошел Федосей; фонарь с умирающей своей свечою стоял на лавке, и дрожащий луч, прорываясь сквозь грязные зеленые стекла, увеличивал бледность ее лица; бледные губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тень на круглое, гладкое плечо, которое, освобождаясь из плена, призывало поцелуй; душегрейка, смятая под нею, не прикрывала более высокой, роскошной груди; два мягкие шара, белые и хладные как снег, почти совсем обнаженные, не волновались как прежде: взор мужчины беспрепятственно покоился на них, и ни малейшая краска не пробегала ни по

шее, ни по ланитам: женщина, только потеряв надежду, может потерять стыд, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознание женщины в неприкосновенности, в святости своих тайных прелестей.

Спрятав ноги под длинное платье, лежала Ольга, и в недоумении перед нею стоял уполномоченный посланник Юрия; наконец он нетерпеливо дернул ее за рукав:

— Вставай, вставай — время дорого!..

— Ты опять здесь! — простонала она, не приподнимая головы.

— Какой чорт! опять... да ты меня не узнала, што ли! вставай, время дорого!.. Юрий Борисыч ждет за гумнами... неравно без меня что с <ним> случится...

— О не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... о Вадим: дай мне по крайней мере умереть в покое... тебе судьба за меня отплотит!

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй! — какой тут Вадим? — я Федосей — чай, меня не забыла... да вставай... барин остался один... а время опасное...

Как пробужденная от сна, вскочила Ольга,

не веруя глазам своим; с минуту пристально вглядывалась в лицо седого ловчего и наконец воскликнула с внезапным восторгом: «так он меня не забыл? так он меня любит? любит! он хочет бежать со мною, далеко, далеко...» — и она прыгала и едва не целовала шершавые руки охотника, — и смеялась и плакала... «нет, — продолжала она, немного успокоившись, — нет! бог не потерпит, чтоб люди нас разлучили, нет, он мой, мой на земле и в могиле, везде мой, я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, — он создан для меня, — нет, он не мог забыть свои клятвы, свои ласки...»

— Я этого ничего не знаю, — прервал хладнокровно Федосей, — уж вы там с барином согласитесь, как хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что нам пора... если уж не поздно!..

— Но, куда, как?

— Уж это мое дело!.. провал побери! разве не веришь?

— Федосей, если ты обманываешь!

— Оборони боже! что я за бусурман; — да скорее! Юрий Борисович ждет нас за гумна-

ми, на дороге, — чай, глазыньки проглядел!..

— Я готова.

Федосей, подав ей знак молчать, приблизился к двери, отворил ее до половины и высунул голову с намерением осмотреть, всё ли кругом пусто и тихо; довольный своим обзором, он покашляв проворчал что-то про себя и уж готовился совершенно расхлопнуть дверь, как вдруг он охнул, схватил рукой за шею, вытянулся и в судорогах упал на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги. Она затряслась всем телом, хотела кричать — не могла... Перед нею Федосей плавал в крови своей, грыз землю и скреб ее ногтями; а над ним с топором в руке на самом пороге стоял некто еще ужаснее, чем умирающий: он стоял неподвижно, смотрел на Ольгу глазами коршуна и указывал пальцем на окровавленную землю: он торжествовал, как Геркулес, победивший змея: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набегала на его красные губы: в ней дышала то гордость, то презрение, то сожаленье — да, сожаленье палача, который не из собственной воли, но по повелению высшей власти наносит смертный удар.

— Ты видишь! — сказал наконец Вадим с глухим смехом, — я сдержал свое обещание!.. Это он! не бойся взглянуть на искаженные черты некогда молодого светлого лица; это он! тот самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губах твоих замирал в упоении, кто за один твой нежный взгляд оставил долг, отца и мать, — для кого и ты бы их покинула, если б имела... это он! бедный, глупый юноша! который так гордился своим дворянским происхождением, который с таким самодовольством носил свой зеленый раззолоченный мундир, который окруженный лестию сыпал деньги своим льстецам, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтоб женщина кинулась в его объятия — да! что же он теперь!.. окровавленный прах! бездушный чурбан, не чувствующий даже обиды... и Вадим толкнул ногою охладевший труп и продолжал: Как отвратителен теперь он должен быть... но смотри, Ольга! я не хочу смягчать душу этим зрелищем: посмотри, как хороши его закатившиеся белые глаза... Творец небесный! и кто же всё это сделал? кто превратил прекрасное создание бога

в глыбу грязи?.. кто наплатил эти кудри багряным напитком? кто разбрызгал по стене этот белый, чистый мозг... кто? — я, я! — ха, ха, ха! ха! презренный нищий, бессильный раб, безобразный горбач!.. да, да! — неужели это так удивительно?.. Я говорил тебе, Ольга: не люби его!.. ты не послушалась, ты, как обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышные обещания... ты мне не поверила: он обещал тебе счастье — мечту — а я обещал: месть и верную месть: ты выбрала первое; ты смела помыслить, что люди могут противиться судьбе; будто бы я уж так давно отвергнут богом, что он захочет мне отказать в первом, последнем, единственном удовольствии!.. Я твой брат, Ольга, брат! господин, повелитель, царь твой. Нас только двое на свете из всего семейства; мой путь должен быть твоим; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: где бушует моя ненависть, там не цвести любви твоей... — Он на минуту замолк, его волосы стояли дыбом, глаза разгорались как уголья, и рука, простертая к Ольге, дрожала на воздухе; он поставил ногу на грудь мертвецу так креп-

ко, что слышно было, как захрустели кости, и, приняв торжественный вид жреца, произнес: — Свершилось первое мое желание! он пал; вот он — убийца моих надежд, вот он, губитель моего первого блаженства; ненавижу тебя, и в могиле, и берегись, если мы когда-нибудь встретимся на том свете! а ты, Ольга — ты, ступай, куда хочешь; между нами все счета кончены; я тебе заплатил — живи, умри — мне всё равно. Прощай, сестра — прощай и ты, бедный юноша!

И Вадим, пожав плечами, приподнял голову мертвеца за волосы, обернул ее к фонарю — взглянул на позеленевшее лицо — вздрогнул — взглянул еще ближе и пристальней — вдруг закричал, — и отскочил как бешеный; голова, выпущенная из рук, ударилась о землю, как камень; это было мгновение — но в сем мгновении заключалась целая ужасная драма. Вадим, обманутый в последней надежде, потерялся; он не мог держаться на ногах, бледный, страшный, он присел на скамью — и как вы думаете, что он делал? плакал!.. — да, плакал, как ребенок, горькими слезами!

Он сидел и рыдал, не обращая внимания ни на сестру, ни на мертвого: бог один знает, что тогда происходило в груди горбача, потому что, закрыв лицо руками, он не произнес ни одного слова более... он, казалось, понял, что теперь боролся уже не с людьми, но с провидением и смутно предчувствовал, что если даже останется победителем, то слишком дорого купит победу: но непоколебимая железная воля составляла всё существо его, она не знала ни преград, ни остановок, стремясь к своей цели. Так неутомимая волна день и ночь без устали хлещет и лижет гранитный берег: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый раз отброшена в дальнее море... но ничто ее не может успокоить: и вот проходят годы, и подмытая скала срывается с берега и с гулом погружается в бездну, и радостные волны пляшут и шумят над ее могилой.

И в самом деле, что может противустоять твердой воле человека? — воля — заключает в себе всю душу; хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, — жить, одним

словом; воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса... о если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогущи и всезнающи были бы мы!..

Не знаю, сколько часов сидел в забытии Вадим, но когда он поднял голову, то не нашел возле себя сестры; свежий ветер утра, прорываясь в дверь, шевелил платьем убитого и по временам казалось, что он потрясал головой, так высоко взвевались рыжие волосы на челе его, увлажненном густой, полузапекшейся кровью. Вадим холодно взглянул на Федосея, покачал головой с сожалением, перешагнул через протянутые ноги и пошел скорыми шагами вдоль по оврагу. Восток белел приметно, и розовый блеск змеей обрисовывал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крылами, держащего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклона; фантастически отделялись предметы на даль-

нем небосклоне, и высокие сосны и березы окрестных лесов чернели, как часовые на рубеже земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь белый туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь брачное покрывало, всё было свято и чисто — а в груди Вадима какая буря!

Глава XXI

Было около 2-х часов пополудни; солнце медленно катилось по жарким небесам, и гибкие верхи деревьев едва колебались, перешептываясь друг с другом; в густом лесу изредка попевали странствующие птицы, изредка вещая кукушка повторяла свой унылый напев, мерный, как бой часов в сырой готической зале. На мураве, под огромным дубом, окруженные часто сплетенным кустарником, сидели два человека: мужчина и женщина; их руки были исцарапаны колючими ветвями и платья изорваны в долгом странствии сквозь чащу; усталость и печаль изображались на их лицах, молодых, прекрасных.

Молодая женщина, скинув обувь, измокшую от росы, обтирала концом большого платка розовую, маленькую ножку, едва раз-

рисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нежными прозрачными ноготками; она по временам поднимала голову, отряхнув волосы, ниспадающие на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидал рассеянные взгляды, то на нее, то на небо, то в чащу леса; по временам он наморщивал брови, когда мрачная мысль прокрадывалась в уме его, по временам неожиданная влажность покрывала его голубые глаза, и если в это время они встречали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, как будто бы пораженные ярким лучом солнца.

— Ты задумчив! — сказала она. — Но отчего? — опасность прошла; я с тобою... Ничто не противится нашей любви... Небо ясно, бог милостив... зачем грустить, Юрий!.. это правда, мы скитаемся в лесу как дикие звери, но зато, как они, свободны. Пустыня будет нашим отечеством, Юрий, — а лесные птицы нашими наставниками: посмотри, как они счастливы в своих открытых, тесных гнездах...

— Да, — отвечал Юрий... — счастливы!.. и я возле тебя счастлив!.. но твои шутки иногда

для меня мучительны!..

— Разве лучше, если я буду плакать!..

— Ольга, ты мой ангел утешитель!.. о, если б ты знала, какие грозные предчувствия теснятся в душе моей!.. и как было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи так нагло разливались в народе?.. Отчего они тогда казались нам невероятны?.. а теперь! — русские дворяне гибнут и скрываются в лесах от простого казака, подлого самозванца, и толпы кровожадных разбойников!.. все, которые доселе готовы были целовать наши подошвы, теперь поднялись на нас... о змеи! змеи! если б я знал, я бы раздавил вас... и вдруг, в одну ночь всё погибло... мать... отец... имущество, — родная кровля... всё отнято... здесь ждет голод, холод, жизнь нищего — а там виселица, пытки, позор... боже! что мы сделали? — о казни меня сам, но зачем поручить орудье казни этой грязной подлой толпе рабов?..

— Юрий, успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кроме твоей нежности... я видела кровь, видела ужасные вещи, слышала слова, которых бы ангелы испу-

гались... но на груди твоей всё забыто: когда мы переплывали реку на коне, и ты держал меня в своих объятиях так крепко, так страстно, я не позавидовала бы ни царице, ни райскому херувиму... я не чувствовала усталости, следуя за тобой сквозь колючий кустарник, перелезая поминутно через опрокинутые рогатые пни... это правда, у меня нет ни отца, ни матери... — При сих словах, произнесенных без умысла, она побледнела и замолкла, как будто сама испугалась их... Юрий обхватил ее мягкий стан, приклонил к себе и поцеловал ее в шею: девственные груди облились румянцем и заволновались, стараясь вырваться из-под упрямой одежды... о, сколько сладострастия дышало в ее полураскрытых пурпуровых устах! он жадно прилепился к ним, лихорадочная дрожь пробежала по его телу, томный вздох вырвался из груди...

— Ты права! — говорил он, — чего мне желать теперь? — пускай придут убийцы... я был счастлив!.. чего же более для меня? — я видал смерть близко на ратном поле, и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я тверд душой и телом, и до конца не потеряю

надежды спастись вместе с тобою... но если надобно умереть, я умру, не вздрогнув, не протонав... клянусь, никто под небесами не скажет, что твой друг склонил колена перед низкими палачами!..

В таких разговорах пролетел час: они встали и пошли на восток, углубляясь в лес более и более... вот подошли к оврагу, и Юрий заметил изломанные ветви и следы человека на сухих и гнилых листьях, коими усеяна была земля:

— Пойдем по этому следу, Ольга, — сказал он, подумав немного: — он приведет нас куда-нибудь; быть может, к месту спасения. Чего бояться! пойдем... умереть с голоду хуже, а если бог сохранил нас доселе, то это значит, что он хочет быть нашим спасителем и далее... перекрестись, и пойдем.

Несколько времени они шли, прилежно разбирая следы, местами засыпанные свежими листьями и забросанные сухим валежником; наконец, после долгих и утомительных разысканий, они выбрались на небольшую поляну, на которой между несколькими деревьями возвышались три нам уже знакомые

кургана...

— Что это значит, — воскликнул Юрий, заметив чернеющие выходы пещер.

— Пстой, пстой, Юрий... так точно....
благодари провидение — мы спасены...

— Но что такое? — я не понимаю тебя!

— Я слышала много рассказов про эти пещеры, Юрий. Под этими курганами таятся глубокие подземные ходы, куда только самые смелые охотники прокрадывались... но нам чего бояться!.. это место безопаснее самого крепкого терема.

— В самом деле, — отвечал Юрий, осматривая место, — если все эти рассказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли в них дикий медведь... или другой негостеприимный пустынный.

Подойдя к одному из отверстий *Чортова логовища*, Юрию показалось, что слышит запах дыма, он всунул туда голову; точно! но что это значит? уж не занята ли их квартира? Он сообщил свое замечание Ольге: она испугалась; схватила его за руку и, как будто в этой пещере скрывалось грозное чудовище, с трепетом воскликнула: «пойдем — отсюда —

пойдем... не медли ни минуты...»

— Идти... но куда же? — ты забыла, что у нас кроме синего неба и темного леса нет ни кровли, ни пристанища... и чего бояться... это явно, что в пещере есть жители... кто они таковы?.. что нам за дело... если они разбойники, то им нечего с нас взять, если изгнанники, подобно нам — то еще менее причин к боязни... К тому же в теперешние времена злодеи и убийцы не боятся смотреть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица в народе...

— Но я боюсь, Юрий, твои убеждения ничтожны, я боюсь, — и она, как пугливое дитя, уцепилась за его руку и, устремив на него умоляющий взгляд, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенок! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи в пещеру — пойдем далее... это западня... как там темно, как страшно...

— Послушай... если мы пойдем далее, то, не зная окрестностей, забредем бог знает куда, и попадемся в руки казаков: тогда я неизбежно погиб — разве ты хочешь моей смерти

!..

— Юрий... и ты смеешь делать такие вопросы!..

— Итак,пусти меня... или лучше пойдём вместе в это подземелье, и пусть будет, что суждено!..

С сими словами,вынув шпагу, он на коленях вполз в одно из отверстий, держа перед собою смертоносное оружие, и, ощупью подвигаясь вперед, дошел до того места, где можно было идти прямо; сырой воздух могилы проник в его члены, отдаленный ропот начал поражать его слух, постепенно увеличиваясь; порою дым валил ему навстречу, и вскоре перед собою, хотя в отдалении, он различил слабый свет огня, который то вспыхивал, то замирал. Сердце его забилося ожиданием; он начал подвигаться тише, стараясь произвести как можно менее шума и готовясь к отчаянному сопротивлению в случае неожиданного нападения хозяев этого мрачного жилища; даже если бы то были существа бесплотные, духи зла и обмана!..

Когда Юрий взошел в круглую залу, неровно освещенную трескучим огоньком, разло-

женным у подошвы четвероугольного столба, то сначала он ничего не мог различить; пожирая несколько сухих смолистых ветвей, огонь ярко вспыхивал, бросая красные искры вокруг себя; и дым слоями расстилался по всему подземелью; Юрий остановился на минуту, чтоб хорошенько осмотреться, и когда глаза его привыкли немного к этой смрадной и туманной атмосфере, то он заметил в одной из впадин стены что-то похожее на лицо человека, который, прижавшись к земле, казалось, не обращал на него внимания; Юрий решился подойти поближе и, приготовившись к защите, закричал громовым голосом:

— Кто здесь?.. вставай! что ты за человек?.. друг или недруг!.. отвечай сию минуту или будет худо!..

Неизвестный приподнялся, вздрогнул, потер глаза и, схватив огромную дубину, лежавшую у ног его, размахнулся, не отвечая на слова; окруженный дымом, который, как известно, имеет свойство увеличивать предметы, и озаренный неровным светом огня, житель пещеры казался, вероятно, несравненно страшнее и огромнее, нежели был в самом де-

ле.

Юрий, видя неравенство борьбы и не надеясь отразить удар дубины тонкой стальной шпагой, отскочил проворно назад. Дубина упала на огонь: красные уголья и дымные головешки с треском полетели во все стороны.

— Остановись, — сказал Юрий, — или я тебя пронжу насквозь.

Незнакомец, как будто пораженный его голосом, остановился, начал всматриваться и произнес довольно невнятно: «кто ты?»

В эту минуту яркий луч догорающего огня озарил лицо Юрия: незнакомец, не дождавшись ответа, кинулся к нему и заревел хриплым голосом: «сын мой, сын мой!..»

Они упали друг другу в объятия; они плакали от радости и от горя; и волчица прыгает и воет и мотает пушистым хвостом, когда найдет потерянного волченка; а Борис Петрович был человек, как вам это известно, то есть животное, которое* ничем не хуже волка; по крайней мере так утверждают натуралисты и философы... а эти господа знают природу человека столь же твердо, как мы, грешные, наши утренние и вечерние молитвы; —

сравнение чрезвычайно справедливое!..

Между тем отец и сын со слезами обнимали, целовали друг друга и не замечали, что недалеко от них стояло существо, им совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, нежное, женщина с огненной душой, с душой чистой и светлой как алмаз; не замечали они, что каждая их ласка или слеза были для нее убивственней, чем яд и кинжал; она также плакала, — но одна, — одна — как плачет изгнанный херувим, взирая на блаженство своих братьев сквозь решетку райской двери.

Когда Борис Петрович рассказал сыну, каким образом с помощью бедной и гостеприимной солдатки он был отведен в это уединенное убежище, то прибавил:

— Я решился здесь оставаться, пока всё не утихнет, войска разобьют бунтовщиков в пух и в прах, это необходимо... но что можем мы сделать вдвоем, без оружия, без друзей... окруженные рабами, которые рады отдать всё, чтоб посмотреть, как труп их прежнего господина мотается на виселице... ад и проклятие! кто бы ожидал!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, что до вас не доходили слухи, разлитые так изобильно в нашем глупом народе!

— Слухи! слухи! а кто им верил? напасть божия на нас грешных, да и только!.. Живи теперь, как красный зверь в зимней берлоге, и не смей носа высунуть... сиди, не пей, не ешь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесет тебе куска хлеба... вот он сказал, что будет сегодня поутру, а всё нет, как нет!.. чай, солнце уж закатилось, Юрий?.. а, Юрий?

Юрий не слышал, не слушал; он держал белую руку Ольги в руках своих, поцелуями осушал слезы, висящие на ее ресницах... но напрасно он старался ее успокоить, обнадежить: она отвернулась от него, не отвечала, не шевелилась; как восковая кукла, неподвижно прислонившись к стене, она старалась вдохнуть в себя ее холодную влажность; отчего это с нею сделалось?.. как объяснить сердце молодой девушки: миллион чувствований теснится, кипит в ее душе; и нередко лицо и глаза отражают их, как зеркало отражает буквы письма — наоборот!..

— Здравствуй, Оленька, — сказал Борис Петрович, подойдя к ним... — ты в пору зачванилась, не поклонилась мне, не поздоровалась... правда, я теперь, как ты сама, без крова, без имущества.

— Разве я тогда была с вами ласковее, — отвечала она отрывисто. —

— А разве нет? — ох! много воды утекло с тех пор, как мы с тобой в последний раз поцеловались... ты переменялась, побледнела... а всё еще красавица, хоть куда!

Он слегка ударил ее по плечу и хотел взять за подбородок, но Юрий, покраснев, схватил его за руку... опомнясь в ту же минуту, он тихо отвел руку отца и, отойдя с ним немного в сторону, сказал глухим, но внятным голосом:

— Если хотите быть моим отцом, иметь во мне покорного сына, то вообразите себе, что эта девушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыхание оставит вечные пятна. Вы меня поняли... простите меня: моя кровь кипит при одной мысли — я не меряю слова на аршин приличий... вы согласились на мое предложение? в противном случае... всё, всё забыто! уважение имеет гра-

ницы, а любовь — никаких!

Глава XXII

Что же делал Вадим? о, Вадим не любил праздности! С восходом солнца он отправился искать сестру, на барском дворе, в деревне, в саду — везде, где только мог предположить, что она проходила или спряталась, — неудача за неудачей!.. досадуя на себя, он задумчиво пошел по дороге, ведущей в лес мимо крестьянских гумен; поровнявшись с ними и случайно подняв глаза, он видит буланую лошадь, в шлее и хомуте, привязанную к забору; он приближается... и замечает, что трава измята у подошвы забора! и вдруг взор его упал на что-то пестрое, похожее на кушак, повисший между цепких репейников... точно! это кушак!.. точно! он узнал, узнал! это цветной шелковый кушак его Ольги! Какой внезапный луч истины озарил ум печального горбача! она бежала: это ясно — но с кем? — с кем!.. разве нужно спрашивать... о, при одной мысли об нем, при одном имени Юрия, вся кровь Вадима превращается в желчь! «Нечего делать! — думал горбач, скрежеща зубами, — тебе удалось меня поддеть, ты из рук моих

вырвал добычу, ты посмеялся над уродливым нищим, дерзкий безумец — но будет и на нашей улице... праздник!..» Он вскочил на лошадь, и ударами принудил измученного коня скакать по дороге в селение... в его голове уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушения.

На широкой и единственной улице деревни толпился народ в праздничных кафтанах, с буйными криками веселья и злобы, вокруг 30 казаков, которые, держа коней в поводу, гордо принимали подарки мужиков и тянули ковшами густую брагу, передавая друг другу ведро, в которое староста по временам подливал хмельного напитка. Девки и молодки в красных и синих кумачных сарафанах, по четыре и более, держа друг друга за руки, ходили взад и вперед по улице, ухмыляясь и запевая веселые песни; а молодые парни, следуя за ними, перешептывались и порою громко отпускали лихие шутки на счет дородности и румянца красавиц. Вино и брага приметно распорядили их словами и мыслями; они приметно позволяли себе больше вольностей, чем обыкновенно, и женщины были примет-

но снисходительней; но оставим буйную молодежь и послушаем об чем говорили воинственные пришельцы с седобородыми старшинами? — отгадать не трудно!.. они требовали выдачи господ; а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бежали; увы! к несчастью казаки были об них слишком хорошего мнения! они не хотели даже слышать этого, и урядник уже поднимал свою толстую плеть над головою старосты, и его товарищи уж произносили слово пытка; между тем некоторые из них отправились на барский двор и вскоре возвратились, таща приказчика на аркане. Урядник, по прозванию Орленко, мужчина в полном значении сего слова, высокий, крепкий сложением, усастый, с черною бородкой и румяными щеками, кинул презрительный взгляд на бледного приказчика, который, произнося несвязные слова и возгласы, стоял перед ним на коленях, с руками, связанными на спине; конец веревки был в руке одного маленького рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивал.

— Что это за птица, Грицкó? — сказал уряд-

ник маленькому казаку, — что это за кликуша?.. отчего ревет как вол?.. уж не он ли здешний господин?..

— А бис его знает! — отвечал Грицко́. — Говорит, шчо приказчик... ведь от этих москалей без плетки толку не добьешься... я его нашел под лавкой в кухне и насилу выкурил оттуда головешкой!..

Улыбка показалась на устах урядника, когда он заметил опаленные волосы и брови несчастного пленника, который, не спуская с него глаз и перестав кричать, казалось, старался на лице казака прочесть свой приговор.

— Так ты приказчик? — спросил Орленко, обратясь к нему грозно.

Несчастный задрожал, хотел что-то вымолвить и заикнулся.

— Что ж ты молчишь, собачий сын! — я тебе этим кинжалом расцеплю зубы!..

— Виноват! я приказчик!..

— А! так ты виноват! — сказал Орленко, наморщив брови и желая над ним позабавиться, — в чем же ты виноват? сейчас признавайся... а не то, видишь! — он пальцем указал на свои пистолеты!..

— Батюшка!.. нет, я ни в чем не виноват!
ваше ж благородие! помилуй!

— Ты у меня запираешься!..

— Виноват! — опять заревел приказчик... — сжальтесь! Я от страха не знаю, что говорю... я приказчик... если б я знал, где господа, так я бы сам их выдал нашему батюшке!.. я бы сам полюбовался на их виселицу... я бы сам их сжег на костре, сам бы своими руками с них кожу содрал с живых!..

— Будто бы! — точно ли?..

— Да убей меня бог! если я бы хоть один волосок за них отдал, злодеев!..

— Ну, а скажи-ка! отчего у тебя борода обрита?..

— Борода! — да так... а что, родимый!..

— Эй, ребята! — я замечаю, что это плут большой руки!..

— Ваше превосходительство! — сказал приказчик, привстав с большою уверенностью, — извольте спросить у всех мирян, любил ли я господ своих...

— Эй, вы! правду ли он говорит?..

Мужики переминались, почесывали затылок, кашляли.

— Видишь, молчат! — сказал насмешливо Орленко... — да я подозреваю... уж не сам ли ты Палицын!.. борода-то мне подозрительна!.. эй, мужички!.. как вы думаете! ха, ха, ха!

Увы, народ молчал.

Приказчик бросил отчаянный взгляд кругом — но, не встретив нигде сожаления, прикусил губу и не зная, что делать, закричал: «ах вы нехристы, бусурманы... что вы молчите, разве я не приказчик, Матвей Соколов; разве в первый раз вы меня видите... что это вы морочите честных людей. Ах вы каналы — разве забыли, как я вас порол... или еще хочется?»

Лукавые мужики покашливали; наконец, один из них, покачав головой, молвил: «пороть-то ты нас, брат, порол... грешно сказать, лучшего мы от тебя ничего не видали... да теперь-то ты нас этим, любезный, не настращаешь!.. всему свое время, выше лба уши не растут... а теперь, не хочешь ли теперь на себе примерить!..»

— Что же! ты его признаешь за барина своего? — спросил Орленко...

— Барин-то он не совсем барин, — сказал

мужик, — да яблоко от яблони не далеко падает; куды поп, туда и попова собака...

— Что ж я буду с ним делать?..

— А что хочешь, кормилец! нам всё равно !.. как присудишь!.. — заговорило несколько голосов.

Приказчик упал в ноги уряднику и заревел: «смилуйся, отец родной, золотой ты мой, серебряный, что я тебе сделал... неужто наш батюшка велит губить верных слуг своих».

— А на что ему таких трусов, таких баб, как ты! — вашей братьею только улицы мостить. — Эй, мужички, возьмите его себе... я вам его дарю на живот и на смерть! делайте из него, что хотите...

В одно мгновение мужики его окружили с шумом и проклятьями; слова смерть, виселица, отделяли<сь> по временам от общего говора, как в бурю отделяются удары грома от шума листьев и визга пронзительных ветров; все глаза налились кровью, все кулаки сжались... все сердца забились одним желанием мести; сколько обид припомнил каждый! сколько способов придумал каждый заплатить за них сторицею...

Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея... и человек уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь в поту, с изорванными одеждами, явился перед казаками... Когда урядник его увидал, то снял шапку и поклонился, как старому знакомому, но Вадим, ибо это был он, не заметив его, обратился к мужикам и сказал: «отойдите подальше, мне надо поговорить о важном деле с этими молодцами»... мужики посмотрели друг на друга и, не заметив ни на чьем лице желания противиться этому неожиданному приказу, и побежденные решительным видом страшного горбача, отодвинулись, разошлись и в нескольких шагах собрались снова в кучку.

Тогда Вадим обернулся к уряднику:

— Здравствуй, Орленко, — сказал он отрывисто... — зверя я соследил, а поймать ваше дело...

— Уж ты молодец, Красная шапка... знаем мы тебя... — с этими словами Орленко ударил его по плечу...

Едва приметная тень неудовольствия пробежала по лицу Вадима, но обиженная гор-

досьт повиновалась необходимости... как быть! этим ли еще одним он пожертвовал для своей грозной цели?..

— Если хотите, я вас наведу на след Палицына: пожива будет, за это отвечаю, — только с условием... и чорт даром не трудится...

— Только укажи след, — сказал улыбаясь Орленко, — а уж за наградой дело не станет; сколько бы денег на нем ни нашли, — вот тебе крест, — десятую долю тебе!..

— Денег!.. нет, я не хочу денег...

— Чего ж ты хочешь... крови?..

— Да, крови! — с диким хохотом отвечал горбач.

— Что ж, и за этим дело не станет...

— О я вас знаю! вы сами захотите потешиться его смертью... а что мне толку в этом! что я буду? стоять и смотреть!.. нет, отдайте мне его тело и душу, чтоб я мог в один час двадцать раз их разлучить и соединить снова; чтоб я насытился его мученьями, один, слышите ли, один, чтоб ничье сердце, ничьи глаза не разделяли со мною этого блаженства... о, я не дурак... я вам не игрушка... слышите ли...

Некоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачным выражением этого лица, на котором так недавно стали отражаться его чувства во всей полноте своей!.. другие, перемигиваясь, смеялись над странными его телодвижениями.

— Ах ты урод, — сказал урядник, — ну кто бы ожидал от тебя такую прыть! ха! ха! ха!

Вадим побледнел, бросил на казака тот взгляд, который был его главным оружием; топнул ногою, заскрежетал, отвернулся, чтоб не могли прочесть его бешенства в багровых ланитах. Все смотрели на него с изумлением.

— Коня! — закричал он вдруг, будто пробудившись от сна. Дайте мне коня... я вас проведу, ребята, мы потешимся вместе... вам вся честь и слава, — мне же... — он вскочил на коня, предложенного ему одним из казаков и, махнув рукою прочим, пустился рысью по дороге; мигом вся ватага повскакала на коней, раздался топот, пыль взвилась, и след простыл...

С отчаянием в груди смотрел связанный приказчик на удаляющуюся толпу казаков,

умоляя взглядом неумолимых палачей своих; с дреколием теснились они около несчастной жертвы и холодно рассуждали о том, повесить его или засечь, или уморить с голоду в холодном анбаре; последнее средство показалось самым удобным, и его с торжеством, хохотом и песнями отвели к пустому анбару, выстроенному на самом краю оврага, втокнули в узкую дверь и заперли на замок. Потом народ рассыпался частью по избам, частью по улице; все сии происшествия заняли гораздо более времени, нежели нам нужно было, чтоб описать их, и уж солнце начинало приближаться к западу, когда волнение в деревне утихло; девки и бабы собрались на заваленках и запели праздничные песни!.. вскоре стада с топотом, пылью и блеянием, возвращаясь с паствы, рассыпались по улице, и ребятишки с обычным криком стали гоняться за отсталыми овцами... и никто бы не отгадал, что час или два тому назад, на этом самом месте, произнесен смертный приговор целому дворянскому семейству!..

Глава XXIII

Вадим ехал перед казаками по дороге, ве-

дущей в ту небольшую деревеньку, где накануне ночевал Борис Петрович. Он безмолвствовал; он мечтал о сестре, о родной кровле... он прощался с этими мечтами — навеки!

Казалось, его задумчивость как облако тяготела над веселыми казаками: они также молчали; иногда вырывалось шутливое замечание, за ним появлялись три-четыре улыбки — и только! вдруг один из казаков закричал: «стой, братцы! — кто это нам едет навстречу? слышите топот... видите пыль, там за изволоком!.. уж не наши ли это из села Красного?.. то-то, я думаю, была пожива, — не то, что мы, — чай, пальчики у них облизать, так сыт будешь... Э! да посмотрите... ведь точно видно они!.. ах разбойники, черти их душу возьми... Эк сколько телег за собой везут, целый обоз!..»

И точно, толпа, надвигающаяся к ним навстречу, более походила на караван, нежели на отряд вольных жителей Урала. Впереди ехало человек 50 казаков, предводительствуемых одним старым, седым наездником, на серой борзой лошади. За ними шло человек десять мужиков с связанными назад руками, с

поникишими головами, без шапок, в одних рубашках; потом следовало несколько телег, нагруженных поклажею, вином, вещами, деньгами, и, наконец, две кибитки, покрытые рогожей, так что нельзя было, не приподняв оную, рассмотреть, что в них находилось; несколько верховых казаков окружало сии кибитки; когда Орленко с своими казаками приблизился к ним сажень на 50, то, велел спутникам остановиться и подождать, приударил коня нагайкой и подскакал к каравану. «Здравствуй! молодец, — сказал ему седой наездник с приветливой улыбкой, — откуда и куда путь держишь? — А мы из села Красного, разбивали панский двор... и везем этих собак к Белбородке!.. он им совет пеньковое ожерелье, не будут в другой раз бунтовать...»

— Я отгадал, старый, что ты, верно, в Красном пировал... да, кажется, и теперь не с пустыми руками!..

— Да, нельзя пожаловаться на судьбу!.. бочки три вина везем к Белбородке!..

— К Белбородке!.. всё ему! а зачем!.. у него и без нас много! эх, молодцы, кабы вместо того, чем везти туда, мы его роспили за здоровье

родной земли!.. что бывам моих казачков не попотчевать? у них горло засохло как Уральская степь... ведь мы с утра только по чарке браги выпили, а теперь едем искать Палицына, и бог знает, когда с вами опять увидимся!..

Старый обратился к своим и молвил: «эй! ребята! как вы думаете? ведь нам до вечера не добраться к месту!.. аль сделать привал... своих обделять не надо... мы попируем, отдохнем, а там, что будет, то будет: утро вечера мудренее!..»

— Стой, — раздалось по всему каравану.

Стой! — скрипучие колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смешались с своими земляками и, окружив телеги, с завистью слушали рассказы последних про богатые добычи и про упрямых господ села *Красного*, которые осмелились оружием защищать свою собственность; между тем некоторые отправились к роще, возле которой пробегал небольшой ручей, чтоб выбрать место, удобное для привала; вслед за ними скоро тронулись туда телеги и кибитки, и, наконец, остальные казаки, ведя в поводу лошадей своих...

Когда Вадим заметил, что его помощники вовсе не расположены следовать за ним без отдыха для отыскания неверной добычи, особенно имея перед глазами две милovidные бочки вина, то, подъехав к Орленке, он взял его за руку и молвил: «итак сегодня нет надежды!»

— Да, брат... навряд, да признаюсь; мне самому надоело гоняться за этими крысами!.. сколько уж я их перевешал, право, и счет потерял; скорее сочту волосы в хвосте моего коня!..

Вадим круто повернул в сторону, отъехал прочь, слез, привязал коня к толстой березе и сел на землю; прислонясь к березе, сложив руки на груди, он смотрел на приготовления казаков, на их беззаботную веселость; вдруг его взор упал на одну из кибиток: рогожа была откинута, и он увидел... о если б вы знали, что он увидал? Во-первых, из нее показалась седая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лет 60, или более; его взгляд был мрачен, но благороден, исполнен этой холодной гордости, которая иногда рождается с нами, но чаще дается воспита-

нием, образуется от продолжительной привычки повелевать себе подобными. Одежда старика была изорвана и местами запятнана кровью — да, кровью... потому что он не хотел молча отдать наследие своих предков пошлым разбойникам, не хотел видеть бесчестье детей своих, не подняв меча за право собственности... но рок изменил!.. он уже перешагнул две ступени к гибели: сопротивление, плен, — теперь осталась третья — виселица!..

И Вадим пристально, с участием всматривался в эти черты, отлитые в какую-то особенную форму величия и благородства, исчерченные когтями времени и страданий, старинных страданий, слившихся с его жизнью, как сливаются две однородные жидкости; но последние, самые жестокие удары судьбы не оставили никакого следа на челе старика; его большие серые глаза, осененные тяжелыми веками, медленно, строго пробежали картину, развернутую перед ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойного, всепроникающего взгляда; но вот он об-

ратил их в внутренность кибитки, — и что же, две крупные слезы засверкав невольно выбежали на седые ресницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его; Вадим стал всматриваться с большим вниманием.

Вот показалась из-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, с детской полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устах; она прилегла на плечо старика так беспечно и доверчиво, как ложится капля росы небесной на листок, иссушенный полднем, измятый грозой и стопами прохожего, и с первого взгляда можно было отгадать, что это отец и дочь, ибо в их взаимных ласках дышала одна печаль близкой разлуки, без малейших оттенков страсти, святая печаль, попечительное сожаление отца, опасения балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотреть на них, он вскочил и пошел к другой кибитке: она была совершенно раскрыта, и в ней были две девушки, две старшие дочери несчастного боярина. Первая сидела и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на коленях; их

волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны... толпа веселых казаков осыпала их обидными похвалами, обидными насмешками... они однако не смели подойти к старику: его строгий, пронзительный взор поражал их дикие сердца непонятным страхом.

Между тем казаки разложили у берега речки несколько ярких огней и расположились вокруг; прикатали первую бочку, — началась пирушка... Сначала веселый говор пробежал по толпе, смех, песни, шутки, рассказы, всё сливалось в одну нестройную, неполную музыку, но скоро шум начал возрастать, возрастать, как грозное крещендо оркестра; хор сделался согласнее, сильнее, выразительнее; о, какие песни, какие речи, какие взоры, лица, телодвижения, буйные, вольные! Какие разноцветные группы! яркое пламя костров, согласно с догорающим западом, озаряло картину пира, когда Вадим решился подойти к ним, замешаться в их веселие.

— За здравие пана Белбородки! — говорил один, выпивая разом полный ковшик. — Он первый выдумал этот золотой поход!..

— Чёрт его поberi! — отвечал другой, покачиваясь; — славный малый!.. пьет как бочка, дерется как зверь... и умнее монаха!..

— Ребята!.. у кого из вас не замечен нынешний день на теле зарубкою, тот поди ко мне, я сослужу ему службу!..

— Ах ты хвастун, лях проклятый!.. ты во всё время сидел с винтовкой за амбаром... ха! ха! ха!..

— А ты, рыжий, где спрятался, признайся, когда старик-то заперся в светелке да начал отстреливаться...

— Я, а где бишь! да я тут же был с вами!.. да кто же, если не я, подстрелил того длинного молодца, что с топором высунулся из окна.

— Да это было прежде... ну, а если ты был тут, то скажи, что сделал старый боярин, когда наш Грицко удалый повалил его сына?..

— Что? ничего!..

— Так врешь! — он положил его поперек окна и, прислонив к нему ружье, выстрелил в десятского... вот повалил-то! как сноп! уж я целил, целил в его меньшую дочь... ведь разбойница! стоит за простенком себе да заряжает ружья... по крайней мере две другие лежа-

ли без памяти у себя на постелях...

— А много ваших легло?..

— Да человек десятков есть!.. зато уж мы, как ворвались в дом, всех покрошили, кроме господ... да этим суждено умереть не молодецкой смертью...

— Чего же вы ждете?.. осины есть... веревки есть...

— Да власти нет... старшина велит вести их к Белбородке!..

— Эх, кабы я был старшина!..

Тут ковш еще раз пропутешествовал по рукам, и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица разгорелись кровавым заревом.

— Кто вам мешает их убить! разве боитесь своих старшин? — сказал Вадим с коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха!.. «Кто мешает! — заревели пьяные казаки. — Кто смеет нам мешать!.. мы делаем, что хотим, мы не рабы, чорт возьми!.. убить, да, убить! отомстим за наших братьев... пойдете, ребята»... и толпа с воем ринулась к кибиткам; несчастный старик спал на груди своей

дочери; он вскочил... высунулся... и всё понял!
!..

— Чего вы хотите! — сказал он твердым голосом...

— А! старый ворон! старый филин!.. мы тебя выучим воздушной пляске... пожалуй-ка сюда... да выходи же! — сказал один, подтверждая приказание ударом плетью...

Старик медленно вышел из кибитки, дочь выпрыгнула вслед за ним, уцепилась обеими руками за его платье, — «не бойся! — шепнул он ей, обняв одной рукою, — не бойся... если бог не захочет, они ничего не могут нам сделать, если же»... он отвернулся... о, как изобразить выражение лица бедной девушки!.. сколько прелестей, сколько отчаяния!..

— Разнимите их! — закричал один кривой исполин, приготавливая петлю. — Что они лижутся!..

Их хотели растащить... но девушка в бешенстве укусила жестокую руку... «перестань! — сказал отец твердым голосом! ты этим не поможешь, если мне суждено погибнуть от злодейских рук, без покаяния, как бусурману...»

— Не может быть! не может быть, батюшка... ты не умрешь!

— Отчего же, дочь! не может быть?.. и Христос умер!.. молись...

Она отрывисто качнула головой — и заплакала...

Боже! какие слезы!..

Несмотря на это, их растащили; но вдруг она вскрикнула и упала; отец кинулся к ней, с удивительной силой оттолкнул двух казаков — прижал руку к ее сердцу... она была мертва, бледна, холодна как сырая земля, на которой лежало ее молодое непорочное тело.

— Теперь пойдете, — сказал старик; его глаза заблестали мрачным пламенем... он махнул рукою... ему надели на шею петлю, перекинули конец веревки через толстый сук и... раздался громкий хохот, потом вдруг молчание, молчание смерти!..

Но увь! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конец веревки, который взвился кверху; мученик сорвался, ударился о-земь, — и нога его хрустнула... он застонал и повалился возле трупа своей дочери. «Убийцы! — прохрипел он... —

вот вам мое проклятье! проклятье!..» — «Заткни ему горло!» — сказал Орленко... это было сожаленье...

Два ножа в минуту воткнулись в горло старика, и он умолк.

Когда казаки, захотев увериться в его кончине, стали приподнимать его за руки, то заметили, что в последних судорогах он крепко ухватил ногу своей дочери, впился в нее костяными пальцами, которые замерли на нежном теле... О, это было ужасно... они смеялись !..

Божественная, милая девушка! и ты погибла, погибла без возврата... один удар — и свежий цветок склонил голову!.. твое слабое сердце, как нить истлевшая — разорвалось... Ни одно рыдание, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей, резвой, чистой, как радужный мотылек, невинной, как первый вздох младенца... грозные лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятие было твоим надгробным словом!.. какая будущность! какое прошедшее! и всё в один миг разлетелось; так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собира-

ются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака, и упадают росой на бесчувственную землю!.. Мир с тобою, дева красоты, да ангел твой хранитель сплет над твоим прахом песнь мира, любви и прощанья...

А между тем Вадим стоял неподвижно, смотрел на нее и на старика так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт! он, чье неуместное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вам.

Во-первых, он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде такой казни, при виде самых ужасных мук человеческих — и нашел, что душу ничего не волнует;

Во-вторых, он хотел узнать, до какой степени может дойти непоколебимость человека... и нашел, что есть испытания, которых перенести никто не в силах... это ему подало надежду увидеть слезы, раскаяние Палицына — увидеть его у ног своих, грызущего землю в

бешенстве, целующего его руки от страха... надежда усладительная, нет никакого сомнения.

Уж было темно; огни догорали, толпа постепенно умолкала, и многие уж спали беззаботно...

Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи виющейся речки и туманную отдаленность; черные облака медленно проходили мимо нее, как ночной сторож ходит взад и вперед мимо пылающего маяка...

Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. К нему подошел Орленко:

— Посмотри, как весело! отчего ты один сердит, задумчив, горбач? — сказал он, ударив его по плечу.

— Ты видишь это облако, которое как медвежья косматая шуба висит над месяцем?.. — отвечал Вадим, приподняв голову с презрительной усмешкой.

— Вижу!

— Ну а как ты думаешь, что таится в глубине его?..

— Что?.. по-моему, гром и молния — вишь

как насушилось...

— И ты спрашиваешь, зачем я утрюм и молчалив?..

Орленко, не поняв горбача, пожал плечами и отошел прочь...

Глава XXIV

Теперь оставим пирующую и сонную ватагу казаков и перенесемся в знакомую нам деревеньку, в избу бедной солдатки: дело подходило к рассвету, луна спокойно озаряла соломенные кровли дворов, и всё казалось погруженным в глубокий мирный сон; только в избе солдатки светилась тусклая лучина и по временам раздавался резкий грубый голос солдатки, коему отвечал другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый — и это покажется чрезвычайно обыкновенным, когда я скажу, что солдатка била своего сына! Я бы с великим удовольствием пропустил эту неприятную, пошлую сцену, если б она не служила необходимым изъяснением всего следующего; а так как я предполагаю в своих читателях должную степень любопытства. то не считаю за необходимость долее извиняться.

— Ах ты лентяй! чтоб тебе сдохнуть... соба-

чий сын!.. — говорила мать, таская за волосы своего детища.

— Матушки, батюшки! помилуй!.. золотая, серебряная... не буду! — ревел длинный балбес, утирая глаза кулаками!.. — я вчера вишь понес им хлеба да квасу в кувшине... вот, слышь, мачка, я шел... шел... да меня леший и обошел... а я устал да и лег спать в кусты, мачка... вот, когда я проснулся. мне больно есть захотелось... я всё и съел...

— Ах ты разбойник... экого болвана вырастила, запорю тебя до смерти... — и удары снега градом посыпались ему на голову. «Чай он, мой голубчик, — продолжала солдатка, — там либо с голоду помер, либо вышел да попался в руки душегубам... а ты, нечесанная голова, и не подумал об этом!.. да знаешь ли, что за это тебя черти на том свете живого зажарят... вот родила я какого негодяя, на свою голову... уж кабы знала, не видать бы твоему отцу от меня ни к.....а!» — и снова тяжкие кулаки ее застучали о спину и зубы несчастного, который, прижавшись к печи, закрывал голову руками и только по временам выпускал стоны почти нечеловеческие.

И за дело! бедные изгнанники по милости негодяя более суток оставались без пищи, и отчаяние уже начинало вкрадываться в их души!.. и в самом деле, как выйти, где искать помощи, когда по всем признакам последние покровители их покинули на произвол судьбы?

Между тем, пока солдатка била своего парня, кто-то перелез через частокол, ощупью пробрался через двор, заставленный дровнями и колодами, и вошел в темные сени неверными шагами; усталость говорила во всех его движениях; он прислонился к стене и тяжело вздохнул; потом тихо пошел к двери избы, приложил к ней ухо и, узнав голос солдатки, отворил дверь — и вошел; догорающая лучина слабо озарила его бледное исхудавшее лицо... не говоря ни слова, он в изнеможении присел на скамью и закрыл лицо руками...

Хозяйка вскрикнула при виде незванного гостя, но вскоре, вероятно узнав его и опасаясь свидетелей, поспешно притворила дверь и подошла к нему с видом простодушного участия.

— Что с тобою, мой кормилец!.. ах, мать божия!.. да как ты зашел сюда... слава богу! я думала, что тебя злодеи-то давным-давно извели!..

— Случайно я нашел батюшку в Чортовом логовище, — отвечал он слабым голосом... — ты его спасла! благодарю... я пришел за хлебом.

— Ах я проклятая! ах я безумная! — а вы там, чай, родимые, голодали, голодали... нет, я себе этого не прощу... а ты, болван неотесанный, — закричала она, обратясь к сыну, — всё это по твоей милости! собачий сын... и снова удары посыпались на бедняка.

— Дай мне чего-нибудь! — сказал Юрий...

Эти слова напомнили ей дело более важное! она вынула из печи хлеба, поставила перед ним горшок снятого молока, и он с жадностью кинулся на предлагаемую пищу... в эту минуту он забыл всё: долг, любовь, отца, Ольгу, всё, что не касалось до этого благодатного молока и хлеба. Если б в эту минуту закричали ему на ухо, что сам грозный Пугачев в 30 шагах, то несчастный еще подумал бы: оставить ли этот неоцененный ужин и спа-

стись — или утолить голод и погибнуть!.. у него не было уже ни ума, ни сердца — он имел один только желудок!

Пока он ел и отдыхал, прошел час, драгоценный час; восток белел неприметно; и уже дальние края туманных облаков начинали одеваться в утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрий, обремененный ношею съестных припасов, собирался выдти из гостеприимной хаты; вдруг раздался на улице конский топот, и кто-то проскакал мимо окон; Юрий побледнел, уронил мешок и значительно взглянул на остолбеневшую хозяйку... она подбежала к окну, всплеснула руками, и простодушное загорелое лицо ее изобразило ужас.

— Делать нечего! — сказал Юрий, призвав на помощь всю свою твердость... — не правдали! я погиб. Говори скорее, потому что я не люблю неизвестности!..

Но хозяйка не отвечала; она приподняла половицу возле печи и указала на отверстие пальцем; Юрий понял сей выразительный знак и поспешно спустился в небольшой холодный погреб, уставленный домашней утва-

рью!

— Что бы ты ни слышал, что бы в избе ни творили со мной, барин, — не выходи отсюда прежде двух ден, боже тебя сохрани, здесь есть молоко, квас и хлеб, на два дни станет! и тяжелая доска, как гробовая крышка, хлопнула над его головою!..

Хозяйка, чтоб не возбудить подозрений, стала возиться у печи, как будто ни в чем не бывало.

Скоро дверь распахнулась с треском, и вошли казаки, предводительствуемые Вадимом.

— Здесь был Борис Петрович Палицын с охотниками, — спросил Вадим у солдатки, — где они?..

— На заре, чем свет, уехали, кормилец!

— Лжешь; охотники уехали — а он здесь!..

— И, помилуйте, отцы родные, да что мне его прятать! ведь он, чай, не мой барин...

— В том-то и сила, что не твой! — подхватил Орленко... и, ударив ее плетью, продолжал:

— Ну, живо поворачивайся, укажи, где он у тебя сидит... а не то...

— Делайте со мною, что угодно, — сказала

хозяйка, повесив голову, — а я знать не знаю, вот вам Христос и святая богородица!.. ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грешную.

Несколько казаков по знаку атамана отправились на двор за поисками и через 1/4 часа возвратились, объявив, что ничего не нашли!..

Орленко недоверчиво посмотрел на Вадима, который, прислонясь к печи и приставив палец ко лбу, казался погружен в глубокое размышление; наконец как будто пробудившись, он сказал почти про себя: «он здесь, непременно здесь!..»

— Отчего же ты в том уверен? — сказал Орленко.

— Отчего! боже мой! отчего? — я вам говорю, что он здесь, я это чувствую... я отдаю вам свою голову, если его здесь нет!..

— Хорош подарок, — заметил кто-то сзади.

— Но какие доказательства! и как его найти? — спросил Орленко.

Грицко осмелился подать голос и советовал употребить пытку над хозяйкой.

При грозном слове *пытка* она приметно

побледнела, но ни тени нерешимости или страха не показалось на лице ее, оживленном, быть может, новыми для нее, но не менее того благородными чувствами.

— Пытать так пытать, — подхватили казаки и обступили хозяйку; она неподвижно стояла перед ними, и только иногда губы ее шептали неслышно какую-то молитву. К каждой ее руке привязали толстую веревку и, перекинув концы их через брус, поддерживающий полати, стали понемногу их натягивать; пятки ее отделились от полу, и скоро она едва могла прикоснуться до земли концами пальцев. Тогда палачи остановились и с улыбкою взглянули на ее надувшиеся на руках жилы и на покрасневшее от боли лицо.

— Что, разбойница, — сказал Орленко... теперь скажешь ли, где у тебя спрятан Палицын?

Глубокий вздох был ему ответом.

Он подтвердил свой вопрос ударом нагайки.

— Хоть зарежьте, не знаю, — отвечала несчастная женщина.

— Тащи выше! — было приказание Орлен-

ки, и в две минуты она поднялась от земли на аршин... глаза ее налились кровью, стиснув зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились, и Вадим сделал знак Орленке, который его тотчас понял. Солдатку разули; под ногами ее разложили кучку горячих угольев... от жару и боли в ногах ее начались судороги — и она громко застонала, моля о пощаде.

— Ага, так наконец разжала зубы, проклятая... небось, как начнем жарить, так не только язык, сами пятки заговорят... ну, отвечай же скорее, где он?

— Да, где он? — повторил горбач.

— Ох!.. ох! батюшки... голубчики... дайте дух перевести... опустите на землю...

— Нет, прежде скажи, а потом пустим...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... ох!.. ох, господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее, — сказал Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ее вздохнула свободно, то казак повторил прежние свои вопросы.

— Он убежал! — сказала она... в ту же ночь... вон по той тропинке, что идет по овра-

гу... больше, вот вам Христос, я ничего не знаю.

В эту минуту два казака ввели в избу рыжего, замасленного болвана, ее сына. Она бросила ему взгляд, который всякий бы понял, кроме его.

— Кто ты таков? — спросил Орленко.

— *Петруха*, — отвечал парень...

— Да, дурачина, кто ты таков?

— А почему я знаю... говорят, что мачкин сын...

— Хорош! — сказал захохотав Орленко... — да где вы его нашли?..

— Зарылся в соломе по уши около амбара; мы идем, ан, глядь, две ноги торчат из соломы... вот мы его оттуда за ноги... уж тащили... тащили... словно лодку с отмели...

— Послушай, Орленко, — прервал Вадим, — мы от этого дурака можем больше узнать, чем от упрямой ведьмы, его матери!..

Казак кивнул головой в знак согласия.

— Только его надо вывести, иначе она нам помешает.

— И то правда, — выведи-ка его на двор, — сказал Орленко, — а эту чертовку мы запрем

здесь...

Услышав это, хозяйка вспыхнула, глаза ее засверкали...

— Послушай, Петруха, — закричала она звонким голосом, — если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, стоню со двора, заморю, убью!..

Он затрепетал при звуках знакомого ему голоса; онемение, произведенное в нем присутствием стольких незнакомых лиц, еще удвоилось; он боялся матери больше чем всех казаков на свете, ибо привык ее бояться; сопроводив свои угрозы значительным движением руки, она впала в задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасных минут; вдруг раздались на дворе удары плети, ругательства казаков и крик несчастного. Ее материнское сердце сжалось, но вскоре мысль, что он не вытерпит мучений до конца и выскажет ее тайну, овладела всем ее существом.. она и молилась, и плакала, и бегала по избе, в нерешимости, что ей делать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство.. но вот сперва утихли крики; потом

удары... потом брань... и наконец она увидала из окна, как казаки выходили один за одним за ворота, и на улице, собравшись в кружок, стали советовать между собою. Лица их были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжий Петруха, избитый, полуживой, остался на дворе; он, охая и стоная, лежал на земле; мать содрогаясь подошла к нему, но в глазах ее сияла какая-то высокая, неизъяснимая радость: он не высказал, не выдал своей тайны душегубцам.

Княгиня Лиговская*

Роман Глава I

*Поди! — поди! раздался крик!**
Пушкин

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шел один молодой чиновник; заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы. — Итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой, и мечтая о награде и вкусном обеде — ибо все чиновники мечтают! — На нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырек, воротник — и сумерки; — казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домов, соблазнительным

блистаньем магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно поэтическим умилением, сталкивался он с какой-нибудь розовой шляпкой и смутившись извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, — потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!.. но еще чаще он останавливался, чтоб поглазеть сквозь цельные окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолепной позолотою. Долго, пристально, с завистью разглядывал различные предметы, — и, опомнившись, с глубоким вздохом и стоическою твердостью продолжал свой путь; — самые же ужасные мучители его были извозчики, — и он ненавидел извозчиков; «барин! куда изволите? — прикажете подавать? — подавать-с!» Это была пытка Танталя, и он в душе глубоко ненавидел извозчиков.

Спустясь с Вознесенского моста* и собираясь поворотить направо по канаве, вдруг слышит он крик: «берегись, поди!..» Прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мель-

кал белый султан, и развевался воротник серой шинели. — Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетающий клубами из ноздрей бегуна, обдал ему лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар... раздалось кругом: «задавил, задавил», извозчики погнались за нарушителем порядка, — но белый султан только мелькнул у них перед глазами и был таков.

Когда чиновник очнулся, боли он нигде не чувствовал, но колена у него тряслись еще от страха; он встал, облокотился на перилы канавы, стараясь придти в себя; горькие думы овладели его сердцем, и с этой минуты перенес он всю ненависть, к какой его душа только была способна, с извозчиков на гнедых рысаков и белые султаны.

Между тем белый султан и гнедой рысак пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке — и тут остановились у богатого

подъезда, с навесом и стеклянными* дверьми, с медной блестящею обделкой.

— Ну, сударь, — сказал кучер, широкоплечий мужик с окладистой рыжей бородой, — Васька нынче показал себя!

Надобно заметить, что у кучеров любимая их лошадь называется всегда Ваською, даже вопреки желанию господ, наделяющих ее громкими именами Ахилла, Гектора... она всё-таки будет для кучера не Ахел и не Нектор, а Васька.

Офицер слез, потрепал дымящегося рысака по крутой шее, улыбнулся ему признательно и вошел на блестящую лестницу; — об раздавленном чиновнике не было и помину... Теперь, когда он снял шинель, закиданную снегом, и вошел в свой кабинет, мы свободно можем пойти за ним и описать его наружность — к несчастью, вовсе не привлекательную; он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению; походка его была несколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто они выказывали лень

и беззаботное равнодушие, которое теперь в моде и в духе века, — если это не плеоназм. — Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека; видно было, что он следовал не всеобщей моде, а сжимал свои чувства и мысли из недоверчивости или из гордости. Звуки его голоса были то густы, то резки, смотря по влиянию текущей минуты; когда он хотел говорить приятно, то начинал запинаться, и вдруг оканчивал едкой шуткой, чтоб скрыть собственное смущение, — и в свете утверждали, что язык его зол и опасен... ибо свет не терпит в кругу своем ничего сильного, потрясающего, ничего, что бы могло обличить характер и волю: — свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению. Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера* и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности... толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...

В заключение портрета скажу, что он на-

звался Григорий Александрович Печорин, а между родными просто Жорж, на французский лад, и что притом ему было 23 года, — и что у родителей его было 3 тысячи душ в Саратовской, Воронежской и Калужской губернии, — последнее я прибавляю, чтоб немного скрасить его наружность во мнении строгих читателей! — виноват, забыл включить, что Жорж был единственный сын, не считая сестры, 16-летней девочки, которая была очень недурна собою и, по словам маменьки (папеньки уж не было на свете), не нуждалась в приданом и могла занять высокую степень в обществе, с помощью божией и хорошенького личика и блестящего воспитания.

Григорий Александрович, войдя в свой кабинет, повалился в широкие кресла; лакей взошел и доложил ему, что, дескать, барыня изволила уехать обедать в гости, а сестра изволила уж откусывать... «Я обедать не буду, — был ответ: я завтракал!..» Потом взошел мальчик лет тринадцати в красной казачьей куртке, быстроглазый, беленький, и с виду большой плут, — и подал, не говоря ни слова, визитную карточку: Печорин небрежно поло-

жил ее на стол и спросил, кто принес.

— Сюда нынче приезжали молодая барыня с мужем, — отвечал Федька, — и велели эту карточку подать Татьяне Петровне (так называлась мать Печорина).

— Что ж ты принес ее ко мне?

— Да я думал, что всё равно-с!.. может быть, вам угодно прочесть?

— То-есть, тебе хочется узнать, что тут написано.

— Да-с, — эти господа никогда еще у нас не были.

— Я тебя слишком избаловал, — сказал Печорин строгим голосом, — набей мне трубку.

Но эта визитная карточка, видно, имела свойство возбуждать любопытство... Долго Жорж не решался переменить удобного положения на широких креслах и протянуть руку к столу... притом в комнате не было свеч — она озарялась красноватым пламенем каминна, а велеть подать огню и расстроить очаровательный эффект каминного освещения ему также не хотелось. — Но любопытство превозмогло, — он встал, взял карточку и с каким-то непонятным волнением ожидания

поднес ее к решетке камина... на ней было напечатано готическими буквами: князь Степан Степаныч Лиговский, с княгиней. — Он побледнел, вздрогнул, глаза его сверкнули, и карточка полетела в камин. Минуты три он ходил взад и вперед по комнате, делая разные странные движения рукою, разные восклицания, — то улыбаясь, то хмуря брови; наконец он остановился, схватил щипцы и бросился вытаскивать карточку из огня: — увы! одна ее половина превратилась в прах, а другая свернулась, почернела, — и на ней едва только можно было разобрать *Степан Степ...*

Печорин положил эти бранные остатки на стол, сел опять в свои креслы и закрыл лицо руками — и хотя я очень хорошо читаю побуждения души на физиономиях, но по этой именно причине не могу никак рассказать вам его мыслей. В таком положении сидел он четверть часа, и вдруг ему послышался шорох, подобный легким шагам, шуму платья, или движению листа бумаги... хотя он не верил привидениям... но вздрогнул, быстро поднял голову — и увидел перед собою в сумраке что-то белое и, казалось, воздушное... с ми-

нугу он не знал на что подумать, так далеко были его мысли... если не от мира, то по крайней мере от этой комнаты...

— Кто это? — спросил он.

— Я! — отвечал принужденный контрольто — и раздался звонкий женский хохот.

— Варенька! — какая ты шалунья.

— А ты спал!.. ужасно весело!..

— Я бы желал спать. Оно покойнее!

— Это стыд! — отчего нам на балах, в обществах так скушно!.. вы все ищете спокойствия... какие любезные молодые люди...

— А позвольте спросить, — возразил Жорж зевая, — из каких благ мы обязаны забавлять вас...

— Оттого, что мы дамы.

— Поздравляю. Но ведь нам без вас не скушно..

— Я почему знаю!.. и что мы станем говорить между собою?

— Моды, новости... разве мало? поверяйте друг другу ваши тайны...

— Какие тайны? — у меня нет тайн... все молодые люди так несносны...

— Большая часть из них не привыкли к

женскому обществу.

— Пускай привыкают — они и этого не хотят попробовать!..

Жорж важно встал и поклонился с насмешливой улыбкой:

— Варвара Александровна, я замечаю, что вы идете большими шагами в храм просвещения.

Варенька покраснела и надула розовые губки... а брат ее преспокойно опять опустил в свои кресла. Между тем подали свеч, и пока Варенька сердится и стучит пальчиком в окно, я опишу вам комнату, в которой мы находимся. — Она была вместе и кабинет и гостиная; и соединялась коридором с другой частью дома; светло-голубые французские обои покрывали ее стены... лоснящиеся дубовые двери с модными ручками и дубовые рамы окон показывали в хозяине человека порядочного. Драпировка над окнами была в китайском вкусе, а вечером, или когда солнце ударяло в стекла, опускались пунцовые шторы, — противуположность резкая с цветом горницы, но показывающая какую-то любовь к странному, оригинальному. Против окна

стоял письменный стол, покрытый кипюю картинок, бумаг, книг, разных видов чернильниц и модных мелочей, — по одну его сторону стоял высокий трельяж, увитый непроницаемою сеткой зеленого плюща, по другую кресла, на которых теперь сидел Жорж... На полу под ним разостлан был широкий ковер, разрисованный пестрыми арабесками; — другой персидский ковер висел на стене, находящейся против окон, и на нем развешаны были пистолеты, два турецкие ружья, черкесские шашки и кинжалы, подарки сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом*...на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Паганини, Иванова и Россини*...остальные стены были голые, кругом и вдоль по ним стояли широкие диваны, обитые шерстяным штофом пунцового цвета; — одна единственная картина привлекала взоры, она висела над дверьми, ведущими в спальню; она изображала неизвестное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником, человеком, не знавшим своего гения и которому никто об нем не позаботился намекнуть. — Картина эта была фантазия,

глубокая, мрачная. — Лицо это было написано прямо, безо всякого искусственного наклона или оборота, свет падал сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, — казалось, вся мысль художника сосредоточилась в глазах и улыбке... Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упали по обеим сторонам лба, который круглó и сильно выдавался и, казалось, имел в устройстве своем что-то необыкновенное. Глаза, устремленные вперед, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези черной маски; испытующий и укоризненный луч их, казалось, следовал за вами во все углы комнаты, и улыбка, растягивая узкие и сжатые губы, была более презрительная, чем насмешливая; всякий раз, когда Жорж смотрел на эту голову, он видел в ней новое выражение; — она сделалась его собеседником в минуты одиночества и мечтания — и он, как партизан Байрона, назвал ее портретом Лары*. — Товарищи, которым он ее с восторгом показывал, называли ее порядочной картинкой.

Между тем, покуда я описывал кабинет,

Варенька постепенно придвигалась к столу, потом подошла ближе к брату и села против него на стул; в ее голубых глазах незаметно было ни даже искры минутного гнева, но она не знала, чем возобновить разговор. Ей попалась под руки полустгоревшая визитная карточка.

— Что это такое? Степан Степ... А! это, верно, у нас нынче был князь Лиговский!.. как бы я желала видеть Верочку! замужем, — она была такая добрая... я вчера слышала, что они приехали из Москвы!.. кто же сжег эту карточку... Её бы надо подать маменьке!

— Кажется, я, — отвечал Жорж, — раскуривал трубку!..

— Прекрасно! я бы желала, чтоб Верочка это узнала... ей было бы очень приятно!.. Так-то, сударь, ваше сердце изменчиво!.. Я ей скажу, скажу — непременно!.. впрочем, нет! теперь ей должно быть всё равно!.. она ведь замужем!..

— Ты судишь очень здраво для твоих лет!.. — отвечал ей брат и зевнул, не зная, что прибавить...

— Для моих лет! что я за ребенок! мамень-

ка говорит, что девушка в 17 лет так же благо-
разумна, как мужчина в 25.

— Ты очень хорошо делаешь, что слуша-
ешься маменьки.

Эта фраза, повидимому похожая на похва-
лу, показалась насмешкой; таким образом со-
гласие опять расстроилось, и они замолча-
ли... Мальчик взошел и принес записку: при-
глашение на бал к барону Р***.

— Какая тоска! — воскликнул Жорж. — На-
до ехать.

— Там будет mademoiselle Negouroff!.. —
возразила ироническим тоном Варенька. —
Она еще вчера об тебе спрашивала!.. какие у
нее глаза! — прелесть!..

— Как уголь, в горниле раскаленный*!..

— Однако сознайся, что глаза чудесные!

— Когда хвалят глаза, то это значит, что
остальное никуда не годится.

— Смейся!.. а сам неравнодушен...

— Положим.

— Я и это расскажу Верочке!..

— Давно ли ты уверяла, что я для нее — всё
равно!..

— Поверьте, я лучше этого говорю по-рус-

ски — я не монастырка*.

— О! совсем нет! — очень далеко...

Она покраснела и ушла.

Но я вас должен предупредить, что это был на них черный день... они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жорж любил сестру самой нежною братскою любовью.

Последний намёк на mademoiselle Negouroff (так будем мы ее называть впоследствии) заставил Печорина задуматься; наконец неожиданная мысль прилетела к нему свыше, он придвинул чернильницу, вынул лист почтовой бумаги — и стал что-то писать; покуда он писал, самодовольная улыбка часто появлялась на лице его, глаза искрились — одним словом, ему было очень весело, как человеку, который выдумал что-нибудь необыкновенное. — Кончив писать, он положил бумагу в конверт и надписал: Милостивой гос<ударыне> Елизавете Львовне Негуровой в собственные руки; — потом кликнул Федьку и велел ему отнесть на городскую почту — да чтоб никто из людей не видал. Маленький Меркурий, гордясь великою доверенностию господина, стрелой помчался в лавоч-

ку; а Печорин велел закладывать сани и через полчаса уехал в театр; однако, в этой поездке ему не удалось задавить ни одного чиновника.

Глава II

Давали Фенеллу (4-е представление)*. В узкой лазейке, ведущей к кассе, толпилась непроходимая куча народу... Печорин, который не имел еще билета и был нетерпелив, адресовался к одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей достал он кресло во втором ряду с левой стороны — и с краю: важное преимущество для тех, которые берегут свои ноги и ходят пить чай к Фениксу*. — Когда Печорин вошел, увертюра еще не начиналась, и в ложи не все еще съехались; — между прочим, прямо над ним в бельэтаже была пустая ложа, возле пустой ложи сидели Негуровы, отец, мать и дочь; — дочка была бы недурна, если б бледность, худоба и старость, почти общий недостаток петербургских девушек, не затмевали блеска двух огромных глаз и не разрушивали гармонию между чертами довольно правильными и остроумным выражением. Она поклонилась.

лась Печорину довольно ласково и просияла улыбкой.

«Видно, еще письмо не дошло по адресу!» — подумал он и стал наводить лорнет на другие ложи; в них он узнал множество бальных знакомых, с которыми иногда кланялся, иногда нет; смотря по тому, замечали его или нет; он не оскорблялся равнодушием света к нему, потому что оценил свет в настоящую его цену; он знал, что заставить говорить об себе легко, но знал также, что свет два раза сряду не занимается одним и тем же лицом; ему нужны новые кумиры, новые моды, новые романы... ветераны светской славы, как и все другие ветераны, самые жалкие создания... В коротком обществе, где умный, разнообразный разговор заменяет танцы (рауты в сторону), где говорить можно обо всем, не боясь цензуры тетушек, и не встречая чересчур строгих и неприступных дев, в таком кругу он мог бы блистать и даже нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, игру и заставляют забыть их недостатки; но таких обществ у нас в России мало, в Петербурге еще меньше, вопреки то-

му, что его называют совершенно европейским городом и владыкой хорошего тона. Замечу мимоходом, что хороший тон царствует только там, где вы не услышите ничего лишнего, но уввы! друзья мои! зато как мало вы там и услышите.

На балах Печорин с своею невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален — или слишком зол, потому что самолюбие его страдало. Танцуя редко, он мог разговаривать только с теми дамами, которые сидели весь вечер у стенки, — а с этими-то именно он никогда не знакомился... У него прежде было занятие — сатира, — стоя вне круга мазурки, он разбираал танцующих, — и его колкие замечания очень скоро расходились по зале и потом по городу; — но раз как-то он подслушал в мазурке разговор одного длинного дипломата с какою-то княжною... Дипломат под своим именем так и печатал все его остроты, а княжна из одного приличия не хохотала во всё горло; — Печорин вспомнил, что когда он говорил то же самое и гораздо лучше одной из бальных нимф дня три тому назад — она только пожалала пле-

чами и не взяла на себя даже труд понять его; с этой минуты он стал больше танцевать и реже говорить умно; — и даже ему показалось, что его начали принимать с большим удовольствием. Одним словом, он начал постигать, что *по коренным законам общества в танцующем кавалере ума не полагается!*

Загремела увертюра; всё было полно, одна ложа рядом с ложей Негуровых оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина; это ему казалось странно, — и он желал бы очень наконец увидеть людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавес взвился, — и в эту минуту застучали стулья в пустой ложе; Печорин поднял голову, — но мог видеть только пунцовый берет и круглую белую божественную ручку с божественным лорнетом, небрежно упавшую на малиновый бархат ложи; несколько раз он пробовал следить за движениями неизвестной, чтобы разглядеть хоть глаз, хоть щечку; напрасно, — раз он так закинул голову назад, что мог бы видеть лоб и глаза... но как на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ее лица. — У него заболела

шая, он рассердился и дал себе слово не смотреть больше на эту проклятую ложу. Первый акт кончился, Печорин встал и пошел с некоторыми из товарищей к Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Феникс — ресторация весьма примечательная по своему топографическому положению в отношении к задним подъездам Александрійского театра. Бывало, когда неуклюжие рыдваны, влекомые парюю хромых кляч, теснились возле узких дверей театра, и юные нимфы, окутанные грубыми казенными платками, прыгали на скрипучие подножки, толпа усастых волокит, вооруженных блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпились на крыльце твоём, о Феникс! но скоро промчались эти буйные дни: и там, где мелькали прежде черные и белые султаны, там ныне чинно прогуливаются треугольные шляпы без султанов; великий пример переворотов судьбы человеческой!

Печорин вошел к Фениксу с одним преображенским и другим конноартиллерийским офицером. — Он велел подать чаю и сел с ни-

ми подле стола; народу было много всякого; за тем же столом, где сидел Печорин, сидел также какой-то молодой человек во фраке, не совсем отлично одетый и куривший собственные пахитосы к великому соблазну трактирных служителей. — Этот молодой человек был высокого роста, блондин и удивительно хорош собою; большие томные голубые глаза, правильный нос, похожий на нос Аполлона Бельведерского, греческий овал лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него внимание каждого; одни губы его, слишком тонкие и бледные в сравнении с живостию красок, разлитых по щекам, мне бы не понравились; по медным пуговицам с гербами на его фраке можно было отгадать, что он чиновник, как все молодые люди во фраках в Петербурге. Он сидел задумавшись и, казалось, не слушая разговора офицеров, которые шутили, смеялись и рассказывали анекдоты, запивая дым трубки скверным чаем. Между прочим стали говорить о лошадях: один артиллерийский поручик хвастался своим рысаком; начался спор. Печорин à propos[2] рассказал, как он се-

одня у Вознесенского моста задавил како-го-то франта, и умчался от погони... Костюм франта в измятом картузе был описан, его несчастное положение на тротуаре также. Смеялись. Когда Печорин кончил, молодой человек во фраке встал и, протянув руку, чтоб взять шляпу со стола, сдернул на пол поднос с чайником и чашками; движение было явно умышленное; все глаза на него обратились; но взгляд Печорина был дерзче и вопросительнее других; — кровь кинулась в лицо неизвестному господину, он стоял неподвижен и не извинялся — молчание продолжалось с минуту. Сделался кружок, и все предугадывали *историю*. Вдруг Печорин опять сел и громко кликнул служителя: «что стоит посуды?» — ему сказали цену втрое дороже.

— Этот чиновник так был неловок, что разбил ее, — продолжал Жорж холодно; — вот деньги! — Он бросил деньги на стол — и прибавил:

— Скажи ему, что теперь он может отсюда уйти свободно.

Служитель при всех доложил с почтением чиновнику, что он всё получил, — и просил

на водку!.. Но тот, ничего не отвечая, скрылся: толпа хохотала ему вослед; — офицеры смеялись еще больше... и хвалили товарища, который так славно отделал противника, не запутавшись между тем в *историю*. — О! история у нас вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нет, могли избежать или не могли, но ваше имя замешано в историю... всё равно, вы теряете всё: расположение общества, карьер, уважение друзей... попасться в историю! ужаснее этого ничего не может быть, как бы эта история ни кончилась! Частная известность уж есть острый нож для общества, вы заставили об себе говорить два дня. — Страдайте ж двадцать лет за это. Суд общего мнения, везде ошибочный, происходит однако у нас совсем на других основаниях, чем в остальной Европе; в Англии, например, банкротство — бесчестие неизгладимое, — достаточная причина для самоубийства. Развратная шалость в Германии закрывает навсегда двери хорошего общества (о Франции я не говорю: в одном Париже больше разных общих мнений, чем в целом свете) — а у нас?.. объявленный взяточник при-

нимается везде очень хорошо: его оправдывают фразой: и! кто этого не делает!.. Трус обласкан везде, потому что он смиренный малый, а замешанный в историю! — о! ему нет пощады: маменьки говорят об нем: «бог его знает, какой он человек», и папеньки прибавляют: «мерзавец!..»

Офицеры без новой тревоги допили свой чай и пошли; Печорин вышел после всех; на крыльце кто-то его остановил за руку, при молвив: «я имею с вами поговорить!» По трепету руки он отгадал, что это его давешний противник; нечего делать: не миновать истории.

— Извольте говорить, — отвечал он небрежно. — Только не здесь на морозе.

— Пойдемте в коридор театра! — возразил чиновник. — Они пошли молча.

Второй акт уже начался: коридоры и широкие лестницы были пусты; на площадке одной уединенной лестницы, едва освещенной далекой лампой, они остановились, и Печорин, сложив руки на груди, прислонясь к железным перилам и прищурив глаза, окинул взором противника с ног до головы и сказал:

— Я вас слушаю!..

— Милостивый государь, — голос чиновника дрожал от ярости, жилы на лбу его надулись, и губы побледнели, — милостивый государь!.. вы меня обидели! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секрет, — отвечал Жорж, — и вы могли бы объясниться при всех: — я вам отвечал бы то же, что теперь отвечаю... когда ж вам угодно стреляться? нынче? завтра? — я думаю, что угадал ваше намерение; по крайней мере разбитие чашек не было случайностью: вы хотели с чего-нибудь начать... и начали очень остроумно, — прибавил он, насмешливо поклонившись...

— Милостивый государь! — отвечал он задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили, да, меня, который перед вами... и этим хвастаетесь, вам весело! — а по какому праву? потому что у вас есть рысак, белый султан? золотые эполеты? Разве я не такой же дворянин, как вы? — Я беден! — да, я беден! хожу пешком — конечно, после этого я не человек. Я же только дворянин! — А! вам это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости,

потому что у меня нет денег, которые бы я мог бросить на стол!.. Нет, никогда! никогда, никогда я вам этого не прощу!..

В эту минуту пламеневшее лицо его было прекрасно, как буря; Печорин смотрел на него с холодным любопытством и наконец сказал:

— Ваши рассуждения немножко длинны — назначьте час — и разойдемтесь: вы так кричите, что разбудите всех лакеев: — и точно, некоторые из них, спавшие на барских солопах в коридоре первого яруса, начали поднимать головы...

— Какое дело мне до них! — пускай весь мир меня слушает!..

— Я не этого мнения... Если угодно завтра в восемь часов утра я вас жду с секундantom.

Печорин сказал свой адрес...

— Драться! я вас понимаю! — насмерть драться!.. И вы думаете, что я буду достаточно вознагражден, когда всажу вам в сердце свинцовый шарик!.. Прекрасное утешение!.. Нет, я б желал, что вы жили вечно, и чтоб я мог вечно мстить вам. Драться! нет!.. тут успех слишком неверен...

— В таком случае ступайте домой, выпейте стакан воды и ложитесь спать, — возразил Печорин, пожав плечами, и хотел идти.

— Нет, постойте, — сказал чиновник, придя несколько в себя, — и выслушайте меня!.. Вы думаете, что я трус? как будто храбрость не может существовать без вывески шпор или эполетов? Поверьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чем вы! Моя жизнь горька, будущности у меня нет... я беден, так беден, что хожу в стулья; я не могу раз в год бросить 5 рублей для своего удовольствия, я живу жалованьем, без друзей, без родных — у меня одна мать, старушка... я всё для нее: я ее провидение и подпора. Она для меня: и друзья и семейство; с тех пор, как живу, я еще никого не любил кроме ее: — потеряв меня, сударь, она либо умрет от печали, либо умрет с голоду...

Он остановился, глаза его налились слезами и кровью...

— И вы думали, что я с вами буду драться ?..

— Чего ж, наконец, вы от меня хотите? — сказал Печорин нетерпеливо.

— Я хотел вас заставить раскаяться.

— Вы, кажется, забыли, что не я начал ссору.

— А разве задавить человека ничего — шутка — потеха?

— Я вам обещаю высечь моего кучера...

— О, вы меня выведете из терпения!..

— Что ж? мы тогда будем стреляться!..

Чиновник не отвечал, он закрыл лицо руками, грудь его волновалась, в его отрывистых словах проглядывало отчаяние, казалось, он рыдал и наконец он воскликнул:

«Нет, не могу, не погублю ее!..» — и убежал.

Печорин с сожалением посмотрел ему вслед и пошел в кресла: второй акт Фенеллы уж подходил к концу... Артиллерист и преображенец, сидевшие с другого края, не заметили его отсутствия.

Глава III

Почтенные читатели, вы все видели сто раз Фенеллу, вы все с громом вызывали Новицкую и Голланда*, и поэтому я перескочу через остальные 3 акта и подыму свой занавес в ту самую минуту, как опустился занавес Александринского театра, замечу только, что

Печорин мало занимался пьесой, был рассеян и забыл даже об интересной ложе, на которую он дал себе слово не смотреть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистым лестницам к подъезду... внизу раздавался крик жандармов и лакеев. Дамы, закутавшись и прижавшись к стенам, и заслоняемые медвежьими шубами мужей и папенек от дерзких взоров молодежи, дрожали от холоду — и улыбались знакомым. Офицеры и штатские франты с лорнетами ходили взад и вперед, стучали — одни саблями и шпорами, другие калошами. Дамы высокого тона составляли особую группу на нижних ступенях парадной лестницы, смеялись, говорили громко и наводили золотые лорнетки на дам без тона, обыкновенных русских дворянок, — и одни другим тайно завидовали: необыкновенные красоте обыкновенных, обыкновенные, увы! гордости и блеску необыкновенных.

У тех и у других были свои кавалеры; у первых почтительные и важные, у вторых услужливые и порой неловкие!.. в середине же теснился кружок людей не светских, не

знакомых ни с теми, ни с другими, — кружок зрителей. Купцы и простой народ проходили другими дверями. — Это была миньютюрная картина всего петербургского общества.

Печорин, закутанный в шинель и надвинув на глаза шляпу, старался продраться к дверям. Он поравнялся с Лизаветою Николавною Негуровой; на выразительную улыбку отвечал сухим поклоном и хотел продолжать свой путь, но был задержан следующим вопросом: «Отчего вы так серьезны, monsieur George?[3] — вы недовольны спектаклем?»

— Напротив, я во всё горло вызывал Голланда!

— Не правда ли, что Новицкая очень мила!

— Ваша правда.

— Вы от нее в восторге?

— Я очень редко бываю в восторге.

— Вы этим никого не ободряете! — сказала она с досадою и стараясь иронически улыбнуться...

— Я не знаю никого, кто бы нуждался в моем ободрении! — отвечал Печорин небрежно. — И притом восторг есть что-то такое детское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемене... давно ли...

— Право...

Печорин не слушал, его глаза старались проникнуть пеструю стену шуб, салопов, шляп... ему показалось, что там, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... в эту минуту жандарм крикнул, и долговязый лакей повторил за ним: «карета князя Лиговскóва!».. С отчаянными усилиями расталкивая толпу, Печорин бросился к дверям... перед ним человека за четыре, мелькнул розовый салоп, шаркнули ботинки... лакей подсадил розовый салоп в блестящий купе, потом вскарабкалась в него медвежья шуба, дверцы хлопнули, — «на Морскую! пошел!».. Интересную карету заменила другая, может быть, не менее интересная, только не для Печорина. Он стоял как вкопанный!.. Мучительная мысль сверлила его мозг: эта ложа, на которую он дал себе слово не смотреть... Княгиня сидела в ней, ее розовая ручка покоилась на малиновом бархате; ее глаза, может быть, часто покоились на нем, а он даже и не подумал обернуться, магнетическая сила

взгляда любимой женщины не подействовала на его бычачьи нервы — о, бешенство! он себе этого никогда не простит! Раздосадованный, он пошел по тротуару, отыскал свои сани, разбудил толчком кучера, который лежал свернувшись, покрытый медвежьей полостью, и отправился домой. А мы обратимся к Лизавете Николавне Негуровой и последуем за нею.

Когда она села в карету, то отец ее начал длинную диссертацию насчет молодых людей нынешнего века. «Вот, например, Печорин, — говорил он, — нет того, чтоб искать во мне или в Катеньке (Катенька его жена, 55 лет) нет, и смотреть не хочет!.. как бывало в наше время: влюбится молодой человек, старается угодить родителям, всей родне... а не то, чтоб всё по углам с дочкой перешептываться, да глазки делать... что это нынче, страм смотреть!.. и девушки не те стали!.. Бывало, слово лишнее услышат — покраснеют да и баста, уж от них не добьешься ответа... а ты, матушка, 25 лет девка, так на шею и вешаешься... замуж захотелось!»

Лизавета Николавна хотела отвечать, сле-

зы навернулись у нее на глазах... — и она не могла произнести ни слова; Катерина Ивановна за нее заступилась!..

«Уж ты всегда на нее нападаешь... понапрасну!.. Что ж делать, когда молодые люди не женятся... надо самой не упускать случая! Печорин жених богатый... хорошей фамилии, чем не муж? Ведь не век же сидеть дома... — слава богу что мне ее наряды-то стоят... а ты свое: замуж хочешь, замуж хочешь? — Да кабы замуж не выходили, так что бы было...» и проч...

Эти разговоры повторялись в том или другом виде всякий раз, когда мать, отец и дочь оставались втроем... дочь молчала, а что происходило в ее сердце в эти минуты, один бог знает.

Приехали домой. Катерина Ивановна с ворчливым супругом отправились в свою комнату — а дочка в свою. Родители ее принадлежали и к старому и к новому веку; прежние понятия, полузабытые, полустертые новыми впечатлениями жизни петербургской, влиянием общества, в котором Николай Петрович по чину своему должен был нахо-

даться, проявлялись только в минуты досады, или во время спора; они казались ему сильнейшими аргументами, ибо он помнил их грозное действие на собственный ум, во дни его молодости; Катерина Ивановна была дама не глупая, по словам чиновников, служивших в канцелярии ее мужа; женщина хитрая и лукавая, во мнении других старух; добрая, доверчивая и слепая маменька для бальной молодежи... истинного ее характера я еще не разгадал; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вместе все три вышесказанные мнения... и если выйдет портрет похож, то обещаюсь идти пешком в Невский монастырь* — слушать певчих!..

Лизавета же Николавна... о! знак восклицания... погодите!.. теперь она вошла в свою спальню и кликнула горничную Марфушу — толстую, рябую девицу!.. дурной знак!.. я бы не желал, чтоб у моей жены или невесты была толстая и рябая горничная!.. терпеть не могу толстых и рябых горничных, с головой, вымазанной чухонским маслом или приглаженной квасом, от которого волосы слипаются и рыжеют, с руками шероховатыми, как вче-

рашний решетный хлеб, с сонными глазами, с ногами, хлопающими в башмаках без ленточек, тяжелой походкой, и (что всего хуже) четверугольной талией, облепленной пестрым домашним платьем, которое внизу уже, чем вверху... Такая горничная*, сидя за работой в задней комнате порядочного дома, подобна крокодилу на дне светлого американского колодца... такая горничная, как сальное пятно, проглядывающее сквозь свежие узоры перекрашенного платья — приводит ум в печальное сомнение насчет домашнего образа жизни господ... о, любезные друзья, не дай бог вам влюбиться в девушку, у которой такая горничная, если вы разделяете мои мнения, — то очарование ваше погибло навеки.

Лизавета Николавна велела горничной снять с себя чулки и башмаки и расшнуровать корсет, а сама, сев на постель, сбросила небрежно головной убор на туалет, черные ее волосы упали на плечи; — но я не продолжаю описания: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которых обозначались красные рубцы от узкого

платья. Всякий, вероятно, на подобные вещи довольно насмотрелся. Лизавета Николавна легла в постель, поставила возле себя на столик свечу и раскрыла какой-то французский роман — Марфуша вышла... тишина воцарилась в комнате. Книга выпала из рук печальной девушки, она вздохнула и предалась размышлениям.

Конечно, ни одна отцветшая красавица не поверяла мне дум и чувств, волновавших ее грудь после длинного бала или вечеринки, когда в одинокой своей комнате она припоминала всё свое прошедшее, пересчитывала все любовные объяснения, которые некогда выслушала с притворной холодностию, притворной улыбкой — или с истинным наслаждением и которые не имели для нее других следствий, кроме лишних десяти строк в альбоме или мстительной эпиграммы отвергнутого обожателя, брошенной мимоходом позади ее стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышления должны быть тяжелы, несносны для самолюбия и сердца — если оное налицо имеется, ибо натуральная история нынче обогатилась новым

классом очень милых и красивых существ — именно классом женщин без сердца. Чтоб легче угадать, об чем Лизавета Николавна изволила думать, я принужден, к моему великому сожалению, рассказать вам некоторые частности ее жизни... тем более, что для объяснения следующих происшествий это необходимо. Она родилась в Петербурге — и никогда не выезжала из Петербурга — правда, один раз на два месяца в Ревель на воды... — но вы сами знаете, что Ревель не Россия, и потому направление ее петербургского воспитания не получало никакого изменения; у нас, в России, несколько вывелись из моды французские мадамы, а в Петербурге их вовсе не держат... Агличанку нанимать ее родители были не в силах... агличанки дороги — немку взять было также неловко: бог знает какая попадетя: здесь так много всяких... Елизавета Николавна осталась вовсе без мадамы — по-французски она выучилась от маменьки, а больше от гостей, потому что с самого детства она проводила дни свои в гостиной, сидя возле маменьки и слушая всякую всячину... Когда ей исполнилось 13 лет, взяли учителя по

билетам: в год она кончила курс французского языка... и началось ее светское воспитание. В комнате ее стоял рояль, но никто не слыхал, чтоб она играла... танцевать она выучилась на детских балах... романы она начала читать, как только перестала учить склады... и читала их удивительно скоро... Между тем отец ее получил порядочное наследство, вслед за ним хорошее место — и стал жить открытее... 15 лет ее стали вывозить, выдавая за 17-летнюю, и до 25 лет условный этот возраст не изменялся... 17 лет точка замерзания: они растягиваются сколько угодно как резиновые помочи. Лизавета Николавна была недурна, — и очень интересна: бледность и худоба интересны... потому что француженки бледны, а англичанки худощавы... надобно заметить, что прелесть бледности и худобы существуют только в дамском воображении, и что здешние мужчины только из угождения потакают их мнению, чтоб чем-нибудь отклонить упреки в невежливости и так называемой «казармности».

При первом вступлении Лизаветы Николавны на паркет гостиных у нее нашли<сь>

поклонники. Это всё были люди, всегда аплодирующие новому водевилю, скачущие слушать новую певицу, читающие только новые книги. Их заменили другие: эти волочились за нею, чтоб возбудить ревность в остывающей любовнице, или чтоб кольнуть самолюбие жестокой красоты; — после этих явился третий род обожателей: люди, которые влюблялись от нечего делать, чтоб приятно провести вечер, ибо Лизавета Николавна приобрела навык светского разговора, и была очень любезна, несколько насмешлива, несколько мечтательна... Некоторые из этих волокит влюбились не на шутку и требовали ее руки: но ей хотелось попробовать лестную роль непреклонной... и к тому же они все были прескушные: им отказали... один с отчаяния долго был болен, другие скоро утешились... между тем время шло: она сделалась опытной и бойкой девою: смотрела на всех в лорнет, обращалась очень смело, не краснела от двусмысленной речи или взора — и вокруг нее стали увиваться розовые юноши, пробующие свои силы в словесной перестрелке и посвящавшие ей первые свои опыты страстного

красноречия, — увы, на этих было еще меньше надежды, чем на всех прежних; она с досадою и вместе тайным удовольствием убивала их надежды, останавливала едкой насмешкой разливы красноречия — и вскоре они уверились, что она непобедимая и чудная женщина; вздыхающий рой разлетелся в разные стороны... и наконец для Лизаветы Николавны наступил период самый мучительный и опасный сердцу отцветающей женщины...

Она была в тех летах, когда еще волочиться за нею было не совестно, а влюбиться в нее стало трудно; в тех летах, когда какой-нибудь ветреный или беспечный фронт не почитает уже за грех уверять шутя в глубокой страсти, чтобы после, так для смеху, скомпрометировать девушку в глазах подруг ее, думая этим придать себе более весу... уверить всех, что она от него без памяти, и стараться показать, что он ее жалеет, что он не знает, как от нее отделаться... говорит ей нежности шопотом, а вслух колкости... бедная, предчувствуя, что это ее последний обожатель, без любви, из одного самолюбия старается удержать шалуна как можно долее у ног своих... напрасно: она

более и более запутывается, — и наконец... увы... за этим периодом остаются только мечты о муже, каком-нибудь муже... одни мечты.

Лизавета Николавна вступила в этот период, но последний удар нанес ей не беспечный шалун и не бездушный франт; — вот как это случилось.

Полтора года тому назад Печорин был еще в свете человек — довольно новый: ему надобно было, чтоб поддержать себя, приобрести то, что некоторые называют светскою известностию, т. е. прослыть человеком, который может делать зло, когда ему вздумается; несколько времени он напрасно искал себе пьедестала*, вставши на который, он бы мог заставить толпу взглянуть на себя; сделаться любовником известной красавицы было бы слишком трудно для начинающего, а скомпрометировать девушку молодую и невинную он бы не решился, и потому он избрал своим орудием Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Как быть? в нашем бедном обществе фраза: он погубил столько-то репутаций — значит почти: он выиграл столько-то сражений.

Лизавета Николаевна и он были давно знакомы. Они кланялись. Составив план свой, Печорин отправился на один бал, где должен был с нею встретиться. Он наблюдал за нею пристально и заметил, что никто ее не пригласил на мазурку: знак был подан музыкантам начинать, кавалеры шумели стульями, устанавливая их в кружок, Лизавета Николаевна отправилась в уборную, чтобы скрыть свою досаду: Печорин дожидался ее у дверей. Когда она возвращалась в залу, начиналась уже вторая фигура: Печорин торопливо подошел к ней.

— Где вы скрывались, — сказал он, — я искал вас везде — приготовил даже стулья: так я сильно надеялся, что вы мне не откажете.

— Как вы самоуверенны.

И неожиданное удовольствие вспыхнуло в ее глазах.

— Однако ж вы меня не накажете слишком строго за эту самоуверенность?

Она не отвечала и последовала за ним.

Разговор их продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Пе-

чорин не щадил ни одной из ее молодых и свежих соперниц. За ужином он сел возле нее, разговор подвигался всё далее и далее, так что наконец он чуть-чуть ей не сказал, что обожает ее до безумия (разумеется двусмысленным образом). Огромный шаг был сделан, и он возвратился домой, довольный своим вечером.

Несколько недель сряду после этого они встречались на разных вечерах; разумеется, он неумоимо искал этих встреч, а она по крайней мере их не избегала. Одним словом, он пошел по следам древних волокит и действовал по форме, классически. Скоро все стали замечать их постоянное влечение друг к другу, как явление новое и совершенно оригинальное в нашем холодном обществе. Печорин избегал нескромных вопросов, но зато действовал весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этим очень довольна, потому что надеялась завлечь его дальше и дальше и потом, как говорили наши матушки, женить его на себе. Ее родители, не имея еще об нем никакого мнения, так, безо всяких видов пригласили однако же его посещать

свой дом, чтоб узнать его короче. Многие уже стали над ним подсмеиваться, как над будущим женихом, добрые приятели стали уговаривать его, отклонять от безрассудного поступка, который ему не входил и в голову. Из этого всего он заключил, что минута решительного кризиса наступила.

Был блестящий бал у барона***. Печорин по обыкновению танцевал первую кадрили с Елизаветою Николаевною.

— Как хороша сегодня меньшая Р., — заметила Елизавета Николаевна.

Печорин навел лорнет на молодую красавицу, долго смотрел молча и наконец отвечал:

— Да, она прекрасна. — С каким вкусом перевиты эти пунцовые цветы в ее густых, русских локонах, я непременно дал себе слово танцевать с нею сегодня, именно потому, что она вам нравится; не правда ли, я очень догадлив, когда хочу вам сделать удовольствие.

— О, без сомнения, вы очень любезны, — отвечала она вспыхнув.

В эту минуту музыка остановилась, первая кадрили кончилась, и Печорин очень вежли-

во раскланялся. Остальную часть вечера он или танцевал с Р... или стоял возле ее стула, старался говорить как можно больше и казаться как можно довольнее, хотя, между нами, девица Р** была очень проста и почти его не слушала; но так как он говорил очень много, то она заключила, что Печорин — кавалер очень любезный. После мазурки она подошла к Елизавете Николаевне, и та ее спросила с иронической улыбкою:

— Как вам кажется ваш постоянный нынешний кавалер?

— Il est très aimable,[4] — отвечала Р.

Это был жестокий удар для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, — ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, с этого дня Печорин стал с нею рассеянее, холоднее, явно старался ей делать те мелкие неприятности, которые замечаются всеми и за которые между тем невозможно требовать удовлетворения. Говоря с другими девушками, он выражался об ней с оскорби-

тельным сожалением, тогда как она, напротив, вследствие плохого расчета, желая кольнуть его самолюбие, поверяла своим подругам под печатью строжайшей тайны свою чистейшую, искреннейшую любовь. Но напрасно, он только наслаждался излишним торжеством, а она, уверяя других, мало-по-малу сама уверилась, что его точно любит. Родители ее, более проницательные в качестве беспристрастных зрителей, стали ее укорять, говоря: «Вот, матушка, целый год пропустила даром, отказала жениху с 20 тысячами дохода, правда, что он стар и в параличе, — да что нынешние молодые люди! Хорош твой Печорин, мы заранее знали, что он на тебе не женится, да и мать не позволит ему жениться! что ж вышло? он же над тобой и насмехается».

Разумеется, подобные слова не успокоят ни уязвленного самолюбия, ни обманутого сердца. Лизавета Николаевна чувствовала их истину, но эта истина была уже для нее не нова. Кто долго преследовал какую-нибудь цель, много для нее пожертвовал, тому трудно от нее отступить, а если к этой цели примыкают последние надежды увядающей молодости,

сти, то невозможно. В таком положении мы оставили Лизавету Николаевну, приехавшую из театра, лежащую на постеле, с книжкой в руках, — и с мыслями, бродящими в минувшем и в будущем.

Наскучив пробегать глазами десять раз одну и ту же страницу, она нетерпеливо бросила книгу на столик и вдруг заметила письмо с адресом на ее имя и с штемпелем городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конверт, но любопытство превозмогло, конверт сорван дрожащими руками, свеча придвинута, и глаза ее жадно пробегают первые строки. Письмо было написано приметно искаженным почерком, как будто боялись, что самые буквы изменят тайне. Вместо подписи имени, внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимые в луне, которым многие простолюдины придают какое-то символическое значение. Вот письмо от слова до слова:

«Милостивая Государыня! Вы меня не знаете, я вас знаю: мы встречаемся часто, исто-

рия вашей жизни так же мне знакома, как моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слышали. Я принимаю в вас участие именно потому, что вы никогда на меня не обращали внимания, и притом я нынче очень доволен собою и намерен сделать доброе дело: мне известно, что Печорин вам нравится, что вы всячески думаете снова возжечь в нем чувства, которые ему никогда не снились, он с вами пошутил — он недостоин вас: он любит другую, все ваши старания послужат только к вашей гибели, свет и так указывает на вас пальцами, скоро он совсем от вас отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вам такие неосторожные и смелые советы. И чтобы вы более убедились в моем бескорыстии, то я клянусь вам, что вы никогда не узнаете моего имени.

Вследствие чего остаюсь
ваш покорнейший слуга:

Каракула».

От такого письма с другою сделалась бы истерика, но удар, поразив Елизавету Николаевну в глубину сердца, не подействовал на ее нервы, она только побледнела, торопливо со-

жгла письмо и сдула на пол легкий его пепел.

Потом она погасила свечу и обернулась к стене: казалось, она плакала, но так тихо, так тихо, что если б вы стояли у ее изголовья, то подумали бы, что она спит покойно и безмятежно.

На другой день она встала бледнее обыкновенного, в десять часов вышла в гостиную, разливала сама чай по обыкновению. Когда убрали со стола, отец ее уехал к должности, мать села за работу, она пошла в свою комнату: проходя через залу, ей встретился лакей.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Доложить-с.

— О ком?

— Вот тот-с... офицер... Господин Печорин...

— Где он?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николаевна покраснела, потом снова побледнела и потом отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нет. И когда он еще приедет, — прибавила она, как бы с трудом выговаривая последнюю фразу, — то

не принимать!..

Лакей поклонился и ушел, а она опрометью бросилась в свою комнату.

Глава IV

Получив такой решительный отказ, Печорин, как вы сами можете догадаться, не удивился: он приготовился к такой развязке и даже желал ее. Он отправился на Морскую, сани его быстро скользили по сыпучему снегу: утро было туманное и обещало близкую оттепель. Многие жители Петербурга, прошедшие детство в другом климате, подвержены странному влиянию здешнего неба. Какое-то печальное равнодушие, подобное тому, с каким наше северное солнце отворачивается от неблагодарной здешней земли, закрадывается в душу, приводит в оцепенение все жизненные органы. В эту минуту сердце неспособно к энтузиазму, ум к размышлению. В подобном расположении находился Печорин. Неожиданный успех увенчал его легкомысленное предприятие, и он даже не обрадовался. Через несколько минут он должен был увидеться с женщиною, которая была постоянно его мечтою в продолжение несколь-

ких лет, с которою он был связан прошедшим, для которой был готов отдать свою будущность — и сердце его не трепетало от нетерпения, страха, надежды. Какое-то болезненное замирание, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которые подобно тяжелым облакам осаждали ум его, предвещали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, он внутренно досадовал на теперешнее свое спокойствие.

Вот сани его остановились перед одним домом; он вышел и взялся за ручку двери, но прежде чем он отворил ее, минувшее как сон проскользнуло в его воображении, и различные чувства внезапно, шумно пробудились в душе его. Он сам испугался громкого биения сердца своего, как пугаются сонные жители города при звуке ночного набата. Какие были его намерения, опасения и надежды, известно только богу, но, повидимому, он готов был сделать решительный шаг, дать новое направление своей жизни. Наконец дверь отворилась, и он медленно вошел по широкой лестнице. На вопрос швейцара, кого ему угодно, он отвечал вопросом: «дома ли княгиня

Вера Дмитриевна?»

— Князь Степан Степанович у себя-с.

— А княгиня? — повторил нетерпеливо Печорин.

— Княгиня также-с.

Печорин сказал швейцару свою фамилию, и тот пошел доложить.

Сквозь полуоткрытую в залу дверь Печорин бросил любопытный взгляд, стараясь сколько-нибудь по убранству комнат угадать хотя слабый оттенок семейной жизни хозяев, но увы! в столице все залы схожи между собою, как все улыбки и все приветствия. Один только кабинет иногда может разоблачить домашние тайны, но кабинет так же непроницаем для посторонних посетителей, как сердце; однако же краткий разговор с швейцаром позволил догадаться Печорину, что главное лицо в доме был князь. «Странно, — подумал он, — она вышла замуж за старого, неприятного и обыкновенного человека, вероятно для того, чтоб делать свою волю, и что же, если я отгадал правду, если она добровольно переменяла одно рабство на другое, то какая же у нее была цель? Какая причина

?.. но нет, любить она его не может, за это я ручаюсь головой».

В эту минуту швейцар взошел и торжественно произнес:

— Пожалуйста, князь в гостиной.

Медленными шагами Печорин прошел через зал, взор его затуманился, кровь прилила к сердцу. Он чувствовал, что побледнел, когда перешел через порог гостиной. Молодая женщина в утреннем атласном капоте и блондовом чепце сидела небрежно на диване; возле нее на креслах в мундирном фраке сидел какой-то толстый, лысый господин с огромными глазами, налитыми кровью, и бесконечно широкой улыбкой; у окна стоял другой в сертуке, довольно сухощавый, с волосами, обстриженными под гребенку, с обвислыми щеками и довольно неблагоприятным выражением лица, он просматривал газеты и даже не обернулся, когда взошел молодой офицер. Это был сам князь Степан Степанович.

Молодая женщина поспешно встала, обратясь к Печорину с каким-то очень неясным приветствием, потом подошла к князю и сказала ему:

— Mon ami, вот господин Печорин, он старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печорин, рекомендую вам моего мужа.

Князь бросил газеты на окно, раскланялся, хотел что-то сказать, но из уст его вышли только отрывистые слова:

— Конечно... мне очень приятно... семейство жены моей... что вы так любезны... я поставил себе за долг... ваша матушка такая почтенная дама, — я имел честь быть вчерась у нее с женой.

— Матушка с сестрой хотела сама быть у вас сегодня, но она немного нездорова и поручила мне засвидетельствовать вам свое почтение.

Печорин сам не знал, что говорил. Опомившись и думая, что он сказал глупость, он принял какой-то холодный принужденный вид. Княгине показалось, вероятно, что этой фразой он хотел объяснить свой визит, как будто бы невольный. Выражение лица ее также сделалось так же принужденно. Она подозревала намерение упрекнуть, щеки ее готовы были вспыхнуть, но она быстро отвер-

нулась, сказала что-то толстому господину, тот захохотал и громко произнес: «о, да!». — Потом она пригласила Печорина сесть, заняла сама прежнее место, а князь взял опять в руки свои газеты.

Княгиня Вера Дмитриевна была женщина 22 лет, среднего женского роста, блондинка с черными глазами, что придавало лицу ее какую-то оригинальную прелесть и таким образом, резко отличая ее от других женщин, уничтожало сравнения, которые, может быть, были бы не в ее пользу. Она была не красавица, хотя черты ее были довольно правильны. Овал лица совершенно аттический и прозрачность кожи необыкновенна. Бесперывная изменчивость ее физиономии, повидимому несообразная с чертами несколько резкими, мешала ей нравиться всем и нравиться во всякое время, но зато человек, привыкший следить эти мгновенные перемены, мог бы открыть в них редкую пылкость души и постоянную раздражительность нерв, обещающую столько наслаждений догадливому любовнику. Ее стан был гибок, движения медленны, походка ровная. Видя ее в первый раз,

вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина с характером твердым, решительным, холодным, верующая в собственное убеждение, готовая принести счастье в жертву правилам, но не молве. Увидавши же ее в минуту страсти и волнения, вы сказали бы совсем другое — или, скорее, не знали бы вовсе, что сказать.

Несколько минут Печорин и она сидели друг против друга в молчании затруднительном для обоих. Толстый господин, который был по какому-то случаю барон, воспользовался этим промежутком времени, чтоб объяснить подробно свои родственные связи с прусским посланником. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще более растягивать речь свою; Жорж, пристально устремив глаза на Веру Дмитриевну, старался, но тщетно, угадать ее тайные мысли; он видел ясно, что она не в своей тарелке, озабочена, взволнована. Ее глаза то тускнели, то блистали, губы то улыбались, то сжимались; щеки краснели и бледнели попеременно: но какая причина этому беспокойству?.. может быть, домашняя сцена, до него случив-

шаяся, потому что князь явно был не в духе, может быть, радость и смущение воскресавшей, или только вновь пробуждающейся любви к нему, может быть, неприятное чувство при встрече с человеком, который знал некоторые тайны ее жизни и сердца, который имел право и, может быть, готов был ее упрекнуть...

Печорин, не привыкший толковать женские взгляды и чувства в свою пользу — остановился на последнем предположении... из гордости он решился показать, что, подобно ей, забыл прошедшее и радуется ее счастьем... Но невольно в его словах звучало оскорбленное самолюбие; — когда он заговорил, то княгиня вдруг отвернулась от барона... и тот остался с отверстым ртом, готовясь произнести самое важное и убедительнейшее заключение своих доказательств.

— Княгиня, — сказал Жорж... извините, я еще не поздравил вас... с княжеским титулом !.. Поверьте однако, что я с этим намерением спешил иметь честь вас увидеть... но когда взошел сюда... то происшедшая в вас перемена так меня поразила, что признаюсь... забыл

долг вежливости...

— Я постарела, не правда ли? — отвечала Вера, наклонив головку к правому плечу.

— О! вы шутите! разве в счастья стареют... напротив, вы пополнили, вы...

— Конечно, я очень счастлива, — прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая: многие молодые девушки вам завидуют... впрочем вы так благо-разумны, что не могли не сделать такого до-стойного выбора... весь свет восхищается лю-безностью, умом и талантами вашего супру-га... (барон сделал утвердительный знак голо-вой), — княгиня чуть-чуть не улыбнулась, по-том вдруг досада изобразилась на ее лице.

— Я вам отплачу комплиментом за ком-плимент, monsieur Печорин... вы также пере-менились к лучшему.

— Как быть? время всеильно... даже наши одежды, подобно нам самим, подвержены чудным изменениям — вы теперь носите блондовый чепчик, я вместо фрака москов-ского недоросля или студенческого сертука, ношу мундир с эполетами... Вероятно, от это-го я имею счастье вам нравиться больше, чем

прежде... вы теперь так привыкли к блеску!

Княгиня хотела отомстить за эпиграмму:

— Прекрасно! — воскликнула она: вы отгадали... а точно, нам бедным москвитянкам гвардейский мундир истинная диковинка!.. она насмешливо улыбнулась, барон захохотал, — и Печорин на него взбесился.

— У вас такой усердный союзник, княгиня, — сказал он, — что я должен признаться побежденным. Я уверен, что барон при данном знаке готов меня сокрушить всей своей тяжестью.

Барон плохо понимал по-русски, хотя родился в России; он захохотал пуще прежнего, думая, что это комплимент относящийся к нему вместе с Верою Дмитриевной. — Печорин пожал плечами; и разговор снова остановился. — К счастью, князь подошел, преважно держа в руке газеты.

— Вот это до тебя касается, — сказал он жене, — новый магазин на-днях открыт на Невском. Я покажу вам, — сказал он, обращаясь к гостям, — петербургский гостинец, который я вчера купил жене: все говорят, что серьги самые модные, а жена говорит, что нет, как бу-

дут по вашему вкусу?

Он пошел в другую комнату и принес сафьянную коробочку. Часто повторяемое князем слово жена как-то грубо и неприятно отзывалось в ушах Печорина; он с первого слова узнал в князе человека недалекого, а теперь убедился, что он даже человек не светский. Серьги переходили из рук в руки, барон произнес над ними несколько протяжных восклицаний, Печорин после него стал машинально их рассматривать.

— А как вы думаете, — спросил князь Степан Степанович, спрятавшись в галстух и одной рукой вытаскивая накрахмаленный воротничок, — сколько я за них заплатил, отдайте!

Серьги по большей мере стоили 80 рублей*, а были заплочены 75. Печорин нарочно сказал 150. Это озадачило князя. Он ничего не отвечал, стыдясь сказать правду, и сел на канapé, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговор сделался общим разменом городских новостей, московских известий: князь, несколько развеселившись, объявил очень откровенно, что если б не тяжёбное де-

ло, то никак бы не оставил Москвы и Английского клуба, прибавляя, что здешний Английский клуб ничто перед московским. Наконец Печорин встал, раскланялся и дошел уже до двери, как вдруг княгиня вскочила с своего места и убедительно просила его не позабыть поцеловать за нее милую Вареньку сто раз, тысячу раз. Печорину хотелось ей заметить, что он не может передавать словесных поцелуев, но ему было не до шутки, и он очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устах танцовщицы, оканчивающей пируэт.

С горьким предчувствием он вышел из комнаты: пройдя залу, обернулся, княгиня стояла в дверях, неподвижно смотрела ему вслед: заметив его движение, она исчезла.

— Странно, — подумал Печорин, садясь в сани, — было время, когда я читал на лице ее все движенья мысли так же безошибочно, как собственную рукопись, а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю.

Глава V

До 19-летнего возраста Печорин жил в

Москве. С детских лет он таскался из одного пансиона в другой и наконец увенчал свои странствования вступлением в университет, согласно воле своей премудрой маменьки. Он получил такую охоту к перемене мест*, что если бы жил в Германии, то сделался бы странствующим студентом. Но скажите ради бога, какая есть возможность в России сделаться бродягой повелителю 3 т<ысяч> душ и племяннику 20 т<ысяч> московских тетушек. Итак, все его путешествия ограничивались поездками с толпою таких же негодяев, как он, в Петровский, в Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали с собою тетрадей и книг, чтоб не казаться педантами. Приятели Печорина, которых число было впрочем не очень велико, были всё молодые люди, которые встречались с ним в обществе, ибо и в то время студенты были почти единственными кавалерами московских красавиц, вздыхавших невольно по эполетам и эксельбантам, не догадываясь, что в наш век эти блестящие вывески утратили свое прежнее значение.

Печорин с товарищи являлся также на

всех гуляньях. Держась под руки, они прохаживались между вереницами карет к великому соблазну квартальных. Встретив одного из этих молодых людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчас явятся и остальные. В Москве, где прозвания* еще в моде, прозвали их *la bande joyeuse**[5].

Приближалось для Печорина время экзамена: он в продолжение года почти не ходил на лекции и намеревался теперь пожертвовать несколько ночей науке и одним прыжком догнать товарищей: вдруг явилось обстоятельство, которое помешало ему исполнить это геройское намерение. У матери Печорина Татьяны Петровны бывали детские вечера для маленькой дочери: на эти вечера съезжались и взрослые барышни и переспелые девы, жадные до всяких возможных вечеров. Дети ложились спать в 10 часов, их сменяли на паркете большие. На эти вечера являлись часто отец и дочь Р-вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже несколько ей сродни. Дочь этого госпо<дина> Р* называлась тогда просто Верочка. Жорж, привыкнув видеться с нею часто, не находил в ней

ничего особенного, она же избегала его разговора. Раз собралась большая компания ехать в Симонов монастырь ко всеобщей молитве, слушать певчих и гулять. Это было весною: уселись в длинные линии, запряженные каждая в 6 лошадей, и тронулись с Арбата веселым караваном. Солнце склонялось к Воробьевым горам, и вечер был в самом деле прекрасен.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидеть рядом с Верочкою, он этим был сначала недоволен: ее 17-летняя свежесть и скромность казались ему верными признаками холодности и чересчур приторной сердечной невинности: кто из нас в 19 лет не бросался очертя голову вослед отцветающей кокетке, которых слова и взгляды полны обещаний, и души которых подобны выкрашенным гробам притчи. Наружность их — блеск очаровательный, внутри смерть и прах.

Выехав уже за город, когда растворенный воздух вечера освежил веселых путешественников, Жорж разговорился с своей соседкою. Разговор ее был прост, жив и довольно свободен. Она была несколько мечтательна, но не

старалась этого выказывать, напротив, стыдилась этого, как слабости. Суждения Жоржа в то время были резки, полны противуречий, хотя оригинальны, как вообще суждения молодых людей, воспитанных в Москве и привыкших без принуждения постороннего развивать свои мысли.

Наконец приехали в монастырь. До всенощной ходили осматривать стены, кладбище; лазили на площадку западной башни*, ту самую, откуда в древние времена наши предки следили движения, и последний Новик открыл так поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя*. Жорж не отставал от Верочки, потому что неловко было бы уйти, не кончив разговора, а разговор был такого рода, что мог продолжиться до бесконечности. Он и продолжался всё время всенощной, исключая тех минут, когда дивный хор монахов и голос отца Виктора погружал их в безмолвное умиление. Но зато после этих минут разгоряченное воображение и чувства, взволнованные звуками, давали новую пищу для мыслей и слов. После всенощной опять гуляли и возвратились в город тем же порядком,

очень поздно. Жорж весь следующий день думал об этом вечере, потом поехал к Р-вым, чтоб поговорить об нем и передать свои впечатления той, с которой он их разделял. Визиты делались чаще и продолжительнее, по короткости обоих домов они не могли обратить на себя никакого подозрения; так прошел целый месяц, и они убедились оба, что влюблены друг в друга до безумия. В их лета, когда страсть есть наслаждение, без примеси забот, страха и раскаяния, очень легко убедиться во всем. У Жоржа была богатая тетушка, которая в той же степени была родня и Р-вым. Тетушка пригласила оба семейства погостить к себе в Подмосковную недели на две, дом у нее был огромный, сады большие, одним словом, все удобства. Частые прогулки сблизили еще более Жоржа с Верочкой; несмотря на толпу мадамов и детей тетушки, они как-то всегда находили средство быть вдвоем: средство впрочем очень легкое, если обоим этого хочется.

Между тем в университете шел экзамен. Жорж туда не явился: разумеется, он не получил аттестата, но о будущем он не заботился, и уверил мать, что экзамен отложен еще на

три недели, и что он всё знает. Вечерние прогулки имели необходимым следствием объяснение, потом клятвы в верности, наконец, когда двухнедельный срок кончился, надобно было возвращаться в Москву. Накануне рокового дня (это было вечером) они стояли вдвоем на балконе, какой-то невидимый демон сблизил их уста и руки в безмолвноежатие, в безмолвный поцелуй!.. Они испугались самих себя, и хотя Жорж рано с помощью товарищей вступил на соблазнительное поприще разврата... но честь невинной девушки была еще для него святыней. На другой день, садясь в экипажи, они раскланялись попрежнему, очень учтиво, но Верочка покраснела, и глаза ее блистали.

Обман Жоржа открылся, как скоро приехали в Москву, отчаяние Татьяны Петровны было ужасно, брань ее неистощима. Жорж с покорностью и молча выслушал всё, как стоик; но гроза невидимая сбиралась над ним. В комитете дядюшек и тетушек было положено, что его надобно отправить в Петербург и отдать в Юнкерскую школу: другого спасения они для него не видали. «Там, — говорили

они, — его прошколят и выучат дисциплине».

В это время открылась Польская кампания, вся молодежь спешила определяться в полки, вступить в школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2 класса не должны были идти в поход. Он почти на коленях выпросил у матери позволение вступить в Н... гусарский полк, стоявший недалеко от Москвы. После многого плаканья и оханья получил он ее благословение, но самое трудное оставалось ему еще сделать: надобно было объявить об этом Верочке. Он был так еще невинен душою, что боялся убить ее неожиданным известием. Однако ж она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взгляд, не веря, чтоб какие бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться с нею: клятва и обещания ее успокоили.

Через несколько дней Жорж приехал к Р-вым, чтоб окончательно проститься. Верочка была очень бледна, он посидел недолго в гостиной, когда же вышел, то она, пробежав через другие двери, встретила его в зале. Она сама схватила его за руку, крепко ее сжала и

произнесла неверным голосом: «Я никогда не буду принадлежать другому». — Бедная, она дрожала всем телом. Эти ощущения были для нее так новы, она так боялась потерять друга, она так была уверена в собственном сердце. Напечатлев жаркий поцелуй на холодном девственном челе ее, Жорж посадил ее на стул, опрометью сбежал с лестницы и поскакал домой. Вечером пришел лакей от Р. к Татьяне Петровне просить склянку с какими-то каплями и спирту, потому что, дескать, барышня очень нездорова и раза три была без памяти. Это был ужасный удар для Жоржа, он целую ночь не спал, чем свет сел в дорожную коляску и отправился в полк.

До сих пор, любезные читатели, вы видели, что любовь моих героев не выходила из общих правил всех романов и всякой начинающейся любви. Но зато впоследствии... о! впоследствии вы увидите и услышите чудные вещи.

Печорин в продолжение кампании отличался, как отличается всякий русский офицер, дрался храбро, как всякий русский солдат, любезничал с многими паннами, но ми-

нуты последнего расставанья и милый образ Верочки постоянно тревожили его воображение. Чудное дело! Он уехал с твердым намерением ее забыть, а вышло наоборот (что почти всегда и выходит в таких случаях). Впрочем Печорин имел самый несчастный нрав: впечатления, сначала легкие, постепенно врезывались в его ум все глубже и глубже, так что впоследствии эта любовь приобрела над его сердцем право давности, священнейшее из всех прав человечества.

После взятия Варшавы* он был переведен в гвардию, мать его с сестрою переехали жить в Петербург, Варенька привезла ему поклон от своей милой Верочки, как она ее называла, — ничего больше как поклон. Печорина это огорчило — он тогда еще не понимал женщин. Тайная досада была одна из причин, по которым он стал волочиться за Лизаветой Николаевной, слухи об этом, вероятно, дошли до Верочки. Через полтора года он узнал, что она вышла замуж; через два года приехала в Петербург уже не Верочка, а княгиня Лиговская и князь Степан Степ < анович >.

Глава VI

Тут, кажется, мы остановились в предыдущей главе.

Дни через три после того, как Печорин был у князя, Татьяна Петровна пригласила несколько человек знакомых и родных отобедать. Степан Степанович с супругою был, разумеется, в числе.

Печорин сидел в своем кабинете и хотел уже одеваться, чтоб выдти в гостиную, когда вошел к нему артиллерийский офицер.

— А, Браницкий, — воскликнул Печорин, — я очень рад, что ты так кстати заехал, ты непременно будешь у нас обедать. Вообрази, у нас ныне полон дом молодых девушек, а я один, отдан им на жертву, ты всех их знаешь, сделай одолжение останься обедать!

— Ты так убедительно просишь, — отвечал Браницкий, — как будто предчувствуешь отказ.

— Нет, ты не смеешь отказаться, — сказал Печорин, он кликнул человека и велел отпустить сани Браницкого домой.

Дальнейший разговор их я не передаю, потому что он был бессвязен и пуст, как разговоры всех молодых людей, которым нечего

делать. И в самом деле, скажите, об чем могут говорить молодые люди? запас новостей скоро истощается, в политику благоразумие мешает пускаться, об службе и так слишком много толкуют на службе, а женщины в наш варварский век утратили вполовину прежнее всеобщее свое влияние. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить об этом смешно.

Когда несколько гостей съехалось, Печорин и Браницкий вошли в гостиную. Там на 3-х столах играли в вист. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усевшись вокруг небольшого столика, разговаривали о последнем бале, о новых модах. Офицеры подошли к ним, Браницкий искусно оживил непринужденной болтовней их небольшой кружок, Печорин был рассеян. Он давно замечал, что Браницкий ухаживал за его сестрой и, не входя в рассмотрение дальнейших следствий, не тревожил приятеля наблюдением, а сестру нескромными вопросами. Вареньке казалось очень приятно, что такой ловкий молодой человек приметно отличает ее от других, ее, которая даже еще не выезжает.

Мало-по-малу гости съезжались. Кн<язь>

Лиговский и княгиня приехали одни из последних. Варенька бросилась навстречу своей старой приятельнице, княгиня поцеловала ее с видом покровительства. Вскоре сели за стол.

Столовая была роскошно убранная комната, увешанная картинами в огромных золотых рамах: их темная и старинная живопись находилась в резкой противоположности с украшениями комнаты, легкими, как всё, что в новейшем вкусе. Действующие лица этих картин, — одни полунагие, другие живописно завернутые в греческие мантии или одетые в испанские костюмы, в широкополых шляпах с перьями, с прорезными рукавами, пышными манжетами. Брошенные на этот холст рукою художника в самые блестящие минуты их мифологической или феодальной жизни, казалось, строго смотрели на действующих лиц этой комнаты, озаренных сотнею свеч, не помышляющих о будущем, еще менее о прошедшем, съехавшихся на пышный обед, не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но одни, чтоб удовлетворить тщеславию ума, тщеславию богатства, другие из любопытства, из приличий, или для ка-

ких-либо других сокровенных целей. В одежде этих людей, так чинно сидевших вокруг длинного стола, уставленного серебром и фарфором, так же как в их понятиях, были перемешаны все века. В одеждах их встречались глубочайшая древность с самой последней выдумкой парижской модистки, греческие прически, увитые гирляндами из поддельных цветов, готические серьги, еврейские тюрбаны, далее волосы, вздернутые кверху *à la chinoise*[6], букли *à la Sévigné**[7], пышные платья наподобие фижм, рукава, чрезвычайно широкие или чрезвычайно узкие. У мужчин прически* *à la jeune France*[8], *à la russe*[9], *à la moyen âge*[10], *à la Titus*[11], гладкие подбородки, усы, испаньолки, бакенбарды и даже бороды, кстати было бы тут привести стих Пушкина: «какая смесь одежд и лиц!» Понятия же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидеть наискось противу княгини Веры Дмитриевны, сосед его по левую руку был какой-то рыжий господин, увешанный крестами, который ездил к ним в дом только на званые обеды, по правую же

сторону Печорина сидела дама лет 30-ти, чрезвычайно свежая и моложавая, в малиновом токе, с перьями, и с гордым видом, потому что она слыла неприступною добродетелью. Из этого мы видим, что Печорин, как хозяин, избрал самое дурное место за столом.

Возле Веры Дмитриевны сидела по одну сторону старушка, разряженная, как кукла, с седыми бровями и черными пуклями, по другую дипломат, длинный и бледный, причесанный *à la russe* и говоривший по-русски хуже всякого француза. После 2-го блюда разговор начал оживляться.

— Так как вы недавно в Петербурге, — говорил дипломат княгине, — то, вероятно, не успели еще вкусить и постигнуть все прелести здешней жизни. Эти здания, которые с первого взгляда вас только удивляют как всё великое, со временем сделаются для вас бесценны, когда вы вспомните, что здесь развилось и выросло наше просвещение, и когда увидите, что оно в них уживается легко и приятно. Всякий русский должен любить Петербург: здесь всё, что есть лучшего русской молодежи, как бы нарочно собралось, чтоб

подать дружескую руку Европе. Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего, здесь жизнь, здесь наши надежды...

Так высокопарно и мудрено говорил художавый дипломат, который имел претензию быть великим патриотом. Кн<ягиня> улыбнулась и отвечала рассеянно:

— Может быть, со временем я полюблю и Петербург, но мы, женщины, так легко предаемся привычкам сердца и так мало думаем, к сожалению, о всеобщем просвещении, о славе государства! Я люблю Москву. С воспоминанием об ней связана память о таком счастливом времени! А здесь, здесь всё так холодно, так мертво... О, это не мое мнение; это мнение здешних жителей. — Говорят, что въехавши раз в петербургскую заставу, люди меняются совершенно.

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянув на Печорина.

Дипломат взбеленился:

— Какие ужасные клеветы про наш милый город, — воскликнул он, — а всё это старая сплетница Москва, которая из зависти клевет-

щет на молодую свою соперницу.

При слове «старая сплетница» разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтоб решить наш спор, — продолжал дипломат, — выберемте посредника, княгиня: вот хоть Григория Александровича, он очень прилежно слушал наш разговор. Как вы думаете об этом? Monsieur Печорин, скажите по совести и не принесите меня в жертву учтивости. Вы одобряете мой выбор, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгого, — отвечала она.

— Как быть, наш брат всегда наблюдает свои выгоды, — возразил дипломат с самодовольной улыбкою. Monsieur Печорин, извольте же решить.

— Мне очень жаль, — сказал Печорин, — что вы ошиблись в своем выборе. Из всего вашего спора я слышал только то, что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однако ж, — сказал он, — Москве или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина, — отвечал Печорин,

стараясь отделаться.

— Однако ж которая?.. — Дипломат настаивал с упорством.

— Я думаю, — прервал его Печорин, — что ни здания, ни просвещение, ни старина не имеют влияния на счастье и веселость. А меняются люди за петербургской заставой и за московским шлагбаумом потому, что если б люди не менялись, было бы очень скучно.

— После такого решения, княгиня, — сказал дипломат, — я уступаю свое дипломатическое звание господину Печорину. Он увернулся от решительного ответа, как Талейран или Меттерних.

— Григорий Александрович, — возразила княгиня, — не увлекается страстью или пристрастием, он следует одному холодному рассудку.

— Это правда, — отвечал Печорин, — я теперь стал взвешивать слова свои и рассчитывать поступки, следуя примеру других. Когда я увлекался чувством и воображением, надобно мною смеялись и пользовались моим простосердечием, но кто же в своей жизни не делал глупостей! И кто не раскаивался! Теперь по

чести я готов пожертвовать самую чистейшею, самую воздушной любовью для 3 т<ысяч> душ с винокуренным заводом и для какого-нибудь графского герба на дверцах кареты! Надобно пользоваться случаем, такие вещи не падают с неба! Не правда ли? Этот неожиданный вопрос был сделан даме в малиновом берете.

Молчаливая добродетель пробудилась при этом неожиданном вопросе, и страусовые перья заколышались на берете. Она не могла тотчас ответить, потому что ее невинные зубки жевали кусок рябчика с самым добродетельным старанием: все с нетерпением молча ожидали ее ответа. Наконец она открыла уста и важно молвила:

— Ко мне ли ваш вопрос относится?

— Если вы позволите, — отвечал Печорин.

— Не хотите ли вы разделить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я б желал вам передать ее совсем.

— Ах, избавьте!

В эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себе на тарелку и продолжала:

— Вот, адресуйте к княгине, она, я думаю, гораздо лучше может судить о любви и об графском или о княжеском титуле.

— Я бы желал слышать ваше мнение, — сказал Печорин, — и решился победить вашу скромность упрямством.

— Вы не первые, и вам это не удастся, — сказала она с презрительной улыбкой. — Притом я не имею никакого мнения о любви.

— Помилуйте! в ваши лета не иметь никакого мнения о таком важном предмете для всякой женщины.

Добродетель обиделась.

— То есть, я слишком стара, — воскликнула она покраснев.

— Напротив, я хотел сказать, что вы ещё так молоды.

— Слава богу, я уж не ребенок... вы оправдались очень неудачно.

— Что делать! — я вижу, что увеличил единицею несметное число несчастных, которые вам напрасно стараются понравиться...

Она от него отвернулась, а он чуть не засмеялся вслух.

— Кто эта дама? — шопотом спросил у него

рыжий господин с крестами.

— Баронесса Штраль*, — отвечал Печорин.

— Аа! — сделал рыжий господин.

— Вы, конечно, об ней много слышали?

— Нет-с, ничего формально.

— Она уморила двух мужей, — продолжал Печорин, — теперь за третьим, который верно ее переживет.

— Ого! — сказал рыжий господин и продолжал уписывать соус, униженный трюфелями.

Таким образом разговор прекратился, но дипломат взял на себя труд возобновить его.

— Если вы любите искусство, — сказал он, обращаясь к княгине, — то я могу вам сказать весьма приятную новость, картина Брюлова: «Последний день Помпеи» едет в Петербург*. Про нее кричала вся Италия, французы ее разобрали. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика, на сторону истинного вкуса или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвечала, она была в рассеянности — глаза ее бродили без цели вдоль по стенам комнаты, и слово «картина» только заставило их остановиться на изобра-

жении какой-то испанской сцены, висевшем противу нее. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая ценность оттого, что краски ее полиняли и лак растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и седой мужчина, сидя на бархатных креслах, обнимал одною рукою молодую женщину, в другой держал он бокал с вином. Он приближал свои румяные губы к нежной щеке этой женщины и проливал вино ей на платье. Она, как бы нехотя повинувшись его грубым ласкам, перегнувшись через ручку кресел и облокотясь на его плечо, отворачивалась в сторону, прижимая палец к устам и устремив глаза на полуотворенную дверь, из-за которой во мраке сверкали два яркие глаза и кинжал.

Княгиня несколько минут со вниманием смотрела на эту картину и наконец попросила дипломата объяснить ее содержание.

Дипломат вынул из-за галстуха лорнет, прищурился, наводил его в разных направлениях на темный холст и заключил тем, что это должна быть копия с Рембранта или Мюрилла*.

— Впрочем, — прибавил он, — хозяин ее должен лучше знать, что она изображает.

— Я не хочу вторично затруднять Григория Александровича разрешениями вопросов, — сказала Вера Дмитриевна и опять устремила глаза на картину.

— Сюжет ее очень прост, — сказал Печорин, не дожидаясь, чтобы его просили, — здесь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнее обманывать богатого и глупого старика. В эту минуту она, кажется, что-то у него выпрашивает и удерживает бешенство любовника ложными обещаниями. Когда она выманит искусственным поцелуем всё, что ей хочется, она сама откроет дверь и будет хладнокровною свидетельницею убийства.

— Ах, это ужасно! — воскликнула княгиня.

— Может быть я ошибаюсь, дав такой смысл этому изображению, — продолжал Печорин, — мое истолкование совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство может существовать в сердце женщины?

— Княгиня, — отвечал Печорин сухо, — я прежде имел глупость думать, что можно понимать женское сердце. Последние случаи моей жизни меня убедили в противном, и поэтому я не могу решительно ответить на ваш вопрос.

Княгиня покраснела, дипломат обратил на нее испытующий взор и стал что-то чертить вилокю на дне своей тарелки. Дама в малиновом берете была как на иголках, слыша такие ужасы, и старалась отодвинуть свой стул от Печорина, а рыжий господин с крестами значительно улыбнулся и проглотил три трюфели разом.

Остальное время обеда дипломат и Печорин молчали, княгиня завела разговор с старушкою, добродетель горячо об чем-то спорила с своей соседкой с правой стороны, рыжий господин ел.

За десертом, когда подали шампанское, Печорин, подняв бокал, оборотился к княгине:

— Так как я не имел счастья быть на вашей свадьбе, то позвольте поздравить вас теперь.

Она посмотрела на него с удивлением и

ничего не отвечала. Тайное страдание изображалось на ее лице, столь изменчивом, — рука ее, державшая стакан с водою, дрожала... Печорин всё это видел, и нечто похожее на раскаяние закралось в грудь его: за что он ее мучил? — с какою целью? — какую пользу могло ему принести это мелочное мщение?.. — Он себе в этом не мог дать подробного отчета.

Вскоре стулья зашумели; встали из-за стола и пошли в приемные комнаты... Лакеи на серебряных подносах стали разносить кофе, некоторые мужчины, не игравшие в вист — и в их числе князь Степан Степ<анович>, пошли в кабинет Печорина курить трубки, а княгиня под предлогом, что у нее развились локоны, удалилась в комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась в широкие кресла; неизъяснимое чувство стеснило ее грудь, слезы набежали на ресницы, стали капать чаще и чаще на ее разгоревшиеся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло в мысль, что с красными глазами неловко будет показаться в гостиную. Тогда она встала, подошла к зеркалу,

осушила глаза, натерла виски одеколоном и духами, которые в цветных и граненых скляночках стояли на туалете. По временам она еще всхлипывала, и грудь ее подымалась высоко, но это были последние волны, забытые на гладком море пролетевшим ураганом.

Об чем же она плакала, спрашиваете вы, и я вас спрошу, об чем женщины не плачут? слезы их оружие наступательное и оборонительное. Досада, радость, бессильная ненависть, бессильная любовь, имеют у них одно выражение: Вера Дмитриевна сама не могла дать отчета, какое из этих чувств было главной причиною ее слез. Слова Печорина глубоко ее оскорбили; но странно, она его за это не возненавидела. Может быть, если б в его упреке проглядывало сожаление о минувшем, желание ей снова нравиться, она бы сумела отвечать ему колкой насмешкой и равнодушием, но, казалось, в нем было оскорблено одно самолюбие, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пятке Ахиллеса, и по этой причине оно в этом сражении оставалось вне ее выстрелов. Казалось, Печорин гордо вызывал на бой ее ненависть, что-

бы увериться, так же ли она будет недолговременна, как любовь ее, — и он достиг своей цели. Ее чувства взволновались, ее мысли смутились, первое впечатление было сильное, а от первого впечатления зависело всё остальное: он это знал и знал также, что самая ненависть ближе к любви, нежели равнодушие.

Княгиня уже собиралась возвратиться в гостиную, как вдруг дверь легонько скрыпнула, и вошла Варенька.

— Я тебя искала, *chère amie*, — воскликнула она, — ты, кажется, нездорова...

Вера Дмитриевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болит голова, там так жарко...

— Я за столом часто на тебя взглядывала, — продолжала Варенька, — ты всё время молчала, мне досадно было, что я не села возле тебя, тогда, может быть, тебе не было <бы> так скучно.

— Мне вовсе не было скучно, — отвечала княгиня, горько улыбнувшись, — Григорий Александрович был очень любезен.

— Послушай, мой ангел, я не хочу, чтоб ты

называла брата Григорий Александрович. Григорий Александрович — это так важно: точно вы будто вчера только познакомились. Отчего не называть его просто Жорж, как прежде, он такой добрый.

— О, я этого последнего достоинства в нем ныне не заметила, он мне ныне наговорил таких вещей, которые б другая ему никогда не простила.

Вера Дмитриевна почувствовала, что проговорила, но успокоилась тем, что Варенька, ветреная девочка, не обратит внимания на ее последние слова или скоро позабудет их. Вера Дмитриевна, к несчастью ее, была одна из тех женщин, которые обыкновенно осторожнее и скромнее других, но в минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны перед зеркалом, она взяла под руку Вареньку, и обе возвратились в гостиную, а мы пойдём в кабинет Печорина, где собралось несколько молодых людей и где князь Степан Степанович с цыгаркою в зубах тщетно старался вмешиваться в их разговор. Он не знал ни одной петербургской актрисы, не знал ключа ни одной городской интриги и,

как приезжий из другого города, не мог рассказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщине, он старался казаться молодым на зло подставным зубам и некоторым морщинам. В продолжение всей своей молодости этот человек не пристрастился ни к чему — ни к женщинам, ни к вину, ни к картам, ни к почестям, и со всем тем, в угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три из угождения в женщин, которые хотели ему нравиться, проиграл однажды 30 т<ысяч>, когда была мода проигрывать, убил свое здоровье на службе потому, что начальникам это было приятно. Будучи эгоист в высшей степени, он однако слыл всегда добрым малым, готовым на всякие услуги, женился же он, потому что всем родным этого хотелось. Теперь он сидел против камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговор двух молодых людей, стоявших против него. Один из них был артиллерийский офицер Браницкий, другой статский. Этот последний был одно из характеристических лиц петербургского общества.

Он был порядочного роста и так худ, что английского покроя фрак висел на плечах его как на вешалке. Жесткий атласный галстук подпирал его угловатый подбородок. Рот его, лишенный губ, походил на отверстие, прорезанное перочинным ножичком в картонной маске, щеки его, впалые и смугловатые, местами были испещрены мелкими ямочками, следами разрушительной оспы. Нос его был прямой, одинаковой толщины во всей своей длине, а нижняя оконечность как бы отрублена, глаза, серые и маленькие, имели дерзкое выражение, брови были густы, лоб узок и высок, волосы черны и острижены под гребенку, из-за галстуха его выглядывала борода *à la St-Simonienne**[12].

Он был со всеми знаком, служил где-то, ездил по поручениям, возвращаясь получал чины, бывал всегда в среднем обществе и говорил про связи свои с знатью, волочился за богатыми невестами, подавал множество проектов, продавал разные акции, предлагал всем подписки на разные книги, знаком был со всеми литераторами и журналистами, приписывал себе многие безымянные статьи в

журналах, издал брошюру, которую никто не читал, был, по его словам, завален кучею дел и целое утро проводил на Невском проспекте. Чтоб закончить портрет, скажу, что фамилия его была малороссийская, хотя вместо Горшенко, он называл себя Горшенков.

— Что вы ко мне никогда не заедете? — говорил ему Браницкий.

— Поверите ли, я так занят, — отвечал Горшенко, — вот завтра сам должен докладывать министру; — потом надобно ехать в комитет, работы тьма, не знаешь как отделаться; еще надобно писать статью в журнал, потом надобно обедать у князя N, всякий день где-нибудь на бале, вот хоть нынче у графини Ф. Так и быть уж пожертвую этой зимой, а летом опять запрусь в свой кабинет, окружу себя бумагами и буду ездить только к старым приятелям.

Браницкий улыбнулся и, насвистывая арию из Фенеллы, удалился.

Князь, который был мысленно занят своим делом, подумал, что ему не худо будет познакомиться с человеком, который всех знает и докладывает сам министру. Он завел с ним

разговор о политике, о службе, потом о своем деле, которое состояло в тяжбе с казною о 20 т<ысячах> десятин лесу. Наконец князь спросил у Горшенки, не знает ли он одного чиновника Красинского, у которого в столе разбираются его дела.

— Да, да, — отвечал Горшенко, — знаю, видал, но он ничего не может сделать, адресуйтесь к людям, которые более имеют весу, я знаю эти дела, мне часто их навязывали, но я всегда отказывался.

Такой ответ поставил в тупик кн<язя> Степана Степановича. Ему казалось, что перед ним в лице Горшенки стоит весь комитет министров.

— Да, — сказал он, — ныне эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печорин, слышавший разговор и узнав от кн<язя>, в каком департаменте его дело, обещался отыскать Красинского и привезти его к князю.

Степан Степанович в восторге от его любезности пожал ему руку и пригласил его заезжать к себе всякий раз, когда ему нечего будет делать.

Глава VII

На другой день Печорин был на службе, провел ночь в дежурной комнате и сменился в 12 часов утра. Покуда он переоделся, прошел еще час. Когда он приехал в департамент, где служил чиновник Красинский, то ему сказали, что этот чиновник куда-то ушел; Печорину дали его адрес, и он отправился к Обухову мосту. Остановясь у ворот одного огромного дома, он вызвал дворника и спросил, здесь ли живет чиновник Красинский.

— Пожалуйте в 49 номер, — был ответ.

— А где вход?

— Со двора-с.

49 номер, и вход со двора! Этих ужасных слов не может понять человек, который не провел по крайней мере половины жизни в отыскивании разных чиновников, 49 номер есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 в Апокалипсисе*. Вы пробираетесь сначала через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу, или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше ды-

хание, собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа. Наконец, после многих расспросов, вы находите желанную дверь, темную и узкую, как дверь в чистилище; поскользнувшись на пороге, вы летите две ступени вниз и попадаете ногами в лужу, образовавшуюся на каменном помосте, потом неверною рукой ощупываете лестницу и начинаете взбираться наверх. Взойдя на первый этаж и остановившись на четвероугольной площадке, вы увидите несколько дверей кругом себя, но увы, ни на одной нет номера; начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходит кухарка с сальной свечой, а из-за нее раздается брань, или плач детей.

— Кого вам угодно?

— 49 номер.

— Здесь эдаких нет-с.

— Кто ж здесь живет?

Ответ бывает обыкновенно или какое-нибудь варварское имя или: «какое вам дело, ступайте выше!» Дверь захлопывается. Во

всех других дверях та же сцена повторяется в разных видах, чем выше вы взбираетесь, тем хуже. Софист наблюдатель мог бы заключить из этого, что человек, приближаясь к небу, уподобляется растению, которое на вершинах гор теряет цвет и силу. Помучившись около часу, вы наконец находите желанный 49 номер или другой столько же таинственный, и то если дворник не был пьян и понял ваш вопрос, если не два чиновника с одинаковым именем в этом доме, если вы не попали на другую лестницу, и т. д. Печорин претерпел все эти мучения и наконец, вскарабкавшись на 4-й этаж, постучал в дверь; вышла кухарка, он сделал обычный вопрос, ему отвечали: «здесь». Он вошел, снял шинель в кухне и хотел идти далее, как вдруг кухарка остановила его, сказав, что господин Красинский не воротился еще из департамента. «Я подожду», — отвечал он, и вошел. Кухарка следовала за ним и разглядывала его с видом удивления. Белый султан и красивый кавалерийский мундир были, повидимому, явление необыкновенное на четвертом этаже. При входе Печорина в гостиную, если можно так назвать

четыреугольную комнату, украшенную единственным столом, покрытым клеенкою, перед которым стоял старый диван и три стула, низенькая и опрятная старушка встала с своего места и повторила вопрос кухарки.

— Я ищу господина Красинского, может быть, я ошибся.

— Это мой сын, — отвечала старушка, — он скоро будет. — Если вы мне позволите подождать, — продолжал Печорин.

— Сделайте одолжение, — прервала его старушка и торопливо придвинула стул.

Печорин сел. Окинув взором комнату и всё в ней находящееся, ему стало как-то неловко; если б судьба неожиданно бросила его во дворец персидского шаха, он бы скорей нашелся, нежели теперь.

Старушке с первого взгляда можно было дать лет 60, хотя она в самом деле была моложе, но ранние печали сторбили ее стан, иссушили кожу, которая сделалась похожа цветом на старый пергамент. Синеватые жилы рисовались по ее прозрачным рукам, лицо ее было сморщено, в одних ее маленьких глазах, казалось, сосредоточились все ее жизненные

силы, в них светили необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствие. Печорин, не зная, как начать разговор, стал перелистывать книгу, лежавшую на столе; он думал вовсе не о книге, но странное заглавие привлекло его внимание: *«Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым*»* сочинение Н. П. Москва. в тип. И. Глазунова, цена 25 копеек. Улыбка появилась на лице Печорина, эта книжка, как пустой лотерейный билет, была резкое изображение мечтаний, обманутых надежд, несбыточных- тщетных усилий представить себе в лучшем виде печальную существенность. Старушка заметила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитав объявление в газетах, чтоб он мне достал эту книжку, да в ней ничего нет. — Я думаю, — возразил Печорин, — что никакая книга не может выучить быть счастливым. О, если б счастье была наука! дело другое!

— Разумеется, — возразила старуха, — утпающий за щепку хватается, мы не всегда были в таком положении, как теперь. Муж мой был польский дворянин, служил в русской

службе, вследствие долгой тяжбы он потерял большую часть своего имения, а остатки разграблены были в последнюю войну, однако же я надеюсь, скоро всё поправится. Мой сын, — продолжала она с некоторой гордостью, — имеет теперь очень хорошее место и хорошее жалованье.

После минутного молчанья она спросила:

— Вы, конечно, к моему сыну по какому-нибудь делу? Может быть, вам скучно будет дожидаться, так не угодно ли сказать мне, я ему передам.

— Мне препоручил, — отвечал Печорин, — кн<язь> Лиговской попросить вашего сына, чтобы он сделал одолжение, заехал к нему, у кн<язя> есть тяжба, которая теперь должна рассматриваться в столе у г. Красинского. Я вас попрошу передать ему адрес князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына к нему заехать хоть завтра вечером, я там буду.

Написав адрес, Печорин раскланялся и подошел к двери. В эту минуту дверь отворилась, и он вдруг столкнулся с человеком высокого роста; они взглянули друг на друга, глаза

их встретились, и каждый сделал шаг назад. Враждебные чувства изобразились на обоих лицах, удивление сковало их уста, наконец Печорин, чтобы выйти из этого странного положения, сказал почти шопотом:

— Милостивый государь, вспомните, что я не знал, что вы г. Красинский, иначе бы я не имел счастья встретиться с вами здесь. Ваша матушка объяснит вам причину моего посещения.

Они разошлись — не поклонившись. Печорин уехал. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что он в Красинском узнал того самого чиновника, которого несколько дней назад едва не задавил и с которым имел в театре историю.

Между тем Красинский, не менее пораженный этою встречей, сел противу своей матери на кресла, опустил голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему поручения Печорина, стараясь объяснить, как выгодно было бы взяться за дело князя, и стала удивляться тому, что Печорин не объяснился сам, тогда Красинский вдруг вскочил с своего места, светлая мысль озарила лицо его,

и воскликнул, ударив рукою по столу: «Да, я пойду к этому князю!» Потом он стал ходить по комнате мерными шагами, делая иногда бессвязные восклицания. Старушка, повидимому, привыкшая к таким странным выходкам, смотрела на него без удивления. Наконец он опять сел, вздохнул и посмотрел на мать с таким видом, чтоб только начать разговор; она его угадала.

— Ну что, Станислав, — сказала она, — скоро ль тебе выйдет награждение? у нас денег осталось мало*.

— Не знаю, — отвечал он отрывисто.

— Ты верно не сумел угодить начальнику отделения, — продолжала она, — ну что за беда, что он твоими руками жар загребает; придет и твое время, а покаместь, если не будешь искать в людях, и бог тебя не взыщет.

Горькое чувство изобразилось на прекрасном лице Станислава, он отвечал глухим голосом:

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовал для вас даже характером, пожалуй, после всех жертв, которые я принес вам, это будет капля воды в море.

Она подняла к нему глаза, полные слез, и молчание снова воцарилось. Станислав стал перелистывать книгу и вдруг сказал, не отрывая глаз от параграфа, где безымянный сочинитель доказывал, что дружба есть ключ истинного счастья:

— Знаете ли, матушка, кто этот офицер, который был сегодня у нас?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный враг, — отвечал он.

Лицо старушки побледнело сколько могло побледнеть, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же он от тебя хочет?

— Вероятно он мне не желает зла, но зато я имею сильную причину его ненавидеть. Разве когда он сидел здесь против вас, блистая золотыми эполетами, поглаживая белый султан, разве вы не чувствовали, не догадались с первого взгляда, что я должен непременно его ненавидеть? О, поверьте, мы еще не раз с ним встретимся на дороге жизни и встретимся не так холодно, как ныне. Да, я пойду к этому князю, какое-то тайное предчувствие шепчет мне, чтобы я повиновался указаниям

судьбы.

Напрасны были все старания испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станислав не хотел рассказывать, как будто боялся, что причина ей покажется слишком ничтожна. Как все люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянною мыслию, он больше всех препятствий старался избегать убеждений рассудка, могущих отвлечь его от предположенной цели.

На другой день он оделся как можно лучше. Целое утро он прилежно, может быть, в первый раз от роду, рассматривал с ног до головы департаментских франтиков, чтоб выучиться повязывать галстух и запомнить, сколько пуговиц у жилета надобно застегнуть; и пожертвовал четвертак Фаге, который бесовестно взбил его мягкие и волнистые кудри в жесткий и неуклюжий хохол; а когда пробило 7 часов вечера, Красинский отправился на Морскую, полный смутных надежд и опасений!..

Глава VIII

У князя Лиговского были гости, кое-кто из родных, когда Красинский вошел в лакей-

скую.

— Князь принимает? — спросил он, нерешительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

— Мы не здешние, — отвечал один из них, даже не приподнявшись с барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Он верно сейчас сам выйдет, — был ответ, — а нам нельзя! Наконец явился швейцар.

— Князь Лиговской дома?

— Пожалуйте-с.

— Доложи, что пришел Красинский, — он меня знает!

Швейцар отправился в гостиную и, подойдя к к<нязю> Степан Степанычу, сказал ему тихо:

— Господин Красинский приехал-с; он говорит, что вы изволите его знать.

— Какой Красинский? Что ты врешь? — воскликнул князь, важно прищурясь.

Печорин, прислушавшись в чем дело, поспешил на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тот самый чиновник, — сказал он, — у которого ваше дело. Я к нему нынче заезжал.

— А! очень обязан, — отвечал Степан Степ<анович>.

Он пошел в кабинет и велел просить туда чиновника.

Мы не будем слушать их скучных толков о запутанном деле, а останемся в гостиной; две старушки, какой-то камергер и молодой человек обыкновенной наружности играли в вист; княгиня Вера и другая молодая дама сидели на канапе возле камина, слушая Печорина, который, придвинув свои кресла к камину, где сверкали остатки каменных угольев, рассказывал им одно из своих походов во время Польской кампании. Когда Степан Степаныч ушел, он занял праздное место, чтоб находиться ближе к княгине.

— Итак, вам велели отправиться со взводом в эту деревню, — сказала молодая дама, которую Вера называла кузиною, продолжая прерванный разговор.

— И я, как разумеется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, — сказал Пе-

чорин, — мне велено было отобрать у пана оружие, если найдется, а его самого отправить в главную квартиру... Я только что был произведен в корнеты, и это была первая моя откомандировка. К рассвету мы увидали перед собою деревню с каменным господским домом, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мне. Показания его об имени пана и о числе жителей были согласны с моею инструкциею.

— А есть ли у вашего пана жена или дочери? — спросил я.

— Есть, пане капитане.

— А как их зовут, графиню, жену вашего Острожского?

— Графиня Рожа.

— Должно быть красавица, — подумал я наморщась.

— Ну а дочери ее такие же рожи, как их маменька?

— Нет, пане капитане, старшая называется Амалия и меньшая Эвелина.

— Это еще ничего не доказывает, — подумал я. Гр<афиня> рожа меня мучила, я продолжал расспросы:

— А что сама гр<афиня> Рожа старуха?

— Ни, пане, ей всего 33 года.

— Какое несчастье!

Мы въехали в деревню и скоро остановились у ворот замка.

Я велел людям слезть и в сопровождении унтер-офицера вошел в дом. Всё было пусто. Пройдя несколько комнат, я был встречен самим графом, дрожащим и бледным, как полотно. Я объявил ему мое поручение, разумеется он уверял, что у него нет оружия, отдал мне ключи от всех своих кладовых и, между прочим, предложил завтракать. После второй рюмки хереса граф стал просить позволения представить мне свою супругу и дочерей.

— Помилуйте, — отвечал я, — что за церемония. — Я, признаться, боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита, но граф настаивал и, повидимому, сильно надеялся на могущественное влияние своей Рожи. Я еще отнекивался, как вдруг дверь отворилась и вошла женщина, высокая, стройная, в черном платье. Вообразите себе польку и красавицу польку в ту минуту, как она хочет обворожить русского офицера. Это была сама гра-

финя Розалия или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра слов показалась очень забавна двум дамам. Они смеялись.

— Я предчувствую, вы влюбились в эту Ро-жу, — воскликнула наконец молодая дама, которую княгиня Вера называла кузиной.

— Это бы случилось, — отвечал Печорин, — если б я уже не любил другую.

— Ого! постоянство, — сказала молодая дама. — Знаете, что этой добродетелью не хва-стаются?

— Во мне это не добродетель, а хрониче-ская болезнь.

— Вы однако же вылечились?

— По крайней мере лечусь, — отвечал Пе-чорин.

Княгиня на него быстро взглянула, на лице ее изобразилось что-то похожее на удивление и радость. Потом вдруг она сделалась печаль-на. Этот быстрый переход чувств не ускольз-нул от внимания Печорина, он переменял разговор, анекдот остался неконченным и скоро был забыт среди веселой и непринуж-денной беседы. Наконец подали чай, и взо-

шел князь, а за ним Красинский, князь отрекомендовал его жене и просил садиться. Взоры маленького кружка обратились на него, и молчание воцарилось. Если б князь был петербургский житель, он бы задал ему завтрак в 500 р<ублей>; если имел в нем нужду, даже пригласил бы его к себе на бал или на шумный раут потолкаться между разного рода гостями, но ни за что в мире не ввел бы <в> свою гостиную запросто человека постороннего и никаким образом не принадлежащего к высшему кругу; но князь воспитывался в Москве, а Москва такая гостеприимная старушка. Княгиня из вежливости обратилась к Красинскому с некоторыми вопросами, он отвечал просто и коротко.

— Мы очень благодарны, — сказала она наконец, — г<осподину> Печорину за то, что он доставил нам случай с вами познакомиться.

При этих словах Печорин и Красинский невольно взглянули друг на друга и последний отвечал скоро:

— Я еще более вас должен быть благодарен г<осподину> Печорину за эту неоцененную услугу.

По губам Печорина пробежала улыбка, которая могла бы выразиться следующей фразой: — «Ого, наш чиновник пускается в комплименты»; — понял ли Красинский эту улыбку или же сам испугался своей смелости, потому что, вероятно, это был его первый комплимент, сказанный женщине, так высоко поставленной над ним обществом, не знаю, — но он покраснел и продолжал неуверенным голосом:

— Поверьте, княгиня, что я никогда не забуду приятных минут, которые позволили мне провести в вашем обществе: — прошу вас не сомневаться: я исполню всё, что будет зависеть от меня... и к тому же ваше дело только запутано, — но совершенно правое...

— Скажите, — спросила его княгиня с тем участием, которое похоже на обыкновенную вежливость, когда не знают, что сказать незнакомому человеку, — скажите: вы, я думаю, ужасно замучены делами... Я воображаю эту скуку с утра до вечера писать и прочитывать длинные и бессвязные бумаги... это нестерпимо: — поверите ли, что мой муж каждый день в продолжение года толкует и

объясняет мне наше дело, а я до сих пор ничего еще не понимаю.

— Какой любезный и занимательный супруг, — подумал Печорин...

— Да и зачем вам, княгиня? — сказал Красинский, — ваш удел забавы, роскошь, а наш — труд и заботы; оно так и следует: если б не мы, кто бы стал трудиться.

Наконец и этот разговор истоцился: Красинский встал, раскланялся... Когда он ушел, то кузина княгини заметила, что он вовсе не так неловок, как бы можно ожидать от чиновника, и что он говорит вовсе не дурно. Княгиня прибавила: «*et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..*»[13] — Печорин при этих словах стал превозносить до невозможности его ловкость и красоту: он уверял, что никогда не видывал таких темноглазых глаз ни у одного чиновника на свете, и уверял, что Красинский, судя по его глубоким замечаниям, непременно будет великим государственным человеком, если не останется вечно титулярным советником... «Я непременно узнаю, — прибавил он очень серьезно, — есть ли у него университетский аттестат!..»

Ему удалось рассмешить двух дам и обратить разговор на другие предметы: несмотря на то, выражение княгини глубоко врезалось в его памяти: оно показалось ему упреком, хотя случайным, но тем не менее язвительным. — Он прежде сам восхищался благородной красотой лица Красинского, но когда женщина, увлекавшая все его думы и надежды, обратила особенное внимание на эту красоту... он понял, что она невольно сделала сравнение для него убийственное, и ему почти показалось, что он вторично потерял ее навеки. И с этой минуты в свою очередь возненавидел Красинского. Грустно, а надо признаться, что самая чистейшая любовь наполовину перемешана с самолюбием.

Увлекаясь сам наружной красотой и обладая умом резким и пронизательным, Печорин умел смотреть на себя с беспристрастием и, как обыкновенно люди с пылким воображением, переувеличивал свои недостатки. Убедясь по собственному опыту, как трудно влюбиться в одни душевные качества, он сделался недоверчив и приучился объяснять внимание или ласки женщин — расчетом

или случайностью. То, что казалось бы другому доказательством нежнейшей любви, — пренебрегал он часто как приметы обманчивые, слова, сказанные без намерения, взгляды, улыбки, брошенные на ветер, первому, кто захочет их поймать; другой бы упал духом и уступил соперникам поле сражения... но трудность борьбы увлекает упорный характер, и Печорин дал себе честное слово остаться победителем: следуя системе своей и вооружась несносным наружным хладнокровием и терпением, он мог бы разрушить лукавые увертки самой искусной кокетки... Он знал аксиому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильным и непреклонным, следуя какому-то закону природы, доселе необъясненному; можно было наверное сказать, что он достигнет своей цели... если страсть, всемогущая страсть не разрушит, как буря, одним порывом высокие подмостки его рассудка и старание... Но это *если*, это ужасное *если*, почти похоже на *если* Архимеда, который обещался приподнять земной шар, если ему дадут точку упора.

Толпа разных мыслей осаждала ум Печо-

рина, так что под конец вечера он сделался рассеян и молчалив; князь Степан Степаныч рассказывал длинную историю, почерпнутую из семейных преданий; дамы украдкой зева-ли.

— Отчего вы сделались так печальны? — спросила наконец Печорина кузина Веры Дмитриевны.

— Причину даже совестно объявить, — от-вечал Печорин..

— Однако ж!..

— Зависть!..

— Кому ж вы завидуете?.. например..

— Не мне ли? — сказал князь, тонко улыба-ясь и не воображая важности этого вопроса: Печорину тотчас пришло в мысль, что княги-ня рассказала мужу прежнюю их любовь, по-каялась в ней как в детском заблуждении; ес-ли так, то всё было кончено между ними, и Печорин неприметно мог сделаться предме-том насмешки для супругов, или жертвою ко-варного заговора; я удивляюсь, как это подо-зрение не потревожило его прежде, но уве-ряю вас, что оно пришло ему в голову именно теперь; он обещал себе постараться узнать,

исповедывалась ли Вера своему мужу, и между тем отвечал:

— Нет, князь; не вам, хотя бы я мог, и всякий должен вам завидовать... но признаюсь, я бы желал иметь счастливый дар этого Красинского — нравиться всем с первого взгляда...

— Поверьте, — отвечала княгиня, — кто скоро нравится, об том скоро и забывают.

— Боже мой! что на свете не забывается?.. и если считать ни во что минутный успех — то где же счастье? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочного богатства... глядишь... смерть, болезнь, пожар, потоп, война, мир, соперник, перемена общего мнения — и все труды пропали!.. а забвенье? — забвенье равно неумолимо к минутам и столетиям. — Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья... я бы скорее решился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновенье и потом страдать сколько угодно, чем мало-помалу растягивать их и размещать по нумерам в промежутках скуки или печали.

— Я во всем с вами согласна, кроме того, что всё на свете забывается — есть вещи, которых забыть невозможно... особенно горести, — сказала княгиня.

Ее милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный вид, и что-то похожее на слезу пробежало, блистая, вдоль по длинным ее ресницам, как капля дождя, забытая бурей на листке березы, трепещущая перекачивается по его краям, куда новый порыв ветра не умчит ее — бог знает куда.

Печорин с удивлением взглянул на нее... но увы! он не мог ничем объяснить этот странный припадок грусти! Он так давно разлучен был с нею: и с тех пор он не знал ни одной подробности ее жизни... даже очень вероятно, что чувства Веры в эту минуту относились вовсе не к нему? — мало ли могло быть у нее обожателей после его отъезда в армию; может быть и ей изменил который-нибудь из них, — как знать!..

*Кто объяснит, кто растолкует**
Очей двусмысленный язык...

Когда он встал, чтобы уезжать, княгиня его

спросила, будет ли он послезавтра на бале у баронессы Р., ее родственницы... «Мне досадно, что баронесса так убедительно нас звала, — прибавила она; — я почти вовсе не знаю здешнего круга и уверена, что мне там будет скушно...»

Печорин отвечал, что он еще не зван...

— Теперь я понимаю, — подумал он, садясь в сани, — ей хочется иметь на этом бале знакомого кавалера... Дай бог, чтоб меня не звали: там, верно, будет Лиза Негурова... Ах! боже мой, да, кажется, они с Верой давнишние знакомые... О! но если она осмелится...

Тут сани его остановились, и мысли также. — Взойдя к себе в кабинет, он нашел на столе пригласительный билет от баронессы.

Глава IX

Баронесса Р** была русская, но замужем за курляндским бароном, который каким-то образом сделался ужасно богат; она жила на Мильонной в самом центре высшего круга. С 11 часа вечера кареты, одна за одной, стали подъезжать к ярко освещенному ее подъезду: по обеим сторонам крыльца теснились на

тротуаре прохожие, остановленные любопытством и опасностью быть раздавленными. В числе их был Красинский: прижавшись к стене, он с завистью смотрел на разных господ со звездами и крестами, которых длинные лакеи осторожно вытаскивали из кареты, на молодых людей, небрежно выскакивавших из саней на гранитные ступени, и множество мыслей теснилось в голове его. «Чем я хуже их? — думал он. Эти лица, бледные, истощенные, искривленные мелкими страстями, ужели нравятся женщинам, которые имеют право и возможность выбирать? Деньги, деньги и одни деньги, на что им красота, ум и сердце? О, я буду богат непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю это общество отдать мне должную справедливость».

Бедный, невинный чиновник! он не знал, что для этого общества, кроме кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаниями (какие бы они ни были), имя, столько у нас знакомое лакейским, чтоб швейцар его не исковеркал, и чтобы в случае, когда его произнесут, какая-нибудь важная дама, законодательница и судия гостиных,

спросила бы — который это? не родня ли он князю В, или графу К? Итак, Красинский стоял у подъезда, закутанный в шинель. Вот подъехала карета; из нее вышла дама: при блеске фонарей брильянты ярко сверкали между ее локонами, за нею вылез из кареты мужчина в медвежьей шубе. Это были князь Лиговский с княгиней; Красинский поспешно высунулся из толпы зевак, снял шляпу и почтительно поклонился, как знакомым, но увы! его не заметили или не узнали, что еще вероятнее. И в самом деле, женщине, видевшей его один только раз и готовой предстать на грозный суд лучшего общества, и пожилому мужу, следующему на бал за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытных зевак, мерзнущих у подъезда, но Красинский приписал гордости и умышленному небрежению вещь чрезвычайно простую и случайную, и с этой минуты тайная неприязнь к княгине зародилась в его подозрительном сердце. «Хорошо, — подумал он, удаляясь, — будет и на нашей улице праздник», — жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тем в зале уже гремела музыка, и

бал начинал оживляться; тут было всё, что есть лучшего в Петербурге: два посланника, с их заморскою свитою, составленною из людей, говорящих очень хорошо по-французски (что впрочем вовсе не удивительно) и поэтому возбуждавших глубокое участие в наших красавицах, несколько генералов и государственных людей, — один английский лорд, путешествующий из экономии и поэтому не почитающий за нужное ни говорить, ни смотреть, зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая к классу blue stockings[14] и некогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверых и смотрела в четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, в которых было не менее выразительности, чем в ее собственных глазах; тут было пять или шесть наших доморощенных дипломатов, путешествовавших на свой счет не далее Ревеля и утверждавших резко, что Россия государство совершенно европейское, и что они знают ее вдоль и поперек, потому что бывали несколько раз в Царском Селе и даже в Парголове. Они гордо посматривали из-за накрахмаленных галстухов на военную молодежь,

повидимому так беспечно и необдуманно преданную удовольствию: они были уверены, что эти люди, затянутые в вышитый золотом мундир, неспособны ни к чему, кроме машинальных занятий службы. Тут могли бы вы также встретить несколько молодых и розовых юношей, военных с тупеями, штатских, причесанных *a la russe*[15], скромных подобно наперсникам классической трагедии, недавно представленных высшему обществу каким-нибудь знатным родственником: не успев познакомиться с большею частию дам, и страшась, приглашая незнакомую на кадрили или мазурку, встретить один из тех ледяных ужасных взглядов, от которых переворачивается сердце как у больного при виде черной микстуры, — они робкою толпою зрителей окружали блестящие кадрили и ели мороженое — ужасно ели мороженое. — Исключительно танцующие кавалеры могли разделиться на два разряда; одни добросовестно не жалели ни ног, ни языка, танцевали без устали, садились на край стула, обратившись лицом к своей даме, улыбались и кидали значительные взгляды при каждом слове, — коро-

че, исполняли свою обязанность как нельзя лучше — другие, люди средних лет, чиновные, заслуженные ветераны общества, с важною осанкой и гордым выражением лица, скользили небрежно по паркету, как бы из милости или снисхождения к хозяйке; и говорили только с дамою своего vis-à-vis[16], когда встречались с нею, делая фигуру.

Но зато дамы... о! дамы были истинным украшением этого бала, как и всех возможных балов!.. сколько блестящих глаз и бриллиантов, сколько розовых уст и розовых лент... чудеса природы, и чудеса модной лавки... волшебные маленькие ножки и чудно узкие башмаки, беломраморные плечи и лучшие французские белилы, звучные фразы, заимствованные из модного романа, бриллианты, взятые на прокат из лавки... Я не знаю, но в моих понятиях женщина на бале составляет с своим нарядом нечто целое, нераздельное, особенное; женщина на бале совсем не то, что женщина в своем кабинете, судить о душе и уме женщины, протанцовав с нею мазурку, всё равно, что судить о мнении и чувствах журналиста, прочитав одну его статью.

У двери, ведущей из залы в гостиную, сидели две зрелые девы, вооруженные лорнетами и разговаривающие с двумя или тремя молодыми людьми — не танцующими. Одна из них была Лизавета Николавна. Пунцовое платье придавало ее бледным чертам немного более жизни, и вообще она была к лицу одета. В надежде на это преимущество она довольно холодно отвечала на вежливый поклон Печорина, когда тот подошел к ней. (Надобно заметить между прочим, что дама дурно одетая обыкновенно гораздо любезнее и снисходительнее — это впрочем вовсе не значит, что они должны дурно одеваться.) Печорин стал возле Елизаветы Николавны, ожидая, чтобы она начала разговор, и рассеянно смотрел на танцующих. Так прошло несколько минут, и наконец она принуждена была сорвать с своих уст печать молчания.

— Отчего вы не танцуете? — спросила она его.

— Я всегда и везде следую вашему примеру.

— Разве с нынешнего дня.

— Что ж, лучше поздно, чем никогда. Не

правда ли?

— Иногда бывает слишком поздно.

— Боже мой! какое трагическое выражение!

Лизавета Николавна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвечала:

— Я с некоторых пор перестала удивляться вашему поведению. Для других бы оно показалось очень дерзко, для меня очень естественно. О, я вас теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать, кто так искусно объяснил вам мой характер?

— О, это тайна, — сказала она, взглянув на него пристально и прижав к губам свой веер.

Он наклонился и с притворной нежностью шепнул ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мне давно уже поверили, — ужели другая важнее первой?

Она покраснела при всей своей неспособности краснеть, но не от стыда, не от воспоминания, не от досады; — невольное удовольствие, тайная надежда завлечь снова непостоянного поклонника, выйти замуж или хотя отомстить со временем по-своему, по-жен-

ски, промелькнули в ее душе. Женщины никогда не отказываются от таких надежд, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цели, и от таких удовольствий, когда цель достигнута.

Приняв тотчас серьезный, печальный вид, она отвечала с расстановкою:

— Вы мне напоминаете вещи, об которых я хочу забыть.

— Но еще не забыли? — сказал он с нежностью.

— О, не продолжайте, я ничему не поверю более, вы мне дали такой урок...

— Я?

В этом я было больше удивления, чем в пяти восклицательных знаках, поставленных рядом. Потом Печорин задумался.

— Да, — сказал он, — теперь я начинаю понимать; кто-нибудь меня оклеветал перед вами, у меня столько врагов и особенно друзей, теперь понимаю, отчего намереди, когда я заезжал к вам, это было поутру, и я знаю, что у вас были гости, то меня не приняли; о, конечно, я сам не буду искать вторично такого оскорбления.

— Но вы не знаете, что этому причиною, — сказала поспешно Елизавета Николаевна, — я получила письмо от неизвестного, в котором...

— В котором меня хвалят и толкуют мои поступки в самую лучшую сторону, — отвечал, горько улыбаясь, Печорин, — о, я догадываюсь, кто мне оказал эту услугу, однако ж прошу вас, верьте, верьте всему, что там написано, как вы верили до сей минуты.

Он засмеялся и хотел отойти прочь.

— Но если я не верю? — воскликнула испугавшись Елизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднее верить дурному, чем хорошему... один против двадцати, что... — он не кончил фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, где произошло небольшое движение, глаза Елизаветы Николаевны боязливо обратились в ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась к гостининой княгиня Лиговская и за нею князь Степан Степ<анович>.

Она была одета со вкусом, только строгие законодатели моды могли бы заметить с важностью, что на ней было слишком много

бриллиантов. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавную перед нею. Ни одно приветствие не удерживало ее на пути, и сто любопытных глаз, озиравших с головы до ног незнакомую красавицу, вызвали краску на нежные щеки ее, — глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выражению лица, что настала минута для нее мучительна<я>. Она была похожа на неизвестного оратора, всходящего в первый раз по ступеням кафедры... от этого бала зависел успех ее в модном свете... некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить ее будущность... И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут: elle a l'air bourgeois[17] — это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет однако же ужасную власть над умами — и отнимает все права у красоты и любезности:

Вкус, батюшка, отменная манера.*

Когда княгиня поровнялась с Печориным, то едва отвечала легким наклонением головы и мимолетной улыбкой на его поклон, — он хотел что-то сказать, но она отвернулась; глаза её беспокойно бегали кругом, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николавну... Узнав друг друга, соперницы очень ласково обменялись приветствиями... Потом кто-то еще высунулся из толпы мужчин и с радостным видом стал спрашивать княгиню Веру, когда она из Москвы и проч... — Она постепенно делалась приветливей, так что можно почти держать пари, что если б она встретила здесь 99 знакомых, то девяносто девятый остался бы в счастливом убеждении, что одним взглядом победил ее сердце.

Только что княгиня и князь прошли в гостиную, Лизавета Николавна тотчас обратилась к Печорину, чтоб возобновить прерванный разговор, — но он был так бледен, так неподвижен, что ей стало страшно.

— Появление этой дамы, — сказала она наконец ему, — сделало на вас очень странное впечатление!.. вы давно её знаете?

— С детства! — отвечал Печорин.

— Я также ее когда-то знала... за кем она замужем?

Печорин сказал.

— Как! — неужели этот господин, который за нею шел так смиренно, ее муж?.. если б я их встретила на улице, то приняла бы его за лакея. — Я думаю, она делает из него всё, что хочет. — По крайней мере всё, что можно из него сделать!..

— Однако она счастлива...

— Разве вы не заметили, сколько на ней бриллиантов?

— Богатство не есть счастье!..

— Всё-таки оно ближе к нему, нежели бедность: — нет ничего безвкуснее, как быть довольну своей судьбою в скромной хижине... за чашкою грешневой каши.

— Кто ж вам говорит о бедности? везде надо уметь выбирать середину...

— Я вам желаю мужа, который бы так думал.

Он отошел. Кадрили кончались, — музыка замолкла: в широкой зале раздавался смешанный говор тонких и толстых голосов,

шарканье сапогов и башмачков; — составились группы. — Дамы пошли в другие комнаты подышать свежим воздухом, пересказать друг другу свои замечания, немногие кавалеры за ними последовали, не замечая, что они лишние, и что от них стараются отделаться; — княгиня пришла в залу и села возле Негуровой. Они возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговор.

«Я хочу рассказать вам...»*

Я хочу рассказать вам историю женщины, которую вы все видали и которую никто из вас не знал. Вы ее встречали ежедневно на бале, в театре, на гулянье, у нее в кабинете. Теперь она уже сошла со сцены большого света; ей 30 лет, и она схоронила себя в деревне; но когда ей было только двадцать, весь Петербург шумно занимался ею в продолжение целой зимы. Об этом совершенно забыли, и славу богу! потому что иначе я бы не мог печатать своей повести. В обществе про нее было в то время много разногласных толков. Старушки говорили об ней, что она прехитрая и

прелукавая, приятельницы — что она преглупенькая, соперницы — что она предобрая, молодые женщины — что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ее имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалели, что такой правильной и свежей красоте недостает физиономии, тогда как другие утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья в ее лице заменяет все прочие недостатки. Притом муж ее, пятидесятилетний мужчина, имел графский титул и сомнительно-огромное состоянье. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщине ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой они все так жадно гоняются и за которую некоторые из них так дорого платят.

Подробности моего рассказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вам, что в нем будет заключаться глубокий, нравственный смысл, который не ускользнет ни от кого, разве от 18-летних барышень — да им моей книги не дадут; а если она им и попадется случайно, то умоляю их, после этих строк за-

крыть ее и не класть на ночь под подушку, потому что от этого находят дурные сны. Молодые же дамы, прочитав эти правдивые страницы, верно, отдадут справедливость моим описаниям и замечаниям, вспомнив нечто подобное в своей жизни; но они, конечно, этого никому не скажут, тогда как многие молодые франты станут уверять, что такие приключения были с ними на днях, тогда как с большею частию из них ничего такого случиться даже не может. Все почти жалуются у нас на однообразие светской жизни, а забывают, что надо бегать за приключениями, чтоб они встретились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволновану сильной страстью или иметь один из тех беспокойно-любопытных характеров, которые готовы сто раз пожертвовать жизнью, только бы достать ключ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на дне одной есть уж, верно, другая, потому что всё для нас в мире тайна, и тот, кто думает отгадать чужое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга, горько ошибается. Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, про-

мелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам.

В нашем равнодушном веке любопытных и страстных людей немного; но около 10 лет тому назад случился один такой чудак в Петербурге, и судьба, как нарочно, поставила его перед непонятной женщиной, которой историю я хочу вам рассказать.

Александр Сергеевичу Арбенину было тридцать лет — возраст силы и зрелости для мужчины, если только молодость его прошла не слишком бурливо и не слишком спокойно. Известно, что в природе противоположные причины часто производят одинакие действия: лошадь равно падает на ноги от застоя и от излишней езды.

Вот какова была молодость Арбенина!

Начнем сначала.

Он родился в Москве. Скоро после появления его на этот свет его мать разъехалась с его отцом по неизвестным причинам. Сообразив все городские толки, можно было сделать только одно верное заключение, а именно,

что Сергей Васильевич разъехался с своей супругой.

Саша остался на руках отца. Когда ему минуло год, его посадили с кормилицей и няней в карету и отвезли в симбирскую деревню. Сергей Васильевич вскоре сам туда приехал и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. От барского дома по скату горы до самой реки расстился фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы. Весной, во время разлива, река превращалась в море, усеянное лесистыми островами; по ней мелькали белые паруса барок, и вечером раздавались песни бурлаков. Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской, а двор обстроен был одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньям дворня толпилась вокруг них, и, порой, две горничные садились на полусгнившую доску, висящую меж двух сомнительных веревок, и двое из самых лю-

безных лакеев, взявшись каждый за конец толстого каната, взбрасывали скромную чету под облака; мальчишки били в ладони, когда пугливые девы начинали визжать, — и всем было очень весело. Надо заметить, что качели среди барского двора — признак отечески-добротного правления, а между тем вот как хорошо судят о нас иностранцы: в путевых записках одного француза я недавно читал, что у нас против господского дома обыкновенно торчит виселица. Француз замечал остроумно, что это, должно быть, злоупотребление, ибо смертная казнь в России уничтожена. Бедные качели!..

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури, жены и дочери рыбаков выбегали с плачем на берег; в жаркие летние дни толпы крестьянских девок купались в студеных струях Волги; их русые косы мелькали над пенистой влагой; их громкий смех раздавался далеко. Зимой горничные девушки приходили шить и вязать в детскую, во-первых, потому что няне Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторых, чтоб потешать маленького барчонка.

Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятиями противупublicными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уж волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кроватку. Ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил, но у старой няньки руки были такие жесткие! Отец им вовсе не занимался, хозяйничал и ездил на охоту. Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презреньем улыбнуться на низкую лезть толстой ключницы. Между тем природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие <цветы>, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радо-

вался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу. Бог знает, какое направление принял бы его характер, если б не пришла на помощь корь, болезнь, опасная в его возрасте. Его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки. Целые три года оставался он в самом жалком положении; и если б он не получил от природы железного телосложения, то верно бы, отправился на тот свет. Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Не даром учат детей, что с огнем играть не должно. Но увы! никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил всё существо бедного ребенка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страданья тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником среди синих и студе-

ных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури. Вероятно, что раннее развитие умственных способностей немало помешало его выздоровлению.

Ашик-Кериб*

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлисе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери: хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего кроме высокого сердца — и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; — на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему: «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить: «Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб»; — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать; «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аян-Ага ничего не пожалеет для своей дочер^и; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; — нет,

милая Магуль-Мегери; я положил зарок на свою душу; обещаюсь 7 лет странствовать по свету и нажать себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». — Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, — он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу — но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду; — «Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, усккал обратно в Тифлиз, только пыль ви-

лась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери: «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда»; в невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это всё выдумки Куршуд-бека; прежде истечения 7 лет никто не будет моим мужем»; она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город: и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф; по обыкновению вошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников: многих к нему приводили — ни один ему не

понравился; его чауши измучились, бегая по городу: вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда: «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Кериб; — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник»; однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», сказал паша, и он запел. И в этой песни он славил свою дорожку Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, толь<ко> срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться: в это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и 80-ю невольниками: призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо: «Возьми ты это

блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф: объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай: и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это мое», — сказал он, схватив его рукою. «Точно, твое, — сказал купец: — я узнал тебя, Ашик-Кериб: ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выдет за другого»; — в отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только 3 дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами — и поскакал, не жалея коня; наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему бы-

ло делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать»; и хочет он броситься с высокого утеса, вдруг видит внизу человека на белом коне; и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утеса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник; «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою»; — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй»; — отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать: «Что ж ты отстаешь», — спросил всадник; «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. — «Закрой же глаза»; он закрыл. «Теперь открой»; — смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал

Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс»; — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой»; — Ашик себе не верит то, что это Карс: он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб: но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по настоящему надо в Тифлиз». — «Экой ты неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать: прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху: и тогда, если не станут верить

истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз* (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой: стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость: я холоден и голоден; прошу ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных: есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь провести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха: — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез поте-

ряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери и впустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться: и видит он на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. — «А что значит сааз?» — «Сааз то значит: что на ней играют и поют песни». — И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. — «Нельзя, — отвечала старуха: — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет он висит на стене, и ничья живая рука до него не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему: тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя

семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны, но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: — «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. — «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она: — своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слез: скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха; — с тех пор,

как нет моего сына, его сааз не выходил из дому». — Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, — «а если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделать себя женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пирувал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкюм: вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, — сказал Куршуд-бек. Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: — спой же что-нибудь, Ашик (певец),

и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник? — «Шинды-Гёрусез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал: им отвечали — шинды-гёрусез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился — мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь.

— В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь; как можно из Халафа приехать сюда в <день>?»

— За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик: — певцов обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; а я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

— Пускай продолжает, — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

— Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям* (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую: — «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги; — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека. — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери; и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула; бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, примолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

— Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених; — но поведай, как же ты мог в такое краткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы 7 лет уж не видела свету божьего, и я возвращу ей зрение». — Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб», и, взяв ее под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комочек земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему:

«Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

Герой нашего времени

Предисловие*

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою ле-

сти, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их разви-

тии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте однако после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

Бэла*

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую Долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно-вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской Горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; по-

близости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб тащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сертук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно-поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он, молча, опять поклонился.

— Вы верно едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою пустую шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы верно недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А чорт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки всё ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников: увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут.

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче[18], — отвечал он приосанившись. —

Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился, и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но, благодаря отливу снегов, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся вниз на долину, — но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, и ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакой народ, — сказал он: — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил:

«офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье, за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что они гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода, — сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-Гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-Гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уже мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело, и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою: — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик: — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остолебении.

— Преглупый народ, — отвечал он. — Пове-

рите ли, ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, знаете?

— Слышал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти голово-резы; нынче, слава богу, смирнее, а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазе-вался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами было приключе-ний? — сказал я, подстрекаемый любопыт-ством.

— Как не бывать! бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил го-лову и призадумался. Мне страх хотелось вы-тянуть из него какую-нибудь историйку — желание, свойственное всем путешествую-

щим и записывающим людям. Между тем чай поспел, я вытащил из чемодана два походные стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустьи с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет *здравствуйте* (потому что фельдфебель говорит *здравия желаю*). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный, каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотите ли подбавить рома? — сказал я моему собеседнику: — у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт нá-веселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал:

не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно, другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропадавший человек.

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкесы, — продолжал он: — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирно́ва князя был в гостях.

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), — вот изволите видеть, я тогда стоял в крепости за Тереком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы верно, — спросил я его: — переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет

немножко скучно, ну да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и пожалуйста — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьем Александровичем *Печориным*. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте, все иззябнут, устанут, — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добыешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха. Да-с, с большими был странностями, и должно быть богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; наделал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи.

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирной князь. Сынишко его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездить. Всякий день бывало то за тем, то за другим; и уж точно избаловали мы его с Григорьем Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А, бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас за кинжал. «Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему: — яман * будет твоя башка!»

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках», — сказал мне Григорий Александрович. «Погодите», — отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли с всеми почестями и повели в кунацкую. Я однако ж не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана, потом дарят молодых и всех их родственников, едят, пьют бузу, потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на

скверной, хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл как по ихнему... ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу,

и просил меня отвечать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевел его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорию Александровичу: «Ну что, какова?»

— Прелесть! — отвечал он: — а как ее зовут? — «Ее зовут Бэлою», отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомца Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб не мирной. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен. Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался: что запросит, давай, — хоть зарежь, не уступит. Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, су-

хой, широкоплечй... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес. Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верст; а уж выезджена — как собака бегаёт за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!..

В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга, — подумал я: — уж он верно что-нибудь замышляет».

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не

мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал, приговаривая: *якши тхе, чек якши**!

Пробираюсь вдоль забора, и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был повеса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. «О чем они толкуют? — подумал я: — уж не о моей ли лошадке?» Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат: — если б я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А, Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да, — отвечал Казбич после некоторого молчания: — в целой Кабарде не найдешь такой. Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров, и передо мною

был густой лес. Прилег я на седло, поручил себя Аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача* били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться, — и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыты оборвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня; он выскочил. Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они верно думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, — смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Кара-

гёз*; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раз — два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагёз летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегают по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагёза: это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названья.

— Если б у меня был табун в тысячу коней, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе его весь за твоего Карагёза.

— *Йок**, не хочу, — отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат: — ты добрый человек, ты

храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку — что только пожелаешь; а шашка его настоящая гурда*: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня, — продолжал Азамат: — когда он под тобой крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной поступью, с своим гладким, прямым как стрела хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим го-

ЛОСОМ.

Мне слышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был и помоложе.

В ответ на его слезы слышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твердым голосом Азамат: — видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом, чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь? дождись меня завтра ночью там, в ущельи, где бежит поток: я пойду с нею мимо соседний аул, — и она твоя. Неужли не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец, вместо ответа, он затянул старинную песню вполголоса:[19]

Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:*

*Он и от вихря в степи не отста-
нет,
Он не изменит, он не обманет.*

Напрасно упрашивал его Азамат согласиться и плакал, и льстил ему, и клялся: наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

— Меня! — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. «Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздал лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и пошла потеха. Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой. «Плохое дело в чужом пиру похмелье, — ска-

зал я Григорью Александровичу, поймав его за руку: — не лучше ли нам поскорее убраться?»

— Да погодите, чем кончится.

— Да уж верно кончится худо; у этих азиатов всё так: натянулись бузы, и пошла резня! — Мы сели верхом и ускакали домой.

— А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

— Да что этому народу делается! — отвечал он, допивая стакан чая: — ведь ускользнул.

— И не ранен? — спросил я.

— А бог его знает! Живуци, разбойники! Видал я-с иных в деле, например: ведь весь исколот, как решето, штыками, а все махает шашкой. — Штабс-капитан после некоторого молчания продолжал, топнув ногою о землю:

— Никогда себе не прощу одного: чорт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хитрый! — а сам задумал кое-что.

— А что такое? Расскажите, пожалуйста.

— Ну уж нечего делать! начал рассказывать, так надо продолжать.

Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут; зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, — ну, просто, по его словам, такой и в целом мире нет.

Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича. Эта история продолжалась всякий раз, как приезжал Азамат. Недели три спустя стал я замечать, что Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с. Что за диво?..

Вот видите, я уж после узнал всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду; раз он ему и скажи: «Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее как своего затылка! Ну, скажи, что бы ты дал тому, кто тебе ее подарил бы?..»

— Все, что он захочет, — отвечал Азамат.

— В таком случае я тебе ее достану, только

с условием... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты.

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагёз будет ее калымом. Надеюсь, что торг для тебя выгоден. Азамат молчал.

— Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...

Азамат вспыхнул. «А мой отец?» — сказал он.

— Разве он никогда не уезжает?

— Правда...

— Согласен?..

— Согласен, — прошептал Азамат, бледный как смерть. — Когда же?

— В первый раз, как Казбич приедет сюда; он обещался пригнать десяток баранов; остальное — мое дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело — по правде сказать, нехорошее дело! Я после и говорил это Печорину, да только он мне отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива,

имея такого милого мужа, как он, потому что по-ихнему он все-таки ее муж, а что Казбич разбойник, которого надо было наказать. Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?.. Но в то время я ничего не знал об их заговоре. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и меда; я велел ему привести на другой день. «Азамат! — сказал Григорий Александрович: — завтра Карагёз в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня...»

— Хорошо! — сказал Азамат и поскакал в аул. Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, — только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросил я у штабс-капитана.

— Сейчас, сейчас. На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем, пото-

му что хотя разбойник он, а все-таки был моим кунаком.[20]

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице — и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье. «Что с тобой?» — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь! — сказал он, весь дрожа.

Точно, я услышал топот копыт: «Это верно какой-нибудь казак приехал...»

— Нет! Урус яман*, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем: он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагёзе; на-бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил, с минуту он остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал, ударил ружье о камень, разбил его в дребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Вот кругом него собрался народ из крепости — он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за

баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?.. Только на другое утро пришел в крепость и стал просить, чтобы ему назвали похитителя. Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нем, не почел за нужное скрывать. При этом имени глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата.

— Что ж отец?

— Да в том-то и штука, что его Казбич не нашел: он куда-то уезжал дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался. Так с тех пор и пропал; верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью: туда и дорога!..

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Как я только проведал, что черкешенка у Григорья Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему.

Он лежал в первой комнате на постели, подложив одну руку под затылок, а в другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замок, и ключа в замке не было. Я все это тотчас заметил. Я начал кашлять и постукивать каблуками о порог, — только он притворялся, будто не слышит.

— Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришел?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубку? — отвечал он, не приподнимаясь.

— Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан.

— Все равно. Не хотите ли чая? Если б вы знали, какая мучит меня забота!

— Я все знаю, — отвечал я, подошед к кровати.

— Тем лучше: я не в духе рассказывать.

— Г. прапорщик, вы сделали проступок, за который и я могу отвечать...

— И полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно все пополам.

— Что за шутки? Пожалуйста вашу шпагу.

— Митька, шпагу!..

Митька принес шпагу. Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал: «Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо».

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увез Бэлу... Уж эта мне бес-
тия Азамат!.. Ну, признайся, — сказал я ему.

— Да когда она мне нравится?..

Ну, что прикажете отвечать на это? Я стал втупик. Однако ж, после некоторого молчания, я ему сказал, что если отец станет ее требовать, то надо будет отдать.

— Вовсе не надо.

— Да он узнает, что она здесь?

— А как он узнает?

Я опять стал втупик. «Послушайте, Максим Максимыч! — сказал Печорин, приподнявшись; — ведь вы добрый человек, — а если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет или продаст. Дело сделано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...»

— Да покажите мне ее, — сказал я.

— Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел ее видеть: сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна. Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня, — прибавил он, ударив кулаком по столу. Я и в этом согласился. Что прикажете делать? есть люди, с которыми непременно должно соглашаться.

— А что? — спросил я у Максима Максимыча: — в самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?

— Помилуйте, отчего же с тоски по родине? Из крепости видны были те же горы, что из аула, а этим дикарям больше ничего не надобно. Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!.. Ну, да это в сторону. Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татар-

ски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею. «Послушай, моя пери, — говорил он: — ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею — отчего же только мучишь меня? Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, я тебя сейчас отпущу домой». — Она вздрогнула едва приметно и покачала головой. «Или, — продолжал он: — я тебе совершенно ненавистен?» — Она вздохнула. — «Или твоя вера запрещает полюбить меня?» — Она побледнела и молчала. — «Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью?» — Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслью; в глазах ее выразились недоверчивость

и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля.

«Послушай, милая, добрая Бэла, — продолжал Печорин, — ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?» Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия. Он взял ее руку и стал ее уговаривать, чтоб она его поцеловала; она слабо защищалась и только повторяла: «Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Он стал настаивать; она задрожала, заплакала. — «Я твоя пленница, — говорила она: — твоя раба; конечно ты можешь меня принудить», — и опять слезы.

Григорий Александрович ударил себя в лоб кулаком и выскочил в другую комнату. Я зашел к нему; он сложа руки прохаживался угрюмый взад и вперед. «Что, батюшка?» — сказал я ему. — «Дьявол, а не женщина, — отвечал он: — только я вам даю мое честное слово, что она будет моя...» — Я покачал го-

ловую. «Хотите пари? — сказал он: — через неделю!» — «Извольте!» — Мы ударили по рукам и разошлись.

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечесть.

— Как вы думаете, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки: — устоит ли азиатская красавица против такой батареи? — «Вы черкешенок не знаете, — отвечал я: — это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, — совсем не то. У них свои правила: они иначе воспитаны». — Григорий Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.

А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину: она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! — сказал он: — ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: — прощай!

оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу, — ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду — куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня». — Он отвернулся и протянул ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть ее лицо: и мне стало жаль — такая смертельная бледность покрыла это милое личико! Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал — и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был исполнить в самом деле то, о чем говорил шутя. Таков уж был человек, бог его знает! Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. — Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтоб заплакал, а так — глупость !..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь, — сказал он потом, теребя усы: — мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила.

— И продолжительно было их счастье? — спросил я.

— Да, она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто ей грезился во сне, и что ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления. Да, они были счастливы!

— Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!.. — Да неужели, — продолжал я, — отец не догадался, что она у вас в крепости?

— То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит. Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова.

— Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь; по крайней мере, я так полагаю. Вот он раз и дождался у дороги, версты три за аулом; старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала

свалил его наземь, схватил поводья — и был таков; некоторые уздени все это видели с пригорка: они бросились догонять, только не догнали.

— Он вознаградил себя за потерю коня и отомстил, — сказал я, чтоб вызвать мнение моего собеседника.

— Конечно, по-ихнему, — сказал штабс-капитан, — он был совершенно прав.

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обеща-

ла нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. — Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-Гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-Горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами

нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливала в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром — чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным и долго-долго всматриваться в их причудливые образы и жадно глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот, наконец, мы взобрались на Гуд-Гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее,

живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

— Я слышал, напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разумеется, если хотите, оно и приятно; только все же потому, что сердце бьется сильнее. Посмотрите, — прибавил он, указывая на восток: — что за край!

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшарская Долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться

жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтоб они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных, — а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы

побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», — и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться.

Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? — Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле. Итак, погодите, или, если хотите, переверните несколько страниц, только я вам этого не советую, потому что переезд через Крестовую Гору (или, как называет ее ученый Гамба*, le Mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства. Итак, мы спускались с Гуд-Горы в Чертову Долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, — не тут-то было: название Чертовой Долины происходит от слова «черта», а не «чорт», — ибо

здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие *милые* места нашего отечества.

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову Долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом: наши извозчики объявили, что обвалов еще не было и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги, и, уцепясь за колеса, с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались: лошади падали; — налево

зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням. — В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую Гору, — две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-Разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набегали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр 1-й, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь чему верить, тем более, что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная;

только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

— Плохо! — говорил штабс-капитан: — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег — того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай, Байдара* так разыгралась, что и не переедешь. Уж эта мне Азия! что люди, что речки — никак нельзя положиться. — Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов. «Ваше благородие, — сказал наконец один: — ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево? Вон там что-то на косогоре чернеется, — верно, сакли: там всегда-с проезжающие останавливаются в погоду; они говорят, что проведут, если дадите на водку», — прибавил он, указывая на осетина.

— Знаю, братец, знаю без тебя, — сказал штабс-капитан; — уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказал я, — что без них нам было бы хуже.

— Все так, все так, — пробормотал он: — уж эти мне проводники! чутьем слышат, где можно попользоваться, будто без них и нельзя найти дороги.

Вот мы свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведенных такою же стеною; оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал, что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурей. «Все к лучшему, — сказал я, присев у огня: — теперь вы мне доскажете вашу историю про Бэлу; я уверен, что этим не кончилось».

— А почему ж вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не в порядке вещей: что началось необыкновенным образом, то долж-

но так же и кончиться.

— Ведь вы угадали...

— Очень рад.

— Хорошо вам радоваться, а мне так право грустно, как вспомню. Славная была девочка, эта Бэла! Я к ней, наконец, так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства; об отце и матери я лет 12 уж не имею известия, а заpastись женой не догадался раньше, — так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А уж как плясала! видал я наших губернских барышень, а раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет 20 тому назад, — только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал ее, как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках, — уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца? — Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда

сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж кажется говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанамии или козами, — а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, — целое утро пропадал; раз и другой, все чаще и чаще... Нехорошо, подумал я: верно между ними черная кошка проскочила!

Одно утро захожу к ним — как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушел? — Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, еще вчера, — наконец сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, думала, —

отвечала она сквозь слезы, — придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать. — Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, — я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать. «Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь, как пришитому к твоей юбке; он человек молодой, любит погоняться за дичью — походит да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь».

Правда, правда, — отвечала она: — я буду весела. — И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался: думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «хочешь, пойдем прогуляться на вал, погода славная!» — Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, ходили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец она села на дерн, и я сел возле нее. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно как-кая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками[21], оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; — с другой бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть всё. Вот

смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе, и наконец остановился по ту сторону речки саженьях во сте от нас, и начал кружить лошадь свою, как бешеный. Что за притча!.. «Посмотри-ка, Бэла, — сказал я: — у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..»

Она взглянула и вскрикнула: «это Казбич!..»

— Ах он разбойник! смеяться что ли приехал над нами? — Всматриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный, как всегда. — «Это лошадь отца моего», — сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали: — «Ага! — подумал я: — и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь».

— Подойди-ка сюда, — сказал я часовому: — осмотри ружье, да ссади мне этого молодца, — получишь рубль серебром. «Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...» — «Прикажи!» — сказал я смеясь... — «Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой: — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?» — Казбич

остановился в самом деле и стал вслушивать-ся: верно думал, что с ним заводят перегово-ры, — как не так!.. Мой гренадер приложил-ся... бац!.. мимо, — только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она да-ла скачок в сторону. Он привстал на стреме-нах, крикнул что-то по-своему, погрозил на-гайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часово-му.

— Ваше высокоблагородие! умирать отпра-вился, — отвечал он: — такой проклятый на-род, сразу не убьешь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни од-ной жалобы, ни одного упрека за долгое от-сутствие... Даже я уж на него рассердился. «Помилуйте, — говорил я: — ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нем стре-ляли: ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частью помог-ли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что, год тому назад, она ему больно нравилась — он мне сам говорил,

и если б надеялся собрать порядочный калым, то верно бы посватался...» Тут Печорин задумался: — «Да, — отвечал он, — надо быть осторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменялся к этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь ее: «О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» — «Нет!» — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет!» — «Ты тоскуешь по родным?» — «У меня нет родных». Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч, — отвечал он, — у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое

утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят ни сколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в пер-

вый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни, невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой; если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день от дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь, — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере, я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». — Так он говорил долго, и его слова врезались

у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от 25-летнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, — вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое, что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоев общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок. — Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головою и улыбнулся лукаво:

— А всё, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— А-га, вот что!.. — отвечал он, — да ведь они всегда были отъявленные пьяницы?

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница. Впрочем, заме-

чание штабс-капитана было извинительнее; чтоб воздерживаться от вина, он, конечно, старался уверять себя, что все в мире несчастья происходят от пьянства.

Между тем он продолжал свой рассказ таким образом:

— Казбич не являлся снова. Только не знаю почему, я не мог выбить из головы мысль, что он недаром приезжал и затевает что-нибудь худое.

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собою. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу, нет зверя. «Эй, не воротиться ли? — говорил я: — к чему упрямитесь? Уж видно такой задался несчастный день». Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи; таков уж был человек: что задумает, подавай; видно в детстве был маменькой избалован. Наконец в полдень отыскали проклятого кабана — паф! паф! не тут-то было: ушел в камыши... такой

уж был несчастный день!.. Вот мы, отдохнув маленько, отправились домой.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее от нас. — Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение; опрометью поскакали мы на выстрел, — смотрим: на валу солдаты собрались в кучку и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. — Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла, и туда — я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «это Казбич!»... Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже наших, только, несмотря на

все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагёза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... «Не стреляйте! — кричу я ему: — берегите заряд; мы и так его догоним». — Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но выстрел раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади; она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени; Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бедная Бэла! — Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил в свою очередь, наудачу; верно пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку. — Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь, и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в серд-

це ударил — ну, так уже и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар! — Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно ту же; напрасно Печорин целовал ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя.

Печорин сел верхом; я поднял ее с земли и кое-как посадил к нему на седло; он обхватил ее рукой, и мы поехали назад. После нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак ее не довезем живую». — «Правда!» — сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел; осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся...

— Выздоровела? — спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нет, — отвечал он: — а ошибся лекарь тем, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мне, каким образом ее по-

хитил Казбич?

— А вот как: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села на камень и опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался, — цап-царап ее, зажал рот и потащил в кусты, а там вскочил на коня, да и тягу! Она между тем успела закричать; часовые всполошились, выстрелили, да мимо, а мы тут и подоспели.

— Да зачем Казбич ее хотел увезти?

— Помилуйте, да эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и ненужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)» — отвечал он, взяв ее за руку. — «Я умру!» — сказала она. — Мы начали ее уте-

шать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; — она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать !..

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой... Потом она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку.

Он слушал ее молча, опустив голову на руки; но только я во все время не заметил ни одной слезы на ресницах его; в самом ли деле он не мог плакать, или владел собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошел; с час она лежала неподвижная, бледная, и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа ее никогда не встретит-

ся с душою Григорья Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертию: я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости, и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась. Так прошел целый день. Как она переменялась в этот день!.. бледные щеки впали, глаза сделались большие, большие, — губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежало раскаленное железо. Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. — Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку, и кровь потекла снова. — Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодею-

щим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха, молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте, — говорил я ему: — ведь вы сами сказали, что она умрет непременно, так зачем тут все ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была покойна». — Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна; но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. — «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен, как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню, ка-

кую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я ее любил, как отец... ну да бог ее простит!.. И вправду молвить: что же я такое, чтоб обо мне вспоминать перед смертью?..

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Признаться, я частью для развлечения занялся этим; у меня был кусок термаламы, я

обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же.

На другой день рано утром мы ее похоронили, за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что это ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались; да помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже — вероятно для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; мель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завел речь о Бэле и о Печорине.

— А не слышали ли вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко, да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжелой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

Максим Максимыч*

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которых решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие, и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толку нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дни, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда мало важный случай имеет жестокие последствия

!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят обозы через Кабарду из Владыкавказа в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повозка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились, как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

Максим Максимыч имел глубокие сведения в поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без него пришлось бы остаться на сухоядении. Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закурив трубки, мы уселись: я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. Об чем было нам говорить?.. Он уж рассказал мне об себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно.

Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатую стеной горы, и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он явно был балованный слуга ленивого барина, — нечто вроде русского Фигаро. — «Скажи, любезный, — закричал я ему в окно, — что это — оказия пришла, что ли?» — Он по-

смотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший возле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно. — «Слава богу! — сказал Максим Максимыч, подошедший к окну в это время. — Экая чудная коляска! — прибавил он: — верно какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис. Видно, не знает наших горок! Нет, шутишь, любезный: они не свой брат, растрясут хоть английскую!» — «А кто бы это такое был — подойдемте-ка узнать...» Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в нее чемоданы.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан: — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. — Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: «Я тебе говорю, любезный...»

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется — да я у них недавно.

— Ну так!.. так!.. Григорий Александрыч?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мне мешаете, — сказал тот, нахмурившись.

— Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе... Да где ж он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдет ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч: — или ты, любезный, не пойдешь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдешь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку...

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил

Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

— Ведь сейчас прибежит!.. — сказал мне Максим Максимыч с торжествующим видом: — пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я незнаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушел в свою комнату. Признаюсь, я также с некоторым нетерпением ждал появления этого Печорина; хотя, по рассказу штабс-капитана, я составил себе о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными. Через час инвалид принес кипящий самовар и чайник. — «Максим Максимыч, не хотите ли чаю?» — закричал я ему в окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

— Ничего, благодарствуйте...

— Ну, как угодно! — Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик: — «А ведь вы правы; все лучше выпить чайку, — да я всё ждал... Уж человек его давно к нему по-

шел, да, видно, что-нибудь задержало».

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе, и еще час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, — он ничего не отвечал.

Я лег на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы покойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, шевырять в печи, наконец лег, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы... — отвечал он, тяжело вздохнув.

На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я на-

шел его у ворот сидящего на скамейке. — «Мне надо сходить в комендатуру, — сказал он, — так пожалуйста, если Печорин придет, пришлите за мной...»

Я обещался. Он побежал, как будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье: босые мальчишки осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорина вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать; подал ему ящик с сигарами и, получив несколь-

ко приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сертучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно-чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его

согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более 23 лет, хотя после я готов был дать ему 30. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные, — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади; чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; об глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он сме-

ялся! — Вам не случилось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полу-опущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его, непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно-спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы об нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик

по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом, что всё готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему: «Если вы захотите еще немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем...»

— Ах, точно! — быстро отвечал он: — мне вчера говорили; но где же он? — Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать, пот градом катился с лица его, мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колена его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч.

Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты... а вы?.. — пробормотал со слезами на глазах старик... — сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что подельвали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье в крепости?... Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два. «Мы славно пообедаем, — говорил он: — у меня есть два фа-

зана, а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?..»

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... Он был печален и сердит, хотя старался скрыть это. «Забывать! — проворчал он: — я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...»

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески: — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться — бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски: — совсем было забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрыч... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними де-

лать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин. — Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?.. кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах; — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что за коляска!.. сколько поклажи... и лакей такой гордый!.. — Эти слова были произнесены с иронической улыбкой. — Скажите, продолжал он, обратясь ко мне, — ну что вы об этом думаете?..

ну какой бес несет его теперь в Персию?.. Смешно, ей-богу смешно!.. Да я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нету проку в том, кто старых друзей забывает!.. — Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, и пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максим Максимыч, — сказал я, подойдя к нему, — а что за бумаги вам оставил Печорин?

— А бог его знает! какие-то записки...

— Что вы из них сделаете?

— Что? а велю наделать патронов.

— Отдайте их лучше мне.

Он посмотрел на меня с удивлением, проворчал что-то сквозь зубы и начал рыться в чемодане; вот он вынул одну тетрадку и бросил ее с презрением на землю, потом другая, третья и десятая имели ту же участь: в его досаде было что-то детское; мне стало смешно и жалко...

— Вот они все, — сказал он: — поздравляю вас с находкою...

— И я могу делать с ними все, что хочу?

— Хоть в газетах печатайте! Какое мне дело?... Что я разве друг его какой?.. или родственник? Правда, мы жили долго под одною кровлей... Да мало ли с кем я не жил?..

Я схватил бумаги и поскорее унес их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся. Скоро пришли нам объявить, что через час тронется оказия; я велел закладывать. Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду; у него был какой-то принужденный, холодный вид.

— А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

— Нет-с.

— А что так?

— Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи...

— Да ведь вы же были у него?

— Был, конечно, — сказал он заминаясь... — да его дома не было... а я не дождался.

Я понял его: бедный старик, в первый раз

от роду, может быть, бросил дела службы для *собственной надобности*, говоря языком бу-мажным, — и как же он был награжден!

— Очень жаль, — сказал я ему, — очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться.

— Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.

— Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем желаю вам всякого счастья и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флёр, сквозь который он смотрел на дела и

чувства человеческие, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

Журнал Печорина **Предисловие***

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением. Дай бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга — понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною друж-

бы, ожидает только смерти или несчастья любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переименовал все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. — «Да это злая ирония!» скажут они. — Не знаю.

Тамань*

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голоду, да еще вдобавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел

по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к чорту, только к месту!» — закричал я. «Есть еще одна фатера, — отвечал десятник, почесывая затылок: — только вашему благородию не понравится, там нечисто». — Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед, и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышевую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте

небосклона. «Суда в пристани есть, — подумал я: — завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность деньщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяйина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет 14-ти.

«Где хозяин?» — «Нема». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Побигла в слободку». — «Кто ж мне отопрет дверь?» — сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась, из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мной неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение противу всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто, с потерей члена, душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого;

но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз? Долго я глядел на него с невольным сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям...

«Ты хозяйский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота, убогой». — «А у хозяйки есть дети?» — «Ни, была дочь, да утикла за море с татаринном». — «С каким татаринном?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лав-

ке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часу. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега, однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел и, повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. *В тот день немые возопиют и слепые прозрят*, подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из виду.

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля;

у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что, казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но видно это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

— Что, слепой, — сказал женский голос: — буря сильна. Янко не будет». — «Янко не боится бури», — отвечал тот. — «Туман густеет», — возразил опять женский голос, с выражением печали. — «В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов», — был ответ. «А если он утонет?» — «Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты».

Последовало молчание; меня, однако, поразило одно: слепой говорил со мною мало-российским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, ударив в ладоши: — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей: прислушайся-ка: это не вода плещет, меня не обманешь, это его длинные весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она: — я ничего не вижу. Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь на подобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять, и вот показалась между горами волн черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно подымаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние 20 верст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку, но она, как утка, ныряла и по-

том, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с розмаха об берег и разлетится вдребезги, но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из виду. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлен, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему однако ж не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на вершине коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но увь, комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все или сторожевые, или купеческие, которые еще даже не начинали нагружаться. «Может быть, дни через три, четыре, придет почтовое судно, — сказал комендант: — и тогда мы увидим». Я вернулся домой угрюм и сердит; меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие, — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает, когда мы отсюда уедем. — Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шопотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника, он мне знаком, был прошлого года в отряде; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар за хлебом, и за водой... уж видно здесь к этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере показалась ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней

дочь.

— Какая дочь? у ней нет дочери.

— А бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я взошел в лачужку. Печь была жарко на-топлена, и в ней варился обед довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глуха, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенок, — сказал я, взяв его за ухо: — говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепец заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив... с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «вот выдумывают, да еще на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись достать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая в даль; передо мной тянулось ночью бурю взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы,

перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часу, может быть и более... Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, эта была песня, и женский свежий голосок, — но откуда?.. Прислушиваюсь... напев странный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

*Как по вольной волюшке —
По зелену морю,
Ходят всё кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов
Моя лодочка,
Лодка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —*

*Старые кораблики
Приподымут крылушки.
По морю разме-
чутся.
Стану морю кланяться
Я низёхонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные,
Правит ею в темну ночь
Буйная головуш-
ка».*

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундина; поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удивленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим

не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры: пеньё и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит Юной Франции. Она, т. е. порода, а не Юная Франция*, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос очень много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более 18 лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи

на шее и плечах, и особенно правильный нос, — всё это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такова сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гётеву Миньону*, это причудливое создание его немецкого воображения; — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни...

Пóд-вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, красавица, — спросил я: — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же, разве ты песнью зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко». — «Кто ж тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; взду-

мается — запою: кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймет». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю?» — «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она не изменилась в лице, не пошевелила губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей всё, что видел, думая смутить ее — нимало! она захохотала во всё горло: «Много видели, да мало знаете, а что знаете, так держите под замочком». — «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смерклось, я велел казаку нагреть чайник попоходному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки. Уж я доканчивал второй стакан чаю, как вдруг дверь скрипнула, легкий шорох платья

и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя ундины; она села против меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этот взор показался мне чудно нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моей жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения. Лицо ее было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука ее без цели бродила по столу, и я заметил в ней легкий трепет; грудь ее то высоко поднималась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала мне надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чаю, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она, как змея, скользнула между моими руками, шепнув мне на ухо: «нынче ночью, как все уснут, выходи на берег» — и стре-

лою выскочила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экой бес девка!» — закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда всё на пристани умолкло, я разбудил своего казака: «Если я выстрелю из пистолета, — сказал я ему, — то беги на берег». Он выпучил глаза и машинально отвечал: «слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска; ее одежда была более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкий стан.

— Идите за мной, — сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, как я не сломил себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», — сказала моя спутница; я

колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю, но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» — сказал я сердито. — «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками: — это значит, что я тебя люблю»... И щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватя за пояс — пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову. Оглядываюсь — мы от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть ее от себя — она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видел, — отвечала она: — ты донесешь, — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки, ее волосы касались воды, минута была решительная. Я уперся коленкою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно бросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал.

На дне лодки я нашел половину старого весла, и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дождался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилег в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утеса всё, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русалку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих, мокрая рубашка обрисовывала

гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показалась в дали лодка, быстро приблизилась она; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но острижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, — сказала она: — все пропало!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслушать. — «А где же слепой?» — сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

«Послушай, слепой, — сказал Янко: — ты береги то место... знаешь? там богатые товары... скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он лучше платил за труды, так и Янко бы его не покинул, а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит. — После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со мною, ей нельзя здесь оставаться, а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась,

надо знать и честь. Нас же больше не увидит».

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну вот тебе еще», — и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал белый парус между темных волн; слепой все сидел на берегу, и вот мне слышалось что-то похожее на рыдание; слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов*? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак

мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружье обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и вошел в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал, — подарок приятеля, — всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила?

Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

Конец первой части

Княжна Мери*

11 *-го мая.*

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы об-

лака будут спускаться до моей кровли. Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури*»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом. — Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка*; солнце ярко, небо синё, — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления? — Однако пора. Пойду к Елизаветинскому ис-

точнику: там, говорят, утром собирается всё водяное общество. . .

Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где ветрел несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору: то были большею частию семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сертукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей; видно, у них вся *водяная* молодежь была уже на перечеке, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покррой сертука ввел их в заблуждение, но скоро, узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы; и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинке к Елизавете-

тинскому источнику, я обогнал толпу мужчин штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом... Они играют и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стакан в колодец кислосерной воды, они принимают академические позы; штатские носят светло-голубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брызги. Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают.

Наконец вот и колодец!.. На площадке близь него построен домик с красной кровлею над ванной, а подальше галлерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мель-

кали порою пестрые шляпки любителейнищ
уединения вдвоем, потому что всегда возле
такой шляпки я замечал или военную фураж-
ку или безобразную круглую шляпу. На кру-
той скале, где построен павильон, называе-
мый Золовой Арфой, торчали любители ви-
дов и наводили телескоп на Эльборус; между
ними было два гувернера с своими воспитан-
никами, приехавшими лечиться от золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю го-
ры, и, прислонясь к углу домика, стал рас-
сматривать живописную окрестность, как
вдруг слышу за собой знакомый голос:

— Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обня-
лись. Я познакомился с ним в действующем
отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал
на воды с неделю прежде меня.

Грушницкий — юнкер. Он только год в
службе, носит, по особенному роду франтов-
ства, толстую солдатскую шинель. У него ге-
оргиевский солдатский крестик. Он хорошо
сложен, смугл и черноволос; ему на вид мож-
но дать 25 лет, хотя ему едва ли 21 год. Он за-
кидывает голову назад, когда говорит, и по-

минутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто-прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение: они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остер; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы:

он никого не убьет одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. — Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает пашкой, кричит и бросается вперед зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать.

Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и про-

должал так: «нет, вы (или ты) этого не должны знать!.. Ваша чистая душа содрогнется!.. Да и к чему?.. Что я для вас! — Поймете ли вы меня?..» и так далее.

Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К... полк, останется вечною тайной между им и небесами. Впрочем в те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен. Мне любопытно видеть его с женщинами: тут-то он, я думаю, старается!

Мы встретились старыми приятелями. Я начал его расспрашивать об образе жизни на водах и о примечательных лицах.

— Мы ведем жизнь довольно прозаическую, — сказал он вздохнув. — Пьющие утром воду вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру несносны, как все здоровые. Женские общества есть, только от них небольшое утешение: они играют в вист, одеваются дурно и ужасно говорят по-французски. Нынешний год из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью; но я с ними незнаком. Моя солдатская шинель — как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяже-

ло, как милостыня.

В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего! — На второй было закрытое платье gris de perles;[22] легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки couleur russe[23] стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже непосвященный в таинства красоты непременно бы ахнул хотя от удивленья. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от определения, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгиня Лиговская, — сказал Грушницкий: — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

— Однако ты уж знаешь ее имя?

— Да, я случайно слышал, — отвечал он, покраснев. — Признаюсь, я не желаю с ними

познакомиться; эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

— Бедная шинель! — сказал я, усмехаясь. — А кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стаканы?

— О! это московский фронт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость: точно у Робинзона Крузое*! Да и борода кстати, и прическа à la moujik.[24]

— Ты озлоблен против всего рода человеческого.

— И есть за что...

— О! право?

В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски:

— Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.[25]

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором. Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо, с чем я внутренно от души его поздравил.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказал я ему. — У нее такие бархатные глаза, — именно бархатные, я тебе советую присвоить это выражение, говоря об ее глазах: нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках. Я люблю эти глаза без блеска, они так мягки, они будто бы тебя гладят. — Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что у нее зубы белы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь об хорошенькой женщине, как об английской лошади, — сказал Грушницкий с негодованием.

— Mon cher, — отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон: — *je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.*[26]

Я повернулся и пошел от него прочь. С полчаса гулял я по виноградным аллеям, по изве-

стчатым скалам и висящим между них кустарникам. Становилось жарко, и я поспешил домой. Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галлерей, чтоб вздохнуть под ее тенью, и это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены. Действующие лица находились вот в каком положении. Княгиня с московским франтом сидела на лавке в крытой галлерее, и оба были заняты, кажется, серьезным разговором. Княжна, вероятно допив уж последний стакан, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкий стоял у самого колодца; больше на площадке никого не было.

Я подошел ближе и спрятался за угол галлерей. В эту минуту Грушницкий уронил свой стакан на песок и усиливался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бедняжка! как он ухитрялся, опираясь на костыль, и всё напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.

Княжна Мери видела всё это лучше меня.

Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой пре-

лести; потом ужасно покраснела, оглянувшись на галерею и убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась. Когда Грушницкий открыл рот, чтоб поблагодарить ее, она была уже далеко. Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный, — даже не обернулась, даже не заметила его страстного взгляда, которым он долго ее провожал, пока, спустившись с горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного из лучших домов Пятигорска; за нею прошла княгиня и у ворот раскланялась с Раевичем.

Только тогда бедный страстный юнкер заметил мое присутствие.

— Ты видел? — сказал он, крепко пожимая мне руку: — это просто ангел!

— Отчего? — спросил я с видом чистейшего простодушия.

— Разве ты не видел?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если б был тут сторож, то он сделал бы то же са-

мое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

— И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее ?..

— Нет.

Я лгал. Но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противуречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противуречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу: это чувство было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться. И вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется

такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно.

Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару мимо окон дома, где скрылась наша красавица. Она сидела у окна. Грушницкий, дернув меня за руку, бросил на нее один из тех мутно-нежных взглядов, которые так мало действуют на женщин. Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну!

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух сти-

хов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием. Так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки. Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными, но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом. Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шагу: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, — больные взбеленились! — почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно-порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упавший кредит.

Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но ко-

торые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов. Надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной; оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин.

Вернер был мал ростом и худ и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сертук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем; он показы-

вал, будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; — рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае — труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да при том у меня есть лакеи и деньги! Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление; толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях.

— Что до меня касается, то я убежден только в одном, — сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том, — отвечал он, — что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я: — у меня, кроме этого, есть еще убеждение, — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье ро-

даться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а право из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры*, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером.

Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вернер вошел в мою комнату. Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, — и мы оба замолчали.

— Заметьте, любезный доктор, — сказал я, — что без дураков было бы на свете очень скучно!.. Посмотрите: вот нас двое умных людей, мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим, мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга, одно слово для нас целая история,

видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя. Итак, размена чувств и мыслей между нами не может быть, мы знаем один о другом всё, что хотим знать, и знать больше не хотим. Остается одно средство: рассказывать новости. — Скажите же мне какую-нибудь новость!

Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул.

Он отвечал подумавши:

— В вашей галиматье однако ж есть идея!

— Две, — отвечал я.

— Скажите мне одну, я сам скажу другую.

— Хорошо, начинайте, — сказал я, продолжая рассматривать потолок и внутренне улыбаясь.

— Вам хочется знать какие-нибудь подробности насчет кого-нибудь из приехавших на воды, и я уж отгадываю, о ком вы это заботитесь, потому что об вас там уже спрашивали.

— Доктор! решительно нам нельзя разговаривать: мы читаем в душе друг у друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь, во-первых потому, что слушать менее утомительно, во-вторых, нельзя проговориться, в-третьих, можно узнать чужую тайну, в-четвертых, потому, что такие умные люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу: что вам сказала княгиня Лиговская обо мне?

— Вы очень уверены, что это княгиня, а не княжна?..

— Совершенно убежден.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала об Грушницком.

— У вас большой дар соображения. Княжна сказала, что она уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль...

— Надеюсь, вы ее оставили в этом приятном заблуждении...

— Разумеется.

— Завязка есть! — закричал я в восхищении: — об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится об том, чтоб мне

не было скучно.

— Я предчувствую, — сказал доктор, — что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...

— Дальше, доктор...

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо... Я ей заметил, что верно она вас встречала в Петербурге, где-нибудь в свете... я сказал ваше имя... Оно было ей известно. Кажется, ваша история там наделала много шума! Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания... Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделались героем романа в новом вкусе... Я не противуречил княгине, хотя знал, что она говорит вздор.

— Достойный друг! — сказал я, протянув ему руку. Доктор пожал ее с чувством и продолжал:

— Если хотите, я вас представлю...

— Помилуйте! — сказал я, всплеснув руками: — разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...

— И вы в самом деле хотите волочиться за

княжной?..

— Напротив, совсем напротив!.. Доктор, наконец я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочем, огорчает, доктор, — продолжал я после минуты молчания: — я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться. Однако ж, вы мне должны описать маменьку с дочкой. Что они за люди?

— Во-первых, княгиня — женщина 45 лет, — отвечал Вернер: — у нее прекрасный желудок, но кровь испорчена: на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве, и тут на покое растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна, как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь бог знает от чего: я велел обоим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в разводной ванне. Княгиня,

кажется, не привыкла повелевать: она питает уважение к уму и знаниям дочери, которая читала Байрона по-англински и знает алгебру; в Москве, видно, барышни пустились в ученость, и хорошо делают, — право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. — Княгиня очень любит молодых людей; княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! — Они в Москве только и питаются, что сорокалетними остряками.

— А вы были в Москве, доктор?

— Да, я имел там некоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, всё сказал... Да! вот еще: княжна, кажется, любит рассуждать о чувствах, страстях и проч... она была одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли.

— Вы никого у них не видали сегодня?

— Напротив: был один адъютант, один натянутый гвардеец и какая-то дама из новоприезжих, родственница княгини по муже, очень хорошенькая, но очень, кажется, боль-

ная... Не встретили ль вы ее у колодца? — она среднего роста, блондинка, с правильными чертами, цвет лица чахоточный, а на правой щеке черная родинка: ее лицо меня поразило своей выразительностью.

— Родинка! — пробормотал я сквозь зубы. — Неужели?

Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, положив мне руку на сердце: «Она вам знакома». Мое сердце, точно, билось сильнее обыкновенного.

— Теперь ваша очередь торжествовать, — сказал я: — только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил встарину. — Не говорите ей обо мне ни слова; если она спросит, относитесь обо мне дурно.

— Пожалуй, — сказал Вернер, пожав плечами.

Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мое сердце. Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?.. Мои предчувствия меня

никогда не обманывали. Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мной: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее всё те же звуки; я глупо создан: ничего не забываю, ничего.

После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжною сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; — видно, было смешно, потому что они начали хохотать, как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-по-малу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хро-

мым старичком; несколько раз ее взгляд, упав на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...

— Что он вам рассказывал? — спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости: — верно очень занимательную историю — свои подвиги в сражениях?.. — Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня. «А-га! — подумал я: — вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-нибудь представил княгине. Она будет очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказывали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими ку-

зинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, — и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя, — теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют — и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок.

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее кабинет !.. Я дал 40 рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедывать против меня ополчение: я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обе-

дают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит закинув руки за спину и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказать какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

— Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? — сказал он мне вчера.

— Решительно.

— Помилуй, самый приятный дом на водах! Всё здешнее лучшее общество!..

— Мой друг, мне и нездешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

— Нет еще; я говорил раза два с княжной и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если б я носил эполеты...

— Помилуй, да эдак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением: да солдатская шинель в глазах всякой чувствительной барышни тебя делает героем, страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

— Какой вздор! — сказал он.

— Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена.

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар.

— У тебя всё шутки, — сказал он, показывая, будто сердится: — во-первых, она меня еще так мало знает...

— Женщины любят только тех, которых не знают.

— Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с приятным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! — вы, победители петербургские, только посмотрите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?..

— Как? она тебе уж говорила обо мне?..

— Не радуйся однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; и третье слово ее было: «кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? он был с

вами, тогда...» Она покраснела и не хотела называть дня, вспомнив свою милую выходку. — Вам не нужно сказывать дня, — отвечал ей, — он вечно будет мне памятен. Мой друг, Печорин, я тебя не поздравляю, ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря об женщине, с которой они едва знакомы, называют ее *моя Мери*, *моя Sophie*, если она имела счастье им понравиться.

Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая спокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять

раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой, и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить — а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может! Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобою накокетничается вдоволь, а года через два выдет замуж за уroda, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой, серой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.

Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего. У него даже появилось серебряное кольцо с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным! — Я стал его рассматривать, и что же? мелкими буквами имя *Мери* было вырезано на внут-

ренной стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний! я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, и тут-то я буду наслаждаться. . . .

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодезю — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом него вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и будто зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине, с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор. Зачем она здесь? — и она ли? И почему я думаю, что это она?.. и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках! Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, оку-

танная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уж вернуться, чтоб не нарушать ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно. Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь, — сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку: давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами; в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

— Мы давно не видались, — сказал я.

— Давно — и переменились оба во многом!

— Стало-быть, уж ты меня не любишь?..

— Я замужем, — сказала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала; но между тем...

Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали.

— Может быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвечала и отвернулась.

— Или он очень ревнив?

Молчание.

— Что же? Он молод, хорош, особенно верно богат, и ты боишься... — Я взглянул на нее и испугался: ее лицо выражало глубокое отчаянье, на глазах сверкали слезы.

— Скажи мне, наконец, — прошептала она, — тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть: с тех пор, как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий... — Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть, — подумал я: — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!..»

Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий, упоительный поцелуй; ее руки были холодны, как лед, голова горела. Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере.

Она решительно не хочет, чтоб я познако-

мился с ее мужем, — тем хромым старичком, которого я видел мельком на бульваре; она вышла за него для сына. Он богат и страдает ревматизмами. Я не позволил себе над ним ни одной насмешки: она его уважает, как отца! и будет обманывать, как мужа!.. Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!

Муж Веры, Семен Васильевич Г.....в, дальний родственник княгини Лиговской. Он живет с нею рядом; Вера часто бывает у княгини; я ей дал слово познакомиться с Лиговскими и волочиться за княжной, чтоб отвлечь от нее внимание. Таким образом мои планы нимало не расстроились, и мне будет весело!

Весело!.. Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь: теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины, напро-

тив: я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь. Отчего это? — оттого ли, что я никогда ничем очень не дорожу, и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? или это — магнетическое влияние сильного организма? или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным характером?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщин с характером: их ли это дело!

Правда, теперь вспомнил: один раз, один только раз я любил женщину с твердой волею, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами, — и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе...

Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается; я боюсь, чтоб не было у нее чахотки или той болезни, которую называют *fièvre lente*[27] — болезнь не русская вовсе, и ей на нашем языке нет названия.

Гроза застала нас в гроте и удержала лиш-них полчаса. Она не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались... Она

зверилась мне снова с прежней беспечно-
стью; и я ее не обману: она единственная
женщина в мире, которую я не в силах был
бы обмануть! — Я знаю, мы скоро разлучимся
опять и, может быть, навеки: оба пойдем раз-
ными путями до гроба; но воспоминание об
ней останется неприкосновенным в душе мое-
й; я ей это повторял всегда, и она мне верит,
хотя говорит противное.

Наконец мы расстались; я долго следил за
нею взором, пока ее шляпка не скрылась за
кустарниками и скалами. Сердце мое болез-
ненно сжалось, как после первого расстава-
ния. О, как я обрадовался этому чувству! Уж
не молодость ли с своими благотворными бу-
рями хочет вернуться ко мне опять, или это
только ее прощальный взгляд, последний по-
дарок, — на память?.. А смешно подумать, что
на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но
еще свежо, члены гибки и стройны, густые
кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...

Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал
в степь; я люблю скакать на горячей лошади
по высокой траве, против пустынного ветра; с
жадностью глотаю я благовонный воздух и

устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума. Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба, или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес.

Я думаю, казаки, зевающие на своих *вышках*, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этою загадкой, ибо верно по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего, оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевички пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темнобурая. Я долго изучал горскую

посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад. Я держу четырех лошадей: одну для себя, трех для приятелей, чтоб не скучно было одному таскаться по полям; они берут моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не ездят вместе. Было уже шесть часов пополудни, когда вспомнил я, что пора обедать; лошадь моя была измучена; я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию*, куда часто водяное общество ездит *en piquenique*. [28] Дорога идет извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав; кругом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии *балками*, я остановился, чтоб напоить лошадь; в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь черкесского с* нижегородским*; впереди ехал Грушницкий с княжною Мери.

Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди белого дня; вероятно поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском облачении. Высокий куст закрывал меня от них, но сквозь листья его я мог видеть всё и отгадать по выражениям их лиц, что разговор был сентиментальный. Наконец они приблизились к спуску; Грушницкий взял за повод лошадь княжны, и тогда я услышал конец их разговора:

— И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе? — говорила княжна.

— Что для меня Россия! — отвечал ее кавалер: — страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь, — здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с вами...

— Напротив... — сказала княжна, покраснев.

Лицо Грушницкого изобразило удовольствие. Он продолжал:

— Здесь моя жизнь протечет шумно, неза-

метно и быстро, под пулями дикарей, и если бы бог мне каждый год посылал один светлый женский взгляд, один подобный тому...

В это время они поравнялись со мной; я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

— Mon Dieu, un Circassien!..[29] — вскрикнула княжна в ужасе.

Чтоб ее совершенно разуверить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, — je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.[30]

Она смутилась, — но отчего? от своей ошибки, или оттого, что мой ответ ей показался дерзким? Я желал бы, чтоб последнее мое предположение было справедливо. Грушницкий бросил на меня недовольный взгляд.

Поздно вечером, то есть часов в 11, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало злоещее облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с

шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрипом нагайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался...

Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем?.. Что делает теперь Вера? думал я... Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ее руку. Вдруг слышу быстрые и неровные шаги.... Верно Грушницкий...

Так и есть!

— Откуда?

— От княгини Лиговской, — сказал он очень важно. — Как Мери поет!..

— Знаешь ли что? — сказал я ему: — я пари держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный...

— Может быть! Какое мне дело!.. — сказал он рассеянно.

— Нет, я только так это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость, — я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь

свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты верно о себе самого высокого мнения.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мне жаль, что я не имею еще этого права...

«О-го! — подумал я: — у него, видно, есть уже надежды...»

— Впрочем для тебя же хуже, — продолжал Грушницкий: — теперь тебе трудно познакомиться с ними, — а жаль! это один из самых приятных домов, какие я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый приятный дом для меня теперь мой, — сказал я, зевая, и встал, чтоб идти.

— Однако, признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...

— Посмотрим...

— Даже, чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочет говорить с тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..

— А я пойду шататься, — я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдём лучше в ресторан, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения...

— Желаю тебе проиграться...

Я пошел домой.

21-го мая.

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая. Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны — когда же он ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, потому что он *не жених*. Вот логика матерей! Я подметил два, три нежных взгляда, — надо этому положить конец.

Вчера у колодца в первый раз явилась Вера... Она, с тех пор, как мы встретились в гроте, не выходила из дому. Мы в одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мне сказала шопотом:

— Ты не хочешь познакомиться с Лиговскими!.. Мы только там можем видеться...

Упрек!.. скучно! Но я его заслужил...

Кстати: завтра бал по подписке в зале ресторации, и я буду танцевать с княжной ма-

зурку.

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу благородного собрания. В 9 часов все съехались. Княгиня с дочерью явились из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин — там сейчас явится высший и низший круг. Под окном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская с глаз своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осененной розовыми перьями; пышность ее платья напоминала времена фижм, а пестрота ее негладкой кожи счастливую эпоху мушек из черной тафты; самая большая бородавка на ее шее прикрыта была фермуаром. Она гово-

рила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет.. *C'est imprayable!*..[31] И чем она гордится? Уж ее надо бы проучить...

— За этим дело не станет! — отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцовать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось однако довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид: она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо.) Она запыхалась, глаза

ее помутились, полуоткрытые губки едва могли прошептать необходимое «merci, monsieur».

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

— Я слышал, княжна, что, будучи вам во все незнаком, я имел уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда?..

— И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? — отвечала она с иронической гримаской, которая впрочем очень идет к ее подвижной физиономии.

— Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь еще большую дерзость, просить у вас прощения... И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчет меня ошибались...

— Вам это будет довольно трудно...

— Отчего же?

— Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

Это значит, подумал я, что их двери для меня навеки закрыты.

— Знаете, княжна, — сказал я с некоторой

досадой, — никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...

Хохот и шушуканье нас окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, и в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке с длинными усами и красной рожей и направил неверные шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на нее мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом:

— Пермете... ну, да что тут!.. просто ангижирую вас на мазурку....

— Что вам угодно? — произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятал-

ся за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

— Что же? — сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками, — разве вам не угодно?.. Я-таки опять имею честь вас ангажировать pour mазурке...[32] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...

Я видел, что она готова упасть в обморок от страха и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться, — потому, прибавил я, что княжна давно уж обещалась танцевать мазурку со мною.

— Ну, нечего делать!.. в другой раз! — сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыженным товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату.

Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом.

Княжна подошла к своей матери и рассказала ей всё, та отыскала меня в толпе и благодарила. Она объявила мне, что знала мою

мать и была дружна с полдюжиной моих тушек.

— Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы, — прибавила она: — но признайтесь, вы этому одни виною: вы дичитесь всех так, что ни на что не похоже. Я надеюсь, что воздух моей гостиной разгонит ваш сплин... не правда ли?

Я сказал ей одну из тех фраз, которые у всякого должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконец с хор загремела мазурка; мы с княжной уселись.

Я не намекал ни разу ни о пьяном господине, ни о прежнем моем поведении, ни о Грушницком. Впечатление, произведенное на нее неприятною сценою, мало-по-малу рассеялось; личико ее расцвело; она шутила очень мило; ее разговор был остер, без притязания на остроту, жив и свободен, ее замечания иногда глубоки... Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела.

— Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.

— Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, — потому что вас окружает слишком густая толпа поклонников, и боялся в ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! Они все прескучные...

— Все? — Неужели все?

Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и наконец произнесла решительно: *все!*

— Даже мой друг Грушницкий?

— А он ваш друг? — сказала она, показывая некоторое сомнение.

— Да.

— Он, конечно, не входит в разряд скучных...

— Но в разряд несчастных, — сказал я смеясь.

— Конечно! А вам смешно? Я б желала, чтоб вы были на его месте...

— Что ж? я был сам некогда юнкером, и,

право, это самое лучшее время моей жизни!

— А разве он юнкер?.. — сказала она быстро и потом прибавила: — а я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тут разговор переменял направление и к этому уж более не возвращался.

Вот мазурка кончилась, и мы распростились — до свидания. Дамы разъехались... Я пошел ужинать и встретил Вернера.

— А-га! — сказал он: — так-то вы! А еще хотели не иначе знакомиться с княжной, как спасши ее от верной смерти.

— Я сделал лучше, — отвечал я ему, — спас ее от обморока на бале!..

— Как это? Расскажите!..

— Нет, отгадайте, — о вы, отгадывающий всё на свете!

23-го мая.

Около 7 часов вечера я гулял на бульваре. Грушницкий, увидав меня издали, подошел ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

— Благодарю тебя, Печорин... Ты понима-

ешь меня?..

— Нет; но во всяком случае не стоит благодарности, — отвечал я, не имея точно на совети никакого благодеяния.

— Как? а вчера? ты разве забыл?.. Мери мне всё рассказала...

— А что? разве у вас уж нынче всё общее? и благодарность?

— Послушай, — сказал Грушницкий очень важно: — пожалуйста не подшучивай над моей любовью, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю, до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером... обещаю тебе замечать всё: я знаю, ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин... Женщины! женщины! кто их поймет? Их улыбки противуречат их взорам, их слова обещают и манят, а звук их голоса отталкивает... То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то не понимают самых ясных намеков... Вот хоть княжна: вчера ее глаза пылали страстью, останавливаясь на мне, нынче они тусклы и холодны...

— Это, может быть, следствие действия вод, — отвечал я.

— Ты во всем видишь худую сторону... матерьялист! — прибавил он презрительно. — Впрочем переменим материю — и, довольный плохим каламбуром, он развеселился.

В девятом часу мы вместе пошли к княгине.

Проходя мимо окон Веры, я видел ее у окна. Мы кинули друг другу беглый взгляд. Она вскоре после нас вошла в гостиную Лиговских. Княгиня меня ей представила, как своей родственнице. Пили чай; гостей было много; разговор был общий. Я старался понравиться княгине, шутил, заставлял ее несколько раз смеяться от души; княжне также не раз хотелось похохотать, но она удерживалась, чтоб не выйти из принятой роли: она находит, что томность к ней идет — и, может быть, не ошибается. Грушницкий, кажется, очень рад, что моя веселость ее не заражает.

После чая все пошли в залу.

— Довольна ль ты моим послушанием, Вера? — сказал я, проходя мимо ее.

Она мне кинула взгляд, исполненный люб-

ви и благодарности. Я привык к этим взглядам, но некогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяны; все просили ее спеть что-нибудь, — я молчал, и, пользуясь суматохой, отошел к окну с Верой, которая мне хотела сказать что-то очень важное для нас обоих... Вышло — вздор...

Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этот разговор, немой, но выразительный, краткий, но сильный!..

Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем я не слушал. Зато Грушницкий, облокотясь на рояль против нее, пожирал ее глазами и поминутно говорил вполголоса: «*charmant! délicieux!*».[33]

— Послушай, — говорила мне Вера: — я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь всё, что захочешь. Мы здесь только будем видеться...

— Только?..

Она покраснела и продолжала:

— Ты знаешь, что я твоя раба: я никогда не

умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мере я хочу сберечь свою репутацию... не для себя: ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя, не мучь меня попрежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе... Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки... а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его.

Между тем княжна Мери перестала петь. Ропот похвал раздался вокруг нее; я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.

Она сделала гримаску, выдвинув нижнюю губу, и присела очень насмешливо.

— Мне это тем более лестно, — сказала она, — что вы меня вовсе не слушали... но вы, может быть, не любите музыки?..

— Напротив, — после обеда особенно.

— Грушницкий прав, говоря, что у вас са-

мые прозаические вкусы... и я вижу, что вы любите музыку в гастрономическом отношении...

— Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном; у меня прескверный желудок. Но музыка после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово; следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении. Вечером же она, напротив, слишком раздражает мои нервы: мне делается или слишком грустно, или слишком весело. То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или радоваться, и при том грусть в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична.

Она не дослушала, отошла прочь, села возле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, потому что он иногда смотрел на нее с удивлением, стараясь угадать причину внутреннего волнения, изображавшегося иногда в ее беспокойном взгляде...

Но я вас отгадал, милая княжна, береги-

тесь! Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие, — вам не удастся! и если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден.

В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в их разговор, но она довольно сухо встречала мои замечания, и я с притворной досадою наконец удалился. Княжна торжествовала; Грушницкий тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет...

Остальную часть вечера я провел возле Веры и досыта наговорился о старине! За что она меня так любит, право, не знаю! — Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?..

Мы вышли вместе с Грушницким; на улице он взял меня под руку и после долгого молчания сказал:

— Ну, что?..

«Ты глуп», — хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами.

29-го мая.

Все эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой; но я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смиренный вид и оставляю их вдвоем; в первый раз была она этому рада, или старалась показать; во второй рассердилась на меня, в третий — на Грушницкого.

— У вас очень мало самолюбия, — сказала она мне вчера. — Отчего вы думаете, что мне веселее с Грушницким?

Я отвечал, что жертвую счастию приятеля своим удовольствием...

— И моим, — прибавила она.

Я пристально посмотрел на нее и принял серьезный вид. Потом целый день не говорил с нею ни слова... Вечером она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивей; когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой, но только что завидела меня, она стала хохотать (очень некстати), показывая, будто меня не примечает. Я отошел подалее и украдкой стал наблюдать за ней; она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза.

Решительно, Грушницкий ей надоел.

Еще два дня не буду с ней говорить.

3-го июня.

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство? — Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия. Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потреб-

ность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство — истинная бесконечная страсть, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности — только в невозможности достигнуть цели, то есть конца.

Из чего же я хлопочу? — Из зависти к Грушницкому? Бедняжка, он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить:

— Мой друг, со мною было то же самое! и ты видишь, однако, я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно и надеюсь, сумею умереть без крика и слез!

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат

испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им до-сыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет. Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви.

Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности; идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара.

Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов; душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так

должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, — лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.

Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета... Но что за нужда?.. Ведь этот журнал пишу я для себя и, следовательно, всё, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием. . . .

Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры. Мы выпили шампанского. Доктор Вернер взошел вслед за ним.

— Я вас не поздравляю, — сказал он Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель к вам очень идет, и признайтесь, что армейский пешотный мундир, сшитый здесь на водах, не придаст вам ничего интересного... Видите ли, вы до сих пор были исключением, а теперь подойдете под общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, доктор! вы мне не мешаете радоваться; он не знает, — прибавил Грушницкий мне на ухо: — сколько надежд придали мне эти эполеты... О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки... Нет! я теперь совершенно счастлив.

— Ты идешь с нами гулять к провалу? — спросил я его.

— Я? ни за что не покажусь княжне, пока не готов будет мундир.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?..

— Нет, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить!..

— Скажи мне, однако, как твои дела с нею?

Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать, — и было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истине.

— Как ты думаешь, любит ли она тебя?..

— Любит ли? Помилуй, Печорин, какие у тебя понятия!.. как можно так скоро?.. Да если даже она и любит, то порядочная женщина этого не скажет...

— Хорошо! И вероятно по-твоему порядоч-

ный человек должен тоже молчать о своей страсти?..

— Эх, братец! на всё есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...

— Она! — отвечал он, подняв глаза к небу и самодовольно улыбнувшись: — мне жаль тебя, Печорин!..

Он ушел.

Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.

По мнению здешних ученых этот провал не что иное как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь

моя взволновалась; я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек, — сказала она мне: — я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да! такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли; я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я

выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаянье, — не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное, отчаянье, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней — и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас

разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало.

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бежали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали... ей было жаль меня! Сострадание, чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во всё время прогулки она была рассеяна, ни с кем не кокетничала... а это великий признак!

Мы пришли к провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно.

— Любили ли вы? — спросил я ее наконец.

Она посмотрела на меня пристально, показала головой... и опять впала в задумчивость;

явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства; конечно, они готовят, располагают ее сердце к принятию священного огня — а все-таки первое прикосновение решает дело.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гулянья.

Мы расстались...

Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности! — о, это первое, главное торжество. Завтра она захочет вознаградить меня. Я всё это уж знаю наизусть, вот что скучно!

4-го июня.

Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей поверять свои сердечные тайны: надо признаться, удачный выбор!

— Я отгадываю, к чему всё это клонится, — говорила мне Вера: — лучше скажи мне просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачем же ее преследовать, тревожить, волновать ее воображение?.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтоб я тебе верила, то приезжай через неделю в Кисловодск: послезавтра мы переезжаем туда. Княгиня остается здесь дольше. Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близь источника, в мезонине; внизу княгиня Лиговская, а рядом есть дом того же хозяина, который еще не занят... Приедешь?..

Я обещал — и тот же день послал занять эту квартиру.

Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его мундир, как раз к балу.

— Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он.

— Когда же бал?

— Да завтра! Разве не знаешь? Большой праздник, и здешнее начальство взялось его устроить...

— Пойдем на бульвар...

— Ни за что! — в этой гадкой шинели...

— Как, ты ее разлюбил?..

Я ушел один и, встретив княжну Мери, позвал ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, как прошлый раз, — сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замечает отсутствия Грушницкого.

— Вы будете завтра приятно удивлены, — сказал я ей.

— Чем?..

— Это секрет... на бале вы сами догадаетесь.

Я окончил вечер у княгини; гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старичка. Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне стало совестно. Куда девалась ее живость, ее кокетство, ее капризы, ее дерзкая мина, презрительная улыбка, рассе-

анный взгляд?..

Вера всё это заметила: на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть; она сидела в тени у окна, погружаясь в широкие кресла; мне стало жаль ее.

Тогда я рассказал всю драматическую историю нашего знакомства с нею, нашей любви, — разумеется, прикрыв всё это вымышленными именами.

Я так живо изобразил мою нежность, мои беспокойства, восторги, — я в таком выгодном свете выставил ее поступки и характер, что она поневоле должна была простить мне мое кокетство с княжной.

Она встала, подседа к нам, оживилась... и мы только в два часа ночи вспомнили, что доктора велют ложиться спать в одиннадцать.

5-го июня.

За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая цепочка, на которой висел двойной лорнет; эполеты невероятной величины были загнуты кверху, в виде крылышек амура; сапоги его скрыпели; в левой руке дер-

жал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правою взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол; самодовольствие и вместе некоторая неуверенность изображались на его лице; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если б это было согласно с моими намерениями.

Он бросил фуражку с перчатками на стол и начал обтягивать фалды и поправляться перед зеркалом; черный огромный платок, навернутый на высочайший подгалстушник, которого щетина поддерживала его подбородок, высовывался на полвершка из-за воротника; ему показалось мало: он вытащил его кверху до ушей; от этой трудной работы, — ибо воротник мундира был очень узок и беспокоен, — лицо его налилось кровью.

— Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной, — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.

— Где нам дуракам чай пить!* — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.

— Скажи-ка, хорошо на мне сидит мундир?.. Ох, проклятый жид!.. как под-мышками режет!.. Нет ли у тебя духов?

— Помилуй, чего тебе еще? от тебя и так уж несет розовой помадой...

— Ничего. Дай-ка сюда...

Он налил себе полсклянки за галстух, в носовой платок, на рукава.

— Ты будешь танцевать? — спросил он.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мне с княжной придется начинать мазурку, — я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звал ее на мазурку?

— Нет еще...

— Смотри, чтоб тебя не предупредили...

— В самом деле, — сказал он, ударив себя по лбу. — Прощай... пойду дожидаться ее у подъезда. — Он схватил фуражку и побежал.

Через полчаса и я отправился. На улице было темно и пусто; вокруг собрания или трактира, как угодно, теснился народ; окна его светились; звуки полковой музыки доносили ко мне вечерний ветер. Я шел медленно; мне было грустно. Неужели, думал я, мое

единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние. Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов, — или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?.. Почему знать!.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Взойдя в залу, я спрятался в толпе мужчин и начал делать свои наблюдения. Грушницкий стоял возле княжны и что-то говорил с большим жаром; она его рассеянно слушала, смотрела по сторонам, приложив веер к губкам; на лице ее изображалось нетерпение, глаза ее искали кругом кого-то; я тихонько подошел сзади, чтоб подслушать их разговор.

— Вы меня мучите, княжна, — говорил

Грушницкий: — вы ужасно переменились с тех пор, как я вас не видал...

— Вы также переменились, — отвечала она, бросив на него быстрый взгляд, в котором он не умел разобрать тайной насмешки.

— Я? я переменялся? — О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видел вас однажды, тот навеки унесет с собою ваш божественный образ...

— Перестаньте!..

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повторений, — отвечала она, смеясь...

— О, я горько ошибся!.. Я думал, безумный, что по крайней мере эти эполеты дадут мне право надеяться... Нет, лучше бы мне век остаться в этой презренной солдатской шинели, которой, может быть, я был обязан вашим вниманием...

— В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...

В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро прого-

ворила:

— Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет мсье Грушницкому?..

— Я с вами не согласен, — отвечал я: — в мундире он еще моложавее.

Грушницкий не вынес этого удара: как все мальчишки, он имеет претензию быть стариком; он думает, что на его лице глубокие следы страстей заменяют отпечаток лет. Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь.

— А признайтесь, — сказал я княжне, — что, хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..

Она потупила глаза и не отвечала.

Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал или с нею, или *vis-à-vis*; он пожирал ее глазами, вздыхал и надоедал ей мольбами и упреками. После третьей кадрили она его уж ненавидела.

— Я этого не ожидал от тебя, — сказал он, подойдя ко мне и взяв меня за руку.

— Чего?

— Ты с нею танцуешь мазурку? — спросил он торжественным голосом. — Она мне при- зналась...

— Ну, так что ж? а разве это секрет?

— Разумеется, я должен был этого ожидать от девчонки, от кокетки... Уж я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эпо- леты, а зачем же обвинять ее! Чем она вино- вата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачем же подавать надежды?

— Зачем же ты надеялся? — Желать и до- биваться чего-нибудь — понимаю! — а кто ж надеется?

— Ты выиграл пари, — только не совсем, — сказал он, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкий выбирал одну только княжну, другие кавалеры поми- нутно ее выбирали: это явно был заговор про- тив меня. Тем лучше. Ей хочется говорить со мною, ей мешают, — ей захочется вдвое бо- лее.

Я раза два пожал ее руку; во второй раз она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мне, когда мазурка кончилась.

— Этому виноват Грушницкий.

— О, нет! — И лицо ее стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть.

Я возвратился в залу очень доволен собой.

За большим столом ужинала молодежь, и между ними Грушницкий. Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне. Многие с прошедшего бала на меня дуются, особенно драгунский капитан, а теперь, кажется, решительно составляется против меня враждебная шайка под командой Грушницкого. У него такой гордый и храбрый вид...

Очень рад. Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда на-стороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов — вот что я на-

зываю жизнью!

В продолжение ужина Грушницкий шептался и перемигивался с драгунским капитаном.

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шел к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой, во взгляде ее был упрек.

Кто ж виноват! зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. А воть ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, — больна. Вечером на бульваре ее не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. — Я рад, что княжна больна: они сделали б ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид: он, кажется, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно.

Возвратясь домой, я заметил, что мне че-

го-то недостает. *Я не видал ее! — Она больна!* Уж не влюбился ли я в самом деле? — Какой вздор!

7-го июня.

В одиннадцать часов утра, — час, в который княгиня Лиговская обыкновенно потеет в Ермоловской ванне, — я шел мимо ее дома. Княжна сидела задумчиво у окна; увидев меня, вскочила.

Я вошел в переднюю; людей никого не было, и я без доклада, пользуясь свободой здешних нравов, пробрался в гостиную.

Тусклая бледность покрывала милое лицо княжны; она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресел: эта рука чуть-чуть дрожала. Я тихо подошел к ней и сказал: — Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокий взор и покачала головой; ее губы хотели проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами, она опустилась в кресла и закрыла лицо руками.

— Что с вами? — сказал я, взяв ее за руку.

— Вы меня не уважаете!.. О! оставьте меня

!..

Я сделал несколько шагов... Она выпрямилась на креслах, глаза ее засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказал:

— Простите меня, княжна! Я поступил как безумец... этого в другой раз не случится: я приму свои меры!.. Зачем вам знать то, что происходило до сих пор в душе моей! Вы этого никогда не узнаете, и тем лучше для вас. Прощайте.

Уходя, мне кажется, я слышал, что она плакала.

Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.

Ко мне зашел Вернер.

— Правда ли, — спросил он, — что вы женитесь на княжне Лиговской?

— А что?

— Весь город говорит; все мои больные заняты этой важной новостью, а уж эти больные такой народ: всё знают!

«Это штуки Грушницкого!» — подумал я.

— Чтоб вам доказать, доктор, ложность

этих слухов, объявляю вам по секрету, что завтра я переезжаю в Кисловодск...

— И княгиня также?..

— Нет, она остается еще на неделю здесь...

— Так вы не женитесь!..

— Доктор, доктор! посмотрите на меня: неужели я похож на жениха или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю! — но вы знаете, есть случаи, — прибавил он, хитро улыбаясь, — в которых благородный человек обязан жениться, и есть маменьки, которые по крайней мере не предупреждают этих случаев. Итак, я вам советую, как приятель, быть осторожнее! Здесь на водах преопасный воздух; сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи, и уезжавших отсюда прямо под венец... Даже поверите ли, меня хотели женить! Именно одна уездная маменька, у которой дочь была очень бледна. Я имел несчастье сказать ей, что цвет лица возвратится после свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мне руку своей дочери и всё свое состояние — пятьдесят душ, кажется! Но я отвечал, что я к этому не спосо-

бен.

Вернер ушел в полной уверенности, что он меня предостерег.

Из слов его я заметил, что про меня и княжну уж распущены в городе разные дурные слухи: это Грушницкому даром не пройдет.

10-го июня.

Вот уж три дни, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гуляньи. Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон; она давно уж одета и ждет условленного знака. Мы встречаемся будто нечаянно в саду, который от наших домов спускается к колодцу. Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом. Здешние жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бываюи развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И в самом деле: здесь всё дышит уединением, здесь всё таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на пли-

ту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглою и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, — и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок; — с этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину: по ней вьется пыльная дорога. Всякий раз, как я на нее взгляну, мне всё кажется, что едет карета, а из окна кареты выглядывает розовое личико. Уж много карет проехало по этой дороге, — а той всё нет. Слободка, которая за крепостью, населилась; в ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздается до поздней ночи.

Нигде так много не пьют кахетинского вина и минеральной воды, как здесь,

Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из*

их числа.

Грушницкий с своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мною почти не кланяется.

Он только вчера приехал, а успел уже поссориться с тремя стариками, которые хотели прежде его сесть в ванну: решительно — несчастья развивают в нем воинственный дух.

11-го июня.

Наконец они приехали. Я сидел у окна, когда услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюблен?.. Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать.

Я у них обедал. Княгиня на меня смотрит очень нежно и не отходит от дочери... плохо! — Зато Вера ревнует меня к княжне: добился же я этого благополучия! Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу! Я помню, одна меня полюбила за то, что я любил другую. Нет ничего парадоксальнее женского ума: женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которые

ми они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален; чтоб выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня — но я замужем, — следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить — ибо я замужем — но он меня любит, — следовательно... тут несколько точек, ибо рассудок уж ничего не говорит, а говорят большею частью язык, глаза и вслед за ними сердце, если оное имеется.

Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине? — Клевета! — закричит она с негодованием.

С тех пор, как поэты пишут и женщины их читают (за что им глубочайшая благодарность), их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом...

Некстати было бы мне говорить о них с та-

кой злостью, — мне, который кроме их на свете ничего не любил, мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью... Но ведь я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает. Нет, всё, что я говорю о них, есть только следствие —

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости.

Кстати: Вернер намерен сравнил женщин с заколдованным лесом*, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Ерусалиме». «Только приступи, — говорил он, — на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие, общее мнение, насмешка, презрение... Надо только не смотреть, а идти прямо; — мало-по-малу

чудовища исчезают, и открывается перед тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт; — зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет, и обернешься назад».

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущельи, где протекает Подкумок, есть скала, называемая *Кольцом*; это ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал об солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок в брод. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвиг-

гаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предварить княжну Мери.

Мы были уж на середине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — проговорила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою ее гибкую талию.

— Смотрите наверх, — шепнул я ей: — это ничего, только не бойтесь, я с вами.

Ей стало лучше, она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный, мягкий стан; моя щека почти касалась ее щеки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете!.. боже мой!..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади: никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни сло-

ва, из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить... Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... о, нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности: — не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение; ваш дерзкий поступок, — я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Ответьте, говорите же, я хочу слышать ваш голос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться. — Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она: — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю...

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне. В решительности ее

взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то когда уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение. Есть минуты, когда я понимаю Вампира*!.. А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия.

Слезши с лошадей, дамы взошли к княгине; я был взволнован и поскакал в горы развеять мысли, толпившиеся в голове моей. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин; каждый шаг моей некованной лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я на-

поил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались...

В одном из домов слободки, построенном на краю оврага заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, избличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну: неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный вином, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже; Печорина надо проучить! Эти петербургские слётки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, — да, трус!

— Я думаю то же, — сказал Грушницкий. — Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин всё обратил в смешную сторону. Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться...

— Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, — сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, — о, Грушницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан. — Господа, никто здесь его не защищает? никто!.. тем лучше; хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим — только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите: вот в этом-то и

штука... Вызовет на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия, будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, чорт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано, согласны, почему же нет, — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответ Грушницкого: холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть: за что они все меня ненавидят? думал я. За что?

Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство? И я чувствовал, что ядовитая злость мало-по-малу наполняла мою душу. Берегитесь, господин Грушницкий! говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате: со мной эдак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка...

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть напрасно? — Но объяснитесь: я могу вам простить всё...

— Всё ли?..

— Всё... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают...

(ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, — сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли?

Она схватила меня за руку. Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатья.

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне: — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; — я вас не люблю...

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал неспособен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил княжне: son coeur et sa fortune!.. [34] но надо мною слово *жениться* имеет ка-

кую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться — прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне *смерть от злой жены*; это меня тогда глубоко поразило: в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере я буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже.

15-го июня.

Вчера приехал сюда фокусник *Анфельбаум*. На дверях ресторации явилась длинная

афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик, будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в 8 часов вечера, в зале благородного собрания (иначе — в ресторане); билеты по два рубля с полтиной.

Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ее больна, взяла для себя билет.

Нынче после обеда я шел мимо окон Веры; она сидела на балконе, одна; к ногам моим упала записка:

«Сегодня в десятом часу вечера приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернется. Моих людей и горничных не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. — Я жду тебя. Приходи непременно».

— А-га! — подумал я: — наконец-таки вышло по-моему.

В 8 часов пошел я смотреть фокусника. Публика собралась в исходе девятого; представление началось. В задних рядах стульев

узнал я лакеев и горничных Веры и княгини. Все были тут на-перечет. Грушницкий сидел в первом ряду с лорнетом. Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и проч.

Грушницкий мне не кланяется уж несколько времени, а нынче раза два посмотрел на меня довольно дерзко. Всё это ему припомнится, когда нам придется расплачиваться.

В исходе десятого я встал и вышел.

На дворе было темно, хоть глаз выколи. Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор; лишь изредка умирающий ветер шумел вершинами тополей, окружающих ресторацию. У окон ее толпился народ. Я спустился с горы и, повернув в ворота, прибавил шагу. Вдруг мне показалось, что кто-то идет за мною. Я остановился и осмотрелся. В темноте ничего нельзя было разобрать; однако я из осторожности обошел, будто гуляя, вокруг дома. Проходя мимо окон княжны, я услышал снова шаги за собою, и человек, завернутый в шинель, пробежал мимо меня. Это меня встревожило. Однако я прокрался к крыльцу

и поспешно взбежал на темную лестницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видал? — сказала шопотом Вера, прижавшись ко мне

— Никто!

— Теперь ты веришь ли, что я тебя люблю?.. О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты из меня делаешь всё, что хочешь.

Ее сердце сильно билось, руки были холодны, как лед. Начались упреки ревности, жалобы, — она требовала от меня, чтоб я ей во всем признался, говоря, что она с покорностью перенесет мою измену, потому что хочет единственно моего счастья. Я этому не совсем верил, но успокоил ее клятвами, обещаниями и проч.

— Так ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думает... знаешь ли, она влюблена в тебя до безумия... бедняжка!

Около двух часов пополуночи я отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну. У княжны еще горел огонь. Что-то ме-

ня толкнуло к этому окну. Занавесь был не совсем задернут, и я мог бросить любопытный взгляд во внутренность комнаты. Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики; ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; перед нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...

В эту минуту кто-то шевельнулся за кустом; я спрыгнул с балкона на дерн. Невидимая рука схватила меня за плечо. «А-га! — сказал грубый голос: — попался!.. будешь у меня к княжнам ходить ночью!..»

— Держи его крепче! — закричал другой, выскочивший из-за угла.

Это были Грушницкий и драгунский капитан.

Я ударил последнего по голове кулаком,

сшиб его с ног и бросился в кусты; все тропинки сада, покрывающего отлогость против наших домов, были мне известны.

— Воры! караул!.. — кричали они; раздался ружейный выстрел; дымящийся пыж упал почти к моим ногам.

Через минуту я был уже в своей комнате, разделся и лег. Едва мой лакей запер дверь на замок, как ко мне начали стучаться Грушницкий и капитан.

— Печорин! вы спите? здесь вы?.. — кричал капитан.

— Сплю, — отвечал я сердито.

— Вставайте, — воры... черкесы...

— У меня насморк, — отвечал я: — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я им откликнулся: они б еще с час проискали меня в саду. Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Всё зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — и, разумеется, ничего не нашли. Но многие, вероятно, остались в твердом убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников

остались бы на месте.

16-го июня.

Нынче поутру у колодца только и было толков, что об ночном нападении черкесов. Выпивши положенное число стаканов нарзана, пройдясь раз десять по длинной липовой аллее, я встретил мужа Веры, который только что приехал из Пятигорска. Он взял меня под руку, и мы пошли в ресторацию завтракать; он ужасно беспокоился о жене. «Как она перепугалась нынче ночью! — говорил он: — ведь надобно ж, чтобы это случилось именно тогда, как я в отсуствии». Мы уселись завтракать возле двери, ведущей в угловую комнату, где находилось человек десять молодежи, в числе которых был и Грушницкий. Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь. Он меня не видал, и следственно я не мог подозревать умысла; но это только увеличивало его вину в моих глазах.

— Да неужто в самом деле это были черкесы? — сказал кто-то: — видел ли их кто-нибудь?

— Я вам расскажу всю историю, — отвечал

Грушницкий, — только, пожалуйста, не выдавайте меня; вот как это было: вчерась один человек, которого я вам не назову, приходит ко мне и рассказывает, что видел в десятом часу вечера, как кто-то прокрался в дом к Лиговским. Надо вам заметить, что княгиня была здесь, а княжна дома. Вот мы с ним и отправились под окна, чтоб подстеречь счастливицу.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собеседник очень был занят своим завтраком: он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушницкий отгадал истину; но, ослепленный ревностью, он и не подозревал ее.

— Вот видите ли, — продолжал Грушницкий, — мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном, только так, чтобы попугать. До двух часов ждали в саду; наконец — уж бог знает откуда он явился, только не из окна, потому что оно не отворялось, а должно быть он вышел в стеклянную дверь, что за колонной, — наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона... Какова княжна? а? Ну, уж признаюсь, москов-

ские барышни! после этого чему же можно верить? Мы хотели его схватить, только он вырвался и как заяц бросился в кусты; тут я по нем выстрелил.

Вокруг Грушницкого раздался ропот недоверчивости.

— Вы не верите? — продолжал он: — даю вам честное, благородное слово, что всё это суцкая правда, и в доказательство я вам, пожалуйста, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто ж он! — раздалось со всех сторон.

— Печорин, — отвечал Грушницкий.

В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:

— Мне очень жаль, что я взошел после того, как вы уж дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости.

Грушницкий вскочил с своего места и хотел разгорячиться.

— Прошу вас, — продолжал я тем же тоном: — прошу вас сейчас же отказаться от ва-

ших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушные женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

Грушницкий стоял передо мною опустив глаза, в сильном волнении. Но борьба совести с самолюбием была непродолжительна. Драгунский капитан, сидевший возле него, толкнул его локтем; он вздрогнул и быстро отвечал мне, не подымая глаз:

— Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю, и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на всё...

— Последнее вы уж доказали, — отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты.

— Что вам угодно? — спросил капитан.

— Вы приятель Грушницкого и, вероятно, будете его секундантом?

Капитан поклонился очень важно.

— Вы отгадали, — отвечал он: — я даже обязан быть его секундантом, потому что оби-

да, нанесенная ему, относится и ко мне. Я был с ним вчера ночью, — прибавил он, выпрямляя свой сутуловатый стан.

— А! так это вас ударил я так неловко по голове!..

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

— Я буду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта, — прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид, будто не обращаю внимания на его бешенство.

На крыльце ресторации я встретил мужа Веры. Кажется, он меня дожидался.

Он схватил мою руку с чувством, похожим на восторг.

— Благородный молодой человек! — сказал он с слезами на глазах. — Я всё слышал; экой мерзавец! неблагодарный!.. Принимай их после этого в порядочный дом! Слава богу, у меня нет дочерей! Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте уверены в моей скромности до поры до времени, — продолжал он: — я сам был молод и служил в военной службе; знаю, что в эти дела не

должно вмешиваться. Прощайте.

Бедняжка! радуется, что у него нет дочерей...

Я пошел прямо к Вернеру, застал его дома и рассказал ему всё — отношения мои к Вере и княжне, и разговор, подслушанный мною, из которого я узнал намерение этих господ подурочить меня, заставив стреляться холостыми зарядами. Но теперь дело выходило из границ шутки; они, вероятно, не ожидали такой развязки.

Доктор согласился быть моим секундантом; я дал ему несколько наставлений насчет условий поединка; он должен был настоять на том, чтоб дело обошлось как можно секретнее, потому что хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире.

После этого я пошел домой. Через час доктор вернулся из своей экспедиции.

— Против вас, точно, есть заговор, — сказал он. — Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, которого фамилии не помню; я на минуту остановился

в передней, чтоб снять калоши; у них был ужасный шум и спор... «Ни за что не соглашусь! — говорил Грушницкий: — он меня оскорбил публично — тогда было совсем другое...» — «Какое тебе дело? — отвечал капитан: — я все беру на себя. Я был секундантом на 5 дуэлях, и уж знаю, как это устроить. Я всё придумал. Пожалуйста, только мне не мешай. Пострадать не худо. А зачем подвергать себя опасности, если можно избавиться?..» — В эту минуту я взошел. Они вдруг замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконец мы решили дело вот как: верстах в пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поедут завтра в 4 часа утра, а мы выедем полчасика после них; стреляться будете на 6 шагах — этого требовал сам Грушницкий. Убитого — на счет черкесов. Теперь вот какие у меня подозрения: они, то есть секунданты, должно быть, несколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулею один пистолет Грушницкого. Это немножко похоже на убийство, но в военное время, и особенно в азиатской войне, хитрости позволяются; только Грушницкий, кажется, по-благороднее своих

товарищей. Как вы думаете? должны ли мы показать им, что догадались?

— Ни за что на свете, доктор; будьте спокойны, я им не поддамся.

— Что же вы хотите делать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... ведь на 6 шагах!

— Доктор, я вас жду завтра в 4 часа; лошади будут готовы... Прощайте.

Я до вечера просидел дома, запершись в своей комнате. Приходил лакей звать меня к княгине, — я велел сказать, что болен. . . .

Два часа ночи. Не спится. А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем на 6 шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жеребий!.. и тогда... тогда... что если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И немудрено: она так

долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть, так умереть: потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова? — прощайте!

Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначенья, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаленья... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удоволь-

ствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться. Так томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вины; он пожирает с восторгом воздушные дары воображенья, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле.... Одни скажут: он был добрый мальчик, другие — мерзавец!.. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а всё живешь — из любопытства; ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!

* * *

Вот уже полтора месяца, как я в крепости N; Максим Максимыч ушел на охоту. Я один; сижу у окна; серые тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном. Холодно, ветер свищет и колеблет

ставни. Скучно. Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями.

Перечитываю последнюю страницу: смешно! — Я думал умереть; это было невозможно: я еще не осушил чаши страданий, и теперь чувствую, что мне еще долго жить.

Как всё прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время.

Я помню, что в продолжение ночи, предшествовавшей поединку, я не спал ни минуты. Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Валтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские Пуритане». Я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом. Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?..

Наконец рассвело. Нервы мои успокоились. Я посмотрелся в зеркало: тусклая бледность покрывала лицо мое, хранившее следы мучительной бессоницы; но глаза, хотя окру-

женные коричневою тенью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволен собою.

Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!..

Возвратясь, я нашел у себя доктора. На нем были серые рейтузы, архалук и черкесская шапка. Я расхохотался, увидав эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой; у него лицо вовсе не воинственное, а в этот раз оно было еще длиннее обыкновенного.

— Отчего вы так печальны, доктор? — сказал я ему. — Разве вы сто раз не провожали людей на тот свет с величайшим равнодушием? Вообразите, что у меня желчная горячка! я могу выздороветь, могу и умереть: то и другое в порядке вещей. Старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, вам еще неизвестной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени: вы можете надо мною сделать теперь

несколько важных физиологических наблюдений... Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?

Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.

Мы сели верхом; Вернер уцепился за поводья обеими руками, и мы пустились. Мигом проскакали мимо крепости через слободку и въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем, через который нужно было переправляться в брод, к великому отчаянию доктора, потому что лошадь его каждый раз в воде останавливалась.

Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томленье. В ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня: он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем. Я помню, — в этот раз, боль-

ше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь всё становился уже, утесы синее и страшнее, и наконец они, казалось, сходились непроницаемою стеной. Мы ехали молча.

— Написали ли вы свое завещание? — вдруг спросил Вернер.

— Нет.

— А если будете убиты?..

— Наследники отыщутся сами.

— Неужели у вас нет друзей, которым бы вы хотели послать свое последнее прощание?..

Я покачал головой.

— Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, доктор, — отвечал я ему, — чтоб я раскрыл вам мою душу?.. Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напомаженных или ненапомаженных волос.

Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе; иные не делают и этого. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, взведут на мой счет бог знает какие небывлицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нем ревности к усопшему, — бог с ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй... Посмотрите, доктор: видите ли вы на скале направо чернеются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились рысью.

У подошвы скалы в кустах были привязаны три лошади; мы своих привязали тут же, а сами по узкой тропинке взобрались на площадку, где ожидал нас Грушницкий с драгунским капитаном и другим своим секундан-

том, которого звали Иваном Игнатьевичем; фамилии его я никогда не слыхал.

— Мы давно уж вас ожидаем, — сказал драгунский капитан с иронической улыбкой.

Я вынул часы и показал ему.

Он извинился, говоря, что его часы уходят.

Несколько минут продолжалось затруднительное молчание; наконец доктор прервал его, обратясь к Грушницкому:

— Мне кажется, — сказал он, — что, показав оба готовность драться и заплатив этим долг условиям чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дело полюбовно.

— Я готов, — сказал я.

Капитан мигнул Грушницкому, и этот, думая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор, как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условия, — сказал он, — и всё, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...

— Вот мои условия: вы нынче же публич-

но откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...

— Милостивый государь, я удивляюсь, как вы смеете мне предлагать такие вещи?..

— Что ж я вам мог предложить, кроме этого?..

— Мы будем стреляться...

Я пожал плечами.

— Пожалуй: только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

— Я желаю, чтоб это были вы...

— А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал.

Капитан взял его под руку и отвел в сторону; они долго шептались. Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но всё это начинало меня бесить.

Ко мне подошел доктор.

— Послушайте, — сказал он с явным беспокойством: — вы, верно, забыли про их заговор?.. Я не умею зарядить пистолета, но в этом случае... Вы странный человек! Скажите им, что вы знаете их намерение, и они не посмеют... Что за охота! подстрелят вас, как птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор, и погодите... Я всё так устрою, что на их стороне не будет никакой выгоды. Дайте им пошептаться...

— Господа, это становится скучно! — сказал я им громко: — драться, так драться; вы имели время вчера наговориться...

— Мы готовы, — отвечал капитан. — Становитесь, господа!.. Доктор, извольте отмерить шесть шагов...

— Становитесь! — повторил Иван Игнатьич пискливым голосом.

— Позвольте! — сказал я: — еще одно условие; так как мы будем драться на смерть, то мы обязаны сделать всё возможное, чтоб это осталось тайною и чтоб секунданты наши не были в ответственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом даже легкая рана будет смертельна; это должно быть согласно с

вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов. Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет. И тогда можно будет очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жеребий, кому первому стрелять... Объявляю вам в заключение, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй, — сказал капитан, посмотрев выразительно на Грушницкого, который кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух или сделаться убийцей, или наконец оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капи-

тан от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак, — сказал он Грушницкому довольно громко: — ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!»

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скал составляли шаткие ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, а потом мы с доктором.

— Я вам удивляюсь, — сказал доктор, пожав мне крепко руку. — Дайте пощупать пульс!.. о-го! лихорадочный... но на лице ничего не заметно... только глаза у вас блестят ярче обыкновенного.

Вдруг мелкие камни с шумом покатались нам под ноги. Что это? Грушницкий спотыкнулся, ветка, за которую он уцепился, изломилась, и он скатился бы вниз на спине, если б его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричал я ему: — не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря*!

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы: площадка была покрыта мелким

песком, будто нарочно для поединка.

Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльборус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась: там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник. От выдавшегося угла отмерили 6 шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу, спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда всё устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торже-

ствовать!.. Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала: кто не заключал таких условий с своею совестью?

— Бросьте жеребий, доктор, — сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

— Решетка! — закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

— Орел! — сказал я.

Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней.

— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому: — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь! — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на

воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора, — шепнул мне доктор, дергая за рукав: — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то всё пропало... Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку: — вы всё испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О! это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь.

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то, другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колена его дрожали. Он целил мне прямо в лоб.

Неизъяснимое бешенство закипело в гру-

ди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту:

— Не могу, — сказал он глухим голосом.

— Трус! — отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

— Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся, — сказал капитан: — теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! — Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха: — Не бойся, — прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, — всё вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличной важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого роду чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшая-

ся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить, как собаку; ибо раненый в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

— Я вам советую перед смертью помолиться богу, — сказал я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

— И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

— Господин Печорин! — закричал драгунский капитан: — вы здесь не для того, чтоб исповедывать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью — и нас увидят.

— Хорошо. Доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор.

— Доктор, эти господа, вероятно второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, — и хорошенько!

— Не может быть! — кричал капитан: — не может быть! я зарядил оба пистолета, — разве что из вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! — А вы не имеете права переряжать... никакого права... это совершенно против правил, — я не позволю...

— Хорошо, — сказал я капитану: — если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях...

Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь их! — сказал он, наконец, капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора. — Ведь ты сам знаешь, что они

правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки, — Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне.

Увидав это, капитан плюнул и топнул ногой: «Дурак же ты, братец, — сказал он: — пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха...» Он отвернулся и, отходя, пробормотал: «а всё-таки это совершенно против правил».

— Грушницкий, — сказал я: — еще есть время. Откажись от своей клеветы, и я тебе прощу всё; тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено, — вспомни, мы были когда-то друзьями.

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стреляйте, — отвечал он. — Я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...

Я выстрелил.

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом

еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

— *Finita la comedia!*[35] — сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза.

Отвязав лошадь, я шагом пустился домой. У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели.

Не доезжая слободки, я повернул направо по ущелью. Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один. Бросив поводья и опустив голову на грудь, я ехал долго, наконец очутился в месте, мне вовсе незнакомом. Я повернул коня назад и стал отыскивать дорогу; уж солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него — другую... от Веры.

Я распечатал первую: она была следующе-

го содержания.

«Всё устроено как можно лучше: тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута. Все уверены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендант, которому, вероятно, известна ваша ссора, покачал головой — но ничего не сказал. Доказательств против вас нет никаких, и вы можете спать спокойно, *если можете*. Прощайте».

Я долго не решался открыть вторую записку... Что могла она мне писать?.. Тяжелое предчувствие волновало мою душу.

Вот оно, это письмо, которого каждое слово неизгладимо врезалось в моей памяти:

«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилося снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью; я обязана сказать тебе всё, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обви-

нять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла с начала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, независящую ни от каких условий; прошло с тех пор много времени, я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей; она потемнела, но не угасла.

«Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого; моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть

власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, — и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном.

«Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

«Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться, и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... Но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню толь-

ко, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету... Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж любить, — нет, только помнить... Прощай: идут... я должна спрятать письмо...

«Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? — Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла всё на свете...»

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал,

задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку... Я молился, проклинал, плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния !.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья. Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я всё скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Оставалось 5 верст до Есентуков, казачей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на 10 минут! Но вдруг, поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, держая за повод — напрасно; едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрез несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду. Попробо-

вал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал.

И долго я лежал неподвижно, и плакал, горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, всё мое хладнокровие — исчезли, как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горящую голову, и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Всё к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти 15 верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в 5 часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул арха-лук, и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огни в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас всё было тихо; в доме княгини было темно.

Взошел доктор. Лоб у него был нахмурен, и он против обыкновения не протянул мне руки.

— Откуда вы, доктор?

— От княгини Лиговской; дочь ее больна — расслабление нервов! Да не в этом дело, а вот что. Начальство догадывается, и хотя

ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за ее дочь. Ей всё этот старичок рассказал: — как бишь его? — Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришел вас предупредить. Прощайте, может быть мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь...

Он на пороге остановился, ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень — и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость N, я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? я отвечал, что желаю ей быть счастливой, и проч.

— А мне нужно с вами поговорить очень серьезно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так прерывистым голосом:

— Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

— Я даже в этом уверена, — продолжала она, — хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за нее, следовательно рисковали жизнью... Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признаетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). Бог ему простит — и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается... я не смею осуждать вас, потому что

дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мне всё сказала... я думаю, всё, вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей! (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает; она не признается, но я уверена, что вы этому причиной... Послушайте, вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, — разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение не завидно, но оно может поправиться, — вы имеете состояние, вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, — я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь — вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, — сказал я: — мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью, — наедине...

— Никогда! — воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

— Как хотите, — отвечал я, приготавливаясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот двери отворились, и вошла она. Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее, мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я: — вы знаете, что я над вами смеялся!.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал: — Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой, — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите, — сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкой: — вы сами видите, что я не могу на вас жениться; если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот всё, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели — я ему покоряюсь. Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы

меня и любили, то с этой минуты презираете ?..

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска.

За несколько верст от Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно проезжим казаком, — и вместо седла на спине его сидели два ворона. — Я вздохнул и отвернулся!..

И теперь здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное... Нет! я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он хо-

дит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

Фаталист*

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор против обыкновения был занимателен. Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro[36] или contra[37].

— Всё это, господа, ничего не доказыва-

ет, — сказал старый майор: — ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми вы подтверждаете свои мнения...

— Конечно никто! — сказали многие: — но мы слышали от верных людей...

— Всё это вздор! — сказал кто-то: — где эти верные люди, видевшие список, на котором означен час нашей смерти?.. И если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?..

В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал и, медленно подойдя к столу, скинул всех спокойным и торжественным взглядом. Он был родом серб, как видно было из его имени.

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронзительные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, — всё это будто согласовалось для того, чтоб придать ему вид существа особенного, неспособного делиться мыслями и страстями

с теми, которых судьба дала ему в товарищи.

Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн, вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками, которых прелесть трудно постигнуть, не выдав их, он никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна к его выразительным глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали.

Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал всё, и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк; ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу. Все вскочили и бросились к оружию. «Поставь ва-банк!» — кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтёров. — «Идет семерка», — отвечал тот, убегая. Несмотря на всеобщую суматоху Вулич докинул талью. Карта была дана.

Когда он явился в цепь, там была уж сильная перестрелка. Вулич не заботился ни о пу-

лях, ни о шашках чеченских: он отыскивал своего счастливого понтёра.

— Семерка дана! — закричал он, увидав его, наконец, в цепи застрельщиков, которые начинали вытеснять из лесу неприятеля, и, подойдя ближе, он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливцу, несмотря на возражения о неуместности платежа. Исполнив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами.

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа, — сказал он (голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного): — господа, к чему пустые споры? Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мне, не мне! — раздалось со всех сторон: — вот чудак! придет же в голову!..

— Предлагаю пари, — сказал я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нет предопределения, — сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев, всё, что было у меня в кармане.

— Держу, — отвечал Вулич глухим голосом. — Майор, вы будете судьей; вот 15 червонцев, остальные пять вы мне должны и сделаете мне дружбу прибавить их к этим.

— Хорошо, — сказал майор: — только не понимаю, право, в чем дело... и как вы решите спор...

Вулич молча вышел в спальню майора. Мы за ним последовали. Он подошел к стене, на которой висело оружие, и наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов; мы еще его не понимали; но когда он взвел курок и насыпал на полку пороху, то многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки.

— Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие! — закричали ему.

— Господа, — сказал он медленно, освобождая свои руки: — кому угодно заплатить за меня 20 червонцев?

Все замолчали и отошли.

Вулич вышел в другую комнату и сел у сто-

ла. Все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись. Но несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его: я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете, — сказал я ему. Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть да — может быть и нет...

Потом, обратясь к майору, спросил, заряжен ли пистолет. Майор в замешательстве не помнил хорошенько.

— Да полно, Вулич! — закричал кто-то: — уж верно заряжен, коли в головах висел... что за охота шутить!..

— Глупая шутка, — подхватил другой.

— Держу 50 рублей против пяти, что пистолет не заряжен! — закричал третий.

Составились новые пари.

Мне надоела эта длинная церемония.

— Послушайте, — сказал я: — или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдете спать.

— Разумеется, — воскликнули многие, — пойдете спать.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места, — сказал Вулич, приставя дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин, — прибавил он: — возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось, все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава богу, — вскрикнули многие: — не заряжен...

— Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном, — выстрел раздался, дым наполнил комнату! Когда он рассеялся, сняли фуражку; она была пробита в самой середине, и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить. Вулич преспокойно пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

Пошли толки о том, отчего пистолет в первый раз не выстрелил; иные утверждали, что вероятно полка была засорена, другие говорили шопотом, что прежде порох был сырой, и что после Вулич присыпал свежего; но я утверждал, что последнее предположение несправедливо, потому что я во все время не спускал глаз с пистолета.

— Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу...

— В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь: — это лучше банка и штосса.

— Зато немножко опаснее.

— А что, вы начали верить предопределению?

— Верю... только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился.

— Однако ж довольно, — сказал он вставая: — пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны... — Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным, — и не даром!..

Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хотел застрелиться; как будто он без меня не мог найти удобного случая!..

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ни-

чтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником. Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность, и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою.

И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем: я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? — одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал неволью в их ко-

лею; но я остановил себя во-время на этом опасном пути, и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не веритьяся слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упал, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но по видимому неживое. Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? предо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой. . . . Едва я успел ее рассмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка; один подошел ко мне и спросил, не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойник! — сказал второй казак: — как напьется чихиря, так и пошел крошить всё, что ни попало. Пойдем за ним, Еремеич, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжал свой путь с большей осторожностью и, наконец, счастливо добрался до своей квартиры.

Я жил у одного старого урядника, которого

любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она по обыкновению дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась — но мне было не до нее. «Прощай, Настя», — сказал я, проходя мимо. Она хотела что-то ответить, но только вздохнула.

Я затворил за собою дверь моей комнаты, засветил свечу и бросился на постель; только сон на этот раз заставил себя ждать более обыкновенного. Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но видно было написано на небесах, что в эту ночь я не высплюсь. В 4 часа утра два кулака застучали ко мне в окно. Я вскочил: что такое?.. «Вставай, одевайся!» — кричало мне несколько голосов. Я наскоро оделся и вышел. «Знаешь, что случилось?» — сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны, как смерть.

— Что?

— Вулич убит.

Я остолбенел.

— Да, убит, — продолжали они: — пойдём скорее.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Мы пошли. Они рассказали мне всё, что случилось, с примесью разных замечаний насчет странного предопределения, которое спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулич шел один по темной улице; на него наскочил пьяный казак, изрубивший свинью, и, может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: «кого ты, братец, ищешь?» — Тебя! — отвечал казак, ударив его шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца. . . Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня, я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины.

Убийца заперся в пустой хате на конце ста-

ницы. Мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону. По временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас. Суматоха была страшная.

Вот, наконец, мы пришли: смотрим, вокруг хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою; женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди их бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние; она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый. Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно при-

помятая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится. В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч, — сказал есаул: — так уж нечего делать, покорись.

— Не покорюсь, — отвечал казак.

— Побойся бога, ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; — ну уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь.

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка, — сказал есаул старухе: — поговори сыну: авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович, — сказал есаул, по-

дойдя к майору: — он не сдастся: я его знаю. А если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? в ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу я вздумал испытать судьбу.

— Погодите, — сказал я майору: — я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить и броситься мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну. Сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул: — что ты над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы: я, приложив глаз к щели, следил за движениями казака, не ожидавшего с этой стороны нападения, — и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схва-

тил его за руки; казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уж связан и отведен под конвоем. Народ разошелся. Офицеры меня поздравляли — и точно, было с чем!

После всего этого, как бы, кажется, не сделаться фаталистом? но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив; что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу всё, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения; он сначала не понимал этого слова, но я объяснил его как мог, и тогда он сказал, значительно покачав головою:

— Да-с! конечно-с! — это штука довольно мудреная! Впрочем эти азиатские курки ча-

сто осекаются, если дурно смазаны, или недостаточно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны, — приклад маленький, того и гляди нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!..

Потом он примолвил, несколько подумав:

— Да, жаль беднягу... Чорт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано

...

Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений.

Конец

Кавказец*

Во-первых, что такое именно кавказец и какие бывают кавказцы?

Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России. Ему большею частью от 30 до 45 лет; лицо у него загорелое и немного рябоватое; если он не штабс-капитан, то уж верно майор. Настоящих кавказцев вы находите на Линии; за горами, в Грузии, они имеют другой оттенок; статские кавказцы редки; они большею частью неловкое подражание, и если вы между ними встретите *настоящего*, то разве только между полковых медиков.

Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До 18 лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером; он потихоньку в классах читал «Кавказского Пленника» и воспламенился страстью к Кавказу. Он с 10 товарищами был отправлен туда на казенный счет с большими надеждами и

маленьким чемоданом. Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плетть на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал, и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днем, ни ночью. Наконец он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует, в казачку пока до экспедиции; всё прекрасно! сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет: всё одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды.

Между тем хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки; он также на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо; в экспедицию он больше не напрашивается: старая рана болит! Казачки его не прельщают, он одно время мечтал о пленной черкешенке, но теперь забыл и эту почти несбыточную мечту. Зато у него явилась новая страсть, и тут-то он делается настоящим кавказцем.

Эта страсть родилась вот каким образом: последнее время он подружился с одним мирным черкесом; стал ездить к нему в аул. Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая

гурда, кинжал — старый базалай, пистолет за- кубанской отделки, отличная крымская вин- товка, которую он сам смазывает, лошадь — чистый Шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной ло- шади и ржавой винтовке, и очень любит по- свящать других в таинства азиатских обыча- ев. С ним бывали разные казусы предивные, только послушайте. Когда новичок покупает оружие или лошадь у его приятеля узденя, он только исподтишка улыбается. О горцах он вот как отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, за- то уж кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный, только всё с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать... хотя и чисто живут, очень чисто!»

Надо иметь предубеждение кавказца, что- бы отыскать что-нибудь чистое в черкесской сакле.

Опыт долгих походов не научил его изобретательности, свойственной вообще армейским офицерам; он франтит своей беспечно-стью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собой только чайник, и редко на его бивачном огне варятся щи. Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате, и на голове баранью шапку; у него сильное предубеждение против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую Андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением. По его словам, его лошадь скачет удивительно — вдаль! поэтому-то он с вами не захочет скакаться только на 15 верст. Хотя ему порой служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень

приятна.

Но годы бегут, кавказцу уже 40 лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во-время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет *на пенсион*; это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в нее пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтоб поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его ни беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу; на Кавказе он скромнен — но, ведь, кто ж ему в России докажет, что лошадь не может проскакать одним духом 200 верст и что никакое ружье не возьмет на 400 сажень в цель? Но увы, большею частью он слагает свои косточки в земле басурманской. Он женится редко, а если судьба и

обременит его супругой, то он старается перейти в гарнизон и кончает дни свои в какой-нибудь крепости, где жена предохраняет его от гибельной для русского человека привычки.

Теперь еще два слова о других кавказцах, *не настоящих*. Грузинский кавказец отличается тем от настоящего, что очень любит кахетинское и широкие шелковые шаровары. Статский кавказец редко облачается в азиатский костюм; он кавказец более душою, чем телом: занимается археологическими открытиями, толкует о пользе торговли с горцами, о средствах к их покорению и образованию. Послужив там несколько лет, он обыкновенно возвращается в Россию с чином и красным носом.

Штосс*

1

У графа В... был музыкальный вечер*. Первые артисты столицы платили своим искусством за честь аристократического приема; в числе гостей мелька<ло> несколько литераторов и ученых; две или три модные красавицы; несколько барышень и старушек и один гвардейский офицер*. Около десятка доморощенных львов красовалось в дверях второй гостиной и у камина; всё шло своим чередом; было ни скучно, ни весело.

В ту самую минуту как новоприезжая певица* подходила к роялю и разворачивала ноты... одна молодая женщина зевнула, встала и вышла в соседнюю комнату, на это время опустевшую. На ней было черное платье, кажется по случаю придворного траура. На плече, пришпиленный к голубому банту, сверкал бриллиантовый вензель; она была среднего роста, стройна, медленна и ленива в своих движениях; черные, длинные, чудесные волосы оттеняли ее еще молодое правильное, но бледное лицо, и на этом лице сияла печать

МЫСЛИ.

— Здравствуйте, мсье Лугин, — сказала Минская* кому-то; я устала... скажите что-нибудь! — и она опустилась в широкое пате возле камина: тот, к кому она обращалась, сел против нее и ничего не отвечал. В комнате их было только двое, и холодное молчание Лугина показывало ясно, что он не принадлежал к числу ее обожателей.

— Скучно, — сказала Минская и снова зевнула: — вы видите, я с вами не церемонюсь! — прибавила она.

— И у меня сплин! — ... отвечал Лугин.

— Вам опять хочется в Италию? — сказала она после некоторого молчания. — Не правда ли?

Лугин в свою очередь не слышал вопроса; он продолжал, положив ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на беломраморные плечи своей собеседницы: — Вообразите, какое сомной несчастье: что может быть хуже для человека, который, как я, посвятил себя живописи! — вот уже две недели, как все люди мне кажутся желтыми, — и одни только люди! добро бы все предметы; тогда была бы гармо-

ния в общем колорите; я бы думал, что гуляю в галерее испанской школы. Так нет! всё остальное как и прежде; одни лица изменились; мне иногда кажется, что у людей вместо голов лимоны.

Минская улыбнулась. — Призовите доктора, — сказала она.

— Докторá не помогут — это сплин!

— Влюбитесь! — (Во взгляде, который сопровождал это слово, выражалось что-то похожее на следующее: «мне бы хотелось его немножко помучить!»)

— В кого?

— Хоть в меня!

— Нет! вам даже кокетничать со мною было бы скучно — и потом, скажу вам откровенно, ни одна женщина не может меня любить.

— А эта, как бишь ее, итальянская графиня, которая последовала за вами из Неаполя в Милан?..

— Вот видите, — отвечал задумчиво Лугин, — я сужу других по себе и в этом отношении, уверен, не ошибаюсь. Мне точно случилось возбуждать в иных женщинах все признаки страсти — но так как я очень знаю, что

в этом обязан только искусству и привычке кстати трогать некоторые струны человеческого сердца, то и не радуюсь своему счастью; — я себя спрашивал, могу ли я влюбиться в дурную? вышло нет; — я дурен — и следовательно женщина меня любить не может, это ясно; артистическое чувство развито в женщинах сильнее, чем в нас, они чаще и долее нас покорны первому впечатлению; если я умел подогреть в некоторых то, что называют капризом, то это стоило мне невероятных трудов и жертв — но так как я знал поддельность чувства, внушенного мною, и благодарил за него только себя, то и сам не мог забиться до полной, безотчетной любви: к моей страсти примешивалось всегда немного злости; — всё это грустно — а правда!..

— Какой вздор! — сказала Минская, — но, окинув его быстрым взглядом, она невольно с ним согласилась.

Наружность Лугина была в самом деле ничуть не привлекательна. Несмотря на то, что в странном выражении глаз его было много огня и остроумия, вы бы не встретили во всем его существе ни одного из тех условий, кото-

рые делают человека приятным <в> обществу; он был неловко и грубо сложен; говорил резко и отрывисто; большие и редкие волосы на висках, неровный цвет лица, признаки постоянного и тайного недуга, делали его на вид старее, чем он был в самом деле; он три года лечился в Италии от ипохондрии, — и хотя не вылечился, но по крайней мере нашел средство развлекаться с пользой: он пристрастился к живописи; природный талант, сжатый обязанностями службы, развился в нем широко и свободно под животворным небом юга, при чудных памятниках древних учителей. Он вернулся истинным художником, хотя одни только друзья имели право наслаждаться его прекрасным талантом. В его картинах дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство: на них была печать той горькой поэзии, которую наш бедный век выжимал иногда из сердца ее первых проповедников.

Лугин уже два месяца как вернулся в Петербург. Он имел независимое состояние, мало родных и несколько старинных знакомств в высшем кругу столицы, где и хотел провести зиму. Он бывал часто у Минской: ее кра-

сота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением. Но любви между ними не было и в помине.

Разговор их на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. Заезжая певица пела балладу Шуберта на слова Гёте: «Лесной царь». Когда она кончила, Лугин встал.

— Куда вы? — спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Он опять сел.

— Знаете ли, — сказал он с какою-то важностью, — что я начинаю сходить с ума?

— Право?

— Кроме шуток. Вам это можно сказать, вы надо мною не будете смеяться. Вот уже несколько дней, как я слышу голос. Кто-то мне твердит на ухо с утра до вечера — и как вы думаете что? — адрес: — вот и теперь слышу: в Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титулярного сове<тника> Штосса, квартира номер 27. — И так шибко, шибко, — точно торопится... несносно!..

Он побледнел. Но Минская этого не заметила.

— Вы, однако, не видите того, кто говорит? — спросила она рассеянно.

— Нет. Но голос звонкий, резкий, дишкант.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? я не могу сказать наверное... не знаю... ведь это право презабавно! — сказал он, принужденно улыбаясь.

— У вас кровь приливает к голове, и в ушах звенит.

— Нет, нет. Научите, как мне избавиться?

— Самое лучшее средство, — сказала Минская, подумав с минуту, — идти к Кокушкину мосту, отыскать этот номер, и так как, верно, в нем живет какой-нибудь сапожник, или часовой мастер, — то для приличия закажите ему работу, и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы в самом деле нездоровы!.. — прибавила она, взглянув на его встревоженное лицо с участием.

— Вы правы, — отвечал угрюмо Лугин, — я непременно пойду.

Он встал, взял шляпу и вышел.

Она посмотрела ему вслед с удивлением.

Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены; извозчики на биржах дремали под рыжими полостями своих саней; мокрая длинная шерсть их бедных кляч завивалась барашком; туман придавал отдаленным предметам какой-то серо-лиловый цвет. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, — да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картины встретили бы вы только в глухих частях города, как например... у Кокушкина моста. Через этот мост шел человек среднего роста, ни худой, ни толстый, не стройный, но с широкими плечами, в пальто, и вообще одетый со вкусом; жалко было видеть его лакированные сапоги, вымоченные снегом и грязью; но он, казалось, об этом нимало не заботился; засунув руки в карманы, повеся голову, он шел неровными шагами, как будто боялся достигнуть цель своего путе-

шествия, или не имел ее вовсе. На мосту он остановился, поднял голову и осмотрелся. То был Лугин. Следы душевной усталости виднелись на его измятом лице, в глазах горело тайное беспокойство.

— Где Столярный переулок? — спросил он нерешительным голосом у порожнего извозчика, который в эту минуту проезжал мимо его шагом, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую.

Извозчик посмотрел на него, хлыстнул лошадь кончиком кнута и проехал мимо.

Ему это показалось странно. Уж полно, есть ли Столярный переулок? Он сошел с моста и обратился с тем же вопросом к мальчику, который бежал с полуштофом через улицу.

— Столярный? — сказал мальчик, — а вот идите прямо по Малой Мещанской, и тотчас направо, — первый переулок и будет Столярный.

Лугин успокоился. Дойдя до угла, он повернул направо и увидал небольшой грязный переулок, в котором с каждой стороны было не больше 10 высоких домов. Он постучал в

дверь первой мелочной лавочки и, вызвав лавочника, спросил: «Где дом Штосса?»

— Штосса? Не знаю, барин, здесь этаких нет; а вот здесь рядом есть дом купца Блинникова, — а подалее...

— Да мне надо Штосса...

— Ну не знаю, — Штосса! — сказал лавочник, почесав затылок, — и потом прибавил: — нет, не слыхать-с!

Лугин пошел сам посмотреть надписи; что-то ему говорило, что он с первого взгляда узнает дом, хотя никогда его не видал. Так он добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ничем не поразила его воображения, как вдруг он кинул случайно глаза на противоположную сторону улицы, и увидел над одними воротами жестяную доску вовсе без надписи.

Он подбежал к этим воротам — и сколько ни рассматривал не заметил ничего похожего даже на следы стертой временем надписи; доска была совершенно новая.

Под воротами дворник в долгополом полинявшем кафтане, с седой давно небритой бородою, без шапки и подпоясанный грязным

фартуком, разметал снег.

— Эй! дворник, — закричал Лугин.

Дворник что-то проворчал сквозь зубы.

— Чей это дом?

— Продан! — отвечал грубо дворник.

— Да чей он был.

— Чей? — Кифейкина, купца.

— Не может быть, верно Штосса! — вскрикнул невольно Лугин.

— Нет, был Кифейкина — а теперь так Штосса!* — отвечал дворник, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, как будто предчувствуя несчастье. Должен ли он был продолжать свои исследования? не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться в таком положении, тот с трудом поймет его: любопытство, говорят, стубило род человеческий, оно и поныне наша главная, первая страсть, так что даже все остальные страсти могут им объясниться. Но бывают случаи, когда таинственность предмета дает любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному с горы

сильною рукою, мы не можем остановить — хотя видим нас ожидающую бездну.

Лугин долго стоял перед воротами. Наконец обратился к дворнику с вопросом.

— Новый хозяин здесь живет?

— Нет.

— А где же?

— А чорт его знает.

— Ты уж давно здесь дворником?

— Давно.

— А есть в этом доме жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста, — сказал Лугин после некоторого молчания, сунув дворнику целковый, — кто живет в 27 номере?

Дворник поставил метлу к воротам, взял целковый и пристально посмотрел на Лугина.

— В 27 номере?.. да кому там жить! — он уж бог знает сколько лет пустой.

— Разве его не нанимали?

— Как не нанимать, сударь, — нанимали.

— Как же ты говоришь, что в нем не живут!

— А бог их знает! так-таки не живут. Най-

мут на год — да и не переезжают.

— Ну а кто его последний нанимал?

— Полковник, из анженеров, что ли!

— Отчего же он не жил?

— Да переехал было... а тут говорят, его послали в Вятку — так номер пустой за ним и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанял какой-то барон, из немцев — да этот и не переезжал; слышно, умер.

— А прежде барона?

— Нанимал купец для какой-то своей... гм! — да обанкрутился, так у нас и задаток остался...

«Странно!» — подумал Лугин.

— А можно посмотреть номер?

Дворник опять пристально взглянул на него.

— Как нельзя? — можно! — отвечал он и пошел переваливаясь за ключами.

Он скоро возвратился и повел Лугина во второй этаж по широкой, но довольно грязной лестнице. Ключ заскрипел в заржавленном замке, и дверь отворилась; им в лицо

пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла из четырех комнат и кухни. Старая пыльная мебель, некогда позолоченная, была правильно расставлена кругом стен, обтянутых обоями, на которых изображены были на зеленом грунте красные попугаи и золотые лиры; изразцовые печи кое-где порастрескались; сосновый пол, выкрашенный под паркет, в иных местах скрипел довольно подозрительно; в простенках висели овальные зеркала с рамками рококо; вообще комнаты имели какую-то странную несовременную нарядность.

Они, не знаю почему, понравились Лугину.

— Я беру эту квартиру, — сказал он. — Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины! — да надо хорошенько вытопить... — В эту минуту он заметил на стене последней комнаты поясной портрет, изображающий человека лет сорока в бухарском халате, с правильными чертами, большими серыми глазами; в правой руке он держал золотую табакерку необыкновенной величины. На пальцах красовалось множество разных перстней. Казалось, этот портрет пи-

сан несмелой ученической кистью, платье, волосы, рука, перстни, всё было очень плохо сделано; зато в выражении лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать: в линии рта был какой-то неуловимый изгиб, недоступный искусству, и конечно начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случилось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! вам не удастся; попробуйте на стене обрисовать карандашом силуэт, вас так сильно поразивший, — и очарование исчезает; рука человека никогда с намерением не произведет этих линий; математически малое отступление — и прежнее выражение погибло невозвратно В лице портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только гению или случаю.

«Странно, что я заметил этот портрет толь-

ко в ту минуту, как сказал, что беру квартиру!» — подумал Лугин.

Он сел в кресла, опустил голову на руку и забылся.

Долго дворник стоял против него, помахивая ключами.

— Что ж, барин? — проговорил он наконец.

— А!

— Как же? — коли берете, так пожалуйста задаток.

Они условились в цене, Лугин дал задаток, послал к себе приказанием сейчас же перевозиться, а сам просидел против портрета до вечера; в 9 часов самые нужные вещи были перевезены из гостиницы, где жил до сей поры Лугин.

«Вздор, чтоб на этой квартире нельзя было жить», — думал Лугин. «Моим предшественникам видно не суждено было в нее перебраться — это конечно странно! — Но я взял свои меры; переехал тотчас! — что-ж? — ничего!»

До двенадцати часов он с своим старым камердинером Никитой расставлял вещи...

Надо прибавить, что он выбрал для своей спальни комнату, где висел портрет.

Перед тем чтоб лечь в постель, он подошел со свечой к портрету, желая еще раз на него взглянуть хорошенько, и прочитал внизу вместо имени живописца красными буквами: *Середа*. —

— Какой нынче день, — спросил он Никиту.

— Понедельник, сударь...

— Послезавтра среда! — сказал рассеянно Лугин.

— Точно так-с!..

Бог знает почему Лугин на него рассердился.

— Пошел вон! — закричал он, топнув ногою.

Старый Никита покачал головою и вышел.

После этого Лугин лег в постель и заснул.

На другой день утром привезли остальные вещи и несколько начатых картин.

3

В числе недоконченных картин, большею частью маленьких, была одна размера довольно значительного; посреди холста, исчер-

ченного углем, мелом и загрунтованного зелено-коричневой краской, эскиз женской головки остановил бы внимание знатока; но несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита она поражала неприятно чем-то неопределенным в выражении глаз и улыбки; видно было, что Лугин перерисовывал ее в других видах и не мог остаться довольным, потому что в разных углах холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской. То не был портрет; может быть, подобно молодым поэтам, вздыхающим по небывалой красавице, он старался осуществить на холсте свой идеал — женщину-ангела; причуда понятная в первой юности, но редкая в человеке, который сколько-нибудь испытал жизнь. Однако есть люди, у которых опытность ума не действует на сердце, и Лугин был из числа этих несчастных и поэтических созданий. Самый тонкий плут, самая опытная кокетка с трудом могли бы его провесть, а сам себя он ежедневно обманывал с простодушным ребенком. С некоторого времени его преследовала постоянная идея, мучительная и несносная, тем более, что от нее страдало его

самолюбие: он был далеко не красавец, это правда, однако в нем ничего не было отвратительного, и люди, знавшие его ум, талант и добродушие, находили даже выражение лица его довольно приятным; но он твердо убедился, что степень его безобразия исключает возможность любви, и стал смотреть на женщин как на природных своих врагов, подозревая в случайных их ласках побуждения посторонние и объясняя грубым и положительным образом самую явную их благосклонность. Не стану рассматривать до какой степени он был прав, но дело в том, что подобное расположение души извиняет достаточно фантастическую любовь к воздушному идеалу, любовь самую невинную и вместе самую вредную для человека с воображением.

В этот день, который был вторник, ничего особенного с Лугиным не случилось: он до вечера просидел дома, хотя ему нужно было куда-то ехать. Непостижимая лень овладела всеми чувствами его; хотел рисовать — кисти выпадали из рук; пробовал читать — взоры его скользили над строками и читали совсем не то, что было написано; его бросало в жар и

в холод; голова болела, звенело в ушах. Когда смерклось, он не велел подавать свеч и сел у окна, которое выходило на двор; на дворе было темно; у бедных соседей тускло светились окна; — он долго сидел; вдруг на дворе заиграла шарманка; она играл<a> какой-то старинный немецкий вальс; Лугин слушал, слушал — ему стало ужасно грустно. Он начал ходить по комнате; небывалое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться... он бросился на постель и заплакал: ему представилось всё его прошедшее, он вспомнил, как часто бывал обманут, как часто делал зло именно тем, которых любил, какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки, — и он с ужасом заметил и признался, что он недостойн был любви безотчетной и истинной, — и ему стало так больно! так тяжело!

Около полуночи он успокоился; — сел к столу, зажег свечу, взял лист бумаги и стал что-то чертить; — всё было тихо вокруг. — Свеча горела ярко и спокойно; он рисовал голову старика, — и когда кончил, то его пора-

зило сходство этой головы с кем-то знакомым! Он поднял глаза на портрет, висевший против него, — сходство было разительное; он невольно вздрогнул и обернулся; ему показалось, что дверь, ведущая в пустую гостиную, закрипела; глаза его не могли оторваться от двери.

— Кто там? — вскрикнул он.

За дверьми послышался шорох, как будто хлопали туфли; известка посыпалась с печи на пол. «Кто это?» — повторил он слабым голосом.

В эту минуту обе половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыхание повеяло в комнату; — дверь отворялась сама; в той комнате было темно, как в погребу.

Когда дверь отворилась настежь, в ней показалась фигура в полосатом халате и туфлях: то был седой сгорбленный старичок; он медленно подвигался приседая; лицо его, бледное и длинное, было неподвижно; губы сжаты; серые мутные глаза, обведенные красной каймой, смотрели прямо без цели. И вот он сел у стола против Лугина, вынул из-за пазухи две

колоды карт, положил одну против Лугина, другую перед собой, и улыбнулся.

— Что вам надобно? — сказал Лугин с храбростью<ю> отчаяния. Его кулаки судорожно сжимались, и он был готов пустить шандалом в незванного гостя.

Под халатом вздохнуло.

— Это несносно! — сказал Лугин задыхающимся голосом. Его мысли мешались.

Старичок зашевелился на стуле; вся его фигура изменялась ежеминутно, он делался то выше, то толще, то почти совсем съеживался; наконец принял прежний вид.

«Хорошо, — подумал Лугин, — если это привидение, то я ему не поддамся».

— Не угодно ли я вам промечу штосс? — сказал старичок.

Лугин взял перед ним лежавшую колоду карт и отвечал насмешливым тоном: «а на что же мы будем играть? — я вас предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (он думал этим озадачить привидение)... а если хотите, — продолжал он, — я поставлю клюнгер; не думаю, чтоб водились в вашем воздушном банке».

Старичка эта шутка нимало не сконфузила.

«У меня в банке вот это!» — отвечал он, протянув руку; «Это? — сказал Лугин, испугавшись и кинув глаза налево; — Что это?» — Возле него колыхалось что-то белое, неясное и прозрачное. Он с отвращением отвернулся. «Мечите!» — потом сказал он оправившись и, вынув из кармана клюнгер, положил его на карту. «Идет, темная». Старичок поклонился, стасовал карты, срезал и стал метать. Лугин поставил семерку бубен, и она с оника была убита; старичок протянул руку и взял золотой.

— Еще талью! — сказал с досадой Лугин. Оно покачало головою.

— Что же это значит?

— В середу; — сказал старичок.

— А! в середу! — вскрикнул в бешенстве Лугин; так нет же! — не хочу в середу! — завтра или никогда! слышишь ли?

Глаза странного гостя пронзительно зашверкали, и он опять беспокойно зашевелился.

— Хорошо, — наконец сказал он, встал, по-

клонился и вышел приседая. Дверь опять тихо за ним затворилась; в соседней комнате опять захлопали туфли... и мало-по-малу всё утихло. У Лугина кровь стучала в голову молотком; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что он проиграл!..

«Однако ж я не поддался ему! — говорил он, стараясь себя утешить: — переупрямил. В середу! — как бы не так! что я за сумасшедший! Это хорошо, очень хорошо!.. он у меня не отделаётся».

— А как похож на этот портрет!.. ужасно, ужасно похож! — а! теперь я понимаю!..

На этом слове он заснул в креслах. На другой день поутру никому о случившемся не говорил, просидел целый день дома и с лихорадочным нетерпением дожидался вечера.

«Однако я не посмотрел хорошенько на то, что у него <в> банке! — думал он, — верно что-нибудь необыкновенное!»

Когда наступила полночь, он встал с своих кресел, вышел в соседнюю комнату, запер на ключ дверь, ведущую в переднюю, и возвратился на свое место; он недолго дожидался;

опять раздался шорох, хлопанье туфель, кашель старика, и в дверях показалась его мертвая фигура. За ним подвигалась другая, но до того туманная, что Лугин не мог рассмотреть ее формы.

Старичок сел, как накануне положил на стол две колоды карт, срезал одну и приготовился метать, повидимому не ожидая от Лугина никакого сопротивления; в его глазах блистала необыкновенная уверенность, как будто они читали в будущем. Лугин, остолбеневший совершенно под магнетическим влиянием его серых глаз, уже бросил было на стол два полуимпериала, как вдруг он опомнился.

— Позвольте, — сказал он, накрыв рукою свою колоду.

Старичок сидел неподвижен.

— Что бишь я хотел сказать! — позвольте, — да! — Лугин запутался.

Наконец сделав усилие, он медленно проговорил:

— Хорошо... я с вами буду играть — я принимаю вызов — я не боюсь — только с условием: я должен знать, с кем играю! Как ваша

фамилия?

Старичок улыбнулся.

— Я иначе не играю, — проговорил Лугин, — и меж тем дрожащая рука его вытаскивала из колоды очередную карту.

— Что-с? — проговорил неизвестный, насмешливо улыбаясь.

— Штос? — кто? — У Лугина руки опустились: он испугался. В эту минуту он почувствовал возле себя чье-то свежее ароматическое дыхание; и слабый шорох, и вздох невольный и легкое огненное прикосновение. Станный, сладкий и вместе <болез>ненный трепет пробежал по его жилам. Он на мгновенье <оберну>л голову и тотчас опять устремил взор на карты: <но э>того минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить <его пр>оиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склонясь над его плечом, сияла женская головка; ее уста умоляли, в ее глазах была тоска невыразимая... она отделялась на темных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно неземного, никогда смерть не уносила из

мира ничего столь полного пламенной жизни: то не было существо земное — то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства*; то не был также пустой и ложный призрак... потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда*, — то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грез стоим на коленях и плачем, и молим, и радуемся бог знает чему — одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована.

В эту минуту Лугин не мог объяснить того, что с ним сделалось, но с этой минуты он решился играть, пока не выиграет*: эта цель сделалась целью его жизни: он был этому очень рад.

Старичок стал метать: карта Лугина была убита. Бледная рука опять потащила по столу два полуимпериала.

— Завтра, — сказал Лугин.

Старичок вздохнул тяжело, но кивнул головой в знак согласия и вышел, как накануне.

Всякую ночь в продолжение месяца эта сцена повторялась: всякую ночь Лугин проигрывал; но ему не было жаль денег, он был уверен, что наконец хоть одна карта будет дана, и потому всё удваивал куши: он был в сильном проигрыше, но зато каждую ночь на минуту встречал взгляд и улыбку — за которые он готов был отдать всё на свете. Он похудел и пожелтел ужасно. Целые дни просиживал дома, запершись в кабинете; часто не обедал. Он ожидал вечера, как любовник свиданья, и каждый вечер был награжден взглядом более нежным, улыбкой более приветливой; — *она* — не знаю как назвать ее? — она, казалось принимала трепетное участие в игре; казалось, она ждала с нетерпением минуты, когда освободится от ига несносного старика; и всякий раз, когда карта Лугина была убита, и <он с грустным взором оборачивался <к ней>, на него смотрели эти страстные глубокие глаза, которые, <казалось>, говорили: «смелее, не упадай духом, подожди, я буду твоя, во что бы то ни стало! я тебя люб-

лю... и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тенью ее изменчивые черты. — И всякий вечер, когда они расставались, у Лугина болезненно сжималось сердце — отчаянием <и бешенством. Он уже продавал вещи, чтоб поддерживать игру; он видел, что невдалеке та минута, когда ему нечего будет поставить на карту. Надо было на что-нибудь решиться. Он решился.>

Приложения

Панорама Москвы*

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет!* у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подоб-

но чудной, фантастической увертюре Беттго-
вена, в которой густой рев контр-баса, треск
литавр, с пением скрипки и флейты, образу-
ют одно великое целое; — и мнится, что бес-
телесные звуки принимают видимую форму,
что духи неба и ада свиваются под облаками
в один разнообразный, неизмеримый, быстро
вертящийся хоровод!..

О, какое блаженство внимать этой незем-
ной музыке, взобравшись на самый верхний
ярус Ивана Великого, облокотясь на узкое
мшистое окно, к которому привела вас истер-
тая, скользкая, витая лестница, и думать, что
весь этот оркестр гремит под вашими ногами,
и воображать, что всё это для вас одних, что
вы царь этого невещественного мира, и по-
жирать очами этот огромный муравейник,
где суетятся люди, для вас чуждые, где кипят
страсти, вами на минуту забытые!.. Какое бла-
женство разом обнять душою всю суетную
жизнь, все мелкие заботы человечества, смот-
реть на мир — с высоты!

На север перед вами, в самом отдалении
на краю синего небосклона, немного правее
Петровского замка, чернеет романическая

Марьи́на ро́ща, и пред нею лежит слой пестрых кровель, пересеченных кое-где пыльной зеленью бульваров, устроенных на древнем городском валу; на крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четверугольная, сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, всё хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе к центру города здания принимают вид более стройный, более европейский; проглядывают богатые колоннады, широкие дворы, обнесенные чугунными решетками, бесчисленные главы церквей, шпицы колоколен с ржавыми крестами и пестрыми раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделан-

ное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою вззирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой как чешуею зелеными черепицами; — немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти приделам которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество вто-

роклассных глав, совершенно не похожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галлереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки столбозагого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владелец Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою

самого Иоанна Грозного, — но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булошники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... всё так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая, грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерями, встают из-за Москворецкого моста, их скрипучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне. На левом берегу реки, глядясь в ее гладкие воды, белеет воспитательный дом, коего широкие голые стены, симметрически расположенные окна и трубы, и вообще европейская осанка резко отделяются от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков. Далее к востоку на трёх холмах, между коих

извивается река, пестреют широкие массы домов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между которыми Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землей висящею платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар.

К югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидел его вещее пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение!

На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки (ибо она, будучи построена после французов, не имеет внутри ни потолков ни лестниц, и стены ее расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой;

вода, удержанная небольшой запрудой, с шумом и пеною вырывается из-под него, образуя между сводами небольшие водопады, которые часто, особенно весною, привлекают любопытство московских зевак, а иногда принимают в свои недра тело бедного грешника. Далее моста, по правую сторону реки, отделяются на небосклоне зубчатые силуэты Алексеевского монастыря; по левую, на равнине между кровлями купеческих домов, блещут верхи Донского монастыря... А там — за ним одеты голубым туманом, восходящим от студёных волн реки, начинаются Воробьевы горы, увенчанные густыми рощами, которые с крутых вершин глядятся в реку, извивающуюся у их подошвы подобно змее, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одевает дальние части города и окрестные холмы, тогда только можно видеть нашу древнюю столицу во всем ее блеске, ибо подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы, она только в этот торжественный час может произвести на душу сильное, неизгладимое впечатление.

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..

Он алтарь России, на нем должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?!

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих? !..

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать всё, что они говорят сердцу и воображению!..

Юнкер Л. Г. Гусарского Полка Лермантов.

Планы, наброски, сюжеты*

<1.> Сюжет трагедии*

Отец с дочерью, ожидают сына, военного, который приедет в отпуск. Отец разбойничает в своей деревне, и дочь самая злая убийца. Сын хочет сюрприз сделать отцу и прежде нежели писал, отправляется. Приехав, недалеко от деревни становится в трактире. Он находит здесь любезную свою с матерью. Они просят, чтоб он ночевал, ибо боятся разбойников. Он соглашается. Вдруг разбойники ночью приезжают. Он защищается и отрубает руку у одного. Его запирают в его комнате. Когда всё утихло, он вырывается. Уходит и приносит труп своей любезной, клянется отмстить ее. Для этого спешит к отцу, чтоб там найти помощь.

Ночь у отца. Дочь примеривает платья убитых несколько дней тому назад; люди прибирают мертвые тела. Прибегает вскоре сын, рассказывает о себе, его впускают, он рассказывает сестре свое несчастье — вдруг отец — он без руки... сын к нему — и видит — в отчаянии убегает. Смятение в доме. Меж

тем полиция узнала не о сем, но о другом недавнем злодеянии и приходит; сын сам объявляет об отце: вбегает с *ними*. Полиция. Отца схватывают и уводят. — Сын застреливается. Тут вбегает служитель старый сына, добрый, хочет его увидеть и видит его мертвого.

<2.> Сюжет трагедии*

В Америке (дикие, угнетенные испанцами. Из романа французского Аттала).

<3>*

Прежде от матерей и отцов продавали дочерей казакам на ярмарках как негров: это в трагедии поместить.

<4.> Сюжет трагедии*

Молодой человек в России, который не дворянского происхождения, отвергаем обществом, любовью, унижаем начальниками (он был из поповичей или из мещан, учился в университете и вояжировал на казенный счет). — Он застреливается.

<5.> Эпитафия плодовитого писаки*

Здесь покоится человек, который никогда не видал перед собою белой бумаги.

<6>*

В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше.

<7>^{*}

(Написать записки молодого монаха 17-и лет. — С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. — Страстная душа томится. — Идеалы...).

<8>^{*}

Написать шутливую поэму, приключения богатыря.

<9>^{*}

Метор: [38] перевести в прозе: *The Dream of Lord Byron*^{*} — pour miss Alexandrine^{*}. [39]

<10>^{*}

Метор: написать трагедию: *Марий, из Плу-тарха*^{*}.

1) *действ<вие>*. Его жизнь в Риме во время его конс<ультства> и изгнание Силлою^{*}.

2) Когда Марий в изгнании бродит, и взят, и Цибрский невольник не смеет убить его.

3) Сын Мария при дворе сатрапа освобождает невольницу, и Марий в Карфагене.

4) Цинна* в Риме, пришествие Мария, тиранства, убийства, и проч. (между прочим: Антония*, оратора убили).

5) Марий предчувствует гибель. Он умирает. Слостолюбивый сын его тиранствует, но угрожаем Силлою, бежит из Рима, и в Пренесте убивает себя.

Сыну Мария перед смертью в 5-м дейст<вии> является тень его отца, и повелевает умереть; ибо род их должен ими кончиться.

<11>*

Метор: прибавить к «Странному человеку» еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попалась Белинскому*

<12>*

[При дворе князя Владимира был один молодой витязь, варяг, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всем; он много наслаждался, и всё начинало ему надоедать, говорили, что он не христианин и что волшебная сила над ним владеет. Однажды ночью он стоял на часах у дворца, при свете лампы; вдруг является тень девы

и зовет его жалобно, умоляя спасти ее; он следует за нею; выходит из ворот; она исчезла, взяв от него клятву, что он спасет ее, и сказав, что она под властью чародея. На другой день витязь уезжает, ни с кем не простившись, ибо он был сирота; — едет витязь степью, лесом и горами; и видит крест на холме; и несколько пещер, и слышит звон; подъезжает и видит один *инок* звонит, читает молитву, а двое копают могилу; тут на траве лежит мертвая женщина, прекрасная, и бледная. — Он взглянул, и сердце его забилося; он не заплакал, но чувство, полное муки и тайного удовольствия, пролилось по его сердцу; — он любит мертвую? — нет, это одно расстройство воображения. — Витязь удаляется; подъезжает к реке; и вечером засыпает при свете молодого месяца и при песни лебедя; — видит страшный сон. — Поутру его будит поцелуй; дева, которая манила его, стоит перед ним и ведет в свой хрустальный чертог; там всё полно неги, но витязь не любит ее; мысли его летят к умершей, сердце ноет, и он должен подавлять его. Дева рассказывает ему свою повесть, как царь Стамфул превратил ее в лебедя, и

как она посредством старухи избегнула его любви; он уходит от нее, чтоб достать цветок жизни в замке Стамфула, который за рекой великой; он пускает коня и садится в лодку; пловец этот ему рассказывает свою повесть и за что он осужден всегда ездить и не может вылезть.

Переехав речку, витязь видит два ворона, которые всё вокруг него летают; «что? ужели вы мне предвещаете смерть?» — сказал он им; «нет, витязь, — говорит один ворон, — я хочу тебе помочь, я тебя проведу куда надо». Витязь идет за вороном и спрашивает, отчего он говорит как человек; ворон рассказывает ему, что их два брата было и за что Стамфул превратил их в воронов, он рассказывает, как достать цветок жизни; они подходят к древнему замку; ворота отперты; всё пусто; ворон просил витязя ничего кроме цветка не трогать: — витязь взял в садах цветок и возвращаясь видит меч золотой на воротах, и едва прикоснулся, как раздался шум и звон; он выходит из замка быстро, стрела летит за ним и поражает ворона; витязь оборачивается; Стамфул на него несется; последний прини-

мает разные виды, наконец сражен. Витязь бросает его тело в море, ибо замок на берегу моря; и видит мертвого ворона, а над ним другой умер. — Витязь примечает, что его преследует что-то свыше. Он помнит умершую деву и чувствует, что любит ее. — На дороге он видит издали пыль, и крик и звон мечей, подходит, и что же? — горсть воинов обороняются против толпы врагов; он бросается в бой и освобождает их; они ведут его к своему царю; царь угощает витязя; но сам печален; и рассказывает, что у него была одна дочь; но что умерла на 17 году, и что когда ее похоронили, то рассказывают, что три чернеца с крестами унесли ее тело бог весть куда; царь показывает витязю портрет дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломником за то, что она его напоила и накормила, что она выдет замуж за такого-то витязя. Наш витязь слышит свое имя, и трепещет; но когда увидал портрет, то упал без чувств, ибо узнал умершую деву, которую любил; — он тотчас удаляется из дворца, взяв лошадь только; не берет проводников, хотя гроза свирепствует на дворе — род бешенства или су-

масшества обладает им. — Наконец он приезжает к берегам речки, где лебедь, и бросает ему цветок жизни; лебедь тотчас делается девицей, она выходит из воды; он отвергает ее ласки, говоря, что не любит ее; она просит один поцелуй прощанья, и только что поцеловала, как исчезает с хохотом и визгом; — прекрасное местоположение переменялось в дикое, розовые кусты, река исчезли. — Овраги или пропасть, скалы одни остались, и вихорь едва не увлек туда героя; луна встала; витязь сидит на берегу пропасти. Вдруг на облаке является ему старец; и говорит, что он его отец; что он был язычник и оттого долго мучился, но теперь бог ему простил, и что злой дух преследует витязя, ибо он язычник. Витязь обещает креститься; а отец его дает ему крест и говорит, что он чудотворный; — он едет к известной могиле; роет; — и вдруг видит не гроб, но широкое подземелье; и дева при блеске свечей спит на подушке; она спит, ибо дышит; он выносит ее оттуда в исступлении любви; кладет на лошадь и скачет в Киев; приезжает туда вечером и приносит ее в церковь, где народ слушал вечерню; приклады-

вает крест к ее груди, и она оживает; и падает в ее объятия; — их венчают; но он позабыл креститься; когда кончился обряд, и он выходил из церкви, чей-то голос ему напомнил вдруг об этом, говоря: «ты не будешь счастливым!» — на другой день свадьбы она умерла; — он скрылся.]

<13.> Написать поэму «Ангел смерти»*

Ангел смерти при смерти девы влетает в ее тело из сожаления к любезному и раскаивается, ибо это был человек мрачный и кровожадный, начальник греков. — Он ранен в сражении и должен умереть; ангел уже не ангел, а только дева, и его поцелуй не облегчает смерти юноши, как бывало прежде. Ангел покидает тело девы, но с тех пор его поцелуи мучительны умирающим.

<14.>*

Metor: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона.

<15.>*

(Ecrire une tragédie: Néron[40]).

<16.>*

Имя героя Мстислав, — Черный прозвание

от его задумчивости, — его сестра — Ольга.

Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло* любезное имя Россия*.

Поместить песню: печальную, о любви или *Что за пыль пылит**; Ольга молодая, невинная, ангел — поет ее; входит брат ее — после паломник.

Все сначала укоряют Мстислава в равнодушии к бедствиям родины, ибо он молчит.

Юный князь Василий утонул в крови во время битвы*.

<17.> Сюжет*

1

1) Молодежь, разговаривают о том, что татары приедут толпой, и всё берут: никто не смеет и слова сказать: зарево видно; иные говорят, что лучше предаваться татарам, чем умирать и тому подобное; Мстислав вскакивает — и уходит; он всё сначала молчал. Он кажется равнодушен к бедствиям отечества, и его порицают за это.

2) Паломник у Ольги; он рассказывает про Ерусалим, путешествия и разрушенный Киев; Мстислав ходит; и, слыша рассказы о прежней вольности, ему приходит в го-

лову мысль освободить родину от татар; Ольге один богатый татарин дал подарки; ее мать позволила; он ей нравится.

2

3) В городе; послы татарские; пир у князя, унижение князя; один посол за то, что русский не низко поклонился, велит его казнить; — Мстислав убивает посла и скрывается.

4) Татарин любит Ольгу; мать не против, он обольщает ее. — Это длинная сцена. — Между тем, множество заговорщиков разговаривают о возмущении против татар; они ищут начальника; и выбор падет на Мстислава; они идут искать его.

3

5) Мстислав на кургане; три ночи он молился; проходит паломник; и узнает его. Мстислав спрашивает его о сестре; паломник говорит, что про сестру его носят дурные слухи, будто она в связи с мурзой татарским, это еще более воспаляет его. Приходят заговорщики, избирают его начальником; он клянется им. Они хотят напасть на стан татар, кои приближались опять, чтобы грабить;

и надеялись, что Россия последует их примеру.

6) Мстислав возвращается домой; печален, озабочен, угрюм. Сцена, где видна его любовь к сестре; он ее спрашивает, любит ли его одного; она смущается; он приготавливает ее к тому, что сам, может быть, погибнет; и спрашивает, готова ли она всё пожертвовать для отечества; потом как будто всё знал, но чтобы испытать, правда ли, вдруг говорит: «ты любишь татарина!» — она ему признается в испуге; он мрачен; но выносит этот удар: говорит ей сильно, какая она преступница, и заставляет ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласит, и тогда его убьют; это будет сигнал кровопролития; однако после этой вести, узнав позор сестры своей, Мстислав предчувствует ужасное, однако не теряет духа.

4

7) Ольга колеблется между отечеством и любовником; однако придумывает; в свидании умоляет, чтоб он не приходил сам к ней, ибо его жизнь в опасности; мурза допытывается и догадывается, что есть заговор; она бе-

жит с мурзой, бояся братнина гнева.

8) Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка. (*Что за пыль... Злы татаровья*) — он радуется тому, что эта песня вдохнет ребенку ненависть против татар; и что если он погибнет, то останется еще мститель за отечество; — он идет в назначенное место, где все собрались; однако он удивляется тому, что мурза не пришел.

5

9) Стан татар; сонный; стражи пьют русское вино и засыпают, разговаривая о красоте девушки, которая досталась мурзе; — приходят русские и убивают сонных; Мстислав считает удары; — он входит в палатку мурзы; и выносит оттуда деву, говоря, что как всех соглашено убить, то ее жалко; вдруг узнает, что это его сестра. Она спит и бредит; и просыпается; вскрикивает; узнает его; упадает; он думает, что она умерла; склоняется над ней; — между тем крик разбудил нескольких татар, кои еще не могут опомниться: «боже, — говорит Мстислав, — зачем одно чувство любви должно погубить мое отечество! — как я ее любил, как она прекрасна!» Выбегает мурза;

он его убивает; начинается битва, русских перерезали.

10) День. Мстислав раненый под деревом; старый воин приходит; он спрашивает, все ли убиты, и узнает, что все, что татары взяли то же утро город и разграбили; проходят несколько мужчин и женщин, которые хотят скрыться в лесах, с воем отчаяния указывая на зарево; Мстислав спрашивает, не видал ли он женщины в стане, может быть она не умерла; — тот его не понимает; — Мстислав умирает; и просит, чтоб над ним поставил крест. — И чтоб рассказал его дела какому-нибудь певцу; чтоб этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков.

<18.> Программа*

Его история.

Его любовь к отцу.

Приезд архиерея.

Что про него сказал архиерей.

История одного монаха.

Весна.

Любовь к неизвестной.

Зеркало.

Колокольчик.

Родители.

Несправедливости.

Пострижение.

Убийство: один хотел быть игуменом и для того убил другого и посадил его так, будто он сам себя убил.

Последняя любовь.

Разочарование.

Болезнь.

<19.> Племя на Кавказе*

Герой — пророк. —

<20>*

[Монах впоследствии сидит у окна. Подходит старый нищий и девушка. Он узнает отца и сестру. Хочет броситься — но ост<анавливается> и закрывает окно в отчаяньи. Он украл денег; и на другой день ищет их, но нигде не находит; потом, не зная, что с ними делать, зовет товарища-слугу — в кабак и пропивает их; так узнали, что он украл; и он посажен в тюрьму.]

<21>*

Он угрожает ей гибелью отца, и она обещается завтра прислать к нему свою рабу. Она заражается чумой; он приходит, проводит

ночь и умирает в ее объятиях в саду.

<22.> Демон. Сюжет*

Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. — Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; — *и проч<ее> как прежде.* — Евреи возвращаются на родину — ее могила остается на чужбине.

<23.>*

Я в Тифлисе у Петр. Г.* — ученый татар<ин> Али* и Ахмет*; иду за груз<инкой> в бани; она делает знак; но мы не входим, ибо суббота. Выходя, она опять делает знак; я рисовал углем на стене для забавы татар, и делаю ей черту на спине; следую за ней; она соглашается дать только чтоб я поклялся сделать, что она велит; надо вынести труп. Я выношу и бросаю в Куру. Мне делается дурно. Меня <?> нашли и отнесли на гауптвахту: я забыл ее дом наверное. Мы решаемся отыскать; я снял с мертвого кинжал для доказательства... несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру. Мы говорим Ахмету, чтоб он узнал, кого имел этот офицер. Узнают от денщика, что этот офицер долго хо-

дил по соседству к одной старухе с дочерью; но дочь вышла замуж; а через неделю он пропал. Наконец, узнаем, за кого эта дочь вышла замуж, находим дом, но ее не видать. Ахмет бродит кругом и узнает, что муж приехал, и кто-то ему сказал, что видели, как из окошка вылез человек намедни, и что муж допрашивал и вся семья. — Раз мы идем по караван-сераю — видим: идет мужчина с женой; они остановились и посмотрели на нас. Мы прошли и видим, она показала на меня пальцем, а он кивнул головой. После ночью оба на меня напали на мосту, схватили меня и — как зовут: я сказал. Он: «я муж такой-то» и хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил.

<24>*

Алекс<андр>: у него любовница, которую он взял из жалости; он был знаком в Москве в одном знатном доме и любим дочерью; говорят, что у нее миллионы. Здесь его принимают худо, она ничего прежнего не хочет помнить, а в высшем кругу его не принимают. Граф за ней волочится и хочет жениться. Этот граф всегда был на дороге Алекс<андра>. —

Александр хочет заставить его отказаться; тот над ним смеется. Потом Александр клеветает на него ей; но графы приезжают и они над Алекс<андром> трунят.

Александр дома с любовницей, хочет денег; но у нее, кроме любви, ничего нет. Он ее не любит и ту не любит, и хочет денег. Входит ростовщик, живущий за стеной, и предлагает ему денег, а тот дает ему вексель на всё имение; ростовщик открывает, что у нее ничего нет.

Посредством денег Александр пробирается в комнату Софьи, говорит ей, что он знает, что у нее ничего нет, и что она хочет выйти за графа, ибо он богат и что если она хочет, чтоб он не отказался от нее, узнав, что у нее ничего нет, то она должна его любить. Она уже колеблется; вдруг входит горничная, говоря, что граф приехал; Александра прячут за гардину. — Граф изъясняется в любви, говорит, что ибо ему позволяют вход во всякое время, то это показывает, что родители не прочь; она ему клянется, что любит его одного; в эту минуту Александр выходит и говорит: это правда; смущение; — сцена. — Вдруг

входит отец с дядей и говорит, что его дочь обещана, что граф должен жениться, что иначе они его лишат места, убьют и проч^{<ее>}. — Граф в отчаянии. Алекс^{<андра>} выгоняют — но он [рад] — дочь в обмороке. Александр с ней прощается.

* * *

Александр болен; он в размолв^{<ке>} с любовницей, рассказывает жизнь. Входит ростовщик; жалеет и говорит, что вчера вечером была свадьба графа. — Посылают за графом. — Граф приходит, подносит свечу к кровати и ужасается. Александр ему говорит, что он отомстил ему, что написал к своим приятелям всю историю; и потом говорит, что у нее ничего нет, и ставит в свидетели ростовщика. — Сам упадает без чувств. — Любовница в отчаянии прокликает графа; — Александр ^{<кается>} и говорит, что жалеет, что не имеет ^{<...>} миллиона оставить ей. — И умирает.

<25>*

У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал

крепко, но на 21 году проснулся от тяжелого сна — и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия.

Автобиографические заметки*

<1.> 1830. Замечание*

Когда я начал марасть стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же — это сходство меня поразило!

<2>*

Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха.

<3.> Записка 1830 года, 8 июля. Ночь*

Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет отроду?

Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тетушки, кузины. — К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет 9. Я ее видел там. Я не пом-

ню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. — Один раз, я помню, я вбежал в комнату: она была тут и играла с кузиною в куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. — Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: эта была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! — И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. — Я не хотел говорить об ней и убегал, слыша ее названье (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, непонятную для меня самого. — Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу; не поверят ее су-

ществованию — это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нет; с тех пор я ничего подобного не видал, или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы кавказские для меня священны... И так рано! в 10 лет... о эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум!.. иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью! — но чаще плакать.[41]

<4.> (1830)*

Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать.

<5.> 1830*

Я помню один сон; когда я был еще 8-ми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в грозу, куда-то; и помню облако, которое небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу.

Когда я еще мал был, я любил смотреть на

луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства.

<6.> 1830 (мне 15 лет)*

Я однажды (3 года назад) украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий снурок; он и теперь у меня хранится.

Кто хочет узнать имя девушки, пускай спросит у двоюродной сестры моей. — Как я был глуп!..

<7.> (1830)*

Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать; в 15 же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве; но тогда я почти ничего не читал. — Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка*, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности.

<8.> Мое завещание*

(про дерево, где я сидел с А. С.)

Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: «люблю», которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца: в то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шопотом молвило: «безумец, что ты делаешь?» — Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды; — но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: «Похороните мои кости под этой сухою яблоней; положите камень; — и — пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!»

<9.> 1830*

Еще сходство в жизни моей с *лордом Байроном*. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет *великий человек* и будет два раза *женат*; про меня на Кавказе предсказала *то же самое* старуха моей Бабушке. Дай бог, чтоб и надо мной сбылось; хотя б я

был так же несчастлив, как Байрон.

<10>*

Я читаю Новую Элоизу*. Признаюсь, я ожидал больше гения, больше познания природы, и истины. — Ума слишком много; идеалы — что в них? — они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одетые блестящими выражениями, не мешают видеть, что они всё идеалы. — Вертер* лучше; там человек — более человек. У Жан-Жака, даже пороки не таковы, какие они есть. — У него герои насильно хотят уверить читателя в своем великодушии, — но красноречие удивительное. И после всего я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого, родилась мысль написать Новую Элоизу.

<11.> 2-го декабря: св. Варвары*. Вечером, возвратясь

Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья!

Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиною страданья?

<12>*

Ахвердов<а> — на Кирочной. Г<рафиня> Завадовск<ая>. Лео<нид> Голицы<н> в доме

Ростовцова. Понед<ельник> Смир<нова>. Втор<ник> Ростоп<чина>. Веч<ером>: Лаваль именины.

<13>*

Суб<б>оту обе<д> у Дегаля*.

<14>*

19-го мая — буря.

<15>*

Семен Осипович Жигимонд*
в Костенецком пере<улке> дом Нащокина*
<Кн.><?> Голи<цын><?>
Погодину; Кашинцеву*

Наброски стихотворений*

<1>*

[Не прижимай ее к груди своей]

<2>*

*[Ночные песни ветра я люблю,
Они порой уводят грусть мою;]*

<3>*

*[Я ждал тебя, жена разврата,
С боязнью глупой новичка,]*

Заметки на рукописях*

<1>*

Je n'ai point fini, parce que je n'ai pas pu[42]

<2. К поэме «Черкесы»>*

В Чембар за дубом.

<3. К стих. «Посвящение. NN»>*

(При случае ссоры с Сабуровым).

<4. К стих. «Пир»>*

К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)

<5. К стих. «Портрет»>*

(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта).

<6. К стих. «К Гению»>*

(Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю).

<7. К стих. «Письмо»>*

Это вздор.

<8. К стих. «Война»>*

(В пансионе).

<9. К стих. «Русская мелодия»>*

[(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний).]

<10. К стих. «К...», «Не привлекай меня красой»>*

(А. С.) *(Хотя я тогда этого не думал).*

<11. К стих. «К Н. Н.»>*

(К Сабуров<у> — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем не веселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им).

<12. К стих. «Пан»>*

(В Середникове).

<13. К стих. «Грузинская песня»>*

(Слышано мною что-то подобное на Кавказе).

<14. К поэме «Джюлио»>*

(Великим постом и после). Я слышал этот рассказ от одного путешественника.

<15. К стих. «К глупой красавице»>*

Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю.

<16. К стих. «Оставленная пустынь»>*

(В Воскресенске). (Написано на стенах жилища[43] Никона) 1830 года. (Там же в монастыре).

<17. К стих. «Ночь. III»>*

(Сидя в Середникове у окна).

<18. К стих. «Гроб Оссиана»>*

(Узнав от путешественника описание сей могилы).

<19. К стих. «Кладбище»>*

(На кладбище написано) 1830.

<20. К стих. «Моя мольба»>*

(После разговора с одно<й> известной очень мне старухо<й>, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном*).

<21. К стих. «К Су<шковой>»>*

(При выезде из Середникова к Miss black-eyes.[44] Шутка — преположенная от M. Kord [45]).

<22. К стих. «K*»>***

(Прочитав жизнь Байрона <написанную> Муром).

<23. К стих. «Завещание»>*

(Середниково: ночью: у окна).

<24. К стих. «Сижу я в комнате ста-

ринной»>*

(Средниково). (В мыльне). (Ночью, когда мы ходили по па пугать).

<25. К III редакции «Демона»>*

Я хотел писать эту поэму в стихах, но нет — в прозе лучше.

<26. К стих. «Желание»>*

(Средниково. Вечер на бельведере). (29 июля).

<27. К стих. «Блистая пробегают облака»>*

(7-го августа. В деревне на холме, у забора).

<28>*

L'âme de mon âme.[46]

<29. К II редакции «Демона»>*

(Писано в пансионе в начале 1830 года).

<30. К роману «Герой нашего времени»>*

[Тургеневу* послать.]

Подписи под рисунками*

<1.> M. L. l'an 1825* le 13 juin aux Eaux
chaudes.[47]

<2.> Невинность всегда охранена*.

<3.> Вид Крестовой горы* из ущелья близ
Коби.

<4.> при Валерике* 12 июля.

<5.> Magnétisme du regard*, et effet de la
bourse.[48]

<6.> Diplomatie civile* et militaire.[49]

<7.> Поспешает на тревогу*.

<8.> 21 мая после прогулки* на мельницу у
Волабух <?>.

Надписи на книгах*

<1. На книге «Зрелище вселенная»>*

Сия книга принадлежит М. Lermantovy*.
Великий Каракос* И маленький Мартирос*. Честь имею вас поздравить. Кирик и Улита* Утюжная плита. Марш.

Из книг Лермантова и Арсеньевой*.

<2. На книге «Псалтырь»>*

Сия книга принадлежит

М. Lermantoff

М. Лермантов

М. Lermantoff

1824-го Года.

М. Лермантове

<3. На книге «Герой нашего времени» кн. О. С. Одоевской>*

Герой нашего времени упадет к стопам ее прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать.

<4. На книге «Стихотворения М. Лермантова»>*

Его превосходительству Петру Ивановичу Полетике*.

В знак искреннего уважения
от автора.

Приписываемое Лермонтову

Мысли, выписки и замечания*

Воображение — канва, таланты — шерсть. Иный хорошою шерстью вышивает очень дурно и некрасиво; а у другого и с дурною шерстью выходит очень хорошо: все зависит от вкуса.

Вот процесс нынешнего образа писать или кропать стихи: Поэт садится в челнок *мечтания*, плывет по озеру *воображения*, доплывает до пристани *вдохновения*, выходит на берег *очарования* и гуляет в странах *самозабвения*. Из описания такого путешествия выходит обыкновенная плаксивая Элегия; в ней поэт тужит о былом и прошлом, страшится будущего, прокликает свою судьбу и ничтожность, хвалит какую-то прежнюю удалость, ищет несуществующего, смотрит на невидимое, желает несбыточного, стонет о чем-то туманном, жалеет о горьких радостях, сетует о сладких горестях, и проч. и проч. и проч.

Женщины наполняют пустоты жизни так, как пшено промежутки в виноградном боченке: пшено ничего не стóбит, никуда не годится, а между тем необходимо, чтобы виноград не испортился.

Французы очень верно переводят наших Поэтов; жаль только, что переводы их так же схожи с подлинниками, как Африканцы с Европейцами. Некто Héguin de Guerle[50] так перевел начало пьесы Батюшкова: Тень друга.

Je hâtais ma course sur les flots vers la brumeuse Albion, qui s'offrait de loin à mes yeux comme submergée sous un océan de brouillards. La voix des alcyons, rassemblés autour de notre barque, nous guidait sur les ondes.*[51] и проч. Боже мой! можно ли исказить удачнее? Батюшков говорит, что покидает берега Альбиона, а у Г-на Герля он *поспешает* в Англию туманную. Откуда взялся океан туманов? Каким образом корабль Батюшкова превратился в барку у Г. Герля? Откуда взялось собрание гальцион около барки? Зачем из одной гальционы Батюшкова воображение Г-на Герля породило

их множество? У Батюшкова они *плывут за кораблем*, а у Г-на Герля гальционы делаются *путеводителями барки*; и чем же ведут барку? — *Своими голосами!* Вот пример галиматъи на ходулях! вот верный перевод! Г-н Герль похож на того живописца, которого кисть писала Фоку Сидором, а Сидора Фокою.

Человек — карета; ум — кучер; деньги и знакомства — лошади; чем более лошадей, тем скорее и быстрее карета скачет в гору.

Как прежде люди были просты: они знали только то, чему учились. Ныне ничему не учась, всё знают. (Черта характеристики XIX столетия.)

99 Moutons et un Champenois font 100 bêtes, [52] говорят добрые Французские остряки; удивительно, что у нас не заметили еще разительного сходства между некоторыми из наших критиков-самозванцев и этими пастухами-Шампенуазцами.

Стыдить лжеца, смеяться над дураком,

просить займы у скупца, услаивать игрока, учить глупца Математике, спорить с женщиною — то же, что черпать решетом воду.

Иностранцы отказывают нам в нежности и чувствительности сердечной. Русский, говорят многие из них, до самой свадьбы не видит своей жены; да ему и видеть ее не нужно: дай ему кусок хлеба, чарку вина, да теплую печь: так он со всякою женою поладит. Почтеннейшие ошибаются: где более чувствительности, как не у нас? — Если вся наша стихотворная братия в день напишет 1000 стихотворений, то верно из них 800 будет элегических; где же, в каком народе более чувствительности?

Наши грамматика очень ошиблись, когда отнесли слова: доброта, нежность и снисходительность, к женскому роду; а гнев, сумасшествие и капризы — к мужескому и среднему.

Нет худа без добра; вследствие сего положения и карточная игра будет полезна? спросил я в большом обществе. — О! очень полезна, — отвечал Бригадир Бедняков: она многих

избавляет от труда делать завещания и платить пошлины.

Le style est tout homme.[53] Загляните в Английских поэтов: все сравнивают с деньгами и богатствами; Итальянские видят везде брильянты, изумруды; Испанские — солнце, луну и звезды; Французские — животных, голубков, бабочек; а в наших поэтах — бури, вздохи, стоны, отвлеченности в сравнениях — что заключить об этих Гераклитах?

Во всякой стране по своему изъясняются в любви. Прошлого года Парижский модник показывал свою любовь барышне, прикладывая ее руки к своему уху: объяснение довольно странное! Однако ж Парижане в этом случае не превзошли Африканцев; там изъяснение в любви еще страннее. Молодая Африканка приносит своему суженому чистой воды; если он вымоет в этой воде руки, то она с восторгом выпивает нечистую воду и это служит знаком взаимной любви. Каково бы объясняться таким же образом брюзгливым Европейским красавицам?

Дружба теперь уже не чувство, а поношенная маска, которую надевает хитрость, чтобы обмануть простоту или скрыться от пронизательности.

De mortuis non nisi bene, [54] золотое правило древних! Не оно ли причиною славы Горациев и Квинтилианов? Жаль, весьма жаль, что у нас оно не в силе; сколько бы родилось тогда великих мужей, и лириков, и критиков; Пинд превратился бы в толкучий рынок: туда бы прошел и худенький творец Эпической поэмы и полновесный переводчик обветшалых Водевилей; сколько бы полишинелей попало в Аполлонову свиту!

Всякая из наших красавиц хочет жить подольше, а ни одна не желает быть старою: как согласовать сии желания? Какая была бы жестокая борьба внутреннего с наружным, если бы не было вас, блаженные румяна, и вас, чудесные фальшивые пукли!

Время подобно непостоянной и капризной

любовнице: чем более за нею гоняешься, чем более стараешься ее удержать, тем скорее она покидает тебя, тем скорее изменяет.

Дурак то же, что и старая красавица: его ученость — белила, его начитанность — румяна, а умничанье — кокетство.

Опытный лоцман никогда не отправляется в путешествие, когда на море буря; а искусный рифмач никогда не пустится на Пинд, когда море воображения спокойно.

Приятель мой, Француз П. П., весьма легко разрешает задачу Романтизма и Классицизма. Кто пишет без правил, и следовательно пишет чушь, тот и Романтик; кто же пишет по правилам Буало, утвержденным веками, тот всегда пишет изящно, тот и Классик. Читателей он также делил на два разряда: кто судит о творениях по собственным чувствам и по впечатлениям, получаемым при чтении, тот всегда ошибается, и следовательно Романтик; кто же судит и чувствует по непреложным законам Баттё, тот никогда не заблуждается,

следственно тот Классик. Добрый П. П.! ты был знаменитый Романтик, по твоему определению.

Сколько любовь приятнее женитьбы, столько роман занимательнее истории.

Обида такая пилюля, которую не всякий с покойным лицом проглотить может; некоторые глотают, разжевав наперед; тут пилюля еще горьче.

Я где-то читал, то Барон Голбарих так определяет комедию и трагедию: цель комедии есть женитьба, а трагедии — убийство; вся интрига основана на том, будет ли свадьба и будет ли убийство? Будет свадьба, будет убийство: вот первый акт. Никто не женится, никто не умрет: вот второй. Как бы женить, как бы убить: вот что занимает всех в третьем. Неожиданный случай, останавливающий женитьбу и убийство, наполняет весь четвертый; наконец в пятом Автор женит и убивает, кого ему заблагорассудится. *Vive les théories!*

Некто очень хорошо заметил, что тот самый пустой человек, кто наполнен собою.

Есть престранные люди, которые поступают с друзьями, как с платьем: до тех пор употребляют, пока износится, а там и кинут.

Почему Французы не терпят Романтизма? — Потому что *не во время гость хуже Татарина*.

Река поворачивает в сторону, когда встречает возвышенности; так и фортуна поворачивает в сторону, когда на дороге встречает людей с благородными мыслями и возвышенными чувствами.

Прошлого года издатель Франкфуртского дамского журнала провозгласил: Il est peu d'ouvrages écrits dans la langue russe que l'on puisse comparer, sous le rapport de l'harmonie et de l'élégance, aux productions sorties de la plume féconde de Soumarocow.[56] Эх, Г-н Издатель! видно вас не заставляли учить наизусть ти-

рад из Сумарокова в наказание, как делывали с нами грешными? Тогда бы иначе заговорили вы о гармонии и изяществе стихов Сумарокова!

Как бы ловко ни был сшит плащ тщеславия, он никогда не прикрывает совершенно ничтожности.

Херасков заимствовал у Вольтера, Вольтер у Виргилия, Виргилий у Гомера; кем пользовался Гомер? — Жаль, что тогда не было книгопечатания!

Нет чудес в наше время, говорят некоторые: но они весьма ошибаются. Наша знаменитая Эльвира — чудо из чудес! она с трудом говорит по-русски, с трудом может написать записочку своему приказчику о присылке денег из деревни; но вдруг — написала *Русские стихи*. Вот чудо в Поэзии — Крючков, никогда ничего не читавший, ничему не учившийся и видевший только Памятник из Законов Правикова, поправляет расположение Юстинианова кодекса: вот другое чудо! Бралкин зани-

мает место Вице-Губернатора — и ничего до сих пор не имеет: вот третье чудо... и сколько еще других чудес!

Женщины злы, кричит угрюмый философ, женщины несносны, ворчит легкомысленный юноша; женщины скупы, говорит молодой расточитель; женщины неверны, твердит старый муж... Только одни пылкие, еще не разочарованные любовники уверяют, что женщины сотворены для нашего утешения. Кто в заблуждении?

У всякого свой конек; иные прельщаются эполетами и золотыми висюльками; другие — плюмажем на шляпе; третьи — серебряными пуговицами на зеленом виц-мундире. Некоторые восхищаются благосклонною улыбкою барышни; иные снисходительным взором замужней: последние глупее первых.

N. N.

Письма

Письма Лермонтова

Шан-Гирей М. А., осень 1827*

<Москва, осенью 1827 г.>
Милая Тетинька

Наконец настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я к вам мало напишу, то это будет не от моей лености, но от того, что у меня не будет время. Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно; в географии я учу математическую; по небесному глобусу[57] градусы планеты, ход их и пр...; прежнее учение истории мне очень помогло. — Заставьте пожалуста Екима* рисовать контуры, мой учитель* говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне[58] запрещено рисовать свое. Катюше* в знак благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящик моей работы. Я еще ни в каких садах не был, но я

был в театре, где я видел оперу[59] «Невидимку»*, ту самую, что я видел в Москве 8 лет назад*; мы сами делаем* Театр*, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть (сделайте милость, пришлите мои воски). Я нарочно замечаю, чтобы вы в хлопотах не были, я думаю, что эта пунктуальность не мешает; я бы приписал к братцам* здесь, но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку.

Прощайте, милая тетинька, целую ваши ручки; и остаюсь ваш покорный племянник.

М. Лермантов.*

Шан-Гирей М. А., около 21 декабря 1828*

<Москва, около 21 декабря 1828 г.>

М Милая Тетинька!

Зная вашу любовь ко мне я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился и вакация началась до 8-го января, следовательно она будет продолжаться 3 недели. Испытание наше продолжалось от 13-го до 20-го числа. Я вам посылаю баллы, где вы увидите, что Г-н Дубенской* поставил 4 русск<ий> и 3 лат<инский>, но он продолжал мне ставить 3 и 2 до самого экзамена. Вдруг как-то сжалился

и накануне переправил, что произвело меня вторым учеником.

Папинька сюда*[60] приехал, и вот уже 2 картины извлечены* из моего portefeuille... [61] славу богу! что такими любезными мне руками!..

Скоро я начну рисовать* с (buste) бюстов... какое удовольствие! к тому ж Александр Степанович* мне показывает также, как должно рисовать пейзажи.

Я продолжал подавать сочинения мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея* взял инспектор, который хочет издавать журнал, «Каллиопу*» (подражая мне! (?)), где будут помещаться сочинения воспитанников. Каково вам покажется; Павлов* мне подражает, перенимает у... меня! — стало быть... стало быть... — но выводите заключения, какие вам угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однако же теперь гораздо лучше, а я, — о! je me porte comme à l'ordinaire... bien![62]

Прощайте, милая тетинька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, след<овательно> здоровы, ибо: Les douleurs du corps

proviennent des maux de l'âme![63]

Остаюсь ваш покорный
племянник:

М. Лермантов.

NB. Прилагаю вам, милая тетинька, стихи, кои прошу поместить к себе в Альбом, а картинку я еще не нарисовал*. На вакацию надеюсь исполнить свое обещание.

Вот стихи:

Поэт*

*Когда Рафаель вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал;
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,*

*Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.*

М. Л.

Р. С. Не зная, что дядинька* в Апалихе*, я не писал к нему, но прошу извинения и свидетельствую ему мое почтение.

Шан-Гирей М. А., весна 1829*

Москва, весной 1829 г.>

Милая Тетинька!

Извините меня, что я долго не писал... Но теперь постараюсь почаще уведомлять вас о себе, зная, что это вам будет приятно. Вакации приближаются и... прости! distinguished пансион. Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! дома я заниматься буду еще более, нежели там.

Вы спрашивали о баллах, милая Тетинька, увы! у нас в пятом классе с самого нового года еще не все учителя поставили сии *вывески нашей премудрости!*[64] Помните ли, милая тетинька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что

вы не видали здесь «Игрока*», трагедию «Разбойники*». Вы бы иначе думали. Многие из петербургских господ соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина*. Бабушка, я и Еким*, все, слава богу, здоровы, но M-r G. Gendroz*[65] был болен, однако теперь почти совсем поправился.

Постараюсь следовать советам вашим, ибо я уверен, что они служат к моей пользе. Целую ваши ручки. Покорный ваш племянник
М. Лермантов.

Р. S. Прошу вас дядиньке засвидетельствовать мое почтение и у тетиньки Анны Акимовны* целую ручки. Также прошу поцеловать за меня: Алешу*, двух Катюш* и Машу*.

М. Л.

Шан-Гирей М. А., февраль 1831 или 1832

<Москва, февраль 1831 или 1832 г.>
Ma chère tante.

Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете; если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, ори-

гинальный, то-есть неподражаемый Шекспир — то это в Гамлете. Начну с того, что имете вы перевод не с Шекспира, а перевод переверканной пиесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое, и глупым их правилам, переменял ход трагедии и выпустил множество характеристических сцен: эти переводы, к сожалению, играют у нас на театре. Верно, в вашем Гамлете нет сцены могильщиков, и других, коих я не запомню.

Гамлет по-английски написан половина в прозе, половина в стихах. — Верно, нет той сцены, когда Гамлет говорит с своей матерью, и она показывает на портрет его умершего отца; в этот миг с другой стороны, видимая одному Гамлету, является тень короля, одетая, как на портрете; и принц, глядя уже на тень, отвечает матери — какой живой контраст, как глубоко![66] Сочинитель знал, что верно Гамлет не будет[67] так поражен и встревожен, увидев портрет, как при появлении призрака.

Верно Офелия не является в сумасшествии! хотя сия последняя одна из трогательнейших

сцен! Есть ли у вас сцена, когда король подсылает двух придворных, чтоб узнать, точно ли помещан притворившийся принц, и сей обманывает их; я помню несколько мест[68] этой сцены; они, придворные,[69] надоели Гамлету, и этот[70] прерывает одного из них, спрашивая:

Гам<лет>. Не правда ли это облако похоже на пилу?

1 придворный. Да, мой принц.

Гамлет. А мне кажется, что оно имеет вид верблюда, что похоже на животное!

2 придвор<ный>. Принц, я сам лишь хотел сказать это.

Гамлет. На что же вы похожи оба? — и проч.

— Вот как кончается эта сцена: Гамлет берет флейту и говорит:

Сыграйте что-нибудь на этом инструменте.

1 прид<ворный>. Я никогда не учился, принц, я не могу;

Гам<лет>. Пожалуста.

1 прид<ворный>. Клянусь, принц, не могу (и проч. извиняется).

Гамлет. Ужели после этого не чудачки вы

оба? когда из такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласных звуков, как хотите из меня, существа одаренного сильной волею, исторгнуть тайные мысли?..

И это не прекрасно!..

Теперь следуют мои извинения, что я к вам, любезная тетинька, не писал: клянусь, некогда было; ваше письмо меня воспламенило: как обижать Шекспира?..

Мне здесь довольно весело: почти каждый вечер на бале. — Но великим постом я уже со всем засяду. В университете всё идет хорошо.

Прощайте, милая тетинька: желаю вам здоровья и всего, что вы желаете; если говорят: одна голова хорошо, а две лучше, зачем не сказать: одно сердце хорошо, а два лучше.

Целую ваши ручки и остаюсь покорный ваш племянник

М. Лермантов.

Р. S. Поклонитесь от меня дядиньке и поцелуйте пожалуста деточек...

Поливанову Н. И., 7 июня 1831*

<Москва, 7-го июня 1831 г.>

М Любезный друг, здравствуй!

Протяни руку и думай, что она встречает мою; я теперь сумасшедший совсем. Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листья осени. — Завтра свадьба твоей кузины* [71] Лужиной, на которой меня не будет (??); впрочем, мне теперь не до подробностей. — Чорт возьми все свадебные пиры. — Нет, друг мой! мы с тобой не для света созданы; — я не могу тебе много писать: болен, расстроен*, глаза каждую минуту мокры. — Source intarissable! [72] — Много со мной было; прощай, напиши что-нибудь веселее. Что ты делаешь? — Прощай, друг мой.

М. Лермантов.

Бахметевой С. А., июль — август 1832*

<Тверь, июль — начало августа 1832 г.>
Ваше Атмосфераторство! Милостивейшая государыня, София, дочь Александрова*!..

ваш раб всепокорнейший Михайло, сын Юрьев бьет челом вам.

Дело в том, что я обретаюсь в ужасной тоске: извозчик едет тихо, дорога пряма, как палка, на квартире вонь, и перо скверное!..

Кажется довольно, чтоб истощить ангель-

ское терпение, подобное моему.

Что вы делаете?

Приехала ли Александра*, Михайлова дочь — и какие ее речи? всё пишете — а моего писания никому не являйте.

Растрясло меня и потому к благоверной кухне не пишу — а вам мало; извините моей немощи!..

До Петербурга с обоими прощаюсь.

*раб ваш М. Lerma**

Прошу засвидетельствовать мое нижайшее поч<тение> тетиньке* и всем домочадцам.

Бахметевой С. А., август 1832

(«Любезная Софья Александровна...»)*

<Петербург, август 1832 г.>

П Любезная Софья Александровна; до самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах; ездил туда сюда, к Вере Николаевне на дачу и проч., рассматривал город по частям и на лодке ездил в море — короче, я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений!.. Преглупое состояние человека то, когда он принужден занимать себя, чтоб жить, как занимали некогда придворные старых королей;

быть своим шутом!.. как после этого не прези-
рать себя; не потерять доверенность, которую
имел к душе своей... одну добрую вещь скажу
вам: наконец я догадался, что не гожусь для
общества, и теперь больше, чем когда-нибудь;
вчера я был в одном доме NN, где, просидев 4
часа, я не сказал ни одного путного слова; —
у меня нет ключа от их умов — быть может,
слава богу! —

Вашей комиссии я еще не исполнил, ибо
мы только вчера перебрались на квартиру*: —
Прекрасный дом — и со всем тем душа моя к
нему не лежит; мне кажется, что отныне я
сам буду пуст, как был он, когда мы въеха-
ли. — Пишите мне, что делается в странах ва-
шего царства? как свадьба?* всё ли вы в Сред-
никове* или в Москве: чай, Александра Миха-
ловна* да Елизавета Александровна* покою не
знают, всё хлопочут! —

Странная вещь! только месяц тому назад я
писал:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья на зло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело;*

*Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман: —
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?*

И пришла буря, и прошла буря; и океан замерз, но замерз с поднятыми волнами; храня театральный вид движения и беспокойства, но в самом деле мертвее, чем когда-нибудь.

Надоел я вам своими диссертациями!.. Я короче сошелся с Павлом Евреиновым*: — у него есть душа в душе!

— Одна вещь меня беспокоит: я почти совсем лишился сна — бог знает, надолго ли; — не скажу, чтоб от горести; были у меня и больше горести, а я спал крепко и хорошо; — нет, я не знаю: тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит.

Дорогой я еще был туда сюда; приехавши не гожусь ни на что; право мне необходимо путешествовать; — я цыган.

— Прощайте, — пишите мне, чем поминаете вы меня? — Обещаю вам, что не все мои письма, будут такие; теперь я болтаю вздор, потому что натошак. — Прощайте;

член вашей bande joyeuse[73]*

M. Lerma.

Р. S. У тетушек* моих целую ручки, и прошу вас от меня отнести поклон всем моим друзьям... во втором разряде коих Achille*, арап; а если вы не в Москве, то мысленно.

Прощайте.

Бахметевой С. А., август 1832 («Примите дивное посланье...»)*

<П*етербург, начало августа 1832 г.*>

Примите дивное посланье
Из края дального сего;
Оно не Павлово писанье* —
Но Павел вам отдаст его*.
Увы! как скучен[74] этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный во-
рот,
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..
— И наконец[75] я видел море,*

*Но кто[76] поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул.
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(На зло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам. —*

Экспромтом написал я вам эти стихи, любимая Софья Александровна, и не имею духу продолжать таким образом. — В самом деле; не знаю отчего, поэзия души моей погасла;

*По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти;
Как после бури на песок
Волной расшибенный[77] челнок:
—*

*Пускай прилив его ласкает;
Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает,
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится, и на воле!
Погиб — и дан ему покой! —*

Мне кажется, что это недурно вышло; пожалуйста не рвите этого письма на нужные вещи. — Впрочем если б я начал писать к вам за час прежде то, быть может, писал бы вовсе другое; каждый миг у меня новые фантазии...

— Прощайте, дражайшая.

— Я к вам писал из Твери и отсюда* — а до сих пор не получил ответа.

Стыдно — однако я прощаю.

— И прощаюсь. —

M. Lerma.

Тетиньке и всем нижайшее мое почтение.

Пишите — что делается, и слышится, и говорится.

У Демидовой был, дома не застал; она была у какой-то директорши, — бог знает; — я письма не отдал и на-днях поеду опять. — Не имею слишком большого влечения к обществу: надоело! — Всё люди, такая тоска, хоть бы черти для смеха попадались.

Лопухиной М. А., 28 августа 1832*

S.-Pétersb<ourg> le 28 Août. <1832>

Dans le moment où je vous écris, je suis très inquiet, car grand'maman est très malade*, et

depuis deux jours au lit; — ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne: — vous nommer toutes les personnes que je fréquente? — *moi*, s'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir;[78] en arrivant je suis sorti, il est vrai assez souvent, chez des parents avec lesquels je devais faire connaissance, mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi; j'ai vu des échantillons de la société d'ici*, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis — tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, bien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre pour la première fois, car entre un arbre, et un autre, le ciseau du maître a ôté toute différence!..

— J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman* devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine — et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!.. à propos de votre mariage*, chère amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu (*pas français*); — j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes — cette

expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué que ça soit fini comme cela, et pas autrement! — Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé. —

— J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu'on m'aime, je ne doute plus, ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter; — vous avez ce défaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

— Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation* et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenêtre qui donne sur le canal; voilà ce que j'ai écrit! —

Для чего я не родился
Этой синею волной? —
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной;
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,[79]
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди
Мой набег бы разрушал;
И к моей студёной[80] груди*

*Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою! —*

— Voici une autre; ces deux pièces vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose;

*Конец! как звучно это слово!
Как много, — мало мыслей в нем!
Последний стон — и всё готово
Без дальних справок; — а потом?
Потом вас чинно в гроб положут
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас;
Против вам каждую обиду,
Отслужит в церкви панихиду,
Которой — (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать;
И если вы скончались в вере
Как христианин, то гранит
На сорок лет по крайней мере*

Названье ваше сохранит,
С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастью, вы сами
Не прочтаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И может быть из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготовит суп —
(Всё это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхище-
нием;
А там желудок вас сварит,
А там — но с вашим позволением
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.

— Adieu... je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans, si Moïse n'a pas menti.

Mes compliments à tout le monde.

— Votre ami le plus sincère

M. Lerma.

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухиной М. А., 2 сентября 1832*

<P^étersbourg> 2 Septembre. <1832 r.>

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous; et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre — savez vous, chère amie, comment je vous écrirai — par moments! — une lettre durera quelquefois plusieurs jours, — une pensée me viendra-t-elle je l'inscrirai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit — je vous en ferai part — êtes-vous contente de ceci? —

Voilà plusieurs semaines déjà que nous sommes séparés*, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. — Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталью Алексеевна*, parce qu'elle vient de nos contrées: — car Moscou est et sera toujours ma patrie. — J'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, et j'y ai été trop heureux! — ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire!

Mademoiselle Annette* m'a dit qu'on n'avait

pas effacé la célèbre tête sur la muraille! —
pauvre ambition! — cela m'a réjoui... et encore
comment! — cette drôle passion de laisser
partout des traces de son passage! — une idée
d'homme, quelque grande qu'elle soit vaut-elle la
peine d'être répétée dans un objet matériel, avec
le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de
quelques'uns; — il faut que les hommes ne soient
pas nés pour penser, puis qu'une idée forte et
libre est pour eux chose si rare! —

Je me suis proposé pour but de vous enterrer
sous mes lettres et mes vers; cela n'est pas bien
amical ni même philanthropique, mais chacun doit
suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de
la mer:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом; —
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

*Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит;
Увы! — он счастья не ищет,
И не от счастья бежит! —*

*Струя под ним светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой: —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

— Adieu donc, adieu — je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire — chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité... car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant! — je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon cœur; car ma vie — c'est moi, moi, qui vous parle, — et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien. — Dieu sait, si après la vie, le moi existera! C'est terrible, quand on pense qu'il peut arriver un jour, où je ne pourrai pas dire: moi! — à cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue. —

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos sœurs — car je ne suppose pas ma cousine* de retour. —

— Dites moi, chère miss Mary, si monsieur

mon cousin Evreïnoff* vous a rendu mes lettres; et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre.

— Adieu —

Votre dévoué Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question — mais elle se refuse de sortir de ma plume. — Si vous me devinez — bien, je serai content; — si non — alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.*

C'est le genre de question dont peut-être vous ne vous doutez pas! —

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухиной М. А., около 15 октября 1832*
11. М. А. Лопухиной

<Петербург, около 15 октября 1832 г.>

<П Je suis extrêmement fâché que ma lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la vôtre pour grand'maman; — ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part; puisque je l'aime beaucoup, trop pour m'esquiver par un mensonge, et que, à ce que vous pouvez lui

attester, je ne suis pas paresseux à écrire; je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après-demain je tiens examen, et suis enterré dans les mathématiques. — Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle; moi, qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idole, voilà que je me fais guerrier; — peut-être est-ce le vouloir particulier de la providence! — peut-être ce chemin est-il le plus court; et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènerat-il au dernier de tout le monde. Mourir une balle de plomb dans le cœur, vaut bien une lente agonie de vieillard; — aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par dieu d'être le premier partout. — Dites je vous en prie, à Alexis* que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas; il avait il y a longtemps désiré quelque chose de semblable; et je lui envoie la même chose, seulement dix fois mieux; — maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps; dans quelques jours l'examen; une fois entré je vous assomme

de lettres, et je vous conjure tous, et toutes, de me riposter; — mademoiselle Sophie* m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée; le *saint* du Voronège lui aurait-il conseillé de m'oublier?* — dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles, — Que coûte une lettre? — une demi-heure! et elle n'entre pas à l'école des gardes; — vraiment je n'ai que la nuit; — vous, c'est autre chose; il me paraît que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivé à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. — Croyez ou non, mais cela est tout-à-fait vrai; je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie; je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. — Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous; maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme <je> serai, cela sera ma plus

grande jouissance; cela seul pourra relier mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années*; prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; — à vous seule je puis dire tout ce que je pense, bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière; vous ne devez pas — car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. — J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini; j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours que vont suivre seront vides de sensations...

*Он был рожден для счастья, для
надежд*
И вдохновений мирных! — но
безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
—
Так сочный плод до времени созре-
лый*

Между цветов висит осиротелый;
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья
час! —
И жадный червь его грызет, гры-
зет,
И между тем как нежные подру-
ги
Колеблются на ветках — ранний
плод
Лишь тяготит свою... до первой
вьюги!
— Ужасно стариком быть без се-
дин; —
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится ду-
шою; —
Он меж людьми ни раб, ни вла-
стелин,
И всё, что чувствует, он чувству-
ет один!

Adieu — mes poclony* à tous — adieu, ne
m'oubliez pas.

M. Lermantoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à
vous à Evreïnoff; et vous voyez que tout ce que
j'ai dit de son caractère, est vrai; seulement j'ai eu

tort en disant qu'il était hypocrite[81] — il n'a pas assez de moyens pour cela; il n'est que menteur.

<См. перевод в примечаниях*>

**Верещагиной А. М., октябрь — ноябрь
1832***

<Петербург, конец октября, начало ноября
1832 г.>

Femme injuste et crédule! (et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine). Vous avez crû aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette* dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire*, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou, comme à tant d'autres; car il y a une réforme dans toutes les universités*, et je crains qu'Alexis* n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une année aux trois insupportables.

— Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre à l'école des gardes; ce qui me privera malheureusement du plaisir de vous voir bientôt. — Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint; — ne grondez donc plus, et consolez moi, si vous avez un cœur. —

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire

par *peser* les *paroles*, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelque chose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenir; et si vous venez à Pétersbourg j'espère me venger entièrement, — et par-dessus le marché — à coups de sabre — et point de quartier, entendez vous! — mais que cela ne vous effraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse; et mademoiselle Sophie*, à laquelle je n'écris pas, parce que je boude contre elle; elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège — *une longue lettre*, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps — qui remplace la lettre.

— Et vous, chère cousine, vous m'accusez de la même chose! — et pourtant je vous ai écrit deux lettres après monsieur Paul Evreïnoff*. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolypine à Moscou*, je suis sûr que le Léthé les a englouties, ou que la femme d'un domestique entortilla des chandelles avec mes tendres épîtres.

— Donc, je vous attends cet hiver; point de réponses évasives; vous devez venir; un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur

ne doit pas se faner sur sa tige, et cetera.

En attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de dieu, je serai militaire; encore: vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un très bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité; apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées, et que vous n'êtes que pour le présent et le *futur*,* qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occasion; adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une *future*; il faut qu'elle ressemble à Dachinka*, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symétrie avec moi, comme vous savez; ou comme vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains

M. Lerma.

P. S. Mes compliments aux tantes. —

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухиной М. А., 19 июня 1833*

19 *Juin, Pétersbourg <1833 г.>*

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai — dévorées; il y a si longtemps

que je n'ai eu de vos nouvelles; hier c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois; — je vous écris assis sur un banc de l'école au milieu du bruit des préparatifs, etc... — Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre, que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen, pour la I-re classe, et suis, un des premiers... cela nourrit toujours l'espérance d'une prochaine liberté! —

Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange; samedi avant de me réveiller je vois en songe, que je suis dans votre maison; vous êtes assise sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous — mais vous sans répondre m'avez tendu la main; le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous — et je trouve vos lettres. Cela me frappe! — je voudrais savoir: que faisiez vous ce jour-là? —

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je

conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince* : удавится или женится! — ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable. Car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent, les promesses d'après un registre;

— Dites je vous prie à ma cousine* que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky* est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa sœur*! — et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à cœur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps? — et bien puisque c'est fini n'en parlons plus — adieu, on me demande — car le général est arrivé. — Adieu.

M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard; j'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre: celle du

vice ou de la sottise; il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but; — je sais que vous m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler — ce serait de trop! je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! — Les termes vous déplaisent — mais hélas: *dis moi qui tu hantes je te dirai qui tu es!* — Je vous crois que mademoiselle S.* est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté d'autant plus si c'est du mal! — que dieu la bénisse! — quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire. — Je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi[82] que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois — *adieu.*

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухиной М. А., 4 августа 1833*

S. -*Pétersbourg. Le 4-me Août. <1833 г.>*

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible; imaginez-vous une tente

qui a 3 archines en long et en large et 2 1/2 de hauteur, occupée par trois personnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chakos[83] etc., etc. — le temps a été horrible, une pluie qui ne finissait pas faisait, que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits; et pourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu; vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant grâce à dieu j'en ai joui complètement.

— Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommencent nos occupations; la seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier. — Et alors, alors —... bon dieu! si vous saviez la vie que je me propose de mener!.. oh, cela sera charmant: d'abord, des bizarreries, des folies de toute espèce, et de la poésie noyée dans du champagne: — je sais vous allez vous recrier; mais hélas, le temps de mes rêves est passé; le temps de croire n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achète avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme

tranquille et inactive!.. voilà ce qui m'est nécessaire maintenant, et vous vous apercevez, chère amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés; quand j'ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai; j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se déshabituer du vin; — mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans le passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses; — vous me dites que le Prince T. et votre sœur son épouse* se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre sœur ne paraît pas très disposée à la soumission, et il paraît que monsieur n'est pas non plus un agneau! — Je souhaite que ce calme factice dure le plus longtemps possible — mais je ne saurai prédire rien de bon. — Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez; et c'est très naturel; car maintenant si mes

suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui. — Que faites vous à la campagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention sérieuse!

Dans un an, peut-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? — me reconnâtes-vous, et voudrez-vous le faire? — Et moi, quel rôle jouerai-je? sera-ce un moment de plaisir, pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même*, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an; — ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs, et sans en avoir joui, j'en suis dégoûté.

— Mais ceci est un sujet bien triste que je tâcherai de ne pas ramener une autre fois; lorsque vous serez à Moscou annoncez le moi, chère amie... — je compte sur votre constance; adieu;

M. Ler...

P. S. Mes compliments à ma cousine*, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

<См. перевод в примечаниях*>

Симанской М. Л., 20 февраля 1834*

<Петербург, 20 февраля 1834 г.>

П Ma chère cousine! Je me rends avec *extase* à votre aimable invitation, et certainement je ne manquerai pas de venir féliciter mon oncle d'abord après diner, car — pour mon grand désespoir mon cousin Stolipine est mort avant hier, — et je suis sûr que vous ne trouverez pas mal que je me prive du plaisir de vous voir quelques heures plus tôt, pour aller, remplir un devoir aussi triste qu'indispensable. — À vous pour toute la soirée et toute la vie.

M. L.

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухиной М. А., 23 декабря 1834*

S.-Pétersbourg. Le 23 décembre <1834 г.>

Chère amie! — quoi qu'il arrive je ne vous nommerai jamais autrement, car ce serait briser le dernier lien qui m'attache encore au passé — et je ne le voudrais pour rien au monde; car mon avenir quoique brillant à l'oeil, est vide et plat; je

dois vous avouer que chaque jour je m'aperçois de plus en plus que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux rêves, et mes mauvais essais dans le chemin de la vie... car: ou l'occasion me manque ou l'audace!... on me dit: l'occasion arrivera un jour! l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!.. et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que dieu m'a donnée fort mal à propos? si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait désabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence?..

Je commence ainsi ma lettre par une *confession*, vraiment sans y penser! — Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon cœur ne l'est pas. La vue seule de votre dernière lettre a déjà été pour moi un reproche — bien mérité certainement; mais que pouvais-je vous écrire? — vous parler de moi? — vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, [84] que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler: où je l'ai lue!.. et par suite de cela j'en suis venu à ne pas

lire, pour ne pas penser!.. je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaître, pour prouver que je suis capable de trouver du plaisir dans la bonne société; — ah!!!.. Je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!.. vous supposerez qu'on me renvoie après cela tout de bon... eh bien non, tout au contraire.... les femmes sont ainsi faites; je commence à avoir de l'aplomb avec elles! rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse: je suis toujours empressé et bouillant, avec un cœur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions: n'est-ce pas, j'ai fait du chemin!.. et ne croyez pas que ce soit une fanfaronnade: je le suis maintenant l'homme le plus modeste — et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je dis, parce que ce n'est qu'avec vous que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais votre générosité et votre bon sens je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé

un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie qui se glisse dans mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bateau brisé. Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien; vraiment on devrait en écrivant mettre des notes au-dessus des mots; — car maintenant lire une lettre, c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!..

— J'étais à *Царское Село** lorsque Alexis* est arrivé; quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, riant, me serrant les mains l'une l'autre; je suis retourné en un moment à mes joies passées, j'ai sauté deux années terribles, enfin*...

Je l'ai trouvé bien changé, votre frère, il est gros, comme J'étais alors, il est rose, — mais toujours sérieux, pause; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue, — et dieu sait de quoi?

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre

pour m-lle Cathérine Souchkoff*...est-ce que vous le savez? — les oncles de mamselle auraient bien voulu les marier!.. Dieu préserve!.. cette femme est une chauve souris, dont les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent! — il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettre, de la voir s'embarrasser dans ses propres filets.

Ecrivez-moi de grâce, chère amie, maintenant que tous nos différens sont réglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse-amitié!..

Je voudrais bien vous revoir encore:.. au fond de ce désir, pardonnez, il gît une pensée égoïste, c'est que, près de vous, je me retrouverais moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement, riche enfin de tous les biens que les hommes ne peuvent nous ôter, et que dieu m'a ôté. lui! — Adieu, adieu — je

voudrais continuer mais je ne puis.

M. Lerma.

— P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi... adieu encore.

<См. перевод в примечаниях*>

Верещагиной А. М., весна 1835*

<Петербург, весна 1835 г.>

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre cœur devenu si dur pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne suis pas encore tout à fait banni de votre souvenir; — autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs (car ici aussi j'ai des cousines) — et la femme la moins aimante (c'est connu) n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle. — Et puis si vous perséverez encore dans votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou — et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de

guerre (vous savez) on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Après cette bravade à la hussard, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires finis, je commence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps, comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis* a pu vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant si ce n'est le commencement de mes amourettes avec M-lle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé — avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul: — voilà comment. — J'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piédestal: une fortune, un nom, un titre, une faveur*...j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

— La demoiselle S. — voulant *m'attraper* (mot technique), j'ai compris qu'elle se compromettrait pour moi facilement; — aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible, sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait, je tente un coup de main. Avant je devins plus froid aux yeux du monde, et plus tendre avec elle pour faire voir que je ne l'aimais plus, et qu'elle m'adore (ce qui est faux au fond); et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dur et impertinent, moqueur et froid avec elle devant le monde, je fis la cour à d'autres et leur racontais (en secret) la partie, favorable à moi, de cette histoire. — *Elle* fut si confondue de cette conduite inattendue — que d'abord elle ne sut que faire et se résigna — ce qui fit parler et me donna l'air d'avoir fait une conquête entière; puis elle se réveilla — et commença à me gronder partout — mais je l'avais prévenue — et sa haine parut à ses amies (ou ennemies) de l'amour piqué. — Puis elle tenta de me ramener par une

feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait — je ne revins pas — et profitai de tout habilement. Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi — ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire: quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraître fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant; — j'écrivis une lettre anonyme; „*M-lle: je suis un homme que vous connaît et que vous ne connaissez pas, etc... je vous avertis de prendre garde à ce jeune homme: M. L. — il vous séduira — etc... voilà les preuves (des bêtises) etc...*” une lettre sur 4 pages!.. Je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante; orage et tonnerre dans la maison. — Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu. — Le soir à un bal, je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mademoiselle me dit la nouvelle terrible et incompréhensible; et nous faisons des conjectures — je mets tout sur le compte d'ennemis secrets — qui n'existent pas; enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler et

danser avec moi, — j'en suis au désespoir, mais je me garde bien, d'enfreindre la défense de la tante et des oncles; — ainsi fut menée cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort bonne opinion de moi. Au surplus les femmes pardonnent toujours le mal qu'on fait à une femme (*maximes de La Rochefoucauld**). Maintenant je n'écris pas de romans — j'en fais.

Enfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que les coquetteries de m-lle S. m'ont fait verser il y a 5 ans; oh! mais c'est que nos comptes ne sont pas encore réglés: elle a fait souffrir le cœur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer l'amour propre d'une vieille coquette, qui peut-être est encore plus... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi à quelque chose! — oh c'est que je suis bien changé; c'est que, je ne sais pas comment ça se fait, mais chaque jour donne une nouvelle teinte à mon caractère et à ma manière de voir! — ça devait arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que cela arrivât si vite. Oh, chère cousine, il faut vous l'avouer, la cause de ce que je ne vous écrivais plus, à vous et à M-lle Marie*, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes

lettres que je ne suis presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la vérité, à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse, si beaux — surtout dans le souvenir.

Et pourtant à me voir maintenant on dirait que je suis rajeuni de 3 ans, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content[85] de moi-même et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'extérieur ne vous paraît-il pas étrange? —

Je ne saurais vous dire combien le départ de grand'maman m'afflige, — la perspective de me voir tout-à-fait seul la première fois de ma vie m'effraye; dans toute cette grande ville il ne restera pas un être qui s'intéresse véritablement à moi...

Mais assez parler de ma triste personne — causons de vous et de Moscou. On m'a dit que vous avez beaucoup embelli, et c'est M-me Ouglitzki* qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle n'a pas menti, car elle est trop femme pour cela: elle dit encore que la femme de son frère est charmante*...en ceci je ne la crois pas tout-à-fait, car elle a intérêt de mentir... ce qui est drôle c'est qu'elle veut se faire malheureuse à

tout prix, pour attirer les condoléances de tout le monde, — tandis que je suis sûr qu'il n'y a pas au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans avoir ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passions!.. — et après cela se plaindre? — Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe allait se marier avec M. Bachmétieff; je ne sais pas si je dois trop lui croire — mais en tout cas je souhaite à M-lle Barbe de vivre en paix conjugale jusqu'au célébrément de sa noce *d'argent*, — et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoûtée!..

Maintenant voici mes nouvelles, Наталья Алексеевна* с чады и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!.. elle va donner là bas une fameuse idée de nos dames russes!

Dites à Alexis que sa passion M-lle Ladigenski* devient de jour en jour plus formidable !.. je lui conseille aussi d'engraisser encore pour que le contraste ne soit si frappant. Je ne sais pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obtenir ma grâce; ma huitième page va finir et je craindrais d'en commencer une dixième... ainsi donc, chère et cruelle cousine, adieu, et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur,

faites le moi savoir, par une lettre de votre domestique, — car je n'ose pas compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met au bas d'une lettre...

votre très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects je vous pris à mes tantes, cousines, et cousins, et connaissances...

<См. перевод в примечаниях* >

Гедеонову А. М., около 20 декабря 1835*

<Петербург, около 20 декабря 1835 г.>

<П Милостивый Государь, Александр Михайлович*,

Возвращенную цензурою мою пьесу «Маскерад» я пополнил четвертым актом, с которым, надеюсь, будет одобрена цензором; а как она еще прежде представления Вам подарена мною г-ну Раевскому, то и новый акт передан ему же для представления цензуре.

Отъезжая на несколько времени из Петербурга, я вновь покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать моему труду высокое внимание Ваше.

С отличным почтением и преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства

покорнейший слуга

М. Лермантов.

Раевскому С. А., 16 января 1836*

Тарханы, 16-го января <1836 г.>

Любезный Святослав*!

Мне очень жаль, что ты до сих пор ленишься меня уведомить о том, что ты делаешь, и что делается в Петербурге. Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь), у бабушки, слушаю, как под окном воет мятель (здесь всё время ужасные, снег в сажень глубины, лошади вязнут и <...> и соседи оставляют друг друга в покое, что, в скобках, весьма приятно), ем за десятерых, <...> не могу, потому что девки воняют, пишу четвертый акт новой драмы*, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве*. — О Москва, Москва, столица наших предков, златоглавая царица России великой, малой, белой, черной, красной, всех цветов, Москва, <...> преподло со мною поступила. Надо тебе объяснить сначала, что я влюблен. И что же я этим выиграл? — Одни <...>. Правда, сердце мое осталось покорно рассудку, но в другом не ме-

нее важном члене тела происходит гибельное восстание. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положение и, как друг, верно, пожалеешь, а может быть, и позавидуешь, ибо всё то хорошо, чего у нас нет, от этого, верно, и <...> нам нравится. Вот самая деревенская философия!

Я опасаясь, что моего «Арбенина» снова не пропустили, и этой мысли подало повод твое молчание. Но об этом будет!

Также я боюсь, что лошадей моих не продали и что они тебя затрудняют. Если бы ты об этом раньше написал, то я бы прислал денег для прокормления их и людей, и потом если они не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намереваюсь. Пожалуста, отвечай, как получишь.

Объявляю тебе еще новость: летом бабушка переезжает жить в Петербург*, т. е. в июне месяце. Я ее уговорил потому, что она совсем истерзалась, а денег же теперь много*, но я тебе объявляю, что мы всё-таки не расстанемся.

Я тебе не описываю своего похождения в Москве в наказание за твою излишнюю скромность, — и хорошо, что вспомнил об на-

казании — сейчас кончу письмо (ты видишь из этого, как я еще добр и великодушен).

М. Лермонтов.

Арсеньевой Е. А., март-апрель 1836*

<Царское Село, конец марта-первая половина
августа
апреля 1836 г.>

Милая бабушка.

Так как время вашего приезда подходит, то я уже ищу квартиру, и карету видел да высоко; Прасковья Николавна Ахвердова* в мае сдает свой дом*, кажется, что будет для нас годиться, только всё далеко. — Лошади мои вышли, башкирки*, так сносны, что чуда, до Петербурга скачу — а приеду, они и не вспотели; а большими парой, особенно одной все любят, — они так выправились, что ожидать нельзя было. — Лошадь у генерала я еще не купил, а уже говорил ему об этом, и он согласен. Посылаю вам в оригинале письмо Григорья Васильевича*, и я буду дожидаться вашего письма, что ему отвечать; признаюсь вам я без этого не знал бы, что и писать ему, — как вы рассудите: я боюсь наделать глупостей. — Скоро государь, говорят, переез-

жает в Царское Село — и нам начнется большая служба, и теперь я больше живу в Царском, в Петербурге нечего делать, — я там уж полторы недели не был; всё по службе идет хорошо — и я начинаю приучаться к царско-сельской жизни.

Пожалуйста, растолкуйте мне, что отвечать Григорью Васильевичу.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны на мой счет, а я, будьте уверены, всё сделаю, чтоб продолжать это спокойствие. Целую ваши ручки и прошу вашего благословения.

Покорный внук

М. Лермонтов.

Арсеньевой Е. А., апрель 1836*

<Петербург, вторая половина апреля
1836 г.>

Милая бабушка,

На-днях Марья Акимовна уехала*, — я узнал об ее отъезде в Царском, — приехал в город на один вечер, был у нее, но не застал, и потому не писал с нею, — вы верно получите мое письмо прежде ее приезда, то и не будете беспокоиться, что я с нею <не> пишу к вам.

Я на-днях купил лошадь у генерала и прошу вас если есть деньги прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше, — а цена эта не велика.

Насчет квартиры* я еще не решился, но есть несколько на примете; в начале мая они будут дешевле по причине отъезда многих на дачу. Я вам кажется писал, что Лизавета Аркадьевна* едет нынче весной с Натальей Алексеевной* в чужие края на год; теперь это мода, как было некогда в Англии; в Москве около двадцати семейств собираются на будущий год в чужие края; пожалуйста, бабушка, не мешкайте отъездом: вы, я думаю, получили письмо мое, с которым я посылаю письмо Григорья* Васильевича — пожалуйста объясните мне, что мне лучше ему писать.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословения, целую ваши ручки и остаюсь покорный внук.

М. Лермонтов.

Арсеньевой Е. А., апрель — май 1836*

<Царское Село, конец апреля — начало мая
1836 г.>

Милая бабушка,

Полагая, что вы уже в дороге, пишу к вам в Москву; последнее мое письмо от 25-го апреля, я думаю, вас не застанет в деревне, судя по тому, как вы хотели выехать, и к тому ж Андрей* получил письмо от жены, где она пишет, что вы думали выехать 20-го апреля, также и то, что не получаю от вас писем, заставляет меня думать, что вы уже в дороге. Также я думаю, милая бабушка, что вы не получили моего письма, где я писал вам о письмах ко мне Григорья Васильевича*, — и я всё еще жду ваше<го> разрешения, если вы получили. — Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя Шаховского*, за 2000 рублей — все говорят, что недорого, смотря по числу комнат. — Карета также ждет вас... а мы теперь все живем в Царском; государь и великий князь* здесь; каждый день ученье, иногда два.

Ожидаю от вас письма, милая бабушка, оно разрешит мое недоумение.

Прощайте. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермантов.

Раевскому С. А., 27 февраля 1837*

<Петербург, 27 февраля 1837 г.>

Милый мой друг Раевский.

Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что я виной твоего* несчастья, что ты, желая мне же добра, за эту записку страдаешь. Дубельт* говорит, что Клейнмихель тоже виноват... Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрюсь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать — но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!.. Я к тебе заеду непременно. Сожги эту записку.

Твой — М. Л.

Раевскому С. А., начало марта 1837*

<Петербург, первые числа марта 1837 г.>

Любезный друг.

Я видел нынче Краевского*; он был у меня и рассказывал мне, что знает про твое дело. Будь уверен, что всё, что бабушка может, она

сделает... Я теперь почти здоров — нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будет с твоей хандрой? Если б я мог только с тобой видеться. Как только позволят мне выезжать, то вторично приступлю к коменданту*. Авось, позволит проститься. — Прощай, твой навеки М. Л.

**Раевскому С. А., первая половина марта
1837***

<Петербург, первая половина марта
1837 г.>

Любезный друг Святослав.

Ты не можешь вообразить, как ты меня обрадовал своим письмом*. У меня было на совести твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай бог, чтоб твои надежды сбылись. Бабушка хлопочет у Дубельта* и Афанасий Алексеевич* также. Что до меня касается, то я заказал обмундировку и скоро еду. Мне комендант, я думаю, позволит с тобой видеться — иначе же я и так приеду. Сегодня мне прислали* сказать, чтоб я не выезжал, пока не явлюсь к Клейнмихелю, ибо он теперь и мой начальник <...>. Я сегодня был у Афанасья Алексеевича, и он меня про-

сил не рисковать без позволения коменданта — и сам хочет просить об этом. Если не позволит, то я всё приеду. Что Краевский, на меня пеняет за то, что и ты пострадал за меня? — Мне иногда кажется, что весь мир на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то право, меня бы огорчило... Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес — восток. Меня утешают слова Наполеона: *Les grands noms se font à l'Orient**.[86] Видишь: всё глупости. Прощай, твой навсегда

M. Lerma.

Лопухиной М. А., 31 мая 1837*

31 *-20 мая <1837 г.>* Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie ainsi qu'à madame votre sœur* les souliers circassiens que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver; je suis maintenant aux eaux*, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe à vos trousseaux, elle vous attrapera peut être à Londres,

à Paris, à Naples, que sais-je, — et toujours dans des endroits où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi dieu la garde et moi aussi. — J'ai ici un logement fort agréable*; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore, au moment où j'écris cette lettre, je m'arrête quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants, tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances je tâche de n'en pas faire du tout; je rôde chaque jour sur la montagne, ce qui seul a rendu la force à mes pieds*; aussi je ne fais que marcher; ni la chaleur ni la pluie ne m'arrêtent... Voici à peu près mon genre de vie, chère amie, ce n'est pas fort beau, mais... — dès que je serai guéri j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens*, quand l'empereur sera ici...

— Adieu, chère, je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris et à Berlin. — Alexis* a-t-il reçu sa permission; — embrassez le de ma part — adieu.

Tout à vous M. Lermontoff.

P. S. De grâce, écrivez-moi — et dites si les

сουλера вы онт плу.

<См. перевод в примечаниях*>

Арсеньевой Е. А., 18 июля 1837*

<Пятигорск> 18 июля <1837 г.>

П Милая бабушка! пишу к вам по тяжелой почте, потому что третьего дня по экстра-почте не успел, ибо ездил на железные воды и, виноват, совсем забыл, что там письма не принимают; боюсь, чтобы вы не стали беспокоиться, что одну почту нет письма. Эскадрон нашего полка*, к которому барон Розен* велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова*, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию; итак, прошу вас милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова* и напишите к нему: он обещался мне доставлять их туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщение сюда очень трудно, и почта не ходит, а деньги с нарочными отправляют. От Алексея Аркадича* я получил известия; он здоров, и некоторые офицеры, которые оттуда сюда приехали, мне говорили, что его можно считать лучшим офицером из гвардейских,

присланных на Кавказ. То, что вы мне пишете об Гвоздеве*, меня не очень удивило; я, уезжая, ему предсказывал, что он будет юнкером у меня во взводе; а впрочем, жаль его.

Здесь погода ужасная: дожди, ветры, туманы; июль хуже петербургского сентября; так что я остановился брать ванны и пить воды до хороших дней. Впрочем, я думаю, что не возобновлю, потому что здоров как нельзя лучше. Для отправления в отряд мне надо будет сделать много покупок, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича, то пожалуйста пришлите мне денег, милая бабушка; на прожитье здесь мне достанет; а если вы пришлете поздно, то в Анапу трудно доставить. — Прощайте, милая бабушка, целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь вам вечно привязанный к вам и покорный

внук Михаил.

Пуще всего не беспокойтесь обо мне; бог даст, мы скоро увидимся.

Раевскому С. А., ноябрь — декабрь 1837*

<Тифлис, вторая половина ноября-начало декабря 1837 г.>

Любезный друг Святослав!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки.

Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии.

С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль*, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии*, одетый по-черкесски*, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда когда где-нибудь

в горах ночью прозябну, то приехав на место, греюсь... — Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно*, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и Черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке Лезгин. — Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные*; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! — Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал*, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так си-

дел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски*, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским*.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта* и серьезно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не позабудь меня, и верь всё-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал.

Вечно тебе преданный М. Лермонтов.

Петрову П. И., 1 февраля 1838*

<П *етербург, 1 февраля 1838 г.*>

Любезный дядюшка Павел Иванович

*

Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в

Москве, я благославил во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний.

Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я еще здесь обмундировываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород.

Ваше письмо я отдал в руки дядюшке Афанасью Алексеевичу*, которого нашел в Москве. — Я в восторге, что могу похвастаться своею аккуратностью перед вами, которые видели столько раз во мне противное качество или порок, как угодно.

Боюсь, что письмо мое не застанет вас в Ставрополе, но, не зная, как вам адресовать в Москву, пускаюсь на удачную, и великий пророк да направит стопы почтальона.

С искреннейшею благодарностию за все ваши попечения о моем ветреном существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 руб., которые вы мне одолжили.

Пожалуйста, любезный дядюшка, скажите

милым кузинам, что я целую у них ручки и прошу меня не забывать,

— остаюсь всей душою преданный вам

М. Лермонтов.

Лопухиной М. А., 15 февраля 1838*

15 *Février <1838 г.>*

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod; j'attendais jusqu'à présent qu'il m'arrivât quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu; et je me décide à vous écrire que je m'ennuie à la mort; les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir — des présentations, des visites de cérémonie — vous savez, puis je suis allé chaque jour au spectacle: — il est fort bien c'est vrai, mais j'en suis déjà dégoûté; et puis on me persécute: tous les chers parents! — on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. — Enfin je suis passablement découragé, et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite, pour aller n'importe où, que ce soit au régiment ou au diable; j'aurai au moins alors un prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme

une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire; on dirait que vous faites la fière; — pour Alexis* cela ne m'étonne pas, car il va se marier un de ces jours ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son cœur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou*, — mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui envoie deux:

1) В С.-Петербур<ург>: у Пантелеймоновского моста на Фонтанке, против Летнего сада, в доме Венецкой.

2) В Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений в штаб *Лейб-гвардии* Гродненского гусарского полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre

autant que possible, quand on a à faire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez — moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! si je vous le dis c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. — Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires — des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions, — c'est quelque chose d'odieux, pour moi surtout qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare, ou très peu causante (celle des géorgiennes par ex<emple>, car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère Marie, écrivez-moi un peu, sacrifiezvous, — écrivez-moi toujours, et ne faites pas de ces petites cérémonies — vous devez être au-dessus de cela! — car enfin si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire! — deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky*, et lui ai porté Тамбовскую казначейшу* qu'il m'avait demandé, et qu'il porta à Wiazemsky* pour lire ensemble; cela leur a beaucoup plu, — et cela sera inséré au

prochain numero du Современник.

Grand'maman espère que je serai bientôt passé au husard de Царское Село, mais c'est parce que on le lui a fait espérer, dieu sait avec quel motif — et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé: quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage, et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, — mais cela ne prouve rien du tout.

Молитва странника*

*Я, мать божия, ныне с молит-
вою,
Пред твоим образом, — ярким си-
янием, —
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием;*

*Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного: —
Но я вручить хочу деву невинную*

*Теплой заступнице мира холодно-
го.*

*Окружи счастьем счастья до-
стойную,
Дай ты ей спутников полных вни-
мания,
Молодость светлую, старость
покойную, —
Сердцу незлобному мир упования;*

*Срок ли приблизится часу про-
щальному,
В утро ли шумное, в ночь ли без-
гласную,
Ты воспрять пошли к ложу пе-
чальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

Adieu, chère amie — embrassez Алексия, et
dites lui que c'est une honte, — et dites le aussi à
mademoiselle Marie Lapouchine. —

Lerma.

<См. перевод в примечаниях*>

Раевскому С. А., 8 июня 1838*

Июня 8 дня <1838 г.>

Любезный друг Святослав,

Твое последнее письмо* огорчило меня: ты

сам знаешь почему; но я тебя от души прощаю, зная твои расстроенные нервы. Как мог ты думать, чтоб я шутил твоим спокойствием или говорил такие вещи, чтобы отвязаться. Главное то, что я совсем этого не говорил или пусть говорил, да не про то. Я сказал, что отзыв *непокорен к начальству* повредит тебе* тогда, когда ты еще здесь сидел под арестом и что без этого ты, может быть, остался бы здесь.

Я слышал здесь, что ты просился к водам, и что просьба препровождена к военному министру; но резолюции не знаю; если ты поедешь, то, пожалуйста, напиши, куда и когда. Я здесь по-прежнему скучаю; как быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю *покойная*, потому что ученье и маневры производят только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно*.

Роман, который мы с тобою начали*, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменялись, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины.

Если ты поедешь на Кавказ*, то это, я уве-

рен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом*, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее. Не знаю, как у вас, а здесь мне после Кавказа всё холодно, когда другим жарко, а уж здоровее того, как я теперь, кажется, быть невозможно. О Юрьеве* скажу тебе: вообрази, влюбился в актрису, вышел в отставку, живет у Балабина, табак и чай уж в долг не дают и 30.000 долгу, и вон из города не выпускают, — видишь: у всякого свои несчастья.

Прощай, любезный друг, и прошу тебя, будь уверен во мне и думай, что я никогда не скажу и не сделаю ничего тебе огорчительно-го. Прощай, милый друг, бабушка также к тебе пишет.

М. Лермонтов.

Лопухиной М. А., конец 1838*

<Конец 1838 г.>

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de tous les vôtres; aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps

attendre: il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous; mais vous vous tromperez. Je sais que vous êtes persuadée que vos lettres me font un grand plaisir puisque vous employez le silence comme punition; mais je ne mérite pas cette punition car j'ai constamment pensé à vous, preuve: j'ai demandé un semestre d'un an, — refusé, de 28 jours — refusé, de 14 jours — le grand duc a refusé de même; tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir; je ferai encore une tentative — dieu veuille qu'elle réussisse. — Il faut vous dire que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez quand vous saurez que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le *grand-monde*: pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. — Tout ce monde*[87] que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries; les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent comme d'un triomphe. — Néanmoins je m'ennuie. — J'ai demandé d'aller au Caucase — refusé. — On ne veut pas même me laisser tuer. Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraîtront-elles pas de bonne foi? — peut-être vous paraîtra-t-il étrange qu'on cherche les

plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons quand on n'y trouve rien d'intéressant? — eh bien je vous dirai mon motif: vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour-propre: il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société comme novice, je n'y suis pas parvenu; les portes aristocratiques se sont fermées pour moi: et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité; on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes qui tiennent à avoir un salon remarquable veulent m'avoir, car je suis aussi un *lion*, oui, moi — votre Michel, bon garçon, auquel vous n'avez jamais cru une crinière. — Convenez que tout cela peut énivrer. Heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver tout cela par trop insupportable: mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu'elle m'a donné des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera) j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses

et de ridicules. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle comme avec ma conscience, et puis c'est si doux[88] de rire sous-cape des choses brigüées[89] et enviées par les sots, avec quelqu'un, on le sait, est toujours prêt à partager vos sentiments; c'est vous que je parle, chère amie, je vous le répète, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'écrirez n'est ce pas? — je suis sûr que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave? — êtes-vous malade? y a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine[90] prochaine j'attends votre réponse, qui j'espère sera non moins longue que ma lettre, et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage.

Adieu, chère amie, peut-être si dieu veut me récompenser je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié. — Tout à vous

M. Lermontoff.

<См. перевод в примечаниях*>

Шувалову А. П., 1838–1840*

<Весна 1838 — весна 1840 г.>
Cher comte!

Faites moi le plaisir de me prêter votre chien Mongo* pour perpétuer une race que je lui dois déjà; vous m'obligerez infiniment.

V<otre> T<out> D<evoué> Lermontoff:

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухину А. А., февраль-март 1839*

<Петербург, конец февраля — первая половина марта 1839 г.>

Милый Алексис*.

Я был болен и оттого долго тебе не отвечал и не поздравлял тебя, но верь мне, что я искренно радуюсь твоему счастью и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашел, кажется, именно ту узкую дорожку, через которую я перепрыгнул и отправился целиком. Ты дошел до цели, а я никогда не дойду: засяду где-нибудь в яме, и поминай как звали, да еще будут ли поминать? Я похож на человека, который хотел отведать от всех блюд разом, сытым не наелся, а получил индижестию, ко-

горая, вдобавок, к несчастью, разрешается стихами. Кстати о стихах; я исполнил обещание и написал их твоему наследнику, они самые нравоучительные (à l'usage des enfants). [91]

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый
стих.*

*Да будет с ним благослове-
нье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин;
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен,
И в правде тверд, как божий херу-
вим.*

*Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных
дум;*

*Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира
шум;*

*Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям
своим,*

*И выйдет он из светской ти-
ны*

Душою бел и сердцем невредим!

Je désire que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet...[92]

Увы! каламбур лучше стихов! Ну да всё равно! Если он вышел из пустой головы, то, по крайней мере, стихи из полного сердца. Тот, кто играет словами, не всегда играет чувствами,[93] и ты можешь быть уверен, дорогой Алексис, что я так рад за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар<ию> для твоего маленького крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый друг, еще тотчас, что у вас делается; я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили! Что, брат, делать! Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом. . . .

Тургеневу А. И., декабрь 1839*

<Петербург, вторая половина декабря 1839 г.>

Милостивый Государь Александр Иванович!

Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне

вчера говорили, для известного употребления, если будет такова ваша милость.

...«Его убийца хладнокровно
Навел удар — спасенья нет!
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво? — из далёка,
Подобный сотне беглецов,
На ловлю денег и чинов,
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Чужой земли язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый
На что он руку поднимал!»*

За сим остаюсь навсегда вам преданный и благодарный

Лермонтов.

Опочинину К. Ф., январь — март 1840*

<Петербург или Царское село, январь-начало марта 1840 г.>

O! cher et aimable M-r Opotchinine*! *Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles. Et à l'heure, au moment où vous lirez ce billet, je ne serai plus (tournez) à*

Пétersbourg. Car je monte la garde. *Et or* (style biblique et naïf) croyez à mes regrets sincères de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous

Lermontoff.

<См. перевод в примечаниях*>

Плаутину Н. Ф., март 1840*

<Начало марта 1840 г.>

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Получив от Вашего Превосходительства приказание объяснить вам обстоятельства поединка моего с господином Барантом*, честь имею донести вашему Превосходительству, что 16-го февраля на бале у графини Лаваль* господин Барант стал требовать у меня объяснения насчет будто мною сказанного; я отвечал, что всё ему переданное несправедливо, но так как он был этим недоволен, то я прибавил, что дальнейшего объяснения давать ему не намерен. На колкий его ответ я возразил такой же колкостью, на что он сказал, что если б находился в своем отечестве, то знал бы как кончить дело; тогда я отвечал, что в России следуют правилам чести так же

строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно. Он меня вызвал, мы условились и расстались. 18-го числа в воскресенье в 12 часов утра съехались мы за Черною речкой на Парголовской дороге. Его секундантом был* француз, которого имени я не помню, и которого никогда до сего не видал. Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону. После сего он подал мне руку, и мы разошлись.

Вот, Ваше Превосходительство, подробный отчет всего случившегося* между нами.

С истинною преданностию честь имею пребыть Вашего превосходительства покорнейший слуга Михайла Лермонтов.

Соболевскому С. А., март 1840*

<П *Петербург, середина марта 1840 г.*>

Je suis bien fâché, mon cher Sobolevsky*

, de ne pouvoir profiter aujourd'hui de votre invitation, société et roastbeaf; j'espère que vous me pardonneriez de vous faire faux bond en faveur de ma position actuelle qui n'est rien moins qu'indépendante.

Tout à vous

Lermontoff.

<См. перевод в примечаниях*>

Соболевскому С. А., март-апрель 1840*

<Петербург, конец марта — середина апреля 1840 г.>

Любезный Signor Соболевский, пришли мне пожалуста с *сим* кучером *Sous les Tilleuls* [94], да заходи потом сам, если успеешь; я в ордонанс гаузе, на верху в особенной квартире; надо только спросить плац-майора.

Твой Лермонтов.

Философову А. И., апрель 1840*

<Петербург, середина апреля 1840 г.>

<П Cher o<n>cle*, je prends la liberté de vous supplier d'intercéder pour moi dans une affaire que vous seul pouvez arranger, et je suis sûr que vous ne me refuserez pas votre protection. Grand'maman est dangereusement malade*, tellement qu'elle n'a pas pu même me

l'écrire, le domestique est venu me chercher croyant que j'étais déjà libéré. J'ai demandé au commandant* quelques heures seulement pour aller la voir, j'ai écrit au général* mais comme cela dépend du Monseigneur*, il n'ont rien pu faire.

Ayez pitié de Grand'maman, si ce n'est de moi, et obtenez un jour pour moi car le temps presse...

Je n'ai pas besoin de vous parler de ma reconnaissance et de mon chagrin, car votre coeur me comprendra complètement

Je suis votre tout dévoué

M. Lermontoff.

<См. перевод в примечаниях*>

Михаилу Павловичу, 20–27 апреля 1840*

<Петербург, 20–27 апреля 1840 г.>

<Ваше Императорское Высочество*!

Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но получив приказание явиться к Господину Генерал-Адъютанту Графу Бенкендорфу*, я из слов его сиятельства

увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью. Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество может быть разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушие и справедливость Вашу, и будучи уже не раз благодетельствован Вами* и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество позвольте сказать мне со всею откровенностию: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта: я не предполагал этого, не имел этого намерения; но теперь не могу испра-

вить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин, подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я однако осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить внимание на горестное мое положение и заступлением Вашим восстановить мое доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем

С благоговейною преданностию имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества

Всепреданнейший

Михаил Лермонтов

Тенгинского пехотного полка поручик.

Вадковской А. А., май 1840*

<Москва, май 1840 г.>

Je vous remercie bien pour l'adresse

de cette maison qui me sera éternellement chère et je me recommande au souvenir de mon aimable cousine en la suppliant de me donner la mazurka.

Votre bien dévoué

Lermontoff.

<См. перевод в примечаниях*>

Лопухину А. А., 17 июня 1840*

<Ставрополь, 17 июня 1840 г.>

О, милый Алексис!

Завтра я еду в действующий отряд*, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля*, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь, прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индийских петухов, так, авось, это его испугает. Я здесь, в Ставрополе, уже с неделю и живу вместе с графом Ламбертом*, который также едет в экспедицию и который вздыхает по графине Зубовой*, о чем прошу ей всеподданнейше донести. И мы оба так вздыхаем, что кишочки наши чересчур наполнились воздухом, отчего происходят разные приятные звуки... Я здесь от жару так слаб, что едва

держу перо. Дорóгой я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову* и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за *феатр*! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо — ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево — и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте вскочил и хотел продолжать бой и что же! о ужас! на голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опу-

стили, а оркестр отправили на съезжую. В продолжение этой потехи я всё ждал, что будет? — Так-то, мой милый Алеша! — Но здесь в Ставрополе таких удовольствий нет; зато ужасно жарко. Вероятно письмо мое тебя найдет в Сокольниках. Между прочим, прощай: ужасно я устал и слаб. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны* и будь благонадежен. Ужасно устал... Жарко... Уф! —

Лермонтов.

Лопухину А. А., 12 сентября 1840*

Пятигорск, <12> сентября 1840 года.

Мой милый Алеша.

Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое

продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2 000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, — кажется хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: *на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Голофеева, на левый фланг.* Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь* — в Ставрополь, на Черное море или в Тифлис. Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными. Только скучно то, что либо так жарко, что насилу ходишь, либо так холодно, что дрожь пробирает, либо есть нечего, либо денег нет, — именно что со мною теперь. Я прожил всё, а из дому не присылают. Не знаю, почему от бабуш-

ки ни одного письма. Не знаю, где она, в деревне или в Петербурге. Напиши, пожалуйста, видел ли ты ее в Москве. Поцелуй за меня ручку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов.

Лопухину А. А., 16–26 октября 1840*

<Крепость Грозная*, 16–26 октября 1840 г.>
Милый Алеша.

Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне*. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство* от Дорохова*, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто в роде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то, авось, что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал* и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам. Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем. Варвара Александровна будет зевать за пальцами и, наконец, уснет от моего рассказа, а тебя вызовет в другую комнату управитель*, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну, который сделает мне кака на колена... Сделай одолжение, пиши ко мне как можно больше. Прощай, будь здоров с чадами и домочадцами и поцелуй за меня ручку у своей сожительницы.

Твой Лермонтов.

Бибикову Д. С., февраль 1841*

<Пetersбург, вторая половина февраля
1841 г.>

Милый Биби.

Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясняю тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моем, а мне дали отпуск; но я скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот такие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы*, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой*, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет*, ибо 9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули*, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук.

Я был намерен у твоих, и они все жалуются, что ты не пишешь; и, взяв это в рассмотрение, я уже не смею тебя упрекать. Мещеринов*, верно, прежде меня приедет в Ставрополь, ибо[95] я не намерен очень торопиться; итак, не продавай удивительного лова*, ни крова-

ти, ни седел; верно отряд не выступит прежде 20 апреля, а я к тому времени непременно буду. Покупаю для общего нашего обихода Лафатера и Галя* и множество других книг.

Прощай, мой милый, будь здоров.

Твой Лермонтов.

Краевскому А. А., 13–14 апреля 1841*

<Петербург, 13–14 апреля 1841 г.>

<П Любезный Андрей Александрович*.

Очень жалею, что не застал уже тебя у Одоевского и не мог таким образом с тобою проститься; сделай одолжение, отдай подателю сего письма для меня два билета на «Отечественные Записки»*. Это для бабушки моей.

Будь здоров и счастлив.

Твой Лермонтов.

Арсеньевой Е. А., 19 апреля 1841*

<Москва, 19 апреля 1841 г.>

<М Милая бабушка,

Жду с нетерпением письма от вас с каким-нибудь известием; я в Москве пробуду несколько дней, остановился у Розена*; Алексей Аркадич здесь еще; и едет послезавтра*. Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо — и мне довольно весело;

был вчера у Николая Николаевича Анненкова* и завтра у него обедаю; он был со мною очень любезен: — вот всё, что я могу вам сказать про мою здешнюю жизнь; еще прибавлю, что я от здешнего воздуха потолстел в два дни; решительно Петербург мне вреден; может быть, также я поздоровел оттого, что всю дорогу пил горькую воду, которая мне всегда очень полезна. Скажите пожалуйста от меня Екиму Шангирею*, что я ему напишу перед отъездом отсюда и кое-что пришлю. — Вероятно Сашенькина свадьба уж была и потому прошу вас ее поздравить от меня; а Леокадии* скажите от меня, что я ее целую и желаю исправиться, и быть *как можно осторожнее вообще*.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы, и уверены что бог вас вознаградит за все печали. Целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь

покорный внук

М. Лермонтов.

Арсеньевой Е. А., 9-10 мая 1841*

<Ставрополь, 9-10 мая 1841 г.>

Милая бабушка,

я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная, теперь не знаю сам еще, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру*, где полк, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава богу, здоров и спокоен, лишь бы вы были так спокойны, как я: одного только и желаю; пожалуста оставайтесь в Петербурге: и для вас и для меня будет лучше во всех отношениях. Скажите Екиму Шангирею*, что я ему не советую ехать в Америку, как он располагал, а уж лучше сюда на Кавказ. Оно и ближе и гораздо веселее.

Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне всё-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку.

Прощайте, милая бабушка, целую ваши ручки и молю бога, чтоб вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословения. —

Остаюсь п<окорный> внук Лермонтов.

Карамзиной С. Н., 10 мая 1841*

<S*tavropol> Le 10 mai <1841 r.>*

Je viens d'arriver à Stavropol, chère Melle Sophie, et je reparts le jour même pour

l'expédition avec Stolipine Mongo. Souhaitez moi du bonheur et une légère blessure, c'est tout ce que l'on peut me souhaiter de mieux. J'espère que cette lettre vous trouvera encore à St. Pétersbourg et qu'au moment où vous la lirez je monterai à la brèche de *Черкей*. Comme vous avez de profondes connaissances en géographie je ne vous engage pas à regarder la carte, pour savoir où c'est; mais pour aider votre mémoire je vous dirai que c'est entre la mer Caspienne et la mer Noire, un peu au sud de Moscou et un peu au nord de l'Egypte, et surtout assez près d'Astracan, que vous connaissez si bien.

Je ne sais si cela durera; mais pendant mon voyage j'ai été possédé du démon de la poésie, idem, des vers. J'ai rempli d'à moitié un livre que m'a donné Odoevsky*, ce qui m'a porté bonheur probablement; je suis allé jusqu'à faire des vers français, — oh! dépravation! Si vous voulez je vous les écrirai ici; ils sont très jolis pour des premiers vers; et dans le genre de Parny, si vous le connaissez.

L'attente

*Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,*

*Une ombre, qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance! —
C'est un vieux saule, qui balance
Son tronc desséché et luisant.
Je me penche, et longtemps l'écoute;
Je crois entendre sur la route
Le son, qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la
mousse
Le bruit d'une feuille, que pousse
Le vent parfumé de la nuit.
Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.*

Vous pouvez voir par ceci quelle salutaire influence a eu sur moi le printemps, saison enchantée, où l'on a de la boue jusqu'aux oreilles, et le moins de fleurs possible. — Donc, je pars ce soir: je vous avouerai que je suis passablement fatigué de tous ces voyages qui paraissent devoir se prolonger dans l'éternité. — J'ai voulu écrire encore à quelques personnes à Pétersbourg, entre autres à M-me Smirnoff*, mais je ne sais si cette action téméraire lui serait agréable, voilà

pourquoi je m'abstiens. Si vous me répondez, adressez à Stavropol, в штаб генерала Грабе* — je me suis arrangé pour qu'on m'envoie mes lettres — adieu; mes respects je vous prie à tous les vôtres; et encore adieu — portez vous bien, soyez heureuse et ne m'oubliez pas.

T <out> à *V* <ous> *Lermontoff*.

<См. перевод в примечаниях*>

Арсеньевой Е. А., 28 июня 1841*

<Пятигорск> Июня 28 <1841 г.>
Милая бабушка,

Пишу к вам из Пятигорска куды я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха. Я получил ваших три письма вдруг и притом бумагу от Степана* насчет продажи людей, которую надо засвидетельствовать и подписать здесь; я это всё здесь обделаю и пошлю.

Напрасно вы мне не послали книгу графини* Растопчиной*; пожалуста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания* и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полно-

го Шекспира, по-англински, да не знаю, можно ли найти в Петербурге; препоручите Екиму. Только пожалуйста поскорее; если это будет скоро, то здесь еще меня застанет.

То, что вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, я полагаю еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?

Вы бы хорошенько спросили только выпустят ли если я подам.

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; целую ваши ручки, прошу вашего благословения и остаюсь покорный внук

М. Лермонтов.

Письма к Лермонтову

Лопухина — Лермонтову М. Ю., 12
октября 1832*

Le 12 Octorbe, Moscou <1832 г.>

Ваше письмо, датée de trois de ce mois, vient de me parvenir*, je ne savais pas, que ce jour-là fut celui de votre naissance, je vous en félicite, mon cher, quoique un peu tard. Je ne saurai vous exprimer le chagrin que m'a causé la mauvaise nouvelle* que vous me donnez. Comment, après tant de peines et de travail se voir entièrement frustré de l'espérance d'en recueillir les fruits, et se voir obligé de recommencer tout un nouveau genre de vie? ceci est véritablement désagréable. Je ne sais, mais je crois toujours que vous avez agi avec trop de précipitation, et si je ne me trompe ce parti a dû vous être suggéré par M-r Alexis Stolipine*, n'est ce pas?

Je conçois aisément, combien vous devez être dérouté par ce changement, car vous n'avez jamais été habitué au service militaire; mais à présent, comme toujours, l'homme propose et Dieu dispose, et soyez fortement persuadé que ce qu'il propose, dans sa sagesse infinie, est

certainement pour notre bien. Dans la carrière militaire vous avez tout aussi bien les moyens de vous distinguer; avec de l'esprit et de la capacité on sait se rendre heureux partout; d'ailleurs combien de fois ne m'avez-vous pas dit, que si la guerre s'allumait, vous ne voudriez pas rester oisif, eh bien! vous voilà pour ainsi dire jeté par le sort dans le chemin qui vous offre les moyens de vous distinguer et de devenir un jour un guerrier célèbre. Ceci ne peut pas empêcher que vous vous occupiez de poésie; pourquoi donc? l'un n'empêche pas l'autre, au contraire, vous ne ferez qu'un plus aimable militaire.

Voici, mon cher, maintenant le moment le plus critique pour vous, pour Dieu, rappelez-vous autant que possible la promesse que vous m'avez faite avant de partir. Prenez garde de vous lier trop tôt avec vos camarades, connaissez les bien avant de le faire. Vous êtes d'un bon caractère, et avec votre cœur aimant vous serez pris tout d'abord; surtout évitez cette jeunesse qui se fait merveilles de toutes sortes de bravades, et une espèce de mérite de sottes fanfaronnades. Un homme d'esprit doit être au-dessus de toutes ces petites choses; ce n'est pas là du mérite, tout au

contraire, ce n'est bon que pour les petits esprits; laissez leur cela, et suivez votre chemin.

Pardon, mon cher ami, si je m'avise de vous donner de ces conseils; mais ils me sont dictés par l'amitié la plus pure, et l'attachement que je vous porte fait, que je vous désire tout le bien possible; j'espère que vous ne vous fâcherez pas contre dame-prêche-morale, et que tout au contraire vous lui en saurez gré, je vous connais trop pour en douter.

Vous ferez bien de m'envoyer comme vous le dites, tout ce que vous avez écrit jusqu'à présent; vous êtes bien sûr que je garderai fidèlement ce dépôt, que vous serez enchanté de retrouver un jour. Si vous continuez d'écrire, ne le faites jamais à l'école, et n'en faites rien voir à vos compagnons, car quelque fois la chose la plus innocente occasionne notre perte. Je ne comprends pas, pourquoi vous recevez si rarement de mes lettres? Je vous assure que je ne fais pas la paresseuse, et que je vous écris souvent et longuement. Votre service ne m'empêchera pas de vous écrire comme à l'ordinaire, et j'adresserai toujours mes lettres à leur ancienne adresse; dites-moi, ne faudrait-il

pas que je les mette au nom de grand'maman.

J'espère, que parce que vous serez à l'école, ce ne sera pas un empêchement pour que vous m'écriviez de votre côté; si vous n'aurez pas le temps de le faire chaque semaine, eh bien! dans deux semaines une fois; mais je vous en prie, n'allez pas me priver de cette consolation.

Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez-moi que tout ira bien. Ce ne sont pas des phrases de consolation que je vous offre là, non, pas du tout; mais il y a un je ne sais quoi, qui me dit que tout ira bien. Il est vrai que maintenant nous ne nous verrons pas avant deux ans; j'en suis vraiment désolée pour moi, mais... pas pour vous, cela vous fera du bien, peut-être. Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonnable*.

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner*, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtes pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie,

car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est-ce que c'est que cette jeune personne dandinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je deviné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi? Il ne me reste tout juste de place, que pour dire adieu à mon gentil hussard. Comme j'aurais voulu vous voir avec votre uniforme et vos moustaches. Adieu, mes sœurs et mon frère vous saluent*. Mes respects à grand'maman.

<См. перевод в примечаниях*>

**Верещагина — Лермонтову М. Ю., 13
октября 1832***

13 *octobre <1832 r.>*

Annette Stolipine* écrit à Pachinka* que vous avez un désagrément à l'Université*, et que ma tante* en est malade, de grâce écrivez-moi ce que c'est? У нас всё делают из мухи слона, tranquillisez-moi de grâce, — pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille, je sais que vous êtes capable de vous couper la gorge avec le premier venu, et pour la première

sottise — fi! C'est une honte! vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractère.

<См. перевод в примечаниях*>

Винсон — Лермонтову М. Ю., 1832*

Любимовка, 1832 г.

Est-ce que vous négliger M<onsieur> Degai
*?

<См. перевод в примечаниях*>

**Лопухин — Лермонтову М. Ю., ноябрь
1832***

<Ноябрь 1832 г.>

Здравия желаю! Любезному гусару! — Право, мой друг Мишель, я тебя удивлю, сказав, что не так еще огорчен твоим переходом, потому что с живым характером твоим ты бы соскучился в статской службе.... На счет твоего таланта, ты понапрасну так беспокоишься*, — потому кто любит что, всегда найдет время побеседовать с тем.... Прощай, мой милый друг, люби меня попрежнему и продолжай писать; божусь, что ты меня очень утешаешь...

**Лопухин — Лермонтову М. Ю., 7 января
1833***

7 января 1833 г.

У тебя нога болит, любезный Мишель*!... .Что за судьба! Надо было слышать, как тебя бранили и даже бранят за переход в военную службу. Я уверял их хотя и трудно, чтоб поняли справедливость безрассудные люди, что ты не желал огорчить свою бабушку, но что этот переход необходим. Нет, сударь, решил какой-то Кикин*, что ты всех обманул, и что это твое единственное было желание, и даже просил тетеньку, чтоб она тебе написала его мнение. А уж почтенные-то разошлись и вопят, вот хорош конец сделал и никого-то он не любит, бедная Елизавета Алек<сеевна> — всё твердят. — Знаю наперед, что ты рассмеешься; а не примешь к сердцу*.

**Лопухин — Лермонтову М. Ю., 25
февраль 1833***

25 февраля 1833 г.

Напиши мне, что ты в школе остаешься или нет, и позволит ли тебе нога продолжать службу военную*. Очень и очень тебе благодарен за твою голову*, она меня очень восхищает и между тем иногда грусть наводит, когда я в ипохондрии.

Верещагина — Лермонтову М. Ю., 1833*

1833^{2.}

Si non, vous pouvez composer une dans le génie de vos improvisations кто смотрит так гордо en récitatif — et Arsenief* en allegro.

<См. перевод в примечаниях*>

Верещагина — Лермонтову М. Ю., 18 августа 1835*

Fedorov, 18 août <1835 г.>

Mon cher cousin.

C'est après avoir lu pour la troisième fois votre lettre, et après m'être bien assurée, que je ne suis pas sous l'influence d'un rêve, que je prends la plume pour vous écrire. Ce n'est pas que j'aie peine à vous croire capable d'une grande et belle action, mais écrire trois fois, sans avoir au moins trois réponses — savez-vous, que c'est un prodige de générosité, un trait sublime, un trait à faire pâlir d'émotion? — Mon cher Michel, je ne suis plus inquiète de votre avenir — un jour vous serez un grand homme.

Je voulais m'armer de toutes mes forces, désir et volonté, pour me fâcher sérieusement contre vous. Je ne voulais plus vous écrire, et vous prouver par là, que mes lettres peuvent se passer

de *cadre* et de *verre*, pourvu qu'on trouve du plaisir à les recevoir. — Mais trêve là-dessus; vous êtes repentant — je jette bas mes armes et consens à tout oublier.

Vous êtes officier, recevez mes compliments. C'est une joie pour moi d'autant plus grande, qu'elle était inattendue. Car (je vous le dis à vous seul) je m'attendais plus tôt à vous savoir soldat. Vous conviendrez vous-même que j'avais raison de craindre et si même vous êtes deux fois plus raisonnable que vous ne l'étiez avant, vous n'êtes pas encore sorti du rang des polissons... Mais c'est toujours un pas, et vous ne marcherez pas à reculons, je l'espère.

Je m'imagine la joie de grand'maman; je n'ai pas besoin de vous dire que je la partage de tout mon cœur. Je ne compare pas mon amitié à un *puits sans fond*, vous ne m'en croirez que mieux. Je ne suis pas *forte* en comparaisons, et n'aime pas à tourner les choses sacrées en ridicule, je laisse cela à d'autres.

Quand viendrez-vous à Moscou?

Quant au nombre de mes adorateurs, je vous le laisse à deviner, et comme vos suppositions sont toujours impertinentes, je vous entends dire,

que je n'en ai pas du tout

A propos de votre idéal. Vous ne me dites rien de vos compositions. J'espère que vous écrivez toujours, je pense que vous écrivez bien; avant vous m'en faisiez part sans doute vous avez des amis qui les lisent et qui savent en juger mieux, mais je vous garantis d'en trouver qui les liront avec plus de plaisir. Je m'attends qu'après cette sérieuse exorde, vous me composerez un quatrain pour ma nouvelle année.

Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès étonnants*, et je le crois bien. De grâce, Michel, n'abandonnez pas ce talent, le tableau que vous avez envoyé à Alexis est charmant*. Et votre musique? Jouez-vous toujours l'ouverture de la Muette de Portici*, chantez-vous le duo de Sémiramis* de fameuse mémoire, le chantez-vous comme avant, à tue-tête, et à perdre la respiration? Nous déménageons pour le 15 septembre, vous m'adresserez vos lettres dans la maison Guédéonoff, près du jardin du Kremlin. — De grâce écrivez-moi plus vite, maintenant vous avez plus de temps, si vous ne l'employez pas à vous regarder dans une glace; ne le faites pas, car votre uniforme d'officier

finira par vous ennuyer, comme tout ce que vous voyez trop souvent, c'est dans votre caractère. . . .

Si je n'avais pas envie de dormir, je vous aurais parlé de tout cela — mais impossible. Mes respects, je vous prie, à grand' maman. Je vous embrasse de tout mon cœur.

Alexandrine W.

<См. перевод в примечаниях*>

**Арсеньева — Лермонтову М. Ю., 18
октября 1835***

<Тарханы, 18 октября 1835 г.>

Милый любезный друг Мишенька. Конечно мне грустно, что долго тебя не увижу, но видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к богу, после двадцати пяти лет страдания любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца. Что делать, богу так угодно, но бог умилосердится надо мной и тебя отпустят*, меня беспокоит, что ты без денег, я с десятого сентября всякой час тебя ждала, 12 октября получила письмо твое*, что тебя не отпускают, целую неделю надо было почты ждать, посылаю теперь тебе, мой милый друг, тысячу четыреста рублей ассигнациями

да писала к брату Афанасию*, чтоб он тебе послал две тысячи рублей, надеюсь на милость божию, что нонешний год порядочный доход получим, но теперь еще никаких цен нет на хлеб, а задаром жалко продать хлеб, невестка Марья Александровна* была у меня и сама предложила написать к Афанасью, и ты верно через неделю получишь от него две тысячи, еще мы теперь не устроились. Я в Москве была нездорова, от того долго там и прожила, долго ехала, слаба еще была и домой приехала 25 июля, а в сентябре ждала тебя моего друга и до смерти мне грустно, что ты нуждаешься в деньгах*, я к тебе буду посылать всякие три месяца по две тысячи по пятьсот рублей, а всякой месяц хуже слишком по малу, а может иной месяц мундир надо сшить, я долго к тебе не писала, мой друг, всякой час ждала тебя, но не беспокойся обо мне, я здорова; береги свое здоровье, мой милой, ты здоров, весел, хорошо себя ведешь, и я счастлива и истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю бога, что он на старости послал в тебе мне утешения, лошадей тройку тебе купила и говорят, как птицы летят, они

одной породы с буланой и цвет одинакой, только черный ремень на спине и черные гривы, забыла, как их называют, домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых, но здесь никто не умеет выезжать лошадей, у Матюшки силы нет, Никанорка объезжает купленных лошадей, но я боюсь, что нехорошо их приедит, лучше думаю тебе и Митьку кучера взять. Можно до Москвы в седейки* его отправить дни за четыре до твоего отъезда, ежели ты своих вятских продашь, и сундук с мундирами и с бельем с ним можно отправить, впрочем как ты сам лучше придумаешь, тебе уже 21 год, Катерина Аркадьевна* переезжает в Москву, то в Средниково тебе не нужно заезжать, да ты после меня ни разу не писал к Афанасью Алексеичу, через письма родство и дружба сохраняется, он друг был твоей матери и любит тебя как родного племянника, да к Марьи Акимовне и к Павлу Петровичу* хоть бы в моем письме приписал два слова. Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные*, а всего лучше меня утешило, что тут нет ныншней модной неистойвой любви,

и невестка сказывала, что Афанасью очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия*, всё, что до тебя касается, я равнодушна, уведошь, а коли можно, то и пришли через почту. Стихи твои я больше десяти раз читала, скажи Андрею*, что он так давно к жене не писал, она с ума сходит, всё плачет, думает, что он болен, в своем письме его письмо положи, *achète quelque chose pour Daria*, elle me sert avec beaucoup d'attachement,*[96] очень благодарна Катерине Александровне*, что она обо мне помнит, но мое присутствие здесь необходимо, Степан очень прилежно смотрит, но всё как я прикажу, то лучше, девки, молодая вдова, замуж не шли и беспутничали, я кого уговаривала, кого на работу посылала и от 16 больших девок 4 только осталось и вдова, все вышли, иную подкупила и всё пришло в прежний порядок. Как бог даст милость свою и тебя отпустят, то хотя Тарханы и Пензенской губернии, но на Пензу ехать слишком двести верст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов и на Тамбов, а из

Тамбова на Кирсанов в Чембар, у Катерине Аркадьевне на дворе тебя дожидается долгуша точно коляска, перина и собачье одеяло, может еще зимнего пути не будет, здесь у нас о сю пору совершенная весна среди дня, ночью морозы только велики, я в твоём письме прикладывала письмо к Катерине Лукьяновне и к Емельяну Никитичу*, уведомя, отдали ли ты им их, да несколько раз к тебе писала, получил ли ты мех черной под сертук, Прасковья Александровна Крюкова* взялась переслать его к Лонгиновой*, и с Митькой послала тебе кисет и к Авдотье Емельяновне* башмаки, напиши привез ли он это всё, да уведомя, часто ли ты бываешь у Лонгиновой, прощай, мой друг, Христос с тобою, будь над тобою милость божия, верный друг твой

Елизавета Арсеньева 1835 года 18 октября

Спроси у Емельяна Никитича ответ на мое письмо, не забудь, мой друг, купить мне металлических перьев, здесь никто не умеет очинить пера, всё мне кажется, мой друг, мало тебе денег, нашла еще сто рублей, то посылаю тебе тысячу пятьсот рублей.

Одоевский — Лермонтову М. Ю., около 5

августа 1839*

<Н *е ранее 5 августа 1839 г.*>

Ты узнаешь, кто привез тебе эти две вещи — одно прекрасное и редкое издание мое любимое — читай Его*. О другом напиши, что почувствуешь прочитавши. Может быть сегодня еще раз заеду.

Одоевский.

Жена* была со мною и кланяется тебе, жалела что не застали.

Письма к Лермонтову, упомянутые в «Деле о непозволительных стихах»

Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова*

<20 ф *евраля 1837 г.*>

Лит. А. Письма бабки Лермантова г-жи Арсеньевой*, равно как матери его. В них всё дышит благоразумием и самую теплую родительскою привязанностию, — обе дамы непрестанно снабжают молодого человека сего полезными советами. —

Лит. В. Письма родных и двоюродных сестер Лермантова*, равно как некоторых знакомых ему девиц. *Главный характер:* Они его

считают поэтом и питают большую к нему привязанность. Бесперывные просьбы воздерживаться от шалостей, быть осторожным — доказывают, что ему не доверяли. Стихотворную способность Лермантова выхваляют и просят его пересылать стихи свои в Москву. Из них особенно замечательны три письма:

№ 1. В письме сем от одной девицы из Москвы* — ясно говорится, что переход Лермантова в военную службу есть следствие неприятности, которую он имел в университете, причем обвиняется некто Алексей Стальпин.

№ 2. От девицы Верещагиной к Лермантову*, — в нем упоминается о каком-то романе соч. последнего, но он кажется не состоялся, Лермантов повидимому уничтожил его прежде окончания.

№ 3. От девицы Верещагиной к Лермантову* — она рассказывает о приготовлениях в Москве к приезду Государя Императора.

Остальные, кроме семейных обстоятельств, ничего в себе не заключают.

Лит. С. Письма, писанные Лермантову

некоим* Лопухиным. *Главные черты:* Лопухин студент и находится с Лермантовым в дружеских отношениях.

Из них более других примечательны:

№ 1. В нем Лопухин говорит*, что основываясь на живом характере Лермантова, он не очень огорчен переходом его в военную службу; — на счет же стихотворного таланта говорит Лопухин — «тебе нечего беспокоиться, потому что кто что любит, на то всегда найдет время», и в доказательство приводит Давыдова.

№ 2. Лопухин извещает Лермантова*, что его бранят в Москве за переход в военную службу. В остальных соприкосновенного ничего не заключается.

Лит. D. Письмо известного Раевского к Лермантову*, в котором первый поздравляет его с счастливым успехом написанной пьесы и приглашает его к Кирееву, который предполагал представить Лермантова к г. Гедеонову.

Лит. E. Письма г. Юрьева* к Лермантову из Новгорода в существе незначительны, — в одном, под № 1, Юрьев говорит о таланте Лермантова и упоминает, что некоторые из его

однополчан желают с Лермантовым познакомиться.

Наконец два донесения от управителя*, ничтожные стихи за подписью Лыкошина и письмо за подписью Евреинова*.

Опись перенумерованным бумагам корнета Лермантова

1 Письмо Андрея Муравьева*, писанное в четверг, коим уведомляет, чтобы Лермантов был покоен на счет его стихов, присовокупляя, что он говорил об них Мордвинову*, который нашел их прекрасными, прибавив только, чтобы их не публиковать, причем приглашает его к себе утром или вечером.

2 Письмо его же Муравьева*, без числа, коим благодарит Лермантова за стихи, присовокупляя, что они до бесконечности

нравились всем, кому он их показывал, приглашая его с тем вместе к себе.

3 План составленный Лермантовым для драмы заимствованный из семейного быта сельских дворян*, — написана ли по сему плану драма, неизвестно.

4 Стихи карандашом написанные*, с изображением пред друзьями сердца человека,

бывшего влюбленным и потом охладевшего.

5 Книга на французском языке* о лечебной силе паров, напечатанная в 1836 году в типографии Плюшара.

6 Письмо поручика л. — гв. московского полка Унковского*, с приглашением бывать у него вместе с Раевским и с прочими его знакомыми в понедельник по вечерам.

7 Письмо родственника Пожогина*, о присылке 25 рублей денег.

8 Письмо Энгельгардта*, с посылкою билета в Благородное Собрание и с приглашением к себе.

9 Отрывок письма сестры* о семейных делах.

10 Письмо Аркадия Сталыпина*, о семейных же делах.

11 Письмо бабки Лермантова, Арсеньевой, о прибытии ее в Москву*.

12 Письмо ее же, о семейных делах*.

13 Письмо ее же, с приложением записки от г-жи Симанской*, о семейных делах.

14 Письмо ее же*, о семейных же делах.

15 Письмо ее же, с уведомлением о хозяйстве*.

16 Письмо ее же*, с приложением 2 т. руб. и письма деда его Стальпина с наставлением заниматься поэзией, и не мечтать, что всех умнее.

17 Письмо родственника Пожогина*, с уведомлением о переходе на службу из Финляндии в Россию.

18 Письмо приказчика Лермантова*, о хозяйстве. 20 февраля 1837-го.

Комментарии

Тексты прозаических произведений М. Ю. Лермонтова, публикуемые в настоящем томе, воспроизведены по следующим источникам.

1. Автографы и авторизованные копии.
2. Авторитетные копии.
3. Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. СПб.; кн. I, 1845; кн. II, 1846.
4. «Отечественные записки» (1839, т. 2, № 3; т. 6, № 11 и 1840, т. 8, № 2).
5. «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова», части I и II. СПб., 1840; второе издание, 1841.

В разделе «Проза» собраны все законченные и незаконченные произведения Лермонтова.

В разделе «Приложения» — ученическое сочинение «Панорама Москвы», планы и наброски неосуществленных замыслов, автобиографические и литературные заметки, надписи на книгах, подписи под рисунками и напечатанные в альманахе «Цефей» на 1829

год «Мысли, выписки и замечания» (в последнем случае авторство Лермонтова только предполагается).

В разделе «Письма» помещены все известные в настоящее время письма Лермонтова, письма к Лермонтову и «Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермонтова», составленная при его аресте по делу о стихах «Смерть Поэта» и находящаяся в «Деле о непростительных стихах».

Том завершается «Летописью жизни и творчества» М. Ю. Лермонтова и указателями адресатов и корреспондентов Лермонтова и его произведений ко всем томам.

При жизни Лермонтова из произведений, помещенных в настоящем томе, было напечатано только одно — «Герой нашего времени», остальные выходили в свет в разное время, начиная с 1845 года.

Кроме небольшого количества заметок и некоторых писем с точной датировкой, в томе публикуются произведения, датированные предположительно.

Текст каждого отдельного произведения дается по какому-либо одному источнику, но

В случаях установленных ошибок или опечаток — текст исправляется по другим авторитетным источникам (например, «Герой нашего времени» печатается по второму изданию романа 1841 года с исправлением отдельных мест по автографу, авторизованной копии, «Отечественным запискам» и по первому изданию).

Письма печатаются по автографам, а если автографы не сохранились — по первым публикациям; письма к Лермонтову печатаются еще и по копиям из тетради В. Х. Хохрякова.

Все примечания редакции в тексте выделяются курсивом в круглых скобках. Например: *(Франц)*. — *Ред.*, *(Примечание Лермонтова)*.

В вариантах примечания редакции набраны курсивом без скобок; слова текста, подчеркнутые автором, — разрядкой.

[]. В квадратные скобки заключаются слова, зачеркнутые автором и ничем не замененные. В тексте они приводятся только в том случае, если их отсутствие нарушает смысл или стихотворный размер.

< >. В угловые скобки заключаются слова,

пропущенные в автографе, и части недописанных слов, легко восстанавливаемые по смыслу. Например: «собирают<ся>», «проч<ее>» и т. д.

<Не дописано>. В тех случаях, когда незаконченное слово восстановить по смыслу невозможно, в угловые скобки заключаются слова: <не дописано>.

<?>. В тех случаях, когда чтение неразборчивого слова вызывает сомнение, в угловые скобки заключается знак вопроса.

<2 нрзб>. Когда в автографе остаются неразборчивые слова, в угловые скобки заключается цифра, обозначающая количество неразборчивых слов и сокращенное слово: нрзб.

<...>. Слова, неудобные для печати, обозначаются тремя точками.

— Пропуски текста обозначены тильдой.

* В тех случаях, когда в вариантах последнее чтение данного отрывка в черновом автографе или в копии не совпадает с основным текстом, в конце его ставится звездочка, свидетельствующая о том, что окончательное чтение данного отрывка установлено Лермонтовым в другой, позднейшей, рукописи.

Варианты даются в случае сложных автографов (при наличии черновых и беловых с поправками) — по каждому документу в отдельности.

Сноски в вариантах применяются, когда наличествует несколько сложных редакций текста. В сноску выносятся разночтения отдельных слов, предшествовавшие чтению последнего текста вариантов.

Настоящим томом заканчивается академическое издание «Сочинений» М. Ю. Лермонтова в шести томах.

При упоминании автографов и копий, находящихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, дается сокращенное обозначение места их хранения, например: ИРЛИ, оп. 1, № 12, без повторения номера фонда — 524 — одного для всех лермонтовских материалов.

Список сокращений[97]

Архивохранилища

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ле-

нинград).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив (Ленинград).

Книги

Белинский, ИАН — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т.т. 1-11, Академия Наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), М., 1953–1956.

Белинский. Письма — Белинский. Письма. Три тома, редакция и примечания Е. А. Ляцкого, СПб., 1914.

Пушкин — Пушкин, Полное собрание сочинений, т.т. 1-16, Академия Наук СССР, М., 1937–1949.

Соч. изд. Академической библиотеки — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в пяти томах, под редакцией Д. И. Абра-

мовича, Академическая библиотека русских писателей, издание Разряда изящной словесности Академии Наук, Спб., 1910–1913. Второе издание вышло в 1916 году.

Соч. изд. «Academia» — М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах, редакция текста и комментарии Б. М. Эйхенбаума, изд. «Academia», М.-Л., 1935–1937.

Соч. изд. библиотеки «Огонек» — М. Лермонтов, Полное собрание сочинений, т.т. 1–4, изд. библиотеки «Огонек», М., 1953.

Соч. под ред. Болдакова — Сочинения М. Ю. Лермонтова, проверенные по рукописи, под редакцией и с примечаниями И. М. Болдакова, т.т. 1–5, М., 1891.

Соч. под ред. Введенского — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, под редакцией Арс. И. Введенского, в четырех томах, Спб., 1891.

Соч. под ред. Висковатова — Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, М., 1889–1891.

Соч. под ред. Дудышкина — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и допол-

ненные С. С. Дудышкиным, в двух томах, СПб., 1860. Издание второе, сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, вышло в 1862 году и без изменений повторилось в 1863 году.

Соч. под ред. Ефремова — Сочинения Лермонтова с портретом его, двумя снимками с почерка и статьею о Лермонтове А. Н. Пыпина, в двух томах, изд. 3-е, вновь сверенное с рукописями, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова, СПб., 1873. Издание с изменениями и дополнениями повторялось в 1880, 1882, 1887, 1889 годах.

<Вадим> (стр. 7, 477)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 17 (тетрадь XVI). Впервые опубликован П. А. Ефремовым в журнале «Вестник Европы» (1873, кн. 10, стр. 458–557, «Юношеская повесть М. Ю. Лермонтова»).

Вся обложка автографа покрыта зарисовками, сделанными рукой Лермонтова. Содержание этих зарисовок составляют: отдельные всадники и отряды мчащейся кавалерии; жанровая картинка кулачного боя и лежащий рядом с упавшей лошадью всадник; множество разнообразных мужских и женских фигур (во весь рост, поясные, головы, некоторые из них явно карикатурного характера).

Настоящее название произведения не известно, так как первый лист рукописи, на котором возможно и было написано заглавие, вырван. На обеих сторонах этого листа содержался неизвестный текст предисловия или посвящения, так как на оставшемся корешке читаются отдельные слова и обрывки слов.

П. А. Ефремов, публикуя рукопись, оставил ее без названия. П. А. Висковатов дал ей заглавие: «Горбач — Вадим. Эпизод из Пугачевско-

го бунта (юношеская повесть)» (Соч. под ред. Висковатова, т. 5, 1891, стр. 1); И. М. Болдаков — «Вадим. Неоконченная повесть» (Соч. под ред. Болдакова, т. 5, стр. 4); и с тех пор за этим произведением укрепилось название «Вадим».

Роман остался незавершенным. Начало работы над романом, по всей вероятности, относится к 1832 году.

28 августа 1832 года Лермонтов писал из Петербурга М. А. Лопухиной (подлинник по-французски): «...мой роман становится произведением, полным отчаяния; я рылся в своей душе, желая извлечь из нее всё, что только способно обратиться в ненависть; и всё это я беспорядочно излил на бумагу — вы бы меня пожалели, читая его!» (см. настоящий том, стр. 414, 703). Есть основание предполагать, что эти слова относятся к «Вадиму». Мы не знаем другого прозаического произведения, писавшегося Лермонтовым в этот период, к которому была бы применима такая характеристика.

Работа Лермонтова над романом продолжалась и в период учения в Школе гвардей-

ских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, о чем прямо свидетельствуют воспоминания А. Меринского, поступившего в Школу годом позднее Лермонтова (1833). «Раз, в откровенном разговоре со мной <разговор происходил в начале 1834 года>, он <Лермонтов> мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы которого были тогда уже им написаны. Роман этот был из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии, по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе; в нем также описывалась первая любовь, не вполне разделенная, и встреча одного из лиц романа с женщиной с сильным характером... Роман, о котором я говорил, мало кому известен, и нигде о нем не упоминается; он не был окончен Лермонтовым и, вероятно, им уничтожен» («Атены», 1858, ч. 6, стр. 300).

Можно заключить, что роман датируется в пределах 1832–1834 годов.

Отдельные эпизоды в романе «Вадим» восходят к устным преданиям о пугачевщине в

Пензенской губернии.

Родные поэта, помещики-соседи, крепостные Тарханского поместья хорошо помнили о событиях, связанных с пугачевским восстанием, охватившим также Пензенскую и прилегающие к ней губернии.

1 августа 1774 года отряды Пугачева заняли г. Пензу, на следующий день туда прибыл сам Пугачев. Пугачевцы побывали в Тарханах, где хотели повесить управляющего Злынина, но последний успел раздать крестьянам господский хлеб и таким образом избежал расправы. (П. Шугаев. Из жизни замечательных людей. «Живописное обозрение», № 25, 1896, стр. 499–501). В списках дворян, «убитых до смерти в 1773-74 г.г.», числились Киреевы, Мещериновы, Хотяинцевы, Мосоловы, Мартыновы, Мансыревы, Акинфовы, находившиеся либо в родстве с бабкой Лермонтова, либо в числе ее хороших знакомых. Дальний родственник Лермонтова, капитан Данил Столыпин, помещик Саранского уезда, с женой и несколькими дворовыми был схвачен повстанцами и убит в Краснослободске (И. Беляев. Пугачевский бунт в Краснослобод-

ском уезде, Пензенской губ. Краснослободск, 1879, стр. 12, 19, 45).

Центром восстания оказались Керенский, Нижнеломовский и Краснослободский уезды. Упоминается в преданиях и Нижнеломовский мужской монастырь (в 50 верстах к северу от Тархан), о котором идет речь в романе. Повидимому, на основе рассказов и создавались Лермонтовым сцены восстания у монастыря, с нищими, расправа с Палицыной и др. (см.: А. М. Докусов. Роман «Вадим» Лермонтова. Ученые записки Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена, т. 43, 1947, стр. 77–86; А. Н. Коган. Об отражении исторической действительности в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим». Ученые записки Педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева, вып. 8, 1947, стр. 53–71; И. Андроников. Лермонтов в работе над романом о Пугачевском восстании. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 289–299; он же. Исторические источники «Вадима». В кн.: «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», 1951, стр. 60–79; он же. Пензенские источники «Вадима». В кн.: «Лермонтов». Пенза, 1952, стр. 5–27).

Лермонтов избрал обстановкой произведения не начало пугачевского восстания, а его конец, когда Пугачев, уходя от преследований Михельсона через Пензу и Саратов, не в состоянии был руководить многочисленными партиями и отрядами. Восставшие сплошь и рядом не видели «своего царя», а действовали без него, его именем.

Отмечалось фабульное сходство между романом Лермонтова «Вадим» и романом Пушкина «Дубровский» и высказано (И. Л. Андроников) предположение, что в основе обоих романов лежал один и тот же факт: судебная тяжба между тамбовскими помещиками С. П. Крюковым и И. Я. Яковлевым (Ираклий Андроников. «Лермонтов», изд. «Советский писатель», 1951, стр. 64–67).

Художественные принципы романа отличаются крайней противоречивостью. Такие особенности, как красочность и необычность образов, контрасты, напряженность личных и социальных страстей, мелодраматизм диалогов, эмоциональность эпитетов, острота афоризмов, нагромождение гипербол и т. д., связывают роман с русской и западноевро-

пейской романтической традицией, с поэзией «неистового» романтизма. Но вместе с тем в романе присутствуют реалистические сцены, построенные на живой разговорной речи.

Романтический элемент сопровождает изображение героя и эпизоды, тесно с ним связанные. Характер Вадима принадлежит к числу тех художественных образов, которые, начиная с юношеской лирики Лермонтова и кончая «Демоном», являются художественным воплощением социально-философских размышлений и соответствующих психологических переживаний поэта. На основе глубокого протеста против несправедливости, господствующей в реальной действительности как бытового, так и социально-политического порядка, возникала для Лермонтова более общая проблема добра и зла в их противоречии. Вадим и воплощает в себе бунтарское начало протеста, причем в его сознании и действиях стираются границы между добром и злом. С этим связано и противопоставление красоты и безобразия, символизирующего противоречия в отношениях брата и сестры. Образ этот не получил у Лермонтова в Вадиме оконча-

тельного и убедительного воплощения, что может быть и было одной из причин, почему роман остался неоконченным. (См.: E. Duchesne. Michel Jouriévitch Lermontov. Sa vie et ses oeuvres, Paris, 1910; С. И. Родзевич. Лермонтов как романист. Киев, 1914; Д. П. Якубович. Лермонтов и В. Скотт. Изв. АН СССР, № 3, 1935; Л. Семенов. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова. Филологические записки, вып. V–VI, 1901; Б. Томашевский. Проза Лермонтова и западно-европейская литературная традиция. «Лит. наследство», т. 43–44, 1941; А. Докусов. «Вадим» Лермонтова. Ученые записки Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена, т. 43, 1947, и т. 81, 1949; Н. К. Пиксанов. Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова. Историко-литературный сборник, ОГИЗ, 1947).

В автографе жена помещика Палицына в трех случаях названа Настасьей Сергевной, во всех остальных — Натальей Сергевной. В публикуемом тексте принято всюду Наталья Сергевна.

Лермонтов перенес место действия с Оки на Суру, но правки до конца не довел. В пуб-

ликуемом тексте везде принято Сура.

Стр. 18, строки 23–29 сходны со словами Фернандо из драмы «Испанцы» (см. настоящее издание, т. V, стр. 13, стихи 72–82).

Стр. 31, строки 31–32 «...ты мог бы силою души разрушить естественный порядок» имеются в драме «Странный человек»: «я создан, чтоб разрушать естественный порядок» (настоящее издание, т. V, стр. 248, строка 34).

Стр. 33, строки 10–13 сходны с 4-й строфой стихотворения «Мой демон» (см. настоящее издание, т. I, стр. 318).

Стр. 35, строки 23–24. Сравнение грусти с крокодиллом, таящимся на дне американского колодца, ср. со следующими словами романа Шатобриана «Atala»: «Самое ясное сердце походит по виду на источник в саванах Алашуа; поверхность его кажется чистой и спокойной, но, когда вы всмотритесь в глубину бассейна, — вы заметите там крокодила» (ср. в «Княгине Лиговской», настоящий том, стр. 140, строки 9-11).

Стр. 48, строки 6-13. Песня «Воет ветер...» с небольшими изменениями первых двух строк имеется и в поэме «Азраил» (см. настоя-

щее издание, т. III, стр. 126).

Стр. 50, строка 5. «Но век иной, иные нравы» — источник цитаты не известен.

Стр. 51, строка 18. Гуммель Иоганн Непомук (1778–1837) — немецкий композитор, дирижер и пианист, ученик Моцарта, автор опер, балетов, фортепианных и камерно-инструментальных сочинений. В 1811 году посетил Петербург и Москву, произвел огромное впечатление исполнением своих импровизаций.

Стр. 51, строка 18. Фильд Джон (1728–1837) — знаменитый пианист, композитор и педагог, по происхождению ирландец. С 1802 года жил в России (Петербург, Москва), участвовал в концертах, создал первые фортепианные образцы ноктюрна.

Стр. 52, строки 5-36. Песня «Моя мать родная...» в несколько сокращенном варианте и с изменениями отдельных мест существует как отдельное стихотворение Лермонтова «Воля» (см. настоящее издание, т. I, стр. 212–213).

Стр. 53, строки 10–11. «...скажи Белбородке». Фамилия Белбородко упоминается в романе несколько раз. Среди ближайших к Пу-

гачеву руководителей движения известен «главный атаман и походный полковник» Иван Наумович Белобородов. Но Белобородов не был на правом берегу Волги, а значит и в местах, описанных в романе.

Стр. 56, строка 30. «...адамовой головой». Так называют изображение человеческого черепа с двумя сложенными под ним накрест костями.

Стр. 72, строки 11–12 «...мир без тебя? что такое!.. храм без божества» сходны со стихами 153–155 в поэме «Исповедь» (см. настоящее издание, т. III, стр. 87), в несколько измененном виде со стихами 377–379 в поэме «Демон» (см. настоящее издание, т. IV, редакция 1833–1834 года, стр. 273, стихи 339–341).

Стр. 74, строки 18–19. «...безобразных кумиров». Речь идет об архаических каменных статуях, встречающихся на холмах в степной части южной России и известных под названием каменных баб.

Стр. 74, строки 31–34. В более развернутом виде этот образ встречается в драме «Странный человек» (см. настоящее издание, т. V, стр. 265, строки 8–13).

Стр. 76, строка 27. Стих из «Божественной комедии» Данте (ч. 1, Ад, песнь 3, стих 9).

Стр. 79, строка 26. «madona dolorosa» — мать скорбящая (лат.). По сходству с женской фигурой так называли средневековое орудие пытки и казни.

Стр. 85, строки 10–11. «И перед ним начал развиваться длинный свиток воспоминаний». Ср. в стихотворении Пушкина «Воспоминание» стихи:

*Воспоминание безмолвно предо
мною
Свой длинный развивает свиток*

(стихотворение напечатано впервые в «Северных цветах» на 1829 год).

Стр. 86, строка 36. «...сам Суворов» — явный анахронизм, так как Суворов командовал на Турецком фронте только с 1773 года. Речь же в романе, видимо, идет о войне 1769 года.

Стр. 87, строка 20. Имя Зара встречается в поэмах «Аул Бастунджи» и «Измаил Бей» (см. настоящее издание, т. III).

Стр. 100, строки 10–12. Имеется в виду известное изречение английского философа-ма-

териалиста Томаса Гоббса (1588–1679), утверждавшего, что в догосударственном, естественном состоянии «человек человеку волк».

Княгиня Лиговская (стр. 122, 538)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 5. лл. 1-57.

Рукой Лермонтова написана треть автографа (около 19 л.): от начала произведения, кончая словами «вот как это случилось» (стр. 143, строка 11); глава IV от слов «Княгиня разными вопросами» (стр. 151, строки 11–12), кончая «держа в руке газеты» (стр. 152, строка 34); глава VI от слов «Помилуйте в ваши лета» (стр. 163, строка 32), кончая «а он чуть не засмеялся вслух» (стр. 164, строка 6); от слов «рука ее, державшая стакан с водой» (стр. 166, строка 12), кончая словами «удалилась в комнату Вареньки» (стр. 166, строка 22); глава VIII от начала до слов «и это была первая моя откомандировка» (стр. 176, строка 23); от слов «и продолжал неуверенным голосом» (стр. 178, строки 27–28) до конца главы; от слов «Тут могли бы вы также встретить» (стр. 184, строки 12–13), кончая «прочитав одну его статью»

(стр. 185, строка 10); от слов «глаза покрылись какою-то» (стр. 187, строка 19) до конца произведения. Остальной текст написан, очевидно, под диктовку Лермонтова С. А. Раевским, за исключением двух небольших отрывков: глава VII от начала (стр. 170, строка 14), кончая словами «он бы скорей нашелся, нежели теперь» (стр. 172, строки 10–11), и от слов «Она была одета со вкусом» (стр. 187, строка 13) до слов «вызвала краску на нежные щеки ее» (стр. 187, строка 18), написанных рукою А. П. Шан-Гирея. В тексте, написанном С. А. Раевским и А. П. Шан-Гиреем, имеются правки рукой Лермонтова. Слова «Глава IX» написаны дважды: внизу л. 51 рукописи и в начале л. 52. Автограф, повидимому, состоял из нескольких тетрадей. На верху л. 13 рукой Лермонтова — «тетрадь II (продолж. III-ей главы)». Заглавие «Княгиня Лиговская» было, повидимому, приписано позднее: сначала Лермонтов вместо заглавия написал большими буквами «Роман».

На полях автографа имеются рисунки Лермонтова (скачущая лошадь, л. 8 об. и голова пожилого человека с длинным носом и мрач-

ными глазами под сросшимися бровями, л. 3 об).

Роман впервые опубликован в «Русск. вестнике» (1882, т. 157, январь, стр. 120–181) с искажениями.

Судя по эпизодам автобиографического характера, Лермонтов начал писать «Княгиню Лиговскую» в 1836 году, после драмы «Два брата». В конце апреля или в начале мая 1836 года С. А. Раевский, принимавший участие в работе над романом (см. выше описание автографа, ср. также: Из записок Инсарского. «Русск. архив», 1879, № 1, стр. 527), временно переселился к Лермонтову и у него жил до своей ссылки в 1837 году. В это время и создавались дошедшие до нас главы произведения. В начале 1837 года (не позднее января) писание романа прервалось в связи с арестом Лермонтова за стихотворение «Смерть Поэта» и ссылкой обоих друзей. 8 июня 1838 года Лермонтов писал Раевскому: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины» (на-

стоящий том, стр. 445, строки 30–33).

Таким образом, по собственному свидетельству Лермонтова, роман имеет до некоторой степени автобиографический характер. В лице князя Лиговского и его жены Веры (ср. те же имена в драме «Два брата», писавшейся в январе 1836 года) Лермонтов, по всей вероятности, изобразил В. А. Лопухину и ее мужа Н. Ф. Бахметева, о чем можно судить по письмам Лермонтова к А. М. Верещагиной и М. А. Лопухиной 1834–1835 годов (см. настоящий том, стр. 426–432, 716–721). В письме к А. М. Верещагиной, написанном весной 1835 года, Лермонтов рассказывает историю своих отношений с Е. А. Сушковой, которая послужила прототипом для Елизаветы Николаевны Негуровой в романе «Княгиня Лиговская» (см.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia», М., 1928; Е. Н. Михайлова. Роман Лермонтова «Княгиня Лиговская». Ученые записки Института мировой литературы им. А. М. Горького, т. I, Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 260–261).

В литературе указывалось также на прототипы некоторых других лиц. В лице Горшен-

кова Лермонтов изобразил дельца и афериста Н. И. Тарасенко-Отрешкова, состоявшего негласным сотрудником III Отделения (см.: Н. О. Лернер. Оригинал одного из героев Лермонтова. «Нива», 1913, № 37, стр. 731–732; М. А. Белкина. «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Лиговская» Лермонтова. В кн.: «Жизнь и творчество Лермонтова», сборник 1, М., 1941, стр. 546).

Роман «Княгиня Лиговская» — начальный этап в творческих исканиях Лермонтова на пути создания социально-психологической и реалистической прозы.

Замысел Лермонтова изобразить в лице главного героя повести Печорина типического представителя своего поколения был позднее осуществлен в «Герое нашего времени».

В духе молодой «натуральной школы» задуман Лермонтовым образ бедного чиновника Красинского. Материалы для характеристики Красинского, служившего в Департаменте государственных имуществ, могли быть получены Лермонтовым от С. А. Раевского, столоначальника в том же Департаменте, хорошо знавшего быт и нравы чиновников.

Трудно сказать, как ставил Лермонтов ударение в фамилии Лиговских. Вернее всего, что Лермонтов связывал эту фамилию с местностью Лигово и ставил ударение на первом слоге. Поэтому отступление от привычного ударения в реплике малограмотного человека подчеркнуто особо — знаком ударения: «...жандарм крикнул, и долговязый лакей повторил за ним: „карета князя Лиговско́ва!“» (стр. 138, строка 11). Окончание «ой» в именительном падеже фамилии Лиговской по орфографии того времени одинаково возможно как при ударении на окончании, так и при ударении на основе (ср. Красинской).

Стр. 122, строка 4. «*Поди! — поди! раздался крик!*». Эпиграф к роману взят из «Евгения Онегина» Пушкина (глава I, строфа XVI).

Стр. 123, строки 13, 14 и 31. «Спустясь с Вознесенского моста», «по канаве», «вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке». Лермонтов детально описывает маршрут Печорина и Красинского от места службы к месту жительства. Печорин, служивший в лейб-гвардии

Конном полку, квартировавшем недалеко от манежа на Конногвардейском бульваре, едет по Вознесенской улице (ныне пр. Майорова) через Вознесенский мост, вдоль «по канаве», т. е. по Екатерининскому каналу (ныне канал Грибоедова), по Невскому, по Караванной ул. (ныне ул. Толмачева), через Симеоновский мост (ныне мост Белинского) и направо по Фонтанке. Красинский, служивший в Департаменте государственных имуществ, который помещался в здании Главного штаба на Невском, идет со службы пешком по Вознесенской улице к Обухову мосту.

Стр. 123, строки 33–34. «...тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми, с медной блестящею обделкой». Печорина Лермонтов помещает в доме № 33 (ныне 32) по Фонтанке. Дом принадлежал Григорию Григорьевичу Кушелеву (род. в 1803 году), гвардейскому офицеру, участнику русско-турецкой войны, получившему в 1831 году чин полковника. Комнаты его, как и у Печорина, помещались во втором этаже, куда вела широкая лестница (см. «Русск. старина», 1901, кн. 3, стр. 561). Сохранилось воспроизве-

дение акварели Л. О. Премацци с изображением кабинета Кушелева, в некоторых деталях напоминающего кабинет Печорина (см. «Столица и усадьба», 1916, № 51, стр. 8).

Стр. 124, строки 27–29. «Лицо его ~ было бы любопытно для Лафатера». Лафатер Иоганн-Каспар (1741–1801) — швейцарский писатель физиономист, определявший характер по чертам лица.

Стр. 127, строки 28–29. «...сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом». В 1828–1829 годах во время русско-турецкой войны русскими войсками был совершен переход через Балканы.

Стр. 127, строки 29–30. «...на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Паганини, Иванова и Россини». Паганини Никколó (1784–1840) — итальянский скрипач и композитор, прославившийся виртуозной игрой. Россини Джоаккино (1792–1868) — популярный итальянский оперный композитор, составивший эпоху в развитии итальянской музыки. Иванов Николай Кузьмич (1810–1880) — знаменитый в Европе русский певец из крестьян. В 1830 году он уехал вме-

сте с М. И. Глинкой для усовершенствования в Италию и не вернулся в Россию.

Стр. 128, строки 16–17. «...он, как партизан Байрона назвал ее портретом Лары». Лермонтов изображает Печорина приверженцем (партизаном) Байрона. Лара — героиня одноименной поэмы Байрона, возглавивший восстание против феодалов.

Стр. 129, строка 12. «Как уголь, в горниле раскаленный». Цитата из Ломоносова (Ломоносов. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе, ч. 1, СПб., 1803, ода № 9, стр. 29).

Стр. 129, строки 20–21. «...я лучше этого говорю по-русски — я не монастырка». Монастырками называли воспитанниц воспитательного общества благородных девиц, которое помещалось в здании Смольного женского монастыря. Воспитанниц общества (Смольного института) заставляли говорить по-французски, и они плохо знали бытовую русскую речь.

Стр. 130, строка 7. «Давали „Фенеллу“ (4-ое представление)». Опера Обера «Немая из Портичи» шла в Петербурге в Александринском театре под названием «Фенелла» с 18 января

1834 года (в исполнении немецкой труппы). Лермонтов имеет в виду 4-е представление не с начала постановки оперы, а с начала ее постановок в течение сезона 1836–1837 годов, т. е. 24 января. Опера была очень популярна. В Петербурге в 1834 году был издан клавир этой оперы. Лермонтов играл по клавиру увертюру оперы (см. настоящий том, стр. 468, строки 26–28); приятель Печорина Браницкий насвистывает арию из «Фенеллы» (настоящий том, стр. 169, строка 24).

Стр. 130, строка 13. «...ходят пить чай к Фениксу». Трактир «Феникс», существовавший с 1832 года, помещался «против Александринского театра почти рядом с подъездом дирекции (на той стороне, где теперь Аничков дворец, в самом углу)... Это было нечто в роде „артистического клуба“». (Воспоминания актера А. А. Алексеева. Изд. книжного магазина журнала «Артист», М., 1894, стр. 31–32).

Стр. 136, строки 30–31. «...вы все с громом вызывали Новицкую и Голланда». Новицкая Настасья Семеновна (1797–1822) — первая-классная танцовщица, ученица Карла-Людвика Дидло, прославившаяся легкостью в тан-

це и выразительностью мимики. Голланд — рижский певец, тенор, исполнявший роль Фиорелло, брата немой из Портичи, в опере Обера «Фенелла». Именем Фиорелло в русской переделке оперы заменено имя Мазаньелло, действительного вождя народного восстания в Неаполе (1647 год).

Стр. 139, строка 33. «Невский монастырь» — Александро-Невская лавра.

Стр. 140, строки 9-11. «Такая горничная ~ подобна крокодилу на дне светлого американского колодца» — ср. «Вадим» (настоящий том, стр. 35, строки 23-24).

Стр. 143, строка 16. «...несколько времени он напрасно искал себе пьедестала» — ср. в письме Лермонтова № 17 к А. М. Верещагиной (настоящий том, стр. 429, строка 32 и след. и примечание — стр. 721).

Стр. 153, строки 14-16. «Серьги по большей мере стоили 80 рублей, а были заплочены 75. Печорин нарочно сказал 150, это озадачило князя». В рукописи первые две цифры зачеркнуты карандашом и вместо них неизвестной рукой надписаны 280 и 175; затем 280 переправлено в 250. В цифре 150 зачеркнута 1. Та-

ким образом получилось: 250, 175 и 50. Исправление, повидимому, произведено в редакции «Русск. вестника» с намерением объяснить смущение князя чрезмерно низкой оценкой его подарка.

Стр. 154, строка 5. «Он получил такую охоту к перемене мест» — реминисценция из «Евгения Онегина»: «Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест» (глава VIII, строфа XIII).

Стр. 154, строки 24–25. «В Москве, где прозвания еще в моде, прозвали их „la bande joyeuse“» («веселая шайка»). Группа товарищей Лермонтова по университету получила прозвище — «la bande joyeuse» (см. настоящий том, стр. 411, строка 9).

Стр. 155, строка 31. «...лазили на площадку западной башни». На площадке западной башни Симонова монастыря, основанного в XIV веке, наблюдательный пункт, с которого следили за движением крымцев по Каширской дороге.

Стр. 155, строки 33–34. «...последний Новик открыл так поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя». Новиками в Пет-

ровскую эпоху назывались молодые люди из дворян либо детей боярских, начинавшие свою службу во дворце без определенного назначения и соответствующего оклада. Последний Новик — герой одноименного романа Лажечникова, сын царевны Софьи и Голицына, впоследствии изгнанник, открывший свое имя Екатерине I. («Последний Новик», часть четвертая, М., 1833, стр. 279–280).

Стр. 158, строка 16. «После взятия Варшавы». 8 сентября 1831 года русская армия под командованием Паскевича вступила в Варшаву. 20-тысячная армия польских инсургентов перешла прусскую границу.

Стр. 160, строка 20. «букли à la Sévigné». Мария Севинье (1626–1696) — французская писательница, прославившаяся своим эпистолярным стилем. Прическа, как у госпожи Севинье, состояла из обруча, стягивающего волосы на темени, и из буклей, начинающихся очень пышно над ушами и падающих узкими трубочками на плечи (см.: P. Larousse. Dictionnaire universel du XIX siècle, t. IV. Paris, стр. 56, рис. № 17).

Стр. 160, строки 21–22. «У мужчин причес-

ки à la jeune France, à la russe, à la moyen âge, à la Titus». «Молодой Францией» (jeune France) называлась в 30-х годах XVIII века группа романтически настроенных французских писателей, которые носили особый костюм и отпускали длинные волосы. Прической по-русски (à la russe) назывались коротко остриженные в кружок волосы. Прическа, как в средние века (à la moyen âge), состояла из челки и длинных до плеч волос. Прическа, как у Тита (римского императора), была в моде в начале директории. Она заменила парики и отличалась очень короткой стрижкой волос.

Стр. 160, строка 25. «какая смесь одежд и лиц» — стих из поэмы Пушкина «Братья разбойники», ставший поговоркой.

Стр. 164, строка 9. Баронесса Штраль. Ср. в драме «Маскарад» (т. V настоящего издания, стр. 275).

Стр. 164, строки 21–22. «картина К. Брюлова „Последний день Помпеи“ едет в Петербург. Про нее кричала вся Италия, французы ее разбранили». Картина «Последний день Помпеи» написана художником в Италии в 1830–1833 годах. В Риме и в Милане она получила высо-

кую оценку, и Брюллов удостоился звания члена Миланской Академии («Сев. пчела», 1834, № 13, стр. 51). В марте 1834 года картина была выставлена в Париже. Отношение французской прессы к картине было противоречиво (см. «Библ. для чтения», 1834, кн. 1, отд. «Науки и художества»; кн. 3, отд. «Смесь»; кн. 4, отд. «Смесь»; «Сев. пчела», 1834, № 184, стр. 735–736). Наряду с хвалебными отзывами, в которых отмечались грандиозность замысла и богатство колорита, картина вызвала и грубую критику. Так, например, Ф. Планш бранил художника за неверность освещения, вульгарность и бессилие кисти («Сев. пчела», 1834, № 248, стр. 992; P. Larousse. Dictionnaire universel du XIX siècle, t. II. Paris, стр. 13–42). В первой половине августа 1834 года картина была привезена в Петербург и выставлена в Эрмитаже.

Стр. 165, строка 9. «...копия с Рембранта или Мюрилла». Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — знаменитый голландский живописец и гравер. Мурильо Бартоломе Эставан (1617–1682) — знаменитый испанский художник, глава севильской школы. Лермонтов

воспроизводит французское произношение его имени (Murillo).

Стр. 169, строки 1–2. «...из-за галстука его выглядывала борода à la St.-Simonienne». Сенсимонисты, последователи французского социалиста-утописта Сен-Симона (1760–1825), во главе с Анфантенем, Базаром и другими отпускали длинные волосы и носили бороду в виде узкой полоски, обрамляющей бритые щеки и подбородок.

Стр. 170, строка 29. «...подобное числу 666 в Апокалипсисе». Цифра 666 в книге откровений евангелиста Иоанна толковалась как мистическое обозначение антихриста. В первые века христианства эта цифра отождествлялась с римским императором Нероном, в эпоху наполеоновских войн — с Наполеоном.

Стр. 172, строки 21–23. «„*Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым*“ сочинение Н. П., Москва, в тип. Н. Глазунова, цена 25 копеек». Заглавие этой книжки является стилизацией популярных поучительных брошюр с сенсационными заглавиями, которые выпускались типографией Глазунова, как, например, «Искусство быть счастливым Соч.

Дроза, СПб, 1831, 55 коп.».

Стр. 174, строки 6–7. «...скоро ль тебе выйдет награждение? у нас денег осталось мало». Дубенский Николай Порфирьевич, управляющий Департаментом государственных имуществ в 30-е годы XIX века, имел особую систему распределения жалованья мелким чиновникам. Он не давал им сразу всего жалованья, полагающегося по штату. Из остатков образовывалась сумма, из которой он выдавал награждения особо достойным. Таким образом жалованье составляло ничтожную часть той суммы, какая требовалась для удовлетворения жизненных потребностей (см.: Из «Записок» В. А. Инсарского. Русск. архив, 1873, кн. 1, стлб. 515–516).

Стр. 182, строки 3–4. «Кто объяснит, кто растолкует Очей двусмысленный язык». Источник цитаты не установлен.

Стр. 187, строка 32. «Вкус, батюшка, отменная манера». Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление V).

<<Я хочу рассказать вам>> (стр. 190)

Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня» (кн. I, 1845, стр. 87–91), где появилось впервые вместе с другим отрывком: «У графа В... был музыкальный вечер» (см. <Штосс>, настоящий том, стр. 352), под общим заглавием «Из бумаг покойника. Два отрывка из начатых повестей».

В тексте есть опечатки, исправленные в настоящем издании.

Автограф не известен.

Ашик-Кериб (стр. 194, 559)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 53, лл. 1–6 об.

Впервые опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. II, 1846, стр. 159–167).

Датируется 1837 годом — датой первой ссылки Лермонтова на Кавказ. В это время он усиленно интересуется местным фольклором и даже начинает изучать татарский язык (письмо к С. А. Раевскому № 28 от второй половины ноября — начала декабря 1837 года, см. настоящий том, стр. 441).

Текст «Ашик-Кериба» является, несомнен-

но, записью не вполне отделанной и, повидимому, не предназначавшейся для печати народной сказки. В тексте нет единства в передаче местных слов («шинды-герурсез» и «шинди-герузез» и др.), именование музыкального инструмента передается то в мужской, то в женской грамматической форме («она взяла со стены свою сааз»; «на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучный сааз» и т. д.).

Точно не установлено, на каком языке была рассказана сказка и кем сделан перевод, который и был записан Лермонтовым. В конце 80-х годов очень близкий вариант с таким же заглавием был записан азербайджанским собирателем Махмудбековым в с. Тирджан, Шемахинского уезда, со слов ашуга Оруджа («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XIII, Тифлис, 1892). Вариант этот гораздо полнее лермонтовского, но вместе с тем он настолько близок к нему, что для второй части сказки издатель воспользовался лермонтовским текстом, целиком перепечатав его. Вс. Миллер полагал, что Лермонтов «в передаче восточного сюжета

держался близко слышанной им версии и ограничился лишь стилистическими подправками» (Журн. Мин. нар. просв., 1893, № 1, стр. 233). В советское время сделан ряд записей данной сказки в Азербайджане, Грузии и Армении (см. об этом в кн.: «Ираклий Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 г. Изд. «Сов. писатель», М., 1955, стр. 134–148).

Сказки об Ашик-Керибе очень популярны у тюркских народов. К 20-м годам XIX столетия относится запись сюжета туркменского варианта («Шасенем и Гариб») в книге Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву...» (ч. I, М., 1822, стр. 152–153). См. об этом и о других туркменских повестях о Гарибе в книге: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1954, стр. 107–115.

По свидетельству Вамбери, сказки об Ашик-Керибе очень популярны у турок и распеваются певцами в кофейнях Румелии и Анатолии (Вс. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, Приложение, стр. 24); существует печатное издание, вышедшее в Константинополе в 1881 году и

озаглавленное «Повесть Ашик-Гариба» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», XIII, стр. XXV). Однако лермонтовская запись ни по сюжету, ни по именам персонажей (исключая самого Гариба) не совпадает с названной повестью. В лермонтовской записи имеются некоторые турецкие элементы (Магуль-Мегери — дочь турецкого купца Аяк-Аги; турецкого происхождения слово «чауш» — «сержант, унтер-офицер», «сторож»); наряду с ними встречаются и элементы арабские, армянские, иранские и азербайджанские с явным преобладанием последних. Особенно рельефно выступают азербайджанские черты в терминологии (лингвистический анализ любезно выполнен чл. — корр. АН СССР Е. Э. Бертельсом, проф. Н. К. Дмитриевым и А. Л. Троицкой). Прежде всего в азербайджанской форме дано само именование героя: Ашик-Кериб. Ашик (правильнее ашук: армянская форма — ашуг) — в первоначальной форме по-арабски означает «влюбленный», а у турок, армян и азербайджанцев — трубадур, лирический певец, позже — вообще «народный певец»; Кериб (по-турецки

было бы гариб) — чужеземец, скиталец, бедняк. На этом основана непереводаемая игра слов в диалоге вернувшегося певца со своей слепой матерью: Кериб, называя себя чужеземцем, называет вместе с тем и свое имя, мать же его воспринимает это слово «Кериб» только в смысле нарицательного имени. Азербайджанское слово «бек» (по-турецки было бы «бей»); «оглан» — «сын», «парень»; «шинди-герусез» — «скоро узнаете» (правильнее: «шинди горурсукуз» — «скоро увидите») — форма азербайджанского диалекта; в ряде случаев наблюдаются иранские элементы, наличие которых также весьма характерно для азербайджанских говоров: Куршуд (правильнее: Хуршуд) — по-ирански значит «солнце», т. е. куршуд-бек — князь солнца; сочетанием арабских и иранских элементов является имя Магуль-Мегери (Ма-уль-мигри) — «Луна любви»; «Шах-валат» — очевидно шах вилайети, т. е. шахский вилайет (область); керван (по происхождению иранское слово, но встречающееся во всех тюркских языках) — караван; караван-сарай — двор, где останавливаются караваны.

Хадерилияз (в других местах лермонтовской записи Хадерилияз, Хадри-лияз) — соединенные вместе имена Хызра (Хидра, аль-Хадира) и Илиаса (пророка Ильи). В приложениях к переводу Корана Саблуков сообщает, что «Невидимый для людей, Хызр является некоторым в образах, какие угодно ему принимать. Одни... причисляют его к сонму пророков, другие считают только святым» (вып. 1, приложение первое, Казань, 1879, стр. 265–266). В персидско-русском словаре Гаффарова дано следующее пояснение: «Хизр пророк, который по преданиям нашел источник живой воды и выпил из него, а потому будет жить до конца света — пророк Илия» (т. I, М., 1914, стр. 293). Имя аль-Хадира и пророка Ильи связывается и в энциклопедии Ислама, где приводятся сюжеты легенд, в которых Хадир и Илья действуют совместно (Encyclopedie de l'islam, t. II, E — K. Leyde — Paris, 1927, стр. 499–501, 912–913). При этом характерной чертой Хадира является свершение добра, которое вначале представляется как жестокость. Ср. в лермонтовской записи: «Слезай же сюда, если так, я тебя убью»....

«„Ступай за мною“, — сказал грозно всадник...» (настоящий том, стр. 197).

Хадерилиаз (Илиаз представляет типично азербайджанскую форму этого имени) объяснено Лермонтовым как святой Георгий. Вс. Миллер и другие комментаторы считали это прямой ошибкой поэта, но смешение Хадерилиаза со святым Георгием встречается у армян и грузин и в данном случае является не ошибкой Лермонтова или рассказчиков, а отражением воздействия армянского и грузинского фольклора.

Маулям — означает «создатель» и является арабизмом; в арабской форме приведено у Лермонтова и название города Алеппо (Халаф; по-арабски Халяп); туркестанские витязи, которых воспевают Ашик-Кериб, очевидно, герои «Шах-намэ», где рассказывается о борьбе Ирана с Тураном; мисирское вино — вино из Миср (Мисром называли как Египет, так и Каир).

В автографе Лермонтов в ряде мест именует своего героя Ашик-Керимом. Это не случайная описка. В Закавказье и Средней Азии существует народная повесть, герой которой

именуется Ашик-Керимом (см.: С. А. Андреев-Кривич, ук. соч., стр. 97-104).

Наличие этих разнообразных языковых элементов позволяет утверждать, что данная сказка была рассказана Лермонтову каким-либо местным ашугом, несомненно азербайджанцем по происхождению, но в репертуаре и в речи которого, как это обычно у кавказских ашугов, отразились разнообразные этнолингвистические явления.

Сюжет сказки об Ашик-Керибе является одной из многочисленных вариаций распространенного по всему земному шару сюжета «возвращения мужа» или иначе: «муж на свадьбе у жены»; муж иногда заменяется женихом, как это имеет место и в данном случае.

Таким образом, совершенно очевидно, что лермонтовский «Ашик-Кериб» является местной народной сказкой, в записи которой Лермонтов сумел не только совершенно точно передать сюжет, но сохранил и многие разговорные ее особенности.

Герой нашего времени (стр. 202, 561)

1

Рукописные источники текста

1. Черновой автограф предисловия в альбоме Лермонтова 1840–1841 годов, лл. 5–7 (карандашом) — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 11.

2. Авторизованная копия предисловия (рукой А. П. Шан-Гирея, с поправками рукой Лермонтова) — ИРЛИ, оп. 1, № 16 (тетрадь XV). Писано по всем признакам под диктовку Лермонтова, который затем внес в текст некоторые изменения. Воспроизводит текст предыдущего автографа, от которого отличается вариантами, сделанными по ходу диктовки.

3. Тетрадь, содержащая рукописные тексты «Максима Максимыча» (лл. 2–8), «Фаталиста» (лл. 9–15) и «Княжны Мери» (лл. 16–58); всё написано рукой Лермонтова, за исключением куска от слов: «Нынче поутру у колодца», кончая словами: «и хотел разгорячиться», написанного рукой А. П. Шан-Гирея (с поправками Лермонтова). На обложке — рукой Лермонтова: «Один из героев начала века» (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 2).

Рукопись производит впечатление перебеленной, но по всем признакам это не копия с черновика, а первоначальный текст. С. А. Ра-

евский писал А. П. Шан-Гирею 8 мая 1860 года: «Мишель почти всегда писал без поправок» («Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 34).

4. Автограф предисловия к «Журналу Печорина» — лист, приклеенный к л. 2 предыдущей рукописи.

5. Авторизованная копия «Тамани» (рукой А. П. Шан-Гирея с поправками рукой Лермонтова) — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 3. На л. 1 пометка П. Висковатова: «Писано рукою двоюродного брата Лермонтова Ак. Павл. Шан-Гирея, коему Лерм. порою диктовал свои произв.».

Печатные источники текста

1. «Отеч. записки», 1839, т. 2, № 3, отд. III, стр. 167–212. Первопечатный текст «Бэлы» под заглавием: «Бэла. (Из записок офицера о Кавказе)».

2. «Отеч. записки», 1839, т. 6, № 11, отд. III, стр. 146–158. Первопечатный текст «Фаталиста» под заглавием «Фаталист» и с примечанием редакции: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатан-

ных и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе. Ред.».

3. «Отеч. записки», 1840, т. 8, № 2, отд. III, стр. 144–154. Первопечатный текст «Тамани» под заглавием «Тамань» и с примечанием редакции: «Еще отрывок из записок Печорина, главного лица в повести „Бэла“, напечатанной в 3-й книжке „Отеч. записок“ 1839 года».

4. «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова», части I и II, СПб., 1840. Первое отдельное издание (без предисловия). Цензурные даты обеих частей — 19 февраля 1840 года. Здесь впервые напечатаны: «Максим Максимыч», предисловие к «Журналу Печорина» и «Княжна Мери».

5. «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова», части I и II, издание второе, СПб., 1841.

Цензурная дата первой части — 19 февраля 1841 года, второй — 3 мая 1841 года. Здесь впервые напечатано предисловие к роману — перед второй частью, с отдельной римской пагинацией, без указания в оглавлении; это произошло, очевидно, по техническим причинам, — вследствие позднего поступления

Сличение всех указанных рукописных и печатных источников приводит к следующим наблюдениям.

1) Текст второго отдельного издания (1841) представляет собой перепечатку первого издания (за исключением предисловия к роману, которое напечатано во втором издании впервые) с точным воспроизведением внешнего вида (совпадение страниц и строк). Большинство его различий с первым изданием — результат типографских ошибок или корректорской правки, но есть несколько несомненных авторских исправлений.

2) Текст первого отдельного издания (1840) отличается от рукописных и первопечатных журнальных текстов целым рядом различий, часть которых является, несомненно, результатом авторской правки.

3) Между рукописью «Один из героев начала века» и первопечатными текстами соответствующих новелл («Максим Максимыч», «Княжна Мери» и «Фаталист») была промежуточная наборная копия, содержащая значи-

тельное количество ошибок переписчика (неверно прочитанные слова и пропуски), не замеченных Лермонтовым и потому проникших в печать. То же следует сказать о тексте «Тамани».

4) В тексте «Княжны Мери» в обоих изданиях отсутствуют две фразы, имеющиеся в автографе и исчезнувшие, очевидно, по цензурным причинам: стр. 321, строки 11–12 — «на небесах не более постоянства, чем на земле» и стр. 322, строки 25–27 — «Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?». В печатных текстах «Фаталиста» отсутствует (очевидно тоже по цензурным причинам) одно слово, имеющееся в автографе: в фразе «Рассуждали о том, что мусульманское поверье будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами христианами многих поклонников» (стр. 338, строки 29–31) нет слова «христианами». О цензурной истории «Фаталиста» при печатании его в «Отеч. записках» см. статью Н. Здобнова «Новые цензурные материалы о Лермонтове» («Красная новь», 1939, № 10–11).

Эти наблюдения и послужили основанием для печатания текста «Героя нашего времени» по второму отдельному изданию (1841) с устранением из него явных ошибок и цензурных искажений.

Кроме того, в «Княжне Мери» мы восстанавливаем рукописную датировку записей Печорина, начиная с записи от 22 мая. В печати (уже в издании 1840 года) даты эти изменены по сравнению с автографом, но произошло это, несомненно, в результате какой-то ошибки. В записи от 21 мая говорится: «завтра бал по подписке в зале ресторации»; следующая запись, рассказывающая о событиях на балу и сделанная, очевидно, непосредственно после него, датирована в автографе 22 мая, а в печати — 29 мая. Это вносит явную бессмыслицу, усугубляемую тем, что в следующей записи, датированной в автографе 23 мая, а в печати — 30 мая, Грушницкий благодарит Печорина за то, что Печорин *вчера* (т. е. 22 мая, как и должно было быть) защитил Мери. Далее в печатных датировках появляется еще одна бессмыслица — явный результат недосмотра: после даты «6-го июня» следует

дата «13 июня» (в автографе в первом случае — «22 мая», во втором — «3 июня»), а затем — «12-го июня». Надо полагать, что основная ошибка, превратившая дату «22 мая» в дату «29 мая», повлекла за собою дальнейшие изменения и ошибки. В изданиях 1840 и 1841 годов даты записей (после 21 мая) следующие: 29 мая, 30 мая, 6 июня, 13 июня, 12 июня, 13 июня, 14 июня, 15 июня, 18 июня, 22 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 27 июня. В прежних изданиях (Висковатова, Введенского, в Соч. изд. Академической библиотеки, в изд. «Academia») делалась только одна поправка: дату «13-го июня» в первом случае заменяли датой «11-го июня»; остальные даты воспроизводились по изданию 1840 года. Мы решили вернуться к рукописным датировкам вообще, поскольку первая же печатная дата, расходящаяся с рукописной (29 мая), вносит явную путаницу.

В сохранившихся письмах Лермонтова нет упоминаний ни о замысле «Героя нашего времени», ни о работе над ним. А. П. Шан-Гирей говорит в воспоминаниях («Русск. обозрение», 1890, кн. 8), что Лермонтов начал писать

свой роман по возвращении в Петербург, т. е. в начале 1838 года. Однако тот же Шан-Гирей ошибочно утверждает, что Лермонтов закончил роман только в последний приезд с Кавказа (т. е. в феврале 1841 года), тогда как первое издание «Героя нашего времени» вышло в апреле 1840 года с цензурной датой 19 февраля 1840 года; в примечании к журнальному тексту «Фаталиста» редакция сообщила, что автор «в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных»; речь здесь идет, очевидно, о подготовлявшемся издании «Героя нашего времени». Итак, Лермонтов закончил роман, очевидно, в 1839 году или в самом начале 1840 года. В последний приезд с Кавказа Лермонтов написал только предисловие к роману, отвечавшее на критические статьи и появившееся во втором издании «Героя нашего времени».

Порядок написания повестей определить трудно. Вполне возможно, что «Тамань» была написана раньше других, когда мысли о романе еще не было. «Бэла» написана, конечно, раньше «Максима Максимыча»; об этом сви-

детельствует как то, что в тетради Гос. Публичной библиотеки (Ленинград) «Максим Максимыч» отмечен цифрой II, так и то, что эпиграфом к «Максиму Максимычу» должны были быть слова: «...и они встретились», явно связанные с финалом «Бэлы». В начале «Максима Максимыча» сказано, что «Бэла» была начата еще на Кавказе во время остановки во Владикавказе: «Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дни ~ и я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей». По этим словам видно, что во время работы над «Максимом Максимычем» «цепь повестей» уже определилась. Тетрадь Гос. Публичной библиотеки (Ленинград) содержит автографы «Максима Максимыча», «Фаталиста» и «Княжны Мери», но ничто не указывает на то, что такова была самая последовательность работы.

Автограф «Максима Максимыча» озаглавлен: «Из записок офицера»; если учесть, что журнальный текст «Бэлы» имел подзаголовок «Из записок офицера на Кавказе», то можно

высказать предположение, что оба рассказа объединялись сначала этим общим заглавием. Автограф «Фаталиста» имеет сверху надпись: «Тетрадь III»; в «Максиме Максимыче» Лермонтов рассказывает, как он получил от капитана бумаги Печорина: «...вот он вынул одну тетрадку и бросил ее с презрением на землю, потом другая, третья и десятая имели ту же участь». Возможно, что по первоначальному плану рассказы Печорина должны были обозначаться номерами тетрадей; в таком случае обозначение «Тетрадь III» указывает как будто на то, что рассказ «Фаталист» был задуман третьим по порядку — после «Тамани» и «Княжны Мери». Однако в печати (в «Отеч. записках») появился сначала «Фаталист», а потом «Тамань». Впрочем, указанное выше примечание редакции к «Фаталисту» свидетельствует о том, что в этот момент «цепь повестей» была уже готова и что позднее появление «Тамани» (1840, № 2) не связано с порядком написания.

«Герой нашего времени» был задуман и начат вслед за решением прекратить работу над «Княгиней Лиговской»; о нем Лермонтов

писал Раевскому 8 июня 1838 года (см. настоящий том, стр. 445, строка 31). Повидимому, работа над «Княгиней Лиговской» продолжалась и после 1836 года, а работа над «Героем нашего времени» развернулась не раньше 1838 года.

От светского романа Лермонтов перешел к «цепи повестей», расположенных не хронологически, а по особому плану в особой последовательности: от внешнего ознакомления читателя с героем («Бэла», «Максим Максимыч») к раскрытию его внутреннего образа, его идеологии и психологии («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»). Читателю остаются неизвестными многие моменты биографии Печорина: жизнь в Петербурге до первой поездки на Кавказ, причины его выезда из Петербурга («страшная история дуэли», упоминаемая в «Княжне Мери»), жизнь Печорина по возвращении в Петербург до отъезда в Персию. В предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов говорит: «Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь

свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам». Итак, жизнь героя дана в романе фрагментарно и без хронологической последовательности, которую можно восстановить (и то предположительно) только при условии перестановки повестей: 1) по пути из Петербурга на Кавказ Печорин останавливается в Тамани («Тамань»); 2) после участия в военной экспедиции Печорин едет на воды и живет в Пятигорске и Кисловодске, где на дуэли убивает Грушницкого («Княжна Мери»); 3) за это Печорина высылают в глухую крепость под начальство Максима Максимыча («Бэла»); 4) из крепости Печорин отлучается на две недели в казачью станицу, где встречается с Вуlichem («Фаталист»); 5) через пять лет после этого Печорин, опять поживший в Петербурге и вышедший в отставку, появляется, проездом в Персию, во Владикавказе, где встречается с Максимом Максимычем и автором; 6) из предисловия к «Журналу Печорина» читатель узнает, что на возвратном пути из Персии Печорин умер. (См.: С. Н. Дурылин. Как работал

Лермонтов. М., 1934; ср.: он же. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940, стр. 24).

Жанр «Героя нашего времени» (роман в виде «цепи повестей») был подготовлен распространёнными в русской прозе 30-х годов циклами повестей, которые часто приписывались особому рассказчику или сочинителю — вроде «Повестей Белкина» Пушкина, «Вечеров на хуторе...» Гоголя, «Вечеров» А. Бестужева-Марлинского и М. Жуковой; но Лермонтов обновил этот жанр, перейдя от внешней мотивировки к внутренней и объединив все повести фигурой героя. Цикл повестей превратился, таким образом, в психологический роман. В этом смысле «Герой нашего времени» был новым решением проблемы русского романа, давшим сильный толчок дальнейшему его развитию (у Тургенева, Толстого, Достоевского). Лермонтов соединил в своем «сочинении» (как значилось на обложке издания) такие характерные для 30-х годов жанры, как путевой очерк, рассказ на бивуаке, светская повесть, кавказская новелла. «Герой нашего времени» был выходом за пределы этих малых жанров — по пути к объединяющему их

жанру романа. Основой для создания самой фигуры «героя нашего времени» в большой мере послужил «Евгений Онегин». Но существует принципиальное и очень важное различие между «Героем нашего времени» и «Евгением Онегиным». Задача Лермонтова — углубленный психологический анализ «современного человека», показанного Пушкиным несколько со стороны. Отсюда самое построение романа вне хронологической последовательности и ввод «Журнала Печорина» как исповеди самого героя, намеченной Пушкиным только в письме Онегина к Татьяне. Сопоставляя «Героя нашего времени» с «Евгением Онегиным» в статье 1840 года, Белинский писал: «Онегин для нас уже прошедшее и прошедшее невозвратно». Печорин — «это Онегин нашего времени, *герой нашего времени*. Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою». Разница, однако, существенна: «Этот человек не равнодушно, не апатически несет свое страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно разда-

ются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет для своих наблюдений и, стараясь быть как можно искреннее в своей исповеди, не только откровенно признается в своих истинных недостатках, но еще и выдумывает небывалые или ложно истолковывает самые естественные свои движения» (Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 265–266). Все это было совершенно новым в русской литературе и подготовляло будущее развитие «диалектики души» (по выражению Чернышевского) в повестях и романах Л. Толстого. Лермонтов опирался и на западную традицию психологического романа («Адольф» Б. Констана, «Исповедь сына века» А. де Мюссе — см.: E. Duchesne. Michel Jouriévitch Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris, 1910; С. И. Родзевич. Лермонтов как романист. Киев, 1914; А. Федоров. Творчество Лермонтова и западные литературы. «Лит. наследство», т. 43–44, 1941; Б. Томашевский. Проза Лермонтова и западноевропейская тради-

ция, там же). Первоначальным заглавием романа, написанным на обложке тетради Публичной библиотеки, было: «Один из героев начала века» (ср. у Мюссе — «La Confession d'un enfant du siècle»).

«Герой нашего времени» резко отличается от прежней прозы Лермонтова, свидетельствуя об его решительном отходе от юношеского романтизма. Не говоря о «Вадиме», написанном по следам юношеских поэм, даже «Княгиня Лиговская» не свободна от риторической приподнятости, громоздкости, напряженности стиля. Между «Княгиней Лиговской» и «Героем нашего времени» произошел, очевидно, тот перелом, о котором впоследствии так ясно говорил сам Лермонтов («Любил и я былые годы»). «Тамбовская казначейша» знаменовала этот перелом в поэзии, «Герой нашего времени» — в прозе. Здесь тоже, несомненно, влияние Пушкина. Язык «Бэлы» и самый замысел повести в жанре путевого очерка, описывающего дорогу от Тифлиса до Владикавказа, явились, конечно, не без связи с появившимся в «Современнике» 1836 года «Путешествием в Арзрум»; «Фаталист» застав-

ляет вспомнить «Выстрел» Пушкина. Интересно, что Лермонтов уничтожил в рукописи все те места или фразы, которые напоминали прежнюю его манеру: так, в автографе «Максима Максимыча» вычеркнута характеристика Печорина, в которой он сравнивается с тигром (см. настоящий том, стр. 568, вариант стр. 243, строка 26); в конце «Фаталиста» рассуждение о смерти и природе («безбрежный котел, называемый природой», и т. д.) заменено одной короткой фразой: «Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минешь!» (см. настоящий том, стр. 614, вариант стр. 347, строки 14–15). Весь стиль романа построен на принципах точности и краткости, характерных для прозы Пушкина. Но в отличие от Пушкина проза Лермонтова насыщена иронией, сконцентрированной, по преимуществу, в афоризмах, и окрашена философским лиризмом (особенно в «Княжне Мери»). Отказавшись от юношеской романтической манеры, Лермонтов не отказался от основ своего художественного метода, а только развил и углубил их. Его Печорин представляет собой дальнейшее развитие того образа, кото-

рый был впервые намечен в «Демоне» 1829–1833 годов, а затем развернут в «Вадиме» и «Маскараде» (Арбенин). Хотя внешне роман Лермонтова ограничен интимно-психологическими рамками, но его общественно-философский и политический смысл достаточно ясен: душевный мир и поведение Печорина раскрыты как явление эпохи, а не как индивидуальное явление. В обстановке начала 40-х годов это было настолько ясно, что реакционная критика напала на «Героя нашего времени» именно как на политический роман, будто бы содержащий клевету на русского человека. Ирония, пронизывающая весь роман (начиная с заглавия), относится не к личности Печорина, а к обществу, к «поколению», к «нашему времени». Недаром одновременно с «Героем нашего времени» была написана «Дума», обращенная ко всему «поколению» 30-х годов с призывом к борьбе, к возрождению «лучших надежд» и «неверием осмеянных страстей». От «Героя нашего времени» идет прямая линия к роману Герцена «Кто виноват?» (1846) и ко всей общественно-психологической проблематике 40-х годов.

<Предисловие> (стр. 202, 561)

Предисловие к «Герою нашего времени» было написано в Петербурге весной 1841 года и впервые появилось во втором издании романа (1841). Лермонтов полемизирует с Шевыревым, объявившим в «Москвитянине» (1841, ч. I, № 2) Печорина явлением порочным, не свойственным русской жизни, а навеянным влиянием Запада. Резкая отповедь Шевыреву тем более интересна, что в юношеские годы (в Благородном пансионе) Лермонтов, участвуя в кружке С. Е. Раича, относился к Шевыреву с большим вниманием (см. «Романс» 1829 года — «Коварной жизнью недовольный»). Говоря о других критиках, которые «очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых», Лермонтов имел в виду, главным образом, С. Бурачка, напечатавшего статью о «Герое нашего времени» в своем журнале «Маяк» (1840, ч. IV, стр. 210–219). В первоначальной редакции предисловия это место написано гораздо резче и обращено прямо против Бурачка и его «ничтожного» журнала (см. настоящий том, стр. 563). В этой редакции

Лермонтов называет тех «трагических и романтических злодеев», которыми тогда увлекались: «Если вы верили существованию Мельмота, Вампира и других — отчего же вы не верите в действительность Печорина?». Если учесть мнение Николая I о «Герое нашего времени» (а надо думать, что оно было известно Лермонтову), то смысл предисловия становится еще более значительным: отвечая Шевыреву, Лермонтов отвечает и Николаю I, назвавшему его роман «жалкой книгой, обнаруживающей испорченность автора».

Начало предисловия содержит очень важные указания на то, что публика не поняла общественной иронии, заложенной в романе: «Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения». Лермонтов жалуется на «несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов». Это явный намек на то, что в романе есть второй, не высказанный прямо смысл — трагедия целого поколения, обреченного на бездействие. Именно так поняли эти слова Белинский, когда, процитировав це-

ликом всё предисловие (как лучший пример того, что значит «иметь слог»), прибавил: «Какая сжатость, краткость и, вместе с тем, многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно всё сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым» (Белинский, ИАН, т. 5, 1954, стр. 455).

Бэла (стр. 203, 564)

В «Бэле» осуществлено своеобразное сочетание двух жанров: путевого очерка и авантюрной новеллы. Повесть является составной частью «путевых записок» — жанра совершенно реалистического и не требующего никакой фабулы. Построение и движение сюжета оказываются естественным результатом самого процесса рассказывания, а остановки и перерывы в этом рассказывании, заполненные описаниями дороги, мотивированы жанром. Белинский писал об этой особенности рассказа, заново решавшей проблему композиции: «Обратите еще внимание на эту естественность рассказа, так свободно развивающегося, без всяких натяжек, так плавно текущего собственной силою, без помощи авто-

ра» (Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 220). Автор заменен рассказчиком, который превращен из условного персонажа (как это делалось обычно) в совершенно реальный образ, насыщенный конкретными чертами и явно противопоставленный герою самого рассказа. Это — вторая особенность, отличающая «Бэлу» от прежних романтических новелл. Заключительными строками рассказа Лермонтов подчеркивает принципиальную важность для него фигуры Максима Максимыча как совершенно реального персонажа. Белинский называет Максима Максимыча «типом старого кавказского служаки» и говорит о нем: «Это тип чисто русский, который художественным достоинством создания напоминает оригинальнейшие из характеров в романах Вальтер-Скотта и Купера, но который по своей новизне, самобытности и чисто русскому духу не походит ни на один из них» (Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 205). Этот тип достиг завершения и обобщения в очерке Лермонтова «Кавказец» 1841 года (см. настоящий том, стр. 348).

Казбич — совершенно реальное историче-

ское лицо: вождь шапсугов, руководивший ими в борьбе с русскими войсками (см. очерк Н. О. Лернера: Оригинал одного из героев Лермонтова. «Нива», 1913, № 37, стр. 731, с ссылкой на записки М. Ольшевского «Кавказ с 1841 по 1866 г.», напечатанные в «Русск. старине», 1885, июнь, стр. 173).

Максим Максимыч (стр. 238, 565)

Основное назначение этого очерка — быть связующим звеном между «Бэлой» и дальнейшими повестями, образующими «журнал» Печорина. Но, помимо этого, очерк содержит дополнительный материал для характеристики как Печорина, так и Максима Максимыча. Лермонтов выдерживает здесь тон постороннего наблюдателя, который умозаключает о характере Печорина по наружным признакам и по поведению. В рукописном тексте вычеркнута часть характеристики — и именно та, где Лермонтов, отклонившись от роли постороннего наблюдателя, стал говорить прямо о характере Печорина и несколько приблизился к своей старой манере (см. настоящий том, стр. 568, вариант стр. 243, строка 26). В целом очерк представляет собой

своего рода эпилог к «Бэле», из которого читатель узнает о предпринятом Печоринным путешествии в Персию. Вместе с «Бэлой» этот очерк завершает необходимую биографическую и психологическую экспозицию героя. Эта условная композиционная роль очерка не чувствуется благодаря заранее подготовленной реалистической мотивировке, при которой даже Максим Максимыч превращен из простого рассказчика в самостоятельный психологический образ. Лермонтов преодолевает все традиции и условности старой прозы, тщательно мотивируя каждое положение и придавая самой мотивировке глубокий внутренний смысл. Очерк «Максим Максимыч» показателен как явный переход Лермонтова к реалистической манере, при которой даже формальные элементы построения и мотивировки получают самостоятельное художественное значение — как важные элементы изображаемой автором действительности.

Журнал Печорина. Предисловие (стр. 248, 571)

Предисловие к «Журналу Печорина» содержит в себе объяснение причин, по которым автор решил опубликовать чужие записки. Главная причина — «желание пользы», исходящее из убеждения, что «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и полезнее истории целого народа» (настоящий том, стр. 249, строки 3–5). Этим тезисом Лермонтов укрепляет самый жанр своего романа, построенного на психологическом анализе. Он подчеркивает «искренность» Печорина и противопоставляет его записки «Исповеди» Руссо, которая предназначалась для других. В рукописи очерк «Максим Максимыч» кончается особым абзацем, где Лермонтов сообщает: «Я пересмотрел записки Печорина и заметил по некоторым местам, что он готовил их к печати, без чего, конечно, я не решился бы употребить во зло доверенность штабс-капитана. — В самом деле, Печорин в некоторых местах обращается к читателям; вы это сами увидите, если то, что вы об нем знаете, не отбило у

вас охоту узнать его короче» (настоящий том, стр. 570; вариант стр. 248, строка 17). В печатном тексте весь этот абзац отсутствует а в предисловии к «Журналу» Лермонтов создает совсем иную мотивировку. Надо полагать, что сначала никакого предисловия к «Журналу» не предполагалось и вышеприведенный заключительный абзац «Максима Максимыча» должен был служить переходом к запискам Печорина.

Лермонтов сообщает, что он публикует пока только ту часть записок, в которой Печорин рассказывает о своем пребывании на Кавказе, а тетрадь, в которой рассказана вся его жизнь, не может быть пока опубликована «по многим важным причинам». Этими словами Лермонтов оправдывает фрагментарность биографии Печорина. Под «важными причинами» надо, повидимому, разуметь, главным образом, цензурные препятствия; характерно, что за пределами романа осталась именно петербургская жизнь Печорина.

Тамань (стр. 249, 571)

В мемуарной литературе есть указания на то, что описанное в «Тамани» происшествие случилось с самим Лермонтовым во время его пребывания в Тамани у казачки Царицыхи в 1837 году («Русск. архив», 1893, № 8; ср.: «Русск. обозрение», 1898, № 1). В 1838 году товарищ Лермонтова по полку М. И. Цейдлер (см. стихотворение «К М. И. Цейдлеру», настоящее издание, т. II, стр. 105), командированный на Кавказ, останавливался в Тамани и жил в том самом домике, где до него жил Лермонтов. В своем очерке «На Кавказе в 30-х годах» Цейдлер описывает тех самых лиц, которые изображены в «Тамани», и поясняет: «Мне суждено было жить в том же домике, где жил и он; тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. Мне даже помнится, что когда я, возвратясь, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь» («Русск. вестник», 1888, № 9; ср.: И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, стр.

115–121).

В тексте «Тамани» есть признаки того, что новелла была написана прежде, чем определилась вся «цепь повестей». Предпоследний абзац новеллы кончался в рукописи и в журнальном тексте следующими словами: «Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну, а право я ни в чем не виноват: любопытство вещь свойственная всем путешествующим и записывающим людям» (настоящий том, стр. 573; вариант стр. 260, строка 11). Последние слова, снятые в отдельном издании «Героя нашего времени», есть в тексте «Бэлы», где их произносит не Печорин, а сам автор: «Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку, — желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям» (стр. 208). Наличие этих слов в первоначальном тексте «Тамани» дает право думать, что новелла была написана раньше «Бэлы» и без связи с «Журналом» Печорина.

«Тамань» была оценена Белинским очень высоко: «Это словно какое-то лирическое сти-

хотворение, вся прелесть которого уничтожается одним выпущенным или измененным не рукою самого поэта стихом; она вся в форме... Повесть эта отличается каким-то особенным колоритом: несмотря на прозаическую действительность ее содержания всё в ней таинственно, лица — какие-то фантастические тени, мелькающие в вечернем сумраке, при свете зари или месяца» (Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 226). А. Чехов считал «Тамань» образцом прозы: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова... Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать» (С. Щ. Из воспоминаний об А. П. Чехове. «Русск. мысль», 1911, № 10, стр. 46).

Княжна Мери (стр. 260, 574)

«Княжна Мери» написана в форме настоящего дневника и представляет собой именно «журнал» в старинном смысле этого слова; только заключительная часть (дуэль с Грушницким и события после нее) возвращает нас к тому жанру, в котором написана «Тамань». По своему материалу эта повесть стоит ближе всего к так называемой «светской повести» 30-х годов с ее балами, дуэлями и пр., но у Лермонтова всё приобретает иной смысл и характер, поскольку в основу положена совсем новая задача: развернуть картину сложной душевной жизни «современного человека». Здесь завершены те опыты, которые были начаты в романе «Княгиня Лиговская» и в драме «Два брата». Автохарактеристика Печорина («Да! такова была моя участь с самого детства»; настоящий том, стр. 297, строка 1 и дальнейшие) перенесена сюда прямо из драмы «Два брата» (см. настоящее издание, т. V, стр. 415–416).

Белинский писал о «Княжне Мери»: «Эта повесть разнообразнее и богаче всех других своим содержанием, но зато далеко уступает

им в художественности формы. Характеры ее или очерки или силуэты, и только разве один — портрет. Но что составляет ее недостаток, то же самое есть и ее достоинство, и наоборот» (Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 227). Во второй статье Белинский остановился на этом вопросе подробнее: «„Княжна Мери“ менее удовлетворяет в смысле объективной художественности. Решая слишком близкие сердцу своему вопросы, автор не совсем успел освободиться от них и, так сказать, нередко в них путался; но это дает повести новый интерес и новую прелесть, как самый животрепещущий вопрос современности, для удовлетворительного решения которого нужен был великий перелом в жизни автора» (Белинский, ИАН, т. 5, 1954, стр. 453). Под «самым животрепещущим вопросом современности», постановку которого увидел Белинский в «Княжне Мери», он разумел, очевидно, вопрос об условиях русской общественной и политической жизни.

Грушницкий и доктор Вернер, как указывали еще современники, «списаны» Лермонтовым с действительных лиц. Н. М. Сатин пи-

сал: «Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери и Грушницкого и особенно доктора Вернера» (сборник «Почин», 1895, стр. 239). Прототип доктора Вернера несомненен: это доктор Майер, служивший на Кавказе (см. «Русск. архив», 1883, № 5, стр. 177–180; «Мир божий», 1900, № 12, стр. 230–239; «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 473–496). Что касается Грушницкого, то мнения расходятся: одни видят в нем портрет Н. П. Колюбакина, другие. — будущего убийцы Лермонтова Н. С. Мартынова. Н. П. Колюбакин был сослан на Кавказ рядовым в Нижегородский драгунский полк; будучи приятелем Марлинского, он вел себя несколько в духе его героев (см.: В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб., 1894, стр. 59–60; «Истор. вестник», 1894, № 11 — воспоминания А. А. Колюбакиной; «Русск. архив», 1874, кн. 2, стлб. 955). В Вере Лиговской одни видят В. А. Лопухину, другие — Н. С. Мартынову, сестру убийцы Лермонтова (см.: Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. 1904, А. Н. Нарцов, стр. 177, Приложения;

«Русск. обозрение», 1898, кн. 1, стр. 315–316). На самом деле все это, конечно, лица собирательные, не «списанные», а созданные на основе наблюдений над действительностью.

Лермонтов цитирует в «Княжне Мери» стихи из посвящения к «Евгению Онегину» Пушкина (настоящий том, стр. 308, строки 28–29); но кроме этой цитаты, в «Княжне Мери» есть еще одна скрытая цитата из «Евгения Онегина». В записи от 15 июня Печорин рассказывает, как он ночью спускался с балкона Веры и увидел через окно сидящую на постели Мери: «...перед нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко» (настоящий том, стр. 316, строки 10–13). В рукописи был намечен следующий вариант этого места: «перед нею на столике была раскрыта книга, но ее взор, томный и неподвижный, казалось,

*Между печатными строками
Читал»*

(настоящий том, стр. 596; варианты стр.

316, строки 11–13),

Это цитата из VIII главы «Евгения Онегина» (строфа XXXVI):

*Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.*

В окончательном тексте этой цитаты нет, но слова: «глаза ее ~ в сотый раз пробегали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко» являются скрытой цитатой из той же строфы:

*И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко.*

Стр. 300, строка 29. «Где нам дуракам чай пить!». Эти слова сопровождаются следующим указанием: «повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным». Лермонтов имеет в виду П. П. Каверина, любившего повторять слова: «Где нам дуракам чай пить со сливками» (см. в книге: Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1912,

стр. 45).

В рукописи «Княжны Мери» подвергались сильной переделке прощальное письмо Веры и последующие размышления Печорина. В первоначальном варианте Вера не объясняет причины своего отъезда, ничего не говорит о муже и советует Печорину жениться на Мери (см. настоящий том, стр. 603; вариант стр. 333, строки 4-26); в окончательном тексте всё это изменено и соответственно изменены размышления Печорина.

Фаталист (стр. 338, 607)

Повесть «Фаталист» играет роль двойного финала: ею не только заканчивается «Журнал Печорина», но и замыкается вся «цепь повестей», образуя роман. Автор избавил себя от традиционной обязанности говорить в конце романа о дальнейшей судьбе героя и о его смерти, потому что об этом было сообщено раньше (в рассказе «Максим Максимыч» и в предисловии к «Журналу Печорина»). Проблема финала решена иначе: в основу последней повести положен вопрос о «судьбе», о «предопределении», о «фатализме» — вопрос, характерный для мировоззре-

ния и поведения людей 30-х годов (последне-кабристской эпохи). Он подготовлен и самым ходом событий внутри романа, поскольку и в «Тамани» и в «Княжне Мери» герой оказывается на краю гибели. Повесть «Фаталист» выполняет роль финала тем, что подводит итог личности и поведению героя, открывая в нем такие черты мужества и активности, которые имеют уже не только интимный, но и общественный смысл. Печорин не хочет и не считает нужным рассматривать вопрос о «предопределении» отвлеченно: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив; что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь» (настоящий том, стр. 347, строки 11–15). Этим рассуждением вопрос о «фатализме» не решается, но снимается — как не имеющий жизненного значения и смысла. Надо при этом учесть, что под словом «фатализм» Лермонтов подразумевал не только фаталистическое умонастроение вообще, но и распространенную в это время (и осуж-

денную им в «Думе») позицию пассивного «примирения с действительностью». Слова Белинского о предисловии — «Читая строки, читаешь и между строками» — надо отнести ко всему роману и, может быть, больше всего к повести «Фаталист».

Что касается Вулича, то в литературе о «Герое нашего времени» указывается на сходство этого лица с поручиком лейб-гвардии Конного полка И. В. Вуичем, описанным в «Воспоминаниях» Г. И. Филипсона (М, 1885, стр. 85). Это сходство поддерживается тем, что в рукописи «Фаталиста» фамилия Вулича — Вуич (настоящий том, стр. 608; вариант стр. 339, строка 14).

* * *

Стр. 210, строка 6. Яман (тюркское) — плохая.

Стр. 212, строка 12. «...якши тхе, чек якши» (тюрк.) — хороша очень хороша.

Стр. 212, строка 32. Карагач (тюрк.) — вид вяза.

Стр. 213, строка 11. Карагёз (тюрк.) — черный глаз.

Стр. 213, строка 26. Йок (тюрк.) — нет.

Стр. 213, строка 32. Гурда — название лучших кавказских клинков (ср. в очерке «Кавказец»: «...у него завелась шашка, настоящая гурда»). Л. Н. Толстой в «Казаках» объяснил это слово так: «Шашки и кинжалы, дороже всего ценимые на Кавказе, называются по мастеру — Гурда».

Стр. 214, строки 24–31. «Много красавиц в аулах у нас» и т. д. — вариант «Черкесской песни» из поэмы «Измаил-бей» (см.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, гл. II).

Стр. 217, строка 29. «Урус яман» (тюрк.) — русский плохой.

Стр. 225, строка 30. Гамба́ — фамилия французского консула в Тифлисе, Jacques-François Gamba (1763–1833), автора популярной тогда книги о путешествии по Кавказу: *Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu' en 1824 an., 2 vol., avec une carte géographique, Paris, 1824.* Второе издание вышло в 1826 году. Лермонтов имеет в виду следующее место в этой книге: «Наши лошади постепенно углублялись в снег и лед, и мы

были вынуждены обратиться к помощи во-
лов, отданных в наше распоряжение; они по-
сле четырех верст медленного и тяжелого хо-
ду подвезли нас на вершину горы св. Кристо-
фа, до высшей точки нашего путешествия»
(стр. 34).

Стр. 227, строка 9. Байдара — название гор-
ной реки (правого притока Терека), протекаю-
щей в Байдарском ущелье, между станциями
Койшаур и Коби.

Стр. 256, строка 5. «Юная Франция» («Jeune
France») — так называли себя молодые фран-
цузские писатели романтического направле-
ния после революции 1830 года.

Стр. 256, строка 16. Гётева Миньона — геро-
иня романа Гёте «Ученические годы Виль-
гельма Мейстера».

Стр. 261, строка 6. «последняя туча рассеян-
ной бури» — начальная строка стихотво-
рения Пушкина «Туча».

Стр. 261, строка 15. «Воздух чист и свеж,
как поцелуй ребенка» — ср. в отрывке 1832 го-
да «Синие горы Кавказа»: «Воздух там чист,
как молитва ребенка» (см. настоящее изда-
ние, т. II, стр. 27).

Стр. 265, строки 17–18. «...трость: точно у Робинзона Крузоэ». У Робинзона Крузо (в романе Даниеля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо») — не трость, а сделанный им самим зонтик.

Стр. 270, строка 11. «...римские авгуры» — жрецы-гадатели в древнем Риме. В трактате «О гадании» Цицерон говорит: «Очень хорошо известны слова Катона, который говорил, что он удивляется, почему не смеется авгур, когда видит другого авгура». В рукописи Лермонтов написал сначала ошибочно — «по словам *Виргилия*».

Стр. 281, строка 15. «Немецкая колония» — место по дороге от Пятигорска в Железноводск, носившее название «Каррас» или «Шотландка»; здесь Лермонтов был перед дуэлью.

Стр. 281, строка 24. «...смесь черкесского с нижегородским» — переделка слов Чацкого в I действии «Горя от ума» Грибоедова: «Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским».

Стр. 307, строки 18–19. «Но смешивать» и т. д. — неточная цитата из «Горя от ума» Гри-

боедова (слова Чацкого Молчалину в III действии):

*А смешивать два эти ремес-
ла
Есть тьма искусников, я не из их
числа.*

Стр. 308, строки 28–29. «Ума холодных наблюдений» и т. д. — стихи из посвящения «Евгения Онегина» П. А. Плетневу.

Стр. 308, строки 34–35. «Вернер намерен сравнил женщин с заколдованным лесом». Лермонтов имеет в виду то место в поэме Торквато Тассо (1544–1594) «Освобожденный Иерусалим», где рассказывается, как рыцарь Танкред вступил в очарованный лес (песнь XIII, строфа 18 и сл.).

Стр. 311, строка 1. Вампир — герой одноименной английской повести, записанной со слов Байрона его спутником по путешествию лордом Полидори. Русский перевод вышел в Москве в 1828 году: «Вампир. Повесть, рассказанная лордом Байроном. (С английского). П<етр> К<иреевский>». В черновом автографе «Предисловия» к «Герою нашего времени» Лермонтов писал: «Если вы верили существо-

ванию Мельмота, Вампира и других — отчего же вы не верите в действительность Печорина?».

Стр. 327, строка 22. «Вспомните Юлия Цезаря». В числе дурных предзнаменований, сопровождавших Юлия Цезаря на пути в сенат (где он был убит заговорщиками), древние историки указывают и на то, что он остутился на пороге.

Кавказец (стр. 348)

Печатается по копии — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 57, лл. 1–6.

На обложке копии помета переписчика: «Список с статьи собственноручной покойного М. Лермонтова, предназначенной им для напечатания в „Наших“ и не пропущенной цензурой».

Автограф не известен.

Впервые опубликовано Н. О. Лернером в журнале «Минувшие дни» (1929, № 4, стр. 22–24).

В первом выпуске сборника «Наши, списанные с натуры русскими» в предисловии (дозв. цензурой 10 октября 1841 года) среди подготовленных к изданию статей упомина-

ется «Кавказец» (без указания имени автора). Сборники представляли серию так называемых «физиологических очерков», по одному очерку в выпуске. Обещанный «Кавказец» не был напечатан.

Датируется 1841 годом на основании приведенного упоминания в предисловии к сборнику «Наши».

Возможно, что, будучи в Москве в конце апреля 1841 года, Лермонтов передал рукопись «Кавказца» А. П. Башуцкому — издателю сборников «Наши».

Изображаемый в очерке тип кавказца ср. с образом Максима Максимовича в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч».

<Штосс> (стр. 352, 615)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227-а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 47–53.

Впервые с некоторыми неточностями опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 1, 1845, стр. 71–87).

Имеется черновой набросок плана повести в альбоме Лермонтова 1840–1841 гг. (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 11, л. 6 об.; см. настоящий том, стр. 623, «1-й набросок плана»), названный Лермонтовым «Сюжет», и черновой набросок в записной книжке (подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), содержащий краткую заметку и план неосуществленного окончания повести (ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 12, л. 25; см. настоящий том, стр. 623, «Варианты 2-го наброска»).

Датируется февралем — первой половиной апреля 1841 года (временем последнего приезда Лермонтова в Петербург). См. «Летопись жизни и творчества», настоящий том, стр. 862.

Повесть осталась неоконченной. В рукопи-

си она обрывается словами: «...сжималось сердце — отчаянием» (стр. 366, строка 25). Остальные четыре строки печатаются по первому изданию, редактору которого В. А. Соллогубу вероятно был известен еще один, ныне утраченный лист автографа. Заметка в записной книжке, сделанная уже после отъезда Лермонтова из Петербурга, свидетельствует о том, что писатель предполагал продолжить работу над повестью.

Повесть обрывается словами: «...он видел, что невдалеке та минута, когда ему нечего будет поставить на карту. Надо было на что-нибудь решиться. Он решился». Можно предположить, что в неосуществленном окончании повести Лугин для того, чтобы во что бы то ни стало выиграть, решился обратиться к шулеру (см. настоящий том, стр. 623, 1-й набросок плана — «Шулер: старик проиграл дочь, что-бы...» и вариант 2-го наброска — «Шулер имеет разум в пальцах»). Возможно, что повесть должна была оканчиваться катастрофой — в 1-м наброске плана — «Доктор: окошко», во 2-м — скоростижной смертью Лугина. («— Банк — Скоростижная —») (см. настоящий

том, стр. 623). Тщательное изучение рукописи позволяет восстановить прежние чтение: «— Банк — Скоропостижная —», от которого отказались редакторы последних собраний сочинений Лермонтова.

Основную сюжетную ситуацию повести (стремление художника-романтика к призрачному идеалу) Лермонтов выразил средствами философской фантастики, обратившись к традиционным мотивам: таинственный голос, оживающий портрет, игра в карты, имеющая роковое значение. Однако все эти мотивы приобретают у Лермонтова особый смысл, прямо противоположный смыслу романтических повестей о высоких поэтических натурах — художниках. В описании женской головки, олицетворяющей романтический идеал, Лермонтов нарочито применяет романтическую лексику и, в частности, употребляет эпитеты и образы, характерные для поэзии В. А. Жуковского.

Действие «Штосса» разворачивается на фоне реального Петербурга с его резкими социальными контрастами. Продолжая традиции петербургских повестей Пушкина и Гоголя

(«Пиковая дама», «Портрет», «Невский проспект» и др.), Лермонтов предвосхищает своей неоконченной повестью произведения натуральной школы 40-х годов. К натуральной школе ведут и реалистическое описание Петербурга, близкое к физиологическим очеркам 40-х годов, и самая проблематика повести. Разоблачая романтизм, оторванный от жизни, Лермонтов выступил как единомышленник идейных вдохновителей натуральной школы Белинского и Герцена. Главную идею «Штосса» можно определить словами Белинского о романтизме: «...как еще для многих губительны клещи этого искаженного и выродившегося призрака» (Белинский, ИАН, т. 7, 1955, стр. 164).

Неоконченная повесть Лермонтова — ценный источник для изучения эстетических взглядов поэта в последний период его творчества.

Стр. 352, строка 3. «У графа В... был музыкальный вечер». Имеется в виду аристократический салон графа Мих. Ю. Виельгорского и его жены.

Стр. 352, строка 7. «...и один гвардейский

офицер». Очевидно, Лермонтов говорит здесь о себе самом — частом посетителе салона Вильгорского.

Стр. 352, строка 10. «...новоприезжая певица» и далее (стр. 354, строка 32) «Заезжая певица пела балладу Шуберта». Повидимому — Сабина Гейнефехтер, гастролировавшая в это время в Петербурге и исполнявшая романсы Шуберта.

Стр. 352, строка 19. «Здравствуйте, мсье Лугин, — сказала Минская». Существует мнение, высказанное Ю. Г. Оксманом, что в лице Минской Лермонтов запечатлел черты своей знакомой А. О. Смирновой, приятельницы Пушкина, Гоголя и Жуковского (см. «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 450).

Стр. 357, строка 24. «Нет, был Кифейкина — а теперь так Штосса!». Очевидно неисправленная описка. По смыслу повести Штосс — давно умерший прежний владелец дома.

Стр. 365, строки 24–26. «...то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства». Ср. со словами Белинского по поводу изображения женщины в романтическом искусстве: «...в

их картинах она является как будто совсем без форм, совсем без тела...», «...это не живое существо с горячею кровью и прекрасным телом, а бледный призрак» (Белинский, ИАН, т. 7, 1955, стр. 156, 165). Ниже приводятся и другие параллели со второй статьей Белинского о Пушкине, где в связи с характеристикой поэзии Жуковского имеется особый раздел, названный в подзаголовке «Значение романтизма и его историческое развитие».

Стр. 365, строки 27–28. «...в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда». Ср. с определением романтизма Жуковского в названной выше статье Белинского: «Это — желание, стремление, порыв, чувство, вздох, стон, жалоба на несвершенные надежды, которым не было имени, грусть по утраченном счастье...» (Белинский, ИАН, т. 7, стр. 178–179).

Стр. 365, строка 36. «...с этой минуты он решил играть, пока не выиграт: эта цель сделалась целью его жизни: он был этому очень рад». Ср. у Белинского: «Но есть натуры аскетические, чуждые исторического смысла действительности, чуждые практического мира

деятельности, живущие в отвлеченной идее: такие натуры стремятся к бесконечному принимают за одно с бесконечным и хотят, во что бы то ни стало, найти свое удовлетворение в одном стремлении» (Белинский, ИАН, т. 7, стр. 181).

Панорама Москвы (стр. 369)

Печатается по авторизованной копии — ПГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 7, лл. 1–4. После текста подпись-автограф: «Юнкер л. г. Гусарского полка Лермонтов».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 435–438). «Панорама Москвы» — сочинение, написанное в Школе гвардейских подпрапорщиков. На л. 3 рукописи имеется помета карандашом, сделанная преподавателем русской словесности В. Т. Плаксиным.

Датируется 1834 годом, так как до этого года В. Т. Плаксин не преподавал в юнкерской школе, а 22 ноября 1834 года Лермонтов был уже выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк.

Имеется ученическая тетрадь Лермонтова «Лекции из военного слова» (по теории сло-

весности) — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 31. Устанавливается, что эта тетрадь представляет конспект лекций В. Т. Плаксина, почти дословно совпадающий с изданным им в 1832 году «Кратким курсом словесности, приспособленным к прозаическим сочинениям». Большое внимание в лекциях обращено на «описательные сочинения» (см. лл. 16–21, 24 лермонтовской тетради) и в печатном курсе (стр. 61–67, 93–109).

«Панорама Москвы» является сочинением по данному разделу курса В. Т. Плаксина. Однако, выполняя практическое задание, построив сочинение по плану, рекомендованному преподавателем (в курсе подробно разработаны приемы и планы «прозаических описаний»), Лермонтов создал небольшое произведение, тесно связанное со всем его творчеством и, как обычно у Лермонтова, имеющее современный смысл.

Апофеоз Москвы в лермонтовской панораме находится в несомненной связи с ведущимися в эти годы горячими спорами о Петербурге и Москве (к 1835 году относится статья Гоголя «Петербург и Москва», вошедшая в

«Петербургские записки 1836 г.»; в начале 1834 года было напечатано вступление к «Медному всаднику»). Сопоставление Петербурга и Москвы дано Лермонтовым в «Княгине Лиговской» и в написанных в 1835 году строфах из поэмы «Сашка», где имеются отдельные образы, близкие к панораме (см. настоящее издание, т. IV, стр. 43–44).

Стр. 369, строки 7–9. «Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь» звучит как возражение официальной точке зрения, зафиксированной Лермонтовым в словах дипломата в «Княгине Лиговской»: «Всякий русский должен любить Петербург ~ Москва только великолепный памятник, пышная и безмолвная гробница минувшего, здесь жизнь, здесь наши надежды...» (настоящий том, стр. 161, строки 17–22).

Подробное описание архитектурных памятников и общий замысел панорамы связаны с повышенным интересом к вопросам архитектуры в середине 30-х годов. В 1834 году Гоголь пишет статью «Об архитектуре ны-

нешнего времени», вошедшую затем в «Арабески». Герцен в 1836 году изучает книги по архитектуре и советует своей невесте перечитать главы из «Собора Парижской богородицы» Гюго: «Там ты узнаешь, что эти каменные массы живы, говорят, передают тайны» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. I, Пгр., 1919, стр. 363). Появление знаменитого романа, о котором «весь читающий по-французски Петербург начал кричать, как о новом гениальном произведении Гюго» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. 32) способствовало усилению интереса к архитектуре.

Определенная самим Гюго в предисловии цель романа — внушить народу любовь к национальному зодчеству, раскрыть искусство средневековья, общая концепция Гюго и приемы описания архитектурных памятников, очевидно, произвели большое впечатление на Лермонтова. Следы этого впечатления видны в «Панораме Москвы».

Лермонтов противопоставляет средневековую архитектуру новой европейской. «Европейская осанка воспитательного дома резко

отделяется от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков». Описание произведения «новейшего искусства» петровского театра выдержано в духе Гюго, причем характерно, что Лермонтов подчеркивает контраст между гипсом и камнем. Заметим, что кони на здании Большого театра были бронзовыми, а не алебастровыми. Однако Лермонтов трижды повторяет эпитет «алебастровый», чтобы отметить этот контраст.

Возможно, что и сама идея дать описание Москвы с наивысшей точки — колокольни собора Ивана Великого — навеяна главой «Париж с птичьего полета» из романа Гюго. Во всяком случае отдельные образы и сравнения из этой главы мы встречаем у Лермонтова в его панораме. Очень близко к Гюго описание симфонии колокольного звона, при котором «бестелесные звуки принимают видимую форму... и свиваются под облаками...».

Планы, наброски, сюжеты

<1>. Сюжет трагедии («Отец с дочерью», стр. 374, 623)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 11.

Впервые опубликовано в изд. П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (1880, стр. 315).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Первый по времени драматический замысел поэта, оставшийся неосуществленным. По обилию трагических ситуаций с кровавой развязкой замысел близок к первой юношеской трагедии Лермонтова «Испанцы» (см. настоящее издание, т. V, стр. 9-141).

<2>. Сюжет трагедии («В Америке», стр. 374)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 249).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Материалом для трагедии должна была служить повесть Шатобриана «Атала, или Любовь двух диких в пустыне» (1801). Из записи видно, что Лермонтов предполагал создать свою трагедию на материалах повести, касающихся отношений между индейцами и испанцами. Замысел остался неосуществленным.

**<3>. «Прежде от матерей и отцов»
(стр. 375)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 14 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 499).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Заметка к неосуществленному замыслу произведения, посвященного теме крепостного крестьянства.

<4>. Сюжет трагедии («Молодой человек в России», стр. 375, 623)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 22 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 249).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

**<5>. Эпитафия плодовитого писаки
(стр. 375, 624)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VII.

**<6>. «В следующей сатире» (стр. 375,
624)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под. ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 497).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VII.

Заметка содержит замысел следующего после нее в тетради стихотворения «Булевар» (см. настоящее издание, т. I, стр. 141 и 408).

<7>. «Написать записки молодого монаха» (стр. 375)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 38 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 258).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X.

Набросок плана, до некоторой степени осуществленного в поэмах «Исповедь» (настоящее издание, т. III, стр. 83–90) и «Мцыри» (настоящее издание, т. IV, стр. 148–171).

<8>. «Написать шутливую поэму» (стр. 375)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 4.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. 1, стр. 258).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

В заметке отражен интерес Лермонтова к народному творчеству, о чем он писал в заметке 7 «Наша литература» (см. настоящий том, стр. 387); ср. заметку 12 «При дворе князя Владимира» (настоящий том, стр. 376).

<9>. Метор: перевести в прозе (стр. 375)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 4.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 258).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

«The Dream of Lord Byron» — стихотворение Байрона «Сон», строки из которого были взяты Лермонтовым в качестве эпиграфа к «Странному человеку» (см. настоящее издание, т. V, стр. 206). В тексте «Странного человека» говорится, что одно из стихотворений Арбенина является подражанием «The Dream Байронову» (см. там же, стр. 227). Прозаический перевод «Сна» Лермонтовым осуществлен не был или не сохранился.

«miss Alexandrin» — Верещагина Александра Михайловна (о ней см. настоящий том, стр. 711, примечание к письму № 12).

<10>. Метод: написать трагедию: Марий, из Плутарха (стр. 375, 624)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 7.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 258).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Запись представляет собою план исторической трагедии в пяти действиях, оставшийся неосуществленным. Повидимому, Лермонтов собирался написать трагедию в духе Шекспира. Об этом можно судить по плану 5-го действия, где к сыну Мария является тень его отца, подобно тени отца Гамлета. В том же 1831 году в письме № 4 к М. А. Шан-Гирей Лермонтов восторженно отзывается о «Гамлете», в частности о сцене появления тени короля (см. настоящий том, стр. 407). Возможно, что Лермонтову было известно о том, что жизнеописания Плутарха послужили источником нескольких исторических трагедий Шекспира.

Стр. 375, строка 27. *Марий, из Плутарха* — биография римского консула Гая Мария (154-

85 до н. э.) по многократно издававшемуся на разных языках сочинению Плутарха. Одним из полных русских переводов было издание: «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей. Перевел с греческого Спиридон Дестунис» (СПб., 1818, ч. VI, стр. 110–238).

Стр. 375, строка 29. Силла — римский диктатор Луциний-Корнелий-Феликс Сулла (138–78 до н. э.). Наименование Силла Лермонтов заимствует из вышеуказанного перевода книги Плутарха.

Стр. 376, строка 5. Цинна — римский консул Люций Корнелий Цинна.

Стр. 376, строка 6. Антоний — ритор. «Он был дед триумвира Марка Антония. Цицерон, который слушал его, удивлялся его красноречию» (см. выше «Плутарховы сравнительные жизнеописания», стр. 229).

<11>. Метор: прибавить к «Странному человеку» (стр. 376, 624)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 7.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1862, стр. 664).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Замысел этой сцены остался неосуществленным.

Стр. 376, строка 13. Белинский — персонаж драмы «Странный человек» (см. настоящее издание, т. V, стр. 209 и др.).

**<12>. «При дворе князя Владимира»
(стр. 376, 624)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 7 об. — 9; текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Введенского (т. 4, 1891, стр. 292–294).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Запись представляет собой подробный план фантастической сказки или поэмы, который впоследствии был отвергнут поэтом; текст вычеркнут.

<13>. Написать поэму «Ангел смерти» (стр. 378)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 9.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 258).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI, но ранее сентября — времени написания поэмы «Ангел смерти».

Запись представляет собой сжатый план поэмы (см. настоящее издание, т. III, стр. 321).

<14>. Метод: написать длинную сатирическую поэму (стр. 379)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 18 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 508).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Замысел обычно сопоставляется с поэмой «Сказка для детей» (см. настоящее издание, т. IV, стр. 411 и 416).

<15>. «(Écrire une tragédie)» (стр. 379)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 500).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Замысел не осуществлен.

<16>. «Имя героя Мстислав» (стр. 379, 625)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, кн. 12, стр. 19–20).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Возникновение данного замысла связано с чтением «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Описываемые Лермонтовым события относятся к эпизоду взятия татарами Владимира в 1238 году. Оборону города вели войска под управлением Всеволода и Мстислава Георгиевичей — сыновей великого князя Георгия. В тексте наброска вместо «Мстислав» было «Всеволод» (см. вариант на стр.

625 к стр. 379, строка 7). Некоторые выражения почти текстуально совпадают с текстом «Истории».

Стр. 379, строки 9-10. «Мстислав три ночи молился на кургане, чтоб не погибло любезное имя Россия». Ср. у Карамзина: «знаменитые россияне простились с миром, с жизнью, но стоя на праге смерти, еще молили небо о спасении России, да не погибнет навеки ее любезное имя и слава!» («История государства Российского», т. III, изд. 2-е, СПб., 1818, стр. 283); ср. также с стихотворением «Отрывок» («Три ночи я провел без сна — в тоске», настоящее издание, т. I, стр. 246).

Стр. 379, строки 11-12. «Что за пыль пылит» — сокращенная строка из народной песни в обработке Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 239).

Стр. 379, строка 16. «Юный князь Василий утонул в крови во время битвы», у Карамзина читаем: «Юный князь Василий пропал без вести: говорили, что он утонул в крови» («История государства Российского», т. III, 1818, стр. 288).

Стр. 625, вариант строки 15. «Каким обра-

зом ~ муж ее израненный» — ср. содержание стихотворения «Баллада» (настоящее издание, т. I, стр. 248–249).

<17>. Сюжет («Молодежь, разговаривают», стр. 379, 625)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 13 об. — 14. Текст разделен на десять абзацев, причем каждые два абзаца объединены цифрой, вынесенной в левое поле каждого листа. В данном издании эти цифры помещены в середине строки.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 51–53).

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

Развернутый план драмы, замыслу которой посвящен и предыдущий набросок. Повидимому, драма намечалась из 5 актов и 10 сцен.

<18>. Программа (стр. 381, 625)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, кн. 12, стр. 24).

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

<19>. Племя на Кавказе (стр. 382)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 53) под заглавием «Программа поэмы на Кавказе».

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

**<20>. «Монах впоследствии сидит у
окна» (стр. 382, 626)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 19, текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, кн. 12, стр. 24).

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

**<21>. «Он угрожает ей гибелью отца»
(стр. 382, 626)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об.

Впервые опубликовано в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (СПб., 1880, стр. 316).

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

<22>. Демон. Сюжет (стр. 382)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 21а (Казанская тетрадь), л. 9 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Введенского (т. 4, 1891, стр. 292).

Датируется 1832 годом по нахождению в Казанской тетради.

Замысел остался неосуществленным (см. настоящее издание, т. IV, стр. 416).

<23>. «Я в Тифлисе у Петр. Г.» (стр. 383, 626)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 46.

Впервые упомянуто в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1873, стр. 381), опубликовано — Соч. под ред. Введенского, т. 4, стр. 289–290.

Датируется 1837 годом по времени пребывания Лермонтова в Тифлисе (см. настоящий том, стр. 821–822).

Заметка, по всей вероятности, является наброском плана какого-то неосуществленного прозаического произведения.

Стр. 385, строка 2. «Петр. Г.». Одно или два лица скрываются под этими обозначениями.

ми — не установлено. В. А. Мануйлов считает, что «Петр.» это дальний родственник Лермонтова, генерал-майор, начальник Штаба войск на Кавказской линии и в Черномории — Петров, Павел Иванович, а под буквой «Г.» следует видеть оружейного тифлисского мастера Геурга, имя которого далее упоминается в тексте наброска (см.: В. А. Мануйлов. М. Ю. Лермонтов и его запись сказки об «Ашик-Кериб». Сборник к постановке балета в Лен. Гос. акад. малом оперном театре, Л., 1941, стр. 24). О Геурге упоминается и в черновом варианте стихотворения «Поэт» (см. настоящее издание, т. II, стр. 279).

По мнению И. Л. Андроникова, «Петр.» — дежурный штаб-офицер Штаба Отдельного кавказского корпуса, постоянный житель Тифлиса — Петров Павел Ефимович, а букву «Г.» И. Л. Андроников расшифровывает как имя штаб-лекаря Тифлисского военного госпиталя Герарди Франца Петровича (см.: И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 129–133).

Стр. 385, строка 2. «Али» — лицо неустановленное. И. Л. Андроников считает, что это из-

вестный азербайджанский поэт и ученый Мирза Фатали (Фет-Али) Ахундов (там же, стр. 148–152). И. К. Ениколопов расшифровывает имя Али как принадлежащее тифлисскому ахунду Мамед-Али (И. К. Ениколопов. Лермонтов на Кавказе. Тбилиси, 1940, стр. 30).

Стр. 385, строка 2. «Ахмет» — по мнению И. К. Ениколопова — племянник Мамед-Али (см. там же).

<24>. «Александр: у него любовница» (стр. 383, 626)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 59 об. Нижняя часть листа оборвана на последней строке автографа. Слева, на полях — два рисунка: набросок мужского лица, без прически и портрет молодого мужчины в штатском с усами и длинными пышными волосами.

Впервые упомянуто в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1873, стр. 381), опубликовано — Соч. под ред. Введенского, т. 4, стр. 294–295.

Датировка точно не установлена. Отрывок расположен на обороте листа с автографом стихотворения «Опять народные витии»

(1835) и после наброска «Я в Тифлисе», датируемого 1837 годом (см. настоящий том, стр. 678). На этом основании данный набросок датируется концом 30-х годов (см. настоящее издание, т. II, стр. 366–367).

**<25>. «У России нет прошедшего:
она вся в настоящем и будущем»
(стр. 384)**

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским), л. 7 об. от конца. Написано карандашом и обведено чернилами.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, стр. 425) с ошибками чтения.

Датируется апрелем — июлем 1841 года по находению в записной книжке, подаренной Лермонтову 13 апреля 1841 года.

Автобиографические заметки <1>. 1830. Замечание (стр. 385, 626)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 13.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 5).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

<2>. «Музыка моего сердца» (стр. 385)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 13 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 497).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради V.

Заметка является первым свидетельством Лермонтова о его музыкальных интересах. Известно, что поэт играл на скрипке и на фортепьяно. При переходе из 5-го в 6-й класс в Университетском благородном пансионе после экзаменов проходили испытания в искусствах: «Из класса музыки: на скрипке играли граф Толстой, Лермонтов» («Моск. ведомости», 1830, 15 января, № 5, стр. 212). П. Висковатов пишет, что поэт «хорошо играл на

скрипке и на фортепиано» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 40).

**<3>. Записка 1830 года, 8 июля. Ночь
(стр. 385, 626)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6, тетрадь VI, лл., 30 об. — 31.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 16–17).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

О своем первом детском увлечении на Кавказе поэт упоминает в стихотворении «Кавказ» (см. настоящее издание, т. I, стр. 396).

**<4>. (1830) («Когда я был трех лет»,
стр. 386)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 498).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

<5>. 1830 («Я помню один сон», стр. 386, 627)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 32 об., 33.

Впервые опубликована вторая часть заметки: «Когда я еще мал был ~ беспокойства» в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 248); полностью — в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 498).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

Рассказ об этом сне вошел в трагедию «Испанцы» (см. настоящее издание, т. V, стр. 607).

<6>. 1830 (мне 15 лет) (стр. 386)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 33 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 498).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

Имя девушки, о которой идет речь, не установлено.

<7>. (1830) («Наша литература так бедна», стр. 387)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 34.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 248).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

Стр. 387, строка 9. «У меня была мамушкой немка» — Ремер Христина Осиповна, бонна Лермонтова (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 17).

<8>. Мое завещание (стр. 387, 627)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 35.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 249).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI. Заметка на полях стих. «Дереву» (см. настоящее издание, т. I, стр. 407).

**<9>. 1830 («Еще сходство в жизни
моей», стр. 387, 627)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. 1, стр. 246).

Датируется 1830 годом по дате заголовка.

О предсказании Байрону см.: Th. Moore. The Life and Letters of Lord Byron, Vol. I, Chapter 2, L., 1830 (Т. Мур. Жизнь и письма лорда Байрона).

**<10>. «Я читаю Новую Элоизу» (стр.
388, 627)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 248).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X.

Стр. 388, строка 2. «Новая Элоиза» — роман Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза, или Письма двух любовников, жителей одного небольшого города у подошвы Альпийских гор» (1761).

Стр. 388, строка 6. «Вертер» — роман В. Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774).

<11>. 2-го декабря: св. Варвары (стр. 388)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 50).

Датируется декабрем по заголовку, 1831 годом — по нахождению в тетради XI.

Возможно, что в заметке говорится о Варваре Александровне Лопухиной (см. настоящее издание, т. IV, стр. 422).

Стр. 388, строка 12. «2-го декабря: св. Варвары» — указано ошибочно. Варварин день отмечался 4 декабря по старому стилю.

<12>. «Ахвердов<a> — на Кирочной» (стр. 388)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 11 (альбом Лермонтова), л. 1 об.

Впервые опубликовано в книге: А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды ГПБ, Л., 1941, стр. 37.

Слова «Лаваль именины» уточняют датировку заметки. Лаваль — Александра Григорьевна (рожд. Казицкая); день ее имени — 21 апреля (ст. ст.). В 1841 году Лермонтова в этот день не было в Петербурге. Он выехал из Петербурга 14–15 апреля 1841 года (см. настоящий том, стр. 863). Следовательно, данная заметка относится к 1840 году.

Ахвердова Прасковья Николаевна, рожд. Арсеньева — троюродная тетка Лермонтова; Завадовская Елена Михайловна, рожд. Влодек; Голицын Леонид Михайлович (князь); Смирнова Александра Осиповна, рожд. Росет; Ростопчина Евдокия Петровна.

<13>. «Суб<б>оту обе<д>» (стр. 388)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 11 (альбом Лермонтова), л. 2.

Впервые опубликовано в книге: А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды ГПБ, Л., 1941, стр. 38.

Датируется предположительно 1840 годом, так как заметка следует за предыдущей.

Дегай — вероятно Александр Павлович, товарищ Лермонтова (см. настоящий том, стр. 466 и 766).

<14>. «19-го мая» (стр. 388)

Печатается по автографу — ГПБ, собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским), л. 1, карандашная запись.

Впервые опубликовано в книге: А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды ГПБ, Л., 1941, стр. 68.

Датируется 1841 годом по нахождению в записной книжке.

Запись расположена сразу после дарственной надписи В. Ф. Одоевского (см. настоящий том, стр. 863).

**<15>. «Семен Осипович Жигимонд»
(стр. 388)**

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским), лл. 1–2 от конца, записи карандашом.

Впервые опубликовано в книге: А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды ГПБ, Л., 1941, стр. 68–69.

Датируется апрелем — июлем 1841 года по нахождению в записной книжке.

Стр. 388, строка 25. Жигимонд — Жигмонд Семен Осипович, муж дочери Анны Акимовны и Павла Ивановича Петровых — Екатерины Павловны (см. настоящий том, стр. 698 и 736).

Стр. 388, строка 26. Повидимому, адрес князя Голицына.

Стр. 388, строка 28. Погодин — Михаил Петрович (1800–1875), Кашинцев — возможно, Николай Андреевич.

Наброски стихотворений

<1>. «Не прижимай ее к груди своей» (стр. 389)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 9 об. на одном листе с стихотворением «Совет» («Если, друг, тебе сгрустнется»), текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, 1936, стр. 442).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

<2>. «Ночные песни ветра я люблю» (стр. 389)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 9 об. на одном листе с стихотворением «Совет» («Если, друг, тебе сгрустнется»), текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, 1936, стр. 442).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

**<3>. «Я ждал тебя, жена разврата»
(стр. 389)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об. перед стихотворением «Н. Ф. И.» («Дай бог, чтоб вечно вы не знали»), текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, 1936, стр. 494).

Датируется 1832 годом по нахождению в тетради IV.

Заметки на рукописях

**<1>. «Je n'ai point fini» (Я не окончил,
стр. 389)**

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 37 (тетрадь с копиями чужих произведений), л. 6.

Впервые опубликовано в переводе на русский язык в «Русск. мысли» (1881, кн. 12, стр. 2).

Датируется 1827 годом, указанным на л. 7 данной тетради: «6-го ноября 1827 года».

Заметка Лермонтова следует после нескольких переписанных им отрывков из стихотворений на французском языке Сент-Анжа и Лагарпа: «Vorée et Orithye» (Борей и

Орейтия), «Héro et Léandre» (Геро и Леандр), «Echo et Narcisse» (Эхо и Нарцисс), «Orphée et Euridyse» (Орфей и Эвридика).

<2. К поэме «Черкесы»> (стр. 389)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 9, л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, кн. 12, стр. 8).

Датируется летом 1828 года по времени пребывания Лермонтова в Чембарах (см. настоящее издание, т. III, стр. 312).

<3. К стих. «Посвящение. N. N.»> (стр. 389)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 22).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 385).

<4. К стих. «Пир»> (стр. 389)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 14).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 387).

<5. К стих. «Портрет»> (стр. 389)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 6.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 14–15).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 387).

<6. К стих. «К Гению»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 6 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 387–388).

<7. К стих. «Письмо»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 8 об.

Стихотворение впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 290–291), датируется 1829 годом. Заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 388).

<8. К стих. «Война»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 35).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 388).

<9. К стих. «Русская мелодия»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10, текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 388–389).

<10. К стих. «К...», «Не привлекай меня красотой»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 389).

<11. К стих. «К Н. Н.»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 390).

<12. К стих. «Пан»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стлб. 488).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 391).

<13. К стих. «Грузинская песня»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21).

Стихотворение датируется 1829 годом, заметка вписана позднее (см. настоящее издание, т. I, стр. 393).

<14. К поэме «Джюлио»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 1.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 184).

Датируется 1830 годом по дате, указанной в заголовке поэмы (см. настоящее издание, т. III, стр. 318).

<15. К стих. «К глупой красавице»> (стр. 390)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI (см. настоящее издание, т. I, стр. 401–402).

<16. К стих. «Оставленная пустынь»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 23.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1862, стр. 124).

Датируется 1830 годом на основании даты в тексте (см. настоящее издание, т. I, стр. 403).

О манере Лермонтова писать на стенах читаем у Висковатова: «Человек Лермонтова рассказывал, как, посещая барина на гауптвахте в Петербурге, он видел исписанными все стены, начальство за это серчалю — и М. Ю. перевели на другую гауптвахту» («Русск. мысль», 1882, кн. 2, стр. 171).

<17. К стих. «Ночь III»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 104).

Датируется летом 1830 года по времени пребывания Лермонтова в Середниково (см. настоящее издание, т. I, стр. 403).

<18. К стих. «Гроб Оссиана»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 4, стр. 562) с неточностями.

Датируется летом 1830 года по находжению в тетради VI (см. настоящее издание, т. I, стр. 405).

<19. К стих. «Кладбище»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 107).

Датируется 1830 годом по тексту заметки (см. настоящее издание, т. I, стр. 405).

<20. К стих. «Моя мольба»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, кн. 2, стр. 175).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI (см. настоящее издание, т. I, стр. 406).

Грандисон — популярный в то время роман Самуэля Ричардсона (1689–1761) «История сэра Чарльза Грандисона» (1754).

<21. К стих. «К Су<шковой>»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, кн. 2, стр. 178).

Датируется 12 августа 1830 года (см. настоящее издание, т. I, стр. 406).

<22. К стих. «К*»> (стр. 391)**

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 255).

Датируется 1830 годом на основании пометы Лермонтова под текстом стихотворения (см. настоящее издание, т. I, стр. 407).

<23. К стих. «Завещание»> (стр. 391)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X (см. настоящее издание, т. I, стр. 417).

<24. К стих. «Сижу я в комнате старинной»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, кн. 2, стр. 167).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X (см. настоящее издание, т. I, стр. 418).

<25. К III редакции «Демона»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 38 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 256).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради X (см. настоящее издание, т. IV, стр. 416).

<26. К стих. «Желание»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1862, стр. 133).

Датируется 29 июля по тексту заметки, 1831 годом — по нахождению в тетради XI (см. настоящее издание, т. I, стр. 418).

<27. К стих. «Блистая пробегают об- лака»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ду- дышкина (т. 1, 1862, стр. 135).

Датируется 7 августа по тексту, 1831 го- дом — по нахождению в тетради XI (см. насто- ящее издание, т. I, стр. 419).

<28. «L'âme de mon âme»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об., на левом поле листа с стихотворением «К ***» («Ты слишком для невинности мила»). Впервые опубликова- но в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 1, стр. 405).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

<29. Ко II редакции «Демона»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 2.

Впервые опубликовано в «Трудах Самаркандского Государственного педагогического института им. А. М. Горького» (т. 4, 1942, стр. 112–122).

Датируется 1831 годом по времени написания III редакции «Демона» (см. настоящее издание, т. IV, стр. 421).

В заметке указаны место и время написания II редакции «Демона».

<30. К роману «Герой нашего времени»> (стр. 392)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 2, л. 47, на левом поле, против слов «Ее сердце сильно билось ~ ее клятвами» (из повести «Княжна Мери», см. настоящий том, стр. 315, строки 26–30), текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 5, 1937, стр. 491).

Датируется 1839 годом по нахождению в рукописи романа «Герой нашего времени».

Тургенев — возможно Александр Иванович, с которым Лермонтов был знаком (см. настоящий том, письмо № 35, стр. 450).

Подписи под рисунками
<1>. М. Л. Ган 1825 (стр. 392)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 41 (альбом М. М. Лермонтовой), л. 65.

Впервые опубликовано в альбоме — М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. Изд. «Искусство», М. — Л., 1941, стр. 25.

Подпись под первым по времени дошедшим до нас рисунком Лермонтова (акварель), см. настоящий том, стр. 392–393.

<2>. Невинность всегда охранена
(стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 1 (переплетенная тетрадь), л. 30 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 3, 1891, стр. 152).

Датируется 1828 годом по дате написания поэмы «Корсар».

Подпись относится к рисунку к поэме «Корсар» (см. настоящее издание, т. III, стр. 314), настоящий том, стр. 392–393.

<3>. Вид Крестовой горы (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, Литературный музей, № 2314.

Впервые опубликовано в «Описании рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, II, М. Ю. Лермонтов» (изд. АН СССР, 1953, стр. 134).

Датируется 1837 годом.

Подпись к автолитографии, раскрашенной акварелью, см. настоящий том, стр. 392–393.

<4>. при Валерике (стр. 392)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 27 об.

Впервые опубликовано в журнале «Север» (1889, № 12, стр. 222).

Датируется временем после 12 июля 1840 года — дня события, изображенного на рисунке.

Подпись под акварельным рисунком (см. настоящее издание, т. II, стр. 168–169), в настоящее время почти не поддающаяся прочтению. Левый нижний угол листа, на котором изображен рисунок, оборван и вместе с ним оборваны первые слова подписи. Возможно

это было: «<Похороны убитых> при Валерике» или «<После боя> при Валерике». Подробности битвы при реке Валерик см. в письме № 44 к А. А. Лопухину (настоящий том, стр. 455–456).

<5>. Magnétisme du regard (стр. 392)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 25 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 12.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1913, стр. 226).

Датируется 1841 годом по нахождению в альбоме. Подпись под карандашным рисунком, стр. 392–393.

<6>. Diplomatie civile (стр. 392)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 25 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 17.

Впервые воспроизведено в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1913, стр. 224–225).

Датируется 1841 годом по нахождению в альбоме.

Подпись под рисунком, изображающим стоящего военного, похожего на Лермонтова, и сидящего в кресле штатского, напоминающего А. С. Хомякова (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 150).

<7>. Поспешает на тревогу (стр. 392)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 51 (альбом А. Д. Блудовой), л. 93 об.

Впервые воспроизведено в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 153).

Датируется маем 1841 года на основании рисунка в том же альбоме на листе 91 об., с точной датировкой — 3 мая 1841 года.

Подпись под карандашным рисунком. Изображенный генерал — возможно граф П. К. Эссен, генерал-губернатор Петербурга, «поспешающий» на извозчике на пожар или какое-либо другое происшествие, стр. 392–393.

<8>. 21 мая после прогулки (стр. 392)

Печатается по факсимиле (с автографа из собрания И. С. Зильберштейна, Москва) — «Лит. наследство» (т. 43–44, 1941, стр. 25).

На первом листе автографа — запись стихотворения «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», датируемая 1838–1841 (см. настоящее издание, т. II, стр. 369–370). На этом основании и данная запись датируется 1838–1841 годами. Подпись под рисунком, см. настоящий том, стр. 392–393.

Надписи на книгах

<1. На книге «Зрелище вселенная»> (стр. 393)

Печатаются по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 38 («Зрелище вселенная, на французском, российском и немецком языках». Вторым тиснением. Санктпетербург, 1793).

Впервые опубликованы в газете «Ленинские искры» (1955, 11 сентября, № 73, стр. 4).

Факсимильное воспроизведение первой и третьей надписей дано впервые в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 445); второй — в «Ленинских искрах» (см. выше).

Стр. 393, строка 3. Надпись — на внутренней стороне верхней крышки переплета, сделана крупным, неуверенным детским почерком. В слове «принадлежит» первая буква пропущена и надписана сверху. По воспоминаниям двоюродного брата Лермонтова, М. А. Пожогина-Отрошкевича, «когда Миша Лермонтов стал подрастать, то Е. А. Арсеньева взяла к себе в дом для совместного с ним воспитания» мальчиков — Давыдова (сына одного из своих соседей) и его, Пожогина. «Все три мальчика были одних лет: им было по шестому году. Они вместе росли и вместе начали учиться азбуке» (А. Корсаков. Заметки о Белинском, Лермонтове, Полежаеве и графе Потемкине «Русск. архив», 1881, кн. 3, стр. 457). Так как обучение иностранным языкам в дворянских семьях обычно начиналось почти одновременно с занятиями родным языком, то можно с уверенностью предположить, что первая надпись сделана Лермонтовым в шестилетнем возрасте, т. е. в 1820 году. Она является первым дошедшим до нас автографом поэта.

Стр. 393, строки 4–9. Надпись — на форзаце

перед титульным листом. Судя по почерку, такому же крупному, но более беглому и уверенному, она сделана позднее, спустя полгода или год после первой.

Стр. 393, строки 4–5. Каракос (правильнее — Киракос) и Мартирос — армянские мужские имена. Здесь они использованы, очевидно, в качестве прозвищ и относятся, вероятно, к учившимся вместе с поэтом сверстникам. Армянские имена мальчик слышал в доме Хастатовых, живших на Кавказе (родная сестра Е. А. Арсеньевой, Екатерина Алексеевна, была замужем за армянином, генерал-майором Акимом Васильевичем Хастатовым). Как известно, Е. А. Арсеньева трижды (в 1818, 1820 и 1825 годах) возила внука на Кавказ для укрепления здоровья и каждый раз навещала сестру свою.

Стр. 393, строка 7. «Кирик и Улита» — народное название церковного праздника, дня Кирика и Иулитты, 15 июля.

Стр. 393, строка 10. Надпись — на титульном листе. Она сделана с украшениями букв, уверенным почерком и сходна с надписями Лермонтова 1824 года на Псалтыри (см. следу-

ющую запись). Это сходство позволяет отнести ее также к 1824 году.

<2. На книге «Псалтырь»> (стр. 393)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 43 («Книга хвалений или псалтирь на русском языке». Иждивением Российского библейского общества, Московского отделения. Первое издание. Москва. В Синодальной типографии, 1822). Автограф — на двух листах форзаца в конце книги.

Впервые опубликовано в «Известиях Лермонтовского и Исторического музеев Николаевского кавалерийского училища» (Пгр., 1917, 2, стр. 27, рис. 8).

Факсимильное воспроизведение дано впервые в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 643).

Датируется 1824 годом по тексту надписи.

Здесь же — виньетки и рисунки Лермонтова. Подпись «М. Лермантов» сделана четыре раза: на французском, русском, немецком и греческом языках. Последняя подпись подтверждает сообщение Висковатова о том, что поэт в детстве занимался греческим языком под руководством какого-то грека из Кефало-

нии (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 23–24).

На обороте первого форзаца перед титульным листом — дарительная надпись Е. А. Арсеньевой: «Екиму Павловичу Шангирей. Знаю, что тебе приятна будет ета книга. Она принадлежала тому, кого ты любил. Читай ее, мой друг. Е. А. 1841». Здесь же карандашная помета неустановленного лица: «Лермонтов 15-го июля 1841 убит на дуэли».

<3. На книге «Герой нашего времени» кн. О. С. Одоевской> (стр. 393)

Печатается по автографу — ИРЛИ, Библиотека, № 22 4/5 (на шмуцтитуле книги: «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова. Часть первая. Санктпетербург. 1840).

Факсимильное воспроизведение дано впервые в «Лит. наследстве» (т. 43–44, 1941, стр. 107).

Надпись сделана под заглавием и является его продолжением. Не датирована. Так как цензурное разрешение на печатание книги было дано 19 февраля 1840 года, а первые известия о выходе ее в свет появились в журналах в апреле этого года, то, следовательно,

она была подарена Лермонтовым О. С. Одоевской по выходе его из ордонанс-гауза, перед отъездом на Кавказ, и надпись в ней можно датировать концом апреля 1840 года.

Одоевская (рожденная Ланская) Ольга Степановна (1797–1872) — жена писателя князя В. Ф. Одоевского. На вечерах у Одоевских бывали Пушкин, Гоголь, Жуковский, Крылов, П. А. Вяземский. Лермонтов был тоже в дружеских отношениях с Одоевским («Русск. архив», 1878, кн. 1, стр. 441–442).

<4. На книге «Стихотворения М. Лермонтова»> (стр. 393)

Печатается по автографу — ЛБ, Музей книги (на форзаце книги: «Стихотворения М. Лермонтова». Санктпетербург. В типографии Ильи Глазунова к К°. 1840).

Факсимильное воспроизведение дано впервые в «Лит. наследстве» (т. 43–44, 1941, стр. 47).

Надпись не датирована. Так как первое издание «Стихотворений М. Лермонтова» вышло из печати осенью 1840 года, в отсутствие автора, находившегося на Кавказе, то надпись на книге нужно датировать февралем —

апрелем 1841 года, когда Лермонтов проводил отпуск в Петербурге.

Полетика Петр Иванович (1778–1849) — дипломат, действ. тайный советник, сенатор. Состоял членом «Арзамаса», где носил прозвище, взятое из баллады Жуковского «Адельстан» — «Очарованный челн» (намек на многочисленные странствования Полетики по Европе и Америке). Был в дружеских отношениях с Карамзиным, Пушкиным, Жуковским, П. А. Вяземским, А. И. и Н. И. Тургеневыми, И. И. Козловым, К. Н. Батюшковым.

П. И. Полетика был постоянным посетителем салонов А. О. Смирновой и Карамзиных, где встречался с Лермонтовым, и, судя по надписи на книге, пользовался расположением поэта.

П. И. Полетика с 1817 до 1822 года был русским посланником в США. Написанное им обозрение общественной жизни США было напечатано в 20-е годы на французском и на английском языках, извлечения на русском языке помещены в «Лит. газете» (1830, №№ 45–46).

Мысли, выписки и замечания (стр. 394)

Печатается по изданию: «Цефей». Альманах на 1829 год. (М., в тип. Августа Семена при имп. Мед. — хирург. академии, 1829, стр. 144–161). В конце текста подпись: NN.

Альманах состоит из произведений воспитанников Университетского благородного пансиона (см. Т. Левит. Литературная среда Лермонтова в московском благородном пансионе. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 225–254. Некоторые из публикуемых афоризмов сходны по содержанию с эпиграммами Лермонтова того же 1829 года: «Стыдить лжеца ~ решетом воду» (настоящий том, стр. 396, строки 3–5) — с «Эпиграммой 5-й» (настоящее издание, т. I, стр. 42–43); «Дурак то же ~ кокетство» (настоящий том, стр. 397, строки 26–27) — с «Эпиграммой» (настоящее издание, т. I, стр. 20); «Некто очень хорошо ~ наполнен собою» (настоящий том, стр. 398, строки 29–30) — с «Эпиграммой 2-й» (настоящее издание, т. I, стр. 42); «Есть престранные люди ~ а там и кинут» (настоящий том, стр. 399, строки 1–3) — с «Эпиграммой 1-й» (настоящее изда-

ние, т. I, стр. 42).

На этом основании возникло предположение (впервые высказанное Т. Левитом) о том, что «Мысли, выписки и замечания» принадлежат Лермонтову. Однако этот вопрос окончательно не решен, так как отмеченные совпадения можно объяснить иначе: Лермонтов мог воспользоваться афоризмами, опубликованными в «Цефее», для своих эпиграмм.

Стр. 395, строки 3–6 совпадают с началом стихотворения Батюшкова «Тень друга»:

*Я берег покидал туман-
ный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых
утопал.*

*За кораблем вилася
Гальциона.
И тихий глас ее пловцов увеселял.*

Письма Лермонтова

1. М. А. Шан-Гирей (стр. 403)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 27, 1 л. Карандашные пометы Висковатова: «Писано к матери Ак<има> Павлов <ича> Шан-Гирей», «Аким Павлович Шан-Гирей».

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым под заглавием «К тетке» в «Русск. старине» (1872, кн. 2, стр. 293).

Письмо датируется предположительно осенью 1827 года, так как оно написано вскоре после приезда Лермонтова в Москву, в дни, когда он уже начал заниматься с приглашенными на дом учителями для подготовки к поступлению в Университетский благородный пансион. Н. Л. Бродский высказывает предположение, что это письмо написано осенью 1828 года, когда Лермонтов уже учился в четвертом классе Университетского благородного пансиона (Н. Л. Бродский. «Лермонтов». Биография. М., 1945, стр. 101).

Стр. 403, строка 2. Шан-Гирей — Мария Акимовна (рожд. Хастатова), двоюродная тетка Лермонтова. Она была дочерью Акима Васильевича Хастатова и Екатерины Алексеев-

ны, рожденной Столыпшиной, сестры Е. А. Арсеньевой; в десятых годах XIX века вышла замуж за Павла Петровича Шан-Гирея (ум. в 1869 году). В 1825 году Мария Акимовна переехала по совету Е. А. Арсеньевой в Пензенскую губернию, где в трех верстах от Тархан приобрела деревню Апалиху.

Стр. 403, строка 13. Еким, или Аким, Павлович (1817–1883), сын М. А. и П. П. Шан-Гиреев, друг детства Лермонтова, автор воспоминаний о поэте, написанных в 1860 году и опубликованных в «Русск. обозрении» за 1890 год (кн. 8).

Стр. 403, строка 14. «мой учитель» — А. С. Солоницкий, учитель рисования Лермонтова.

Стр. 403, строка 16. Катюша — Екатерина Павловна (впоследствии замужем за В. П. Веселовским, умерла 75 лет в 80-х годах).

Стр. 403, строка 18. «Невидимка» — волшебнo-комическая опера «Князь-Невидимка» или «Личардо-волшебник», в 4 действиях, музыка композитора К. А. Кавоса (1776–1840), слова Е. Лифанова. Содержание оперы и отрывки см.: Русский музыкальный театр 1700–1835 гг. Хрестоматия, 1941, стр. 186–199. В

основу либретто положена французская пьеса-феерия М. С. Б. Апде «Князь-Невидимка, или Арлекин-Протей» («Le Prince invisible ou Arlequin-Prothée»).

Стр. 403, строка 19. «в Москве 8 лет назад» — свидетельство о более ранних приездах в Москву, которые относятся к 1818–1819 годам, когда Лермонтову было 4–5 лет.

Стр. 403, строки 19–21. «мы сами делаем Театр ~ будут восковые фигуры играть». О театральных интересах Лермонтова-ребенка и его занятиях лепкой см.: «Русск. старина», 1896, т. 36, кн. 6, стр. 648, и «Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 726.

Стр. 404, строка 1. «братцы» — Алексей и Николай Павловичи, сыновья М. А. и П. П. Шан-Гиреев.

Стр. 404, строка 6. «М. Лермантов» — так писалась фамилия Лермонтовых во всех официальных документах. Только с 1835 года поэт начал подписываться «Лермонтов», после того, как пришел к заключению, что эта фамилия происходит от легендарного шотландского барда — Томаса Лермонта.

2. К М. А. Шан-Гирей (стр. 404)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 28, 2 л. Карандашная помета Висковатова: «Писано к матери Ак<има> Павл<овича> Шан-Гирей».

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым под заглавием «К тетке» в «Русск. старине» (1872, кн. 2, стр. 293–295).

Лермонтов поступил в Московский Университетский благородный пансион 1 сентября 1828 года и был определен в четвертый класс. Письмо написано около 21 декабря 1828 года, когда Лермонтов, отлично выдержавший испытания, был переведен из четвертого класса в пятый («Вакация началась до 8-го января, следовательно она будет продолжаться 3 недели», т. е. начиная с 20–21 декабря). Но о 20 декабря Лермонтов упоминает в прошедшем времени, значит письмо написано не ранее 21 декабря).

К письму приложена копия ведомости, сделанная рукой Лермонтова:

Ведомость о поведении и успехах Университетского благородного пансиона воспитанника 4-го класса М. Лерман-

това
Успехи
Поведение Прилежание Весьма по-
хвально
Закон божий 3
Математика 4
Русский язык 4
Латинский язык 3
История 4
География 4
Немецкий язык 4
Французский язык 4
Заключение
30
За 24 балла перевод в 5-й класс

Далее следует приписка Лермонтова: «Н. В. 4 означает высшую степень, 0 низшую! Я сижу 2-м учеником».

Стр. 404, строка 14. Дубенский — Дмитрий Никитич, преподаватель пансиона.

Стр. 404, строка 18. «Папинька сюда приехал». Юрий Петрович Лермонтов (1787–1831) приезжал в Москву из своей Тульской деревни Кропотово, где Лермонтов гостил летом 1827 года.

Стр. 404, строки 18, 21, стр. 405, строка 8. «2

картины извлечены», «Скоро я начну рисовать», «картинку я еще не нарисовал».

Интерес Лермонтова к изобразительным искусствам проходит через всю жизнь поэта. В ИРЛИ и Государственном Литературном музее в Москве собрана большая часть сохранившихся до нашего времени рисунков и картин Лермонтова, свидетельствующих о его незаурядном даровании и мастерстве (см.: Н. Пахомов. Живописное наследство Лермонтова. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 55–222).

Стр. 404, строка 22. Александр Степанович — Солоницкий, художник.

Стр. 404, строки 24–25. «Геркулес и Прометей» — раннее произведение Лермонтова, до нас не дошло.

Стр. 404, строка 26. «Каллиопа» — литературные сборники воспитанников Университетского благородного пансиона. Выходили в 1815–1817 и 1820 годах при участии В. Ф. Одоевского, С. П. Шевырева, Д. И. Писарева и др. В 1828 году не издавались.

Стр. 404, строки 27–28. Павлов — Михаил Григорьевич, инспектор пансиона.

Стр. 405, строки 11–31. Стихотворение Лермонтова «Поэт» (см. настоящее издание, т. I, стр. 12).

Стр. 406, строка 1. «дядинька» — Павел Петрович Шан-Гирей, муж М. А. Шан-Гирей (см. настоящий том, стр. 694).

Стр. 406, строка 1. Апалиха — имение М. А. Шан-Гирей.

3. М. А. Шан-Гирей (стр. 406)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 29, 2 л.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1886, т. 50, кн. 5, стр. 442).

Письмо датируется весной 1829 года на основании фразы: «...у нас в пятом классе с самого нового года еще не все учителя поставили сии *вывески нашей премудрости!*». Лермонтов перешел в пятый класс Университетского пансиона в конце декабря 1828 года. О новом 1829 годе он упоминает в письме в прошедшем времени. Следовательно, слова «вакации <т. е. вакации> приближаются» относятся к весенним пасхальным каникулам.

Стр. 406, строка 16. «Игрок» — мелодрама Дюканжа (1783–1833) «Тридцать лет, или

жизнь игрока» в переводе Ф. Ф. Кокошкина с музыкой А. Н. Верстовского, впервые представленная в Москве 26 января 1828 года. По словам П. А. Каратыгина, эта мелодрама в русском обществе «произвела необыкновенный фурор... вкус публики к классицизму с того времени начал заметно ослабевать» (Записки П. А. Каратыгина. СПб., 1880, стр. 163–164).

Стр. 406, строка 17. «Разбойники» Шиллера шли в переделке Н. Сандунова (1793) с 1814 года. В Москве роль Карла Моора исполнял П. С. Мочалов (1800–1848). О его игре говорят московские студенты в драме Лермонтова «Странный человек» (см. настоящее издание, т. V, стр. 225). В 1829 году Лермонтов часто обращается к Шиллеру: он переводит и переделывает «Перчатку», «К Нине», «Встречу», «Дитя в люльке», «Над морем красавица дева сидит», «Делись со мною тем, что знаешь» и отрывок «Три ведьмы» из «Макбета» Шекспира в переделке Шиллера. Об интересе Лермонтова к творчеству Шиллера см.: E. Duchesne. Michel Jouriévitch Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris, 1910, стр. 236–238; сб. «Венок Лермонтову», 1914, стр. 318–320. О воздей-

ствии драматургии Шиллера на московское студенчество и вообще на русскую молодежь начала 30-х годов XIX века см: В. Мануйлов. «М. Ю. Лермонтов». Серия научно-популярных очерков «Русские драматурги», изд. «Искусство», М. — Л., 1950, стр. 33–41.

Стр. 406, строка 19. «Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина». Имеются отзывы Белинского о Мочалове и сравнение его игры с игрой Каратыгина (Белинский. Письма, т. 1, стр. 4–5; ср. также статью «Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета»: Белинский, ИАН, т. 2, 1953, стр. 253–345). О популярности П. С. Мочалова среди московской молодежи см.: Н. Д. Студенческие воспоминания о Московском университете. «Отеч. записки», 1859, т. 122, стр. 7; ср.: А. И. Герцен. Былое и думы, т. V, 1937, стр. 304–305.

Стр. 406, строка 20. Еким — Аким Павлович Шан-Гирей, которого незадолго до этого перевезли в Москву учиться (о нем см. настоящий том, стр. 695).

Стр. 406, строка 20. M-r G. Gendroz — гувернер Лермонтова Жан-Пьер Келлет Жандро (умер 8 августа 1830 года в доме Е. А. Арсенье-

вой) О нем см.: Ф. Ф. Майский. Юность Лермонтова. «Труды Воронежского Государственного университета», т. 14, вып. II, 1947, стр. 190.

Стр. 406, строка 27. Анна Акимовна Петрова, рожд. Хастатова, сестра М. А. Шан-Гирей, гостившая с детьми в Апалихе (см. настоящий том, стр. 694).

Стр. 406, строка 28. Алеша — Алексей Павлович Шан-Гирей (см. настоящий том, стр. 695).

Стр. 406, строка 28. «две Катюши» — дочь Марии Акимовны Екатерина Павловна Шан-Гирей, впоследствии Веселовская (см. настоящий том, стр. 695) и дочь Анны Акимовны Екатерина Павловна Петрова, впоследствии Жигмонт (см. настоящий том, стр. 683 и 736).

Стр. 406, строка 28. Маша — Мария Павловна Петрова, дочь Анны Акимовны и Павла Ивановича Петровых (см. настоящий том, стр. 736).

4. М. А. Шан-Гирей (стр. 407)

Печатается по автографу — ЛБ, М. 4835, № 8а, 2 л.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1889, т. 61, кн. 1, стр. 165–166). Получено от дочери М. А. Шан-Гирей — Е. П. Веселовской.

Слова Лермонтова: «...почти каждый вечер на бале. — Но великим постом я уже совсем засяду. В университете всё идет хорошо» — позволяют датировать это письмо масляницей 1831 или 1832 года. В 1831 году четверг, пятница и суббота масляной недели приходились на 6, 7 и 8 февраля; в 1832 году — на 18, 19 и 20 февраля.

Это письмо — ответ Лермонтова на неизвестное нам письмо М. А. Шан-Гирей, в котором, повидимому, осуждалась драматургия Шекспира. Юный Лермонтов, вслед за Пушкиным, высоко оценил гений Шекспира, произведения которого он читал в подлиннике. Цитируя в настоящем письме текст «Гамлета» по памяти, Лермонтов смешивает Розенкранца и Гельденштерна с Полонием, который появляется в той же сцене. Эпизод с флейтой в трагедии Шекспира не завершает сцену, но

предшествует разговору Гамлета с Полонием (акт III, сцена II). В 1838 году в статье «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» В. Г. Белинский также отмечал, что эта сцена «превосходна» (Белинский, ИАН, т. 2, стр. 270).

«Гамлет» сравнительно с другими пьесами Шекспира проник на русскую сцену довольно поздно и до перевода Н. А. Полевого, впервые поставленного в дебют Мочалова 22 января 1837 года, шел в переводах с французских переделок, приспособлявших Шекспира к требованиям классицизма (см.: «Гамлет, трагедия 5 д., подражание Шекспиру в стихах. Стихотворная обработка (александрийским стихом) по Дюсису», перевод С. И. Висковатова, первое издание — 1811 года, второе — 1829 года; см также статью А. Бардовского: «Русский Гамлет. Царствование Александра I». «Русск. прошлое», 1923, кн. 5, стр. 112–120).

5. Н. И. Поливанову (стр. 408)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 36, 2 л

Письмо представляет собой приписку, сделанную рукой Лермонтова на письме его друга Владимира Александровича Шеншина, которому посвящено стихотворение «К другу В. Ш.» (настоящее издание, т. I, стр. 195 и 419).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым по автографу, принадлежавшему В. Н. Поливанову, в «Русск. старине» (1875, т. 14, кн. 9, стр. 59).

В. А. Шеншин писал Н. И. Поливанову: «Любезный друг. Первый мой тебе реприманд: зачем ты по-французски письмо написал, разве ты хотел придать более меланхолии <твоему письму, то> это было совсем некстати. Мне здесь очень душно, и только один Лермантов, с которым я уже 5 дней не видался (он был в вашем соседстве у Ивановых), меня утешает своею беседою. Николай в деревне. Закревский избаловался. Других <два слова вымараны> я не вижу, — не полагая довольного удовольствия с ними быть в компании. Пиши к нам со всякой оказией, ты

ничего не делаешь, да притом верно нам не откажешь в малом удовольствии нас повеселить твоими письмами, следуя параллельной системе, да, пожалуста пиши поострее, кажется, у тебя мысли просвежились от деревенского воздуха. Твое нынешнее письмо доказывает, что ты силишься принять меланхолический оборот твоему характеру, но ты знаешь, что я откровенен, и потому прими мой совет, следуй *Шпигельбергу* <один из персонажей трагедии Шиллера «Разбойники»>, а не Лермантову, которого ты безжалостно изувечил, подражая ему на французском языке. Adieu, guten Tag, vale, Fare thee well <прощай, будь здоров — на французском, немецком, латинском и английском языках>. Прощай. Верный твой друг, хотя тебя и уверяет твой папинька, что мы пострелы, негодяи — но пожалуста не верь, впрочем, сам знаешь, — действуй по сердцу. В. Шеншин. Москва. 7-го июня 1831».

Датируется 7 июня 1831 года по дате на письме Шеншина.

Стр. 408, строка 30. Поливанов Николай Иванович (1814–1874), которому адресовано письмо Шеншина и приписка Лермонтова, —

один из ближайших товарищей Лермонтова по Университету, впоследствии вместе с потом учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где был известен под прозвищем «Лафа». Так он упоминается и в юнкерских поэмах «Гошпиталь» и «Уланша». К Поливанову обращены также стихи Лермонтова «Послушай! вспомни обо мне» (настоящее издание, т. I, стр. 176 и 415–416). Портрет Н. И. Поливанова воспроизведен в книге «М. Ю. Лермонтов, 1814–1914» (СПб., 1914, стр. 7). Поливановы жили в Москве на Молчановке, рядом с домом, где жила с внуком Е. А. Арсеньева. Лето 1831 года Н. Поливанов был в деревне.

Стр. 409, строки 1–2. «Завтра свадьба твоей кузины Лужиной». Лужины были в родстве с Поливановыми и Шеншинными; Семен Николаевич Шеншин (ум. в 1849) был женат на Анне Дмитриевне Лужиной (ум. в 1862). Их сын Николай (1813–1835) упоминается в письме В. А. Шеншина.

Стр. 409, строка 5. «болен, расстроен» — тяжелое состояние духа, на которое жалуется Лермонтов, повидимому, связано с увлечени-

ем Натальей Федоровной Ивановой (см. настоящее издание, т. I, стр. 397, и т. V, стр. 729).

6. С. А. Бахметьевой (стр. 409)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а, 1 л., стр. 65. Получено от В. Д. Арнольди, рожд. Свербеевой.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1873, стр. 382) с пропусками имен и фамилий. Полностью — в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1887, стр. 436).

В одном из следующих писем, отправленных С. А. Бахметевой из Петербурга, Лермонтов сообщал ей: «Я к вам писал из Твери и отсюда» (настоящий том, стр. 413, строка 4). Настоящее письмо было послано по дороге из Твери в июле — начале августа 1832 года.

Стр. 409, строка 9. Бахметева Софья Александровна (род. в 1800 году), как сообщал первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов, воспитывалась в доме Е. А. Арсеньевой. Лето 1830 года она провела вместе с Лермонтовым и двумя своими сестрами в имении Стольпиных Середникове под Москвой. По свидетельству того же биографа, С. А. Бахметева была «веселая, сама увлекающаяся, она увлекла и

Лермонтова, но не надолго». Поэт называл ее «легкой, как пух». Взяв пушинку в присутствии Софьи Александровны, «Лермонтов дул на нее, говоря: «Это вы — ваше Атмосфераторство» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 270). В 1832 году осенью С. А. Бахметева уехала в Воронеж (см. настоящий том, письма №№ 11 и 12, стр. 419 и 421).

Стр. 409, строка 22. Александра Михайловна Верещагина (род. в 1810 году) — племянница Екатерины Аркадьевны Столыпина, невестки Е. А. Арсеньевой. Поэтому Лермонтов называет ее «благоверной кузиной» (см. настоящий том, стр. 711).

Стр. 409, строка 27. М. Lerma (М. Лерма) — подпись, которую в эти годы Лермонтов часто ставил под своими письмами к друзьям, полагая, что предки со стороны Юрия Петровича были выходцами из Испании и носили фамилию Лерма.

Стр. 409, строка 29. Тетенька — Екатерина Аркадьевна Столыпина, в доме которой жили С. А. Бахметева и А. М. Верещагина. Е. А. Столыпина была замужем за Дмитрием Алексеевичем Столыпиным (1785–1826), братом Е. А.

Арсеньевой.

7. С. А. Бахметевой (стр. 409)

Печатается по автографу — ГИМ, ф. 445, № 227а, 2 л., стр. 66–67. Получено от В. Д. Арнольди, рожд. Свербеевой.

Отрывки из письма опубликованы впервые в соединении с отрывками из письма № 8 (с опечатками) в «Современнике» (1854, т. 43, кн. 1, стр. 5–7). Полностью письмо опубликовано в «Русск. архиве» (1864, № 10, стлб. 1089–1090).

Письмо написано вскоре после переезда Лермонтова в Петербург, перед вступлением его в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года Лермонтов писал: «Вот уж несколько недель мы в разлуке» (настоящий том, стр. 416, перевод — 705). Следовательно, первые письма его из Петербурга, в том числе и это, относятся к началу августа.

Стр. 410, строки 13–14. «вчера перебрались на квартиру». Дом, в который Е. А. Арсеньева въехала с внуком, по словам А. П. Шан-Гирея, находился на Мойке и принадлежал Ланско-

му («Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 733). Висковатов, повидимому, ошибается, когда указывает другой дом — «на берегу Мойки, у Синего моста, который позднее принадлежал журналисту Гречу» (ср. А. Яцевич. «Пушкинский Петербург». 1935, стр. 366).

Стр. 410, строка 17. «как свадьба?». Лермонтов спрашивает о свадьбе Марии Александровны Лопухиной. Из письма Лермонтова от 28 августа 1832 года видно, что этот брак расстроился, но кто сватался за Лопухину — неизвестно (см. настоящий том, стр. 414 и перевод — 703).

Стр. 410, строка 18. Средниково или Середниково — подмосковное имение Екатерины Аркадьевны Столыпина, вдовы Дмитрия Алексеевича Столыпина, в прошлом сослуживца П. И. Пестеля и единомышленника декабристов. В Середникове Лермонтов проводил летние каникулы 1829, 1830 и 1831 годов. Там часто гостили А. М. Верещагина, С. А. Бахметева, Е. А. Сушкова и другие дальние родственницы и приятельницы юного Лермонтова.

Стр. 410, строка 18. «Александра Михалов-

на» — Верещагина (о ней см. настоящий том, стр. 711).

Стр. 410, строка 19. Елизавета Александровна — Лопухина (род. в 1809 году), двоюродная сестра А. М. Верещагиной.

Стр. 410, строки 21–28. Стихотворение М. Ю. Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 44).

Стр. 410, строка 33. Павел Евреинов. О нем см. настоящий том, на этой странице, ниже.

Стр. 411, строка 9. «bande joyeuse» — «веселая шайка». Так называла С. А. Бахметева Лермонтова и его приятелей Н. И. Поливанова, В. А. и Н. С. Шеншиных, А. Д. Закревского и А. А. Лопухина. Ср. в «Княгине Лиговской» (см. настоящий том, стр. 154, строка 25).

Стр. 411, строка 11. «тетушки» — Екатерина Аркадьевна Столыпина, ее сестра Елизавета Аркадьевна Верещагина и Екатерина Петровна Лопухина.

Стр. 411, строка 13. Achille (Ахилл) — арап, слуга в доме Лопухиных В альбоме А. М. Верещагиной Лермонтов написал акварельный портрет этого слуги (ср. стихи 1420–1485 в поэме «Сашка» и примечания к ним, настоящее

издание, т. IV, стр. 90–92 и 403).

8. С. А. Бахметевой (стр. 411)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 24, 2 л.

Отрывки опубликованы впервые вместе с отрывками письма № 7 (с опечатками) в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, стр. 5–7). Полностью письмо опубликовано впервые в «Русск. старине» (1873, т. 7, кн. 3, стр. 402–403).

В письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года Лермонтов спрашивает: «...вернули вам господин мой кузен Евреинов мои письма?» (настоящий том, стр. 418 и перевод — 705). Следовательно, настоящее письмо, в котором говорится «Павел вам отдаст его», относится к августу 1832 года.

Стр. 411, строка 17–стр. 412, строки 1–12 и 16–27 — стихотворения М. Ю. Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 57 и 58).

Стр. 411, строки 17 и 19. «Дивное послание» и «Павлово писанье» — шуточный намек на послание апостола Павла.

Стр. 411, строка 20. «Но Павел вам отдаст его». Павел Александрович Евреинов (ум. 5 июля 1857 года), с которым это письмо было

отправлено из Петербурга в Москву, — двоюродный дядя Лермонтова, сын Александры Алексеевны Евреиновой, рожденной Столыпиной (род. в 1777 году), сестры Е. А. Арсеньевой. П. А. Евреинов был офицером лейб-гвардии Измайловского полка. По всей вероятности, Лермонтов познакомился с ним до 1832 года в Москве. Евреинов должен был передать М. А. Лопухиной и С. А. Бахметевой письма Лермонтова; первое до нас не дошло, но о нем мы знаем по упоминанию в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года.

Стр. 413, строка 4. «Я к вам писал из Твери и отсюда». Имеются в виду письма №.№ 6 и 7 (настоящий том, стр. 409).

9. М. А. Лопухиной (стр. 413)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 17, 2 л. Пометы черным и синим карандашами: «1832 С. П.», «4», «1832», «1».

Впервые опубликован французский текст и перевод в «Русск. архиве» (1863, № 3, стлб. 265–267).

Перевод

С.-Петербург, 28 августа.

Пишу вам в очень тревожную минуту, так как бабушка тяжело заболела и уже два дня как в постели; получив ваше второе письмо, я нахожу в нем теперь утешение. Назвать вам всех, у кого я бываю? У самого себя: вот у кого я бываю с наибольшим удовольствием. Как только я приехал, я посещал — и признаюсь, довольно часто — родственников, с которыми я должен был познакомиться, но в конце концов я убедился, что мой лучший родственник — я сам; я видел образчики здешнего общества: дам очень любезных, кавалеров очень воспитанных — все вместе они на меня производят впечатление французского сада, и не просторного и не сложного, но в котором

можно заблудиться в первый же раз, так как хозяйские ножницы уничтожили всякое различие между деревьями.

Пишу мало, читаю не больше; мой роман становится произведением, полным отчаяния; я рылся в своей душе, желая извлечь из нее все, что способно обратиться в ненависть; и все это я беспорядочно излил на бумагу — вы бы меня пожалели, читая его!.. Кстати о вашем браке: дорогой друг, вы догадываетесь, как я рад, узнав, что он расстроился (не французский оборот); я уже писал моей кузине, что этот вздернутый нос годится разве что для того, чтобы вынюхивать жаворонков; — это выражение мне самому очень понравилось. Слава богу, что дело кончилось именно так, а не иначе. Впрочем, не будем больше говорить об этом; и так уже наговорили слишком много.

У меня есть достоинство, которого у вас нет; когда мне говорят что любят меня, я в этом больше не сомневаюсь, или (что еще хуже) не подаю вида, что сомневаюсь; у вас же этот недостаток есть, и я вас прошу от него избавиться, по крайней мере в ваших милых

письмах.

Вчера в 10 часов вечера произошло небольшое наводнение, и даже стреляли из пушек — по два выстрела три раза с промежутками по мере того как вода прибывала и убывала. Ночь была лунная, я сидел у окна, выходящего на канал; вот, что я написал!

Для чего я не родился...

Вот другие стихи; эти два стихотворения выразят вам мое душевное состояние лучше, чем я бы мог это сделать в прозе.

Конец! как звучно это слово...

Прощайте... не могу больше писать, голова кружится от глупостей; думаю, что по той же причине кружится и земля вот уже 7000 лет, если Моисей не солгал.

Всем привет.

Ваш самый искренний друг М. Лерма.

Упоминание о приезде в Петербург и о знакомстве с родными дает возможность отнести дату 28 августа, указанную самим Лермонтовым, к 1832 году.

Стр. 413, строка 16. Лопухина Мария Алек-

сандровна (1802–1877), сестра Варвары и Алексея Лопухиных. С этой семьей Лермонтов сдружился, еще будучи в Московском благородном пансионе. Лермонтов не скрывал от Марии Александровны, так же как и от А. М. Верещагиной, своего глубокого, но неразделенного чувства к В. А. Лопухиной. По словам первого биографа поэта П. А. Висковатова, «Мария Александровна уничтожила все, где в письмах к ней Лермонтов говорил о сестре ее Вареньке... Даже в дошедших до нас немногих листах, касающихся Вареньки и любви к ней Лермонтова, строки вырваны» (Соч. под ред Висковатова, т. 6, 1891, стр 279). Сохранилось одно письмо М. А. Лопухиной к Лермонтову (см. настоящий том, стр. 463).

Стр. 413, строки 18–19. «...car grand-maman est très malade» («...так как бабушка тяжело заболела»). Слова о болезни бабушки подтверждают свидетельство А. П. Шан-Гирея о том, что Лермонтов приехал в Петербург в конце лета 1832 года вместе с Е. А. Арсеньевой.

Стр. 413, строка 26. «...j'ai vu des échantillons de la société d'ici» («...я видел образчики здешнего общества») — одна из наиболее интерес-

ных в письмах Лермонтова характеристик петербургского светского общества, предвосхищающая сатирические образы «Маскарада» и «Княгини Лиговской».

Стр. 414, строка 1. («...mon roman») («...мой роман») — по всей вероятности, речь идет о «Вадиме» (см. настоящий том, стр. 7 и 635).

Стр. 414, строка 5. «...de votre mariage» («...о вашем браке») — см. настоящий том, стр. 701, примеч. к стр. 410, строка 17.

Стр. 414, строка 16. «Hier il y a eu, à 10 heures du soir une pe'ite inondation» («Вчера в 10 часов вечера произошло небольшое наводнение») — осенью 1832 года в Петербурге несколько раз наблюдался обычный в это время подъем воды в Неве и каналах, но это не было сколько-нибудь значительное наводнение, подобное наводнению 1824 года, описанному Пушкиным в «Медном всаднике». Тема петербургского наводнения вообще интересовала Лермонтова (В. А. Соллогуб. Воспоминания. Изд. «Academia», 1931, стр. 183–184).

Стр. 414, строка 21-стр. 415, строка 8 — стихотворение М. Ю. Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 61).

Стр. 415, строка 11-стр. 416, строка 10 — стихотворение М. Ю. Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 59).

10. М. А. Лопухиной (стр. 416)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 18, 2 л. Карандашные пометы: «1832. С. Петербург», «1832 г.», «2» (красным карандашом), «5» (синим карандашом).

Впервые опубликовано в «Русск. архиве» (1863, кн. 5–6, стлб. 421–423) с пропусками. Полностью опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1882, стр. 515–518).

Перевод

2 сентября.

Как раз сейчас начинаю рисовать кое-что для вас и может быть пошлю вам рисунок с этим же письмом. Знаете, дорогой друг, каким образом я вам буду его писать — по временам — одно письмо иногда будет длиться несколько дней. Придет ли мне в голову мысль, я ее запишу, запечатлеется ли в моем уме что-нибудь замечательное — сообщу вам. Довольны ли вы этим?

Вот уж несколько недель мы в разлуке и

может быть на очень долгое время, потому что я не вижу ничего достаточно утешительного в будущем, а между тем я все тот же, вопреки лукавым предположениям кое-каких лиц, имени которых не скажу. — И, наконец, вы можете себе представить, я был на седьмом небе при встрече с Натальей Алексеевной, потому что она явилась из наших мест; ибо Москва есть и всегда будет моя родина, — Я в ней *родился*, в ней много *страдал*, в ней был *чрезмерно счастлив*. Лучше бы этих трех вещей не было... но что делать!

Аннета сообщила мне, что знаменитую голову на стене не стерли! — Жалкое честолюбие! Это меня обрадовало... и еще как! Вот — смешная страсть везде оставлять следы своего пребывания! Стоит ли мысль человека, как бы значительна она ни была, того, чтобы ее повторяли в чем-нибудь вещественном с той только целью, чтобы она стала понятной душе других? Повидимому, люди не рождены для того, чтобы думать, потому что сильная и свободная мысль у них такая редкость!

Я поставил себе целью погрести вас под грудой своих писем и стихов; это не очень

дружественно и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению.

Вот еще стихи, которые я написал на берегу моря:

Белеет парус одинокий...

Прощайте же, прощайте! Я не совсем здоров. Счастливый сон, божественный сон испортил мне весь день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. — Удивительная вещь — сны! — изнанка жизни, которая подчас приятнее действительности! Я ведь не разделяю мнения тех, кто говорит, будто жизнь только сон; я очень сильно чувствую ее реальность, ее завлекающую пустоту! Я никогда не сумею отрешиться от нее в такой степени, чтобы добровольно презирать ее; потому что жизнь моя это я сам, говорящий вам и тот, который через мгновение может превратиться в ничто, в одно имя, т. е. — опять-таки в ничто. — Бог знает, будет ли существовать мое «я» после смерти. Ужасно думать, что может настать день, когда я не буду в состоянии сказать: «я»! — Если это так, то

мир — только комок грязи.

Прощайте, не забудьте напомнить обо мне своему брату и сестрам, кузина же, я полагаю, еще не возвратилась.

Скажите, дорогая мисс Мери, вернул ли вам господин мой кузен Евреинов мои письма и как вы его нашли? в этом вопросе я вас избираю своим термометром. Прощайте.

Преданный вам Лерма.

Р. С. Я очень хотел бы задать вам один вопрос, но перо отказывается его написать. Если угадываете, хорошо, я буду рад, если же нет, то значит, если бы я даже задал этот вопрос, вы бы не сумели на него ответить.

Этот вопрос такого рода, о котором вы быть может даже не догадываетесь!

Стр. 416, строка 26. Слова «Voilà plusieurs semaines déjà que nous sommes séparés» («Вот уже несколько недель мы в разлуке») дают возможность определить, что это письмо относится к 1832 году. Кроме того, стихотворение «Парус», включенное в текст письма, известно нам по автографу так называемой «Казанской тетради» 1832 года (см. настоящее издание, т. II, стр. 62 и 323).

Стр. 416, строка 31. Наталья Алексеевна — Столыпина (1786–1851), сестра Е. А. Арсеньевой, бывшая замужем за дальним родственником и однофамильцем Григорием Даниловичем Столыпинам, пензенским предводителем дворянства (умер до 1831 года).

Стр. 417, строка 3. Annette — Анна Григорьевна Столыпина (1815–1892), дочь Н. А. и Г. Д. Столыпиных, с 1834 года замужем за А. И. Философовым. О ней см. статью А. Н. Михайловой «Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова» («Лит. наследство», т. 45–46. 1948, стр. 661–690).

Стр. 417, строка 3–4. «...la célèbre tête sur la muraille» («...знаменитая голова на стене») — поясной портрет воображаемого предка испанского герцога Lerma, написанный Лермонтовым на стене в доме Лопухиных на углу Поварской улицы и Молчановки в Москве в 1830 или 1831 годах. Позднее Лермонтов по памяти восстановил этот портрет. Воспроизведение его — в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1913, стр. 224–225). Об этом же писал Лермонтову А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 467, строки 4–5).

Стр. 418, строка 10. «...ma cousine» («...моя кузина») — А. М. Верецагина (о ней см. примечание к письму № 12, настоящий том, стр. 711).

Стр. 418, строки 12–13. «...mon cousin Evreïnoff» («...мой кузен Евреинов») — о нем см. настоящий том, стр. 702, примеч. к письму № 8.

Стр. 418, строка 17. «J'aurais bien voulu vous faire une petite question» («Я очень хотел бы задать вам один вопрос») — намек на то, что Лермонтову хотелось бы получить какое-либо известие о В. А. Лопухиной. Не получив ответа на этот осторожный вопрос, Лермонтов в не дошедшем до нас письме от 3 октября, очевидно, напомнил о нем еще раз, судя по ответному письму Лопухиной от 12 октября 1832 года (см. настоящий том, стр. 463).

11. М. А. Лопухиной (стр. 418)

Печатается по автографу — ГПБ, Собрание рукописей М. Ю. Лермонтова, № 19, 2 л. На л. 1 сверху рукой Лермонтова «2». Карандашные пометы: «1832 года С. Петерб.,», «1», «1832 октябрь», «3», «2» (синим карандашом).

Впервые опубликовано в сокращении и с пропусками собственных имен в «Русск. архиве» (1863, кн. 4, стлб. 292–293). Пропущен отрывок от начала письма, кончая словами «si aimables». Полностью опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1916, стр. 315–316).

Перевод

Мне крайне досадно, что мое письмо к кузине затерялось так же, как и ваше письмо к бабушке. Кузина может быть думает, что я разленился или что я лгу, уверяя, что написал. Но и в том и другом она была бы несправедлива, потому что я слишком люблю ее для того, чтобы прятаться за обман, и потому, что, как вы можете засвидетельствовать, я не ленив на письма. Возможно я оправдаюсь с этой же почтой; в противном случае, прошу, вас, сделайте это за меня. Послезавтра держу

экзамен и целиком погряз в математике. Скажите ей, чтобы она время от времени мне писала; ее письма так милы.

Я всё еще не могу себе представить, какое впечатление произведет на вас такая важная новость обо мне: я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Возможно такова особая воля провидения! Может быть, это кратчайшая дорога и, если она не приведет меня к моей первоначальной цели, то, вероятно, приведет к конечному пределу всего существующего. Умереть с свинцовой пулей в сердце стоит медленной агонии старца. Итак, если будет война, клянусь вам богом, буду везде впереди. Очень прошу вас сказать Алексею, что я ему пришлю подарок, какого он и не ожидает. Давно он желал чего-то подобного, и я ему шлю то самое, но в десять раз лучше. Сейчас я ему не пишу, потому что нет времени. Через несколько дней экзамен. Как только поступлю, заброшу вас письмами и заклинаю вас всех — ваших друзей и подруг, отвечайте. Софья обещала мне написать тот-

час по приезде, не воронежский ли угодник посоветовал ей позабыть меня? Скажите ей, что я желал бы получить от нее весточку. Чего стоит письмо? — Полчаса. А она ведь не поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков! Право, я бываю свободен только по ночам; вы — другое дело. Мне кажется, что если бы я не сообщил вам о тех важных событиях, которые со мной произошли, то я бы утратил половину своей решимости. Верьте или не верьте, а это действительно так. Не ведаю, почему, но когда получаю от вас письмо, не могу удержаться, чтобы не ответить вам сейчас же, как будто я с вами беседую.

Прощайте же, дорогой друг, не говорю до свидания, потому что не смею надеяться увидеть вас здесь. Между мной и милой Москвой существуют непреодолимые преграды, и судьба повидимому решила нагромождать их с каждым днем. Прощайте, постарайтесь и впредь лениться не больше, чем это было до сих пор, и я буду вами доволен. В настоящее время ваши письма мне нужнее чем когда-либо. В моем теперешнем заключении они будут для меня высшим наслаждением.

Только они смогут связать мое прошлое и мое будущее, которые уходят каждое в свою сторону, оставляя между собой преграду из двух печальных и тягостных лет. Возьмите на себя эту скучную, но милосердную обязанность, и вы помешаете погибнуть человеческой жизни. Только вам одной я могу сказать всё, что думаю: хорошее или дурное, что я вам уже доказал своей исповедью. И вы не должны оставаться в стороне, не должны потому, что я прошу от вас не снисходительности, а благодеяния. Несколько дней тому назад я был встревожен, теперь это прошло; всё кончено. Я жил, я созрел слишком рано. И грядущие дни пройдут без сильных впечатлений!..

Он был рожден для счастья, для надежд...

Прощайте. Мои «поклоны» всем. Прощайте, не забывайте меня.

М. Лермантов.

Р. S. Я никогда ничего по вашему поводу Евреинову не писал; и вы видите, что всё, что я сказал об его характере — правда. Единственно я был неправ, называя его лицемером.

ром — для этого он не располагает достаточными средствами — он всего-то враль.

До 1953 года это письмо Лермонтова печаталось в собраниях писем Лермонтова под № 12. Но, как убедительно доказал И. Л. Андроников, письмо следует датировать серединой октября, и, следовательно, оно предшествовало письму Лермонтова к М. А. Верещагиной (см. Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 4, 1953, стр. 464–470). О вступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Лермонтов сообщал М. А. Лопухиной в не дошедшем до нас письме от 3 октября 1832 года. Ответ Лопухиной от 12 октября 1832 года (см. настоящий том, стр. 463) Лермонтов должен был получить около 15 октября. Из текста письма видно, что Лермонтов еще не знает мнения Марии Александровны о его поступлении на военную службу. Но о самом поступлении в юнкерскую школу он говорит как о деле, ей уже известном. Следовательно, это письмо писано до получения ответа Лопухиной, т. е. до 15 октября 1832 года.

Стр. 419, строки 13–14. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

Стр. 419, строка 19. Sophie — С. А. Бахметова (см. настоящий том, стр. 700).

Стр. 419, строки 20–21. «...*le saint du Voronège lui aurait il conseillé de m'oublier?*» («...не воронежский ли угодник посоветовал ей позабыть меня?»). 6 августа в Воронеже были «открыты» мощи святого Митрофана. С. А. Бахметева уехала в Воронеж как раз около этого времени. Лермонтов подчеркнул слово угодник, тем самым иронически выделив это слово.

Стр. 420, строки 3–4. «...*une barrière de 2 tristes, pénibles années*» («...преграда из двух печальных и тягостных лет»), о которой пишет Лермонтов, свидетельствует о том, что вынужденный уход из Московского университета и отказ от мысли продолжать университетское образование в Петербурге не легко дались Лермонтову и что, связывая свою судьбу с военной службой, он понимал, насколько это решение коренным образом изменит его жизнь.

Стр. 420, строки 13–30 — стихотворение М. Ю. Лермонтова (см. настоящее издание, т. II, стр. 63).

Стр. 420, строка 32, рослоны — слово «поклоны» написано латинскими буквами.

Стр. 421, строка 1. Evreïnoff — Евреинов Павел Александрович (см. настоящий том, стр. 702).

12. А. М. Верещагиной (стр. 421)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 15, 2 л. Карандашные пометы на л. 1: «10» «К А. Верещагиной 1832 ноябрь, п. ч. это письмо — ответ на письмо Верещ<агиной> от 13 окт. 1832», и на л. 2 об.: «Autographe de Michel Lermantoff». Письмо получено от дочери А. М. Верещагиной.

Отрывок (начиная от слов «femme injuste», кончая словами «trois insupportables») напечатан в «Русск. мысли» (1883, кн. 4, стр. 83). Полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 389–391).

Перевод

Женщина несправедливая и легковерная! (заметьте, что я имею полное право назвать вас так, дорогая кузина). Вы поверили словам и письму молодой девушки, не разобравшись в них. Аннета говорит, что никогда не писала,

будто у меня была неприятность, а только, что мне не зачли, как многим другим, годы, которые я провел в Москве, ибо во всех университетах проведена реформа, и я боюсь, как бы не пострадал и Алексей, потому что к трем нестерпимым годам прибавляют еще один.

Вы должно быть уже знаете, милостивая государыня, что я поступаю в Школу гвардейских подпрапорщиков, что лишит меня к несчастью удовольствия вас увидеть в ближайшее время. Если бы вы могли догадаться, сколько огорчения мне это причиняет, вы бы меня пожалели, не бранитесь же больше и утешьте меня, если у вас есть сердце.

Я не могу постичь, что вы хотите сказать выражением «взвешивать слова», я не помню, чтобы я писал вам что-нибудь подобное. Сверх сего, я благодарю вас, что вы меня выбрали, это мне урок на будущее время, и, если вы приедете в Петербург, я надеюсь вполне отомстить за себя — и с избытком да еще сабельными ударами — и без всякой пощады, слышите ли вы! Но пусть это вас не пугает; все-таки приезжайте и привезите с собой многочисленную свиту и Софью, которой

я не пишу, потому что на нее дуюсь. Она мне обещала написать, вернувшись из Воронежа, *длинное, письмо*, но я замечаю только длительность времени, заменяющую самое письмо.

А вы, дорогая кузина, обвиняете меня в том же, а ведь я написал вам два письма вслед за Павлом Евреиновым. Но так как они были посланы по адресу дома Столыпина в Москву, то я уверен, что их поглотила Лета или же жена какого-нибудь лакея обмотала свечи моими нежными посланиями.

Итак, я ожидаю вас этой зимой; не надо уклончивых ответов; вы должны приехать; хорошее намерение нельзя оставлять без исполнения, цветок не должен увянуть на стебле своем и т. д.

Пока говорю вам прощайте, потому что мне нечего сообщить вам интересного; готовлюсь к экзамену и через неделю с божьей помощью стану военным; еще: вы придаете слишком много значения невской воде; она является хорошим слабительным, но других качеств я за ней не знаю; повидимому, вы забыли мои прошедшие ухаживания и живете

настоящим временем и для того будущего, с которым вам вероятно предстоит скоро встретиться, прощайте же, дорогой друг, и приложите все ваши усилия, чтобы и мне найти суженую. Надо, чтобы она была похожа на Дашеньку, но только без ее толщины, потому что тогда не будет соответствия со мной, как вам известно, или как вам не известно, потому что я стал тонок как спичка.

Целую ваши руки. М. Лерма.

P. S. Мой привет теткам.

Письмо написано после 13 октября 1832 года, так как является ответом на письмо А. М. Верещагиной от 13 октября (см. настоящий том, стр. 465).

С наибольшей достоверностью письмо следует датировать концом октября — началом ноября, поскольку Лермонтов пишет: «Je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de dieu.... je serai militaire» («готовлюсь к экзамену и через неделю с божьей помощью я стану военным»). Экзамен Лермонтов держал 4 ноября, а 10 ноября 1832 года приказом по школе был уже зачислен «на службу в лейб-гвардии Гусарский полк ~ кан-

дидатом (см. «Летопись жизни и творчества», настоящий том, стр. 82).

Стр. 421, строка 5. Верещагина Александра Михайловна (род. в 1810 году) — племянница Екатерины Аркадьевны Столыпиной, невестки Е. А. Арсеньевой; поэтому Лермонтов называет ее «кузиной». А. М. Верещагина принадлежала к числу самых близких друзей Лермонтова. Когда Лермонтов учился в Московском университетском пансионе, а потом в Университете, он постоянно бывал у А. М. Верещагиной, которая жила с матерью, и сопровождал ее и Е. А. Сушкову на гулянья и вечера. «Miss Alexandrine, — вспоминал А. П. Шан-Гирей, — принимала в нем <Лермонтове> большое участие, она отлично умела пользоваться немного саркастическим направлением ума своего и иронией, чтоб овладеть этой беспокойною натурой и направлять ее, шутя и смеясь, к прекрасному и благородному: все письма Александры Михайловны к Лермонтову доказывают ее дружбу к нему». Эти письма до нас не дошли, и мы знаем только отрывок из письма от 13 октября 1832 года (см. настоящий том, стр. 465) и письмо от 18 августа

1835 года (см. настоящий том, стр. 467). В 1837 году А. М. Верещагина уехала за границу и вышла замуж за барона Карла Гюгеля, министра иностранных дел Вюртембергского королевства (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 676–677). Ей была посвящена шутливая баллада «Югельский барон» (настоящее издание, т. II, стр. 247 и 373–374). У А. М. Верещагиной был альбом, в который поэт вписал восемь стихотворений. Там же множество рисунков и автопортрет Лермонтова в бурке, известный нам только в копии. Этот альбом, рисунки и автопортрет после смерти А. М. Верещагиной-Гюгель перешли к ее дочери графине Берольдинген, жившей около Штутгарта в поместье Hohberg. Многие письма Лермонтова к А. М. Верещагиной были уничтожены ее матерью, так как, по ее словам, они «были крайне саркастичны и задевали многих» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 36; ср. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 205).

Стр. 421, строка 9. Annete — А. Г. Столыпина (см. настоящий том, стр. 706).

Стр. 421, строка 10. «...j'avais une histoire» («у меня была неприятность») — имеется в

виду уход Лермонтова из Московского университета. Сохранилось прошение Лермонтова в правление Московского университета от 1 июня 1832 года об увольнении его «по домашним обстоятельствам», а также свидетельство за № 2480 от 18 июня 1832 года о том, что Лермонтов «по прошению его от Университета уволен» (П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. 1. Л., 1929, стр. 109–110). После столкновения Лермонтова с реакционными профессорами правление Московского университета посоветовало ему покинуть Университет. Таким образом, уход из Московского университета, оформленный как добровольный, все же был вынужденным (см.: Н. Л. Бродский. «М. Ю. Лермонтов». Биография, т. I, М., 1945, стр. 245–246).

Стр. 421, строки 12–13. «...il y a une réforme dans toutes les universités» («...во всех университетах проведена реформа»). Переезжая из Москвы в Петербург, Лермонтов сначала предполагал поступить в Петербургский университет. Но в Петербургском университете в это время был введен новый учебный план, рассчитанный на четыре года, и Лермонтову

отказались зачесть предметы, прослушанные в Московском университете. Начинать университетский курс заново Лермонтов не захотел. В сентябре — октябре 1832 года после длительной внутренней борьбы Лермонтов решил поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. О том, как восприняли это событие друзья и родственники поэта, см. в письмах к М. Ю. Лермонтову (настоящий том, стр. 463–467); ср. Соч. под ред. Висковатова (т. 6, 1891, стр. 140).

Стр. 421, строка 13. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

Стр. 421, строка 27. Sophie — Бахметева (см. настоящий том, стр. 700).

Стр. 422, строка 1. Paul Evreïnoff — Павел Евреинов (см. настоящий том, стр. 702).

Стр. 422, строки 1–2. «...la maison Stolypine à Moscou» («...дом Столыпина в Москве») — на Поварской улице (ныне улица Воровского). Этот дом принадлежал Екатерине Аркадьевне Столыпиной, вдове Дмитрия Алексеевича Столыпина (брата Е. А. Арсеньевой), владельца Середникова. Александра Михайловна Верещагина жила с матерью в этом доме.

Стр. 422, строка 14. *le futur* — игра слов; французское слово *futur* обозначает «будущее» и «жених».

Стр. 422, строка 17. *Dachinka* (Дашенька). Об эпиграммах Лермонтова, обращенных к ней, рассказывает в своих «Записках» Е. А. Сушкова (см.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 120).

13. М. А. Лопухиной (стр. 422)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 20, 2 лл. Пометы черным и синим карандашом: «2», «1832», «1833 года», «1833», «3» (зачеркнуто).

Впервые опубликовано с пропусками в «Русск. архиве» (1863, кн. 5–6, стлб. 417–418). Пропущен отрывок от слов «*maintenant il faut*», кончая словами «*n'en parlons plus*». Полностью опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1882, стр. 522–524).

Перевод

19 июня. Петербург

Вчера я получил ваши два письма, дорогой друг, и я их проглотил; уже так давно не получал я от вас известий; вчера было последнее воскресенье, проведенное мной дома, в отпус-

ку, а завтра (во вторник) мы отправляемся в лагерь на два месяца — я вам пишу сидя на школьной парте, под шум приготовлений и т. д. — Я полагаю, что вы будете рады узнать, что я, пробыв в школе только два месяца, выдержал экзамен в первый класс и теперь один из первых... это всё-таки внушает надежду на близкое освобождение!

Однако я обязательно должен рассказать вам одно довольно странное обстоятельство. В субботу перед пробуждением я вижу во сне, что нахожусь в вашем доме: вы сидите на большом диване в гостиной, я подхожу к вам и спрашиваю, желаете ли вы решительно, чтобы я поспорил с вами; а вы не отвечая протянули мне руку. Вечером нас распустили, я отправился к своим — и нахожу ваши письма. Это меня изумило! Мне хотелось бы узнать, что делали вы в этот день?

Теперь я должен вам объяснить, почему направляю это письмо в Москву, а не на дачу. Я оставил дома ваше письмо вместе с адресом. Так как никто не знает, где я храню ваши письма, я не могу вытребовать его сюда.

Вы спрашиваете, что означает фраза отно-

сительно женитьбы князя: удавится или женится! Честное слово не помню, чтобы я писал что-нибудь подобное. Я слишком хорошего мнения о князе и уверен, что он не принадлежит к числу тех, что выбирают себе невесту по имущественной описи.

Скажите, пожалуйста, кузине, что будущей зимой у нее будет любезный и красивый кавалер: Иван Ватковский, гвардейский офицер. И всё это потому, что его полковник женится на ее сестре. Вот и говорите после того, что не бывает случайности в этом дольном мире.

Скажите откровенно, дулись ли вы на меня некоторое время? Ну, раз это кончено, прекратим этот разговор. — Прощайте. Меня зовут, так как прибыл генерал. Прощайте. М. Лерма.

Мой привет всем.

Уже поздно: мне удалось найти свободную минуту, чтобы продолжать письмо. С тех пор как я вам писал, со мной случилось столько странных происшествий, что даже сам не знаю, каким путем я пойду — то ли порока, то ли глупости: правда нередко оба пути приво-

дят к одной и той же цели. Я знаю, что вы будете уговаривать меня и попытаетесь утешить, — но это было бы излишним. Я счастливее чем когда-либо, веселее любого пьяницы, распевającego на улице. Эти выражения вам не нравятся! Но увы: скажи, с кем ты водишься, и я тебе скажу, кто ты таков! Я верю вам, что С. фальшива, потому что знаю, что вы никогда не исказите истины, особенно в дурную сторону! Бог с ней! Что же касается других предметов, о которых я мог бы вам написать, то храню молчание, полагая, что много слов не стоят одного дела, а так как я от природы ленив, как вы это знаете, дорогой друг, то засыпаю на лаврах, положив трагический конец сразу и своим делам и словам.

Прощайте.

20 июня приходилось на вторник в 1833 году. На основании этого настоящее письмо датируется 1833 годом.

Стр. 423, строка 14. «...mariage du prince» («...женитьбы князя»). Повидимому, Лермонтов имеет в виду сватовство князя Николая Николаевича Трубецкого, сделавшего предложение сестре М. А. Лопухиной — Елизавете

Александровне (см. настоящий том, стр. 425 и перевод — стр. 714). Князь Н. Н. Трубецкой был сыном Николая Сергеевича Трубецкого и Екатерины Петровны, рожденной Мещерской.

Стр. 423, строка 19. «Dites je vous prie à ma cousine» («Скажите, пожалуйста, кузине»). Речь идет, по всей вероятности, об А. М. Верещагиной.

Стр. 423, строка 20. «...un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky» («...любезный и красивый кавалер: Иван Ватковский»). По всей вероятности, Лермонтов имеет в виду Ивана Яковлевича, сына генерал-майора Я. Е. Вадковского и Е. П. Вадковской, рожденной Елагиной. Вадковские жили в Москве, в Каретном ряду, и, как утверждает в своих записках А. З. Зиновьев, постоянно бывали в 1827–1830 годах у Е. А. Арсеньевой (см. «Лит. архив», вып. I, 1938, стр. 427). И. Я. Вадковский учился одновременно с Лермонтовым в Московском университете, умер 17 октября 1865 года.

Стр. 423, строки 21–22. «...son colonel se marie avec sa soeur» («...его полковник женится на ее сестре»). Лермонтов подразумевает

предстоящее замужество двоюродной сестры А. М. Верецагиной — Прасковьи Александровны Воейковой, дочери Екатерины Аркадьевны Столыпиной.

Стр. 424, строки 2–3. «mademoiselle S.» — Е. А. Сушкова. Судя по ее запискам, Лермонтов встретился с ней в Петербурге, после трехлетнего перерыва, 4 декабря 1834 года (см.: Е. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia». Л., 1928, стр. 193 и сл.). Очевидно, не расположенная к ней сестра Лопухина, Марья Александровна, писала в не дошедшем до нас письме из Москвы что-то резко отрицательное. О Е. А. Сушковой см. настоящий том, стр. 428 и перевод — стр. 717.

14. М. А. Лопухиной (стр. 424)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 21, 2 л. Пометы: черным карандашом — «3», «1832», «1833», «1833»; синим карандашом — «4».

Впервые опубликовано с пропусками в «Русск. архиве» (1863, кн. 5–6, стлб. 419–420). Пропущено слово «chakauts», пропущены два отрывка — начиная от слов «vous me dites» и кончая словами «rien de bon», и текст в Р. С. Полностью опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1882, стр. 525–528).

Перевод

С.-Петербург, 4 августа.

Я не подавал о себе вестей с тех пор, как мы отправились в лагерь, да и действительно мне бы это не удалось при всем моем желании; вообразите себе палатку в 3 аршина в длину и ширину и в 2 1/2 в вышину, в которой живет три человека со всем снаряжением, со всеми доспехами, как: сабли, карабины, кивера и проч., и проч. Погода была отвратительная, из-за бесконечного дождя мы бывало по два дня сряду не могли просушить свое платье. Тем не менее эта жизнь мне до неко-

торой степени нравилась. Вы знаете, дорогой друг, что у меня всегда было вполне определенное пристрастие к дождю и грязи и теперь, слава богу, я наслаждался ими вдоволь.

Мы вернулись домой, и скоро начинаются наши занятия. Единственно, что придает мне сил — это мысль, что через год я офицер. — И тогда, тогда... Господи! Если бы только вы знали, что за жизнь я собираюсь вести!.. О это будет чудесно: во-первых, причуды, всякого рода дурачества и поэзия, утопающая в шампанском; я знаю — вы возопите; но, уввы, пора моих грез миновала; нет уже и поры, когда была вера; мне нужны вещественные наслаждения, осязаемое счастье, счастье, за которое платят золотом, счастье, которое носят в кармане как табакерку; счастье, которое обманывает только мои чувства, оставляя душу в покое и бездействии. Вот что мне теперь нужно, и вы видите, дорогой друг, что с тех пор, как мы расстались, я несколько изменился. Когда я увидел, как улетели прекрасные мечты, я сказал себе, что не стоит создавать новые. Куда лучше, думал я, научиться жить без них. Я попробовал; я походил на пьяницу,

который мало-помалу старается отвыкнуть от вина! Мои усилия были не напрасны и вскоре в прошлом я видел только программу незначительных и весьма обыденных приключений. Но поговорим о другом. Вы пишете, что князь Т. и ваша сестра, его супруга, остаются весьма довольны друг другом; я не вполне этому верю, так как думаю, что знаю характер обоих; ваша сестра, как кажется, не очень склонна подчиняться, а муж, повидимому, также не ягненок! Я надеюсь, что это неестественное затишье продолжится как можно дольше, но я не могу предсказать ничего хорошего. Не то, чтобы я находил в вас недостаток проницательности, но мне сдается, что вы не захотели сказать всего, что вы думаете; и это вполне естественно, потому что теперь, если мои предположения верны, вам не придется даже сказать: да. Что поделяваете в деревне? Каковы ваши соседи: занимательны ли они, любезны ли, много ли их? Вот вопросы, в которых, как вам покажется, нет никакого серьезного умысла.

Через год может быть приеду с вами повидаться. И какие перемены меня ожидают?

Узнаете ли меня и захотите ли узнать? И какую роль буду играть я? Будет ли это для вас приятной минутой или же приведет обоих в замешательство? Ибо, предупреждаю вас, я уже не тот, я и не чувствую, и не говорю как прежде, и бог весть во что превращусь через год. Моя жизнь доселе была целью разочарований, а сейчас они вызывают во мне смех и над собой и над другими, я только слегка коснулся удовольствий жизни, и не насладившись ими, чувствую пресыщение.

Но это очень грустная тема; постараюсь в другой раз к ней не возвращаться. Когда вы вернетесь в Москву, известите меня, дорогой друг... я надеюсь на ваше постоянство; до свиданья.

М. Лер...

P. S. Привет от меня кузине, если вы напишете ей; ведь я слишком ленив, чтобы самому сделать это.

Датируется 1833 годом на основании слов: «...la seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier» («...единственно, что придает мне сил — это мысль, что через год я офицер»). Лермонтов окончил Школу гвар-

дейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров 22 ноября 1834 года.

Стр. 425, строка 13. «...le Prince T. et votre soeur son épouse» («...князь Т. и ваша сестра, его супруга»). Князь Николай Николаевич Трубецкой женился на Елизавете Александровне Лопухиной (см. настоящий том, стр. 713).

Стр. 425, строка 31. «...je ne suis plus le même» («...я уже не тот»). О перемене, происшедшей в Лермонтове, пишет А. П. Шан-Гирей: «Нравственно Мишель в школе переменялся не менее, как и физически, следы домашнего воспитания и женского общества исчезли; в то время в школе царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бамбошерства; по счастью, Мишель поступил туда не ранее девятнадцати лет и пробыл там не более двух; по выпуске в офицеры, всё это пропало, как с гуся вода» («Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 735). В возрасте Лермонтова Шан-Гирей допустил ошибку. Поэту только что исполнилось 18 лет, когда он поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков.

Стр. 426, строка 6. «Mes compliments à ma

cousine» («Привет от меня кухне»). Речь идет, повидимому, об А. М. Верещагиной.

15. М. Л. Симанской (стр. 426)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 31.

Кроме письма, сохранилась ей же адресованная записка Лермонтова: «Je vous aime <я вас люблю> M-me M. S. Своею кровью». Нарисованы лук со спущенной стрелой и пронзенное стрелой сердце. Получены от О. Д. Дурново, внука М. Л. Симанской.

Письмо и записка впервые опубликованы и воспроизведены в «Известиях Лермонтовского и Исторического музеев Николаевского кавалерийского училища» (1916, № 1, стр. 72–73).

Перевод

Дорогая кухня! Я с восхищением принимаю ваше любезное приглашение и конечно не премину прийти поздравить дядю, но только после обеда, потому что, к великому моему отчаянию, мой кузен Столыпин умер позавчера, — и я уверен, что вы не осудите меня за то, что я лишаю себя удовольствия видеть вас на несколько часов раньше, вы-

полняя долг и печальный и необходимый: — преданный вам на весь вечер и на всю жизнь М. Л.

Письмо датируется 20 февраля 1834 г. по следующим соображениям: 17 февраля 1834 года умер Михаил Григорьевич Столыпин, двоюродный брат Лермонтова. Его похороны 20 февраля ст. ст. совпали с днем именин Льва Александровича Симанского, отца М. Л. Симанской (дата эта установлена И. Л. Андрониковым, см. Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 4, 1953, стр. 471–472. Прежде это письмо ошибочно датировалось 1836 годом, так как его связывали со смертью другого кузена Лермонтова — Павла Григорьевича Столыпина).

Стр. 426, строка 8. Симанская Мария Львовна — дальняя родственница Лермонтова, впоследствии Дурново — жена генерал-лейтенанта корпуса жандармов Дмитрия Николаевича Дурново.

16. М. А. Лопухиной (стр. 426)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 22, 2 л. Карандашные пометы: «1835» (зачеркнуто), «6» (дважды), «1834».

Впервые опубликовано с пропусками в «Русск. архиве» (1863, кн. 5, стлб. 424–426). Пропущен отрывок от слов «Dites moi», кончая «ses propres filets». Полностью опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1887, стр. 456–460).

Перевод

С.-Петербург, 23 декабря.

Дорогой друг! Что бы ни случилось, я никогда не назову вас иначе: это означало бы разрыв последних уз, которые соединяют меня с прошлым, а этого ни за что на свете я не хотел бы; ибо моя будущность, хотя бы на первый взгляд и блестящая, на самом деле пуста и пошла; я должен вам признаться, что с каждым днем я убеждаюсь всё больше и больше, что из меня ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтами и моими неудачными опытами на жизненном пути... потому что мне не достает или удачи, или смелости!..

Мне говорят: удача со временем придет, опыт и время придадут вам смелости... а почему знать: когда всё это явятся, сохранится ли тогда что-нибудь от той пламенной и молодой души, которой бог одарил меня совсем некстати? не иссякнет ли моя воля от долготерпения... и наконец не будет ли окончательно разоблачено в моих глазах всё то, что заставляет нас в жизни двигаться вперед?

Таким образом, я начинаю мое письмо с *исповеди*, по правде, и не думая об этом! Ну пусть она послужит мне оправданием: вы из нее по крайней мере поймете, что если мой характер несколько изменился, то сердце неизменно. Один вид вашего последнего письма уже явился для меня упреком, конечно вполне заслуженным. Но о чем мог я вам писать? — Говорить вам о себе? Право я так пресыщен своей собственной персоной, что, когда я ловлю себя на том, что восхищаюсь своей мыслью, я стараюсь припомнить, откуда я ее вычитал. И в результате я дошел до того, что перестал читать, чтобы не мыслить... Я бываю теперь в свете... для того, чтобы меня узнали, чтобы доказать, что я способен нахо-

дить удовольствие в хорошем *обществе*: а!!! Я ухаживаю и вслед за объяснением в любви я говорю дерзости; это еще меня немного забавляет, и хотя это не совсем ново, по крайней мере редко встречается! Вы подумаете, что за это меня попросту выпроваживают... ну нет, совсем наоборот... женщины так созданы; я начинаю держать себя с ними самоувереннее; ничто меня не смущает — ни гнев, ни нежность: я всегда настойчив и горяч, а мое сердце довольно холодно; оно бьется только в исключительных случаях: не правда ли, далеко пошел... и не думайте, что это бахвальство: сейчас я самый скромный человек — к тому же я знаю, что это не подымет меня в ваших глазах; но я это говорю потому, что только с вами я отваживаюсь быть откровенным. Это оттого, что вы одна умеете меня жалеть не унижая, ибо я сам себя уже унижаю; если бы мне не были известны ваше великодушие и ваш здравый смысл, я бы не осмелился сказать то, что я сказал. И, может быть, оттого что вы когда-то утешили очень сильное горе, возможно и сейчас вы пожелаете рассеять милыми словами холодную иронию, которая

неудержимо проскальзывает мне в душу, как вода просачивается в разбитое судно. О! как я хотел бы вас снова увидеть, говорить с вами: потому что звук ваших речей доставлял мне облегчение. На самом деле следовало бы в письмах помещать над словами ноты; в настоящее время, когда читаешь письмо, словно смотришь на портрет: нет ни жизни, ни движения; отражение застывшей мысли, нечто такое, в чем чувствуется смерть...

Я был в Царском Селе, когда приехал Алексей; когда я об этом узнал, я от радости чуть не сошел с ума; я вдруг заметил, что говорю сам с собой, смеюсь, потираю руки; вмиг я вернулся к своим минувшим радостям. Двух страшных годов как не бывало...

Я нашел, что ваш брат основательно изменился, он так же толст, каким и я был в прежнее время, румян, но постоянно серьезен и солиден; но всё же мы хохотали как сумасшедшие в вечер нашей встречи, — и бог знает отчего?

Послушайте, мне показалось, что он питает нежность к Екатерине Сушковой... знаете ли вы это? — дядюшки этой девицы хотели

бы их повенчать!.. Сохрани боже!.. Эта женщина — летучая мышь, крылья которой цепляются за всё, что попадает на пути! — Было время, когда она мне нравилась. Теперь она меня почти принуждает ухаживать за ней... но я не знаю, есть что-то в ее манерах, в ее голосе такое жесткое, отрывистое, резкое, что отталкивает. Стараясь ей понравиться, испытываешь потребность ее компрометировать, наблюдать, как она запутывается в собственных сетях.

Пожалуйста, дорогой друг, пишите, ведь все наши недоразумения улажены, и у вас нет поводов на меня жаловаться. Я считаю, что я в этом письме был достаточно искренен, покорен, и вы можете забыть преступное оскорбление, нанесенное мной нашей дружбе.

Мне очень хотелось бы вас снова увидеть: в основе этого желания, извините меня, покоится эгоистическая мысль; ибо возле вас я бы мог обрести самого себя, такого, каким я был когда-то — доверчивого, полного любви и преданности, одаренного всеми теми благами, которых люди отнять не могут и которые

бог у меня отнял, бог! Прощайте, прощайте — хотел бы продолжить письмо — но не могу. — М. Лерма.

Р. S. Мои приветы всем, кому сочтете нужным их передать от меня... еще раз прощайте.

Стр. 428, строка 6. «J'étais à Царское Село lorsque Alexis est arrivé» («Я был в Царском Селе, когда приехал Алексей»). Лейб-гвардии Гусарский полк стоял в Софии, предместье Царского Села; по службе Лермонтов часто бывал в Царском Селе, но большую часть времени всё же проводил в Петербурге.

Стр. 428, строка 6. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

Стр. 428, строка 10. Слова «j'ai sauté deux années terribles, enfin» («двух страшных годов как не бывало») относятся ко времени пребывания Лермонтова в юнкерской школе. Следовательно, письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной относится к 1834 году, когда Лермонтов окончил школу. Такая датировка подкрепляется «Записками» Е. А. Сушковой (см.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 183–206).

Стр. 428, строки 15–16. «Mlle Cathérine

Souchkoff» — Екатерина Александровна Сушкова (1812–1868); о ней подробно см. во вступительной статье Ю. Г. Оксмана в издании ее «Записок», изд. «Academia», 1928, и в следующем письме.

17. А. М. Верещагиной (стр. 429)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 15, 4 л. разного формата. Карандашные пометы: «К А. Верещагиной», «1835», «№ 11».

Впервые перевод двух отрывков письма с пропусками имен и фамилий упоминаемых лиц напечатан в «Русск. вестнике» (1882, т. 158, кн. 3, стр. 337, 339–342). Полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 405–408).

Перевод

Дорогая кузина!

Я решил уплатить вам долг, который вы не соизволили с меня потребовать, и надеюсь, что это мое великодушие смягчит ваше сердце, столь ожесточившееся на меня с некоторых пор. Я не прошу другого вознаграждения, кроме нескольких капель чернил и двух или трех штрихов пера, которые дали бы знать, что я не совсем еще изгнан из вашей памяти.

В противном случае я буду принужден искать утешение в другом месте (ибо здесь у меня также имеются кухни). А женщина, даже наименее любящая (это известно), недолюбливает, когда ищут утешений вдали от нее. Кроме того, если вы будете еще упорствовать в своем молчании, я могу в скором времени приехать в Москву, и тогда мое отщепенство не будет иметь границ. На войне (вы знаете) сдадут гарнизон, сложивший оружие, но город, взятый штурмом, предается без пощады ярости победителей.

После этой гусарской бравады я падаю к вашим ногам, чтобы вымолить себе прощение в надежде, что вы его мне даруете.

Закончив предварительные переговоры, я начинаю рассказ о том, что со мной случилось за это время, как это делают при свидании после долгой разлуки.

Алексей мог вам рассказать кое-что о моем образе жизни, но ничего интересного, если не считать завязки моих амурных приключений с Сушковой, развязка которых была еще более занимательна и забавна. Я начал ухаживать за ней не потому, что это было отблес-

ком прошлого, — сперва это являлось предложением для времяпровождения, а затем, когда мы пришли к доброму согласию, сделалось расчетом и вот каким образом. Я увидел, вступая в свет, что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно займутся мной, сначала из любопытства, а потом из соревнования.

Я понял, что С., желая меня *словить* (технический термин), легко со мной скомпрометирует себя. Поэтому я ее скомпрометировал по мере моих сил, не скомпрометировав одновременно самого себя. Я обращался с ней публично как со своей, давая ей понять, что это единственный способ покорить меня... Когда я увидел, что это мне удалось и что лишний шаг меня погубит, я пошел на смелое предприятие: прежде всего на людях я сделался более холоден, а наедине с ней нежен, чтобы показать, что я ее больше не люблю и что она меня обожает (что, по существу, неверно). Когда она начала это замечать и захотела сбросить ярмо, я первый публично по-

кинул ее. Я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней при людях, я ухаживал за другими и рассказывал им (по секрету) ту часть истории, которая была в мою пользу. Она была так смущена этим неожиданным образом действий, что сначала растерялась и покори-лась. Это дало повод к толкам и придало мне вид человека, одержавшего полную победу. Потом она воспрянула и стала повсюду бранить меня. Я же ее предупредил, и ее ненависть показалась ее доброжелательницам (или недоброжелательницам) оскорбленной любовью. Потом она попыталась вернуть меня притворной грустью, рассказывая всем моим близким знакомым, что она любит меня. Я не вернулся и воспользовался искусно всем этим. Я не в силах рассказать вам, как всё это обернулось мне на пользу, это было бы слишком длинно и касается людей вам незнако-мых. А вот забавная сторона истории: когда я увидел, что следует публично порвать с нею и, однако, наедине с ней казаться верным, я вдруг нашел очаровательное средство — на-писал анонимное письмо: *«Сударыня, я чело-век, который вас знает, но вам неизвестен и*

т. д... предупреждаю, остерегайтесь этого молодого человека. М. Л.— Он вас обольстит — и т. д. — Вот доказательства (глупости) и т. д...». Письмо на четырех страницах! Я ловко направил письмо так, что оно попало прямо в руки тетки. В доме гром и молния! На следующий день я отправляюсь туда рано утром, так чтобы ни в каком случае не быть принятым. Вечером на балу я с удивлением рассказываю всё это Сушковой. Она мне поверяет ужасную и непонятную новость. Мы пускаемся в догадки. Наконец, она говорит, что ее родные запрещают ей разговаривать и танцевать со мной. Я в отчаянии, но я остерегаюсь нарушить запрещение тетки и дядюшек. Так происходило это трогательное приключение, которое, конечно, составит вам обо мне хорошенькое мнение! Впрочем, женщины прощают всегда зло, которое причиняется женщине (афоризм Ларошфуко). Теперь я не пишу романов, — я их делаю.

Итак, вы видите, что я хорошо отомстил за слезы, которые заставило меня проливать кокетство m-ле С. пять лет тому назад. О! Дело в том, что мы не свели еще счетов. Она застави-

ла страдать сердце ребенка, я же подверг попытке самолюбие старой кокетки, которая возможно еще более того..., но тем не менее я в выигрыше — она сослужила мне службу. О! дело в том, что я очень изменился. Я не знаю, как это делается, но каждый день придает новый штрих моему характеру и моим взглядам. Это должно было случиться, я это всегда знал... Но я не думал, что совершится так скоро. О, дорогая кузина, надо признаться вам, что причиной того, что я не писал вам и m-lle Marie, было опасение, что вы по моим письмам заметите, что я почти не достоин более вашей дружбы... потому что от вас обеих я не могу утаить правды — от вас, которые были наперсницами моих юношеских грез, столь прекрасных особенно в воспоминании.

А между тем по моему внешнему виду можно сказать, что я помолодел на 3 года, потому что у меня вид счастливого и беспечного человека, довольного самим собой и всей вселенной. Не кажется ли вам странным этот контраст между душой и наружностью?

Не могу вам выразить, как огорчил меня отъезд бабушки. Перспектива остаться в пер-

вый раз в жизни совершенно одному — меня пугает. Во всем большом городе не останется ни единого существа, которое действительно мне сочувствует...

Но довольно говорить о моей жалкой особе — поговорим о вас и о Москве. Мне сообщили, что вы очень похорошели, и говорит это г-жа Углицкая. Я уверен, что только в этом случае она не солгала, потому что она слишком женщина, она говорит также, что жена ее брата очаровательна — этому я не совсем верю, потому что в ее интересах говорить неправду. Но вот что смешно — она во что бы то ни стало старается прикинуться несчастной, чтобы привлечь всеобщее сочувствие, а между тем я уверен, что в мире нет женщины, которая в меньшей степени была бы достойна сожаления... В 32 года иметь такой ребяческий характер и воображать, что способна возбуждать страсти... и после этого жаловаться? Она мне еще передала, что m-lle Varbe выходит замуж за Бахметева. Я не знаю, должен ли я ей вполне верить, но во всяком случае я желаю m-lle Varbe жить в супружеской безмятежности вплоть до празднования сво-

ей серебряной свадьбы и даже долее, если она до тех пор не разочаруется!

Теперь вот вам мои новости. Наталья Алексеевна с чады и домочадцы отправляются за границу. Тьфу!.. Ну и хорошее же представление получают там о наших русских дамах!

Скажите Алексею, что его предмет страсти, Ладыженская, день ото дня становится чудовищнее. Я советую ему потолстеть еще больше, чтобы контраст не был столь разителен. Не знаю, явится ли мой способ надоедать вам лучшим средством для получения прощения. Восьмая страница кончается, и я опасаясь, что начну десятую.

Итак прощайте, дорогая и жестокая кухарка, и, если вы в самом деле вернули мне свою благосклонность, сообщите мне это письмом вашего лакея, ибо я не смею надеяться на собственноручную записку вашу.

Имею честь быть тем, что помещают внизу письма...

Ваш покорный М. Лермонтов.

Р. S. Прошу вас, передайте приветы моим теткам, кузинам, кузенам и знакомым...

Письмо датируется весной 1835 года, во всяком случае оно написано не раньше второй половины января (5 января А. А. Лопухин уехал из Петербурга в Москву) и не позднее начала мая, так как в мае состоялась в Москве свадьба В. А. Лопухиной (m-lle Varbe) и Н. Ф. Бахметева. Дата отъезда Е. А. Арсеньевой в Тарханы точно не известна; по дороге из-за болезни Е. А. Арсеньева задержалась в Москве и добралась до Тархан только к 25 июля (судя по письму Е. А. Арсеньевой к Лермонтову от 18 октября 1835 года, см. в настоящем томе, стр. 469).

Это письмо Лермонтова, как и предыдущее, подтверждает рассказ Е. А. Сушковой об ее отношениях с поэтом (см.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia», Л., 1928; ср. соответствующий эпизод в романе «Княгиня Лиговская», настоящий том, стр. 143–147).

Стр. 429, строка 26. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

Стр. 429, строка 32. «J'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piédestal: une fortune, un nom, un titre, une faveur» («Я уви-

дел, вступая в свет, что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство») — эти слова фразеологически близки одному месту в повести Жюль Жанена «Le Piédestal» («Пьедестал»), которая была напечатана в сентябре 1832 года в журнале «Revue de Paris». Там мы читаем: «Il voyait à chacun son piédestal: à celui-là son diplôme, à celui-là sa patente, à celui-là sa boutique, à celui-là son livre, à celui-là son journal, à celui-là son infamie, à celui-la sa gloire, à chacun quelque chose («У каждого он видел свой пьедестал: у того диплом, у того патент, у того лавочка, у того книга, у того газета, у того бесчестье, у того слава, у каждого что-нибудь»); ср. «Княгиня Лиговская» (настоящий том, стр. 143, строки 16 и др.).

Стр. 431, строка 10. «...*maximes de La Rochefoucauld*» («...афоризмы Ларошфуко»). Герцог Ларошфуко (La Rochefoucauld, 1613–1680), автор книги афоризмов, изречений, «правил» — «*Maximes et réflexions morales*», которую здесь Лермонтов имеет в виду.

Стр. 431, строка 24. M-lle Marie — Мария

Александровна Лопухина (см. настоящий том, стр. 704).

Стр. 432, строка 5. M-me Ouglitzki — Мария Александровна Углицкая, сестра Павла Евреинова, племянница Е. А. Арсеньевой. Об Углицких см. в статье Б. Л. Модзалевского: Лермонтов. Стихотворная шутка. «Радуга», альманах Пушкинского Дома, Пгр., 1922, стр. 111–125.

Стр. 432, строки 7–8. «...elle dit encore que la femme de son frère est charmante» («...она говорит также, что жена ее брата очаровательна») — жена Павла Евреинова Софья Александровна.

Стр. 432, строки 14–15. «Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe allait se marier avec M. Bachmétieff» («Она мне еще передала, что m-lle Barbe выходит замуж за Бахметева»). Речь идет о Варваре Александровне Лопухиной (1814 или 1815–1851) и ее будущем муже Николае Федоровиче Бахметеве (1798–1884; см. «Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 729, 738–739). Свадьба Н. Ф. Бахметева и В. А. Лопухиной состоялась весной 1835 года в Москве (см. «Русск. архив», 1897, т. 2, стр. 554; ср. там же, стр. 414). Бахметевы поселились в Москве

в доме Николая Федоровича на Арбате, «насу-
против церкви Николы Явленного» («Русск.
архив», 1897, т. 3, стр. 540). В конце 1835 года
Лермонтов, проездом из Петербурга в Тарха-
ны, останавливался в Москве и, по всей веро-
ятности, виделся с В. А. Бахметевой. Очень
возможно, что именно об этой встрече пишет
он в письме к С. А. Раевскому от 16 января
1836 г. (см. настоящий том, стр. 433). В 1837 го-
ду он пишет для В. А. Бахметевой акварель-
ный автопортрет (в бурке, на фоне кавказ-
ских гор — см. настоящее издание, т. II, фрон-
тиспис) и продолжает переписку. 8 сентября
1838 года Лермонтов послал В. А. Бахметевой
очерк «Демона», написанный им на Кавказе и
оконченный в Петербурге, а в 1840 или в 1841
году, посылая ей последнюю переделку поэ-
мы, Лермонтов в писарском списке переправ-
ляет в ее инициалах «В. А. Б.» (Варваре Алек-
сандровне Бахметевой) «Б» на «Л» (Лопухи-
ной). В 1839 году у Варвары Александровны
родилась дочь Ольга (впоследствии замужем
за Базилевским) (см. настоящее издание, т. II,
стр. 161 и 349). В. А. Бахметева умерла 9 авгу-
ста 1851 года в Москве. Родственники Варва-

ры Александровны, и в особенности Н. Ф. Бахметев, сделали все возможное для того, чтобы уничтожить ее переписку с Лермонтовым и какие бы то ни было следы его многолетней привязанности. До 1890 года имя Лопухиной даже не появлялось в печати. Опубликование воспоминаний А. П. Шан-Гирея также было задержано потому, что в этих воспоминаниях сообщалось об исключительной роли В. А. Лопухиной в жизни и творчестве Лермонтова (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 279–280 и 281–289; ср. сообщение супруги поэта А. К. Толстого в письме П. А. Висковатова к Е. А. Боброву, опубликованном в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук» (1909, т. 14, кн. 1, стр. 91–93). Бахметев умер в Москве 3 марта 1884 года.

Стр. 432, строка 20. Наталья Алексеевна — по всей вероятности, вдова Григория Даниловича Столыпина, рожденная Столыпина же (1786–1851), сестра Е. А. Арсеньевой. О ее приезде вместе с дочерью Анной Григорьевной из Москвы говорит Лермонтов осенью 1832 года (см. настоящий том, стр. 416). Осенью 1835 года Н. А. Столыпина за границу не по-

ехала, это свое намерение она осуществила через год, весной 1836 года, вместе с Елизаветой Аркадьевной Верещагиной и ее дочерью А. М. Верещагиной (см. настоящий том, стр. 435) и «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 671). Менее вероятно предположение, что Лермонтов имеет в виду другую Наталью Алексеевну, рожденную Викулину, жену Григория Васильевича Арсеньева.

Стр. 432, строка 23. M-lle Ladigenski — вероятно, одна из родственниц Евграфа Семеновича Ладыженского (род. в 1802 году), с 1834 года женатого на сестре Екатерины Александровны Сушковой, Елизавете Александровне. Сушкова в своем дневнике 19 мая 1833 года записала о встрече в Летнем саду с Ладыженским и его матерью (см.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 245). Следовательно, Ладыженские жили в Петербурге в 30-х годах.

18. А. М. Гедеонову (стр. 433)

Печатается по авторизованной копии — ПЦГИАЛ, ф. 4970 (Дирекции театров), оп. 2121, № 6866, л. 98.

Текст письма писан писарской рукой. Рукой Лермонтова подпись: «Покорнейший слуга М. Лермонтов». Помета сверху письма «31 декабря». Под письмом — на листе, на котором оно наклеено: «№ 8 2 января 1836».

Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в «Лит. газете» (1940, 15 мая, № 27), а затем в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 23).

Помета «31 декабря» сделана, очевидно, в дирекции театров по получении письма. Точная дата в письме Лермонтовым не проставлена. Письмо могло быть написано около 20 декабря 1835 года, так как 20 декабря Лермонтов получил отпуск «по домашним обстоятельствам в Тульскую и Пензенскую губернии на шесть недель» (см. «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», настоящий том, стр. 810).

Стр. 433, строка 1. Гедеонов Александр Михайлович (1791–1887) — директор императорских с. — петербургских театров, пользовав-

шийся большим влиянием, но далекий от истинного понимания искусства. «Дело известное, — писал М. И. Глинка в одном из своих писем, — что искусство для Гедеонова не существует» (Полное собрание писем Михаила Ивановича Глинки, собрал и издал Ник. Финдейзен, т. I, 1904, стр. 130). Знакомство Лермонтова с А. М. Гедеоновым произошло через С. А. Раевского и А. Д. Киреева (см. упоминание письма С. А. Раевского к Лермонтову в «Описи письмам и бумагам...», настоящий том, стр. 473). Киреев служил управляющим в Дирекции императорских театров в Петербурге и был двоюродным братом С. А. Раевского. Впоследствии Киреев был издателем «Героя нашего времени» и «Стихотворений М. Лермонтова». Не исключено, что при встрече Лермонтова с Гедеоновым речь шла о постановке «Маскарада». Под «успехом пьесы» возможно надо понимать успех ее во время предварительного чтения в узком кругу избранных лиц.

О драме «Маскарад» см. настоящее издание, т. V, стр. 734–750.

19. С. А. Раевскому (стр. 433)

Печатается по корректурной копии — ИРЛИ, оп. 2, № 133.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано И. Е. Цветковым с пропусками в «Русск. старине» (1884, т. 42, кн. 5, стр. 389–390). Полностью в Соч. изд. «Academia» (т. 5, 1937, стр. 387–388).

Как мы знаем из письма Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой, Лермонтов прибыл в Тарханы 31 декабря 1835 года («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 648). Следовательно, настоящее письмо Лермонтова к Раевскому, датированное самим поэтом «16 января», может быть отнесено только к 1836 году.

Стр. 433, строка 17. Раевский Святослав (Святополк) Афанасьевич — ближайший друг Лермонтова, родился в 1808 году. Он был крестником Е. А. Арсеньевой и в детские годы долго жил в Тарханах вместе с Лермонтовым. В 1823 году Раевский поступил в Московский университет, где в течение пяти лет слушал лекции не только на Нравственно-политическом отделении, но и на Словесном и Физико-математическом отделениях. По оконча-

нии Университета С. А. Раевский переехал в Петербург и в 1831 году поступил на службу в Министерство финансов. После того как Е. А. Арсеньева с Лермонтовым переехала в Петербург, по собственному признанию Раевского, в ее доме ему «предложены были стол и квартира. Лермонтов имеет особую склонность к музыке, живописи и поэзии, почему свободные у обоих нас от службы часы проходили в сих занятиях» («Объяснение губернского секретаря Раевского о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина». Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, Приложение IV, стр. 11). Раевский был близок к литературным кругам и особенно дружен с товарищем по университету А. А. Краевским (1810–1889), который принимал близкое участие в издании пушкинского «Современника», а затем был издателем «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» и «Отеч. записок». Именно С. А. Раевский познакомил Лермонтова с А. А. Краевским. 21 февраля 1837 года Раевский был арестован по распоряжению дежурного генерала главного штаба графа П. А. Клейнмихеля за распространение стихов Лермонто-

ва «Смерть Поэта». С. А. Раевский умер в 1876 году (см. о нем статью И. Л. Бродского «Свято-слав Раевский, друг Лермонтова»: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 301–322 и настоящий том, стр. 773–774).

Стр. 433, строки 27–28. «...четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве» — пьеса «Два брата» (см. настоящее издание, т. V, стр. 403–440).

Стр. 433, строка 28. «...происшествия, случившегося со мною в Москве» — встреча с В. А. Лопухиной, незадолго до того, в мае 1835 года, вышедшей замуж за Н. Ф. Бахметева (о ней см. настоящий том, стр. 722 и примечание к драме «Два брата», настоящее издание, т. V, стр. 752).

Стр. 434, строки 13–14. «...летом бабушка переезжает жить в Петербург» — с 25 июля 1835 года до конца апреля 1836 года Е. А. Арсеньева жила в Тарханах.

Стр. 434, строка 15. «...денег же теперь много» — Лермонтов имеет в виду улучшение материального состояния бабушки, которая, как и все пензенские помещики, испытывала острый недостаток в средствах в связи с невро-

жаем 1833 года. 1835 год был урожайным.

20. Е. А. Арсеньевой (стр. 434)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 276, оп. 2, № 13, 2 л. Обнаружено в 1948 году.

Впервые опубликовано И. Л. Андрониковым в «Огоньке» (1948, № 22, стр. 15) с воспроизведением автографа.

Е. А. Арсеньева собиралась выехать из Тархан 20 апреля 1836 года (ср. настоящий том, письмо № 22, стр. 436). Сам Лермонтов вернулся из Тархан только во второй половине марта. Поэтому упоминание о том, что время приезда бабушки подходит, позволяет датировать письмо концом марта — первой половиной апреля 1836 года, тем более, что в письме содержится фраза: «в мае сдает свой дом».

Стр. 434, строка 22. Арсеньева Елизавета Алексеевна (1773–1845), рожд. Столыпина, была дочерью богатого помещика Алексея Емельяновича Столыпина, упрочившего свое состояние винными откупами. В 1794 году Елизавета Алексеевна вышла замуж за гвардии поручика Михаила Васильевича Арсеньева (1768–1810), который был значительно менее

состоятелен, чем она. 13 декабря 1794 года Арсеньевы купили у И. А. Нарышкина село Тарханы в Пензенской губернии в 14 верстах от Чембара и поселились там. В 1795 году у Арсеньевых родилась дочь Мария Михайловна. Потеряв в 1810 году мужа и в 1817 году единственную дочь, Е. А. Арсеньева всю любовь перенесла на внука, М. Ю. Лермонтова, и очень много сделала для того, чтобы дать ему отличное воспитание и образование. До 1835 года Арсеньева ни разу не расставалась с внуком, следуя за ним в годы его ученья сначала в Москву, а затем и в Петербург. Только весной 1835 года хозяйственные дела заставили Е. А. Арсеньеву уехать в Тарханы и впервые расстаться с внуком. Однако, приехав под новый 1836 год в Тарханы, Лермонтов уговорил Елизавету Алексеевну возвратиться весной в Петербург и в связи с этим, тотчас по приезде своем в столицу, начал подыскивать в Петербурге просторную квартиру. (В отсутствие Арсеньевой Лермонтов большую часть времени проводил в Царском Селе, где стоял его полк, а в Петербурге снимал небольшую квартиру на Владимирском проспекте в доме Обрезко-

ва).

Стр. 434, строки 26–27. Прасковья Николаевна Ахвердова, урожденная Арсеньева (1786–1851), троюродная тетка Лермонтова, вдова кавказского генерала Ф. И. Ахвердова. С 1815 по 1830 год жила в Тифлисе, где сблизилась с грузинской интеллигенцией и особенно подружилась с известным поэтом Александром Герсевановичем Чавчавадзе. Воспитывала его дочь Нину Александровну, ставшую впоследствии женой А. С. Грибоедова. Была дружна с Кюхельбекером и Грибоедовым, знакома с Пушкиным. В 1830 году переселилась в Петербург, где постоянно встречалась с Е. А. Арсеньевой. В одной из тетрадей Лермонтова записан ее петербургский адрес (см. настоящий том, стр. 388). Подробнее о П. Н. Ахвердовой см.: И. Андроников. «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 161–176.

Стр. 434, строка 27. «...в мае сдает свой дом» — собственного дома у Ахвердовой в Петербурге не было. Она нанимала квартиру в доме Ильина, на углу Кирочной и Таврической улицы.

Стр. 434, строка 28. «башкирки» — лошади

башкирской породы. О покупке лошади у генерала см. письмо № 21 (настоящий том, стр. 435 и 727).

Стр. 434, строка 33. Григорий Васильевич Арсеньев (1777–1850), родной брат деда Лермонтова Михаила Васильевича. В 1798 году Г. В. Арсеньев был выпущен подпоручиком в Козловский полк; в 1805–1806 годах, уже капитаном, Г. В. Арсеньев принимал участие в походе Неаполитанского корпуса на острове Корфу; затем участвовал с эскадрой Сенявина в десанте и в сражении при взятии крепости на острове Тенедосе в 1807 году, где был контужен. За участие в делах при взятии Измаила и Базарджика награжден орденом Владимира 4-й степени, затем находился при блокаде Шумлы и взятии Руцука в 1809–1810 годах. Тогда же Арсеньев был переведен майором в Куринский полк, произведен в подполковники в 1811 году. Г. В. Арсеньев был женат на Наталье Алексеевне, рожденной Викулиной. В 30-х годах он жил уже на покое в своем Елецком поместье, иногда наезжая в Москву. Письма Г. В. Арсеньева к Лермонтову, о которых поэт упоминает в своих письмах к ба-

бушке в 1835–1836 годах, остаются до сих пор необнаруженными. Г. В. Арсеньев был ближайшим поверенным в хозяйственных делах Лермонтова, и ему была выдана 22 января 1836 года доверенность на оформление раздела между Лермонтовым и его тетками, сестрами Юрия Петровича, сельца Кропотова Тульской губернии, оставшегося после смерти Ю. П. Лермонтова (ГИМ, № 26275, лл. 62–63. Опубликована полностью в Соч. изд. «Academia», т. 5, 1937, стр. 537–538). До июля 1837 года, когда раздел был окончательно совершен, Г. В. Арсеньев оставался доверенным Лермонтова и переписывался с ним об этом разделе.

21. Е. А. Арсеньевой (стр. 435)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 32, 2 л. На л. 2 об. помета: «Письмо Лермонтова к бабушке Арсеньевой».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1882, стр. 540).

Письмо датируется второй половиной апреля 1836 года по сопоставлению с предыдущим («Лошадь у генерала я еще не купил» — ср.: «Я на-днях купил лошадь у генерала»).

О покупке лошади Лермонтовым сообщал, со слов Д. А. Столыпина, и П. К. Мартьянов, но он несколько преувеличивал ее стоимость: «Лошадей Лермонтов любил хороших, и ввиду частых поездок в Петербург <из Царского Села, где стоял полк> держал верховых выездных. Его конь «Парадёр» считался одним из лучших: он купил его у генерала <М. Г.> Хомутова и заплатил более 1500 рублей, что по тогдашнему времени составляло на ассигнации около 6000 рублей» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века. СПб., 1893, стр. 150). Лермонтов вообще очень любил лошадей и особенно приистрастился к ним на Кавказе, где ему приходилось много ездить верхом.

Стр. 435, строка 19. «На-днях Марья Акимовна уехала». Из письма Е. А. Арсеньевой к Лермонтову от 18 октября 1835 года (см. настоящий том, стр. 470) мы знаем, что в октябре Мария Акимовна Шан-Гирей находилась еще по соседству с Тарханами в своем поместье Апалихе. Следовательно в Петербург она могла приехать только в конце 1835 года или в начале 1836 года и уехала во второй половине мая.

Стр. 435, строка 27. «Насчет квартиры» — см. следующее письмо № 22 и примечание к нему (настоящий том, стр. 436 и 728).

Стр. 435, строка 29. Лизавета Аркадьевна Верещагина, мать Александры Михайловны Верещагиной, приятельницы Лермонтова, родная сестра Екатерины Аркадьевны Столыпина, вдовы Дмитрия Алексеевича Столыпина.

Стр. 435, строка 30. Наталья Алексеевна (см. настоящий том, стр. 722 и «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 662, 670–671 и 687).

Стр. 435, строка 34. Григорий Васильевич Арсеньев (см. настоящий том, стр. 726). Письмо Г. В. Арсеньева, о котором упоминает Лер-

МОНТОВ, до нас не дошло.

22. Е. А. Арсеньевой (стр. 436)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 276, оп. 1, № 78, 2 л.

Впервые опубликовано В. А. Мануйловым в «Лит. наследстве» (т. 19–21, 1935, стр. 511).

Датируется концом апреля — началом мая 1836 года на основании слов «последнее мое письмо от 25-го апреля» и по сопоставлению с предыдущими письмами. Письмо Лермонтова от 25 апреля до нас не дошло.

Стр. 436, строка 12. Андрей Иванович Соколов (1795–1875), камердинер Лермонтова, женатый на Дарье Куртиной, тарханской ключнице Е. А. Арсеньевой. О Соколове и его жене Арсеньева упоминает в своем письме к Лермонтову 18 октября 1835 года (см. настоящий том, стр. 470). Сохранилась записка С. А. Раевского от 21 февраля 1837 года к А. И. Соколову (см. настоящий том, стр. 773; ср. стр. 771).

Стр. 436, строка 16. Григорий Васильевич — Арсеньев (см. настоящий том, стр. 726).

Стр. 436, строки 17–18. «Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя Шаховского». Дом князя Шаховского находился на Садовой

улице против пожарной каланчи (см. «Книгу адресов С. Петербурга на 1837 г.», составленную К. Нистремом, СПб., 1837, стр. 859).

Стр. 436, строка 21. «великий князь» — Михаил Павлович (см. настоящий том, стр. 750).

23. С. А. Раевскому (стр. 436)

Печатается по Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 413), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Написано 27 февраля 1837 года, когда Лермонтов был отпущен домой после ареста за стихотворение «Смерть Поэта». О подробностях ареста Лермонтова и Раевского и следствия над ними см. настоящий том, стр. 772–774, и настоящее издание, т. II, стр. 328–330; ср.: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. I. 1929, стр. 265–267.

Стр. 436, строка 32. «...я виной твоего несчастья». Раевский ни в чем не упрекал и даже решительно оправдывал своего друга. Уже много лет спустя, 8 мая 1860 года, он писал А. П. Шан-Гирею: «Я всегда был убежден, что Мишель напрасно исключительно себе приписывает маленькую мою катастрофу в Петербурге в 1837 г. Объяснения, которые Михаил

Юрьевич был вынужден дать своим судьям, допрашивавшим о мнимых соучастниках в появлении стихов на смерть Пушкина, составлены им вовсе не в том тоне, чтобы сложить на меня какую-нибудь ответственность, и во всякое другое время не отозвались бы резко на ходе моей службы; но к несчастью моему и Мишеля, я был тогда в странных отношениях к одному из служащих лиц. Понятия юриста студента Московского университета часто вовлекали меня в несогласия с окружающими меня служаками, и я, зная свою полезность, не раз смело просил отставки. Мне уступали, и я оставался на службе при своих убеждениях; но когда Лермонтов произнес перед судом мое имя, служаки этим воспользовались, аттестовали меня непокорным и ходатайствовали об отдаче меня под военный суд, рассчитывая, вероятно, что во время суда я буду усерден и покорен, а покуда они приищут другого — способного человека. К счастью, ходатайство это не было уважено, а я просто без суда переведен на службу в губернию; записываю это для отнятия права упрекать память благородного Мишеля»

(«Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 742–743; ср.: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. I. 1929, стр. 268–269; ср. свидетельство А. Г. Философовой в письме от 27 февраля 1837 года («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 672). Говоря о ненависти к нему одного из «служащих лиц», Раевский, по всей вероятности, имел в виду своего начальника — директора Департамента военных поселений, всесильного графа Петра Андреевича Клейнмихеля (1793–1869), который и распорядился об аресте Раевского. Одновременно генерал-адъютант Клейнмихель был и дежурным генералом Главного штаба, где Лермонтов находился под арестом и где велось следствие по «Делу о непозволительных стихах». Вероятно, именно об этом пишет Лермонтов Раевскому: «Дубельт говорит, что и Клейнмихель виноват».

Стр. 437, строка 2. Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), начальник штаба жандармского корпуса, находился в свойстве со Столыпинами и Мордвиновыми: он был женат на двоюродной тетке А. А. Столыпина-Монго и бывал запросто в доме Мордино-

вых. Через них Лермонтов и мог узнавать подробности о ходе судебного дела.

24. С. А. Раевскому (стр. 437)

Печатается по Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 414), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется первыми числами марта 1837 года, когда после окончания «Дела о непозволительных стихах» на смерть Пушкина Лермонтов был освобожден из-под ареста и находился под домашним арестом (почему он и пишет: «Как только позволят мне выезжать»).

Стр. 437, строка 14. Краевский Андрей Александрович (см. настоящий том, стр. 756).

Стр. 437, строки 19–20. «...вторично приступлю к коменданту» — очевидно, Лермонтов подавал коменданту прошение о свидании с Раевским.

25. С. А. Раевскому (стр. 437)

Печатается по «Русск. старине» (1884, т. 42, кн. 5, стр. 390).

Автограф в настоящее время не известен, в 1916 году он находился у И. Е. Цветкова (см. Соч. изд. Академической библиотеки, т. 4, 1916, стр. 403).

Около 19 марта 1837 года, направляясь на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, Лермонтов выехал из Петербурга. Настоящее письмо написано незадолго до отъезда.

Стр. 437, строки 25–26. «ты меня обрадовал своим письмом». Письма Раевского к Лермонтову не сохранились. Судя по письму Раевского к А. П. Шан-Гирею (см. примечание к письму № 23 на стр. 728), Раевский писал Лермонтову о том, что не считает его виновником своей ссылки. Кроме того, повидимому, Раевский надеялся на смягчение наказания, а может быть, и на прощение.

Стр. 437, строка 28. «Бабушка хлопочет у Дубельта» — Е. А. Арсеньева воспользовалась своим знакомством с Дубельтом, хлопоча о смягчении участи С. А. Раевского.

Стр. 437, строка 28. Афанасий Алексеевич

Столыпин (1788–1866), родной брат Е. А. Арсеньевой. Он был женат на Марии Александровне Устиновой. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. Отличился в Бородинском сражении. М. Н. Лонгинов характеризует Афанасия Алексеевича как «храброго артиллериста» и сообщает, что он был «потом саратовский губернский предводитель дворянства, памятный Москве, где проживал очень долго, — своим хлебосольством, радушием и веселым, хотя и солидным умом... Лермонтов особенно любил Афанасия Алексеевича» («Русск. старина», 1873, т. 7, стр. 381).

Стр. 437, строка 31. «Сегодня мне прислали сказать, чтоб я не выезжал, пока не явлюсь к Клейнмихелю, ибо он теперь и мой начальник». Появляться в форме лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов уже не мог: пока не было готово новое обмундирование Нижегородского драгунского полка, Лермонтову нельзя было выезжать из дому. Первым, к кому Лермонтов должен был явиться в новой форме, был дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель: как директор Департамента военных поселений он был и на-

чальником С. А. Раевского. П. А. Висковатов утверждал, что после слова «начальник» в оригинале письма шли слова, представляющие неудобную для печати, весьма резкую характеристику Клейнмихеля. С этим, вероятно, связана просьба Лермонтова сжечь записку.

Стр. 438, строка 10. «Les grands noms se font à l'Orient» — «Великие имена создаются на Востоке».

26. М. А. Лопухиной (стр. 438)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 23, 2 л. Карандашные пометы: «1837 года с Кавказа», «7» (дважды).

Впервые опубликовано с пропусками в «Русск. архиве» (1863, № 5–6, стлб. 428–429). Пропущена фраза от слов «Alexis a-t-il» до «adieu». Полностью опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1887, стр. 465–467).

Перевод

Я в точности выполняю свое обещание, дорогой и добрый друг, и посылаю вам и сестре вашей черкесские башмаки, какие обещал: тут их шесть пар, так что вы можете легко поделиться без споров. Купил я их сразу, как

только удалось найти; я теперь на водах, пью и принимаю ванны, в общем живу совсем как утка. Дай бог, чтобы мое письмо застало вас в Москве, ибо если оно начнет путешествовать в Европе но вашим пятам, оно вас настигнет быть может в Лондоне, Париже, в Неаполе, как знать, — во всяком случае в таких местах, где оно будет для вас наименее интересным предметом, а от этого спаси его бог, да и меня тоже. — У меня здесь очень славная квартира; из моего окна я вижу каждое утро всю цепь снеговых гор и Эльбрус. И, сейчас, покуда пишу это письмо, я иногда останавливаюсь, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны. Я надеюсь порядком проскучать в течение всего того времени, которое проведу на водах, и хотя очень легко заводить знакомства, я стараюсь этого совсем не делать. Я каждый день брожу по горам, и только это укрепило мои ноги; я только и делаю, что хожу; ни жара, ни дождь меня не останавливают... Вот приблизительно мой образ жизни, дорогой друг; это не так уж прекрасно, но... — как только я выздоровлю, я отправлюсь в осеннюю экспедицию против чер-

кесов в ту пору, когда здесь будет император.

Прощайте, дорогая, я желаю вам побольше веселиться в Париже и в Берлине. Получил ли Алексей отпуск? Поцелуйте его за меня. Прощайте. Весь ваш М. Лермонтов.

P. S. Пожалуйста, пишите мне и сообщите, понравились ли вам башмаки.

Николай I совершил поездку по Кавказу и Закавказью осенью 1837 года. На этом основании к 1837 году следует отнести и данное письмо.

Стр. 438, строка 16. «...votre soeur» («...сестре вашей») — по всей вероятности, Варваре Александровне Лопухиной-Бахметевой (см. настоящий том, стр. 722).

Стр. 438, строка 19. «...je suis maintenant aux eaux» («...я теперь на водах») — Лермонтов выехал из Москвы 10 апреля 1837 года (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 727). По дороге Лермонтов простудился и, прибыв в Ставрополь, поступил в госпиталь, откуда был переведен в Пятигорский военный госпиталь «для пользования минеральными водами». Письмо к М. А. Лопухиной написано вскоре после приезда в Пятигорск.

Стр. 438, строки 25–26. «J'ai ici un logement fort agréable» («У меня здесь очень славная квартира»). Сотрудники музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске считают, что в 1837 году Лермонтов жил в доме полковницы Тарановской. Ныне это дом № 16 по Лермонтовской улице (угол ул. Анджиевского), рядом с «Домиком Лермонтова» (Лермонтовская ул., д. № 18, бывший дом В. И. Чилиева, где поэт жил с А. А. Столыпинам летом в 1841 году).

Стр. 439, строки 2–3. «...a rendu la force à mes pieds» («...укрепило мои ноги»). Лермонтов, по его словам, «приехал на воды весь в ревматизмах» (см. настоящий том, стр. 440, строки 29–30).

Стр. 439, строка 6. «...j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens» («...отправляюсь в осеннюю экспедицию против черкесов»). После летней экспедиции 1837 года на Кубань предполагалась осенняя экспедиция на побережье Черного моря, но она была отменена по случаю поездки Николая I на Кавказ и в Закавказье (ср. в письме № 28, где Лермонтов писал С. А. Раевскому: «...государь нынче не велел делать вторую экспеди-

цию...», настоящий том, стр. 441, строки 5–6).

Стр. 439, строка 9. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

27. Е. А. Арсеньевой (стр. 439)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 276, оп. 1, № 79, 2 л. Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1883, стр. 540–541).

Автограф находился в собрании П. Л. Вакселя, в котором было еще одно письмо Лермонтова от 27 июля 1837 года (Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 39).

Датируется 1837 годом на основании слов «при встрече государя». О поездке Николая I по Кавказу см. настоящий том, стр. 731 (примечание к письму № 26).

Стр. 439, строка 20. «Эскадрон нашего полка» — Нижегородского драгунского полка.

Стр. 439, строка 20. «...барон Розен» — Григорий Владимирович, генерал-адъютант, командир Отдельного кавказского корпуса, главнокомандующий Грузией с 1831 до 1837 года (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 746–749).

Стр. 439, строка 22. Вельяминов — Алексей

Александрович (1785–1838), генерал-лейтенант, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории.

Стр. 439, строки 24–25. Павел Иванович Петров — о нем см. настоящий том, стр. 736.

Стр. 439, строка 28. Алексей Аркадьевич Столыпин (род. 14 ноября 1816 года — умер 10 октября 1858 года), по прозвищу Монго, двоюродный дядя Лермонтова. Он изображен Лермонтовым в поэме «Монго» (настоящее издание, т. IV, стр. 310). В 1837 году А. А. Столыпин был офицером лейб-гвардии Гусарского полка и поехал на Кавказ «охотником» (так назывались солдаты и офицеры, добровольно вызвавшиеся на какое-либо дело, требующее отваги и риска). На Кавказ ежегодно «охотниками» отправлялось по два офицера от каждого гвардейского полка.

Стр. 439, строка 31. Гвоздев — Павел Александрович (1815–1851), юнкер Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, поэт; за одно из своих сатирических стихотворений был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ; еще будучи в Школе, он написал ответ Лермонтову на стихотворение

«Смерть Поэта» (см.: Б. Л. Модзалевский. Архив Раевских, т. II. СПб., 1909, стр. 512–513 и т. III, стр. 576).

28. С. А. Раевскому (стр. 440)

Печатается по «Русск. обозрению» (1890, т. 4, кн. 8, стр. 741–742), где опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Датируется второй половиной ноября — началом декабря 1837 года. Слова «меня перевели обратно в гвардию» свидетельствуют о том, что это письмо не могло быть написано раньше 11 октября 1837 года. 10 октября 1837 года под Тифлисом состоялся смотр четырьмя эскадронам Нижегородского драгунского полка. Николай I нашел полк в отличном порядке, и это косвенным образом повлияло на судьбу Лермонтова. 11 октября 1837 года в высочайшем приказе по кавалерии было объявлено о переводе «Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом». Приказ был опубликован только 1 ноября 1837 года в «Русском инвалиде» (№ 273). До Карагача, штаб-квартиры Нижегородского

драгунского полка, этот приказ дошел только в начале 20-х чисел ноября. 25 ноября Лермонтов был выключен из списков полка (см. месячные отчеты полка, Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 15; ср.: И. Андроников. «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», 1951, стр. 184–185). Слова «я бы охотно остался здесь» подтверждают, что письмо послано из Грузии. Из Тифлиса Лермонтов выехал на Север около 5–7 декабря.

Гродненский гвардейский гусарский полк стоял в то время под Новгородом в Селищенских казармах, в местности, где были размещены «военные поселения» гр. А. А. Аракчеева. Поэтому Лермонтов и говорит: «...вряд ли Поселение веселее Грузии». (О пребывании Лермонтова в Гродненском гвардейском гусарском полку см.: Ю. Елец, История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1890, стр. 205–207; ср.: Записки А. И. Арнольди. «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 457–464 и 473–474).

Стр. 440, строка 25. «...изъездил Линию всю вдоль». Так называемая Кавказская линия, образуемая цепью укрепленных казачьих ста-

ниц, степных крепостей и казачьих постов, проходила от Каспийского моря по Тереку и затем по Кубани до Черного моря. Маршрут Лермонтова летом и осенью 1837 года до сих пор не может считаться твердо установленным. Сводку всех данных о поездках Лермонтова по Кавказу и Закавказью см. в «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» (настоящий том, стр. 820–825).

Стр. 440, строка 26. «...в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии». По предположению, высказанному И. Л. Андрониковым, в Кубу Лермонтов попал в связи с кубинским восстанием, поднятым сторонниками Шамиля в сентябре 1837 года. Для ликвидации восстания из Кахетии (из местечка Карагач) были отправлены в Кубу два эскадрона Нижегородского драгунского полка. До Кубы «нижегородцы» не дошли — восстание было уже подавлено — и остановились в Шемахе, где, очевидно, и догнал их Лермонтов, следовавший к полку из Тифлиса. Как попал он в Шушу, которая находится ближе к южной границе Закавказья, неясно. Как указано выше, автограф письма до нас не дошел. Возможно, что А. П. Шан-Ги-

рей, публикуя текст письма, ошибочно прочел «Шуша» вместо «Нуха», через которую Лермонтов не мог не проехать, следуя из Шемахи в Кахетию (об этом подробнее см.: И. Андроников. «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 117–119; ср.: А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 20–21).

Стр. 440, строки 26–27. «...одетый по-черкесски». Черкеска с газырями на груди и бурка составляли походную форму нижегородских драгун. Так изобразил себя Лермонтов в 1837 году на известном акварельном автопортрете, дошедшем до нас в копии О. Кочетовой (см. настоящее издание, т. II, фронтиспис).

Стр. 441, строки 4–5. «...я приехал в отряд слишком поздно». Лермонтов прибыл в укрепление Ольгинское на побережье Черного моря в последних числах сентября, а 29 сентября военные действия, по случаю приезда Николая I, были временно прекращены.

Стр. 441, строки 10–11. «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные». В Грузии Лермонтов встречался с начальником Штаба Отдельного

кавказского корпуса В. Д. Вольховским (лицейским приятелем Пушкина, удаленным на Кавказ за связь с декабристами), подружился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским и, по всем признакам, был знаком с представителями грузинского культурного общества — с поэтом А. Г. Чавчавадзе, его дочерью Н. А. Грибодовой, а также с кругом их друзей и знакомых и с азербайджанским поэтом, драматургом и философом Мирза Фатали Ахундовым (об этом см.: И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 98-103).

Стр. 441, строки 12–14. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию». О кавказских рисунках и картинах Лермонтова см.: И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 13–14 и 217–237; Н. П. Пахомов. «Живописное наследство Лермонтова» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 55-222) и воспоминания В. В. Боборыкина («Русск. библиофил», 1915, № 5, стр. 76).

Стр. 441, строки 22–23. «Начал учиться по-

татарски, язык, который здесь ~ необходим, как французский в Европе». Сравнение татарского языка с французским — общее место в литературе 20-30-х годов. Так, например, Нечаев в путевых записках, помещенных в «Московском телеграфе» (1826, т. 7, стр. 35) писал: «...татарский или турецкий язык в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе». Ср. примечание Марлинского в рассказе «Красное покрывало»: «Татарский язык закавказского края мало отличен от турецкого, и с ним, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию».

Стр. 441, строка 26. «...просится в экспедицию в Хиву с Перовским». Хивинские походы состоялись в 1839–1840 годах под начальством командира отдельного Оренбургского корпуса, генерал-адъютанта, графа Василия Алексеевича Перовского (1794–1857). Эти походы окончились полной неудачей. Об интересе Лермонтова к Востоку см.: Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 368; Л. П. Гроссман. Лермонтов и культуры Востока. «Лит. наследство», т. 43–44, 1941, стр. 673–744.

Стр. 441, строка 30. «...я совсем отвык от фронта». — Под «фронтом» Лермонтов разумеет строевую службу, которой кавказские войска не несли.

29. П. И. Петрову (стр. 442)

Печатается по автографу — Московский музей литературы и искусства, инв. № 32600.

Впервые опубликовано в «Лит. сборнике» (I, Кострома, 1928, стр. 1).

Рукой Лермонтова заполнено $2\frac{3}{4}$ почтовых странички; внизу третьей и вверху четвертой страницы приписка Е. А. Арсеньевой: «Не нахожу слов, любезнейший Павел Иванович, благодарить вас за любовь вашу к Мишеньке, и чувства благодарности навсегда останутся в душе моей. Приезд его подкрепил слабые мои силы. Лета и горести совершенно изнурили меня, а Гродненский полк не успокоит. Не вздумаете ли в Петербург побывать, чего бы очень желала. Милых детей целую и остаюсь готовая к услугам Елизавета Арсеньева. 1838 года 1 февраля».

На последней, четвертой, странице — приписка Марии Акимовны Шан-Гирей, гостившей в это время в Петербурге:

*Je viens chez ma tante et la trouve occupée à vous écrire, mon cher frère, je suis bien sûre qu'un petit mol de mon écriture ne vous sera pas de trop. Je me conduits bien mal à Pétersbourg, car je suis constamment malade, c'est le second jour que je sors. J'apprends, qu'on vous attend ici, et je serai très fâchée, si cela ne sera pas durant mon séjour ici. Au nom de Dieu, ne place pas les enfants à Moscou, je te le demande en grâce. Les miens sont bien grandis, surtout Alexis. Je reprends Catiche, qui est une bien bonne tille, et j'espère, qu'à la grâce de Dieu elle sera ma joie et mon amie. J'embrasse les entants. Prie le bon Dieu de vous contenir dans sa garde et suis votre affectionnée amie.
Marie Schanguirey.*

Перевод

Прихожу к тете и застаю ее за письмом к вам, дорогой брат. Уверена, что несколько слов от меня не будут для вас излишни. В Петербурге я веду себя плохо, так как постоянно больна. Сегодня второй день, как я выхожу. Знаю, что вас ждут сюда, и мне будет очень досадно, если это не случится во

время моего пребывания здесь. Ради бога, не помещай детей в Москве, прошу тебя об этом, как о милости. Мои очень выросли, особенно Алексей. Я опять беру Катюш, она очень хорошая девочка, и я надеюсь, что с божьей помощью она будет моей радостью я моим другом. Целую детей. Молю бога сохранить вас и остаюсь любящим другом вашим.
Мария Шангирей.

Датируется 1 февраля 1838 года на основании приписки Е. А. Арсеньевой.

Стр. 442, строка 1. Петров Павел Иванович (1790–1871) около 1820 года женился на Анне Акимовне Хастатовой, дочери родной сестры Е. А. Арсеньевой — Екатерины Алексеевны Хастатовой. С 1834 г. он был начальником Штаба войск по Кавказской линии и в Черномории. В конце 1837 года П. И. Петров был уже 48-летним вдовцом (его жена Анна Акимовна умерла в 1836 году). У Петрова было четверо детей: Екатерина (род. в 1820 году) и Мария (род. в 1822 году), которых Лермонтов называет в своем письме «милыми кузинами», сын Аркадий (род. в 1825 году) и млад-

шая Варвара. В детский альбом Аркадия написано известное четверостишие Лермонтова «Ребенку» («Что мне сказать тебе по просту» — см. настоящее издание, т. II, стр. 102 и 335). Сохранились следы позднейших взаимоотношений Лермонтова с семьей П. И. Петрова. В 1840 году Лермонтов прислал Павлу Ивановичу автограф «Последнего новоселья». В записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским 13 апреля 1841 года, на л. 12 рукой Лермонтова записано: «Семен Осипович Жигимонд» — имя мужа старшей дочери П. И. Петрова, Екатерины Павловны; которая тогда вышла замуж (см. настоящий том, стр. 388). О П. И. Петрове и его семье см.: Русский биографический словарь, т. Павел — Петр, СПб., 1902, стр. 690–691; «Лит. сборник», I, Кострома, 1928, стр. 3-10.

Стр. 442, строки 14–15. Афанасий Алексеевич Столыпин, о нем см. настоящий том, стр. 730.

30. М. А. Лопухиной (стр. 442)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 34, 2 л.

Пометы карандашом: «Марии Александровне Лопухиной», «1832», «1838». На полях против слова «Alexis» написано «Лопухин».

Впервые опубликовано с пропусками собственных имен в «Русск. архиве» (1863, кн. 5–6, стлб. 430–432). Полностью в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1887, стр. 468–471).

Перевод

15 февраля

Пишу вам, дорогой друг, накануне своего отъезда в Новгород. Я до сих пор всё ждал, что со мной приключится что-нибудь приятное, о чем можно сообщить вам, но ничего такого не произошло. И я решаюсь написать вам, что мне до смерти скучно. Первые дни своего приезда, вы знаете, я без отдыха представлялся, совершал парадные визиты, затем я каждый день ходил в театр. Он, правда, не плох, но мне он уже надоел. И вдобавок меня преследуют все мои милые родственники. Не хотят, чтобы я бросал службу, хотя я мог бы уже это сделать, так как те господа которые вме-

сте со мной поступили в гвардию, уже вышли в отставку. Наконец, я изрядно пришел в отчаяние, и я даже желаю как можно скорее покинуть Петербург, чтобы отправиться, куда придется, хотя бы даже в полк или к чорту. Тогда по крайней мере буду иметь предлог для того, чтобы плакаться, а это своего рода утешение.

С вашей стороны не очень красиво, что вы всегда ждете от меня письма, чтобы мне написать. Можно сказать, что вы стали гордячкой. Алексей в этом отношении меня не удивляет, потому что он собирается жениться на этих днях, как об этом говорят здесь, на какой-то богатой купчихе. Понятно, у меня не может быть надежды занять в его сердце такое же место, какое заняла эта толстая оптовая торговка. Он обещал написать мне через два дня после моего отъезда из Москвы; возможно он забыл мой адрес. Поэтому я ему посылаю два:

1) В С.-Петербур. у Пантелеймоновского моста на Фонтанке, против Летнего сада, в доме Венецкой.

2) В Новгородскую губернию, в первый

округ военных поселений, в штаб лейб-гвардии Гродненского гусарского полка <оба адреса написаны по-русски>.

Если после этого он мне не напишет, я прокляну и его самого и его толстую оптовую торговку. Я уже тружусь над составлением формулы моего проклятия. Боже! Как это хлопотно иметь друзей, которые собираются жениться!

Приехав сюда, я обнаружил дома пропасть сплетен. Я навел порядок, сколько это возможно, когда имеешь дело с тремя или четырьмя женщинами, которые не внимают доводам рассудка. Простите, что я так говорю о вашем прекрасном поле. Но уввы! Если я вам об этом говорю, то это уже доказательство, что я считаю вас исключением. Наконец, когда я приезжаю домой, я только и слышу истории, истории — жалобы, упреки, предположения, заключения. Это отвратительно, особенно для меня, потому что я утратил к этому привычку на Кавказе, где дамское общество встречается очень редко, либо оно не склонно к беседе (как, например, грузинки, поскольку они не говорят по-русски, а я по-грузински).

Я вас прошу, дорогая Мария, пишите мне немного, пожертвуйте собой, пишите мне постоянно, не разводите мелочных церемоний — вы должны быть выше всего этого. На самом деле, если я иногда и задерживаюсь с ответом, то оттого, что или мне нечего было сказать или я очень занят — оба оправдания веские.

Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Тамбовскую казначейшу» <два последних слова написаны по-русски>, которую он просил; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере Современника <последнее слово написано по-русски>.

Бабушка надеется, что я скоро буду переведен к царскосельским гусарам, потому что бог знает по какой причине ей внушили эту надежду. Вот потому она не дает согласия на мою отставку. Сам-то я ни на что не надеюсь.

В завершение моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл — но это вовсе ничего не доказыва-

ет.

*Молитва странника
Я, мать божия, ныне с молит-
вою...*

Прощайте, дорогой друг — поцелуйте Алексея <последнее слово — по-русски> и скажите, что ему стыдно. Это же скажите также и m-lle Marie Лопухиной.

Лерма.

Письмо написано в 1838 году, «накануне отъезда в Новгород», куда Лермонтов был переведен на службу в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (ср. примечания к двум предыдущим письмам — №№ 28 и 29, настоящий том, стр. 732–733 и 735).

Стр. 443, строка 15. Alexis — А. А. Лопухин (см. настоящий том, стр. 742).

Стр. 443, строки 19–20. «Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou» («Он обещал написать мне через два дня после моего отъезда из осквы») — в Москве, проездом с Кавказа, Лермонтов был с 3 января по вторую половину января (ср. предыдущее письмо, № 29, настоящий том,

стр. 442).

Стр. 444, строки 11–12. Joukofsky; Wiasemsky — Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) и Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), после смерти Пушкина редактировали вместе с П. А. Плетневым журнал «Современник». В конце января — начале февраля 1838 года А. А. Краевский познакомил их с Лермонтовым.

Стр. 444, строки 11–12. «Тамбовская казначейша» была напечатана в «Современнике» (1838, т. 11, № 3, стр. 149–178) с цензурными урезками и под заголовком «Казначейша» (настоящее издание, т. IV, стр. 118 и 405).

Стр. 444, строка 24–стр. 445, строка 8. «Молитва странника» — стихотворение «Молитва» (настоящее издание, т. II, стр. 93, 275 и 332).

31. С. А. Раевскому (стр. 445)

Печатается по Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 420–421), где и опубликовано впервые полностью.

Отрывок от слов «Роман, который», кончая словами «от истины» опубликован впервые в «Русск. вестнике» (1882, т. 158, № 3, стр. 346).

За распространение стихотворения Лермонтова «Смерть Поэта» С. А. Раевский по «высочайшему» повелению от 25 февраля 1837 года выехал в ссылку из Петербурга в Олонецкую губернию 5 апреля 1837 года. В Петрозаводске Раевский служил в качестве чиновника особых поручений при губернаторе. 29 мая 1838 года Раевскому был разрешен «отпуск в Петербург и к водам морским в Эстляндии». 7 декабря 1838 года Раевский окончательно прощен, и ему дозволено продолжать службу на общих основаниях. Вот почему данное письмо могло быть написано только в 1838 году.

Стр. 445, строка 16. «Твое последнее письмо» — письмо Раевского к Лермонтову до нас не дошло.

Стр. 445, строка 21. «Я сказал, что отзыв

непокорен к начальству повредит тебе» — фраза из письма Лермонтова к Раевскому, которое до нас не дошло. Ср. примечания к письму № 23 (настоящий том, стр. 728).

Стр. 445, строки 29–30. «...печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно» — после ссылки Лермонтова произведения его с трудом проникали в печать. «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» была напечатана только после ходатайства В. А. Жуковского перед министром народного просвещения С. С. Уваровым; при этом вместо фамилии *Лермонтов* в подписи было обозначено только «-въ» (см. настоящее издание, т. IV, стр. 404). В еще большей мере пострадала от цензуры при первой публикации в «Современнике» «Тамбовская казначейша» (см. примечание к поэме, настоящее издание, т. IV, стр. 405).

Стр. 445, строка 31. «Роман, который мы с тобой начали» — «Княгиня Лиговская». Некоторые его страницы написаны С. А. Раевским под диктовку Лермонтова (см. настоящий том, стр. 639–640).

Стр. 446, строка 1. «Если ты поедешь на

Кавказ» — в декабре 1838 года Раевскому было разрешено «продолжать службу по его желанию на общих основаниях» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 320). Однако в Петербурге он не устроился и в июне 1839 года уехал на Кавказ, где поступил на службу в канцелярию кавказского гражданского губернатора в Ставрополе. О службе Раевского на Кавказе см.: Н. Бродский, Святослав Раевский, друг Лермонтова, «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 301–321; С. И. Недумов, О Святославе Афанасьевиче Раевском — М. Ю. Лермонтов. Современник Государственного музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 24–55.

Стр. 446, строки 2–3. «...вернешься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем». Речь идет об увлечении Раевского идеями утопического социализма.

Стр. 446, строка 6. Юрьев Николай Дмитриевич, родственник Лермонтова и товарищ по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 22 ноября 1834 года он переведен из юнкеров лейб-гвардии Уланского его величества полка в лейб-гвардии Драгунский полк прапорщиком, откуда уволен в

отставку 30 января 1838 года в чине штабс-капитана (см.: Пятьдесят лет существования лейб-гвардии Драгунского полка. Новгород, 1870, Приложения, стр. 57; В. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища, СПб., 1873, Приложение, стр. 61; «Русск. архив», 1872, кн. 9, стлб. 1770 и сл.).

32. М. А. Лопухиной (стр. 446)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 24, 2 л.

Карандашные пометы М. А. Лопухиной: «1838 окт. 3 д. Совершенно не помню по...» (зачеркнуто), «1838 Конец года», «1838 года. Ни числа ни месяца не помню», «9» (синим карандашом).

Впервые опубликовано в «Русск. архиве» (1863, кн. 5–6, стлб. 433–435).

Перевод

Уже давно, дорогой и добрый друг, я вам не писал, и вы мне не подавали никаких вестей ни о своей собственной дорогой особе, ни о всех ваших. Поэтому я питаю надежду, что ваш ответ на это письмо не заставит себя долго ждать. Вы скажете, что эта фраза звучит самоуверенно, но вы ошибаетесь. Я знаю, вы

убеждены, что ваши письма доставляют мне много радости, раз вы применяете молчание как наказание. Но я не заслуживаю этого наказания, потому что я постоянно думал о вас. Вот доказательство: просил годичный отпуск — отказано, на месяц — отказано, на две недели — великий князь также отказал. Всё это время я пребывал в надежде, что увижу вас. Я сделаю еще попытку — дай бог, чтобы она удалась. Надо вам сказать, что я самый несчастный из людей, и вы мне поверите, узнав, что я ежедневно посещаю балы. Я кинулся в *большой свет*. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части. Это по крайней мере откровенно. Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью; самые красивые женщины выпрашивают у меня стихи и хвалятся ими как величайшей победой. — Тем не менее я скучаю. Я просился на Кавказ — отказали. Не желают даже, чтобы меня убили. Может быть, дорогой друг, эти жалобы не покажутся вам искренними? Может быть вам покажется странным, что ищут удовольствий ради скуки, что бегают по гостиным, когда

там не находят ничего интересного? Ну хорошо, я открою вам свои соображения. — Вы знаете мой самый главный недостаток — тщеславие и самолюбие. Было время, когда я стремился быть принятым в это общество в качестве новобранца. Это мне не удалось, аристократические двери для меня закрылись. А теперь в это же самое общество я захожу уже не как проситель, а как человек, который завоевал свои права. Я возбуждаю любопытство, меня домогаются, меня всюду приглашают, а я и виду не подаю, что этого желаю; дамы, которые обязательно хотят иметь из ряду выдающийся салон, желают, чтобы я бывал у них, потому что я тоже *лев*, да, я, ваш Мишель, добрый мальчик, у которого вы никогда не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может вскружить голову. К счастью, моя природная лень берет верх — и мало-помалу я начинаю находить всё это крайне несносным. Но этот новый опыт принес мне пользу, потому что дал мне в руки оружие против общества, и, если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой (а это случится), у меня будут по крайней мере сред-

ства мщения; несомненно нигде нет столько подлостей и смешного. Я убежден, что вы никому не расскажете про мое хвастовство, ибо меня сочтут более смешным, чем кого-либо; с вами же я говорю как с своей совестью и потом [я знаю] это так приятно посмеяться исподтишка над тем, к чему стремятся и чему завидуют дураки — с человеком, о котором знаешь, что он всегда готов разделить твои чувства. Это я говорю о вас, дорогой друг, я повторяю это, потому что всё это место моего письма несколько неясно.

Но вы мне напишете, не правда ли? — Я уверен, что вы мне не писали по какой-то серьезной причине? Не больны ли вы? Может быть, болен кто-нибудь в вашей семье? Боюсь, что это так.

Мне передавали что-то в этом роде. На будущей неделе жду вашего ответа, который, надеюсь, не уступит по длине моему письму, но будет несомненно лучше написан, ибо я побаиваюсь, что вы не сможете разобрать эту пачкотню.

Прощайте, дорогой друг, если богу угодно меня вознаградить — я добьюсь отпуска и то-

гда, я уверен, получу ответ, какой бы он ни был.

Передайте от меня привет тем, кто меня не забыл. Весь ваш М. Лермонтов.

До сих пор датировалось приблизительно 1838–1839 годами. Между тем в тексте письма № 34, адресованного брату Лопухиной Алексею (конец февраля — первая половина марта 1839 года), точно так же, как в настоящем письме, упоминается об отказах, которые последовали в ответ на хлопоты Лермонтова об отпуске: «...я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили». Ясно, что в обоих случаях Лермонтов пишет об одних и тех же событиях, оба раза упоминает, что прошение подавал трижды, что в третий раз просился на 14 дней. На автографе письма сохранилась вышеприведенная помета М. А. Лопухиной, указывающая на возможные даты. Из сопоставления этих данных следует прийти к выводу, что письмо относится к концу 1838 года.

Стр. 446, строка 32. «Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers» («Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах»). Подразуме-

ваются заключительные строки стихотворения «Смерть Поэта» о «надменных потомках известной подлостью прославленных отцов» (см. настоящее издание, т. II, стр. 86).

33. А. П. Шувалову (стр. 448)

Печатается по автографу — ЦГИАЛ, коллекция П. Г. Державина, 2 л.

На обороте рукой Лермонтова: «Monsieur le comte André Chouvalof».

Впервые воспроизведено в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 485). Впервые опубликовано в Соч. изд. библиотеки «Огонек» (т. 4, 1953, стр. 480) с ошибками во французском тексте.

Перевод

Дорогой граф,

Сделайте мне удовольствие, ссудите мне вашего пса Монго, чтобы увековечить породу, которой он меня уже одолжил.

*Вы меня обяжете чрезвычайно
преданный Вам*

Лермонтов.

Стр. 448, строка 11. С графом Андреем Павловичем Шуваловым (1816–1876) Лермонтов служил в лейб-гвардии Гусарском полку. За-

писку нельзя датировать временем раньше весны 1838 года, так как до этого времени Шувалов отбывал ссылку в войсках Кавказского корпуса. Вместе с тем записка могла быть написана только до 10 марта 1840 года, когда Лермонтов был арестован за дуэль с де Барантом и затем переведен из лейб-гусар в Тенгинский полк, на Кавказ. Следовательно, записка относится к периоду от весны 1838 года до весны 1840 года. Шувалов был участником так называемого «Кружка шестнадцати» — группы оппозиционно настроенной аристократической молодежи, собиравшейся в Петербурге в 1839 году (см. «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». Сборник первый, Гослитиздат, М., 1947, стр. 81–82). В кружок входили Лермонтов и его однополчане: гр. К. В. Браницкий, гр. А. П. Шувалов, А. А. Столыпин-Монго, кн. А. Н. Долгорукий, а также кн. И. С. Гагарин, кн. С. В. Долгорукий, Н. А. Жерве, барон Д. П. Фредерикс. Все участники «кружка шестнадцати» точно не известны, но вероятно в их число надо включить кн. А. И. Васильчикова, гр. П. П. Шувалова, художника Г. Г. Гагарина, кн. А. В. Лобанова-Ростовского

и кн. П. В. Долгорукова.

Стр. 448, строка 14. «...votre chien Mongo» («...вашего пса Монго»). М. Н. Лонгинов вспоминал, что собака Монго принадлежала Алексею Аркадьевичу Столыпину. От имени этой собаки, как уверяет Лонгинов, получил свое прозвище Монго и сам Столыпин («Русск. старина», 1873, кн. 3, стр. 390).

34. А. А. Лопухину (стр. 448)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1916, стр. 334). Автограф в настоящее время не известен (находился в собрании Д. Г. Гинзбурга).

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 424–425). По утверждению П. А. Висковатова, последняя часть письма оторвана. В тексте Висковатова после слова «целиком» было в скобках: «и прошел ее всю».

Стр. 448, строка 18. Лопухин Алексей Александрович (1813–1872) — сын Александра Николаевича Лопухина и Екатерины Петровны, рожденной Верещагиной, брат Марии Александровны и Варвары Александровны Лопухиных. С Лопухиными Лермонтов познако-

мился еще в детстве, как только приехал в Москву для подготовки в Московский университетский благородный пансион. После отъезда Лермонтова в Петербург, в 1833 году, Лопухин пережил серьезное увлечение Е. А. Сушковой, о чем она сама подробно рассказала в своих «Записках» (изд. «Academia», 1928, стр. 145 и сл.). В это время Алексей Александрович был, по словам Е. А. Сушковой, еще «очень молодым человеком». О встрече Лермонтова с Лопухиным в декабре 1834 года см. в письме № 16 (настоящий том, стр. 428).

В «Описи письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова», составленной в 1837 году при обыске в квартире Лермонтова, когда он был арестован по делу о стихах на смерть Пушкина, между прочим, указываются письма, писанные Лермонтову «неким Лопухиным» (см. настоящий том, стр. 473, строка 3). Эти письма были отобраны у Лермонтова в 1837 году во время ареста, но возвращены и хранились у С. А. Раевского. До нас письма Лопухина не дошли, но сохранились в выписках, сделанных В. Х. Хохряковым (см. настоящий том, стр. 466, 467). В 1838 году

А. А. Лопухин женился на княжне Варваре Александровне Оболенской (1820–1873). А. А. Лопухин служил в Московской синодальной конторе. В 50-х годах он был в должности чиновника за прокурорским столом, с начала 60-х годов — прокурор Синодальной конторы и исправляющий должность управляющего Синодальной типографией, с 1861 года — камер-юнкер, с 1864 года — действительный статский советник. Об А. А. Лопухине см.: П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. II. СПб., 1855, стр. 64; Дворянское сословие Тульской губернии, т. III (XII), «Родословец», ч. IV, стр. 347; «Моск. некрополь», ч. II, СПб., 1908, стр. 187.

Стр. 449, строки 1-16. Стихотворение Лермонтова, посвященное сыну А. А. Лопухина Александру, род. 13 февраля 1839 года (см. настоящее издание, т. II, стр. 120 и 340). Впоследствии А. А. Лопухин-сын рассказывал А. Бильдерлингу одну из версий создания картины «Предок Лерма» («Русск. старина», 1887, т. 3, кн. 2, стр. 508).

35. А. И. Тургеневу (стр. 450)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 501, оп. 1, № 140, 2 л., Архив Тургеневых. На обороте рукой Лермонтова: «Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу».

Впервые опубликовано Н. П. Пахомовым в журнале «Огонек» (1939, № 25–26, стр. 7), затем им же с воспроизведением автографа в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 26, 27).

Данное письмо Лермонтова А. И. Тургеневу связано с обострением отношений поэта с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. 8 апреля 1840 года Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Дело вот как было: барон Д'Андре, помнится, на вечеринке у Гогенлоэ, спрашивает меня, правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина, что Барант желал бы от меня знать правду. Я отвечал, что не помню, а справлюсь, на другой же день встретил я Лермонтова и на третий получил от него копию со строфы: через день или два, кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту

строфу Андре, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию. Следовательно, я не вводил Лермонтова к Баранту, не успел даже и оправдать его и был вызван к одной справке, к изъяснению моего мнения самим Барантом через барона Д'Андре. Вот тебе правда, вся правда, и ничего, кроме правды. Прошу тебя и других переверить, если паче чаяния, вы думаете иначе» («Остафьевский архив», IV, 1899, стр. 112–113). Таким образом, письмо Лермонтова к А. И. Тургеневу является ответом на запрос Тургенева. Публикуя это письмо в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 28), Н. П. Пахомов датировал его 18 ноября 1839 года, полагая, что записи в дневнике Тургенева о визите к нему Гогенлоэ 15 ноября имеют непосредственное отношение к истории с запросом Андре и письмом Лермонтова к Тургеневу. Повидимому, более правильно относить это письмо ко второй половине декабря 1839 года. Убедившись в конце декабря в том, что в стихотворении Лермонтова «Смерть Поэта»

честь французской нации не задета, посол Проспер де Барант передал Лермонтову приглашение на новогодний бал, который должен был состояться во французском посольстве 2 января 1840 года (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1848, стр. 409–410).

Стр. 450, строка 1. Тургенев Александр Иванович (1784–1845) — друг Жуковского и Пушкина, образованнейший деятель первой половины XIX века, брат декабриста Н. И. Тургенева. С Лермонтовым А. И. Тургенев познакомился впервые как с автором стихотворения «Смерть Поэта». Поэт И. И. Козлов 11 февраля 1837 года записал в своем дневнике: «Нельзя быть добрее и участливее Александра Тургенева: он мне сделал так много одолжений; потом читал мне чудные стихи Лермонтова на смерть Пушкина». В дневнике самого Тургенева 2 февраля 1837 года о стихотворении «Смерть Поэта» читаем: «Стихи Лермонтова прекрасны» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 26). Ср. «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, 6 февраля 1837 года (настоящий том, стр. 813). 12 сентября 1839 года Тургенев отмечает в дневнике чтение Лермонто-

вым у Карамзиных отрывка из «Героя нашего времени». Не раз упоминает Тургенев о Лермонтове в своих письмах к московскому почтдиректору А. Я. Булгакову. И возможно, что А. И. Тургеневу Лермонтов посылал или собирался послать на просмотр рукопись «Княжны Мери» (см. настоящий том, стр. 392).

Стр. 450, строки 7-19. Отрывок стихотворения «Смерть Поэта» цитируется в письме к Тургеневу с незначительными разночтениями по сравнению с текстом белого автографа (ср. настоящее издание, т. II, стр. 84–85).

36. К. Ф. Опочинину (стр. 450)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 26, 2 л. Почтовый лист перевернут, и текст написан в обратном порядке, начиная с 4-й страницы. На 1-й странице рукой Лермонтова: «à monsieur monsieur Opotchinine» и карандашная помета К. Ф. Опочинина (?): «1840 апреля 3».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 1, 1887, стр. 475).

Перевод

О, милый и любезный Опочинин! И вчера вечером, когда я возвратился от вас, мне сооб-

щили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. *И* сейчас в то время, когда вы будете читать эту записку, меня не будет . . . (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. *И вот* (стиль библейский и простодушный), поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог вас навестить.

И весь ваш Лермонтов.

На автографе письма дата, проставленная, вероятно, рукой Опочинина: «1840, апрель 3». Однако эта дата не согласуется с текстом записки: 3 апреля 1840 года Лермонтов находился под арестом за дуэль с Э. де Барантом, ни в какой караул идти не мог, не мог и выехать из Петербурга. Если записка действительно относится к 1840 году, то, во всяком случае, ко времени до 10–11 марта, когда Лермонтов еще не был арестован.

Стр. 450, строка 22. Опочинин Константин Федорович (1808–1848) — штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, флигель-адъютант.

Повод, по которому написана записка, не известен. П. А. Висковатов высказывал предположение, что эта записка — только шутка,

«писанная поэтом во время служения его в лейб-гусарах». Он часто проводил время в Петербурге, где охотно играл с Опочининым в шахматы. Слова «*Car je monté la garde*» (ибо я несу караул) относятся к служебным обязанностям Михаила Юрьевича, призывавшим его в Царское Село, в полк (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 425).

37. Н. Ф. Плаутину (стр. 451)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 28, 2 л.

Пометки чернилами: против слова «несправедливо» — «Лер», против подписи — «горд».

Впервые опубликовано с значительными искажениями в журнале «Век» (1862, № 3, стр. 57–58). Полностью опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 426–427).

Письмо содержит объяснение по поводу дуэли Лермонтова с Эрнестом де Барантом, происшедшей 18 февраля 1840 года. В кругах Министерства иностранных дел об этой дуэли стало известно около 2 марта, о чем можно судить по письму гр. М. Д. Нессельроде, от 6/18 марта 1840 года, сообщавшей сыну, что «дней

пять» как стало известно о поединке Лермонтова с Барантом, «Государь сказал, что офицера <Лермонтова> будут судить» («Русск. архив», 1910, кн. 5, стр. 128; ср.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 414 и 431). На этом основании письмо Лермонтова к Плаутину следует датировать началом марта.

Стр. 451, строка 1. Плаутин Николай Федорович (1794–1866) — непосредственный начальник Лермонтова по службе, командир лейб-гвардии Гусарского полка (с 25 июля 1839 года по 11 апреля 1843 года).

Стр. 451, строки 6–7. «...обстоятельства поединка моего с господином Барантом» — конфликт Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом был спровоцирован в кругах, близких к дочери Николая I Марии Николаевны, которая была раздражена эпиграммами Лермонтова на балу под новый 1840 год и стихотворением «Как часто пестрою толпою окружен» (см. настоящее издание, т. II, стр. 136). По свидетельству А. П. Шан-Гирея, дуэль была следствием увлечения Лермонтова княгиней М. А. Щербатовой, рожденной Штерич, которой поэт посвятил сти-

хотворение «На светские цепи» (см. настоящее издание, т. II, стр. 142 и 345), и соперничества с Барантом (см. «Русск. обозрение», 1890, т. 8, стр. 748). В позднейших исследованиях установлено, что какую-то роль в возникновении этого конфликта сыграли и интриги жены русского консула в Гамбурге Терезы фон Бахерахт (подробнее см. статью: Э. Герштейн. Дуэль Лермонтова с Барантом. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 389–432). О том, что вопрос национальной чести был одной из причин ссоры Лермонтова с Барантом, свидетельствует и данное письмо Лермонтова к Плаутину. В письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 8 апреля 1840 года есть указание на то, что в столкновении между Лермонтовым и Барантом известное значение имели и стихи на смерть Пушкина (см. примеч. к письму № 35, стр. 743).

Стр. 451, строка 8. «...на бале у графини Лаваль» — ссора Лермонтова с де Барантом произошла 16 февраля 1840 года в доме действительного камергера и церемониймейстера графа Ивана Степановича Лаваль (1761–1846), французского эмигранта, женатого на млад-

шей дочери статс-секретаря Козицкого Александре Григорьевне. О ней имеется заметка Лермонтова: «Лаваль именины» (см. настоящий том, стр. 388, <12>).

Стр. 451, строки 19–20. «Его секундантом был француз, которого имени я не помню» — секундантом Лермонтова был Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), секундантом Баранта был граф Рауль д'Англес. Лермонтов, конечно, хорошо знал имя секунданта своего противника, но в письме к Плаутину сознательно уклонился от выдачи секундантов, как не упомянул и истинной причины дуэли.

Стр. 451, строки 28–29. «...подробный отчет всего случившегося» — историю судебного дела по дуэли Лермонтова с Барантом см. в Соч. изд. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 317–338. (Ср. «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова», настоящий том, стр. 836 и след.).

38. С. А. Соболевскому (стр. 452)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 450, № 8, 2 л.

Впервые (в русском переводе) опубликовано во вступительной статье А. К. Виноградова к «Герою нашего времени», изданному в серии «Истории молодого человека XIX столетия» (М., 1932, стр. 19).

Перевод

Я очень огорчен, дорогой Соболевский, что не могу сегодня воспользоваться вашим приглашением, обществом и ростбифом; надеюсь, что вы простите мне мою измену в связи с моим теперешним положением, которое от меня никак не зависит.

Весь ваш

Лермонтов.

Слова Лермонтова о его «теперешнем положении» надо, повидимому, понимать как сообщение о том, что он находится под арестом. В 1837 году, когда Лермонтов был арестован за стихи на смерть Пушкина, С. А. Соболевский находился за границей. Отсюда следует, что записка относится к 1840 году и написана в марте, в один из первых дней по-

сле ареста Лермонтова за дуэль с Барантом (см. ниже примечание к письму № 39).

Стр. 452, строка 1. Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) — внебрачный сын А. И. Самойлова, один из ближайших друзей Пушкина, известный русский библиофил и библиограф. В июне 1837 года Соболевский вернулся в Россию после второго заграничного путешествия и, поселившись в Петербурге, основал бумагопрядильную фабрику. Библиотека Соболевского пользовалась большой известностью, и Соболевский охотно снабжал книгами своих друзей.

39. С. А. Соболевскому (стр. 452)

Печатается по автографу — ЦГАЛИ, ф. 450, № 7, 1 л.

Впервые опубликовано в книге: А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 72–73.

Арестованный 10 или 11 марта 1840 года по делу о поединке с Барантом, Лермонтов был заключен в Петербургском Ордонанс-гаузе. 17 марта его перевели на Арсенальную гауптвахту: в конце месяца он снова был препровожден в Ордонанс-гауз, но помещен уже не в комнате караульного офицера, где находился прежде, а в особой комнате, устроенной для подсудимых офицеров. Здесь Лермонтова навестил в апреле В. Г. Белинский. 20 апреля Лермонтов был освобожден из-под ареста. Поэтому его слова «Я в Ордонанс-гаузе наверху, в особенной квартире» дают основание отнести записку к концу марта — середине апреля 1840 года.

В своей записке Лермонтов просит прислать ему третье издание двухтомного романа французского писателя Альфонса Карра (1808–1890) «*Sous les tilleuls*» («Под липами»).

40. А. И. Философову (стр. 452)

Печатается по автографу — ЦГИАЛ, ф. 1075, оп. 1620–1914, № 1181, 1 л. Вверху письма помета: «1838». На обороте рукой Лермонтова: «Его превосходительству милостивому государю Алексею Илларионовичу Философову».

Впервые опубликовано А. Н. Михайловой в «Лит. наследстве» (т. 45–46, 1948, стр. 30–31) с воспроизведением автографа.

Перевод

Дорогой дядя, осмеливаюсь умолять вас ходатайствовать обо мне в деле, которое вы один можете устроить, и я уверен, что вы не откажете мне в вашем покровительстве. Бабушка опасно больна, настолько, что не смогла даже написать мне об этом; слуга пришел за мною, думая, что я уже освобожден. Я просил у коменданта всего несколько часов, чтобы навестить ее, писал генералу, но так как это зависит от его высочества, они ничего не могли сделать.

Пожалейте если не меня, то бабушку, и добейтесь для меня одного дня, ибо время не терпит.

Мне нет нужды говорить вам о моей при-

знательности и моем горе, так как ваше сердце вполне поймет меня.

Преданный вам всецело

М. Лермонтов.

Письмо Лермонтова к А. И. Философову написано в то время, когда дело о поединке Лермонтова с Барантом было уже закончено и 13 апреля 1840 года последовала резолюция царя: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином».

Резолюция Николая I противоречила предложению генерал-аудиториата выдержать Лермонтова три месяца в крепости и только после этого выписать в один из пехотных полков. Впредь до выяснения этого противоречия с 13 по 19 апреля Лермонтов продолжал оставаться под арестом. Только 19 апреля военный министр гр. А. И. Чернышев разъяснил, что царь желал «ограничить» наказание переводом Лермонтова в Тенгинский полк. Слова «слуга пришел за мною, думая, что я уже освобожден» подтверждают, что письмо к Философову написано около 14 апреля 1840 года (см. статью С. А. Андреева-Кривича: Два распоряжения Николая I. «Лит. наследство», т.

58, 1952, стр. 411–430).

Стр. 452, строка 17. Философов Алексей Илларионович (1800–1874) — адъютант вел. кн. Михаила Павловича, с 1838 года генерал, воспитатель сыновей Николая I. Был женат на племяннице Е. А. Арсеньевой, Анне Григорьевне Столыпной. Высоко ценил Лермонтова, принимал живейшее участие в его судьбе и неоднократно хлопотал за него, используя свои связи с двором. В 1856 году А. И. Философов издал за границей в Карлсруэ (Германия) впервые полный текст последней редакции Демона, положив в основу этого издания весьма авторитетную рукопись (см. статьи А. Михайловой: Последняя редакция «Демона». «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 11–22; Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова. Там же, стр. 661–690; ср. настоящее издание, т. IV, стр. 183, 412).

Стр. 452, строка 19. «Сher oncle» («Дорогой дядя») — очевидно, Лермонтов звал генерала А. И. Философова «дядей» потому, что Анна Григорьевна Философова, бывшая годом моложе Лермонтова, приходилась ему двоюродной теткой.

Стр. 452, строка 22. «Grand'maman est dangereusement malade» («Бабушка опасно больна»). Е. А. Арсеньева заболела, узнав об аресте внука.

Стр. 452, строки 24–25. «commandant» («комендант») — генерал-лейтенант Захаржевский Григорий Андреевич (1792–1845).

Стр. 452, строка 26. «général» («генерал») — генерал-лейтенант Вейнмарн Петр Федорович (1795–1846), начальник Штаба Гвардейского корпуса.

Стр. 452, строка 26. «...cela dépend du Monseigneur» («...это зависит от великого князя»). Комиссия военного суда, учрежденная при Кавалергардском полку над поручиком Лермонтовым, подчинялась командиру Гвардейского корпуса вел. кн. Михаилу Павловичу.

41. Великому князю Михаилу Павловичу (стр. 453)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 35, 2 л. На письме пометы, сделанные Дубельтом: «Государь изволил читать», «к делу», «29 апреля 1840». Имеется черновой автограф — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 25, 2 л.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 427–428).

Черновой автограф впервые опубликован в «Русск. старине» (1872, т. 5, кн. 2, стр. 295–296). Текст чернового автографа:

Ваше Императорское Высочество!

Выписанный по приговору военного суда тем же чином в армию, неся гнев Государя Императора и Ваш, я [без ропота] с благоговением покоряюсь судьбе моей, ценя в полной мере вину мою и справедливость заслуженного наказания. Я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступок, но получив приказание явиться к Господину генерал-адъютанту Графу Бенкендорфу, я из слов Его Сиятельства увидел к неописанной

моей горести, что на мне лежит не одно обвинение за дуэль с Господином Барантом и за приглашение его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своею честью, офицер, имевший счастье служить под высоким начальством Вашего Императорского Высочества. Граф Бенкендорф изволил предложить мне написать письмо Господину Баранту, в котором я бы просил у него извинения в ложном моем показании насчет моего выстрела.

Ваше Императорское Высочество! хотя не имею более счастья служить под командой Вашею, но ныне осмеливаюсь прибегнуть к Высокой вашей защите. Великодушное сердце Ваше позволит мне сказать Вам со всею откровенностию: могла быть ошибка или недоразумение в словах моих или моего секунданта, личного объяснения у меня при суде с Господином Барантом не было, но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему Императорскому Высочеству осмеливаюсь повторить сказанное мною в суде: я не имел намерения стрелять в господина Баранта, не метил в него, выстрелил в сторону,

и это готов подтвердить честью моею. В доказательство намерения моего не стрелять в Господина Баранта служит то, что когда секундант мой Столыпин подал мне пистолет, я ему сказал по-французски: «je tirerai en l'air» <я выстрелю в воздух>.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я однако осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соблагovolите взойти в мое трудное положение и защитить меня от незаслуженного обвинения.

С благоговейною преданностию имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший

Михаил Лермонтов

Тенгинского полка поручик.

Из помет на письме следует, что оно было написано в середине 20-х чисел апреля, после освобождения Лермонтова из-под ареста (20 апреля) и вызова к Бенкендорфу, но не позже 26–27 апреля, так как до 29 апреля это письмо должен был прочесть великий князь Михаил Павлович, чтобы затем передать его Николаю I. Несомненно, что Михаилу Павловичу это письмо передал его адъютант генерал А. И.

Философов (о нем см. примечание к предыдущему письму, настоящий том, стр. 748).

Стр. 453, строка 5. Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) — младший брат Николая I, с 1831 года — главный начальник военно-учебных заведений. Михаил Павлович мог узнать Лермонтова во время одного из своих посещений Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Затем, в 1834–1837 и 1838–1839 годах, он видел Лермонтова в Царском Селе, где стоял Гусарский полк (см. письмо № 22).

Стр. 453, строка 13. Бенкендорф — Александр Христофорович (1783–1844), граф, шеф жандармов, командующий императорскою главною квартирою и главный начальник III Отделения, один из самых приближенных к Николаю I генералов. Е. А. Арсеньева была лично знакома с Бенкендорфом и в 1837–1838 годах несколько раз пользовалась этим знакомством, чтобы ходатайствовать за внука перед Николаем I. Но после столкновения Лермонтова с дочерьми царя на новогоднем маскараде (1840) Бенкендорф, по свидетельству А. П. Шан-Гирея, изменил свое отноше-

ние к ее просьбам (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 336).

Стр. 453, строка 24. «...будучи уже не раз благодетельствован Вами». Речь идет о ходатайстве Михаила Павловича о смягчении приговора по делу о дуэли с Барантом в конце марта и начале апреля 1840 года. Получив настоящее письмо, Михаил Павлович направил его на рассмотрение Николая I. Высочайшей резолюции на это письмо не последовало, но Бенкендорф отказался от своих требований, оскорбительных для Лермонтова.

42. А. А. Вадковской (стр. 454)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1916, стр. 40), где опубликовано впервые.

Автограф в настоящее время не известен, находился в архиве Меншикова.

Перевод

Очень признателен вам за адрес того дома, который вечно будет мне дорог, и умоляю милую кузину не забыть меня и оставить за мной мазурку.

*Ваш преданный
Лермонтов.*

Записка, как утверждал Д. И. Абрамович, была писана на листке почтовой бумаги, наверху давленный штемпель «М. Л.» и дворянская коронка.

Датируется предположительно маем 1840 года — временем, когда Лермонтов, следуя в кавказскую ссылку, останавливался в Москве. Но не исключено, что эту записку Лермонтов послал Вадковской в один из ее приездов в Петербург, когда она гостила у отца. В пользу этого предположения говорит то, что записка Лермонтова обнаружена в архиве Меншикова. Меншиковы были в дальнем родстве с Арсеньевыми. Этим объясняется, почему Лермонтов называет Вадковскую кузиной.

Стр. 454, строка 15. Вадковская Александра Александровна (ум. в 1884 году) — дочь светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова, с 1836 года управляющего Морским министерством. Муж Александры Александровны — Иван Яковлевич Вадковский (см. настоящий том, примечание к письму № 13, стр. 713).

43. А. А. Лопухину (стр. 454)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1916, стр. 337).

Автограф находился в собрании Д. Г. Гинзбурга. В настоящее время не известен.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 428–429).

Письмо датируется по помете Лермонтова «17 июня» и по упоминанию города Ставрополя, где находилась главная квартира командующего Кавказской линией и куда приехал Лермонтов 10 июня 1840 года.

Стр. 454, строка 26. «Завтра я еду в действующий отряд». Лермонтов был прикомандирован к отряду генерала А. В. Галафеева на левом фланге Кавказской линии.

Стр. 454, строка 27. Шамиль (род. около 1798 года — ум. в 1871 году) — имам, предводитель горцев во время войны Дагестана и Чечни с Россией. Разгромленный под Ахульго в августе 1839 года, Шамиль к концу мая 1840 года собрал значительное ополчение в Малой Чечне и присунженских аулах. 14 сентября 1840 года русские войска под командованием Клюки-фон-Клюгенау разбили Шамиля под

Гимрами. В плен Шамиль был взят 25 августа 1859 года.

Стр. 454, строка 32. Ламберт — Карл Карлович (1815–1865), граф, поручик, только что приехавший на Кавказ, где состоял в отряде генерала А. В. Галафеева на левом фланге Кавказской линии. 11 июля 1840 года он вместе с Лермонтовым участвовал в деле на реке Валерик.

Стр. 454, строка 33. Графиня Зубова — московская знакомая Лермонтова, с которой он встречался у Свербеевых.

Стр. 455, строка 5. Хомутов — Михаил Григорьевич (1795–1864), генерал; был раньше командиром лейб-гвардии Гусарского полка, в котором служил Лермонтов; с 1839 года назначен начальником штаба Войска Донского, первый наказный атаман неказачьего происхождения (1848–1862).

Стр. 455, строка 27. Варвара Александровна — жена А. А. Лопухина (см. настоящий том, стр. 743).

44. А. А. Лопухину (стр. 455)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1916, стр. 338–339). На обороте письма, по свидетельству Д. И. Абрамовича, был адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю Алексею Александровичу Лопухину. В Москве на Молчановке, в собственном доме, в приходе Николы Явленного» (Почтовый штемпель: «Пятигорск. Сентября... 1840»).

Автограф находился в собрании Д. Г. Гинзбурга, в настоящее время не известен.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 430–431).

В письме идет речь о деле 11 июля 1840 года на реке Валерик. Подробнее об этом деле см. в примечании к стихотворению «Валерик» (настоящее издание, т. II, стр. 351).

Стр. 456, строка 18. «...не знаю, куда отправлюсь». Конец 1840 года Лермонтов провел в Ставрополе.

45. А. А. Лопухину (стр. 456)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1916, стр. 339–340).

Автограф находился в собрании Д. Г. Гинзбурга, в настоящее время не известен.

Отрывок впервые опубликован в «Русск. старине» (1884, т. 41, № 1, стр. 86).

Впервые опубликовано полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 431–432).

Д. И. Абрамович сообщает, что на обороте письма был адрес: «В Москве, на Молчановке, в собственном доме, в приходе Николы Явленного. Его высокоблагородию, милостивому государю Алексею Александровичу Лопухину». На почтовом штемпеле: «Кавказск. 1840 г. Ноября 4». П. А. Висковатов утверждал в своем издании, что почтовый штемпель был: «Кавказ. 1840 г. Ноября 3 дня». На основании этих данных письмо обычно датировалось началом ноября 1840 года. Между тем, отряд генерала А. В. Галафеева, выступивший в Чечню 26 сентября, возвратился в крепость Грозную после 20-дневной экспедиции, следовательно, 15 или 16 октября. А 27 октября выступил в новую экспедицию, из которой воз-

вратился только 20 ноября — через три с лишним недели. Таким образом, письмо Лермонтова к Лопухину могло быть написано из Грозной только между 16 и 26 октября 1840 года. Дата на штемпеле (3 или 4 ноября) объясняется тем, что штемпель на письмо был положен в Ставрополе, а в Ставрополь письмо было отправлено с оказией. Слово «Кавказск» на штемпеле означает: «Кавказская линия».

Стр. 456, строка 32. «Крепость Грозная» заложена на Тереке А. П. Ермоловым в 1818 году. Ныне г. Грозный.

Стр. 456, строка 35. «После 20-дневной экспедиции в Чечне» — во время этой экспедиции отряд генерала А. В. Галафеева действовал в районе Шали. Об участии Лермонтова в экспедиции в Чечне см.: Д. В. Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900, стр. 247–250 и «Приложения», стр. 33; П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II, 1929, стр. 124–125 и 127–129; Б. С. Виноградов. М. Ю. Лермонтов — командир казачьей сотни. «Известия Грозненского института краеведения», Грозный, 1950, вып. 2–3, стр. 101–172; А. В. Попов. М. Ю. Лермонтов в команде Руфина Доро-

хова. «Ученые записки Ставропольского Государственного педагогического института», т. VII, 1951, стр. 167–179; ср.: А. В. Попов, Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 153 и сл.

Стр. 457, строки 1–2. «...я получил в наследство от Дорохова». 10 октября 1840 года был ранен юнкер Руфин Дорохов, командовавший в экспедиции отрядом, составленным из «охотников» (т. е. добровольцев), вызвавшихся выполнять самые сложные и опасные поручения. Командование дороховским отрядом было передано Лермонтову.

Стр. 457, строка 2. Дорохов Руфин Иванович (ум. 18 января 1852 года) — сын героя Отечественной войны Ивана Семеновича Дорохова; воспитывался в Пажеском корпусе; служил в Учебном карабинерном, Нижегородском драгунском и Навагинском пехотном полках и в линейном казачьем войске (на Кавказе); за разные шалости и буйства был несколько раз разжалован в рядовые.

Стр. 457, строки 6–7. «...я ими только четыре дня в деле командовал». Отрядом Дорохова Лермонтов командовал с 10 по 15 октября 1840 года, так как 15 октября экспедиция за-

кончилась.

46. А. И. Бибикову (стр. 457)

Печатается по автографу из собрания Тартуского Государственного университета, коллекция Л. А. Шардиуса, ф. 1697.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 432–433).

Судя по тексту, письмо относится ко второй половине февраля 1841 года когда Лермонтов находился в отпуску в Петербурге.

До 1953 года обычно считалось, что это письмо адресовано Дмитрию Сергеевичу Бибикову, офицеру Генерального штаба, служившему на Кавказе при генерале П. Х. Граббе. В 1953 году в Соч. изд. библиотеки «Огонек» (т. 4, 1953, стр. 485) И. Л. Андроников высказал предположение, что это письмо адресовано к Александру Ивановичу Бибикову (умер в 1856 году), который в 1837 году был выпущен из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Егерский полк и откомандирован на Кавказ. По словам его племянника Д. Д. Оболенского, А. И. Бибиков был дружен с Лермонтовым. Кроме того, Бибиков приходился Лермонтову по Арсенье-

вым родственником. Близкое родство связывало А. И. Бибикова также с Карамзиными, поэтом И. П. Мятлевым, Кушниковыми. Фраза в письме Лермонтова «Я был намедни у твоих» показывает, что Лермонтов был знаком с семьей Бибикова, принадлежащей к тому кругу, в котором поэт чаще всего проводил свой досуг в Петербурге в годы 1838–1841.

Имеются сведения о том, что одно из стихотворений Лермонтова 1841 года было вписано в альбом А. И. Бибикова. Оно дошло до нас только в немецком переводе Ф. Боденштета. «Несмотря на всё наше желание, — писал однокашник А. Бибикова Н. В. Гербель, — ... мы не могли добыть одного стихотворения Лермонтова, о существовании которого слышали от немецкого поэта Боденштета, знавшего Лермонтова лично и читавшего упомянутое стихотворение в альбоме г. Бибикова, где оно написано рукою самого Лермонтова. Г-н Бибиков почему-то не позволяет списывать стихотворения, хотя и не отказывает желающим его прочесть. Это обстоятельство побудило г. Боденштета... перевести упомянутое стихотворение на память» (Стихотворе-

ния М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений. Изд. Ф. Шнейдера. Берлин, 1862, стр. VI–VII).

Стр. 457, строка 33. «...приехав сюда в Петербург на половине масленицы» — масленица в 1841 году начиналась 2 февраля. Следовательно, Лермонтов прибыл в Петербург около 5–7 февраля.

Стр. 457, строка 34. «...отправился на бал к г-же Воронцовой» — к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной (1818–1856), которой в 1840 году Лермонтов посвятил стихотворение «К портрету» (см. настоящее издание, т. II, стр. 164 и 350–351). Рассказы В. А. Соллогуба и А. А. Краевского об этом бале и высылке Лермонтова из Петербурга записал Висковатов (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 373–376; ср.: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II, 1929, стр. 144). В тексте «Воспоминаний» В. А. Соллогуба (изд. «Academia», 1931, стр. 399–402) есть описание встречи с Лермонтовым на одном из балов у Воронцовых-Дашковых. Редактор издания С. П. Шестериков относит это место воспоминаний Соллогуба к концу февраля

1841 года. Сопоставление с письмом Бибикову недостаточный довод: Лермонтов бывал на балах у Воронцовых-Дашковых и в 1840 году. В тексте воспоминаний Соллогуб определенно указывает: «несколько дней перед этим... Лермонтов был осужден на ссылку». Точно так же упоминанию об увлечении Лермонтова гр. Мусиной-Пушкиной противоречит датировка С. П. Шестерикова. Правильнее это место из воспоминаний Соллогуба отнести к весне 1840 года (ср.: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II, 1929, стр. 65–69). Появление Лермонтова на балу у Воронцовых-Дашковых привело в негодование дежурного генерала Главного штаба графа Клейнмихеля и все военное начальство, но так как вел. кн. Михаил Павлович, строгий во всех случаях нарушения уставов, молчал (его просила сама А. К. Воронцова-Дашкова), то было неудобно привлечь Лермонтова к ответственности за посещение бала в частном доме. Тем не менее, этот проступок повлек распоряжение начальства о скорейшем выезде поэта на Кавказ (см. в настоящем томе «Летопись жизни и творчества Лермонтова», стр. 860–863). Друзья

и Е. А. Арсеньева опять принялись хлопотать о поэте. Уговорили Михаила Павловича просить об отсрочке. Сначала было отказано, а затем отпуск продлен (см. «Русск. старина», 1882, кн. 9, стр. 619; Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 375). В апреле Лермонтову неожиданно сообщили приказ П. А. Клейнмихеля покинуть Петербург в 48 часов и ехать в полк в Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск). Это было сделано по настоянию Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и о выходе его в отставку (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 375). Из Петербурга Лермонтов уехал в конце апреля или в начале мая. Он прибыл в Ставрополь 9 мая 1841 года.

Стр. 458, строки 3–4. «...новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет», — может быть намек на отношения с Е. П. Ростопчиной.

Стр. 458, строки 5–6. «...из Валерикского представления меня здесь вычеркнули». За отличие в сражении при реке Валерик в Чечне 11 июля 1840 года Лермонтов был представлен командующим отрядом на левом

фланге Кавказской линии генерал-лейтенантом А. В. Галафеевым к награде орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, но, согласно мнению начальника штаба и отметке корпусного командира, испрашиваемая награда была снижена до ордена св. Станислава 3-й степени. Впоследствии командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-адъютант П. Х. Граббе в рапорте от 3 февраля 1841 года за № 76 снова представил Лермонтова «к золотой полусабле». Но и в этой награде уже после смерти Лермонтова было отказано.

Стр. 458, строка 11. Мещеринов — очевидно, Дмитрий, в прошлом однополчанин Лермонтова, офицер лейб-гвардии Гусарского полка, окончивший Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров вместе с М. Н. Глебовым, Д. А. Столыпным и Д. Д. Оболенским.

Стр. 458, строка 13. «лов» — порода черкесских лошадей.

Стр. 458, строки 14–15. «Покупаю ~ Лафатера и Галя». Лермонтов имеет в виду книги: Jean Gaspard Lavater. L'Art de connaître les

hommes par la physionomie. Paris, 1820 (10 томов); Jean Franz Joseph Gall. Anatomie et physiologie du système nerveux en général et du cerveau en particulier. Paris, 1810–1818. Лафатер утверждал, будто судьбу и характер человека можно определить на основании изучения черт его лица; Галль — на основании строения его черепа.

47. А. А. Краевскому (стр. 458)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 16, 2 л. На л. 1 помета чернилами: «Лермонтов». На обороте адрес: «Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому, у Измайловского моста. Спросить чей дом у Аничкова моста на Фонтанке, в доме кн. Долгорукого, на квартире кн. Одоевского».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Введенского (т. 4, 1891, стр. 280) с искажениями (вместо «это для бабушки моей» «Это для Лопухиной». Опущено слово «твой»).

У В. Ф. Одоевского Лермонтов был накануне отъезда — 13 апреля. На этом основании настоящая записка Лермонтова к А. А. Краевскому датируется 13–14 апреля 1841 года. А. П.

Шан-Гирей вспоминает, как он провожал Лермонтова на почтамт, откуда отправлялись московские дилижансы: «Пока закладывали лошадей, Лермонтов давал мне различные поручения к В. А. Жуковскому и А. А. Краевскому» («Русск. обозрение», 1890, кн. 8, стр. 751). Очевидно, «податель сего письма» и есть А. П. Шан-Гирей, который в своих воспоминаниях ошибочно отнес последний отъезд Лермонтова из Петербурга ко 2 мая 1841 года (в первых числах мая Лермонтов выехал из Петербурга в 1840 году).

Стр. 458, строка 19. Краевский Андрей Александрович (1810–1889) — редактор «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» и журнала «Отеч. записки», где главным образом печатались произведения Лермонтова. О знакомстве Лермонтова с Краевским см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 132–138. См. также статью В. Мануйлова: Лермонтов и Краевский. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 363–388.

Стр. 458, строки 23–25. «...отдай ~ для меня два билета на О<течественные> записки...», т. е. билеты для права получения двух экзем-

пляров «Отеч. записок»; очевидно, один — для Е. А. Арсеньевой, другой — для отправки на Кавказ самому Лермонтову.

48. Е. А. Арсеньевой (стр. 458)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 33, 2 л. На л. 1 помета чернилами: «Собственноручное письмо Лермонтова».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 433–434). Автограф воспроизведен у П. Е. Щеголева: Книга о Лермонтове, вып. II, 1929, стр. 160–161.

Лермонтов прибыл в Москву 17 апреля 1841 года (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 727). Письмо следует датировать 19 апреля на основании фразы: «...я от здешнего воздуха потолстел в два дни». Эта датировка подтверждается упоминанием о свадьбе Александры Александровны Углицкой: «вероятно, Сашенькина свадьба уж была» (стихотворение, ей посвященное, — см. настоящее издание, т. II, стр. 187 и 356). Свадьба эта состоялась в Петербурге 18 апреля 1841 года. А. А. Углицкая вышла замуж за К. Н. Альбрехта (см.: «Радуга», альманах Пушкинского Дома; Пгр., 1922, стр. 117).

Стр. 458, строка 32. «...остановился у Розена». Розен Дмитрий Григорьевич (род. в 1815 году — ум. после 1885 года) в 1838–1840 годах был однополчанином Лермонтова. Розены жили в конце 30-х годов и в начале 40-х годов в Москве в Староконюшенном переулке (ныне дом № 3-а/19) на углу Гагаринского переул-ка. Здесь у них и останавливался Лермонтов. О Розене см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 746–749.

Стр. 459, строка 1. «Алексей Аркадьич здесь еще и едет послезавтра» — Алексей Аркадьевич Столыпин-Монго (1816–1858), выехал из Москвы 22 апреля (см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 729). Об А. А. Столыпине см.: «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 749–754.

Стр. 459, строка 3. Николай Николаевич Анненков (1793–1865) — генерал-майор свиты его величества (с 1835 года) и командир лейб-гвардии Измайловского полка. В молодости Н. Н. Анненков пробовал свои силы в литературе. Н. Н. Анненков был женат на Вере Ивановне Бухариной (1812–1902), воспетой Лермонтовым (см. настоящее издание, т. I, стр. 256 и 431).

Стр. 459, строка 9. «Екиму Шангирею» — о нем см. настоящий том, стр. 695 и 758.

Стр. 459, строка 12. Леокадия — Углицкая, дочь Александра Васильевича Углицкого и Марии Александровны, рожденной Евреиновой, она родилась около 1821–1822 годов, получила воспитание в Смольном монастыре и окончила курс в I отделении 22 выпуска в 1839 году («Радуга», альманах Пушкинского Дома, Пгр., 1922, стр. 111–125).

О пребывании Лермонтова в Москве весной 1841 года см. в дневнике Ю. Ф. Самарина (Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. XII, 1911, стр. 56–57) и в воспоминаниях Ф. Боденштедта («Современник», 1861, т. 85, стр. 326–328; ср.: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. II, 1929, стр. 158–163).

49. Е. А. Арсеньевой (стр. 459)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 13, 2 л.

Опубликовано впервые в «Отчете Гос. Публичной библиотеки за 1875 г.», стр. 107–108.

Письмо датируется 9-10 мая 1841 года на основании слов: «...сейчас приехал только в Ставрополь». Лермонтов прибыл в Ставрополь 9 мая 1841 года. Вместе с тем, следующее письмо к С. Н. Карамзиной, написанное также по приезду в Ставрополь, датировано самим поэтом 10 мая.

Стр. 459, строка 26. «...отправляюсь в крепость Шуру» — в Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск) Лермонтов не поехал; по пути он свернул в Пятигорск, куда прибыл в сопровождении того же Столыпина и П. Магденки 13 мая (см. «Летопись жизни и творчества Лермонтова», настоящий том, стр. 868).

Стр. 459, строка 30. «Скажите Екиму Шангирею» — А. П. Шан-Гирей (1817–1883), дальний родственник и друг детства Лермонтова, воспитывавшийся с ним с 1825 года в Тарханах, поехал на Кавказ уже после смерти Лермонтова и Е. А. Арсеньевой. В Пятигорске он

познакомился с Эмилией Александровной Клингенберг (1815–1891) и женился на ней около 1852–1853 года в Ставрополе. Всю вторую половину жизни, с 50-х годов, А. П. Шан-Гирей прожил на Кавказе и в Закавказье. Летом 1881 года его посетил П. А. Висковатов, специально приезжавший из Дерпта, чтобы прочесть биографию Лермонтова и внести согласно указаниям Шан-Гирея поправки и добавления. Умер А. П. Шан-Гирей в Тифлисе 8 декабря 1883 года и погребен в Пятигорске 21 декабря 1883 года. Воспоминания А. П. Шан-Гирея о Лермонтове, написанные в Чембаре 10 мая 1860 года во время его поездки в Пензенскую губернию, напечатаны только после его смерти в «Русск. обозрении» (1890, кн. 8, стр. 724–754).

50. С. Н. Карамзиной (стр. 460)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 37, 2 л. На л. 2 помета чернилами: «в Тенгинском». Автограф обнаружен в 1934 году в архиве кн. Н. С. Голицына.

Впервые опубликовано А. Н. Михайловой в «Лит. наследстве» (т. 19–21, 1935, стр. 514).

Перевод

<Ставрополь> 10 мая <1841 г.>

Я только что приехал в Ставрополь, дорогая m-lle Sophie, и в тот же день уезжаю в экспедицию с Столыпиным-Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это всё, что только можно мне пожелать. Я надеюсь, что это письмо вас застанет еще в С.-Петербурге и что в ту минуту, как вы будете его читать, я ворвусь в пролом Черкея. Так как вы обладаете основательными познаниями в географии, то я не заставляю вас смотреть на карту, чтобы узнать, где это; но в помощь вашей памяти скажу, что это между Каспийским и Черным морем, немного южнее Москвы, и немного севернее Египта, а главное довольно близко к Астрахани, которая вам так хорошо знакома.

Я не знаю, будет ли это продолжаться, но в течение моего путешествия я был одержим демоном поэзии, т. е. стихов. Я заполнил наполовину книгу, которую мне подарил Одоевский, что мне вероятно принесло счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи: О, извращенность! Если разрешите, я их напишу здесь же. Они очень хороши для первых стихов, и в манере Парни, если он вам знаком:

Ожидание

*Я жду ее в сумрачной равнине;
Вдали я вижу белеющую тень, —
Тень, которая тихо подходит...
Но нет — обманчивая надежда!
Это старая ива, которая покачи-
вает
Свой ствол, высохший и блестя-
щий.
Я наклоняюсь и долго слушаю:
Мне кажется, я слышу по дороге
Звук легких шагов...
Нет, не то! Это во мху
Шорох листа, гонимого
Ароматным ветром ночи.
Полный горькой печали.
Я ложусь в густую траву*

*И засыпаю глубоким сном...
Вдруг я просыпаюсь, дрожа:
Ее голос говорил мне на ухо,
Ее губы целовали мой лоб.*

Из этого вы можете видеть, какое спасительное влияние имела на меня весна, очарованная пора, когда грязи по уши и меньше всего цветов. — Итак, я уезжаю сегодня вечером. Признаюсь вам, что я изрядно устал от всех этих путешествий, которые, повидимому, продолжаются в вечности. Я хотел написать еще некоторым лицам в Петербург, в том числе и госпоже Смирновой, но я не уверен, будет ли ей приятен этот дерзкий поступок и поэтому воздерживаюсь. Если вы будете мне отвечать, адресуйте в Ставрополь, в штаб генерала Граб^бе; я договорился, что мне перешлют адресованные мне письма — прощайте; передайте приветы всем вашим; еще раз прощайте. Будьте здоровы, счастливы и не забывайте меня.

Весь ваш Лермонтов.

В письме упоминается записная книжка, которую Лермонтову подарил В. Ф. Одоевский перед отъездом поэта на Кавказ 13 апреля

1841 года, и приводится текст стихотворения, вписанного в эту книжку. Все это позволяет отнести комментируемое письмо к 1841 году.

Конверта письма не сохранилось, но, без всякого сомнения, оно обращено к Софье Николаевне Карамзиной (1802–1865), дочери писателя и историографа Н. М. Карамзина, умной, образованной женщине, с которой, по свидетельству П. А. Висковатова, поэт «был особенно дружен» в последний период своей жизни. К Карамзиным, в их интимный кружок, состоящий из умных и талантливых людей, Лермонтов приезжал «освежиться» от скуки и пошлости так называемого «высшего света» (ср. <Из альбома С. Н. Карамзиной>, настоящее издание, т. II, стр. 188 и 357). Из гостеприимного дома Карамзиных в начале мая 1841 года Лермонтов отправился в последний раз на Кавказ.

Приводимое в письме к Карамзиной стихотворение на французском языке «L'Attente» («Ожидание») — см. настоящее издание, т. II, стр. 198, 301 и 360.

Стр. 460, строка 21. Odoevsky — князь Одоевский Владимир Федорович (1803–1869), пи-

сатель, философ, музыкант, автор «Русских ночей», друг Лермонтова, подаривший ему 13 апреля 1841 года свою записную книжку с тем, чтобы Лермонтов возвратил ее, всю исписанную. Записная книга эта была возвращена Одоевскому 30 декабря 1843 года родственником убитого поэта А. А. Хастатовым.

Стр. 461, строка 19. M-me Smirnoff — Смирнова-Россет Александра Осиповна (1809–1882), участница кружка Карамзиных, находилась в дружеских отношениях с Жуковским, Пушкиным и Гоголем. В 1840 году Лермонтов посвятил ей стихотворение «В простосердечии невежды» (настоящее издание, т. II, стр. 163 и 350).

Стр. 461, строка 21. Граббе — Павел Христофорович (1789–1875), генерал, приятель А. П. Ермолова, в годы молодости член Союза благоденствия, привлекался по делу о декабрьском восстании 1825 года. В 40-е годы — командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории. Его «Записки» — см. в «Русск. архиве» (1873 и 1888–1889). О письме Граббе к Ермолову, посланном с Лермонтовым в январе 1841 года, см.: С. А. Андреев-Кри-

вич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», вып. I, Нальчик, 1946, стр. 260; И. Андроников. «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 286–288.

51. Е. А. Арсеньевой (стр. 461)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 14, 2 л. Карандашные пометы: «№ 1», «Лерман».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 5, 1891, стр. 429–430).

До 1948 года письмо датировалось 1840 годом. Б. М. Эйхенбаум впервые обратил внимание, что 28 июня 1840 года Лермонтов не мог быть в Пятигорске, так как находился в действующем отряде на левом фланге Кавказской линии в Чечне. Письмо могло быть написано только в 1841 году и, таким образом, является последним по времени из всех писем Лермонтова.

Стр. 461, строка 31. Степан — приказчик в Тарханах.

Стр. 462, строка 3. «...книгу графини Ростопчиной» — сборник «Стихотворения гра-

фини Евдокии Петровны Ростопчиной» (СПб., 1841). На титульном листе Е. П. Ростопчина сделала надпись: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург, 20-е апреля 1841».

Стр. 462, строка 3. Ростопчина — Евдокия Петровна (рожд. Сушкова, 1811–1858). Лермонтов познакомился с Ростопчиной еще в студенческие годы в Москве, когда посвятил ей стихотворения: «Крест на скале» и «Додо» (см. настоящее издание, т. I, стр. 258 и т. II, стр. 215), но настоящая дружба между ними завязалась во время последнего приезда Лермонтова в Петербург в начале 1841 года. В год смерти (1858) Е. П. Ростопчина в виде письма к Александру Дюма-отцу написала воспоминания о встречах с Лермонтовым, которые были опубликованы в книге: Alex. Dumas. Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage. Bruxelles, 1859, стр. 252–260. Русский перевод: П. Роборовский. Дюма. Кавказ. Путешествия А. Дюма. Тифлис, 1861, стр. 451–462; ср. «Русск. старина», 1882, т. 35, кн. 9, стр. 616–620.

Стр. 462, строка 6. «Полное собрание сочи-

нений Жуковского последнего издания» — Стихотворения В. Жуковского (в семи томах). Издание четвертое, исправленное и умноженное, СПб., 1835. Издание книгопродавца Александра Смирдина. В 1839 году были изданы дополнительно еще два тома. О посещении Лермонтовым Жуковского в 1838 году см. письмо № 30 (настоящий том, стр. 444). Об интересе Лермонтова к Шекспиру см. примечание к письму № 4 (настоящий том, стр. 698–699).

Письма к Лермонтову

1. От М. А. Лопухиной (стр. 463)

Печатается по журналу «Русск. обозрение» (1890, кн. 8, стр. 734–736, в тексте воспоминаний А. П. Шан-Гирея о Лермонтове).

Автограф не известен.

При публикации А. П. Шан-Гирей предположил тексту письма следующее замечание: «Считаю не лишним сообщить еще одно письмо к Лермонтову старшей сестры Верещагиной...». Позднейшие публикаторы письма, основываясь на этих словах, прямо относили его к «старшей сестре Верещагиной». Только в 1940 году М. Ф. Николевой было уста-

новлено, что автором письма является не старшая сестра А. М. Верещагиной, у которой, судя по мемуарной и родословной литературе, не было сестер и она жила вдвоем с матерью, а ее старшая двоюродная сестра Мария Александровна Лопухина, бывшая с Лермонтовым в дружеских отношениях и переписке. Содержание и тон данного письма отвечают характеру сохранившихся писем к ней Лермонтова (см. настоящий том, письма Лермонтова №№ 9-11, 13, 14, 16, 26, 30, 32). На этом основании М. Ф. Николева совершенно правильно заключает, что, говоря об авторе письма, А. П. Шан-Гирей или спутал фамилию, т. е. вместо Лопухиной написал Верещагиной, или пропустил слово «двоюродной», думая написать «старшей двоюродной сестры Верещагиной». В семье Лопухиных Мария Александровна действительно была старшей сестрой, имея младшими: Елизавету, Варвару и брата Алексея (см.: М. Ф. Николева. М. Лермонтов. Биографический очерк. Пятигорск, 1940, стр. 44–47).

Перевод

12 октября <1832> Москва

Ваше письмо, помеченное третьим этого месяца, только что до меня дошло. Я не знала, что это день вашего рождения. Я вас поздравляю, дорогой мой, хотя немного поздно. Я не могу вам выразить огорчение, которое причинила мне дурная новость, сообщенная вами. Как, после стольких усилий и трудов увидеть себя совершенно лишенным надежды воспользоваться их плодами и быть вынужденным начать совершенно новый образ жизни? Это поистине неприятно. Я не знаю, но думаю всё же, что вы действовали с излишней стремительностью, и, если я не ошибаюсь, это решение должно было быть вам внушено Алексеем Столыпным, не правда ли?

Я вполне понимаю, насколько вы должны чувствовать себя выбитым из колеи этой переменной, так как вы никогда не были приучены к военной службе, но и теперь, как всегда, человек предполагает, а бог располагает, и будьте совершенно уверены в том, что всё, что он предполагает в своей бесконечной премудрости, служит несомненно для нашего блага. На военной службе вы так же будете

иметь все возможности, чтобы отличиться; с умом и способностями возможно всюду стать счастливым. К тому же сколько раз вы говорили мне, что если бы вспыхнула война, вы бы не захотели оставаться безучастным. Ну вот, вы так сказать брошены судьбой на путь, который дает вам возможность отличиться и сделаться когда-нибудь знаменитым воином. Это не может помешать вам заниматься поэзией; почему же? одно другому не мешает, напротив, вы только станете еще более любезным военным.

Ну вот, мой дорогой, теперь для вас приходит самый критический момент, ради бога, помните, насколько возможно, обещание, данное мне вами перед отъездом. Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер, и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покоренным; особенно избегайте ту молодежь, которая бравирует всякими выходками и ставит себе в заслугу глупое фанфаронство. Умный человек должен быть выше всех этих мелочей; это не заслуга, а наоборот, это хорошо

только для мелких умов, предоставьте им это и следуйте своим путем. Простите, мой дорогой друг, что я решаюсь давать вам эти советы; но они мне продиктованы самой чистой дружбой, а привязанность, которую я к вам питаю, заставляет меня желать вам всего лучшего; я надеюсь, что вы не рассердитесь на проповедницу морали, а наоборот, будете за это благодарны, я вас слишком хорошо знаю, чтобы в этом сомневаться.

Вы хорошо сделаете, если пришлете, как вы говорите, все, что вы до сих пор написали; вы можете быть уверены, что я честно сохраню присланное; и вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь. Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель. Я не понимаю, почему вы так редко получаете мои письма? Я вас уверяю, что я не ленюсь и пишу вам часто и пространно. Ваша служба не мешает мне вам писать обыкновенно, и я всегда буду посылать мои письма по старому адресу; скажите мне, не лучше ли их отправлять на имя

бабушки?

Я надеюсь, что ваше пребывание в школе не будет для вас препятствием писать мне; если у вас не будет времени делать это каждую неделю, ну тогда хотя бы раз в две недели; но прошу вас, не лишайте меня этого утешения.

Мужайтесь, мой дорогой, мужайтесь! не позволяйте разочарованию сломить вас, не отчаивайтесь, верьте мне, что всё будет хорошо, это не фразы утешения я вам предлагаю, вовсе нет; я сама не знаю, но что-то мне говорит, что всё будет хорошо. Правда, что теперь мы не увидимся раньше, чем через два года; это действительно горе для меня, но... не для вас, для вас это может быть лучше. В два года можно выздороветь и стать совершенно благоразумным.

Поверьте мне, что я не потеряла способности угадывать ваши мысли, но что вы хотите, чтоб я вам сказала? Она здорова, повидимому, довольно весела, вообще ее жизнь такая однообразная, что даже нечего о ней сказать, сегодня как вчера. Я думаю, что вы не очень огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни, потому что он охраняет ее от всяких

испытаний; но с своей стороны я бы желала для нее немного разнообразия, потому что, что это за жизнь для молодой особы, слоняющейся из одной комнаты в другую, к чему приведет ее такая жизнь? — сделается ничтожным созданием, вот и всё. Ну что же? Угадала ли я вас? То ли это удовольствие, которого вы от меня ожидали? ·····

Мне остается ровно столько места, чтоб попрощаться с моим милым гусаром. Как бы я хотела видеть вас в вашей форме и с усами. Прощайте, мои сестры и брат вам кланяются. Мое почтение бабушке.

Датируется 1832 годом по содержанию письма, полного тревоги за судьбу поэта. Как раз в сентябре — октябре 1832 года решался вопрос о дальнейшем образовании Лермонтова, и 10 ноября 1832 года он был зачислен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Стр. 463, строка 2. Лопухина Мария Александровна — см. настоящий том, стр. 704.

Стр. 463, строка 4. «Votre lettre, datée de trois de ce mois, vient de me parvenir» («Ваше письмо, помеченное третьим этого месяца, только

что до меня дошло»). Письмо Лермонтова от 3 октября 1832 года не известно.

Стр. 463, строки 7–8. «...la mauvaise nouvelle» («...дурная новость») — намерение Лермонтова оставить университет и получить военное образование.

Стр. 463, строка 14. Alexis Stolipine (Алексей Столыпин) — очевидно Алексей Григорьевич Столыпин (ум. в 1847 году), двоюродный дядя поэта, который в 1832 году уже служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Данное письмо М. А. Лопухиной вошло в «Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова», составленную в 1837 году по «Делу о непозволительных стихах» на смерть Пушкина. Упоминание в письме об Алексее Столыпине привлекло внимание жандармов (см. настоящий том, стр. 472, строки 18–21).

Стр. 465, строки 7–9. «Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonnable» («В два года можно выздороветь и стать совершенно благоразумным») — намек на то, что за два года пребывания в Школе Лермонтов может излечиться от своего увлечения ее сестрой, В. А. Лопухиной. Даль-

нейшая часть письма до трех строк многоточия также посвящена ей. (О В. А. Лопухиной см. настоящий том, стр. 722).

Стр. 465, строки 10–11. «Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise?» («Поверьте мне, что я не потеряла способности угадывать ваши мысли, но что вы хотите, чтоб я вам сказала?»). Эти и следующие строки являются ответом на вопрос Лермонтова о В. А. Лопухиной в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 года: «J'aurais bien voulu vous faire une petite question — mais elle se refuse de sortir de ma plume» («Я очень хотел бы задать вам один вопрос, но перо отказывается его написать»; настоящий том, письмо № 10 и примечание к нему, стр. 418, строки 17–18 и стр. 706).

Стр. 465, строки 23–24. «...mes soeurs et mon frère vous saluent» («мои сестры и брат вам кланяются») — Елизавета, Варвара и Алексей Лопухины.

2. От А. М. Верещагиной, отрывок (стр. 465)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), лл. 7–8 об. Сохранилась другая копия в тетради В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова»), л. 11–11 об., — повидимому, переписанная с первой.

Письмо, из которого выписан отрывок, — не известно.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. XIV).

Перевод

13 октября <1832>

Аннет Столыпина пишет Пашеньке, что у вас неприятность в университете и что моя тетя от этого больна, умоляю, напишите мне в чем дело? У нас все делают из мухи слона, успокойте меня, умоляю — к несчастью я вас знаю слишком хорошо, чтобы быть спокойной, я знаю, что вы способны резаться с первым встречным из-за первой глупости — фи! это стыд; вы никогда не будете счастливы с таким отвратительным характером.

Датируется 1832 годом по содержанию от-

рывка. Сохранилось ответное письмо Лермонтова (см. настоящий том, письмо № 12, стр. 421).

Стр. 465, строка 27. Annette Stolipine (Аннет Столыпина) — Анна Григорьевна Столыпина (см. настоящий том, стр. 706).

Стр. 465, строка 27. Pashinka (Пашенька) — Параскева Дмитриевна Столыпина, дочь Дмитрия Алексеевича и Екатерины Аркадьевны Столыпиных, владельцев Середниково (см. настоящий том, стр. 701); московская подруга А. Г. Столыпиной (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 686).

Стр. 465, строки 27–28. «...désagrément à l'Université («неприятность в Университете») — решив перейти из Московского университета в Петербургский, Лермонтов 1 июня 1832 года обратился в правление Московского университета с прошением снабдить его «надлежащим свидетельством для переводу в императорский Санктпетербургский университет» (ИРЛИ, оп. 3, № 8, л. 2). Однако в свидетельстве, выданном Лермонтову Московским университетом 18 июня 1832 года, удостоверялось только то, что «Лермантов

полного курса учения не окончил» (там же, л. 3–3 об.), вследствие чего в Петербургском университете Лермонтову было отказано в зачете двух первых курсов, прослушанных им в Москве, и предложено вновь поступить на первый курс.

Стр. 465, строка 28. «ma tante» («тетя») — бабушка Лермонтова Е. А. Арсеньева. А. М. Верещагина была дочерью Елизаветы Аркадьевны, сестры Екатерины Аркадьевны Столыпинной, которая была замужем за братом Е. А. Арсеньевой (стр. 711).

3. От Винсона, отрывок (стр. 466)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), л. 7 об. Над текстом в скобках помета В. Х. Хохрякова: «(Любимовка, 1832 г.)», на полях тетради его же помета.

«M<onsieur> Дегай — товарищ Лермонтова».

Письмо, из которого выписан отрывок, — не известно.

Публикуется впервые.

Перевод

Разве вы пренебрегаете г<осподином> Де-

гай?

Датируется 1832 годом на основании пометы Хохрякова.

Стр. 466, строка 4. Винсон — возможно гувернер Лермонтова, англичанин. «В дом был принят семейный гувернер, англичанин Виндсон. Им очень дорожили, платили большое для того времени жалованье — 3 000 р. — и поместили с семьей (жена его была русская) в особом флигеле» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, стр. 37). По свидетельству воспитателя Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону А. З. Зиновьева, Винсон «впоследствии жил в доме знаменитого министра просвещения гр. С. С. Уварова» («Лит. архив», I. 1938, стр. 428).

Стр. 466, строка 6. M<onsieur> Degai — очевидно, речь идет об Александре Павловиче Дегае (1818–1886), товарище Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков, сыне директора департамента министерства юстиции, впоследствии сенатора, Павла Ивановича Дегай. А. П. Дегай окончил школу в 1837 году и получил назначение в Гренадерский полк. В альбоме Лермонтова, хранящемся в

ГПБ, имеется запись, относящаяся к 1841 году: «Суб<б>оту обе<д> у Дегаля» (см. настоящий том, стр. 388, <13>).

4. От А. А. Лопухина, отрывки (стр. 466)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), л. 7-7 об. Имеется другая копия в тетради В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова», л. 50-50 об.), повидимому переписанная с первой.

Письмо, из которого выписаны отрывки, в 1837 году вошло в «Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова». В «Описи» приведена искаженная цитата из публикуемого отрывка и рассказано содержание не дошедшей до нас части письма (см. настоящий том, стр. 473, строки 7-12). В настоящее время местонахождение письма не известно.

Впервые отрывки опубликованы в Соч. изд. «Academia» (т. 5, 1937, стр. 518).

Датируется ноябрем 1832 года — временем поступления Лермонтова в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юн-

керов (10 ноября 1832 года).

Стр. 466, строка 7. Лопухин Алексей Александрович — о нем см. настоящий том, стр. 742.

Стр. 466, строки 12–13. «На счет твоего таланта, ты понапрасну так беспокоишься». Письмо Лермонтова относительно возможности совмещения поэтического творчества с военными занятиями не сохранилось. В не дошедшей до нас части письма Лопухин, успокаивая Лермонтова, ссылается на пример Дениса Давыдова (см. настоящий том, стр. 473, строки 10–12).

5. От А. А. Лопухина, отрывки (стр. 466)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), лл. 6 об. — 7. Имеется другая копия В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова»), л. 12–12 об., повидимому переписанная с первой. В копии имеется описка, исправленная в настоящем издании: вместо «вопят» написано «вперед».

Письмо, из которого выписаны отрывки, в 1837 году вошло в «Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова» (см. настоящий том, стр. 473, строки 13–14). В настоящее время местонахождение письма не известно.

Впервые с небольшими разночтениями отрывки опубликованы в Соч. под ред. Висковатова (т. 6, 1891, стр. 140).

Датируется 7 января 1833 года по дате, предоставленной В. Х. Хохряковым.

Стр. 466, строка 19. «У тебя нога болит, любезный Мишель!» — эти слова в своей рукописи В. Х. Хохряков снабдил примечанием со слов С. А. Раевского: «Ногу Лерм<онтов> пере-

ломил (кажется) на ученье, вылечил Арендт (кажется)» (ИРЛИ, оп. 4, № 26, л. 7). По свидетельству А. Меринского, лошадь ударила Лермонтова и до кости разбила ему ногу (см. «Атеней», 1858, № 48, стр. 287). Арендт Николай Федорович (1785–1859) — доктор-хирург, лейб-медик Николая I.

Стр. 466, строка 24. Кикин — Александр Андреевич, один из знакомых Е. А. Арсеньевой и Лермонтова, отрицательно относившийся к поэту. В 1837 году в Кисловодске Лермонтов нарисовал его акварельный портрет, придав ему характер злого и сварливого старика (см. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 115, 119). Известно письмо А. А. Кикина к его дочери М. А. Бабиной от 2 августа 1841 года о последней дуэли Лермонтова, в котором он, сочувствуя Елизавете Алексеевне, недоброжелательно отзывается о поэте (см.: «Русск. старина», 1896, т. 2, стр. 316).

Стр. 466, строки 27–29. «...бедная Елизавета Алек<сеевна> — всё твердят. — Знаю наперед, что ты рассмеешься; а не примешь к сердцу». — Эти слова В. Х. Хохряков прокомментировал тоже на основании свидетельства С. А.

Раевского: «Бабушка желала, чтоб Лермонтов вышел в гвардейские офицеры, о которых она имела высокое мнение, — вследствие своих, еще екатерининских понятий» (ИРЛИ, оп. 4, № 26, л. 7); следовательно, нападки на Лермонтова за то, что он своим поступлением в Школу гвардейских подпрапорщиков огорчил Е. А. Арсеньеву, — были неосновательны.

6. От А. А. Лопухина, отрывок (стр. 467)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), л. 7. Имеется другая копия В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова»), л. 12 об., повидимому переписанная с первой.

Письмо, из которого выписан отрывок, не известно.

Впервые с небольшими разночтениями отрывок опубликован в Соч. под ред. Висковатова (т. 6, стр. 177).

Датируется 25 февраля 1833 года по дате, проставленной В. Х. Хохряковым.

Стр. 467, строки 3–4. «...позволит ли тебе нога продолжать службу военную» — о повре-

ждении Лермонтовым ноги см. примечание к предыдущим отрывкам из письма А. А. Лопухина (настоящий том, стр. 466).

Стр. 467, строки 4–5. «Очень и очень тебе благодарен за твою голову». — Речь идет о картине Лермонтова «Предок Лерма», изображающей голову легендарного предка поэта. Первоначально Лермонтов нарисовал эту картину углем на стене в доме Лопухиных в Москве (см. письмо № 10, настоящий том, стр. 417). А. А. Лопухину картина так понравилась, что он велел ее обрамить прямо на стене и покрыть стеклом, но при работе штукатурка обвалилась и рисунок испортился. В утешение, Лермонтов обещал Лопухину еще раз нарисовать портрет Лермы (см. «Русск. старина», 1887, т. 53, кн. 2, стр. 508). В письме к М. А. Лопухиной 1832 года поэт говорит о подарке, который он собирается прислать для Алексея Александровича Лопухина (см. письмо № 11, настоящий том, стр. 419 и перевод на стр. 707). Обещание было исполнено, и Лермонтов прислал Лопухину картину «Предок Лерма», выполненную масляными красками. Картина находилась в семье Лопухиных до 1886 года и

была передана сыном А. А. Лопухина в Лермонтовский музей. В настоящее время она хранится в музее ИРЛИ.

7. От А. М. Верещагиной, отрывок (стр. 467)

Печатается по копии В. Х. Хохрякова — ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2-я), л. 7 об.

Письмо, из которого выписан отрывок, не известно.

Перевод

Если нет, то вы можете сочинить ее в духе ваших импровизаций «Кто смотрит так гордо» — речитативом и Арсеньев — в темпе аллегро.

Датируется 1833 годом, указанным В. Х. Хохряковым.

В отрывке говорится о музыкальных импровизациях поэта и о проекте какого-то музыкального сочинения. По свидетельству А. Тирана — товарища Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков — поэт «очень хорошо пел романсы, т. е. не пел, а говорил их почти речитативом» («Звезда», 1936, № 5, стр. 186). О музыкальности Лермонтова существует ряд свидетельств как самого поэта (см. на-

стоящий том, стр. 385, <2>), так и его современников и биографов (об этом см. в статье И. Эйгеса: Музыка в жизни и творчестве Лермонтова. «Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 497–540).

Стр. 467, строка 10. О каком Арсеньеве идет речь — установить трудно, быть может это Емельян Никитич, двоюродный дядя Лермонтова, всего на четыре года старше его (о нем см. настоящий том, стр. 772).

8. От А. М. Верещагиной (стр. 467)

Печатается по журналу «Русск. обозрение» (1890, кн. 8, в тексте воспоминаний А. П. Шан-Гирея о Лермонтове, стр. 731–732).

Автограф не известен.

Перевод

Федорово, 18 августа

Мой дорогой кузен.

Только прочитав в третий раз ваше письмо и твердо убедаясь в том, что я не нахожусь под влиянием какого-то сновидения, я берусь за перо и пишу вам. Не то, чтоб я не могла считать вас способным на великое и прекрасное деяние, но писать три раза, не получив по меньшей мере трех ответов, вы знаете, что

это чудо великодушия, черта возвышенная, черта, которая заставит побледнеть от волнения. Мой дорогой Мишель, я больше не беспокоюсь о вашей будущности, когда-нибудь вы станете великим человеком.

Я хотела вооружиться всеми моими силами, чувствами и волей, чтобы серьезно рассердиться на вас. Я не хотела вам больше писать, чтоб доказать этим, что мои письма могут обойтись без рамки со стеклом, только бы находили удовольствие их получать. — Но довольно, вы раскаялись — я слагаю оружие и соглашаюсь всё забыть.

Вы офицер, примите мои поздравления. Это для меня большая радость, тем более, что она была неожиданна. Потому что (я это говорю вам одному) я скорее ожидала встретить вас солдатом. Вы сами согласитесь, что у меня были основания бояться, и даже если б вы были вдвое благоразумнее, чем прежде, вы всё же еще не вышли из разряда сорванцов. Но во всяком случае это уже шаг вперед, и я надеюсь, что вы больше не будете пятиться назад.

Я представляю себе радость бабушки; лишнее говорить, что я разделяю ее всем моим

сердцем. Я не сравниваю мою дружбу с бездонным колодезем, вы этому не поверите. Я не сильна в сравнениях и не люблю обращать священные вещи в посмешище, — я предоставляю это другим!

Когда приедете вы в Москву?

Что касается количества моих поклонников, догадайтесь сами, и так как ваши предположения бывают всегда дерзкими, я слышу, как вы говорите, что у меня их вовсе нет.

Кстати о вашем идеале. Вы мне ничего не говорите о ваших сочинениях. Я надеюсь, что вы пишете, и думаю, что вы пишете хорошо; прежде вы делились ими со мной. Конечно, у вас есть друзья, которые их читают и умеют лучше судить, но я вас уверяю, что находятся и такие, которые прочтут их с большим удовольствием. Я ожидаю, что после такого серьезного вступления вы напишете мне четверостишие к новому году.

Что касается вашего рисования, говорят, что вы делаете удивительные успехи, и я этому охотно верю; умоляю, Мишель, не забрасывайте этот дар, картина, которую вы при-

слали Алексею, очаровательна. А ваша музыка? Играете ли вы попрежнему увертюру «Немой из Портичи», поете ли вы дуэт из «Семирамиды», столь памятный, поете ли вы его как раньше во всё горло и до потери дыхания?

.....

Мы переезжаем к 15-му сентября, адресуйте ваши письма на дом Гедеонова, около Кремлевского сада. — Умоляю, пишите мне скорее, теперь у вас больше времени, если вы не расходуете его на то, чтобы глядеться в зеркало; не делайте этого, потому что кончится тем, что ваш офицерский мундир вам надоест, как всё то, что вы видите слишком часто, — это у вас в характере.

.....

Если б меня не клонило ко сну, я бы с вами обо всем этом поговорила — но невозможно. Передайте, пожалуйста, бабушке мое почтение.

Целую вас от всего сердца.

Александрина В<ерещагина>.

Датируется 1835 годом потому, что в письме А. М. Верещагина поздравляет Лермонтова

с офицерским званием, которое он получил 1 августа 1835 года.

Стр. 468, строки 23–24. «Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès étonnants» («Что касается вашего рисования, говорят, что вы делаете удивительные успехи»). До нашего времени дошла только часть живописных работ Лермонтова: 11 картин маслом, 51 акварель, 50 рисунков на отдельных листах, два альбома, содержащие 220 рисунков и набросков и около 70 зарисовок, находящихся в его рукописях. О Лермонтове-художнике см. статью Н. Пахомова «Живописное наследство Лермонтова» («Лит. наследство», т. 45–46, 1948, стр. 55–222).

Стр. 468, строки 25–26. «...le tableau que vous avez envoyé à Alexis est charmant» («...картина, которую вы прислали Алексею, очаровательна»). Речь идет о картине Лермонтова «Предок Лерма», присланной Лопухину в начале 1833 года (см. настоящий том, стр. 768 и 803).

Стр. 468, строка 26. «Et votre musique?» («А ваша музыка?»). О музыкальности Лермонтова см. настоящий том, стр. 385, 680, <2>).

Стр. 468, строка 27. «La Muette de Portici»

(«Немая из Портичи») — название оперы, написанной в 1828 году французским композитором Д.-Ф. Обером (1782–1871). В России эта опера ставилась в Петербурге в Александринском театре с 1834 года под названием «Фенелла» (см. настоящий том, стр. 643).

Стр. 468, строка 27. «...le duo de Sémiramis» («...дуэт из „Семирамиды“») — опера «Семирамида» написана в 1823 году итальянским композитором Россини (1792–1868).

9. От Е. А. Арсеньевой (стр. 469)

Печатается по автографу — ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 58, 2 л., с датой в конце письма, после подписи.

Имеется копия — ИРЛИ, оп. 2, № 107, 2 л.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 6, 1891, Приложение II, стр. 5–6), с неточностями и пропусками, полностью — в книге: П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. I. 1929, стр. 223–225.

Повидимому, письмо вошло в «Опись перенумерованным бумагам корнета Лермантова» под № 15 (см. настоящий том, стр. 474 и 776).

Стр. 469, строка 16. «...и тебя отпустят».

Речь идет о служебном отпуске Лермонтова, который он получил 20 декабря 1835 года.

Стр. 469, строка 18. «12 октября получила письмо твое». Это письмо Лермонтова не известно.

Стр. 469, строка 21. «...брату Афанасию» — Афанасию Алексеевичу Столыпину (1788–1866), брату Е. А. Арсеньевой (см. настоящий том, стр. 730).

Стр. 469, строки 24–25. Мария Александровна — жена Афанасия Алексеевича Столыпина, рожд. Устинова (см. настоящий том, стр. 730).

Стр. 469, строка 30. «...мне грустно, что ты нуждаешься в деньгах». — Лермонтов получал в полку жалования 276 руб. в год и рационных денег 84 руб. в год.

Стр. 470, строка 12. «Седейки» — легкие одноконные крытые экипажи, ходившие с 1833 года между Петербургом и Москвой (см.: «СПб. ведомости», 1834, № 293; ср.: «Русск. старина», 1884, т. XLIV, стр. 443–444).

Стр. 470, строка 15. Катерина Аркадьевна — Столыпина, вдова брата Е. А. Арсеньевой Дмитрия Алексеевича Столыпина (см. настоя-

ций том, стр. 701).

Стр. 470, строки 19–20. «...Марьи Акимовне и к Павлу Петровичу» — супругам Шан-Гирей (см. настоящий том, стр. 694).

Стр. 470, строка 21. «Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные» — вероятно поэма «Хаджи Абрек», напечатанная в «Библиотека для чтения» (1835, т. 11, отд. I, стр. 81–94).

Стр. 470, строки 24–25. «...какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия» — повидимому, речь идет о «Маскараде», над которым Лермонтов работал в 1835 году (см. настоящее издание, т. V, стр. 735, 752).

Стр. 470, строка 27. «...скажи Андрею». Андрей Иванович Соколов (1795–1875), тарханский крестьянин, приставленный к Лермонтову в качестве дядьки и лакея (об отношениях Лермонтова с ним см. статью: П. Вырыпаев. Лермонтов и крестьяне. «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 442–445).

Стр. 470, строка 30. Daria — Дарья Григорьевна Соколова, рожд. Куртина. Тарханская крестьянка, жена А. И. Соколова. Была ключницей в имении Е. А. Арсеньевой. Послужила прототипом Дарьи в драме Лермонтова

«Menschen und Leidenschaften» (см. настоящее издание, т. V, стр. 143).

Стр. 470, строка 31. Катерина Александровна — повидимому, Столыпина, рожд. Потулова, жена старшего брата Е. А. Арсеньевой Александра Алексеевича Столыпина.

Стр. 471, строка 11. Емельян Никитич — Арсеньев (1810–1877), племянник Е. А. Арсеньевой по мужу. В то время Е. Н. Арсеньев был капитаном л. — гв. Литовского полка (см.: В. Арсеньев. Род дворян Арсеньевых. Тула, 1903, стр. 68–69).

Стр. 471, строки 13–14. Прасковья Александровна Крюкова, рожд. Черкасская. Дочь Анны Дмитриевны, рожд. Арсеньевой.

Стр. 471, строка 14. Лонгинова — Мария Александровна (1798–1888), дочь П. А. Крюковой.

Стр. 471, строка 15. Авдотья Емельяновна — Арсеньева, рожд. Чоглокова (1785–1856), жена Никиты Васильевича Арсеньева, брата мужа Е. А. Арсеньевой.

10. От В. Ф. Одоевского, записка (стр. 471)

Печатается по автографу — ИРЛИ, оп. 1, № 13, л. 14 об. Написано на обороте последнего листа тетради с лермонтовским автографом поэмы «Мцыри», с первоначальным названием «Бэри».

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1913, стр. 30).

На первой странице автографа дата: «1839 года. Августа 5». На этом основании записка датируется временем не ранее 5 августа 1839 г.

Стр. 471, строка 30. «...читай Его». Повидимому, в записке говорится о книгах, приведенных Лермонтову Одоевским. Одна из них, вероятно, Евангелие, так как Одоевский пишет «Его» с большой буквы.

Стр. 471, строка 34. Жена — В. Ф. Одоевского, Ольга Степановна Одоевская, рожд. Ланская (о ней см. настоящий том, стр. 693).

**Письма к Лермонтову, упомянутые в
«Деле о непозволительных стихах»**

Опись письмам и бумагам л. — гв. гусарского полка корнета Лермантова (стр. 472)

Печатается по копии — ИРЛИ, оп. 3, № 9 (копия «Дела о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским»), лл. 38–41 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 6, 1891, Приложение IV, стр. 15–16).

Дата «20 февраля 1837-го» указана в конце описи.

На основании «Дела о непозволительных стихах» устанавливается, что Лермонтов и С. А. Раевский были привлечены к следствию по делу о стихотворении «Смерть Поэта». Первым, 21 февраля 1837 года, был допрошен Раевский. Копия его объяснения находится в «Деле» (лл. 6-11). Черновик своего объяснения (лл. 14–23) Раевский пытался передать Лермонтову через его дядьку А. И. Соколова. В «Деле» (л. 13) имеется письмо Раевского к Соколову следующего содержания:

Андрей Иванович!

Передай тихонько эту записку и бумаги <т. е. черновик объяснения Раевского> Мишелю. Я подал эту записку министру. Надобно, чтобы он <Лермонтов> отвечал согласно с нею и тогда дело кончится ничем.

А если он станет говорить иначе, то может быть хуже.

Если сам не можешь завтра же поутру передать, то через Афанасия Алексеевича <Столыпина>. И потом непременно сжечь ее.

Письмо было завернуто в лист чистой бумаги с адресом: «Против 3 Адмиральтейской части, в доме кн. Шаховского — Андрею Иванову». Но оно не дошло до Лермонтова, так как было перехвачено и приобщено к «Делу».

Какого числа давал показания Лермонтов — не известно, даты на документе нет, вероятно 21 или 22 февраля, потому что 23 февраля 1837 года Бенкендорф уже имел объяснение Лермонтова (лл. 24–25), которое направил начальнику Штаба военных поселений, где служил Раевский, генерал-адъютанту П. А. Клейнмихелю для «сличения с таковым же объяснением чиновника Раевского» (л. 5).

Этим числом, т. е. 23 февраля 1837 года, обозначено начало «Дела», хотя фактически оно началось со дня обыска у Лермонтова и составления публикуемых описей его бумаг, т. е. 20 февраля.

При сличении показаний Лермонтова и Раевского были обнаружены разногласия, из которых наиболее существенными являются разногласия по поводу распространения стихов. Лермонтов утверждал, что передал стихи только Раевскому. «Вероятно он <Раевский> показал их, как новость, другому, и таким образом стихи разошлись по рукам» (л. 33). Раевский же в своем объяснении отметил широкую популярность стихов, о которой Лермонтов знал, и стремление поэта к их распространению. Пытаясь выгородить своего друга, Раевский объяснил поведение Лермонтова желанием «через сие приобрести себе славу» (л. 33 об.).

25 февраля 1837 года последовало «высочайшее повеление», присланное шефу жандармов Бенкендорфу: «Л<ейб>-Гв<ардии> Гусарского полка корнета Лермантова, за сочинение известных Вашему Сиятельству сти-

хов, перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского, за распространение сих стихов, и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермантову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, — а потом отправить в Олонецкую губернию, для употребления на службу, — по усмотрению тамошнего гражданского губернатора» (л. 36).

27 февраля 1837 года «повеление» было выполнено, о чем военный министр граф Чернышов доложил командующему Отдельным гвардейским корпусом (лл. 42 и 42 об.). Лермонтов был переведен в Нижегородский драгунский полк, а Раевский заключен на месяц под арест на гауптвахту, после чего 5 апреля 1837 года был отправлен на службу в Петрозаводск (л. 48).

Стр. 472, строки 6–7. «Лит. А. Письма бабки Лермантова г-жи Арсеньевой, равно как матери его». — Письма не сохранились.

Стр. 472, строка 10. «Лит. В. Письма родных и двоюродных сестер Лермантова». — Родных сестер у Лермантова не было. Из писем двою-

родных сестер, о которых может идти речь, известны отрывок из письма от А. М. Верещагиной от 13 октября 1832 года и письмо от нее же от 18 августа 1835 года (см. настоящий том, стр. 465 и 467). А. М. Верещагина не была двоюродной сестрой Лермонтова, хотя они называли друг друга кузиной и кузенком (см. настоящий том, стр. 700–701 и 711).

Стр. 472, строка 18. «№ 1. В письме сем от одной девицы из Москвы» — письмо от М. А. Лопухиной от 12 октября 1832 года (см. настоящий том, стр. 463).

Стр. 472, строка 22. «№ 2. От девицы Верещагиной к Лермонтову» — письмо, о котором идет речь, не известно.

Стр. 472, строка 25. «№ 3. От девицы Верещагиной к Лермантову» — письмо, о котором идет речь, не известно.

Стр. 473, строка 3. «Лит. С. Письма, писанные Лермантову неким Лопухиным». — Лопухин Алексей Александрович (см. настоящий том, стр. 742). Известны только отрывки из писем Лопухина к Лермонтову.

Стр. 473, строка 7. «№ 1. В нем Лопухин говорит...» — отрывок из этого письма от нояб-

ря 1832 года (см. настоящий том, стр. 466, № 4).

Стр. 473, строка 13. «№ 2. Лопухин извещает Лермантова...». Отрывок из этого письма от 7 января 1833 года (см. настоящий том, стр. 466, № 5).

Стр. 473, строка 16. «Лит. Д. Письмо известного Раевского к Лермантову». — Раевский Святослав Афанасьевич (см. настоящий том, стр. 724).

Его письмо к Лермонтову не известно. Пьеса, о которой идет речь, — очевидно «Маскарад», законченный осенью 1835 года, следовательно, и неизвестное письмо Раевского датируется этим же временем. О знакомстве Лермонтова через Киреева с Гедеоновым см. письмо № 18 и примечание к нему (настоящий том, стр. 433 и 723).

Стр. 473, строка 20. «Лит. Е. Письма г. Юрьева». — Юрьев Николай Дмитриевич (см. настоящий том, стр. 739). Его письма к Лермонтову не известны.

Стр. 473, строка 24. «Управитель» — возможно, тарханский приказчик Степан (см. настоящий том, стр. 761).

Стр. 473, строка 25. Евреинов Павел Алек-

сандрович (ум. в 1857 году) — двоюродный дядя поэта (см. настоящий том, стр. 702). Его письмо к Лермонтову не известно.

Стр. 473, строка 27. «1. Письмо Андрея Муравьева». — Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874), известный в то время писатель реакционного направления. Письмо его к Лермонтову не известно.

Стр. 473, строка 29. «...говорил об них Мордвинову» — Александру Николаевичу (1792–1869). С 1 сентября 1831 года по 18 марта 1839 года Мордвинов был управляющим III Отделением собственной е. и. в. канцелярии и помощником А. Х. Бенкендорфа. В письме идет речь о стихах Лермонтова «Смерть Поэта». Лермонтов обращался к Муравьеву с просьбой выяснить через Мордвинова, отношение правительства к стихам (см.: <А. Муравьев>. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 23–25). Ответ на эту просьбу и заключался в не дошедшем до нас письме Муравьева.

Стр. 473, строка 33. «2. Письмо его же Муравьева» — в этом письме речь идет о стихотво-

рении Лермонтова «Ветка Палестины», которое он написал и оставил на столе Муравьева, приехав к нему на квартиру по поводу стихов «Смерть Поэта» и ожидая его (см.: <А. Муравьев>. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 24, и настоящее издание, т. II. стр. 331). Письмо не известно.

Стр. 474, строки 3–4. «3. План составленный Лермантовым для драмы, заимствованной из семейного быта сельских дворян». Из дошедших до нас пьес Лермонтова к данной характеристике более всего подходит драма «Menschen und Leidenschaften» (см. настоящее издание, т. V, стр. 142–204), однако план к этой драме не известен.

Стр. 474, строка 6, «4. Стихи, карандашом написанные». — О каких именно стихах идет речь — установить трудно.

Стр. 474, строка 9. «5. Книга на французском языке». — О какой книге идет речь — не известно.

Стр. 474, строка 11. «6. Письмо поручика л. — гв. московского полка Унковского» — Александра Никитича (1811–1867). Письмо не известно.

Стр. 474, строка 14. «7. Письмо родственника Пожогина» — М. А. Пожогин-Отрашкевич, двоюродный брат Лермонтова. Его мать, Авдотья Петровна Пожогина-Отрашкевич, была родная сестра Юрия Петровича Лермонтова — отца поэта. М. А. Пожогин-Отрашкевич с пятилетнего возраста вплоть до поступления в кадетский корпус осенью 1824 года воспитывался вместе с Лермонтовым в Тарханах и летом 1825 года был взят Е. А. Арсеньевой в поездку на Кавказ (см. настоящий том, стр. 787).

Стр. 474, строка 16. «8. Письмо Энгельгардта» — Василия Васильевича (1785–1837). По словам П. А. Вяземского, «Энгельгардт... хорошо и всенародно был знаком Петербургу. Расточительный богач, не пренебрегающий веселиями жизни, крупный игрок..., строитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы...» (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. XVII–XVIII). Дом Энгельгардта много лет был очень популярен в Петербурге; упо-

минание о нем сохранилось в «Маскараде» Лермонтова. — Письмо не известно.

Стр. 474, строка 18. «9. Отрывок письма сестры». — Кем написано письмо — не установлено. Отрывок не известен.

Стр. 474, строка 19. «10. Письмо Аркадия Столыпина». — Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821–1899), двоюродный дядя Лермонтова. Письмо не известно.

Стр. 474, строки 20–21. «11. Письмо бабки Лермонтова, Арсеньевой, о прибытии ее в Москву». — Письмо не известно.

Стр. 474, строка 22. «12. Письмо ее же, о семейных делах». — Письмо не известно.

Стр. 474, строка 23. «13. Письмо ее же, с приложением записки от г-жи Симанской» — Марии Львовны, двоюродной сестры Лермонтова (см. настоящий том, стр. 716). Письмо и записка не известны.

Стр. 474, строка 25. «14. Письмо ее же» — не известно.

Стр. 474, строка 26. «15. Письмо ее же, с уведомлением о хозяйстве». — Повидимому, речь идет о письме от 18 октября 1835 года (см. настоящий том, стр. 469), где говорится о

2000 руб., которые обещал послать Лермонтову брат Е. А. Арсеньевой Афанасий Алексеевич Столыпин. В следующем же по описи, не дошедшем до нас письме от Е. А. Арсеньевой, под № 16 говорится о приложении к письму 2000 руб. и о письме деда его Столыпина, т. е. Афанасия Алексеевича.

Стр. 474, строка 27. «16. Письмо ее же». — Указано, что к письму приложены обещанные поэту в письме от 18 октября 1835 года (см. настоящий том, стр. 469) 2000 руб. от Афанасия Алексеевича Столыпина. Письмо не известно.

Стр. 474, строка 30. «17. Письмо родственника Пожогина». — О Пожогине см. настоящий том, стр. 775. Письмо не известно.

Стр. 474, строка 32. «18. Письмо приказчика Лермантова». — О приказчике Степане см. в письме Е. А. Арсеньевой (настоящий том, стр. 470, строки 32–33). Письмо не известно.

В. Мануйлов

Летопись жизни и творчества

От составителя

Настоящая «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» является третьей попыткой дать свод известных нам дат жизни и творчества поэта.[98]

«Летопись» строится из следующих элементов: после даты, выделенной жирным шрифтом, следует сжатое описание события, отразившегося в творчестве Лермонтова, или факта его жизни и литературной деятельности, а затем ниже, отступя, перечисляются в хронологическом порядке важнейшие архивные и печатные источники, из которых извлечены дата и описание события. Некоторые даты после ссылок на архивные и печатные источники снабжены примечаниями составителя. В «Летопись» включены некоторые исторические, политические, литературные события эпохи, мимо которых не мог пройти Лермонтов. Факты творческой и личной жизни поэта даны по возможности с наибольшей

полнотой.

Часто встречающиеся важнейшие архивные фонды и библиографические источники обозначаются в «Летописи» условными сокращениями (см. «Список сокращений»).

Все даты событий, происходивших в России, даны по старому стилю, даты событий зарубежной жизни приведены в двойном обозначении: по новому и по старому стилю.

За редкими исключениями, представляющими особый интерес, орфография подлинника в цитируемых документах не сохраняется.

В. Мануйлов

Список сокращений

Белинский, ИАН — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т.т. 1-13, Академия Наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), М., 1953–1957.

Белинский, Венг. — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова т.т. 1-11, СПб., 1900–1917 и В. С. Спридонова т.т. 12 и 13, М. — Л., 1926 и 1948.

Белинский, Письма — Белинский, Письма, три тома, редакция и примечания Е. А. Ляцко-

го. СПб., 1914.

Бильдерлинг — Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. Составил А. Бильдерлинг, СПб., 1883.

Бродский — Н. Л. Бродский. «М. Ю. Лермонтов». Биография, т. I, 1814–1832. Гослитиздат, М., 1945.

ВЕ — Вестник Европы.

Висковатов — П. А. Висковатов. «М. Ю. Лермонтов». Жизнь и творчество. Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова (т.т. 1–6), т. 6, М., 1891.

Временник — М. Ю. Лермонтов. Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова». Пятигорск, 1947.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Дело о непозволительных стихах — «Дело по секретной части Министерства Военного,

департаментов военных поселений, канцелярии 2-го стола, № 22. По записке генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским», ИРЛИ, ф. 524, оп. 3, № 9.

«Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», сб. первый — Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сборник первый. Исследования и материалы, под редакцией Н. Л. Бродского, В. Я. Кирпотина, Е. Н. Михайловой, А. Н. Толстого, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Академия Наук СССР, Гослитиздат, М., 1941.

ИВ — Исторический вестник.

ИРЛИ — Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ЛН — Литературное наследство.

МОИА — Московский областной исторический архив.

Описание ГПБ — А. Н. Михайлова. Рукопи-

си М. Ю. Лермонтова. Описание. Под редакцией Б. М. Эйхенбаума, Труды Государственной ордена Трудового красного знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II, Л., 1941.

Описание ИРЛИ — Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, II, М. Ю. Лермонтов. Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1953.

Ракович — Тенгинский полк на Кавказе, 1819–1846. Составил поручик Ракович, Тифлис, 1900.

РА — Русский архив.

РВ — Русский вестник.

РМ — Русская мысль.

РО — Русское обозрение.

РС — Русская старина.

Соч. изд. Академической библиотеки — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова (т. 1–5), под редакцией и с примечаниями Д. И. Абрамовича, Академическая библиотека русских писателей, издание Разряда изящной словесности Академии Наук, СПб., 1910–1913. Второе издание вышло в 1916 году.

Сушкова — Екатерина Сушкова (Е. А. Хвостова), Записки 1812–1841. Первое полное издание. Редакция, введение и примечания Ю. Г. Оксмана, изд. «Academia», Л., 1928.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив (Москва).

Щеголев — П. Е. Щеголев. Книга о Лермонтове, вып. I и II. Изд. «Прибой», Л., 1929.

1814

В ночь со 2 на 3 октября. В Москве (в доме генерал-майора Ф. Н. Толя напротив Красных ворот) в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, рожденной Арсеньевой, родился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Запись под № 25 в 1-й части метрической книги церкви Трех святителей у Красных ворот за 1814 год.

РС, 1873, т. 8, кн. 7, стр. 113–114; РС, 1873, т. 7, кн. 3, стр. 380; Висковатов, стр. 12 и Приложения, стр. 2; Щеголев, вып. I, стр. 13.

Род Лермонтовых происходил, по преданию, от Георга Лермонта, выходца из Шотлан-

дии, который был взят в плен русскими войсками осенью 1613 года при осаде польской крепости Белой. Георг Лермонт остался в России, был принят на «государеву службу» и пожалован в 1621 году поместьями в Галичском уезде, Костромской губернии. Убит во время второй польской войны зимой 1633–1634 года. Герб Лермонтовых помещен в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи», СПб, 1798, ч. IV, стр. 102. О роде Лермонтовых см.: В. В. Никольский. Предки М. Ю. Лермонтова. РС, 1873, т. 7, кн. 4, стр. 547–566; 1873, т. 8, кн. 11, стр. 810; Г. Данилевский. Прадед Лермонтова. РА, 1875, кн. 3, стр. 107; Висковатов, стр. 75–79; В. Н. Сторожев. Георг Лермонт. Родоначальник русской ветви Лермонтовых. М., 1894; Дворянское сословие Тульской губернии, т. III (XII). Родословец, материалы, ч. VI. Издал почетный член Московского археологического института, крапивенский дворянин В. И. Чернопятов (1908), стр. 324–327; Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. XVI–XVIII и 1–3; Н. Виноградов. Костромичи — предки Лермонтова. Известия II Отделения русского языка и словесности

Академии Наук, 1915, т. XX, кн. 1, стр. 14–15 и 17; Родословная М. Ю. Лермонтова, составленная Б. Л. Модзалевским, воспроизведена в качестве приложения к книге: «М. Ю. Лермонтов. 1814–1914». Издание Комитета по сооружению при Николаевском кавалерийском училище памятника М. Ю. Лермонтову. СПб., 1914.

11 октября. Крестины Лермонтова. Бабушка Михаила Юрьевича Елизавета Алексеевна Арсеньева, рожденная Столыпина, была крестной матерью.

Запись в метрической книге церкви Трех святителей: РС, 1873. т. 8, кн. 7, стр. 113–114; РС, 1873, т. 7, кн. 3, стр. 380; Висковатов, стр. 12 и Приложения, стр. 2; Щеголев, вып. I, стр. 13.

Конец года или весной 1815 года (не позднее первой половины апреля). Из Москвы Лермонтовы вместе с Е. А. Арсеньевой переехали в Тарханы, Чембарского уезда, Пензенской губернии, откуда Юрий Петрович выезжал лишь иногда по хозяйственным делам в Москву и в тульское имение Кропотово. В Тарханах (ныне село Лермонтово) прошли детские годы М. Ю. Лермонтова.

Висковатов, стр. 13; ЛН, т. 58, 1952, стр. 446; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 628–630; В. А. Мануйлов. Лермонтов в Тарханах. Пензенское областное издательство, 1949, стр. 3–16.

1815

21 августа. Е. А. Арсеньева выдала Ю. П. Лермонтову заемное письмо (вексель) на 25 000 руб. сроком на год.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 630.

Подлинник заемного письма не обнаружен. О существовании этого заемного письма мы знаем по записи в книге Чембарского уездного суда по литере «Е», тетр. № 1 за 1815 год, порядковый № 43. В книгам Чембарского уездного суда записано еще несколько заемных писем Е. А. Арсеньевой (в Пензенском Государственном областном архиве).

1816–1817

Зима. Е. А. Арсеньева с Лермонтовыми проводит зиму в Пензе.

М. М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину 7 ноября 1816 года из Пензы пишет: «Елизавета Алексеевна также здесь. Не знаю, увижу ли Лермонтовских. — Трудность в помещении. Все дома набиты

приезжими, и зиму обещают ныне весьма многолюдную...».

ЦГАЛИ, ф. князей Вяземских, № 195, оп. 1, д. 5933, стр. 66–69; ср.: «Земля родная», пензенский альманах, кн. 11, 1954, стр. 235. Это и некоторые другие письма М. М. Сперанского к А. А. Столыпину, до сих пор не опубликованные, обнаружены старшим научным сотрудником пятигорского музея «Домик Лермонтова» С. И. Недумовым.

Зимой, не позднее февраля. «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал ~ Ее певала мне покойная мать».

Настоящий том, стр. 386, 680.

1817

Январь-февраль. Мария Михайловна Лермонтова, мать М. Ю. Лермонтова, тяжело больна.

М. М. Сперанский в письме к Аркадию Алексеевичу Столыпину 23 января из Пензы пишет: «У нас нового почти ничего нет; всё идет довольно гладко. Есть одна новость, для вас печальная. Племянница ваша Лермонтова <Мария Михайловна> весьма опасно больна сухоткой или чахоткой. Афанасий <Алексе-

евич Столыпин» и Наталья Алексеевна <его жена> отправились к ней, т. е. к сестрице вашей <Елизавете Алексеевне> в деревню <Тарханы>, чтобы ее перевезти сюда. — Мало надежды, а муж в отсутствии».

ЦГАЛИ, ф. князей Вяземских, № 195, оп. 1, д. 5933, стр. 93–94; ср.: «Земля родная», пензенский альманах, кн. 11, 1954, стр. 235.

20 февраля М. М. Сперанский сообщает А. А. Столыпину: «Дочь Елизаветы Алексеевны без надежды, но еще дышит» (там же, стр. 101–104). Сообщения из Тархан доходили до Пензы на второй день.

24 февраля. Умерла Мария Михайловна Лермонтова, рожденная Арсеньева, мать поэта. «Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней» (надпись на мраморной надмогильной плите в Тарханах).

Висковатов, стр. 16; Щеголев, вып. I, стр. 19.

28 февраля. Е. А. Арсеньева выдала Ю. П. Лермонтову заемное письмо (вексель) на 25 000 руб. сроком на год. Возможно, что это было продление заемного письма от 21 августа 1815 года.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 631–632.

Заемное письмо записано в книге Чембарского уездного суда 1 марта по литере «Е» за 1817 год, тетр. № 2, порядковый № 10. Собственноручная подпись Е. А. Арсеньевой под этой записью свидетельствует о том, что 1 марта 1817 года Е. А. Арсеньева была в Чембаре.

5 марта. Юрий Петрович Лермонтов уехал из Тархан в Кропотово, оставив мальчика на попечение Е. А. Арсеньевой.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 632.

Май (последние числа). Е. А. Арсеньева подала в Чембарский уездный суд объявление об утверждении наследства, полученного после смерти мужа Михаила Васильевича Арсеньева, за внуком Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Запись в книге Чембарского уездного суда; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 634.

Июнь (после 5, до 10 числа). Е. А. Арсеньева с внуком переезжают из Тархан в Пензу.

5 июня в письме к А. А. Столыпину М. М. Сперанский пишет: «Елизавету Алексеевну <Арсеньеву> ожидает крест нового рода: Лермонтов <Юрий Петрович> требует к себе сына

и едва согласился оставить еще на два года ~ Ожидаем сегодня Афанасия <Алексеевича Столыпина>, а за ним вслед и Елизавету Алексеевну».

12 июня М. М. Сперанский в письме к А. А. Столыпину сообщает: «Елизавета Алексеевна здесь и со внуком, любезным дитем. Она совершенная кроткая мученица-старушка. Мы решили ее здесь совсем основаться...».

ЦГАЛИ, ф. князей Вяземских, № 195, оп. 1, д. 5933, стр. 163–164. Ср. неполную публикацию: РА, 1870, № 6, стлб. 1136 и «Земля родная», пензенский альманах, кн. 11, 1954, стр. 236.

10 июня. Написано духовное завещание Е. А. Арсеньевой на имя сына дочери, Михаила Юрьевича Лермонтова.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 634–636.

13 июня. Духовное завещание Е. А. Арсеньевой засвидетельствовано Пензенскою гражданскою палатою. Среди свидетелей был М. М. Сперанский.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 635.

В письме к А. А. Столыпину 7 августа М. М. Сперанский пишет: «Елизавета Алексеевна также здесь поселилась и на первый раз жи-

вет в доме Дубенского».

ЦГАЛИ, ф. князей Вяземских, № 195, оп. 1, д. 5933, стр. 190–192; ср.: «Земля родная», пензенский альманах, кн. 11, 1954, стр. 236.

1818

Первая половина года до мая. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой в Пензе.

ЦГАЛИ, ф. князей Вяземских, № 195, оп. 1, д. 5933, стр. 160–164 и 190–192; ср.: «Земля родная», пензенский альманах, кн. 11, 1954, стр. 236.

Лето. Первая поездка Е. А. Арсеньевой с внуком и семьей А. А. Столыпина на Северный Кавказ к сестре Е. А. Хастатовой.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 62.

1819

1 мая. Канцелярская помета в книге Чембарского уездного суда о том, что Е. А. Арсеньева заплатила Ю. П. Лермонтову сполна 25 тысяч рублей по заемному письму от 28 февраля 1817 года.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 632.

1819–1820

Не раньше 1 июля 1819. Лермонтов с бабушкой был в Москве и «видел оперу „Неви-

димку“» (т. е. «Князь-Невидимка, или Личардо-Волшебник» — опера в 4 действиях, слова Е. Лифанова, музыка К. А. Кавоса).

Настоящий том, письмо № 1, стр. 403, 695; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 499 и 537–538.

1820

Лето. Поездка Лермонтова с Е. А. Арсеньевой на Кавказские минеральные воды к Е. А. Хастатовой.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 62; В память графа М. М. Сперанского. 1872, стр. 96.

1821

Март. Лермонтов и Е. А. Арсеньева в Тарханах.

М. М. Сперанский записал в своем дневнике 7 марта 1821 года на пути из Пензы в Москву: «Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действие кавказских вод. Совершение исцеления. Чембар».

В память графа М. М. Сперанского. 1872, стр. 96.

1824

Настоящий том, стр. 393, 692; ЛН. т. 45–46, 1948, стр. 643 (факсимиле).

1825

7 мая. В Петербурге умер брат Е. А. Арсеньевой, тайный советник, обер-прокурор Сената Аркадий Алексеевич Столыпин, близкий к кругам декабристов, приятель Грибоедова, Кюхельбекера и Рылеева. Впоследствии, 26 декабря 1825 года, со слов Рылеева, Н. А. Бестужев показал на следственной комиссии, что «покойный сенатор А. А. Столыпин одобрял тайное общество и потому верно бы действовал в нынешних обстоятельствах вместе с ним».

«Сев. пчела», 1825, 9 мая, № 56; Восстание декабристов. Материалы, т. II, ГИЗ, М. — Л., 1926, стр. 68; Петербургский некрополь. т. IV. СПб., 1913, стр. 174.

12 мая. К. Ф. Рылеев в «Сев. пчеле» (№ 57) поместил стихотворение «Вере Николаевне Столыпиной», посвященное вдове Аркадия Алексеевича Столыпина.

13 июня. Горячие воды. Подпись рукой Лермонтова в альбоме М. А. Столыпиной под нарисованным им кавказским пейзажем.

Настоящий том, стр. 392, 689; ср.: Описание ГПБ, стр. 35–36.

Лето. Первая любовь Лермонтова.

Запись Лермонтова от 8 июля 1830 года — см. настоящий том, стр. 385.

Август. В списке посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году по июль, помещенном в «Отечественных записках» П. П. Свинына: «Столыпина: Марья, Агафья и Варвара Александровны, коллежского асессора Столыпина дочери, из Пензы. Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдова поручица из Пензы, при ней внук Михайло Лермантов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, гувернерка Христина Ремер».

«Отеч. записки», 1825, № 64, стр. 260 [август].

19 ноября. В Таганроге умер Александр I.

10–16 декабря. Делопроизводство о разделе братьев и сестер Арсеньевых в Елецком уездном суде.

Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, кн. 1, Тула, 1915, стр. 94-108.

14 декабря. Восстание декабристов в Петербурге.

1826

3 января. В Москве на 40 году жизни умер

брат Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, в недавнем прошлом сослуживец и приятель П. И. Пестеля, близкий к кругам декабристов.

Московский некрополь, т. III, 1908, стр. 160; ср. брошюру И. Н. Анненкова: Памятник г. генерал-майору и разных орденов кавалеру Дмитрию Алексеевичу Столыпину. Москва, в типографии Решетникова. 1826 года, цензурное разрешение 6 мая. На титульном листе ошибочно указано: «И. А. Анненков».

13 июля. На кронверке Петропавловской крепости повешены пять декабристов: П. И. Пестель, М. П. Бестужев-Рюмин, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и П. Г. Каховский.

1827

Летом. Двенадцатилетний Лермонтов в отцовском имении Кропотово, Ефремовского уезда, Тульской губернии. См. заметку <6. К стих. «К Гению»>.

Настоящий том, стр. 390, 685.

Осенью. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал в Москву. Он часто бывал в доме дальнего родственника П. А. Мещеринова (в Пушкинском переулке на Сретенке) и подружился

с его сыновьями Владимиром, Афанасием и Петром. Начало занятий Лермонтова с А. З. Зиновьевым.

РО, 1890, кн. 8, стр. 727; «Лит. архив», 1938, вып. I, стр. 427.

Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев, повидимому ошибочно, относит к 1826 году переезд Арсеньевой в Москву и начало своих занятий с Лермонтовым.

Осенью. Первое дошедшее до нас письмо Лермонтова из Москвы к тетке Марии Акимовне Шан-Гирей о занятиях с учителями и о посещении московского театра, где «видел оперу „Князь-Невидимка“» (Музыка К. А. Кавоса, на слова Е. Лифанова).

Настоящий том, письмо № 1, стр. 403, 694; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 499 и 537–538; об опере «Князь-Невидимка» см.: «Моск. ведомости», 1827, № 69, стр. 2709–2710; № 71, стр. 2786–2787.

25 октября. Из Московской духовной консистории выдано метрическое свидетельство «вдове гвардии поручице Елизавете Алексеевой Арсеньевой... о рождении и крещении внука... Михаила... для отдачи его к наукам и воспитанию в казенные заведения, а потом и

в службу».

РМ, 1881, кн. 11, стр. 167; Висковатов, Приложения, стр. 2; Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, кн. 1, Тула, 1915, стр. 92; Щеголев. вып I, стр. 13–14. сочинения принадлежат М. Л. 1827 года, 6-го ноября».

6 ноября. Дата в юношеской тетради Лермонтова его рукой: «Разные

В эту тетрадь Лермонтов переписал отрывки из произведений Сент-Анжа, Лагарпа, поэму Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и поэму Байрона «Шильонский узник» в переводе Жуковского.

Описание ГПБ, стр. 63–64.

1828

Весной. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой жил в Москве на Поварской «в доме капитанской дочери девицы Варвары Михайловны Лаухиной» (ныне ул. Воровского, 24).

МОИА, ф. Духовной консистории, д. 345, л. 243; ср.: Ф. Ф. Майский. Юность Лермонтова. Труды Воронежского Государственного университета, т. XIV, вып. II, 1947, стр. 251.

Летом. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой был в Тарханах. Там написана первая поэма Лер-

монтова «Черкесы», на копии которой рукой Лермонтова сделана надпись: «В Чембар<е> за дубом».

Настоящий том, стр. 389, 684.

Август. В дом Е. А. Арсеньевой в качестве гувернера к Лермонтову приглашен «г-н Жан-Пьер Келлет-Жандро, уроженец города Безансона во Франции».

Ф. Ф. Майский. Юность Лермонтова. Труды Воронежского Государственного университета, т. XIV, вып. II, 1947, стр. 187–190.

1 сентября. Лермонтов зачислен полупансионером в Московский университетский благородный пансион.

В правлении Московского университетского благородного пансиона директор П. А. Курбатов, член совета Е. О. Мухин и инспектор М. Г. Павлов рассмотрели «Прошение гвардии прапорщицы Елизаветы Арсеньевой об определении в Университетский пансион родного внука ее Михайлу Лермантова, 13 лет, сына капитана Юрия Лермантова» и зачислили его полупансионером. При прошении вместе со свидетельством о дворянском происхождении М. Ю. Лермонтова представлены «поло-

женные на столовые приборы» 144 рубля. За право учения внесено 325 рублей с первого июля 1828 года по первое января 1829 года. Так Е. А. Арсеньева вносила по полугодиям эту сумму за своего внука до выхода его из пансиона.

Ф. Ф. Майский. Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сборник первый, Гослитиздат. М., 1941, стр. 633–634; Бродский, стр. 64–65.

Осенью. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой переехал «с Поварской на Малую Молчановку в дом Чернова <ныне № 2>... В соседстве... жило семейство Лопухиных. Старик отец, три дочери девицы <Мария, Варвара и Елизавета Александровны> и сын <Алексей>... Они были... как родные и очень дружны с Мишелем, который редкий день там не бывал».

А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. РО, 1890, кн. 8, стр. 727; М. Меликов. Заметки и воспоминания художника живописца. РС, 1896, т. 86, кн. 6, стр. 647–649.

Сентябрь — декабрь. Лермонтов учится в четвертом классе Московского университетского благородного пансиона.

13–20 декабря. Экзамены в Московском университетском благородном пансионе. Лермонтов переведен из четвертого класса в пятый; за успешные занятия получил два приза: книгу и картину.

Настоящий том, письмо № 2, стр. 404 и «Ведомость о поведении и успехах Университетского благородного пансиона воспитанника 4-го класса М. Лермантова», стр. 696; Щеголев, вып. I, стр. 45; «Моск. ведомости» 24 апреля 1829, № 33, стр. 1558; Бродский, стр. 103.

20-е числа декабря. В Москву приехал из Кропотова Юрий Петрович Лермонтов.

Настоящий том, письмо № 2, стр. 404.

Около 21 декабря. Письмо Лермантова к М. А. Шан-Гирей. К письму приложено стихотворение «Поэт».

Настоящий том, письмо № 2, стр. 404; настоящее издание, т. I, стр. 12.

1828. Этим годом Лермонтов датировал стихотворения: «Осень», «Заблуждение Купидона», «Цевница».

Настоящее издание, т. I, стр. 9-11, 384.

К 1828 году Лермонтов относит начало своей поэтической деятельности: «Когда я начал

марать стихи в 1828 году <в пансионе>, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня» (настоящий том, стр 387). Этим годом датирован «Кавказский пленник» в записной книжке: «Кавказский пленник. Сочинения М. Лермантова. Москва. 1828». В этой же тетради «Корсар».

Настоящее издание, т. III, стр. 313.

1829

8 января. В Московском университетском благородном пансионе закончились рождественские вакации.

Настоящий том, письмо № 2, стр. 404.

19 февраля. Экзамены в Московском университетском благородном пансионе.

«Дамский журнал», 1829, ч. 25, № 10, стр. 156; Ф. Ф. Майский. Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый, Гослитиздат, стр. 635–636.

5 марта. Цензор Двигубский подписал билет на выпуск из типографии альманаха Московского университетского благородного пансиона: «Цефей. Альманах на 1829 год. Москва. В типографии Августа Семена. 1829».

Объявление о продаже «Цефей» появилось в «Моск. ведомостях» 9 марта 1829 года (№ 20, стр. 965) и 20 марта 1829 года (№ 23, стр. 1130). «Цефей» продавался в конторе «Моск. телеграфа».

Т. Левит. Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе. ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 226–228.

Весной. Письмо Лермонтова из Москвы к М. А. Шан-Гирей.

Настоящий том, письмо № 3, стр. 406.

6 апреля. Торжественное собрание в Московском университетском благородном пансионе по случаю девятого выпуска в присутствии поэта И. И. Дмитриева и других почетных гостей. На собрании среди отличившихся воспитанников был назван и Михаил Лермонтов, награжденный в декабре 1828 года при переходе из четвертого класса в пятый двумя призами: книгой и картиной.

«Моск. ведомости», 1829, 24 апреля, № 33, стр. 1558; ср.: Ф. Ф. Майский. Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый, стр. 636–637.

8 августа. В доме Е. А. Арсеньевой умер губернатор Лермонтова Жан-Пьер Келлет-Жандро. В это время Е. А. Арсеньева жила с внуком на Поварской, в доме Е. Я. Костомаровой.

Московский обер-полицмейстер генерал-майор Шульгин в секретном отношении сообщал московскому генерал-губернатору Голицыну 10 августа: «Находящийся по предписанию вашего сиятельства под полицейским надзором французский подданный Жан-Пьер Келлет-Жандро 8 числа сего месяца в ночи после продолжительной болезни кончил жизнь».

Воспитатель Лермонтова А. З. Зиновьев писал в своих воспоминаниях: «Миша особенно уважал бывшего при нем француза Жандро..., умершего в доме Арсеньевой».

МОИА, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, д. 13, л. 20; ср.: Ф. Ф. Майский. Юность Лермонтова. Труды Воронежского Государственного университета, т. XIV, вып. II, 1947, стр. 190; «Лит. архив», 1938, вып. I, стр. 428.

12, 13, 14, 16, 17, 19, 20 декабря. Испытания воспитанников Московского университетско-

го благородного пансиона в языках и науках.

МОИА, ф. попечителя Московского учебно-го округа и университета, д. 4, л. 250; ср.: Ф. Ф. Майский. Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый, стр. 635–636.

21 декабря. В Университетском благородном пансионе «за десятидневным непрерывным испытанием воспитанников... следовало испытание в искусствах... Михайло Лермантов <играл> на скрипке аллегро из Маурерова концерта».

«Моск. ведомости», 15 января 1830, № 5, стр. 212; ср.: «Дамский журнал», 1830, ч. 29, № 2, стр. 30–31.

1829. «Общая тетрадь принадлежит М. Лермонтову. 1829 года». Заглавие, сделанное рукою Лермонтова, на учебной тетради, в которой находятся переводы с латинского, французского, немецкого, а также конспекты одиннадцати лекций по всеобщей истории.

Общая тетрадь в Рукописном отделе ГПБ; ср.: Описание ГПБ, стр. 56–58; Бродский, стр. 98–100.

1829. «Мелкие стихотворения. Москва в

1829 году».

ИРЛИ, оп. 1, № 2, заглавный лист второй тетради; ср.: Описание ИРЛИ, стр. 8.

1829. Первая редакция «Демона».

Настоящее издание, т. IV, стр. 221, 415.

«**1829 год**». Дата рукой Лермонтова на обороте рисунка в альбоме М. А. Столыпина. На рисунке изображен разбойник, нападающий в лесу на всадника.

ГПБ, альбом М. А. Столыпина, стр. 84; ср.: Рыбкин. Материалы к биографии Белинского и Лермонтова. ИВ, 1881, т. VI, кн. 10, стр. 377; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 97; воспроизведение рисунка см.: Описание ГПБ, стр. 15.

1830

Начало года. Написана вторая редакция «Демона».

Настоящее издание, т. IV, стр. 226, 420 и настоящий том, стр. 392.

Первая половина января. Возможная поездка Лермонтова с Е. А. Арсеньевой из Москвы в Саратов на свадьбу Афанасия Алексеевича Столыпина и Марии Александровны (рожденной Устиновой), назначенную на 15 января.

Л. И. Прокопенко. Поездка Лермонтова в Саратов (Рукопись).

Письмо Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому от 30 декабря 1829 года. «Старина и новизна», СПб., 1917, кн. 22, стр. 41; письмо Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому от 29 января 1830 года. «Старина и новизна», СПб., 1917, кн. 22, стр. 42.

Вторая половина января. Лермонтов после зимних вакаций приступил к занятиям в Московском университетском благородном пансионе.

Конец февраля — начало апреля. В автографе «Джюлио» Лермонтовым обозначено: «Повесть. 1830 год»; рядом со словом «Вступление» — приписка: «1830 года великим постом и после. Я слышал этот рассказ от одного путешественника».

Настоящее издание, т. III, стр. 67 и 318; настоящий том, стр. 390.

Великий пост в 1830 году продолжался с 23 февраля по 5 апреля.

11 марта. Московский университетский благородный пансион посетил Николай I.

Николай I, приехав без предупреждения, без свиты, в 4 часа дня «попал в пансион во

время перемены, между двумя уроками... Император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек. Можно представить себе, какое впечатление произвела эта вольница на самодержца, привыкшего к чинному натянутому строю петербургских военно-учебных заведений».

Н. Л. Бродский. Московский университетский благородный пансион (Из неизданных воспоминаний графа Д. А. Милютина). В сборнике Государственной Библиотеки СССР им. Ленина. «М. Ю. Лермонтов». Статьи и материалы. Соцэкгиз. М., 1939, стр. 12; «Моск. ведомости», 1830, 15 марта, № 22, стр. 1036; Речи, разговоры и стихи, произнесенные в торжественном собрании Первой московской гимназии по случаю выпуска благородных воспитанников, окончивших курс учения, 1831 года, ноября 6 дня, М., 1831, стр. 43.

29 марта. «Высочайший указ Правительствующему сенату... о преобразовании благородных пансионов при Московском и С.-Петербургском университетах в гимназии».

С. П. Шевырев. История Московского университета. М., 1855, стр. 476.

29 марта. «Московский университетский благородный пансион, по случаю десятого <следует: одиннадцатого выпуска воспитанников ~ имел торжественное собрание». В числе других воспитанников шестого класса, награжденных книгами, отмечен «Михайла Лермонтов».

«Моск. ведомости», 1830, № 36, стр. 1644–1645; «Дамский журнал», 1830, ч. 30, № 17, стр. 59–61; ср.: Сушкова, стр. 129.

16 апреля. Выдано свидетельство из Благородного пансиона «Михаилу Лермантову в том, что он в 1828 году, быв принят в пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам ~ ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен».

ИРЛИ, оп. 3, № 7, л. 3; Щеголев, вып. I, стр. 51–52.

6 мая. Дата «1830. Майя 16 число» в заглавии стихотворения «Боюсь не смерти я. О нет!».

Настоящее издание, т. I, стр. 132.

3 июня. В Севастополе во время чумного бунта убит севастопольский военный губернатор Николай Алексеевич Столыпин — родной брат бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой.

«Моск. ведомости», 1830, 12 июля, № 56, стр. 2506–2507; «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света на 1830 год», ч. III, кн. I, июль, стр. 64–67; РА, 1867, стлб. 1375–1384; РС, 1873, т. 7, кн. 4, стр. 566; История 14 Уланского ямбургского полка, СПб., 1873, стр. 679 и 696; «Русь», 1880, кн. 3; А. Полканов. Севастопольское восстание 1830 года по архивным материалам. 1936.

8 июля. Запись в тетради: «Записка 1830 года, 8 июля. Ночь. Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских» и т. д.

Настоящий том, стр. 385 и 680.

10 июля. Стихотворение «Опять вы, гордые, восстали» озаглавлено: «10 июля (1830)».

Настоящее издание, т. I, стр. 147.

11 июля. Стихотворение «Между лиловых облаков» озаглавлено: «11 июля».

Настоящее издание, т. I, стр. 286.

15 июля. Стихотворение «Зачем семьи родной безвестный круг» озаглавлено: «1830 год. Июля 15-го».

Настоящее издание, т. I, стр. 139.

16–18 (28–30) июля. Революция во Франции.

В Москву первые известия о революции в Париже дошли 4 (16) августа (РА, 1901, кн. 12, стр. 493).

12 августа. Стихотворения «К Сушковой» («Вблизи тебя до этих пор») и «Благодарю» датированы: «Середниково. 12 августа».

Настоящее издание, т. I, стр. 129, 148, 406 и 409; Сушкова, стр. 113–114.

13 августа. Лермонтов в сопровождении Е. А. Арсеньевой, Е. А. Сушковой и своих кузин отправился из имения Столыпинах Середниково в Москву.

Сушкова, стр. 113.

13 (25) августа. Первое сообщение в «Моск. ведомостях» об июльской революции во Франции.

«Моск. ведомости», 1830, № 65, стр. 2916–2917.

14 августа. Лермонтов принимает участие в паломничестве Е. А. Арсеньевой и своих кузин в Троице-Сергиеву лавру.

Сушкова, стр. 114.

15 августа. Рядом с заглавием стихотворения «Чума в Саратове» подзаголовок: «1830 года августа 15 дня».

Настоящее издание, т. I, стр. 151 и 410.

17 августа. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой и кузинами пришел на богомолье в Троице-Сергиеву лавру, где написал стихотворение «Нищий».

Настоящее издание, т. I, стр. 149 и 410; Сушкова, стр. 114-115

21 августа. В Правлении императорского Московского университета «от пансионера Университетского благородного пансиона Михайлы Лермантова» слушалось прошение о том, что он просит включить его в «число своекоштных студентов нравственно-политического отделения».

ИРЛИ, оп. 3, № 7, л. 2; РМ, 1881, кн. 11, стр. 166; Висковатов, Приложения, стр. 1; Щеголев,

вып. I, стр. 71–72; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 247 (факсимиле).

26 августа. Под заглавием стихотворения «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор») подзаголовок: «(1830 года) (26 Августа)».

Настоящее издание, т. I, стр. 155 и 411.

28 августа. К стихотворению «Ночь» («Один я в тишине ночной») приписка: «(1830 года, ночью. Августа 28)».

Настоящее издание, т. I, стр. 163 и 413.

Август. Против первого стиха стихотворения «Чума» («Два человека в этот год») написано: «(1830. Августа)».

Настоящее издание, т. I, стр. 155 и 411.

1 сентября. Правление Московского университета слушало донесение от ординарных профессоров Снегирева, Ивашковского, экстраординарного профессора Победоносцева, адъюнктов Погодина, Кацаурова, лекторов Кистера и Декампа о том, что они «испытывали Михаила Лермантова ~ в языках и науках и нашли его способным к слушанию профессорских лекций».

ИРЛИ, оп. 3, № 7, л. 6 об.; РМ, 1881, кн. 11, стр. 168; Висковатов, Приложения, стр. 3; Ще-

голев, вып. I, стр. 73; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 249 (факсимиле).

Сентябрь. Лермонтов с Е. А. Арсеньевой остаются в Москве, оцепленной военными кордонами в связи с распространившейся в городе эпидемией холеры.

Висковатов, стр. 115; Сушкова, стр. 119.

«Зараза приняла чудовищные размеры. Университет, все учебные заведения, присутственные места были закрыты, публичные увеселения запрещены, торговля остановилась. Москва была оцеплена строгим военным кордоном и учрежден карантин. Кто мог и успел, бежал из города» (П. Ф. Вистенгоф. Из моих воспоминаний. ИВ, 1884, т. XVI, кн. 5, стр. 330).

23 сентября. При «Моск. ведомостях» и отдельно стала выходить под редакцией М. П. Погодина «Ведомость о состоянии города Москвы».

Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III. 1890, стр. 204.

Сентябрь. В журнале «Атеней» (1830, ч. IV, стр. 113) напечатано стихотворение Лермонтова «Весна» («Когда весной разбитый

лед»). — Цензурное разрешение получено 10 мая. Это первое, известное нам, появление стихотворения Лермонтова в печати.

Настоящее издание, т. I, стр. 81, 397.

1 октября датировано стихотворение «Свершилось! полно ожидать». В этот же день написано «Итак, прощай! Впервые этот звук».

Настоящее издание, т. I, стр. 166–167 и 413–414.

3 октября. Перед зачеркнутым текстом стихотворения «Сыны снегов, сыны славян», рядом с заглавием «Новгород» дата: «3 октября 1830».

Настоящее издание, т. I, стр. 169 и 414.

Возможно, вместо даты «3 октября» следует читать «13 октября».

4 октября. Под стихотворением «Глупой красавице» («Амур спросил меня однажды») дата: «1830 года — 4 октября».

Настоящее издание, т. I, стр. 170 и 414.

5 октября. После стихотворения «Могила бойца» приписка: «1830 год — 5-го октября. Во время холеры-morbus».

Настоящее издание, т. I, стр. 171, 349 и 414.

9 октября. Дата под стихотворением

«Смерть» («Закат горит огнистой полосой») — «1830, октября 9».

Настоящее издание, т. I, стр. 173 и 415.

17 (29) ноября. Началось польское восстание.

1830. Тетрадь стихотворений Лермонтова озаглавлена: «Разные стихотворения. (1830 год)». В этой тетради 1830 годом датированы стихотворения: «(В Воскресенске) (Написано на стенах [пустыни] жилища Никона) 1830 года»; «Кладбище — (На кладбище написано) 1830»; «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья»); «Дереву».

Настоящее издание, т. I, стр. 115 и 403; 126 и 405; 133; 135 и настоящий том, стр. 391.

«**1830 года**». Датирована драма «Menschen und Leidenschaften».

Настоящее издание, т. V, стр. 725.

1831

12 января. В Московском университете возобновились занятия, «но лекции как самими профессорами, так и студентами посещались неаккуратно».

С. П. Шевырев. История Московского университета. 1855. стр. 557; П. Ф. Вистенгоф. Из

моих воспоминаний. ИВ, 1884, т. XVI, кн. 5. стр. 331.

28 января. Духовное завещание Юрия Петровича Лермонтова.

В. М. Цехановский. Завещание Юрия Петровича Лермонтова. ИВ, 1898, т. 74, кн. 10, стр. 395–397; Щеголев, вып. I, стр. 65–68.

Январь. Стихотворение «Редеют бледные туманы» озаглавлено: «1831-го января».

Настоящее издание, т. I, стр. 175, 350 и 415.

Первая половина февраля. Письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей.

Настоящий том, письмо № 4, стр. 407.

Не исключена возможность отнесения этого письма к февралю 1832 года.

24 февраля. В издании В. С. Львова «Листок» без имени автора напечатан анекдот «Первый блин, да комом». В текст анекдота полностью вошла эпиграмма «Три грации считались в древнем мире», которая в «Записках» Сушковой приписывается Лермонтову.

«Листок», 1831, № 16, 24 февраля; Сушкова, стр. 123.

6 марта. Вышел последний номер «Ведомостей о состоянии города Москвы». Эпиде-

мия холеры прекратилась.

16 марта. История с проф. М. Я. Маловым в Московском университете — студенты выгнали из аудитории реакционного и невежественного профессора.

А. И. Герцен. Былое и думы. Гослитиздат, 1937, стр. 206–214; Я. И. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни. РА, 1887, т. I, стр. 336–340, 344; официальное дело-производство по «Маловской истории» — РА, 1901, т. I, стр. 316–324.

23 марта. Дата на стихотворении Лермонтова в альбом Н. И. Поливанову «Послушай! вспомни обо мне». Сбоку приписка рукою Н. Поливанова с поправками Лермонтова: «Москва. Михайла Юрьевич Лермантов написал *эти строки*, в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда, вследствие какой-то университетской шалости, *оно ждал строгого наказания*. Н. Поливанов». (Поправки Лермонтова — курсивом).

Альбом Н. И. Поливанова в архиве ИРЛИ; впервые РС, 1875, т. 12, кн. 4, стр. 812; ср.: настоящее издание, т. I, стр. 176 и 416.

18 мая. В «Журнале Правления» Москов-

ского университета за 1831 год запись: «Слушали: Прошения своекоштных студентов об увольнении в отпуск на 28 дней... 44. Михайла Лермантова в Московский уезд. Приказали: Означенных студентов, уволив в отпуск, предоставить г-ну ректору снабдить их надлежащими для проезда билетами».

Запись в «Докладных реестрах» университетского Правления подтверждает получение Лермонтовым «проездного билета» 18 мая 1831 года.

«Журнал Правления» Московского университета за 1831 год и «Докладные реестры» Правления университета за 1831 год. Архив Московского университета; ср.: Вл. Безъязычный и В. Гурьянов. Новое о студенческих годах М. Ю. Лермонтова. Газета «Моск. университет», 1954, 16 октября, № 61 (1372), стр. 3.

Начало июня. Лермонтов гостил несколько дней под Москвой в семье покойного московского драматурга Ф. Ф. Иванова. В одну из его дочерей — Наталью Федоровну — Лермонтов был влюблен.

Письмо В. Шеншина к Н. И. Поливанову 7 июня см.: настоящий том, стр. 699. Об отноше-

ниях Лермонтова к Н. Ф. Ивановой см.: И. Андроников. Лермонтов и Н. Ф. И. В его книге: «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 5-33.

7 июня. Приписка Лермонтова на письме В. Шеншина к Н. И. Поливанову из Москвы. Настоящий том, письмо № 5, стр. 408.

11 июня. Стихотворение «Моя душа, я помню, с детских лет» озаглавлено: «1831-го июня 11 дня».

Настоящее издание, т. I, стр. 177 и 416.

29 июня. Собственноручная поправка и вычерк в завещании Юрия Петровича Лермонтова «по случаю перемены в капитале».

В. М. Цехановский. Завещание Юрия Петровича Лермонтова. ИВ. 1898, LXXIV, кн. 10, стр. 397; Щеголев, вып. I, стр. 68.

11-12 июля. Началось восстание в старорусском уделе военных поселений.

П. П. Евстафьев. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934, стр. 113, 240 и сл.; С. Гессен. Холерные бунты. М., 1932, стр. 29 и сл.

17 июля. Кончена драма «Странный человек». Дата на черновике.

Настоящее издание, т. V, стр. 728; И. Андроников. Из творческой истории «Странного человека». В его книге: «Лермонтов». Изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 34–59.

21 июля. Второе восстание военных поселян в Старой Руссе.

П. П. Евстафьев. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934, стр. 146 и сл.

29 июля. Приписка к стихотворению «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной») — «(Средниково. Вечер на бельведере). (29 июля)».

Настоящее издание, т. I, стр. 192 и 418, настоящий том, стр. 392.

7 августа. Стихотворение «Блистая пробегают облака» озаглавлено: «7-го августа». Приписка: «В деревне на холме; у забора».

Настоящее издание, т. I, стр. 196 и 419, настоящий том, стр. 392.

15 августа. Будучи в Костроме, университетский приятель Лермонтова Андрей Дмитриевич Закревский переписал в альбом Ю. П. Бартенева начало поэмы «Демон», «Азраил» и стихотворение «1831-го января» («Редуют

бледные туманы...»).

Настоящее издание, т. I, стр. 175 и 415; Н. Л. Бродский, стр. 283.

Вторая половина августа — сентябрь, октябрь. Написано стихотворение «Из Паткуля» («Напрасна врагов ядовитая злоба»).

Настоящее издание, т. I, стр. 239 и 427; Н. Любович. «Из Паткуля». ЛН, 58, 1952, стр. 387–392.

4 сентября. Лермонтов посвятил А. М. Верещагиной поэму «Ангел смерти».

Настоящее издание, т. III, стр. 132.

28 сентября. Стихотворение «Опять, опять я видел взор твой милый» озаглавлено: «Сентября 28».

Настоящее издание, т. I, стр. 214 и 422.

1 октября. В Кропотове, Ефремовского уезда, Тульской губернии умер Юрий Петрович Лермонтов сорока четырех лет от роду. Погребен в церкви села Шипова.

Запись в метрической книге церкви села Шипова.

4 декабря. Лермонтов был на именинах у Варвары Александровны Лопухиной. В XI тетради ошибочно указано «2-го декабря: св. Вар-

вары...» вместо «4 декабря...» — дня именин Варвары.

Настоящий том, стр. 388 и 682.

10 сентября — 23 декабря. В Московском университете по классу английского языка лектором английской словесности Эдуардом Гарвеем «в классе литературы читаны с критическим разбором и объяснениями отрывки из лорда Байрона, Вальтер Скотта и Томаса Мура». Лермонтов, А. Закревский и В. Шеншин получили по английской литературе высший в то время балл — «4».

Ведомость «из класса английского языка от лектора английской словесности Эдуарда Гарве с 10 сентября по 23 декабря» — Архив Московского университета; Вл. Безъязычный и В. Гурьянов. Новое о студенческих годах М. Ю. Лермонтова. Газета «Моск. университет», 16 октября 1954; № 61 (1372), стр. 3.

Другие ведомости «свидетельствуют об успешных занятиях Лермонтова в 1831/1832 учебном году российской словесностью и немецким языком» (там же).

31 декабря. Новогодние мадригалы и эпиграммы Лермонтова на маскараде в Благород-

ном собрания.

Настоящее издание, т. I, стр. 256–261 и 430–435.

«Лермонтов явился в костюме астролога, с огромною книгой судеб под мышкой; в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные... из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика» (А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов», РО, 1890, кн. 8, стр. 730).

1831. Датированы стихотворения: «Я не люблю тебя; страстей...», «Вверху одна горит звезда».

Сушкова. стр. 134–135; настоящее издание, т. I, стр. 253, 262, 430 и 435. Сушкова упоминает также среди стихотворений 1831 года «Нет, я не требую вниманья», но, судя по положению в тетради, это стихотворение, озаглавленное «В альбом», следует отнести к 1830 году (см. настоящее издание, т. I, стр. 96 и 400).

1832

Начало года. В Московском университете начал чтение курса теории изящных искусств и археологии Н. И. Надеждин. Его лекции привлекали в аудиторию много слуша-

телей; среди них были В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, К. С. Аксаков, О. М. Бодянский, по всей вероятности бывал и Лермонтов.

РВ, 1856, т. 2, стр. 76.

22 апреля. В Правлении Московского университета слушалось прошение Лермонтова о возвращении ему свидетельства о рождении и крещении. «Порешено было свидетельство о рождении выдать, сняв с него копию».

ИРЛИ, оп. 3, № 7, л. 7; РМ, 1881, кн. 11, стр. 168; Висковатов, Приложения, стр. 3; Щеголев, вып. I, стр. 109.

10 мая. Запись Лермонтова: «Измаил-Бей. Восточная повесть. 1832 г. 10 мая».

Настоящее издание, т. III, стр. 322–323; ср.: Описание ГПБ, стр. 20.

16 мая — 18 июня. Публичные годовичные испытания на словесном отделении Московского университета. На эти испытания Лермонтов не явился.

Бродский, стр. 245.

20 мая. Тульское дворянское депутатское собрание выдало «отставного Первого кадетского корпуса капитана Юрия Петрова Лермантова сыну малолетнему Михайле Лерман-

тову копию с определения о внесении их в дворянскую родословную Тульской губернии книгу».

Этому предшествовало «Тульскому губернскому предводителю Елецкого помещика подполковника и кавалера Григорья Васильевича сына Арсеньева прошение», в котором говорилось, что «после смерти... капитана Юрия Петровича Лермонтова остался сын Михайла, достигший уже до 18-летнего возраста...». Просьба внести его «в дворянскую родословную книгу Тульской губернии».

Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, кн. 1, Тула, 1915, стр. 91, 93.

1 июня. Прощение Лермонтова об увольнении из университета «по домашним обстоятельствам» с «надлежащим свидетельством для перевода в императорский Санктпетербургский университет».

ИРЛИ, оп. 3, № 8, л. 2.

2 июня. Прощение Лермонтова принято в Правление Московского университета. 6 июня в Правлении Московского университета слушалось прошение Лермонтова и на оборотной стороне прошения помечено: «Прика-

зали означенного студента Лермантова, уволив из Университета, снабдить его надлежащим свидетельством».

РМ, 1883, кн. 4, стр. 83–84; Висковатов, Приложения, стр. 4; Щеголев, вып. I, стр. 109.

18 июня. Выдано «Свидетельство... из Правления императорского Московского университета своекоштному студенту Михайлу Лермантову... в том, что он... слушал лекции по Словесному отделению, ныне же по прошению его от Университета сим уволен».

РМ, 1883, кн. 4, стр. 84; Висковатов, Приложения, стр. 4; Щеголев, вып. I, стр. 110.

Июль. Стихотворение «Я жить хочу! хочу печали...».

Настоящий том, письмо № 7, стр. 410.

Июль — начало августа. Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой выехал из Москвы в Петербург. По дороге из Твери письмо к С. А. Бахметевой.

Настоящий том, письмо № 6, стр. 409.

Июль — начало августа. Проездом в Петербург Лермонтов в Новгороде. Стихотворение «Приветствую тебя, воинственных славян святая колыбель...».

Настоящее издание, т. II, стр. 46 и 320.

Первая половина августа. Первое письмо Лермонтова из Петербурга к С. А. Бахметевой.

Настоящий том, письмо № 7, стр. 409.

Август. Письмо Лермонтова к С. А. Бахметевой, пересланное из Петербурга в Москву с Павлом Евреиновым.

Настоящий том, письмо № 8, стр. 411.

28 августа. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 9, стр. 413.

Сентябрь. После переезда в Петербург Лермонтов сдружился со Святославом Афанасьевичем Раевским.

Н. Бродский. Святослав Раевский, друг Лермонтова. ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 301–322 (главным образом стр. 305–306); Временник, стр. 24 и сл.

Осень. Не дошедшее до нас письмо Лермонтова к А. А. Лопухину, в котором поэт высказывал опасения, что военная служба помешает его творческой работе.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 42.

2 сентября. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной со стихами «Белеет парус одино-

кий».

Настоящий том, письмо № 10, стр. 416.

3 октября. Не дошедшее до нас письмо Лермонтова из Петербурга к М. А. Лопухиной.

РО, 1890, кн. 8, стр. 734; М. Ф. Николева. «М. Лермонтов». Пятигорск, 1940, стр. 47; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 39.

12 октября. Ответ М. А. Лопухиной из Москвы на письмо Лермонтова от 3 октября по поводу его решения поступить на военную службу.

Настоящий том, письмо № 1, стр. 463 и 761; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 39.

13 октября. Письмо А. М. Верецагиной из Москвы к Лермонтову в Петербург по поводу неприятностей, будто бы случившихся с ним в Московском университете.

Настоящий том, письмо № 2, стр. 465 и 764.

Около 15 октября. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 11, стр. 418 и 706.

Конец октября — начало ноября. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву к А. М. Верецагиной.

Настоящий том, письмо № 12, стр. 421 и 709.

4 ноября. Лермонтов держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, д. № 301-1832 г., л. 435 об.

6 ноября. В журнале исходящих бумаг Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на 1832 год отмечено представление заведующему Школой генерал-адъютанту Нейдгарду таблицы о числе баллов, полученных 4 ноября экзаменовавшимися «недорослями из дворян», среди которых упомянут Михаил Лермонтов.

Там же.

8 ноября. Заведующий Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров генерал-адъютант Нейдгард отношениями своими на имя командира Школы генерал-майора К. А. Шлиппенбаха дал знать, «дабы недорослей из дворян, просящихся на службу в полки лейб-гвардии Александра Уварова в Конный, Михайла Лермантова в Гусарский, Николая Юрьева... в Преображен-

ский... зачислить» в Школу кандидатами.

ИРЛИ, оп. 3, № 1, лл. 1–2; Бильдерлинг, стр. 8; Щеголев, вып. I, стр. 134.

10 ноября. Отдан по Школе приказ о зачислении «Михайла Лермантова, просящегося на службу в лейб-гвардии Гусарский полк кандидатом».

Там же.

13 ноября. Заведующий Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров генерал-адъютант Нейдгард дал предписание командиру Школы генерал-майору К. А. Шлиппенбаху о том, чтобы «недоросля из дворян Михайла Лермантова, просящегося в лейб-гвардии Гусарский полк, зачислить на праве вольноопределяющегося унтер-офицером».

Там же.

14 ноября. Отдан приказ по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров о зачислении Лермонтова на правах вольноопределяющегося унтер-офицером в лейб-гвардии Гусарский полк.

Там же.

26 или 27 ноября. «После езды в манеже,

будучи еще, по школьному выражению, новичком, подстрекаемый старыми юнкерами», Лермонтов, «чтоб показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную, которая начала беситься и вертеться около других лошадей, находившихся в манеже. Одна из них ударила Лермонтова в <правую> ногу <ниже колена> и расшибла ему ее до кости. Его без чувств вынесли из манежа. Он болел несколько месяцев, находясь в доме у своей бабушки Е. А. Арсеньевой...».

А. Меринский. «Атеней», 1858, № 48, стр. 287; РС, 1875, т. 12, кн. 4, стр. 814; РО, 1890, кн. 8, стр. 733; Висковатов, стр. 177.

27 ноября. В журнале входящих бумаг Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на 1832 год отмечено поступление рапорта штаб-лекаря Школы Гасовского «касательно ушиба юнкера Лермантова лошадью».

ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, № 302-1832 г., л. 49 об.

Ноябрь. Письмо к Лермонтову А. А. Лопухина.

Настоящий том, письмо № 4, стр. 466 и 766.

17 декабря. Заведующий Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров генерал-адъютант Нейдгард дал предписание командиру Школы генерал-майору К. А. Шлиппенбаху о переименовании Лермонтова в юнкера «с показанием по спискам из дворян».

18 декабря. Отдан приказ по Школе «о переименовании» Лермонтова в юнкера.

ИРЛИ, оп. 3, № 1, л. 4; ср.: Бильдерлинг, стр. 8; Щеголев, вып. I, стр. 136.

1832. Дата рукой Лермонтова на авторизованной копии поэмы «Моряк»: «1832 года».

Настоящее издание, т. III, стр. 322.

1832. Написано стихотворение «Русалка» (первая редакция).

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 8; настоящее издание, т. II, стр. 66, 269 и 324.

1833

7 января. Письмо А. А. Лопухина к Лермонтову о том, что московские знакомые бранят его «за переход в военную службу».

Настоящий том, письмо № 5, стр. 466 и 766.

25 февраля. Письмо А. А. Лопухина к Лермонтову, в котором он благодарит Лермонто-

ва за его картину маслом «Предок Лерма», присланную поэтом из Петербурга в Москву, и спрашивает: «Напиши мне, что ты в школе остаешься или нет, и позволит ли тебе нога продолжать службу военную?».

Настоящий том, письмо № 6, стр. 467 и 767; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 84–85.

Середина апреля. Лермонтов после болезни вернулся в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Настоящий том, письмо № 13, стр. 422.

Июнь (до 19). Лермонтов выдержал экзамен в первый (старший) класс.

17 июня. Вечером Лермонтова отпустили домой, где он получил письмо от М. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 13, стр. 422.

18 июня, воскресенье. Последний отпуск юнкеров из Школы перед выходом в летние лагеря.

Настоящий том, письмо № 13, стр. 422.

19 июня. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 13, стр. 422.

20 июня. Выступление Школы гвардей-

ских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в лагерь.

Приказ по Школе от 19 июня — ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, д. № 8 (Приказы по Школе за 1833 год), л. 62 об.; ср. письмо № 13 (настоящий том, стр. 422).

26 июля. Приказом по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров назначено возвращение школы в Петербург из летних лагерей.

Там же, л. 98 об.

4 августа. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной о жизни в лагере.

Настоящий том, письмо № 14, стр. 424.

1833. Письмо к Лермонтову А. М. Верещагиной.

Настоящий том, письмо № 7, стр. 467 и 768.

1834

Начало года. Лермонтов принимает участие в рукописном журнале юнкеров «Школьная заря». Здесь были помещены: «Гошпиталь», «Петергофский праздник», «К Тизенгаузену» и другие коллективные «юнкерские» поэмы и стихотворения, написанные при участии Лермонтова.

А. М. Меринский, «Атеней», 1858, № 48, стр. 289; РО, 1890, кн. 8, стр. 735; Записки неизвестного гусара <А. Ф. Тирана> <из собрания Д. В. Стасова в архиве ИРЛИ>, «Звезда», 1936, кн. 5, стр. 184.

Копии журнала «Школьная заря» хранятся в Лермонтовском собрании ИРЛИ. Подлинник журнала вместе с карикатурами Лермонтова в 1879 году находился у кн. Н. С. Вяземского; в настоящее время местонахождение подлинника не известно (ср.: РС, 1882, т. 35, кн. 8, стр. 391–392).

Начало года. Друг и родственник Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей переехал из Москвы в Петербург для поступления в Артиллерийское училище и поселился в доме Е. А. Арсеньевой. Он привез Лермонтову поклон от В. А. Лопухиной. А. П. Шан-Гирей почти каждый день навещал Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

РО, 1890, кн. 8, стр. 733.

20 февраля. Письмо Лермонтова к М. Л. Симанской.

Настоящий том, письмо № 15, стр. 426.

15 марта. По восьмой ревизии от Е. А. Арсеньевой подана ревизская сказка, из которой следует, что в это время у Арсеньевой было «крестьян мужеского пола 601, женского пола 630», но из них около половины дети и подростки.

Пензенский государственный областной архив; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 640.

20 марта. Ревизская сказка «Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Любашевки, Каменной верх тож, дворянина Михайлы Юрьева Лермонтова о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах, доставшихся по наследству в 1832-м году... итого мужеска пола налицо 148 душ... женска пола 155 душ».

ГИМ, инв. № 26275, лл. 132–142.

5 июня. Публичные экзамены юнкерам и подпрапорщикам в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Приказ по Школе от 4 июня — ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, д. № 9 (Приказы по Школе за 1834 год).

6, 16, 20 июня. Даты под рисунками Н. И. Поливанова: «Экзамен по уставам» и «Юнке-

ра ловят крысу в дортуаре» — «5-го июня», «Гауптвахта в здании училища» (дом Чернышева, на месте позднейшего Мариинского дворца) — «16 июня 1834», «Николай I на маневрах кавалерии» — «20 июня 1834».

Альбом Н. И. Поливанова — ИРЛИ, №№ 5021/1, 5021/2, 5021/8, 5021/10; ср.: Описание ИРЛИ, стр. 78, № 167.

22 июня. Выступление Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в лагерь под Петергофом.

Приказ по Школе от 21 июня — ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, д. № 9, л. 45 (Приказы по Школе за 1834 год).

Время возвращения юнкеров Школы из лагеря в книге приказов за 1834 год не указано.

6, 17, 19, 20, 27, 28 июля. Датированы рисунки Н. И. Поливанова: акварельный рисунок, изображающий бытовую сцену в юнкерской палатке, среди юнкеров Лермонтов, Хомутов, Шаховской, Поливанов, Мартынов и др., дата — «6 июля 1834 г.»; акварельный рисунок, изображающий Лермонтова в палатке лагеря, — «17 июля 1834 г.»; рисунок, изображающий артиллерийский отряд на уче-

нии, — «19 июля, в Петергофе вечером»; «Маневры 20 июля 1834. Петергоф на «бабьих гонах»; «Юнкера на маневрах 20 <июля> 1834 г. под Петергофом на «бабьих гонах»; «Дозор юнкеров в ночь с 27 июля 1834 г. под Ораниенбаумом»; «Атака юнкеров школы 28 июля 1834 г. под Ораниенбаумом».

ИРЛИ, №№ 5099, 5021/12, 5021/14, 5021/15, 5021/16; ср.: Описание ИРЛИ, стр. 78–84, №№ 168, 167, 169, 167/14, 167/15, 167/16.

18 августа. Письмо А. М. Верещагиной к Лермонтову из Федорова в Петербург; полагая, что Лермонтов уже произведен в офицеры, Верещагина поздравляет его и спрашивает о его литературных занятиях, рисовании и музыке.

Настоящий том, письмо № 8, стр. 467 и 769.

Производство Лермонтова задержалось до конца ноября 1834 года. Переписку родственников поэта об ожидающемся и задерживающемся производстве в офицеры см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 669–670.

2 ноября. Командир Отдельного гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович сделал в Михайловском экзерциргаузе

смотр юнкерам и подпрапорщикам, предназначенным к выпуску в 1834 году; среди них на смотре должен был присутствовать и Лермонтов.

ЦГВИА, ф. 321, оп. 1, д. № 9, л. 78 (Приказы по Школе за 1834 год).

22 ноября. Лермонтов высочайшим приказом произведен по экзамену из юнкеров в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

ИРЛИ, оп. 3, № 2, лл. 1–2; Бильдерлинг, стр. 8; Щеголев, вып. 1, стр. 157.

4 декабря. Приказ командира Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров о производстве юнкеров и подпрапорщиков в офицеры, в том числе Лермонтова — в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка.

ИРЛИ, оп. 3, № 1, лл. 5 об. — 6; Бильдерлинг, стр. 8; Щеголев, вып. I, стр. 157.

4 декабря. Лермонтов на балу у «госпожи К.» встретился с Е. А. Сушковой (не встречались с 1830 года). Разговор с нею об А. А. Лопухине. Лермонтов впервые в гусарском мундире.

Сушкова, стр. 168–171.

6 декабря. Лермонтов на танцевальном вечере у Сушковых.

Сушкова, стр. 171–176.

7 декабря. Лермонтов у Сушковых. Разговоры о новом романе Деборд-Вальмор «L'atelier d'un peintre».

Сушкова, стр. 177–179.

13 декабря. Лермонтов едет в Царское Село, в лейб-гвардии Гусарский полк.

Наталья Алексеевна Столыпина пишет из Петербурга дочери Анне Григорьевне Филосовой в Тулу 14 декабря: «...Лермантов мундир надел, кажется, первого декабря, вчерась приезжал прощаться и поехал в Царское Село, тетушка <Е. А. Арсеньева>, само собою разумеется, в восхищении».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 670.

19 декабря. Лермонтов в Петербурге на балу у А. С. Шишкова встретил Сушкову.

Сушкова, стр. 179–183.

21 декабря. Лермонтов, получив известие о приезде из Москвы в Петербург А. А. Лопухина, приезжает из Царского Села в Петербург. Вечером Лермонтов у Сушковых.

Настоящий том, письмо № 16, стр. 426;

Сушкова, стр. 181.

22 декабря. Вечером Лермонтов у Сушковых, там же весь день А. А. Лопухин.

Сушкова, стр. 185–187.

23 декабря. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву к М. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 16, стр. 426.

23 декабря. Лермонтов и Сушкова на балу.

Сушкова, стр. 187–192.

26 декабря. Лермонтов на балу у петербургского генерал-губернатора П. К. Эссена. Встреча с Сушковой.

Сушкова, стр. 194–201.

31 декабря. Письмо Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой, в котором она рассказывает о времяпрепровождении Лермонтова: «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научится хорошему, а ежели только будет знаться с молодыми офицерами, то толку не много будет».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 646.

1832–1834 годы. Работа над романом из времен Пугачевского восстания («Вадим»).

Настоящий том, стр. 635.

1832–1834 годы. Письмо Е. А. Арсеньевой преподавателю военной топографии в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Онисофору Михайловичу Петухову: «Прошу вас принять моей работы портфель на память и в знак душевного моего к вам уважения, надеюсь, что вы меня не огорчите и не откажетесь иметь у себя работы шестидесятилетней старухи...».

ИРЛИ, оп. 3, № 44; воспроизведение письма см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 647; ср.: Описание ИРЛИ, стр. 337.

1835

5 января. В день отъезда А. А. Лопухина в Москву Лермонтов послал Е. А. Сушковой анонимное письмо.

Сушкова, стр. 206–207; Е. А. Ладыженская, РВ, 1872, кн. 2, стр. 652–656.

8 января. Лермонтов приехал к Сушковым, но его не приняли. Это было последнее посещение дома Сушковых, так как Сушковы «отказали» Лермонтову от дома.

Сушкова, стр. 206–207; Е. А. Ладыженская, РВ, 1872, кн. 2, стр. 656.

18 января. Лермонтов и Сушковы у Лонги-

новых. Н. В. Сушков читает Лермонтову отповедь.

Е. А. Ладыженская, РВ, 1872, кн. 2, стр. 655–656; Сушкова, стр. 211–212.

Зима 1834/1835 года. Лермонтов часто бывает у братьев Александра и Сергея Трубецких, встречается здесь с А. И. Бярытинским, Б. А. Перовским (братом писателя), Сергеем Голицыным, Бахметевым, Н. А. Жерве и др. Некоторые из участников кружка Трубецких оказались впоследствии членами «Кружка шестнадцати» (см. 1838–1839 годы). У Трубецких Лермонтов мог встречать и Дантеса.

Л. А. Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Бярытинский. РА, 1888, кн. 1, стр. 113; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 742.

У Трубецких, как сообщал Г. Г. Гагарин, собиралось «небольшое общество исключительно добрых и честных юношей, очень дружных между собой. Каждый сюда приносит свой небольшой талант и, в меру своих сил, способствует тому, чтобы весело и свободно развлечься значительно лучше, чем во всех „чопорных салонах“» (ЛН, т. 58, 1952, стр. 274). Здесь рисовали, пели, занимались гим-

настикой. Однажды на вечере у Трубецких произошел спор Лермонтова с Бярытынскым. «Лермонтов настаивал на всегдашней его мысли, что человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль. Тогда, не говоря ни слова, Бярытынскый снял колпак с горящей лампы, взял в руку стекло и, не прибавляя скорости, тихими шагами, бледный, прошел через комнату и поставил ламповое стекло на стол целым...» (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 742). Этот случай мог произойти между 22 ноября 1834 года, когда Лермонтов был выпущен из военной школы, и *апрелем* 1835 года, когда Бярытынскый уехал на Кавказ.

7 апреля. Первый день Пасхи. В Петербурге вьюга. «Десятки людей погибли на улицах, занесенные снегом».

Сушкова, стр. 213; ср.: «Сев. пчела», 1835, №№ 79 и 81.

10 апреля. Последняя встреча Лермонтова с Сушковой на балу.

Сушкова, стр. 214–218.

Апрель — начало мая. Е. А. Сушкова уехала в село Федосьино.

Сушкова, стр. 218.

В Федосьине в 1837 году были закончены «Записки» Сушковой (первая редакция).

Весною. Е. А. Арсеньева уехала из Петербурга в Тарханы.

Настоящий том, письмо № 17, стр. 429; А. П. Шан-Гирей, РО, 1890, кн 8, стр. 738

Весною. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву к А. М. Верецагиной. Упоминание о предстоящей свадьбе Н. Ф. Бахметева и В. А. Лопухиной.

Настоящий том, письмо № 17, стр. 429 и 718; РО, 1890, кн. 8, стр. 738–739.

Май. В Москве в доме Лопухиных на Молчановке свадьба Николая Федоровича Бахметева и Варвары Александровны Лопухиной.

РА, 1897, т. 2, стр. 414 и 554; т. 3, стр. 540.

А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях ошибочно относит свадьбу Н. Ф. Бахметева к 1836 году (РО, 1890, кн. 8, стр. 738–739).

6, 7, 8, 9 июля. «За бывшие в высочайшем присутствии смотры, парады, маневры и ученья» Лермонтов «удостоился получить в числе прочих офицеров высочайшие благоволения, объявленные в высочайших приказах

1835 года июля 6, 7, 8, и 9-го».[99]

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

25 июля. Е. А. Арсеньева приехала из Москвы в Тарханы.

Письмо Е. А. Арсеньевой к Лермонтову от 18 октября 1835 года см.: настоящий том, стр. 469.

Июля последние числа — начало августа. Вышла в свет августовская книжка «Библ. для чтения», где была впервые напечатана поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек». Цензурное разрешение получено 30 июня.

Настоящее издание, т. III, стр. 326.

1 августа. Лермонтову выдан офицерский патент за подписью военного министра гр. Чернышева, удостоверяющий производство 22 ноября 1834 года в корнеты гвардии.

Патент в инспекторском департаменте записан под № 499; при запечатании в Министерстве иностранных дел — под № 19669.

Подлинник патента — ИРЛИ, оп. 3, № 3; Щеголев, вып. I, стр. 218–219. Воспроизведение патента см.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, V, ИАН СССР, 1955, стр. 96–97.

18 августа. Письмо к Лермонтову А. М. Верещагиной.

Настоящий том, письмо № 8, стр. 467 и 769.

10 сентября. Е. А. Арсеньева в Тарханах ждет приезда Лермонтова, который задержался в Петербурге.

См. источники, указанные под датой 18 октября 1835 года.

12 октября. Е. А. Арсеньева в Тарханах получила письмо Лермонтова, в котором он сообщил о своей задержке.

См. источники, указанные под датой 18 октября 1835 года. Это письмо Лермонтова до нас не дошло (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 45).

18 октября. Письмо Е. А. Арсеньевой из Тархан Лермонтову в Петербург.

Настоящий том, письмо № 9, стр. 469 и 770.

Октябрь. Лермонтов представил «Маскарад» (трехактную редакцию) в драматическую цензуру при III Отделении е. и. в. канцелярии.

С. Р. «Маскарад» М. Ю. Лермонтова в драматической цензуре. Ежегодник императорских театров, 1911, вып. V, стр. 55–57; Вл. Боцяновский. «Маскарад» Лермонтова. Еженедельник

Петроградских государственных академических театров, 1922, № 7, стр. 6–9 (см. комментарий к «Маскараду», настоящее издание, т. V, стр. 735).

6 ноября. Высочайший приказ о поощрении

Ракович, Приложения, стр. 29.

8 ноября. На докладе цензора Е. Ольдекопа по поводу первой трехактной редакции драмы Лермонтова «Маскарад» помечено: «Возвращена для нужных перемен».

Настоящее издание, т. V, комментарий к «Маскараду», стр. 738.

9 декабря. Приказ по Отдельному гвардейскому корпусу о том, что увольняется «в отпуск по домашним обстоятельствам л.-г. Гусарского полка корнет Лермантов в губернии: Тульскую и Пензенскую, на шесть недель».

ИРЛИ, Копии приказов по Отдельному гвардейскому корпусу, оп. 3, № 5, л. 2; Щеголев, вып. I, стр. 226.

Первая половина декабря. Закончен четвертый акт «Маскарада» (вторая редакция драмы). Лермонтов поручил С. А. Раевскому снова представить «Маскарад» в драматиче-

скую цензуру.

Настоящее издание, т. V, стр. 739.

До 20 декабря. Письмо Лермонтова к директору императорских театров А. М. Гедеонову.

Настоящий том, письмо № 18, стр. 433; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 23–25.

Это письмо было передано С. А. Раевским А. М. Гедеонову вместе с текстом новой четырехактной редакции «Маскарада» только в самом конце декабря.

20 декабря. Лермонтов получил отпуск «по домашним обстоятельствам в Тульскую и Пензенскую губернии на шесть недель».

Ракович, Приложения, стр. 29.

Вторая половина декабря. С. А. Раевский отдал «Маскарад» в переписку. Были изготовлены два экземпляра: один из них в конце декабря Раевский представил в драматическую цензуру, второй — директору императорских театров Гедеонову вместе с письмом Лермонтова от 20 декабря.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 24.

20-е числа декабря. Проездом в Тарханы Лермонтов задержался в Москве.

Настоящее издание, письмо № 19, стр. 433.

31 декабря. Лермонтов приехал в Тарханы.

Об этом его приезде Е. А. Арсеньева писала 17 января 1836 года П. А. Крюковой: «Я через 26 лет <после смерти мужа, М. В. Арсеньева> в первый раз встретила новый год в радости: Миша приехал ко мне накануне нового году. Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 648.

31 декабря. Вверху письма Лермонтова к А. М. Гедеонову, написанного до 20 декабря и переданного С. А. Раевским вместе со списком «Маскарада» в конце декабря, поставлена помета «31 декабря», сделанная, очевидно, в Дирекции театров по получении этого письма.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 23.

1836

Январь. Отзыв Е. Ольдекопа на четырехактную редакцию «Маскарада», представленную Лермонтовым в драматическую цензуру императорских театров в конце декабря 1835 года через С. А. Раевского.

Настоящее издание, т. V, стр. 741–743; Ежегодник имп. театров, 1911, вып. V, стр. 57–59.

16 января. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому из Тархан в Петербург. Работа над драмой «Два брата».

Настоящий том, письмо № 19, стр. 433.

22 января. Лермонтов представил в Чембарский уездный суд доверенность на имя Григория Васильевича Арсеньева на раздел с сестрами Ю. П. Лермонтова, Александрой, Натальей и Еленой, имения Кропотова (Любашевки) в Ефремовском уезде Тульской губернии.

Список доверенности, выданной Лермонтовым Г. В. Арсеньеву, в ГИМ, инв. № 26275, лл. 62–63.

2 февраля. Дата рукой Лермонтова под стихотворением «Умиравший гладиатор» в авторизованной копии — «2 февраля».

Настоящее издание, т. II, стр. 75 и 326.

4 февраля. Лермонтов представил лекарское свидетельство о болезни начальнику 1-й Легкой гвардейской кавалерийской дивизии.

Ракович, Приложения, стр. 29.

13 марта. Последний день отпуска по бо-

лезни.

Там же.

Вторая половина марта. Лермонтов «на-
лицо в полку» (Царское Село и Петербург).

Там же.

Конец марта — первая половина апреля.
Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой.

Настоящий том, письмо № 20, стр. 434.

30 или 31 марта. Лермонтов гостил в Пе-
тербурге у Никиты Васильевича Арсеньева (в
Коломне за Никольским мостом). Здесь его
видел М. Н. Лонгинов, с которым Лермонтов
провел вечер после обеда и которому показы-
вал тетрадь *in folio* и очень толстую; на за-
главном листе крупными буквами было на-
писано «Маскарад».

М. Н. Лонгинов, Сочинения, т. I, 1915, стр.
292–293.

Вторая половина апреля. Письмо Лермон-
това из Петербурга к Е. А. Арсеньевой в Тарха-
ны.

Настоящий том, письмо № 21, стр. 435.

20 апреля. День, назначенный для отъезда
Е. А. Арсеньевой из Тархан в Москву и Петер-
бург.

Настоящий том, письмо № 22, стр. 436.

Выехала ли в этот день Арсеньева — не известно.

25 апреля. Не дошедшее до нас письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой в Тарханы.

Настоящий том, письмо № 22, стр. 436; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 45.

Последние числа апреля — начало мая. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой в Москву.

Настоящий том, письмо № 22, стр. 436.

2, 18, 19 мая и 14, 15, 16 июня. Высочайшие приказы о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 29.

Май-июнь. Лермонтов болел и получил разрешение «взять курс <лечения> на Кавказских водах», которым не воспользовался.

Письмо Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой от 25 июня 1836 года. ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 650.

25 июня. Письмо Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой, в котором Арсеньева сообщала о болезни Лермонтова, о смерти Павла Григорьевича Столыпина (он утонул 9 мая между Петербургом и Кронштадтом), о делах, связан-

ных с продажей части Кропотова, доставшейся Лермонтову после смерти Юрия Петровича и раздела с тетками Лермонтовыми.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 648–650.

14, 15, 23, 24, 25, 26, 27 июля. Высочайшие приказы о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 29.

1 августа. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 29.

Середина августа. Поездка Лермонтова с Алексеем Аркадьевичем Столыпным (Монго) из села Копорского около Царского Села на Петергофскую дорогу на дачу Моисеева к жившей там балерине Екатерине Егоровне Пименовой Приключение, описанное в поэме «Монго».

В. П. Бурнашев. М. Ю. Лермонтов. РА, 1872, стлб. 1770–1781; РС, 1873, т. 7, кн. 3, стр. 384.

Первая половина сентября. Написана поэма «Монго».

Настоящее издание т. IV, стр. 310 и 424; РА, 1872, стлб. 1779. В списке О. И. Квиста (ИРЛИ, оп. 2, № 78) рядом с заглавием поэмы имеется перечеркнутая дата «30 августа» и ниже «19

сентября».

15 сентября. Лермонтов у А. И. Синицына встретился с В. П. Бурнашевым.

РА, 1872, стлб. 1770 и сл.

12 октября. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 29.

28 октября. Запрещена представленная Лермонтовым в драматическую цензуру пятиактная редакция драмы «Маскарад» под заглавием «Арбенин».

Настоящее издание, т. V, стр. 754–755.

24 декабря. Лермонтов «заболел простудой».

Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 12.

Осенью или зимой. Знакомство Лермонтова через С. А. Раевского с А. А. Краевским.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 363.

1836 — начало 1837 года. Работа над романом «Княгиня Лиговская».

Настоящий том, стр. 640–641.

1837

27 января. Около 5 часов пополудни за Комendantской дачей на Черной речке в окрест-

ностях Петербурга состоялся поединок Пушкина с Дантесом. В 6 часов вечера смертельно раненый Пушкин привезен в свою квартиру в доме кн. Волконской на Мойке. В тот же вечер по городу распространился слух о смерти Пушкина.

Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. 2-е изд., 1910, стр. 388; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., ГИЗ, 1928.

28 января. Лермонтов написал первые 56 стихов стихотворения «Смерть Поэта». В копии при «Деле о непозволительных стихах» дата: «28 генваря 1837».

Дело о непозволительных стихах, лл. 26–27 об.; ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 342–347; Щеголев, вып. I, стр. 252–254.

Н. О. Лернер оспаривает точность даты на копии при «Деле», так как Пушкин умер 29 января (Труды и дни Пушкина. 2-е изд., 1910, стр. 389). Однако сам Лермонтов в своих объяснениях писал: «Я был еще болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли ее и ко мне, обезображенную разными прибавлениями» и т. д.

29 января. В 2 ч. 45 мин. пополудни умер Пушкин. «Стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми».

И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 96; А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 22–23; В. П. Бурнашев. М. Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. РА, 1872, стлб. 1810–1816; А. П. Шан-Гирей, РО, 1890, кн. 8, стр. 739; Щеголев, вып. I, стр. 249–256; «Русск. слово», 1912, № 22.

30 января. В. П. Бурнашев в кондитерской Вольфа на Невском проспекте у Полицейского моста списал у В. С. Глинки стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта», оканчивавшееся тогда словами: «И на устах его печать».

В. П. Бурнашев. М. Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников. РА, 1872, стлб. 1810–1816.

2 февраля. А. И. Тургенев в своем дневнике записал о стихах «Смерть Поэта»: «Стихи Лермонтова прекрасные».

«Русск. слово», 1912, № 22; П. Е. Щеголев.

Дуэль и смерть Пушкина, 3-е изд., ГИЗ, 1928, стр. 293.

4 февраля. Записка Орлова к С. А. Раевскому, в которой он просит прощения за невозвращение в срок стихов («Смерть Поэта»). Препровождая эти стихи, он просит исправить прилагаемую копию и возвратить ему.

Дело о непозволительных стихах, л. 41. Опись перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского; ср.: Висковатов. Приложения, стр. 14.

6 февраля. А. И. Тургенев после похорон Пушкина за завтраком у П. А. Осиповой в Тригорском «обещал ей стихи Лермонтова» («Смерть Поэта»).

«Русск. слово», 1912, № 22; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, 3-е изд., ГИЗ, 1928, стр. 297.

11 февраля. Записка Смагина к С. А. Раевскому, в которой Смагин просит прислать обещанную ему докладную записку, а также не забыть о просьбе «касательно Краевского». В заключение Смагин пишет: «На-днях я надеюсь заехать к вам вечером — посмотреть битву вашу с Лермонтовым» (речь идет об игре в

шахматы).

Дело о непозволительных стихах, л. 28.

11 февраля. А. И. Тургенев читал И. И. Козлову стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта».

К. Я. Грот. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906, стр. 23.

Первая половина февраля. Лермонтов написал заключительные 16 стихов стихотворения «Смерть Поэта» («А вы надменные потомки»).

«Объяснение губернского секретаря Раевского о связи его с Лермантовым» (Дело о непозволительных стихах, лл. 6-11). Ср.: ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 337–340; Висковатов, Приложения, стр. 11–13; РА, 1872, стлб. 1830–1831; РС, 1881, т. 30, кн. 1, вып. 2, стр. 410–411; Щеголев, вып. I, стр. 262–265.

13 февраля. А. И. Тургенев, посылая стихи «Смерть Поэта» А. Н. Пещурову, писал: «Посылаю стихи, кои достойны своего предмета, ходят по рукам и другие строфы, но они не этого автора и уже навлекли, сказывают, неприятности истинному автору».

«Пушкин и его современники», 1908, вып.

VI, стр. 113.

17 февраля. Записка А. А. Краевского к С. А. Раевскому, в которой он спрашивает: «...что случилось с Л[е]р[монто]вым? Правда ли, что он жил или живет еще теперь не дома? Неужели еще жертва, закалаемая в память усопшему...».

Дело о непозволительных стихах, л. 41. Опись перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского; ср.: Висковатов, Приложения, стр. 14.

Между 17 и 21 февраля. Лермонтов был арестован и помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

20 февраля. У Лермонтова и Раевского сделан обыск. Составлены: «Опись письмам и бумагам л. — гв. Гусарского полка корнета Лермантова», «Опись перенумерованным бумагам корнета Лермантова» и «Опись перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского».

Настоящий том, стр. 472–474; Висковатов, Приложения, стр. 14; Дело о непозволительных стихах, л. 38, 41 об.

21 февраля. «Объяснение губернского сек-

ретаря Раевского о связи его с Лермантовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина».

В этот же день записка Раевского с черновиком его объяснения, адресованная Андрею Ивановичу Соколову, камердинеру Лермонтова.

Дело о непозволительных стихах, лл. 6-22; настоящий том, стр. 773; ср.: ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 337-340; Щеголев, вып. I, стр. 262-265.

21-23 февраля. «Объяснение корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермантова».

Дело о непозволительных стихах, лл. 24-25; ср.: ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 340-342; Висковатов, стр. 248-249; Щеголев, вып. I, стр. 265-267.

Как утверждает А. П. Шан-Гирей, «Лермонтова посадили под арест в одну из комнат верхнего этажа здания Главного штаба». Пускали к нему только камердинера, приносившего обед. Лермонтов «велел заворачивать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива“, „Я, мать божия, ныне с молитвою“, „Кто б ни был ты, печальный мой

сосед“ и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу“, прибавив к ней последнюю строфу: „Но окно тюрьмы высоко“» (РО, 1890, кн. 8, стр. 740).

22 февраля. Юнкер Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров П. А. Гвоздев (1815–1851) написал ответ на стихи Лермонтова «Смерть Поэта» —

*Зачем порыв свой благородный
Ты им излил, молодой поэт...*

и т. д.

РС, 1896, т. 88, кн. 10, стр. 131–134; Архив Раевских, т. II, 1909, стр. 512–515.

22 февраля. Командующий Отдельным гвардейским корпусом генерал-адъютант К. И. Бистром препроводил шефу жандармов и командующему главной квартирой графу А. Х. Бенкендорфу стихи Лермонтова «Смерть Поэта», полученные в тот же день от дежурного генерала Главного штаба и директора департамента военных поселений генерал-адъютанта П. А. Клейнмихеля.

ИРЛИ, оп. 3, № 10; РС, 1880, т. 28, кн. 7, стр. 534–535; Щеголев, вып. I, стр. 257–258.

23 февраля. Началось «Дело по секретной части Министерства Военного департамента военных поселений, канцелярии 2-го стола № 22. По записке генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским».

Дело о непозволительных стихах, л. 1; ср.: ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 342; Висковатов, Приложения, стр. 13–16; Щеголев, вып. I, стр. 257–258.

23 февраля. Секретная записка от А. Х. Бенкендорфа к П. А. Клейнмихелю, препровождающая «Объяснения корнета лейб-гвардии Гусарского полка Лермантова для сличения с таковыми же объяснениями чиновника Раевского». В этой же записке уведомление о высочайшем повелении приостановить предание Раевского суду впредь до особых распоряжений.

Дело о непозволительных стихах, л. 5.

24 февраля. Бумаги по делу Лермантова отправлены к начальнику Штаба П. Ф. Веймарну при отношении от Бенкендорфа вместе с бумагами Раевского.

Дело «Архива III-го отделения собственной е. и. в. канцелярии о стихах корнета Лермонтова „На смерть Пушкина“ и о распространении их чиновником 12-го класса Раевским» — ИРЛИ, оп. 3, № 10, лл. 4–5; ср.: РС, 1880, т. 28, кн. 7, стр. 535.

25 февраля. Военный министр граф А. И. Чернышев отношением за № 100 сообщил шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу высочайшее повеление о Лермонтове и Раевском.

ИРЛИ, оп. 3, № 10, лл. 4–5; ср. оп. 3, № 9, л. 31; Щеголев, вып. I, стр. 269; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 349 (факсимиле).

26 февраля. «Отпуск с отношения С.-Петербургскому коменданту генерал-адъютанту П. Н. Мартынову за № 99», в котором П. А. Клейнмихель сообщил о том, что препровождает губернского секретаря Раевского «для содержания под арестом в течение одного месяца».

Дело о непозволительных стихах, л. 35; ср.: ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 343; Висковатов, Приложения, стр. 14.

26 февраля. Отношение за № 80 командующего Отдельным гвардейским корпусом с запросом о Лермонтове, адресованное в воен-

ное министерство (с приложением «Описи письмам и бумагам л. — гв. Гусарского полка корнета Лермантова», «Описи перенумерованным бумагам корнета Лермантова», «Описи перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского»).

Дело о непозволительных стихах, л. 37; ср.: Висковатов, Приложения, стр. 14–16.

27 февраля. Опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова «в Нижегородский драгунский полк прапорщиком». Приказ подписал военный министр граф А. И. Чернышев.

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших приказов, оп. 3, № 2, л. 3; ср.: Щеголев, вып. I, стр. 271.

27 февраля. Отпуск с отношения командующему Отдельным гвардейским корпусом за № 101, в котором военный министр граф А. И. Чернышев сообщал о том, что высочайшим приказом Лермонтов переводится в Нижегородский драгунский полк.

Дело о непозволительных стихах, л. 42.

27 февраля. А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову из Петербурга пишет: «Лермон-

тов — автор стихов на кончину Пушкина и строфы, к ним прибавленной, — под арестом. Бабушка Арсеньева — в отчаяньи, а всему виной точно главная виновница — тетушка-публика, которая... но бог с ней:

*Иного и обидеть можно,
А боже упаси того».*

Е. Н. Коншина. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову. «Моск. пушкинист», вып. I, М., 1927, стр. 39.

27 февраля. Лермонтова отпустили домой проститься.

Настоящий том, письмо № 23, стр. 436.

А. Г. Философова сообщает 27 февраля из Петербурга мужу А. И. Философову об отъезде Лермонтова на Кавказ. В этом же письме она пишет: «Мы только что возвратились от тетушки Елизаветы, которая не так уже грустна, потому что ей сегодня позволили повидаться с Мишелем. Он под арестом 9 дней, в штабе. Что тоже сильно огорчает тетушку, — так это судьба этого бедного молодого человека Раевского, который жил у нее, так как ему нечем существовать и он страдает ревматиз-

мом; он посажен под арест на месяц и после этого будет отправлен в Олонецкую губернию, под надзор полиции; тетушка боится, как бы мысль о том, что он <Лермонтов> сделал его <Раевского> несчастным, не преследовала бы Мишеля, и в то же время эта мысль преследует ее самое» (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 672).

27 февраля. Записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Настоящий том, письмо № 23, стр. 436.

28 февраля. Приказ по Отдельному гвардейскому корпусу за подписью генерал-адъютанта К. И. Бистрома о проживании некоторых офицеров, в том числе Лермонтова, без разрешения в городе.

ИРЛИ, Копии приказов по Отдельному гвардейскому корпусу, оп. 3, № 5, стр. 3; Щеголев, вып. I, стр. 260–261.

Первые числа марта. К Лермонтову, находящемуся под домашним арестом, приезжал А. А. Краевский и говорил с ним о деле С. А. Раевского. Записка Лермонтова к С. А. Раевскому.

Настоящий том, письмо № 24, стр. 437.

2 марта. С.-Петербургской палаты Гражданского суда 1-ый департамент по 18-й книге за № 69 засвидетельствовал доверенность Лермонтова на имя Е. А. Арсеньевой, выданную для продажи полученной им после смерти отца части наследства.

ГИМ, инв. № 26275, л. 164.

6 марта. Письмо Е. А. Арсеньевой к А. И. Философову о скором отъезде Лермонтова в ссылку на Кавказ.

Арсеньева писала: «Мишенька по молодости и ветренности написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал неприлично насчет придворных... Государь изволил выписать его тем же чином в Нижегородский драгунский полк в Грузию, и он на днях едет».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 672–673 и 679 (факсимиле).

В тот же день А. И. Тургенев писал к А. Я. Булгакову: «Лермонтов послан на Кавказ, Раевский, его приятель, в какую-то губернию холодную» (Е. Н. Коншина. Из писем А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову. «Моск. пушкинист», вып. I, М., 1927, стр. 39).

Первая половина марта. Письмо С. А. Ра-

евского к Лермонтову из крепости. Ответное письмо Лермонтова к С. А. Раевскому.

Настоящий том, письмо № 25, стр. 437.

Письмо Раевского до нас не дошло, но его содержание можно восстановить по ответному письму Лермонтова (настоящий том, письмо № 25, стр. 437) и по письму С. А. Раевского к А. П. Шан-Гирею от 8 мая 1860 года (РО, 1890, кн. 8, стр. 742–743).

Около 19 марта. Лермонтов выехал из Петербурга в Москву.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727.

21 марта. Н. С. Мартынов приехал из Петербурга в Москву.

Впоследствии в своих воспоминаниях Н. С. Мартынов писал: «Все мое семейство жило там <в Москве> постоянно, но в этот год и оно поднималось на Кавказ... В эту самую эпоху проезжал через Москву Лермонтов. Он был переведен из гвардии в Нижегородский драгунский полк тем же чином за стихи, написанные им на смерть Пушкина. Мы встречались с ним почти каждый день, часто завтракали вместе у Яра; но в свет он мало показывался».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 728; А. Н. Нарцов. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, ч. II. Тамбов, 1904, стр. 155–156; РА, 1893, кн. 8, стр. 591–593.

23 марта. Лермонтов приехал в Москву.

В «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» в разделе «Прибыли в Москву» значится: «По полуночи в 7 часов из С.-Петербурга Нижегородского драгунского полка прапорщик Лермонтов».

ЦГВИА, Архив московского военного генерал-губернатора, рапорт г. московского коменданта по разным предметам, т. I, л. 109; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727.

Весной (скорей всего в начале апреля, в Москве). Два варианта эпиграммы на Ф. В. Булгарина «Россию продает Фадей...».

Настоящее издание, т. II, стр. 98, 99; ср.: ЛН, т. 58, 1952, стр. 359–364.

4 апреля. Отношение дежурного генерала Главного штаба П. А. Клейнмихеля за № 141 к олонецкому гражданскому губернатору о том, что С. А. Раевскому приказано «сего числа отправиться в Петрозаводск».

Дело о непозволительных стихах, л. 47.

5 апреля. С. А. Раевский выдал расписку: «Подорожную за № 439 и прогонные деньги всего восемьдесят три рубля восемьдесят восемь копеек 5 апреля 1837 года получил и того же числа обязываюсь отправиться к месту назначения на службу — губернский секретарь Раевский».

Дело о непозволительных стихах, л. 48.

Кроме того, в «Деле» находятся: «Записка о службе губернского секретаря Раевского» (л. 30); отпуск с отношения министру внутренних дел от 1 апреля за № 139 (л. 44); «Записка о прогонах Раевскому от 1 апреля»; отпуск с отношения в комиссию С.-Петербургского комиссариатного депо от 2 апреля за № 140; «Записка надворного советника Гилинга от 8 мая за № 175»; «Отношение министра внутренних дел от 29 мая за № 3569 о том, что чиновнику особых поручений при губернаторе А. Дашкове С. А. Раевскому дается отпуск в Петербург и к водам морским в Эстляндии» и др. (лл. 45–67).

«Дело о непозволительных стихах» прекращено 17 июня 1838 года, а 7 декабря 1838 года Раевский был прощен и ему было дозво-

лено продолжать службу на общих основаниях.

10 апреля. Лермонтов выехал из Москвы.

В «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» в разделе «Выбыли из Москвы» значится: «По полудни в 1 час в Тифлис Нижегородского драг<унского> п<олка> пр<апорщик> Лермонтов».

Архив московского военного генерал-губернатора, рапорты г. московского коменданта по разным предметам, т. I, л. 287; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727.

Вторая половина апреля — первые числа мая. Лермонтов приехал в Ставрополь, «простудившись дорогой» (ср. письмо № 28, настоящий том, стр. 440).

А. В. Попов датирует приезд в Ставрополь 15 апреля. Такая датировка сомнительна. (А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 28).

2 мая. Цензоры А. Крылов и С. Куторга разрешили «Современник», т. VI, № 2, в котором за подписью «М. Лермантов» на стр. 207–211 помещено стихотворение «Бородино».

13 мая. Находясь в Ставрополе, Лермонтов

подал в Штаб войск на Кавказской линии и в Черномории рапорт «об освидетельствовании болезни его».

Центральный Государственный архив Грузинской ССР, ф. 1083, оп. 10, д. № 46. Журнал входящих бумаг за 16 марта — 1 июня 1837 года, л. 228 об.; Временник, стр. 62.

Помещенный сначала в ставропольский военный госпиталь, Лермонтов был переведен затем в пятигорский военный госпиталь для лечения минеральными водами (см. дату 22 октября 1837 года).

18 мая. Датирован карандашный рисунок Лермонтова «Сцены из ставропольской жизни».

Рисунок хранится в художественной галерее г. Молотова. Воспроизведен в книге: А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 58–59; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 131.

7/19 мая. Письмо А. И. Философова к его старому боевому товарищу, начальнику Штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-майору В. Д. Вольховскому (в прошлом товарищу Пушкина по Царскосельскому лицей, затем члену Союза благоденствия) с просьбой

оказать содействие и покровительство его молодому родственнику Лермонтову, переведенному на Кавказ.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 674 и 678–680.

Письмо А. И. Философова до нас не дошло, его содержание восстанавливается по ответному письму Вольховского от 8 августа 1837 года (см. дату 8 августа).

31 мая. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной из Пятигорска.

Настоящий том, письмо № 26, стр. 438.

2 июня. Лермонтов находится на излечении в пятигорском военном госпитале.

Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 13.

Июнь, июль и начало августа (примерно по 5 августа). Лермонтов в Пятигорске принял не менее 60 минеральных ванн.

Пребывание Лермонтова в Пятигорске и лечение его минеральными ваннами подтверждается записями от 4, 13, 26 и 30 июня, 6, 11, 15, 21 и 26 июля 1837 года в «Книге на записку прихода денег, получаемых с гг. посетителей по выдаваемым им билетам на пользование серными минеральными ваннами на

Горячих водах на 1837 год». «Книга» находилась в Пятигорском Государственном архиве и была обнаружена С. И. Недумовым в 1940 году. В период фашистской оккупации в 1943 году эти материалы погибли.

21 июня. В Тульскую палату Гражданского суда подано прошение М. Ю. Лермонтова и его теток Александры и Натальи Петровны Лермонтовых и Елены Петровны Виолевой (сестер отца Лермонтова) о любовном разделе «движимого и недвижимого имущества Тульской губернии Ефремовского уезда сельца Кропотово или Любошевки, Каменный верх тож».

ГИМ, инв. № 26275, лл. 157–160.

За Лермонтова по передоверенности Е. А. Арсеньевой действовал Григорий Васильевич Арсеньев.

22 июня. Г. В. Арсеньев, Александра и Наталья Петровны Лермонтовы и Елена Петровна Виолева опрошены по делу о любовном разделе Кропотова.

Там же.

10 июля. «Рапорт генерал-майора Вольховского от 10 июля № 614 об отправлении в дей-

ствующий за Кубань отряд Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова».

Журнал входящих и исходящих бумаг Штаба войск на Кавказской линии и в Черномории за 21 июня — 31 декабря 1837 года — Центральный Государственный архив Грузинской ССР, ф. 1083, оп. 10, д. № 51, стр. 67 об.; ср.: Временник, стр. 62.

В это время Лермонтов лечился в Пятигорске и в отряд Нижегородского драгунского полка отправился только осенью. Достоверно известно, что до 28 сентября Лермонтов в отряде не находился (Временник, стр. 63).

Ср. дату 8 августа 1837 года.

13 июля. Письмо Е. А. Арсеньевой к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой ходатайствовать «о всемилостивейшем прощении внука».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 674–675.

16 июля. Лермонтов ездил из Пятигорска в Железноводск.

Настоящий том, письмо № 27, стр. 439.

18 июля. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой.

Настоящий том, письмо № 27, стр. 439.

20 июля. Адъютант вел. кн. Михаила Павловича Я. И. Ростовцев отправил своему сослуживцу и другу, также адъютанту Михаила Павловича, А. И. Филосову письмо Е. А. Арсеньевой от 13 июля. В сопроводительном письме Ростовцев сообщал: «...его высочеству угодно, чтобы вы изволили сообщить г-<ж>е Арсеньевой прежнюю, лично объявленную вам его высочеством, резолюцию».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 676.

Текст этой резолюции не известен.

Июль. Е. А. Арсеньева на основании доверенности, выданной ей Лермонтовым 2 марта 1837 года, передоверила Г. В. Арсеньеву право совершить в Тульской палате Гражданского суда купчую крепость на проданную Е. П. Виолевой за 25 тысяч рублей часть имения Кропотово.

ГИМ, инв. № 26275, лл. 166–167.

27 июля. Не дошедшее до нас письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой.

Соч. изд. Акад. библиотеки, т. 5, 1913, стр. 39.

Лето. В Пятигорске Лермонтов встретился с Н. М. Сатиным, с которым был знаком еще

по Московскому университетскому благородному пансиону, В. Г. Белинским и доктором Н. В. Майером, прототипом доктора Вернера в повести «Княжна Мери».

Воспоминания Н. М. Сатина. «Почин», М., 1895, кн. 1, стр. 238–241.

О встрече Лермонтова с Белинским в Пятигорске в 1837 году см. соображения Н. Л. Бродского (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 730–740) и Ю. Г. Оксмана (ЛН, т. 56, 1950, стр. 240–241).

После 5 августа. Лермонтов продолжает курс лечения минеральными водами в Кисловодске.

Временник, стр. 57.

8 августа. Ответное письмо начальника Штаба Отдельного кавказского корпуса генерал-майора В. Д. Вольховского из Пятигорска А. И. Философову (на его письмо от 7 мая), в котором говорится, что Лермонтов «командирован за Кубань в отряд ген. Вельяминова: два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему небесполезны... По возвращении Лермантова из экспедиции постараюсь действовать на счет его в твоём смысле».

ЛН. т. 45–46, 1948, стр. 678–680.

1 сентября. А. И. Философов в письме к жене в Петербург, находясь на маневрах в свите вел. кн. Михаила Павловича, пишет: «Тетушке Елизавете Алексеевне скажи, что граф <А. Ф.> Орлов сказал мне, что Михайло Юрьевич будет наверное прощен в бытность государя в Анапе, что граф Бенкендорф два раза об этом к нему писал и во второй раз просил доложить государю, что прощение этого молодого человека он примет за личную себе награду; после этого, кажется, нельзя сомневаться, что последует милостивая резолюция».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 678.

Первая половина сентября. С Кавказских минеральных вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов едет в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд генерала Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I. Вынужденная задержка в Тамани.

Временник, стр. 58–59; ЛН, т. 58, 1952, стр. 431; А. В. Попов. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949, стр. 84 и сл.

28 сентября. «Прапорщика Лермантова в действующем отряде не находится».

Надпись на отношении командира Нижегородского драгунского полка от 28 июля № 335, препровожденном с надписью гвардии капитана Всеволожского от 1 сентября № 3756. Центральный Государственный архив Грузинской ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 1202, л. 212; Временник, стр. 63.

29 сентября. Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в свой полк в Тифлис с одновременным рапортом об этом на имя корпусного командира. Выдана подорожная за № 21. В Ольгинском, повидимому, произошла встреча с Н. С. Мартыновым, которому Лермонтов должен был доставить пакет с письмами и деньгами от родителей Мартынова из Пятигорска.

Дело походного дежурства Штаба войск Кавказской линии и в Черномории за 13 марта 1837-3 марта 1838 года «о прикомандировании к войскам действующего отряда в экспедиции 1837 года гг. офицеров и нижних чинов, по распоряжению командира Отдельного кавказского корпуса, из прочих войск» — Центральный Государственный архив Гру-

зинской ССР, ф. 1063, оп. 5, д. 70, л. 240; ср.: Временник, стр. 60 и 64; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 691 и сл.

Вторая половина сентября. Не дошедшее до нас письмо В. Г. Белинского к Н. М. Сатину из Москвы с будто бы неприязненным отзывом о Лермонтове.

«Почин», М., 1895, кн. 1, стр. 240.

5 октября. Н. С. Мартынов в письме из Екатеринодара пишет отцу: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил; но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои...».

РА, 1894, кн. 2, стр. 606–607; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 691.

До 22 октября. По пути в Тифлис Лермонтов задерживается в Ставрополе. Здесь он бывает в доме своего родственника начальника Штаба войск Кавказской линии и в Черномории генерал-майора П. И. Петрова, встречается с Н. М. Сатиным и доктором Н. В. Майером. Через Сатина и Майера Лермонтов познакомился с сосланными на Кавказ декабристами

С. Кривцовым и В. Голицыным, а быть может, и с прибывшими из Сибири в первых числах октября В. Н. Лихаревым, М. А. Назимовым, М. М. Нарышкиным, А. И. Одоевским и А. И. Черкасовым.

Временник, стр. 60; ЛН, т. 58, 1952, стр. 431 и сл.; «Почин», М., 1895, кн. 1, стр. 241–242.

По свидетельству Е. И. Майделя, «Лермонтов, во время первой ссылки, приехал в Ставрополь совсем без вещей, которые у него дорогой были украдены, и поэтому явился к начальству не тотчас по приезде в город, а когда мундир и другие вещи были приготовлены, за что он и получил выговор, так как в штабе нашли, что он должен был явиться в чем приехал» (П. К. Мартьянов. Дела и люди века, т. II, СПб., 1893, стр. 147).

Предположению А. В. Попова, что Лермонтов *останавливался* у своего дядюшки П. И. Петрова, противоречат воспоминания сына Петрова Аркадия: «В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он <Лермонтов> находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно *навещая в это время*

отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, пришедшейся Лермонтову двоюродной теткой» (РА, 1867, стр. 1175; ср.: А. В. Попов. М. Ю. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949, стр. 9-10; А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 30 и 102).

Октябрь. Возможная поездка Лермонтова из Ставрополя в имение его родственников Хастатовых Шелковое на Тереке, неподалеку от Кизляра.

Временник, стр. 60 (ср. настоящий том, письмо № 28, стр. 440: «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани»). Подробнее о пребывании Лермонтова в Шелковом и о значении этой поездки для творчества поэта см.: И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 165-196.

10 октября. На Дидубийском поле под Тифлисом Николай I произвел смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых были четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, найденные царем в отличном

состоянии.

В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV, 1894, стр. 85–86; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 747; Временник, стр. 60.

Повидимому, Лермонтов в это время находился еще в Ставрополе (см. дату 22 октября 1832) или на Тереке (поездка в Шелковое к Хастатовым), но смотр Нижегородского полка под Тифлисом, по словам историка полка В. Потто, «косвенным образом повлиял» на судьбу Лермонтова (т. IV, стр. 86). Предположения И. Андроникова («Лермонтов», М., 1951, стр. 188), И. Ениколопова (Лермонтов на Кавказе. Тифлис, 1940, стр. 25–28 и 92) и М. Ашукиной-Зенгер (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 747) о том, что в первой половине октября Лермонтов был уже в Тифлисе и 10 октября присутствовал на смотре, мало убедительны и требуют документальных подтверждений.

11 октября. В Тифлисе отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «прапорщика Лермантова лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом». Приказ за отсутствием военного министра подписал генерал-адъютант Адлерберг.

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших приказов, оп. 3, № 2, л. 4.

17 октября. В Ставрополь в 7 часов вечера приехал из Тифлиса Николай I и выехал из Ставрополя в Новочеркасск вечером 18 октября.

В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV, 1894, стр. 89; А. В. Попов. М. Ю. Лермонтов в первой ссылке. Ставрополь, 1949, стр. 91.

20 октября. Согласно прошению из Ефремовского уездного казначейства Григорию Васильевичу Арсеньеву выдана копия ревизской сказки по с. Кропотово от 20 марта 1834 года.

ГИМ, инв. № 26275, л. 142.

21 октября. В. А. Жуковский записал в дневнике: «Пребывание в Новочеркасске. Прибытие государя в 1/2 11. Его коротенькая и выразительная речь в кругу, окруженном знаменами и регалиями атаманскими... Обед за маршальским столом. Рассказы о опасности государя <катастрофа в Тифлисе на Верейском спуске>. Прощение Лермонтова. Почему Бенкендорф упомянул обо мне?».

Дневники В. А. Жуковского с примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1903, стр. 369.

22 октября. Штабом войск на Кавказской линии и в Черномории выдано прапорщику Нижегородского драгунского полка Лермонтову свидетельство в том, что «по переводе его в этот полк, он по пути следования заболел и в г. Ставрополе поступил в военный госпиталь, откуда переведен в Пятигорский для пользования минеральными водами, по выздоровлении же, согласно воли г. командира Отдельного кавказского корпуса, изъясненной в рапорте начальника корпусного штаба генерал-майора Вольховского г. командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории от 10 июля № 614, командирован был в действующий за Кубанью отряд для участия в делах против горцев». В тот же день в журнале исходящих бумаг штаба отмечено предписание от начальника штаба в Комиссию ставропольского комиссариатского депо «об отпуске прогонных денег Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову от Пятигорска до Тамани и обратно до Ставрополя».

Журнал исходящих бумаг Штаба войск на Кавказской линии и в Черномории за 21 июня — 31 декабря 1837 года — Центральный Государственный архив Грузинской ССР, ф. 1083, оп. 10, д. 51, стр. 336; Временник, стр. 65; ср. аннотацию к дате 10 июля 1837 года.

Конец октября — ноябрь. Лермонтов, направляясь в Нижегородский драгунский полк, в котором всё еще продолжал числиться до 25 ноября, «переехал горы», а затем в Закавказье «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии».

Настоящий том, письмо № 28, стр. 440.

И. Л. Андроников высказал предположение, что Лермонтов попал в Кубу, Шемаху и Шушу в связи с кубинским восстанием (И. Андроников. «Лермонтов». М., 1951, стр. 118). Однако следует отметить, что восстание в Кубе вспыхнуло 11 сентября, когда Лермонтов по всей вероятности был еще на Северном Кавказе или на Кубани.

Ноябрь. В Закавказье Лермонтов сдружился с поэтом-декабристом А. И. Одоевским. Возможное знакомство Лермонтова в Тифлисе с азербайджанским поэтом и драматургом

Мирза Фатали Ахундовым и семьей А. Г. Чавчавадзе.

Настоящий том, письмо № 28, стр. 440 и стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» (настоящее издание, т. II, стр. 131 и 342); И. Андроников. «Лермонтов». М., 1951, стр. 158–196; ср.: А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 114–117.

1 ноября. В «Русском инвалиде» опубликован высочайший приказ, данный 11 октября 1837 года в Тифлисе о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

«Русск. инвалид», 1837, 1 ноября, № 273; ср.: И. Андроников. «Лермонтов». М., 1951, стр. 184.

6 ноября. Письмо Е. А. Мартыновой из Москвы к сыну Н. С. Мартынову, в котором она сетует на пропажу писем, посланных с Лермонтовым, и обвиняет Лермонтова в том, что эти письма он будто бы распечатал и прочел.

РА, 1894, кн. 2, стр. 608–609; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 692–694.

15 ноября. Письмо Е. А. Арсеньевой к П. А. Крюковой о переводе Лермонтова из Нижего-

родского драгунского полка в Гродненский гусарский и о продаже сестрам Лермонтовым (теткам поэта) и П. В. Виолеву части имения Ю. П. Лермонтова Кропотово, доставшегося после его смерти сестрам Лермонтовым и Михаилу Юрьевичу.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 650–651. Ср. даты: 22 января 1836; 25 июня 1836; 2 марта 1837 и 21 июня 1837 года.

25 ноября. Лермонтов выключен из списков Нижегородского драгунского полка.

Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 15.

Ноябрь. Запись Лермонтова: «Я в Тифлисе у Петр. Г...» и т. д.

Настоящий том, стр. 383; ср.: И. Андроников. «Лермонтов». М., 1951, стр. 204–221.

Ноябрь. Лермонтов записал сказку «Ашик-Кериб» (возможно по рассказу Мирза Фатали Ахундова).

Настоящий том, стр. 194 и сл., 646 и сл.

Вторая половина ноября — первая половина декабря. Письмо Лермонтова к С. А. Равескому о странствованиях по Кавказу и Закавказью.

Настоящий том, письмо № 28, стр. 440.

Начало декабря. На пути из Тифлиса во Владикавказ написано стихотворение «Спеша на север из далека».

Настоящее издание, т. II, стр. 103–104 и 336.

Около 10 декабря. Лермонтова, приехавшего по Военно-Грузинской дороге во Владикавказ из Тифлиса, видел в заезжем доме В. В. Бобарыкин.

«М. Ю. Лермонтов, в военном сертуке, и какой-то статский (оказалось француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во все горло распевая: „A moi la vie, à moi la vie, à moi la liberté“ <«Ко мне жизнь, ко мне жизнь, ко мне свобода!»>». (В. В. Бобарыкин. Три встречи с М. Ю. Лермонтовым. «Русск. библиофил», 1915, май, стр. 76).

14 декабря. Запись в дневнике неизвестного кавказского офицера: «14. В Прохладной встретил я Лермонтова, едущего в С.-Петербург».

ГПБ, Рукописное отделение, Собрание рукописей П. Н. Тиханова, № 326, тетрадь III, л. 14.

Вторая половина декабря. По пути в Пе-

тербург Лермонтов задержался в Ставрополе. Встречи с П. И. Петровым, Н. М. Сатиным, Н. В. Майером и сосланными декабристами.

«Почин», М., 1895, кн. 1, стр. 242–250; РА, 1867, кн. 7, стлб. 1175; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 491; ЛН, т. 58, 1952, стр. 432.

Конец года. Лермонтов в дороге с Кавказа в Петербург.

1838

3 января. «По полудни в 6 часов из Тифлиса лейб-гвардии Гродненского полка корнет Лермонтов» прибыл в Москву.

ЦГВИА, Архив московского военного генерал-губернатора, рапорты г. московского коменданта по разным предметам. Ведомость о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ от 4 января 1838 г., т. I, лл. 277 и 278; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727.

Начало января (после 3 числа). Находясь проездом в Москве, Лермонтов «отдал в руки дядюшке Афанасию Алексеевичу <Столыпину>» письмо от П. И. Петрова, посланное с ним из Ставрополя.

Настоящий том, письмо № 29, стр. 442.

Вторая половина января. Лермонтов при-

ехал в Петербург. «Представления, церемонные визиты», почти ежедневные посещения театра. Был у Жуковского, отнес ему по его просьбе «Тамбовскую казначейшу»; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, решили напечатать в ближайшем номере «Современника».

Настоящий том, письма № 29 и 30, стр. 442.

1 февраля. Письмо Лермонтова из Петербурга к П. И. Петрову в Ставрополь с приложением 1050 рублей, которые П. И. Петров ему одолжил.

Настоящий том, письмо № 29, стр. 442.

На письме приписки Е. А. Арсеньевой и М. А. Шан-Гирей. Арсеньева благодарит Петрова «за любовь... к Мишеньке» (Литературный сборник, I. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XLII, Кострома, 1928, стр. 1-10).

15 февраля. Письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной. К письму приложено стихотворение «Молитва странника».

Настоящий том, письмо № 30, стр. 442. В письме Лермонтов сообщает два адреса: петербургский и новгородский, куда Лермонтов

предполагает выехать на следующий день.

16 февраля (или несколькими днями позже). Отъезд Лермонтова из Петербурга в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений, в распоряжение штаба лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Настоящий том, письмо № 30, стр. 442; Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1898, стр. 205–208.

26 февраля. Лермонтов прибыл в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (Новгородская губерния, первый округ военных поселений). Явившись к командиру полка кн. Д. Г. Багратиону, он получил назначение состоять в четвертом эскадроне, которым командовал К. Войнилович.

Лермонтов обедал у братьев Безобразовых и проиграл А. И. Арнольди в карты 800 рублей. Поселился вместе с Н. А. Краснокутским в так называемом «доме сумасшедших» для холостых офицеров.

Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1898, стр. 205–208; ЛН, т. 58, 1952, стр. 457–464.

27 февраля. Лермонтов дежурил по второй

половине лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Там же.

3 марта и ночь на 4 марта. Лермонтов принимал участие в проводах М. И. Цейдлера, откомандированного из лейб-гвардии Гродненского гусарского полка в Отдельный кавказский корпус. Экспромт: «Русский немец белокурый едет в дальнюю страну».

Настоящее издание, т. II, стр. 105 и 336; М. Цейдлер. На Кавказе в 30-ых годах. РВ, 1888, кн. 9, стр. 122–126; ЛН, т. 58, 1952, стр. 464.

Март — начало апреля. Лермонтов написал масляными красками картины «Черкес» и «Воспоминание о Кавказе», которые подарил А. И. Арнольди.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 94–95; т. 58, 1952, стр. 464.

25 марта. Военный министр А. И. Чернышев получил представление шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа за № 1647 от 24 марта о прощении Лермонтова и переводе его в лейб-гвардии Гусарский полк.

В отношении говорится: «Родная бабка его, вдова гвардии поручика Арсеньева, огорчен-

ная невозможностию беспрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам его императорского величества просьбу свою... о переводе внука ее лейб-гвардии в Гусарский полк... я имею честь покорнейше просить... в особенное, лично мое одолжение испросить у государя императора к празднику св. Пасхи всемилостивейшее совершенное прощение корнету Лермонтову...».

«Дело Министерства военного, департамента инспекторского, отделения 1, стола 4 № 721 по представлению шефа жандармов, командующего императорскою главною квартирою о переводе корнета л.-г. Гродненского гусарского полка Лермантова л.-г. в Гусарский полк» — ИРЛИ, оп. 3, № 6, лл. 3–4; ср. оп. 3, № 10, л. 14; ВЕ, 1887, кн. 1, стр. 344; Щеголев, вып. I, стр. 325–326.

27 марта. Генерал-адъютант В. Ф. Адлерберг доложил Николаю I представление Бенкендорфа. «Высочайше повелено спросить мнение его высочества Михаила Павловича».

См. дату 4 апреля 1838 года.

30 марта. Отношение из Военного министерства к командиру Отдельного гвардейского корпуса вел. кн. Михаилу Павловичу с запросом, нет ли «какого-либо препятствия к переводу корнета Лермантова л-гв. в Гусарский полк».

ИРЛИ, оп. 3, № 10, л. 15.

4 апреля. Отзыв вел. кн. Михаила Павловича, адресованный военному министру гр. А. И. Чернышеву: «На перевод корнета Гродненского гусарского полка Лермантова, л. — гв. в Гусарский полк я со своей стороны совершенно согласен».

Там же, л. 6; Щеголев, вып. I, стр. 326–327.

7 апреля. Отзыв вел. кн. Михаила Павловича получен первым отделением инспекторского департамента военного министерства.

Там же.

9 апреля. Опубликован высочайший приказ: «...апреля 9 дня 1838 года... по кавалерии переводятся: лейб-гвардии Гродненского полка корнет Лермантов, лейб-гвардии в Гусарский полк». Подписал военный министр гр. А. И. Чернышев.

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших

приказов, оп. 3, № 2, л. 5; Щеголев, вып. I, стр. 327.

Март — первая половина апреля. Н. А. Краснокутский, с которым Лермонтов жил под Новгородом в Селищенских казармах, сделал подстрочный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова», и Лермонтов тогда же сделал вольный перевод этого стихотворения под тем же заглавием.

Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1890, стр. 206 и 255; ЛН, т. 58, 1952, стр. 464; настоящее издание, т. II, стр. 116 и 340.

18 апреля. Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время еще оставался в л. — гв. Гродненском гусарском полку.

Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. I. СПб., 1890, стр. 207.

26 февраля — 19 апреля. За это время Лермонтов в л. — гв. Гродненском гусарском полку 8 раз был дежурным по второй половине полка, 2 раза был в церковном параде, причем один раз командовал взводом, и два раза был в отпуску в Петербурге, каждый раз по 8 дней.

Сообщение командира полка гр. Олсуфьева. Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 15–16.

30 апреля. Вышел № 18 «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», где за подписью «— въ» напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

«Лит. прибавл. к Русск. инвалиду», 1838, 30 апреля, № 18, стр. 344–347; настоящее издание, т. IV, стр. 101–117 и 404–405.

Цензурное разрешение 29 апреля 1838 г., цензоры: П. Гаевский и С. Куторга.

14 мая. Лермонтов прибыл в лейб-гвардии Гусарский полк, расквартированный в Софии под Царским Селом.

Ракович, Приложения, стр. 28.

Весною. Проездом за границу остановилась в Петербурге Варвара Александровна Бахметева, рожденная Лопухина. Последняя встреча с нею Лермонтова и А. П. Шан-Гирея.

РО, 1890, кн. 8, стр. 745–746.

8 июня. Письмо Лермонтова к С. А. Раевскому.

Настоящий том, письмо № 31, стр. 445.

1 июля. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Современник», т. XI, № 3, где в отд. VIII на стр. 149–178 без подписи автора напечатана «Казначейша».

Историю напечатания см.: настоящий том, письмо № 30, стр. 442.

6 и 11 июля. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

8 сентября. Дата рукой Лермонтова на обложке копии «Демона»: «1838 года сентября 8 дня».

Настоящее издание, т. IV, стр. 423.

5 и 6 октября. Высочайшие приказы о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

29 октября. Е. А. Арсеньева посылает А. И. Философову рисунок Лермонтова карандашом и картину — вид кавказских гор, нарисованную Лермонтовым по возвращении с Кавказа. Ее сопроводительное письмо.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 680.

Конец года. Письмо Лермонтова из Петербурга к М. А. Лопухиной в Москву.

Настоящий том, письмо № 32, стр. 446.

6 ноября. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

4 декабря. Лермонтов закончил работу над VII редакцией поэмы «Демон».

Настоящее издание, т. IV, стр. 414; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 14.

7 декабря. С. А. Раевский прощен, и ему дозволено продолжать службу на общих основаниях.

Дело о непозволительных стихах, л. 61; ср.: Висковатов, Приложения, стр. 14.

1839

1 января. Цензоры А. Никитенко и С. Курторга разрешили «Отеч. записки, учено-литературный журнал на 1839 год, издаваемый Андреем Краевским». т. I, № 1, где в отд. III, на стр. 148–149 за подписью «М. Лермонтов» напечатано стихотворение «Дума».

Извещение о выходе «Отеч. записок» на 1839 год № 1 с упоминанием стихотворения Лермонтова напечатано было в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 24 декабря 1838 года (№ 52, стр. 1036) и в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 1 января 1839 года (№ 1, стр. 18).

1 февраля. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отеч. записки», т. II, № 2, где в отд. III, на стр. 163–164 напечатано за подписью «М. Лермонтов» стихотворение «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал»).

В оглавлении журнала стихотворение «Поэт» не обозначено.

Извещение о выходе в свет «Отеч. записок», т. II, № 2 с указанием, что там помещено стихотворение Лермонтова «Поэт», напечатано было в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 11 февраля 1839 года (т. I, № 6, отд. «Лит. известия», стр. 131).

Конец февраля — начало марта. Лермонтов написал стихотворение «Ребенка милого рожденье приветствует мой запоздалый стих», посвященное сыну Алексея Александровича Лопухина — Александру, который родился 13 февраля 1839 года.

Фонд А. А. Лопухина — ЦГИАЛ; настоящее издание, т. II, стр. 120 и настоящий том, письмо № 34, стр. 448.

1 марта. Цензурное разрешение «Моск. наблюдателя», ч. II, № 4, где в отд. IV на стр. 134

помещен отзыв Белинского о стихотворении Лермонтова «Поэт».

15 марта. Медынский уездный суд Калужской губернии, рассмотрев доказательства на наследство после В. И. Афремова, признал наследниками по Афремове Арсеньевых и Лермонтова и со стороны его матери поручика Дуракова.

Н. А. Мурзанов. К биографии Лермонтова. РС, 1914, т. 160, кн. 10, стр. 87-105; ср. дату 3 августа 1839 года.

Первая половина марта. В «Отеч. записках», т. II, № 3, отд. III, стр. 167–212 напечатана за подписью «М. Лермонтов» «Бэла. Из записок офицера о Кавказе».

Сообщение о том, что в мартовской книжке «Отеч. записок» напечатан рассказ Лермонтова «Бэла», помещено было в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 18 марта 1839 года (т. I, № 11, отд. «Лит. известия», стр. 239); ср.: «Моск. наблюдатель», 1839, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 131; «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, 1841, Band I, Heft IV, стр. 235.

16 марта. Цензурное разрешение «Сына отечества», т. VII, ч. II, где в отд. IV на стр. 87

дан положительный отзыв о стихотворении Лермонтова «Поэт» и приведена цитата из него.

16 марта. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

Конец февраля — март. Письмо Лермонтова из Петербурга в Москву к А. А. Лопухину со стихами, посвященными его новорожденному сыну.

Настоящий том, письмо № 34, стр. 448.

Вторая половина марта или начало апреля. Святослав Афанасьевич Раевский, освобожденный из ссылки, приехал из Петрозаводска в Петербург. Через несколько часов после его приезда Лермонтов вбежал в комнату, где его друг беседовал с приехавшими из Саратова матерью и сестрой, и бросился на шею к Раевскому. «Я помню, — рассказывала П. А. Висковатова сестра Раевского, — как Михаил Юрьевич целовал брата, гладил его и всё приговаривал: „прости меня, прости меня, милый!“ — я была ребенком и не понимала, что это значит; но как теперь вижу растроганное лицо Лермонтова и большие полные слез гла-

за. Брат был тоже расстроен до слез и успокаивал друга».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 320; ср. письмо № 23 (настоящий том, стр. 436).

14 апреля. Цензоры А. Никитенко и С. Курторга разрешили «Отеч. записки», т. III, № 4, где в отд. III, на стр. 131–132 напечатано стихотворение «Русалка», подписанное «М. Лермонтов».

Сообщения о выходе в свет апрельской книжки «Отеч. записок» с указанием, что там напечатано стихотворение Лермонтова «Русалка», появились в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 15 апреля 1839 года (т. I, № 15, в отд. «Лит. известия», стр. 327) и в «Русск. инвалиде» 22 апреля 1839 года (стр. 387, № 97); см. также: «Моск. наблюдатель», 1839, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 134.

Май. В майской книжке «Отеч. записок», т. III, № 5, в отд. III напечатаны стихотворения «Ветка Палестины» (стр. 275–276) и «Не верь себе» (стр. 277–278), подписанные «М. Лермонтов».

В «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 20 мая 1839 года (т. I, № 20, стр. 430, в отд. «Лит. изве-

стия») сообщается, что в майской книжке «Отеч. записок» напечатаны стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины» и «Не верь себе». О выходе майской книжки «Отеч. записок», где помещена «Ветка Палестины», сообщается в «Русск. инвалиде» 22 мая 1839 года (№ 126, стр. 503); ср.: «Моск. наблюдатель», 1839, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 134.

9 и 27 мая, 12, 13, 14 июня. Высочайшие приказы о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

14 июня. Цензоры А. Никитенко и П. Корсаков разрешили «Отеч. записки» т. IV, № 6, где в отд. III, на стр. 80–81 напечатаны стихотворения: «Еврейская мелодия (Из Байрона)» — («Душа моя мрачна») и «В альбом (Из Байрона)» — («Как одинокая гробница»), подписанные «М. Лермонтов».

В «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 17 июня 1839 года (т. I, № 24, стр. 514, в отд. «Лит. известия») сообщалось, что в июньской книжке «Отеч. записок» напечатано стихотворение Лермонтова «Еврейская мелодия (Из Байрона)».

23 июня, 14, 15, 26–31 июля, 2 и 7 августа.

Высочайшие приказы о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

3 августа. Арсеньевы и Лермонтов продали коллежскому асессору Владимиру Ефимовичу Миронову часть имения, доставшуюся им по наследству от В. И. Афремова.

Н. А. Мурзанов. К биографии М. Ю. Лермонтова. РС, 1914, т. 160, кн. 10, стр. 87–105; ср. дату 15 марта 1839 года.

До 5 августа. Записка к Лермонтову В. Ф. Одоевского.

Настоящий том, письмо № 10, стр. 471 и 772.

5 августа. Дата рукой Лермонтова на обложке рукописи «Бэри» <«Мцыри»>: «Поэма 1839 года. Августа 5».

Настоящее издание, т. IV, стр. 408.

11 августа. Стихотворение Анне Алексеевне Олениной «Ах! Анна Алексевна», написанное Лермонтовым в день ее рожденья.

Настоящее издание, т. II, стр. 121 и 341.

14 августа. Цензоры А. Никитенко и В. Лангер разрешили «Отеч. записки», т. V, № 8, где в отд. III, на стр. 168–170 напечатано стихотворение «Три пальмы (Восточное сказа-

ние)», подписанное «М. Лермонтов».

Сообщение о том, что в августовской книжке «Отеч. записок» напечатано стихотворение Лермонтова «Две пальмы» появилось в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 19 августа 1839 года (т. II, № 7, отд. «Лит. известия», стр. 135).

15 августа. В Псезуапе, неподалеку от Сочи, от злокачественной малярии умер друг Лермонтова поэт-декабрист Александр Иванович Одоевский.

Ср. дату 14 декабря 1839 года.

19 августа. По представлению Медынского суда Калужское губернское правление за № 6681 объявило запрещение на движимые и недвижимые имущества, доставшиеся по наследству от В. И. Афремова Арсеньевым, Лермонтову и Дуракову за неплатеж ими двух тысяч рублей, занятых в 1832 году Афремовым у «артиллерии прапорщицы» Елизаветы Петровны Рыбаковой.

Сенатские объявления о запрещении на недвижимые имущества 1839 года, ХСVIII; ср.: Н. А. Мурзанов. К биографии М. Ю. Лермонтова. РС, 1914, т. 160, кн. 10, стр. 87-105.

12 сентября. Лермонтов у Карамзиных в присутствии А. И. Тургенева читал отрывок из «Героя нашего времени».

В тот же день вечером Лермонтов был у Валуевых, где были также А. И. Тургенев, Л. Ф. Полуэктова, А. В. Мергасов и Александр Н. Карамзин

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 399.

17 сентября. Этим числом Лермонтов предполагал датировать начало повести «Штосс». Один из черновых вариантов: «17 сентября 1839 года был музыкальный вечер у С...».

Настоящий том, стр. 615; ЛН, т. 58, 1952, стр. 371.

10 октября. А. А. Краевский в письме к И. И. Панаеву пишет: «Лермонтов отдал бабам читать своего „Демона“, из которого я хотел напечатать отрывки...».

Настоящее издание, т. IV, стр. 417; И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 190; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 369.

21 октября. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

24 октября. Лермонтов обедал у Карамзиных в день 25-летия Андрея Николаевича Карамзина. Там же присутствовали В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и А. И. Тургенев.

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948. стр. 399.

В этот день запись в дневнике В. А. Жуковского: «Поездка в Петербург <из Царского Села> с Вельгорским по железной дороге. Дорогой чтение „Демона“» (Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 508).

27 октября. Лермонтов в театре с П. А. Вяземским, П. А. Валуевым и А. И. Тургеневым на балетном спектакле с участием Тальони в роли Сильфиды.

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср. не совсем точное воспроизведение записи А. И. Тургенева в ЛН. т. 45–46, 1948, стр. 399.

2 ноября. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...к кн<язю> Меншикову просить за Лер-

МОНТОВА...».

Там же. О чем должен был просить Тургенев за Лермонтова — не известно.

5 ноября. Запись в дневнике В. А. Жуковского: «Обедал у Смирновой. По утру у Дашкова. Вечер у Карамзиных. Князь и княгиня Голицыны и Лермонтов».

Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 510.

6 ноября. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

14 ноября. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отеч. записки» т. VI, № 11, где в отд. III напечатаны на стр. 146–158 повесть «Фаталист» и на стр. 272 стихотворение «Молитва» («В минуту жизни трудную»), подписанные «М. Лермонтов».

В примечании редакции сообщалось: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе».

В «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 16 сентября 1839 года (т. II, № 11, отд. «Лит. известия», стр. 216) сообщалось, что в ближайшей книжке «Отеч. записок» будет напечатана повесть Лермонтова «Фаталист».

5 ноября редактор и издатель «Отеч. записок» А. А. Краевский пишет цензору А. В. Никитенко: «Со мной случилась беда ужасная. Наборщики и верстальщик в типографии, вообразив, что от вас получена уже чистая корректура „Фаталиста“ (тогда как такая получена только от С. С. Куторги), третьего дня отпечатали весь лист, в котором помещалась эта повесть, оттиснув таким образом 3000 экз... можете представить весь мой ужас... прошу вас позволить... напечатать эту статью без ваших изменений... Я бы не умолял вас... если бы не видел, что эта маленькая статейка может пройти в своем первоначальном виде. Лермонтова любит и князь Мих<аил> Алекс<андрович> <Дундуков-Корсаков> и министр <С. С. Уваров>; право, тут худа быть не может...» (ИРЛИ, фонд Никитенко 18566. СХХІІІб., 1, л. 134; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 368).

Сообщение о том, что в ноябрьской книжке «Отеч. записок» напечатаны стихотворение Лермонтова «Молитва» и повесть «Фаталист», появилось в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 10 ноября 1839 года (т. II, № 20, отд. «Лит. известия», стр. 394).

16 ноября. Лермонтов был у А. И. Тургенева и с ним отправился на бал к Гогенлоэ, вюртембергскому посланнику в Петербурге, жена которого Екатерина Ивановна, урожденная Голубцова, двоюродная сестра Н. П. Огарева, пригласила Лермонтова на этот бал накануне, 15 ноября, через А. И. Тургенева.

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 399–400.

6 декабря. Опубликован высочайший приказ о том, что «по кавалерии: <производятся> на вакансии лейб-гвардии Гусарского полка... из корнетов в поручики... Потапов, Лермонтов и князь Вяземский 3-й». Подписал военный министр гр. Чернышев.

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших приказов, оп. 3, № 2, лл. 6–7; Щеголев, вып. II, стр. 22.

14 декабря. Цензоры А. Никитенко и С. Курторга разрешили «Отеч. записки», т. VII, № 12, где в отд. III, на стр. 1–3 напечатаны стихотворение «Дары Терека» (подпись: «М. Лермонтов») и на стр. 209–210 стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го» (подпись: «М. Ю. Лермонтов»)

Ср. дату 15 августа 1839 года.

Сообщение о том, что в декабрьской книжке «Отеч. записок» напечатано стихотворение Лермонтова «Памяти А. И. Од<оевско>го», — в «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду» 9 декабря 1839 года (т. II, № 23, отд. «Лит. известия», стр. 455).

22 декабря. Цензор Пахман разрешил к печати в Одессе «Одесский альманах на 1840», в котором напечатаны стихотворения «Узник» (стр. 567–568) и «Ангел» (стр. 702–703), подписанные «М. Лермонтов».

Последние числа декабря. И. С. Тургенев впервые видел Лермонтова. Встреча произошла в доме княгини Шаховской в Петербурге.

И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. Сочинения, т. 10, изд. библиотеки «Огонек», М., 1949, стр. 248–249.

31 декабря. Лермонтов на новогоднем балу-маскараде в зале Дворянского собрания в Петербурге. Смелая выходка Лермонтова против дочерей Николая I Марии и Ольги (одетых в голубое и розовое домино), которая вскоре повлекла резкое недовольство Бенкендорфа.

Здесь во второй и последний раз видел Лермонтова И. С. Тургенев.

Там же; Висковатов, стр. 314–316; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 410.

Зимой. Лермонтов заинтересован кн. М. А. Щербатовой (к ней относится пьеса: «На светские цепи»).

Настоящее издание, т. II, стр. 142 и 345–346; А. П. Шан-Гирей, РО 1890 кн 8, стр. 748; А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. «Мир», 1931, стр. 247–248.

Осенью и зимою. Лермонтов принимал участие в «Кружке шестнадцати». Это общество составилось из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. В «Кружок шестнадцати», кроме Лермонтова, входили: А. А. Столыпин-Монго, Кс. Браницкий, Н. А. Жерве, Д. П. Фредерикс, А. и С. Долгорукие,

П. А. Валуев, И. С. Гагарин, А. П. Шувалов и др. (имена всех 16 участников точно еще не установлены).

«Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III Отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало».

Н. Викторов. «Кружок шестнадцати». ИВ, 1895, т. 62, кн. 10, стр. 174–182; В. Бильбасов. Самарин Гагарину о Лермонтове. «Новое слово», 1891, № 2, стр. 37–47; М. Н. Лонгинов, РС, 1873, т. 7, кн. 3, стр. 382–383; Б. М. Эйхенбаум. Основные проблемы изучения Лермонтова. «Литературная учеба», 1935, № 6, стр. 37–39; М. Беляев. «Кружок шестнадцати». «Огонек», 1939, № 25–26, стр. 13; Э. Герштейн. Лермонтов и «Кружок шестнадцати». «Лит. критик», 1940, № 9–10, стр. 222–249. Последняя работа с некоторыми изменениями перепечатана в сборнике: «Жизнь и творчество М. Ю. Лермон-

това», сб. первый, стр. 77-124. Попытку критически пересмотреть все эти работы см.: Б. Е. Платонов. Лермонтов и «Кружок шестнадцати». Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института имени А. И. Герцена, т. 81 (кафедра русской литературы), Л., 1949, стр. 131-161.

Вторая половина декабря. Письмо Лермонтова к А. И. Тургеневу с текстом отрывка из стихотворения «Смерть Поэта».

Настоящий том, письмо № 35, стр. 450; ср.: ЛН, т. 45-46, 1948, стр. 27 (факсимиле).

На вечеринке у Гогенлоэ первый секретарь французского посольства в Петербурге барон д'Андрэ от имени посла де Баранта обратился к А. И. Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в известной строфе <стихотворения «Смерть Поэта»> бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?». Барант хотел бы знать правду от Тургенева. Тургенев текста стихотворения точно не помнил и, встретив на другой день Лермонтова, просил его сообщить ему текст стихотворения «Смерть Поэта». На следующий день Лермонтов прислал Тургеневу письмо, в котором

процитировал просимый отрывок. Однако справка Тургенева не понадобилась. «Через день или два, — писал А. И. Тургенев П. А. Вяземскому, — кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...» (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 408–409; ср. дату 2/14 января 1840 года).

1839. Стихотворения «На буйном пиршестве задумчив он сидел» и Э. К. Мусиной-Пушкиной («Графиня Эмилия») датируются этим годом, как написанные на одном листе с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Настоящее издание, т. II, стр. 134–135 и 343.

1840

1 января. Стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен» датировано: «1-е января».

Настоящее издание, т. II, стр. 136–137 и 344.

2/14 января. Лермонтов был приглашен на бал во французское посольство к Барантам.

Grégoire Morgulis. Un chantre russe de l'Empereur: Michel Lermontoff, 1814–1841. Revue des études napoleoniennes, t. XLVI, Janvier — Février, 1940, стр. 31; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 410 и 431.

14 января. Лермонтов вечером у Карамзинных. Здесь же были А. И. Тургенев, Жуковский, Вяземский. «Князь Одоевский... читал свою мистическую повесть». А. И. Тургенев спорил «с Вяземским и Жуковским за высшие начала психологии и религии...».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309; т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 399.

Между 14 и 17 января. Вышли в свет «Отеч. записки» т. VIII, № 1, где в отд. III, на стр. 140 напечатано стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен», подписанное «М. Лермонтов».

Цензурное разрешение 14 января, цензоры П. Корсаков и А. Фрейганг.

Сообщение о выходе январской книжки «Отеч. записок», где напечатано стихотворение Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен», появилось в «Лит. газете» 17 янва-

ря 1840 года (№ 5, стлб. 110).

20 января. В «Лит. газете» 20 января 1840 года (№ 6, стлб. 133) напечатано стихотворение «И скучно, и грустно», подписанное «М. Лермонтов».

Цензурное разрешение 19 января, цензоры А. Никитенко и В. Лангер.

В некоторых экземплярах «Лит. газеты» первый стих был ошибочно напечатан: «И скучно. И некому руку подать». Поправка была напечатана в «Лит. газете» 24 января 1840 года (№ 7, стлб. 167).

Начало года. Знакомство Лермонтова с Е. А. Баратынским у кн. В. Ф. Одоевского в Петербурге.

О своем знакомстве с Лермонтовым Баратынский писал жене: «Познакомился с Лермонтовым, который прочел прекрасную новую пьесу; человек без сомнения с большим талантом, но мне морально не понравился. Что-то нерадушное, московское» (Е. А. Баратынский, Полное собрание сочинений, т. 1, акад. изд. под ред. М. Гофмана, 1914, стр. 303).

9 февраля. Письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину о стихотворениях Лермонтова «Те-

рек» (т. е. «Дары Терека»): «Чорт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится *третий* русский поэт и что Пушкин умер не без наследника», о «Колыбельной песне казачки» (т. е. «Казачьей колыбельной песне»), о «Молитве» («В минуту жизни трудную») и о стихотворении «И скучно, и грустно».

Белинский, ИАН, т. XI, стр. 441–442.

12 февраля. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

Около 14 февраля. Вышла февральская книжка «Отеч. записок» т. VIII, № 2, где в отд. III напечатаны «Тамань» (стр. 144–154) и «Казачья колыбельная песня» (стр. 245–246), подписанные «М. Лермонтов».

Сообщение о выходе февральской книжки «Отеч. записок», где напечатаны «Тамань» и «Казачья колыбельная песня» Лермонтова. — в «Лит. газете» 14 февраля 1840 года (№ 13, стлб. 310).

16 февраля. На балу у графини Лаваль столкновение Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. Де

Барант вызвал Лермонтова на дуэль.

Настоящий том, письмо № 37, стр. 451; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 389–432.

18 февраля, воскресенье, в 12 часов дня. Дуэль Лермонтова с де Барантом за Черной речкой на Парголовской дороге при секундантах А. А. Столыпине и графе Рауле д'Англесе. После дуэли Лермонтов, слегка оцарапанный ниже локтя, заезжал к А. А. Краевскому.

Настоящий том, письмо № 37, стр. 451; Висковатов, стр. 322; А. П. Шан-Гирей, РО, 1890, кн. 8, стр. 747–748; И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 133–138.

19 февраля. Цензор П. Корсаков разрешил издание «Героя нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I и часть II. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1840».

Содержание: часть I (стр. 1-173). Бэла; Максим Максимыч; Предисловие; Журнал Печорина. I. Тамань. Часть II (стр. 1-250, та же цензурная помета) II. Княжна Мери. III. Фаталист.

Оба выпуска изданы в количестве 1000 экз. и продавались по цене 5 руб. 60 коп. за обе части. Сведения о тираже см.: «Бумаги о сочине-

ниях покойного поручика М. Ю. Лермонтова» — ИРЛИ, оп. 1, № 52; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 371–372.

21 февраля. В «Лит. газете» (№ 15, стлб. 356–357) помещен отзыв о стихотворении «Искучно, и грустно», напечатанном там же в № 6 от 20 января.

Двадцатые числа февраля. Командир лейб-гвардии Гусарского полка Н. Ф. Плаутин потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с де Барантом.

Настоящий том, письмо № 37, стр. 451.

Январь — начало марта. Письмо Лермонтова к К. Ф. Опочинину.

Настоящий том, письмо № 36, стр. 450.

Начало марта. Письмо Лермонтова к командиру л. — гв. Гусарского полка Н. Ф. Плаутину с объяснением обстоятельств дуэли с де Барантом.

Настоящий том, письмо № 37, стр. 451.

2 марта. В «Одесском вестнике» № 18 на стр. 70 — отзыв о стихотворениях Лермонтова «Узник» и «Ангел», напечатанных в «Одесском альманахе на 1840 год».

Ср. дату 22 декабря 1839 года.

5 марта. Высочайший приказ о поощрении.

Ракович, Приложения, стр. 28–29.

6/18 марта. М. Д. Нессельроде во французском письме к сыну Дмитрию Карловичу пишет: «Со вчерашнего дня я в тревоге за Баранта, которого люблю; у сына его месяц тому назад была дуэль с гусарским офицером: дней пять только это стало известно. Государь сказал моему мужу, что офицера будут судить, а потому противнику его оставаться здесь нельзя. Это расстроит семью <Барантов>, а потому тяжело для твоего отца. Напрасно Барант тотчас не сказал ему об этом: он бы посоветовал ему тогда же услать сына».

РА, 1910, кн. 2, стр. 127.

В РА письмо М. Д. Нессельроде датировано 18 января; это явная ошибка: по содержанию оно может быть отнесено только к 6/18 марта 1840 года; см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 413.

10 марта. Приказание начальника Штаба Отдельного гвардейского корпуса заготовить проект приказа о предании Лермонтова военному суду за дуэль с де Барантом.

Начато «Дело Штаба Отдельного гвардей-

ского корпуса Отделения аудиторiatского. О поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермантове, преданном военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству».

ИРЛИ, оп. 3, № 13.

11 марта. Лейб-гвардии Гусарского полка поручик Лермонтов за произведенную им, по собственному его сознанию, дуэль и за недонесение о том тотчас своему начальству передается «военному суду при Гвардейской кирасирской дивизии, арестованным». Подписал: «генерал-фельдцейхмейстер Михаил». В тот же день Михаил Павлович сообщил о предании Лермонтова суду в специальном донесении «на высочайшее имя».

ИРЛИ, Копии приказов по Отдельному гвардейскому корпусу, оп. 3, № 5; отношение за № 2015 начальника Штаба Отдельного гвардейского корпуса генерал-адъютанта П. Ф. Веймарна в аудиторiatский департамент военного министерства о предании поручика лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтова военному суду — ИРЛИ, оп. 3, № 12, л. 108; ср.:

оп. 3, № 28, лл. 3–4; Щеголев, вып. II, стр. 31.

12 марта. Письмо А. А. Столыпина к А. Х. Бенкендорфу о том, что Столыпин был секундантом на дуэли Лермонтова с Барантом: «Терзаясь... мыслью, что Лермонтов будет наказан, а я, разделявший его поступок, буду предоставлен угрызениям своей совести, — спешу по долгу русского дворянина принести... мою подлинную повинную».

Подлинник письма в «Деле Министерства военного, департамента аудиторiatского, 4 отделения, 2 стола, № 25» — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 27–28; ср.: ф. 524, оп. 3, № 13, л. 13; Висковатов, стр. 323–324; Щеголев, вып. II, стр. 38–39.

14 марта. В состав комиссии военного суда при Кавалергардском ее величества полку, учрежденной для суда над Лермонтовым, назначены: за презуса полковник Полетика, за ассессоров ротмистр Бетанкур, штаб-ротмистр кн. Куракин, поручики Самсонов, Зиновьев, корнеты Булгаков и гр. Апраксин. В тот же день петербургскому военному генерал-губернатору гр. Эссену дано распоряжение об аресте А. А. Столыпина.

Дело штаба Отдельного гвардейского кор-

пуса о поручике... Лермонтове — ИРЛИ, оп. 3, № 13, лл. 15–17.

14 марта. Цензоры П. Корсаков и А. Фрейганг разрешили «Отеч. записки», т. IX, № 3, где в отд. III, на стр. 5-79 напечатана пасквильная «Повесть в двух танцах» В. А. Соллогуба «Большой свет», направленная против Лермонтова и его друга, двоюродного дяди, А. А. Столыпина (Монго). В герое повести молодом офицере Леонине современники узнавали Лермонтова, в Сафьеве — Столыпина. По признанию Соллогуба, повесть посвящена была императрице Александре Федоровне и вел. кн. Марии Николаевне и Ольге Николаевне, которые были раздражены поведением Лермонтова на новогоднем балу в зале Дворянского собрания 1 января 1840 года.

Висковатов, стр. 326.

15 марта. А. И. Тургенев в письме из Москвы спрашивает П. А. Вяземского: «Верно, Лермонтов дрался с Бар<антом> за кн. <Щербатову>?».

Остафьевский архив, т. IV, 1899, стр. 100.

15 марта. Начала работу военно-судная комиссия, учрежденная при Кавалергардском

полку по делу о дуэли Лермонтова с де Барантом. А. А. Столыпин арестован и препровожден в Главное адмиралтейство.

ИРЛИ, оп. 3, № 13, л. 18; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 414.

15 марта. В. Г. Белинский пишет из Петербурга в Москву В. П. Боткину: «Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в однообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений и жизни».

Белинский, ИАН, т. XI, стр. 496.

Середина марта (?). Записка Лермонтова по-французски к С. А. Соболевскому, повидимому, написанная под арестом.

Настоящий том, письмо № 38, стр. 452.

16 марта. Лермонтов дал расписку в том, что читал повеление о производстве над ним

суда при Кавалергардском полку за дуэль с бароном Э. де Барантом. В тот же день Лермонтов допрошен «в присутствии комиссии военного суда, учрежденной при Кавалергардском полку» и дал письменные показания. Определение комиссии военного суда.

Военно-судное дело, произведенное комиссией военного суда, учрежденной при Кавалергардском ее величества полку, над поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Лермантовым — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 23–24 и 25; ср. факсимильное воспроизведение в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 5, 1913, между стр. LXXXVIII–LXXXIX) или полный текст: Висковатов, Приложение V, стр. 17–19; Щеголев, вып. II, стр. 34–36.

16/28 марта. М. Д. Нессельроде в письме на французском языке к сыну Дмитрию Карловичу пишет из Петербурга: «...я тебе сообщала о дуэли Баранта: офицер Лементьев (!) под судом, а его секундант, который сам себя выдал, под арестом. Надеются, что наказания не будут строги. Государь был отменно внимателен к семье Баранта, которой все высказали величайшее сочувствие. Сын их уезжает на

несколько месяцев».

РА, 1910, кн. 2, стр. 128; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 414.

В РА письмо Нессельроде датировано 28 февраля; это явная ошибка. По содержанию оно может быть отнесено только к 16/28 марта 1840 года.

17 марта. Лермонтов переведен из Ордонанс-гауза на Арсенальный караул с разрешения петербургского коменданта генерал-майора Г. А. Захаржевского.

Щеголев, вып. II, стр. 49; ср.: А. П. Шан-Гирей, РО, 1890, кн. 8, стр. 748–750.

А. П. Шан-Гирей пишет: «Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом и в понедельник на страстной неделе <8 апреля> получил казенную квартиру в третьем этаже с. — петербургского Ордонанс-гауза..., а оттуда перемещен на Арсенальную гауптвахту, что на Литейной. В Ордонанс-гауз к Лермонтову тоже никого не пускали; бабушка лежала в параличе и не могла выезжать, однако же... она успела выхлопотать у тогдашнего коменданта... З<ахаржевского>, чтоб он позволил впускать меня к

арестанту... Лермонтов не был очень печален, мы толковали про городские новости, про новые французские романы... играли в шахматы, много читали, между прочим, Андре Шенье, Гейне и „Ямбы“ Барбье... Здесь написана была пьеса „Соседка“... Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при Ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери...» (РО, 1890, кн. 8, стр. 748–749).

17 марта. Вел. кн. Михаил Павлович приказал военно-судной комиссии допросить А. А. Столыпина, не предъявляя ему показаний Лермонтова.

Дело Штаба Отдельного гвардейского корпуса о поручике л-гв. Гусарского полка Лермантове — ИРЛИ, оп. 3, № 13, л. 19.

18 марта. А. А. Столыпин допрошен в присутствии комиссии военного суда, учрежденной при Кавалергардском полку, и дал письменные показания. Определение комиссии военного суда.

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 34–35.

19 марта. При отзыве командира лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майора Н. Ф. Плаутина о Лермонтове препровождены в комиссию военного суда два кондуитных и один формулярный список Лермонтова.

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 12, л. 38; Щеголев, вып. II, стр. 33.

20 марта. Дата рукой В. А. Соллогуба на копии стихотворения «Журналист, Читатель и Писатель»: «С.-Петербург. 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте».

Собрание П. Я. Дашкова — ИРЛИ, оп. 2, № 62; ср.: настоящее издание, т. II, стр. 346. Д. И. Абрамович читает эту дату как «21 марта» (Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913, стр. 17); возможно также чтение: «28 марта».

20 марта. В «Лит. газете» от 20 марта 1840, № 23, стлб. 544–545 — помещен сочувственный отзыв о стихотворениях Лермонтова «Узник» и «Ангел», напечатанных в «Одесском альманахе на 1840 год».

20 марта. Лермонтов был освидетельство-

ван полковым штаб-лекарем Кавалергардского полка А. Г. Дубницким в присутствии членов комиссии военного суда. В свидетельстве указывается, что никаких следов или рубцов от раны, полученной Лермонтовым на дуэли, «усмотрено не было».

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 12, л. 49; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 37.

21 марта. Французский посол Проспер де Барант обратился к министру иностранных дел гр. К. В. Нессельроде с просьбой выдать паспорт его сыну Эрнесту де Баранту, направляющемуся в Париж «завтра 3 апреля» (т. е. 22 марта по старому стилю).

Архив МИД СССР, из дела Канцелярии, 1840, № 140, л. 40; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 415.

22 марта, в 8 часов вечера. Лермонтов через А. В. Браницкого 2-го пригласил на Арсенальную гауптвахту Эрнеста де Баранта для личных объяснений по поводу своих показаний от 16 марта, которыми Барант был настолько недоволен, что требовал новой дуэли. Свидание состоялось.

ИРЛИ, оп. 1, № 29; РО, 1890, кн. 8, стр. 750;

Щеголев, вып. II, стр. 57.

23 марта. Министр иностранных дел гр. К. В. Нессельроде получил предписание вел. кн. Михаила Павловича снять показания с Баранта. Нессельроде распорядился: «Отвечать, что Барант уехал...».

Архив МИД СССР, из дела Главного архива, П-8, 1840, № 137; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 414.

Ответ К. В. Нессельроде вел. кн. Михаилу Павловичу от 24 марта об отъезде де Баранта за границу — Дело штаба Отдельного гвардейского корпуса, ИРЛИ, оп. 3, № 13, л. 24.

25 марта. Объяснение Лермонтова о свидании с де Барантом, представленное вел. кн. Михаилу Павловичу.

ИРЛИ, оп. 1, № 29.

25 марта. В «Сев. пчеле» № 67 на стр. 266 в рецензии А. Чацкого на «Одесский альманах на 1840 год» упоминаются напечатанные там стихотворения Лермонтова «Узник» и «Ангел».

29 марта. Лермонтов допрошен «в присутствии комиссии военного суда» и дал письменные показания о свидании с Барантом на Арсенальной гауптвахте 22 марта.

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 60–61.

30 марта. «Показание неслужащего дворянина графа Браницкого» и «показание человека подсудимого поручика Лермантова Андрея Соколова». Определение суда.

Там же, л. 67.

30 марта. Плацмайор Г. А. Захаржевский сообщил комиссии военного суда, «что подсудимый л. — гв. Гусарского полка поручик Лермантов содержится ныне в доме Ордонанс-гауза не в комнате караульного офицера, как он прежде содержался, а в особенной комнате, устроенной для г.г. подсудимых офицеров, которая до сего времени была занята. Продовольствия же поручик Лермантов от Ордонанс-гауза никакого не имеет, а таковое приносит ему собственный его человек».

Там же, л. 66.

Лермонтов был переведен обратно в Ордонанс-гауз после самовольного свидания с де Барантом 22 марта на Арсенальной гауптвахте.

3 апреля. Дата на записке Лермонтова к К. Ф. Опочинину: «1840 г. апрель 3-го» (возмож-

но, рукой Опочинина).

Настоящий том, письмо № 36, стр. 450.

4 апреля. Лермонтов подписал удостоверение в том, что показания, данные по делу о дуэли с де Барантом, изложены правильно: «Показания мои в выписку сию внесены исправно...».

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 88–97.

5 апреля. Сентенция комиссии военного суда, учрежденной при Кавалергардском полку над поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым. Закончено военно-судное дело.

Военно-судное дело — ИРЛИ, оп. 3, № 13, лл. 101–106 (Военно-судное дело вшито в «Дело Министерства военного, департамента ауди-ториатского, 4 отделения, 2 стола, № 25»).

8 апреля. А. И. Тургенев пишет из Москвы П. А. Вяземскому о том, что он ни в какой мере не виноват в споре между Лермонтовым и де Барантом. В тот же день А. И. Тургенев делает запись в своем дневнике: «Писал к к<нязю> Вязем<скому> — о Лермонт<ове> и Барант<ах>: оправдался...».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 409.

9 апреля. Мнение командира лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майора Н. Ф. Плаутина по поводу приговора военно-судной комиссии «относительно подсудимого поручика Лермантова»: приговор находит «правильным и с законами согласным, но в уважение прежней его, Лермантова, усердной службы... полагал бы подсудимого поручика Лермантова *разжаловать в рядовые впредь до отличной выслуги*».

ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 5–6; ср.: «Век», 1862, № 3, стр. 59.

10 апреля. Запись в дневнике К. А. Полевого: «В Петербурге таскают теперь историю Лермонтова — глупейшую».

ИВ, 1887, т. XXX, кн. 11, стр. 328.

10 апреля. Мнение командира Гвардейского резервного кавалерийского корпуса генерал-адъютанта В. К. Кнорринга по поводу приговора по военно-судному делу о Лермонтове: «...наказать выписанием в армию тем же чином и шести месячным содержанием под арестом в крепости».

ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 7–8; ср.: «Век», 1862,

№ 3, стр. 59.

11 апреля. Мнение командира Отдельного гвардейского корпуса вел. кн. Михаила Павловича по поводу приговора военно-судной комиссии в отношении Лермонтова: «...сверх содержания его под арестом с 10 прошедшего марта, выдержать еще под оным в крепости в каземате три месяца, и потом выписать в один из армейских полков тем же чином...».

ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 9-11; ср.: «Век», 1862, № 3, стр. 59.

11 апреля. Предписание Николая I о срочном окончании дела о дуэли Лермонтова с Барантом: «Его величеству угодно, чтобы военно-судное дело о поручике л. — гв. Гусарского полка Лермантове, судимом за дуэль, буде оно подлежит высочайшей конфирмации, было представлено его величеству до Пасхи...».

ИРЛИ, оп. 3, № 12, л. 111; факсимиле: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 421.

11 апреля. Началось «Дело Министерства военного, департамента аудиторiatского, 4 отделения, 2-го стола № 25 по отношению начальника штаба Отдельного гвардейского корпуса о препровождении на ревизию воен-

но-судного дела о поручике лейб-гвардии Гусарского полка Лермантове, осужденном за произведенную им с французским подданным бароном Эрнестом де Барантом дуэль и недонесение о том в то же время начальству».

ИРЛИ, оп. 3, № 12.

12 апреля. Определение генерал-аудиториата по военно-судному делу о Лермонтове.

ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 134–139; ср.: «Век», 1862, № 3, стр. 59–60.

12 апреля. Письмо А. О. Смирновой к В. А. Жуковскому о том, «что Лермонтов сидит под арестом за свою дурацкую болтовню и неосторожность. Надо надеяться, что в день Пасхи или именин <императрицы Александры Федоровны — 23 апреля> судьба его решится благоприятно...».

РА. 1902, кн. 2, стр. 100–101.

12 апреля. Вышли «Отеч. записки» т. 9, № 4, где в отд. III, на стр. 307–310 напечатано стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель», подписанное «М. Лермонтов».

Извещение о выходе в свет «Отеч. записок» № 4, см. в «Лит. газете» от 10 апреля 1840 года (№ 29, стлб. 691); ср.: Н. Мордовченко. В. Бе-

линский и русская литература его времени. Гослитиздат, М. — Л., 1950, стр. 103.

13 апреля. Надпись рукой Николая I на докладе генерал-аудиториата по делу Лермонтова: «Поручика Лермантова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и Г. Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. Впрочем быть по сему. Николай. С. Петербург 13 апреля 1840». На обертке, в которой Николаю был представлен доклад, рукою царя приписано: «Исполнить сегодня же».

Дело № 25 Министерства военного — ИРЛИ, оп. 3, № 12, л. 134; ср.: Щеголев вып. II, стр. 53–54. Факсимиле копии конфирмации см.: ЛН, т. 58, 1952, стр. 419.

Резолюция Николая I — «...перевести в Тенгинский пехотный полк... исполнить сегодня же» — противоречит определению генерал-аудиториата, который предлагал выдержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, а потом уже выписать в один из армейских полков. Вот почему не знали, как привести в

исполнение высочайший приказ. Разъяснение этого недоразумения см. под датой 19 апреля.

13 апреля. Опубликован высочайший приказ: «Его императорское величество в присутствии своем в Санктпетербурге апреля 13 дня 1840 года соизволил отдать следующий приказ... по кавалерии переводятся:... лейб-гвардии Гусарского полка поручик Лермантов в Тенгинский пехотный полк, тем же чином».

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших приказов, оп. 3, № 2, л. 8; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 60.

13 апреля. Отпуски с отношений военного министра к командиру Отдельного гвардейского корпуса вел. кн. Михаилу Павловичу за № 1505; к с. — петербургскому военному генерал-губернатору за № 1506 и в аудиториатский департамент и инспекторский департамент за № 1507 о высочайшей конфирмации по делу Лермонтова и высочайшем повелении об А. А. Столыпине.

Дело № 25 Министерства военного — ИРЛИ, оп. 3, № 12, лл. 146–153.

13 апреля. Расписка Лермонтова в том, что

он «ознакомился с высочайшей конфирмацией» по своему делу о дуэли с де Барантом.

Там же, л. 159.

История судебного дела о первой дуэли Лермонтова была впервые изложена в газете «Век» (1862, № 3, стр. 57–61), а затем перепечатана рядом газет и журналов. Более подробное изложение см. в книге: Ал. Любавский. Русские уголовные процессы. СПб., 1866, стр. 556–560; Висковатов, стр. 317–338; Щеголев, вып. II, стр. 25–62; Э. Герштейн. Дуэль Лермонтова с Барантом. ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 389–432.

Конец марта — середина апреля. Записка Лермонтова из Ордонанс-гауза в Петербурге к С. А. Соболевскому.

Настоящий том, письмо № 39, стр. 452.

Первая половина апреля. Вышло в свет первое издание романа «Герой нашего времени».

Ср. дату 19 февраля 1840 года.

Первая половина апреля. А. А. Краевский привез В. Г. Белинского к Лермонтову в Ордонанс-гауз, куда он был переведен с гауптвахты на Литейном проспекте за то, что 22 мар-

та вызвал к себе Баранта для личных объяснений. Продолжительная беседа Белинского с Лермонтовым о романе «Герой нашего времени», о Пушкине, о Вальтер Скотте, о Фениморе Купере.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 370; Белинский, ИАН, т. XI, стр. 508–509; И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 136–137.

Середина апреля (между 13 и 19 апреля). Письмо Лермонтова к А. И. Философову.

Настоящий том, письмо № 40, стр. 452; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 30–32.

16 апреля. Письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину о посещении им Лермонтова «в заточении» и о выходе в свет «Героя нашего времени».

Белинский, ИАН, т. XI, стр. 508–509; ср.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 136–137.

16 апреля. Запрос Штаба Отдельного гвардейского корпуса в канцелярию петербургского Ордонанс-гауза о том, где содержится под арестом Лермонтов. Ответ: «Лермонтов содержится под арестом в Ордонанс-гаузе».

ИРЛИ, оп. 3, № 13, л. 58. Факсимиле запроса см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 427.

17 апреля. Отдан приказ по Отдельному гвардейскому корпусу за № 57 за подписью генерал-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила Павловича о переводе Лермонтова в Тенгинский пехотный полк тем же чином.

ИРЛИ, оп. 3, № 5, л. 4.

19 апреля. Военный министр гр. А. И. Чернышев отношением за № 1540 сообщил командиру Отдельного гвардейского корпуса вел. кн. Михаилу Павловичу, что в ответ на его доклад Николай I «изволил сказать, что переводом Лермантова в Тенгинский полк желает ограничить наказание».

Дело штаба Отдельного гвардейского корпуса — ИРЛИ, оп. 3, № 13, л. 64.

20–27 апреля. Письмо Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу с просьбой защитить его от требований Бенкендорфа написать письмо Баранту с признанием ложных показаний на суде.

Настоящий том, письмо № 41, стр. 453; Дело III Отделения собственной е. и. в. канцелярии — оп. 3, № 14, лл. 1–2; черновик письма в

рукописном собрании ГПБ.

Михаил Павлович согласился защитить Лермонтова и направил его письмо на высочайшее рассмотрение (ср. дату 29 апреля 1840 года).

27 апреля. В «Лит. газете» от 27 апреля 1840 года (№ 34, стлб. 805) извещение о выходе «Героя нашего времени».

29 апреля. На письме Лермонтова к вел. кн. Михаилу Павловичу карандашная надпись генерал-лейтенанта Л. В. Дубельта: «Государь изволил читать» и далее: «К делу, 29 апреля 1840».

Высочайшей резолюции на это письмо не последовало, но Бенкендорф отказался от своих требований, оскорбительных для Лермонтова.

Конец апреля — начало мая. Шутливая дарственная надпись Лермонтова на экземпляре первой части «Героя нашего времени», адресованная Ольге Степановне Одоевской. Под заглавием «Герой нашего времени» рукой Лермонтова чернилами: «упадает к стопам ее прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать».

Настоящий том, стр. 393 и 692.

Конец апреля — начало мая. Написано стихотворение «Благодарность».

Настоящее издание, т. II, стр. 159; ЛН, т. 58, 1952, стр. 409.

Весной. Предположительно датируются посвящение М. П. Соломирской («Над адской бездною блуждая») и стихотворение «Пленный рыцарь» («Молча сажу под окошком темницы»).

Настоящее издание, т. II, стр. 156–157 и 348.

Весна 1838 — весна 1840. Письмо Лермонтова к графу А. П. Шувалову.

Настоящий том, письмо № 33, стр. 448; воспроизведение письма см.: ЛН, т. 58, 1952, стр. 485.

3, 4 или 5 мая. Отъезд Лермонтова из Петербурга. Прощальный вечер у Карамзиных. Стихотворение «Тучи».

«Русск. инвалид» от 7 мая 1840, № 100: «Выехавшие из СПб. мая 3-го, 4-го и 5-го числа 1840 года...» «До с. Ивановского Тенгинского пехотного полка поручик Лермантов»; ср.: Висковатов, стр. 338.

5 мая. В «Сев. пчеле» № 98 на стр. 392 и в

ряде следующих номеров — извещение о выходе в свет «Героя нашего времени».

8 мая. Лермонтов приехал в Москву и был у А. И. Тургенева.

Запись в дневнике А. И. Тургенева: «У меня был Лермонтов. Я у него, не застали...».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 419.

9 мая. Лермонтов присутствовал на первом именинном обеде Н. В. Гоголя в саду Погодина на Девичьем Поле и читал наизусть отрывок из поэмы «Мцыри».

По свидетельству С. Т. Аксакова, «На этом обеде, кроме круга близких, приятелей и знакомых были: А. И. Тургенев, князь П. А. Вяземский... М. Ф. Орлов, М. А. Дмитриев, Загоскин, профессора Армфельд и Редкин и многие другие... После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из своей новой поэмы „Мцыри“ и читал, говорят, прекрасно... Вечером приехали к имениннику пить чай, уже в доме, несколько дам: А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомя-

кова и Черткова» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. 1890, стр. 35–36; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 419–420).

Ср. запись в дневнике А. И. Тургенева: «К Свербеевой. С ней у крыльца. Там и <Н. Ф.> Павлов. Оттуда к Лермонтову, не застал, домой и к Гоголю на Девичье Поле у Погодина, там уже *la jeune Russie* <молодая Россия> съехала: это напомнило мне *и наш поддевиченский Арзамас* [100] при Павле I. Стол накрыт в саду: Лермонт<ов>, к<н>. Вязем<ский>; Баратынский, Сверб<еевы>, Хомяков, Самарин, актер Щепкин, Орлов, Попов, Хотяева и пр<очие>. Глинки; веселый обед. С Лермонт<овым> о Барантах, о кн. Долг<орукове> и о Бахерахтше <т. е. Терезе Бахерахт>. К<н>. Долг<оруков> здесь и скрывается от публики. Жженка и разговор о религии. В 9 час. разъехались. Приехал и Чадаев...».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; см. также не совсем точную публикацию: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 419–420; Ю. Ф. Самарин. Дневник за 1841 год. Сочинения, т. XII, М, 1911, стр. 56; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. 1892, кн. 5, стр.

10 мая. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «Вечер у Сверб<еевой> с гр. Зубовой. Павлова: подарил ей лиру. Она довольна. Лермонтов и Гоголь. До 2 часов... Был у кн. Щерб<атовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>...».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 420.

Первая половина мая. Проездом на Кавказ Лермонтов задержался в Москве. Здесь он часто встречался с Ю. Ф. Самариным. В семье Мартыновых Лермонтов познакомился с А. В. Мещерским; несколько вечеров провел у Н. Ф. Павлова и Свербеевых. Бывает в кружке московских славянофилов. Больше других Лермонтову понравился Хомяков. По словам Ю. Ф. Самарина, «Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление».

А. В. Мещерский. Воспоминания. 1901, стр. 86–90; Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. XII, М., 1911, стр. 56; письмо Самарина к Гагарину. «Новое слово», 1894, кн. 2, стр. 44–45; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 748.

О случайных встречах с Лермонтовым в Москве упоминают также Ф. Ф. Вигель (Н. В. Сушков. Московский университетский пансион. М., 1858, Приложения, стр. 16) и В. В. Бобарыкин (Три встречи с Лермонтовым. «Русск. библиофил», 1915, кн. 5, стр. 80–81).

12 мая. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «После обеда в Петровское к Мартыновым, они еще не уезжали из города <Москвы>... Несмотря на дождь, поехали в Покровское-Глебово, мимо Всехсвятцкого... возвратились к Мартыновым — пить чай и сушиться. К<нязь> <Л. А.> Гагарин *гарсевал* на коне своем. Лермонтов любезничал и уехал».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 694.

14 мая. Цензоры П. Корсаков и А. Фрейганг разрешили «Отеч. записки» т. X, № 5, где в отд. III, на стр. 1–3 напечатано стихотворение «Воздушный корабль (Из Зейдлица)», подписанное «М. Лермонтов». В том же номере (отд. V, стр. 27–54) без подписи напечатана статья Белинского о «Герое нашего времени».

Извещение о выходе в свет майской книж-

ки «Отеч. записок», где напечатано стихотворение Лермонтова «Воздушный корабль (Из Зейдлица)», появилось в «Лит. газете» 15 мая (№ 39, стлб. 915).

19 мая. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в Петровское, гулял с гр. Зубовой... Цыгане, Волковы, Мартыновы: Лермонтов».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 694.

20 мая. А. С. Хомяков пишет из Москвы Н. М. Языкову: «А вот еще жалко: Лермонтов отправлен на Кавказ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом, и как поэт, и как прозатор».

РА, 1884, кн. 3, стр. 206. В РА письмо ошибочно датировано 1840-41 г.

22 мая. Запись в дневнике А. И. Тургенева: «...в театр, в ложи гр. Броглио и Мартыновых, с Лермонтовым; зазвали пить чай и у них с Лермонт<овым> и с Озеров<ым> кончил невинный вечер; весело...».

Дневники А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, т.т. 319, 319а, 319б; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 694.

Май. Записка Лермонтова на французском языке к его дальней родственнице А. А. Вадковской.

Настоящий том, письмо № 42, стр. 454.

25 мая. В «Лит. газете» (№ 42, стлб. 978–980) без подписи напечатана сочувственная рецензия В. Г. Белинского на «Героя нашего времени».

Белинский, ИАН, т. 4, 1954, стр. 173–175 и стр. 627.

25 мая. Письмо Е. М. Мартыновой, писанное из Москвы к сыну Николаю, в котором говорится о том, что Лермонтов еще в городе и почти каждый день посещает ее дочерей, находящихся большое удовольствие в его обществе, несмотря на то, что Е. М. Мартыновой его посещения всегда неприятны.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 693–694.

Публикуя впервые это письмо, П. И. Барте-нев по ошибке отнес его к 1837 году (РА, 1893, кн. 8, стр. 608). Э. Герштейн в статье «Лермонтов и семейство Мартыновых» убедительно доказала, что письмо Мартыновой следует датировать 1840 годом (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 691–696).

Последние числа мая (после 25). Отъезд Лермонтова на Кавказ. Последний вечер в Москве у Н. Ф. и К. К. Павловых. Лермонтов «уехал грустный Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. XII, М., 1911, стр. 56.

Первые числа июня. Дорогой на Кавказ Лермонтов заезжал в Новочеркасск к генералу М. Г. Хомутову; прожил у него три дня и каждый день бывал в театре.

Настоящий том, письмо № 43, стр. 454; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 510.

10 июня. Лермонтов приехал в Ставрополь, в главную квартиру командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанта П. Х. Граббе.

Отношение из Штаба войск Кавказской линии и Черномории от 11 ноября 1840 года, № 21935 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 42; Ракович, стр. 239; М. Цейдлер. На Кавказе в 30-х годах. «Русск. вестник», 1888, кн. 9, стр. 122–139.

12/24 июня. Резко отрицательный отзыв

Николая I о романе «Герой нашего времени» в письме к императрице.

«Дела и дни. Исторический журнал», Пгр., 1921, кн. 2, стр. 189; ср.: «Лит. критик», 1940, кн. 2, стр. 33.

15 июня. Вышли в свет «Отеч. записки», т. X, № 6, где в отд. III, на стр. 280 напечатано стихотворение «Отчего?» и на стр. 290 — стихотворение «Благодарность», подписанные «М. Лермонтов». В той же книжке начата публикация статьи В. Г. Белинского (без подписи) о «Герое нашего времени» (отд. V, стр. 27–54). Окончание статьи В. Г. Белинского в «Отеч. записках», т. XI, № 7, отд. V, стр. 1–38.

Известие о выходе в свет июньской книжки «Отеч. записок» с упоминанием стихотворений Лермонтова, там напечатанных, см.: «Лит. газета», 1840, 15 июня, № 48, стлб. 1115.

17 июня. Письмо Лермонтова А. А. Лопухину о том, что он с неделю живет вместе с К. К. Ламбертом в Ставрополе и на следующий день едет в действующий отряд на левый фланг в Чечню «братъ пророка Шамиля».

Настоящий том, письмо № 43, стр. 454.

18 июня. Лермонтов «командирован на ле-

вый фланг Кавказской линии для участия в экспедиции, в отряде под начальством генерал-лейтенанта Галафеева».

Отношение из Штаба войск Кавказской линии и Черномории к командующему Тенгинским пехотным полком — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 39–49.

Июнь. В Цензурном комитете рассматривается подготовленный к изданию отдельной книжкой сборник стихотворений Лермонтова.

21 июня А. А. Краевский обратился с письмом к цензору А. В. Никитенко и просил «благословить... к напечатанию отдельной книжкою» сборник стихотворений Лермонтова. А. В. Никитенко не решался взять на себя ответственность по выпуску сборника стихотворений опального поэта и после ряда напоминаний Краевского перенес это дело на рассмотрение Цензурного комитета. В письме от 3 июля Краевский просит А. В. Никитенко поскорее прочесть отправленный к нему на разрешение к печати сборник стихотворений Лермонтова.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 372–373 и 386.

6 июля — 10 июля. «Отряд в составе двух бат<алионов> пехотного его светлости, одного баталиона Мингрельского и 3-х баталионов Куринского егерского полков, <двух рот сапер>, при 8-ми легких и 6-ти горных орудиях, двух полков Донских казаков № 37 и 39-го и сотни Моздокского линейного казачьего полка, с 10-ти дневным провиантом и с полком-плектом запасных артиллерийских снарядов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился с рассветом по мосту через р<еку> Сунжу и взял направление через ущелье Хан-Калу на деревню Большой Чечень». Переход до реки Валерик. В отряде находился Лермонтов.

«Штаба 20 пехотной дивизии черновой журнал военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта Галафеева в 1840 году» — ЦГАЛИ.

Мы располагаем четырьмя рукописными экземплярами «Журнала военных действий на левом фланге Кавказской линии». Беловой экземпляр, который посылался министру А.

И. Чернышеву, хранится в Историческом музее в Москве; экземпляр, предназначавшийся для командира Отдельного Кавказского корпуса ген. Е. А. Головина, хранится в Центральном Государственном архиве Грузинской ССР (Тбилиси); точный список с белого чернышевского экземпляра, сделанный для Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища, находится в настоящее время в Лермонтовском собрании ИРЛИ (оп. 3, № 33); «Черновой журнал военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии», хранящийся в ЦГАЛИ, представляет наибольший интерес. О «Журнале военных действий» см.: Янжул. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады, т. I. Тифлис, 1886; Висковатов стр. 349–350; Г. С. Лебединец. М. Ю. Лермонтов в битвах с черкесами в 1840 г. РС, 1891, т. 71, кн. 8, стр. 355–368; Ракович, стр. 240–253; «Кавказский сборник», Тифлис, 1912, т. XXXII, ч. 1, стр. 429–441; Л. П. Семенов. К пребыванию М. Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. «Известия Северо-кавказского педагогического института», Владикавказ, 1924, т. III, стр. 1-20; Щеголев, вып. II, стр.

86–89; В. А. Мануйлов. М. Ю. Лермонтов. Новые тексты и материалы. «Вестник Академии Наук СССР», 1934, № 10, стлб. 19–20.

7 июля. Лермонтов вместе с отрядом после ночевки в Дуду-Юрте через Большую Атагу выступил в Чах-Гере. На пути постоянные перестрелки с чеченцами.

В. А. Мануйлов. М. Ю. Лермонтов. Новые тексты и материалы. «Вестник Академии Наук СССР», 1934, № 10, стлб. 19–20.

8 июля. Отряд, в котором находился Лермонтов, выступил с рассветом из деревни Чах-Гери к Гойтинскому лесу. Штыковая атака Ахшпатой Гойте. Ночлег в лагере у деревни Урус-Мартан.

Там же.

9 июля. Дневка в лагере при Урус-Мартани. Уничтожение деревни Урус-Мартан. Перестрелка чеченцев с цепью, прикрывавшей фуражеров. Прапорщик Золотарев убит на месте. Ночью чеченцы дважды подкрадывались к лагерю и оттеснялись ружейным огнем.

Там же.

10 июля. Переход из лагеря при деревне

Урус-Мартани к деревне Гехи. Сожжение деревень Чурик-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни и уничтожение принадлежащих им посевов.

Там же.

11 июля. Отряд выступил из лагеря при деревне Гехи. Бой при реке Валерик. «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Там же; Ракович, стр. 246; настоящий том, письмо № 44, стр. 455, и комментарий к стихотворению «Валерик» («Я к вам пишу...»), настоящее издание, т. II, стр. 166–173; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 118–119.

Лето, после 11 июля. Написано стихотворение «Валерик» («Я к вам пишу...»).

Настоящее издание, т. II, стр. 166–173 и 351.

12 июля. Лермонтов принимает участие в перестрелке при сожжении деревни Ачхой.

См. источники к дате 6-10 июля 1840 года.

13 июля. Лермонтов принимает участие в перестрелке при следовании отряда из лагеря на реке Натахи, через деревню Чильчихи, в Казах-Кичу, на левый берег реки Сунжи.

Там же.

14 июля. Лермонтов принимает участие в перестрелке при следовании отряда из лагеря на реке Сунже в крепость Грозную.

Там же.

14 июля. Цензоры П. Корсаков и С. Куторга разрешили «Отеч. записки», т. XI, № 7, где в отд. III, на стр. 1 напечатаны стихотворения «Молитва» («Я, мать божия») и «Из Гете» («Горные вершины»), подписанные «М. Лермонтов». В той же июльской книжке журнала помещено окончание статьи В. Г. Белинского (без подписи) о «Герое нашего времени» (отд. V, стр. 1-38).

Сообщение о выходе июльской книжки

«Отеч. записок», где напечатаны стихотворения «Молитва» и «Из Гете», см.: «Лит. газета», 1840, 17 июля, № 57, стлб. 1315.

19 июля. Письмо Ю. Ф. Самарина к кн. И. С. Гагарину о встречах с Лермонтовым в Москве весной 1840 года и о проезде через Москву на юг всего «Кружка шестнадцати».

«Новое слово», 1894, № 2, стр. 44; Н. Виктор. «Кружок шестнадцати». ИВ, 1895, т. LXII, № 10, стр. 175–182; Э. Г. Герштейн. Лермонтов и «Кружок шестнадцати». «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», сб. первый, стр. 110–114.

13 августа. Цензурный комитет разрешил сборник «Стихотворения М. Лермонтова». Разрешение к набору подписал цензор А. В. Никитенко.

Перед этим А. А. Краевский 29 июля снова просил А. В. Никитенко ускорить разрешение сборника стихотворений Лермонтова к печати (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 372–373).

15 августа в письме к А. В. Никитенко А. А. Краевский благодарит за разрешение к изданию сборника стихотворений Лермонтова и просит дополнительно разрешить к набору

«три маленькие пьески Лермонтова, напечатанные в 6-ой и 7-ой книжках „Отеч. записок“» (речь идет о стихотворениях «Отчего?», «Благодарность» и «Из Гете»; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 373).

Сборник «Стихотворения М. Лермонтова» вышел в свет 25 октября 1840 года (см. эту дату).

12 сентября. Письмо Лермонтова из Пятигорска к А. А. Лопухину в Москву с описанием битвы при Валерике.

Настоящий том, письмо № 44, стр. 455.

Биографы Лермонтова долгое время сообщали о знакомстве поэта во второй половине августа — начале сентября 1840 года на минеральных водах с женой известного французского геолога-путешественника Жанной Аделью Оммер де Гелль и о специальной поездке Лермонтова в Крым для встречи с нею в октябре того же года. Основанием была публикация П. П. Вяземского в РА, 1887, т. III, кн. 9, стр. 129–142 (ср: ИВ, 1893, LIV, кн. 12, стр. 833–856). П. А. Висковатов, Д. И. Абрамович, Е. Дюшен, П. Е. Щеголев и другие не сомневались в достоверности «писем Оммер де

Гелль», хотя их даты и сообщаемые факты плохо согласовались с другими достоверными датами и сообщениями из жизни Лермонтова и не совпадали с подлинными записками Оммер де Гелль, где нет ни слова о встречах с Лермонтовым. (Hommaire de Hell. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris, 1860). Издание «Оммер де Гелль. Письма и записки. Редакция, вступительная статья и примечания М. М. Чистяковой, „Academia“, 1933» вызвало сомнение в подлинности всех этих документов, высказанное сначала Н. О. Лернером в докладе на Пушкинской комиссии ИРЛИ в мае 1934 года, а затем П. С. Поповым в статье «Мистификация (Лермонтов и Оммер де Гелль)» — «Новый мир», 1935, кн. 3, стр. 282–293. Исследователи пришли к выводу, что письма Оммер де Гелль — фрагменты романа П. П. Вяземского и никакого документального значения они иметь не могут (ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 761–775).

14 сентября. Цензоры А. Фрейганг и В. Ольдекоп[101] разрешили «Отеч. записки», т. XII, № 9, где в отд. III, на стр. 1–2 напечатано сти-

хотворение «Ребенку» («О грезях юности томим воспоминаньем»), подписанное «М. Лермонтов».

Сообщение о выходе в свет сентябрьской книжки «Отеч. записок», где напечатано стихотворение Лермонтова «Ребенку», — в «Лит. газете» 18 сентября 1840 года (№ 75, стлб. 1709).

17 сентября. Рапорт командующего Тенгинским пехотным полком за № 3168 начальнику Штаба войск Кавказской линии и Черномории с запросом о местонахождении Лермонтова.

ЦГАЛИ, ф. 45; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 42.

26 сентября. Отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргуну. Лермонтов был прикомандирован к кавалерии отряда.

Ракович, стр. 247.

29 сентября и 3 октября. Лермонтов в делах «обратил на себя особенное внимание» отрядного начальника «расторопностью, вер-

ностью взгляда и пылким мужеством».

Наградной список поручику Лермонтову: Ракович, стр. 248 и Приложения, стр. 32.

10 октября. Когда выбыл раненым из строя Малороссийского казачьего № 1 полка юнкер Руфин Дорохов, Лермонтов принял от него начальство над охотниками, выбранными в числе сорока человек из всей кавалерии. «Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов, везде первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотвержение выше всякой похвалы».

Настоящий том, письмо № 45, стр. 456; Ракович, стр. 248 и Приложения, стр. 32; РС, 1884, т. 41, кн. 1, стр. 84–87; РС, 1885, т. 45, кн. 2, стр. 474–475; «Кавказ», 1897, № 235 (К. Х. Мамацев о Лермонтове); Щеголев, вып. II, стр. 124–129; Б. С. Виноградов. М. Ю. Лермонтов — командир казачьей сотни. «Известия Грозненского института и музея краеведения». Грозный, 1950, вып. 2–3, стр. 161–172; А. В. Попов. М. Ю. Лермонтов в команде Руфина Дорохова. «Ученые записки Ставропольского Государственного педагогического института»,

1951, т. VII, стр. 167–179; ср.: А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 153 и сл.

12 октября. Лермонтов на фуражировке за Шали, «пользуясь плоскостью местоположения, бросился с горстью людей на превосходного числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственной рукою хищников».

См. источники к дате 10 октября 1840 года.

15 октября. Лермонтов «с командою первый прошел шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от опушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же ускакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела».

См. источники к дате 10 октября 1840 года.

15 октября. «Дан в Санктпетербурге»... патент о пожаловании 6 декабря 1839 года «Михаила Лермонтова в чин поручика гвардии».

Подлинник патента см.: ИРЛИ, оп. 3, № 4; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 22–23.

15 октября. Вышли в свет «Отеч. записки», т. XII, № 10, где в отд. III, на стр. 229 напечатано стихотворение «А. О. Смирновой» («Без вас хочу сказать вам много»), подписанное «М. Лермонтов».

Журнал «Отеч. записки» обычно подписывался к печати 14 числа каждого месяца. Сообщение о выходе накануне октябрьской книжки журнала см.: «Лит. газета», 1840, 16 октября (№ 83, стлб. 1897).

25 октября. Вышел в свет сборник «Стихотворения М. Лермонтова. СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°, 1840». На цензурном экземпляре, хранящемся в Научной библиотеке им. М. Горького при Ленинградском Государственном университете им. А. А. Жданова, рукой А. В. Никитенко сделана помета: «Выдать билет 25 окт. Цензор Никитенко. № 1608-й. Октября 8-го 1840 года».

В сборник (стр. 1-168) вошли: Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова; Бородино; Узник; Молитва («Я, мать божия...»); Дума; Ру-

салка; Ветка Палестины; Не верь себе («Не верь себе, мечтатель молодой...»); Еврейская мелодия (Из Байрона) («Душа моя мрачна...»); В альбом (Из Байрона) («Как одинокая гробница...»); Три пальмы (Восточное сказание); Молитва («В минуту жизни трудную...»); Дары Терека; Памяти А. И. О-го; 1-е Января («Как часто, пестрою толпою окружен...»); Казачья колыбельная песня; Журналист, Читатель и Писатель; Воздушный корабль (Из Зейдлица); «Искучно, и грустно...»; Ребенку («О грезах юности томим воспоминаньем...»), Отчего; Благодарность; Из Гете («Горные вершины...»); Мцыри; «Когда волнуется желтеющая нива»; Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»); «Расстались мы; но твой портрет...»; Тучи.

Издание вышло в количестве 1000 экз. На обложке указана цена: 1 руб. серебром, но фактическая розничная цена была 2 руб. 80 коп.

Вторая половина октября. Лермонтов в крепости Грозной после двадцатидневной экспедиции в Чечне. Письмо Лермонтова к А. А. Лопухину в Москву о походе и о команде

охотников, полученной «в наследство от Дорохова».

Настоящий том, письмо № 45, стр. 456.

27 октября. Отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной во вторую экспедицию по направлению к Алде. Лермонтов «первый открыл отступление хищников из аула Алды и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командой в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами».

Ракович, стр. 249 и Приложения, стр. 32–33; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 119–123 и стр. 124–125.

28 октября. После ночевки под аулом Алды отряд двинулся по Гойте к Гойтинскому лесу и под вечер занял Урус-Мартан. При переходе через Гойтинский лес Лермонтов «первый открыл завалы, которыми укрепился неприятель и, перейдя тинистую речку... выбил из леса значительное скопище».

См. источники к дате 27 октября 1840 года.

29 октября. Лермонтов, отряженный с командой к отряду генерал-лейтенанта А. В. Га-

лафеева, действовал «всюду с отличною храбростью и знанием военного дела».

Там же.

30 октября. «При речке Валерике поручик Лермонтов явил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятельской, из которой малая часть только обязана спасением быстроте лошадей, а остальная уничтожена».

Там же.

30 октября. Рапорт командира Тенгинского пехотного полка в Штаб войск Кавказской линии и Черномории № 3796 о местопребывании Лермонтова.

Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории 30 ноября 1840 года за № 23690 — ЦГАЛИ. Копия в Грозненском областном Государственном архиве, ф. 45; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 43.

30 октября. В «Сев. пчеле» № 246 — статья Ф. Булгарина о «Герое нашего времени».

Ср.: Белинский, Венг., т. 5, 1901, стр. 246; Краткий очерк книжной и издательской деятельности Глазуновых, СПб., 1883, стр. 71–72;

ИВ, 1892, кн. XI, стр. 387.

9 ноября. Лермонтов был в Ставрополе; это явствует из пометки, сделанной неизвестной рукой красными чернилами на лермонтовском наброске лошадей и скачущего всадника и мужской головы в альбоме П. Урусова: «9-го ноября 1840. Лермонтов в Ставрополе».

ГЛМ, Альбом П. Урусова, л. 41, рис. № 143; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 148.

9-20 ноября. Во время второй экспедиции в Малой Чечне Лермонтов находился все время в отряде генерал-лейтенанта А. В. Галафеева.

Ракович, стр. 250 и Приложения, стр. 32–33; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 124–125.

10 ноября. Предписание генерал-лейтенанта А. В. Галафеева за № 3123 об отправлении ему формулярного списка Лермонтова.

Рапорт начальнику 20-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Галафееву командующего Тенгинским пехотным полком подполковника Выласкова от 4 декабря 1840 года за № 4207 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 43.

11 ноября. Отношение из Штаба войск Кавказской линии и Черномории командующему Тенгинским полком о том, что Лермонтов прибыл в Ставрополь 11 июня и 18 числа того же месяца командирован на левый фланг Кавказской линии.

ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 42–43.

30 ноября. Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командующему Тенгинским полком за № 23690 о том, что «поручик Лермонтов отправлен к отряду» генерал-лейтенанта Галафеева 18 июня по распоряжению командующего войсками.

Там же.

4 декабря. Рапорт командующего Тенгинским полком начальнику 20-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту А. В. Галафееву за № 4207 из Анапы об отправлении формулярного списка Лермонтова.

Там же; формулярный список см.: Ракович, Приложения, стр. 27–32.

9 декабря. Рапорт начальника 20-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А. В. Гала-

Феева с приложением наградного списка и просьбы перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства».

Ракович, Приложения, стр. 32; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 111–112.

11 декабря. Военный министр А. И. Чернышев отношением за № 10415 сообщил командиру Отдельного кавказского корпуса о том, что «государь император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, высочайше повелеть соизволил: офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца».

Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского полка от 20 января 1841 года за № 905 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 44.

14 декабря. В «Отеч. записках», т. XIII, № 12, отд. III, на стр. 290, напечатано стихотворение «К портрету» («Как мальчик кудрявый резва...»), подписанное «М. Лермонтов».

Сообщение о выходе в свет декабрьской книжки «Отеч. записок» со стихотворением Лермонтова «К портрету» — в «Лит. газете» 14 декабря 1840 года (№ 100, стлб. 2300).

16 и 17 декабря. В «Сев. пчеле» №№ 284–285 в форме письма к Ф. В. Булгарину напечатан отзыв В. С. Межевича (подпись Л. Л.) о «Герое нашего времени» и о первом издании «Стихотворений М. Лермонтова».

17 декабря. Отношение дивизионного начальника к начальнику штаба флигель-адъютанту полковнику Траскину за № 3412 о представлении формулярного списка Лермонтова.

Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 44.

24 декабря. Рапорт командующего всей кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя Голицына, в котором он просил командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Граббе о награждении Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость».

Ракович, Приложения, стр. 32–33.

31 декабря. Приказом по полку Лермонтов зачислен налицо в Тенгинском пехотном полку.

Там же, стр. 251.

31 декабря. Рапорт начальника Штаба Отдельного кавказского корпуса за № 4167 по поводу отпуска Лермонтова в Петербург.

Подлинник рапорта не обнаружен, но упоминание о нем есть в отношении Штаба войск Кавказской линии и Черномории от 20 января 1841 года за № 905 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 44.

1841

1 января. Цензоры А. Никитенко и С. Курторга разрешили «Отеч. записки», т. XIV, № 1, где в отд. III, на стр. 2 напечатано стихотворение «Есть речи — значенье», подписанное «М. Лермонтов».

9/21 января. А. А. Краевский пишет из Петербурга в Берлин М. Н. Каткову: «У нас в так называемой литературе тихо и глухо, как никогда еще не бывало. Лермонтов прислал мне одно чудесное стихотворение: он жив и здоров».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 374.

Речь идет о стихотворении «Завещание», напечатанном вскоре во второй, февральской, книжке «Отеч. записок».

Начало года. Эпиграмма Лермонтова на О. И. Сенковского «Под фирмой иностранной иноземец».

Настоящее издание, т. II, стр. 178 и 354.

Около 14 января. Лермонтов получил для передачи А. П. Ермолову частное письмо от командующего войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта П. Х. Граббе. Это письмо Лермонтов должен был передать Ермолову в Орле или в Москве, проездом в Петербург.

Упоминание об этом письме в черновике письма П. Х. Граббе к А. П. Ермолову от 15 марта 1841 года — ЦГВИА, ф. 62, д. 76, л. 66; С. А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. I, Кабгосиздат, Нальчик, 1946, стр. 260. О возможной встрече Лермонтова с Ермоловым в 1841 году см.: И. Андроников. «Лермонтов». Изд. «Советский писа-

тель», 1951, стр. 277–291 (глава «Лермонтов и Ермолов»).

14 января. Лермонтову выдан отпускной билет № 384 на два месяца. Вероятно, в этот день он выехал из Ставрополя в Петербург, через Новочеркасск, Воронеж, Москву.

Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка от 20 января 1841 года за № 950 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 44; Ракович, стр. 251.

16 января. В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину пишет: «Кстати об „Отечественных записках“: 2 № будет несравненно лучше первого... Из стихов „Ночь“ и другие Кольцова, „Соседи“ и „Песня“ Красова; новое стихотворение Лермонтова, присланное с Кавказа, — „Пускай она поплачет, ей это ничего не значит“ <речь идет о стихотворения «Завещание»>, последние стихи этой пьесы насквозь проникнуты леденящим душу неверием в жизнь и во всевозможные отношения, связи и чувства человеческие».

Белинский, Письма, т. II, СПб., 1914, стр.

20 января. Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка за № 905 о том, что военный министр 11 декабря 1840 года за № 10415 сообщил корпусному командиру о высочайшем повелении уволить Лермонтова в Петербург в отпуск на два месяца. «На свободное проживание поручика Лермонтова в означенном отпуске выдан ему билет от 14-го сего числа № 384-й».

См. дату 14 января 1841 года.

29 января. В полковой канцелярии Тенгинского пехотного полка получено отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского полка за № 905 о том, что военный министр 11 декабря 1840 года сообщил корпусному командиру о высочайшем повелении уволить Лермонтова в Петербург в отпуск на два месяца.

См. дату 14 января 1841 года.

30 января. В «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» в разделе «Прибыли в Москву» значится: «В 2 часа пополудни из Ставрополя Тенгинского

пех<отного> п<олка> пор<учик> Лермонтов».

ЦГВИА, Архив московского военного генерал-губернатора. Утренние рапорты по разным делам московского коменданта — 1841, т. I. л. 346; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727–728.

31 января. Отношение из Штаба дивизии подполковнику Кусакову о возвращении формулярного списка поручика Лермонтова.

См. дату 14 января 1841 года.

Первые числа февраля. Вышли «Отеч. записки», т. XIV, № 2, где в отд. III, на стр. 157–158 напечатано стихотворение «Завещание» («Наедине с тобою, брат»), подписанное «М. Лермонтов». В этой же книжке в отд. V, на стр. 35–80 — статья В. Г. Белинского (без подписи) «Стихотворения М. Лермонтова».

В 1841 году каждая новая книжка «Отеч. записок» выходила обычно в начале месяца, так как цензурное разрешение выдавалось первого числа.

5–8 февраля. Приезд Лермонтова в Петербург «на половине масленицы». Лермонтов присутствует на балу у гр. А. К. Воронцовой-Дашковой.

Настоящий том, письмо № 46, стр. 457; РС,

1882, т. 35, кн. 9, стр. 618–619.

В 1841 году масляная неделя началась 2 февраля.

8 февраля. Вечером Лермонтов был у В. Ф. Одоевского, к которому в 11-м часу вечера приехал и П. А. Плетнев.

Письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 12 февраля 1841 года. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, 1896, стр. 237–238.

19 февраля. Цензор П. Корсаков разрешил издание: «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть 1. Издание 2-ое. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1841».

Содержание (стр. 1-173): I. Бэла; II. Максим Максимыч; Предисловие (к Журналу Печорина); Журнал Печорина: 1. Тамань.

Тираж 1200 экз. Розничная цена — 5 руб. 60 коп. за обе части.

20 февраля. Объявление о выпуске музыкальной пьесы Ф. М. Толстого «Молитва» на слова Лермонтова.

«Сев. пчела», 1841, 20 февраля, № 40; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 511.

Февраль. Близкое знакомство Лермонтова с гр. Е. П. Ростопчиной.

РС, 1882, т. 35, кн. 9, стр. 619.

Вторая половина февраля. Письмо Лермонтова к А. И. Бибикову: «9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валеринского представления меня здесь вычеркнули...».

Настоящий том, письмо № 46, стр. 457.

27 февраля. Лермонтов был у Карамзиных, где застал его приехавший в 11 часов вечера П. А. Плетнев.

Письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 28 февраля 1841 года: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. 1896, стр. 265.

28 февраля. Цензоры А. Никитенко и С. Куторга разрешили «Отеч. записки», т. XV, № 3, в котором в отд. III, на стр. 44 напечатано стихотворение «Оправдание», подписанное «М. Лермонтов».

Цензурный экземпляр «Отеч записок», 1841, т. XV, № 3 хранится в Научной библиотеке им. М. Горького при Ленинградском Государственном университете им. А. А. Жданова под шифром П. 170. Рукой А. В. Никитенко и рукой С. Куторги помета: «Выдать билет 1 марта 1841. цен. Никитенко. № 339. 1 марта

1841. Цензор С. Куторга».

Сообщение о выходе мартовской книжки «Отеч. записок», где напечатано стихотворение Лермонтова «Оправдание», — в «Лит. газете», 1 марта 1841 года (№ 25, стр. 100).

3 марта. Подпись в альбоме А. Д. Блудовой под рисунком, на котором изображены два всадника: «Petersbourg lundi 3 Mars 1841 — Lermontoff».

Альбом А. Д. Блудовой — ИРЛИ, л. 91 об.; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 151 и там же на стр. 149 воспроизведение этого рисунка.

5 марта. Рапорт командира Отдельного кавказского корпуса за № 458 с просьбой наградить Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 года.

ИРЛИ, оп. 3, № 33, лл. 30–31; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 124–125.

Генерал-адъютант П. Х. Граббе представлял Лермонтова к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом; командир Отдельного кавказского корпуса генерал Е. А. Головин — к ордену св. Станислава 3-й степени.

30 июня 1841 года дежурный генерал Глав-

ного штаба гр. П. А. Клейнмихель сообщил генералу Е. А. Головину, что «государь император... не изволил... изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую награду».

Щеголев, вып. II, стр. 125–126; ЛН, т. 58, 1948, стр. 413.

6 марта. Лермонтов выдал А. Д. Кирееву расписку в получении 1500 руб. ассигнациями за продажу права на второе издание «Героя нашего времени» в числе 1200 экз.

Бумаги о сочинениях покойного поручика М. Ю. Лермонтова — ИРЛИ, оп. 3, № 52; факсимиле см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 371.

9 марта. На этот день был назначен отъезд Лермонтова на Кавказ.

Настоящий том, письмо № 46, стр. 457.

11 марта. А. А. Краевский сообщает М. Н. Каткову за границу: «Здесь <т. е. в Петербурге> теперь Лермонтов в отпуску и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздоровел, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много». Далее Краевский пишет, что доктор Р. Липперт, известный переводчик произведе-

ний Пушкина, перевел на немецкий язык стихотворение «Дары Терека» и «перевел славно», затем сообщает о том, что печатается второе издание «Героя нашего времени».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 375.

13 марта. В. Г. Белинский пишет В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“, то, аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

Белинский, Письма, т. II, стр. 227.

Февраль — март. Стихотворение, посвященное А. А. Углицкой: «Ma chère Alexandrine».

Настоящее издание, т. II, стр. 187 и 356; ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 395 (факсимиле).

27 марта. Стихотворение Е. П. Ростопчиной «На дорогу. Михаилу Юрьевичу Лермонтову».

Стихотворения графини Ростопчиной, т. 1. Изд. 2-е, СПб., 1857, стр. 56–57.

Конец марта — первые числа апреля. Написано стихотворение «Последнее новоселье».

Настоящее издание, т. II, стр. 182 и 355; РО,

1890, кн. 8, стр. 751.

Начало апреля. Вышли «Отеч. записки», т. XV, № 4, где в отд. III, на стр. 283 напечатано стихотворение «Родина», подписанное «М. Лермонтов».

В этом же номере «Отеч. записок» сообщается: «„Герой нашего времени“ соч. М. Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках: первое издание его всё раскуплено; готовится второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана. Кстати о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в „Отечественных записках“. Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замышлено им много и все замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки» («Библиогр. известия», 1841, т. XV, отд. IV, стр. 68).

Февраль, март, первая половина апреля.

«Три месяца, проведенные... Лермонтовым в столице, были... самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять, в этой дружественной обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе, благодаря его неисчерпаемой веселости. Однажды он объявил, что прочтает нам новый роман под заглавием „Штос“, причем он рассчитал, что ему понадобится, по крайней мере, четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано, и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадью подмышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накану-

не; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради — белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен».

М. Ю. Лермонтов в рассказе графини Е. П. Ростопчиной. РС, 1882, т. 35, кн. 9, стр. 619.

Март — первая половина апреля. Стихотворение в альбом С. Н. Карамзиной «Любил и я в былые годы».

Настоящее издание, т. II, стр. 188 и 357.

Март — первая половина апреля. Попытки Лермонтова выйти в отставку и посвятить себя литературной деятельности. «Он мечтал об основании журнала и часто говорил о нем с Краевским, не одобряя направления „Отечественных записок“. — „Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам всё тянуться за Европою и за французским. Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, — обращался он к Краевскому — там на Востоке тайник богатых откровений“».

Хотя Лермонтов в это время часто видался с Жуковским, но литературное направление и идеалы его не удовлетворяли юного поэта. «Мы в своем журнале, — говорил он, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное, не так, как Жуковский, который всё кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их».

Висковатов, стр. 368–369.

Около 11 апреля. Дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский пехотный полк. Прямо от Клейнмихеля в сильном возбуждении Лермонтов приехал к Краевскому.

Висковатов, стр. 375–376; ср.: С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов, Вопросы творчества и биографии. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 127–128.

12 апреля. Вечером у Карамзиных проводы Лермонтова. Запись в журнале П. А. Плетнева: «После чаю Жуковский отправился к Ка-

рамзиным на проводы Лермонтова, который снова едет на Кавказ по миновении срока отпуса своего».

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб., 1896, стр. 318.

13 апреля. Надпись В. Ф. Одоевского на записной книжке, подаренной Лермонтову при отъезде его на Кавказ: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю испи-санную. К<нязь> В. Одоевский. 1841. Апреля 13-е. СПбург».

Записная книжка хранится в Рукописном отделе ГПБ; ср.: Описание ГПБ, стр. 44; факсимиле надписи В. Ф. Одоевского см.: ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 679.

13–14 апреля. Прощальная записка Лермонтова к А. А. Краевскому.

Настоящий том, письмо № 47, стр. 458; факсимиле см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 379.

14–15 апреля. Отъезд Лермонтова из Петербурга в Москву.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727–728.

В письме от 16 апреля 1841 г. сотрудник конторы «Отеч. записок» М. А. Языков пишет

М. Н. Каткову: «Здесь был Лермонтов и отправился на Кавказ, оставив большую тетрадь стихов, которые будут напечатаны в „О<течественных> з<аписках>“» (ЛБ, Отдел рукописей, архив Катковых; ср.: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый, стр. 118–119).

Весна, до 15 апреля. Написаны стихотворения «На севере диком стоит одиноко»; «Любовь мертвеца»; «Последнее новоселье».

Настоящее издание, т. II, стр. 179, 180, 182 и 354, 355.

Около 13–15 апреля. Стихотворение «Графине Ростопчиной» («Я верю: под одной звездой»).

Настоящее издание, т. II, стр. 189 и 357.

В примечании к стихотворению «Пустой альбом» Е. П. Ростопчина писала: «Этот альбом был мне подарен М. Ю. Лермонтовым перед отъездом его на Кавказ... стало быть, перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: „Я знаю, под одной звездой мы были с вами рождены“» (Стихотворения графини Ростопчкной, т. 2. Изд. 2-е, СПб., 1857, стр. 85).

Вторая половина апреля. Предположи-

тельно датируется стихотворение «Прощай, немытая Россия».

Настоящее издание, т. II, стр. 191 и 358.

После 13 апреля, весна и начало лета. В записной книжке, подаренной В. Ф. Одоевским, Лермонтов написал стихотворения: «Утес», «Спор», [102] «Сон», «L'Attente», [103] «Лилейной рукой поправляя», «На бурке под тенью чинары», «Они любили друг друга так долго и нежно», «Тамара», «Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Пророк», «Нет, не тебя так пылко я люблю». [104]

Настоящее издание, т. II, стр. 192–214 и 358–364; Описание ГПБ, стр. 40–44.

17 апреля. В «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» в разделе «Прибыли в Москву» значится: «Полудни в 7 часов из С.-Петербурга надз<иратель> при почт<овой> кар<ете> Путилов, в оной от<ставной> полк<овник> Мосолов, от<ставной> пор<учик> Панышин, Тенгинского пех<отного> п<олка> пор<учик> Лермонтов».

В Москве Лермонтов остановился у Дмит-

рия Григорьевича Розена.

ЦГВИА, Архив московского военного генерал-губернатора, утренние рапорты по разным делам московского коменданта, 1841, т. IV, л. 173 сб.; ср: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 727–728.

Настоящий том, письмо № 48, стр. 458. О Д. Г. Розене см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 746–749.

18 апреля. Письмо Е. А. Арсеньевой к С. Н. Карамзиной, в котором Арсеньева просит передать Жуковскому ее просьбу похлопотать о прощении Лермонтова. «...попросите Василия Андреевича напомнить государыне <Александра Федоровне>, вчерашний день прощены <в связи с празднованием бракосочетания наследника Александра Николаевича с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской>: Исаков, Лихарев, граф Апраксин и Челищев».

ЦГАЛИ; ср.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 656. Факсимиле: там же, стр. 655.

18 или 19 апреля. Лермонтов был у Николая Николаевича Анненкова.

Настоящее издание, письмо № 48, стр. 458.

19–20 апреля. Письмо Лермонтова из Москвы к Е. А. Арсеньевой в Петербург.

Настоящий том, письмо № 48, стр. 458.

20 апреля. Надпись гр. Е. П. Ростопчиной на обложке сборника «Стихотворения графини Е. Ростопчиной. Изд. типографии Фишера, СПб., 1841»: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову, в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому. Петербург, 20 — апреля 1841 г.».

ИРЛИ, Библиотека, № 22 6/63; Описание ИРЛИ, стр. 167.

20 апреля Лермонтов был уже в Москве, и Ростопчина знала об этом. Следовательно, книга была вручена кому-то из близких поэту лиц для передачи. На кожаном корешке этого экземпляра обозначены тиснением инициалы «В. Ж.». Не была ли эта книга в библиотеке В. А. Жуковского до поступления ее в Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища (в 1911 году)?

20-е числа апреля. Встреча Лермонтова с Ю. Ф. Самариним.

Запись в дневнике Ю. Ф. Самарина: «Лермонтов снова приехал в Москву. Я нашел его у Розена. Мы долго разговаривали, он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рас-

сказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой... Его голос дрожал, он был готов прослезиться. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать, почему он был растроган, сваливая все на нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь. Его мнение о современном состоянии России <далее перевод с французского>: „Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого“. <Затем снова по-русски>. Вечером он был у нас. На другой день мы были вместе под Новинским».

ЛБ, Отдел рукописей, архив Самариных; Ю. Ф. Самарин, Сочинения, т. XII, М., 1911, стр. 56; Щеголев, вып. II, стр. 162.

20 или 21 апреля. Лермонтов и Ю. Ф. Самарин ездили под Новинское на народные гулянья, устроенные в связи с ожидавшимся приездом в Москву Николая I и всей царской семьи.

Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый. Гослитиздат, 1941, стр. 119.

Между 17 и 23 апреля. Встреча Лермонто-

ва в Москве с немецким поэтом и переводчиком Ф. Боденштедтом.

Современник, 1861, т. 85, отд. II, стр. 326–328.

22 апреля. «В 7 часов пополудни» выбыл из Москвы «в Тифлис Нижегородского драгунского полка капитан <Алексей Аркадьевич> Столыпин <Монго>».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 729.

Около 23 апреля. За полчаса до отъезда из Москвы на Кавказ Лермонтов пришел проститься к Ю. Ф. Самарину и принес ему для «Москвитянина» стихотворение «Спор». «Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах...» — вспоминал впоследствии об этой встрече Самарин в письме к Гагарину от 3 августа 1841 года.

Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, сб. первый, Гослитиздат, 1941, стр. 121.

Около 23 апреля. Лермонтов выехал из Москвы в Ставрополь.

Настоящий том, письмо № 49, стр. 459; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 700 и 729.

В комендантских донесениях выезд Лермонтова из Москвы в апреле 1841 года не от-

мечен и в записи о выезде А. А. Столыпина 22 апреля имя Лермонтова не упомянуто. Но 10 мая Е. А. Свербеева писала из Москвы А. И. Тургеневу: «...Лермонтов провел пять дней в Москве, он поспешно уехал на Кавказ» (ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 700). Следовательно, отъезд поэта в последний раз из Москвы на Кавказ следует датировать примерно 23 апреля, поскольку точно зафиксировано комендантским донесением прибытие его из Петербурга в Москву 17 апреля 1841 года. Лермонтов нагнал Столыпина в Туле (см. дату между 25 и 30 апреля 1841 года). Прибыв в Ставрополь только 9 мая, Лермонтов писал Е. А. Арсеньевой: «...ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал, дорога была прескверная...» (настоящий том, письмо № 49, стр. 459).

Между 25 и 30 апреля. По пути на Кавказ Лермонтов встретился в Туле с товарищем по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров А. М. Меринским. В это время в Туле уже находился Алексей Аркадьевич Столыпин-Монго, выехавший из Москвы в Тифлис 22 апреля. Лермонтов и Столыпин обедали у Меринского. Затем Лермонтов от-

правился в путь вместе со Столыпиным и заезжал с ним к М. П. Глебову в его имение Мишково, Мценского уезда, Орловской губернии.

«Атеней», 1858, № 48, стр. 303–304; ИВ, 1890, т. 39, кн. 3, стр. 726–728; Д. Смысловский. Воспоминания о пребывании М. Ю. Лермонтова в Орловской губернии. Орел, 1909; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 729.

1 мая. Цензурное разрешение «Отеч. записок», т. XVI, № 5, где в отд. III, на стр. 1–2 напечатано стихотворение «Последнее новоселье», подписанное «М. Лермонтов».

Цензурный экземпляр с подписями цензоров хранится в Научной библиотеке им. М. Горького при Ленинградском Государственном университете им. А. А. Жданова под шифром II 170.

Сообщение о выходе майской книжки «Отеч. записок», в которой напечатано стихотворение Лермонтова «Последнее новоселье», — в «Лит. газете» 1 мая 1841 года (№ 47, стр. 188).

А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях пишет: «На святой неделе Лермонтов написал

пьесу „Последнее новоселье“. В то самое время, как он писал ее, мне удалось набросать карандашом его профиль» (РО. 1890, кн. 8, стр. 751).

Пасхальная неделя в 1841 году началась 30 марта.

3 мая. Цензор П. Корсаков разрешил второе издание «Героя нашего времени. Сочинение М. Лермонтова, ч. II. СПб., в типографии Ильи Глазунова и К°. 1841» (стр. I–VI, 1-250).

Содержание: Предисловие ко 2-му изданию; окончание журнала Печорина — II; Княжна Мери; III. Фаталист.

9 мая. «Поручик Лермонтов прибыл в Ставрополь... и по воле командующего войсками был прикомандирован к отряду, действующему на левом фланге Кавказа для участия в экспедиции».

Рапорт командующему дивизией от 16 октября 1841 года за № 5652 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 46.

9-10 мая. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой о приезде со Столыпинам в Ставрополь и о предполагающейся поездке в кре-

пость Темир-Хан-Шуру, «где полк».

Настоящий том, письмо № 49, стр. 459.

10 мая. Выдана подорожная за № 709 «от города Ставрополя до крепости Темир-Хан-Шуры Тенгинского пехотного полка господину поручику Лермантову... давать по две лошади с проводником, за указные прогоны, без задержания». Подписал «Начальник Кавказской области генерал-адъютант Граббе». На обороте отметка: «В ставропольском Ордонанс-гаузе явлена и в книгу под № 1027 записана мая 10 дня 1841 года. Плац-адъютант, штабс-капитан Перминов».

ИРЛИ, оп. 3, № 16, л. 81; воспроизведение см.: ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 77–78.

10 мая. Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной. К письму приложено стихотворение «L'Attente».

Настоящий том, письмо № 50, стр. 460.

10 мая. Е. А. Свербеева пишет из Москвы А. И. Тургеневу: «...Лермонтов провел пять дней в Москве, он поспешно уехал на Кавказ, торопясь принять участие в штурме, который ему обещан. Он продолжает писать стихи со свойственным ему бурным вдохновением».

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 700.

12 мая. Отношение начальника Штаба войск Кавказской линии и Черномории за № 10 008 с запросом о местопребывании Лермонтова.

ЦГАЛИ; Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3, стр. 46.

12 мая. Лермонтов встречает в Георгиевске ремонтера Борисоглебского уланского полка П. Магденко и решает с ним и А. А. Столыпиным отправиться в Пятигорск.

РС, 1879, т. 24, кн. 3, стр. 525–530; М. Ф. Николаева. Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 году. Временник, вып. I, стр. 68–69.

13 мая. Приезд Лермонтова с А. А. Столыпиным и П. Магденко в Пятигорск.

Там же.

12 или 19 мая, в понедельник. Ю. Ф. Самарин посылает М. П. Погодину стихотворение Лермонтова «Спор» и просит напечатать его «просто, без всяких примечаний от Издателя, с подписью его имени».

ЛБ, Пог. 29. 13; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, стр. 206.

Н. Барсуков не обратил внимания на дату «Понедельник» и ошибочно отнес это письмо Самарина к 15 июня Ровно за месяц до кончины Лермонтова Ю. Ф. Самарин писал Погодину: «Посылаю вам приношение Лермонтова в ваш журнал...» и т. д. Самарин мог прислать Погодину «Спор» только в конце апреля или в мае 1841 года, так как шестая книжка «Москвитянина», в которой напечатан «Спор», была разрешена цензурой 31 мая. Понедельники в 1841 году приходились в апреле на 7, 14, 21 и 28 числа, а в мае — 5, 12, 19, 26. Наиболее вероятно отнесение письма Самарина к Погодину на понедельник 12 или 19 мая.

«19 мая — буря». Карандашная запись рукой Лермонтова на л. 1 записной книжки, подаренной ему 13 апреля 1841 года (см. эту дату) В. Ф. Одоевским.

Настоящий том, стр. 388; факсимиле: ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 679.

24 мая. Рапорт пятигорского коменданта полковника В. И. Ильяшенко о болезни Лермонтова и ходатайство о разрешении ему задержаться в Пятигорске для лечения минеральными водами.

ИВ, 1882, кн. 4, стр. 881.

В «Книге дирекции кавказских минеральных вод на записку прихода и расхода купленных билетов и вырученных с гг. посетителей денег за ванны на горяче-серных водах в Пятигорске на 1841 год» отмечена продажа Лермонтову билетов в Сабанеевские ванны 26 мая (6 билетов); в Варвацевские ванны 9 июня (10 билетов), 14 июня (4 билета), 18 июня (5 билетов); 8 июля в Калмыцкие ванны в Железноводске (4 билета) и 15 июля на ванны № 12 в Железноводске (5 билетов).

«Книга» находилась в Пятигорском Государственном архиве и была обнаружена С. И. Недумовым в 1940 году. В период фашистской оккупации эти материалы погибли. Даты выдачи билетов устанавливаются по копии, сделанной в свое время С. И. Недумовым.

Конец мая. Вышли «Отеч. записки», т. XVI, № 6, где в отд. III, на стр. 234 напечатано стихотворение «Кинжал», подписанное «М. Лермонтов».

Сообщение о выходе в свет июньской книжки «Отеч. записок» со стихотворением Лермонтова «Кинжал» — в «Лит. газете», 31

мая 1841 года (№ 59).

31 мая. Цензор Н. Крылов разрешил журнал «Москвитянин», ч. III, № 6, где на стр. 291–294 напечатано стихотворение «Спор», подписанное «М. Лермонтов».

Стихотворение «Спор» было послано М. П. Погодину Ф. Ю. Самариным 12 или 19 мая 1841 года (см. эту дату).

8 июня. Приказ начальника Штаба войск Кавказской линии и Черномории пятигорскому коменданту «отправить Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова по назначению».

ИВ, 1880, кн. 4, стр. 881.

13 июня. Рапорт Лермонтова командиру Тенгинского пехотного полка полковнику С. И. Хлюпину о том, что он, отправляясь в отряд командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта П. Х. Граббе, заболел по дороге лихорадкой и получил от пятигорского коменданта позволение остаться в Пятигорске впредь до излечения.

Ракович, Приложения, стр. 33; Щеголев, вып. II, стр. 177.

15 июня. Лермонтов получил медицинское свидетельство, выданное ординатором пятигорского военного госпиталя врачом Барклаем де-Толли в том, что «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев, сын Лермонтов, одержим золотухой и цынготным худосочием, сопровождаемым припухлостью и болью десен, также с изъязвлением языка и ломотою ног, от каких болезней, г. Лермонтов, приступив к лечению минеральными водами, принял более двадцати горячих серных ванн, но для облегчения страданий необходимо поручику Лермонтову продолжать пользование минеральными водами в течение целого лета 1841 года; оставленное употребление вод и следование в путь может навлечь самые пагубные следствия для его здоровья».

Ракович, Приложения, стр. 33–34; Щеголев, вып. II, стр. 177–178.

18 июня. Лермонтов подал пятигорскому коменданту рапорт о болезни.

ИВ, 1880, кн. 4, стр. 881–882; Щеголев, вып. II, стр. 178.

23 июня. Рапорт пятигорского коменданта полковника В. И. Ильяшенко по поводу хода-

тайства Лермонтова о разрешении ему вследствие нездоровья остаться для лечения в Пятигорске.

Отношение Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка от 7 июля за № 14220 — ЦГА-ЛИ; Л. П. Семенов. Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль». 1922, кн. 3, стр. 45.

28 июня. Письмо Лермонтова к Е. А. Арсеньевой из Пятигорска.

Настоящий том, письмо № 51, стр. 461.

28 июня. В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину пишет: «Кстати: какую гадость написал Лермонтов о французах и Наполеоне — то ли дело Пушкина „Наполеон“» <речь идет о стихотворении Лермонтова «Последнее новоселье»>. В этот же день в письме П. Н. Кудрявцеву В. Г. Белинский повторяет эту отрицательную оценку: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах — жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков. Но сколько роскоши в „Споре Казбека с Эльбрусом“, хотя в целом мне и не нравится эта пьеса, и хотя в ней есть стиха четыре плохих».

Белинский, Письма, т. II, стр. 249 и 252; ср.:

Н. Мордовченко. В. Белинский и русская литература его времени. Гослитиздат, М.—Л., 1950, стр. 137–139.

Лето 1841. А. С. Хомяков в письме к Н. М. Языкову пишет: «Между нами буди сказано, Лермонтов сделал неловкость: он написал на смерть Наполеона стихи, и стихи слабые; а еще хуже то, что он в них слабее моего сказал то, что было сказано мною. Эта неловкость, за которую сердятся на него лермонтисты».

А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, т. VIII, М., 1904, стр. 100.

Лето 1841 года. А. С. Хомяков в письме к Н. М. Языкову пишет: «В „Москвитянине“ был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, по-моему, несколько несправедливый. Лермонтов ответил очень благоразумно: дал в „Москвитянин“ славную пьесу, *Спор Шата с Казбеком*, стихи прекрасные».

А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, т. VIII, М., 1904, стр. 104.

В «Москвитянине», 1841, ч. I, № 2, стр. 515–538, была напечатана статья С. П. Шевырева о «Герое нашего времени», а в ч. II, № 4 за

тот же год, на стр. 525–540 — статья С. П. Шелыгина о сборнике «Стихотворения М. Лермонтова». Повидимому, Хомяков имеет в виду вторую статью о стихотворениях Лермонтова.

30 июня. Дежурный генерал Главного штаба гр. П. А. Клейнмихель сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермантов при своем полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою повелеть соизволил... дабы поручик Лермантов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку».

ЦГВИА, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. 2, лл. 12–12 об.; Щеголев, вып. II, стр. 413; С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 126.

7 июля. Отношение Штаба войск на Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского пехотного полка о том, что начальник штаба разрешил поручику Лермонтову

«остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения». К отношению приложено медицинское свидетельство, выданное Лермонтову 15 июня 1841 года.

Отношение Штаба войск за № 14220 — ЦГАЛИ; ср.: Л. П. Семенов, Новые документы о Лермонтове. «Горская мысль», 1922, кн. 3 стр. 45; ИВ, 1892, т. XLVII, кн. 2, стр. 431.

8 июля. Лермонтов начал лечение калмыцкими ваннами в Железноводске.

Запись в «Книге дирекции Кавказских минеральных вод на записку прихода и расхода купальных билетов и вырученных с гг. посетителей денег за ванны на щелочно-железистых водах в Железноводске. На 1841 год», л. 6, №№ билетов: 146, 147, 148 и 149. Ср.: Вс. Апухтин. Новейшие сведения о последних днях пребывания М. Ю. Лермонтова на К. М. В. (По новооткрытым документам Архива Упр. К. М. В.). «Пятигорье — Лермонтову», литературный сборник, посвященный памяти М. Ю. Лермонтова к 82-летию со дня смерти. Первое чествование за время после революции. Под общей редакцией М. И. Санаева, Пятигорск, 1923, стр. 58–65. Воспроизведение записи (ны-

не утраченной) — там же, на стр. 59.

8 июля. Вечером Лермонтов и его друзья дали пятигорской публике бал в гроте Дианы возле Николаевских ванн.

РА, 1874, кн. 2, стр. 684–687; ср. Записки декабриста Н. И. Лорера, Соцэкгиз, 1931, М., стр. 258, 259; РА. 1889, кв. 2, стр. 316; РС, 1892, т. 73, кн. 3, стр. 766–769; «Нива», 1905, № 7, стр. 167–168; Щеголев, вып. II, стр. 196–200; ЛН. т. 58, 1952, стр. 468–469 и 475.

9 июля. Чешский писатель В. Ганка на титульном листе сборника своих песен сделал дарительную надпись: «Г-у Лермонтову по перечитанию его стихотворений. Прага ческа, 9 июля 1841. Вячеслав Ганка».

Подлинник хранится в Библиотеке ИРЛИ, № 22 2/29; ср.: Описание ИРЛИ, стр. 167; воспроизведение см.: ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 155. Этот подарок чешского поэта до Лермонтова дойти не успел.

12 июля. Подорожная, выданная Лермонтову 10 мая 1841 г. в Ставрополе, явлена к выезду в Пятигорском комендантском управлении и в книгу под № 40 записана плац-адъютантом Сидери.

ИРЛИ, оп. 3, № 16, л. 81; воспроизведение см.: ЛН, т. 43–44, 1941, стр. 78.

13 июля. Столкновение между Лермонтовым и Мартыновым на вечере в доме Верзилиных.

РА, 1872, кн. 1, стр. 209–210; РА, 1889, кн. 2, стр. 316; РС, 1892, т. 73, кн. 3, стр. 766–767; Щеголев, вып. II, стр. 201–206.

14 июля. Поездка Лермонтова в Железноводск.

РС, 1892, т. 73, кн. 3, стр. 767–768; ИВ, 1892, т. XLVIII, кн. 4, стр. 85.

15 июля. Лермонтов купил пять билетов по 50 копеек на ванны № 12 в Железноводске.

№№ билетов: 212, 213, 214, 215 и 216. См. аннотацию к дате 8 июля 1841 года.

15 июля. Утром к Лермонтову в Железноводск из Пятигорска приехали в коляске Обыденная и Екатерина Быховец, которых сопровождали верхами юнкер Бенкендорф, И. Д. Дмитриевский и Л. С. Пушкин. Пикник в шотландской колонии Каррас.

РС, 1892, т. 73, кн. 3, стр. 766–767.

15 июля, между 6 и 7 часами вечера. Дуэль Лермонтова с Мартыновым у подножия

Машука при секундантах М. П. Глебова и кн. А. И. Васильчикове. Гроза. Лермонтов убит Мартыновым. Поздно вечером тело Лермонтова перевезено в Пятигорск в дом Чилиева, где Лермонтов жил вместе с А. А. Столыпиным.

«Дело Штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения о предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова за произведенный первым с поручиком Лермонтовым дуэль отчего Лермонтов помер. Начато 19 августа 1841, кончено 6 февраля 1842 года» — Рукописное отделение ЛБ (опубликовано в издании ЛБ: Лермонтов. Статьи и материалы. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 16–63); Дело Пятигорского комендантского управления «по описи № 96... О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убил последнего. Начато 16 июля 1841 года. Кончено 15 июня 1842 года» — ИРЛИ, оп. 3, № 21; Дело кавказского гражданского губернатора о убитом на дуэли поручике Лермонтове майором Мартыновым. Началось 18 июля 1841 года. Кончено

10 февраля 1842 года — ИРЛИ, оп. 3, № 18; Дело «его императорского величества собственной канцелярии. Отделения III. Экспедиция IV. № 149. О поединке майора Мартынова с поручиком Лермонтовым 1 августа 1841 года» — ИРЛИ, оп. 3, № 19; Дело «Министерства военного. Департамента инспекторского. По части обер-аудитора. № 921. По рапорту начальника Штаба войск Кавказской линии и Черномории о дуэли, происшедшей между отставным майором Мартыновым и поручиком Лермонтовым, на которой сей последний убит, — тут же о предании суду как майора Мартынова, так и секунданта корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова. Началось 4 августа. Кончилось 7 генваря 1842 года». (Копия 1884 года) — ИРЛИ, оп. 3, № 17; Дело «Министерства военного. Департамента аудиторiatского. 4 отделения. 2 стола. № 71. По рапорту командира Отдельного Кавказского корпуса с представлением на ревизию военно-судного дела об отставном майоре Мартынове, корнете лейб-гвардии Конного полка Глебова и служившем в собственной е. и. в. канцелярии титулярном советнике князе Ва-

сильчинове, сужденных по высочайшему повелению: первый за дуэль с поручиком Лермонтовым, на которой сей последний был убит, а прочие за бытность при том секундантами. Началось 24 декабря 1841 года. Кончено 4 января 1842 года» — ИРЛИ, оп. 3, № 16; ср.: Висковатов, стр. 408 и сл.; П. К. Мартьянов, Дела и люди века, т. II. СПб., 1893, стр. 28-121; Щеголев, вып. II, стр. 175-241; ЛН, т. 45-46, 1948, стр. 691-724; т. 58, 1952, стр. 487-492.

16 июля. Осмотр места поединка следственной комиссией. Художник Шведе зарисовал Лермонтова в гробу.

Письмо Д. А. Столыпина в Лермонтовский музей от 16 декабря 1882 года — ИРЛИ, ф. 524, оп. 4, № 32, л. 59 об.; Н. И. Лорер. Из записок. РА, 1874, кн. 2, стр. 688; ЛН, т. 45-46, 1948, стр. 711 (здесь воспроизведен рисунок худ. Шведе).

16 июля. Рапорт за № 16 корпуса жандармов подполковника Кувшинникова шефу жандармов гр. А. Х. Бенкендорфу с донесением о дуэли Лермонтова с Мартыновым и о производстве следствия по этому делу. В тот же день рапорт за № 86 начальника Штаба

войск Кавказской линии и Черномории флигель-адъютанта полковника А. С. Траскина военному министру А. И. Чернышеву и рапорт за № 1427 пятигорского коменданта полковника В. И. Ильяшенко на высочайшее имя с донесением о дуэли Лермонтова с Мартыновым.

ИРЛИ, оп. 3, № 23, л. 6; № 25, лл. 3 и 4; ср.: Щеголев, вып. II, стр. 228.

17 июля. Медицинский осмотр тела Лермонтова. Погребение на пятигорском кладбище. Запись в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 год, ч. III, № 35: «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15 июля, а 17 погребен, погребение пето не было».

Выпись из метрической книги, часть третья, об умерших, за 1841 год, выданная причтом Пятигорского Спасского собора, № 1419 — ИРЛИ, оп. 3, № 23; Дело по архиву Кавказской духовной консистории — ИРЛИ, оп. 3, № 24. Воспроизведение выписки из метрической книги см.: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 717; воспроизведение свидетельства доктора

Барклая де Толли об осмотре тела убитого Лермонтова: ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 713.

21 июля. Письмо П. Т. Полеводина из Пятигорска к неизвестному о дуэли и смерти Лермонтова.

ЛН, т. 58, 1952, стр. 489–490.

31 июля. В Москве получены первые известия из Пятигорска о дуэли Лермонтова с Мартыновым. Письмо А. Я. Булгакова из Москвы к П. А. Вяземскому о смерти Лермонтова.

ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 702 и 711–712.

1 августа. А. Я. Булгаков сообщил из Москвы А. И. Тургеневу первые известия о дуэли и смерти Лермонтова: «...Лермонтов написал стишки на Ник<олая> Мартынова (сына нашего покойного откупщика, не по мудрости, а токмо по имени Соломона Мартынова), с которым служил вместе. Мартынов одевался довольно странно и в этом костюме куры строил даме одной на водах. Лермонтов добавил к стишкам и портрет Мартынова, им написанный и очень похожий. Лермонтов так мало думал обидеть Мартынова, что ему же всё это поднес и посвятил, но Мартынов принял это

иначе, начал его поносить и наконец вынудил Лермонтова принять дуэль».

ИРЛИ, ф. 309, № 2414, письмо № 4; ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 702.

5 августа. Письмо Екатерины Быховец к сестре из Пятигорска о дуэли Лермонтова с Мартыновым и о днях, предшествовавших дуэли.

РС, 1892, т. 73, кн. 3, стр. 766–767.

8 августа. Письмо Мартынова к Глебову, в котором он сообщает о своем намерении просить гр. Бенкендорфа, чтобы его судили «военными законами».

РА, 1893, кн. 2, стр. 501.

12 августа. Опубликован высочайший указ: «По пехоте: умерший Тенгинского пехотного полка поручик Лермантов исключается из списков». Подписал военный министр генерал-адъютант кн. А. И. Чернышев.

ИРЛИ, Печатные экземпляры высочайших приказов, оп. 3, № 2, л. 9; «Русск. инвалид», 1841, № 196, стр. 760; Щеголев, вып. II, стр. 241.

16–19 августа. Ведется расследование по делу «о дуэли Мартынова с поручиком Лермонтовым».

Госархив Ставропольского края, ф. 79, д. № 4325, л. 183 об.; Дело 2-го стола I отделения Общего управления Кавказской области за 1841 год; Временник, стр. 23.

19 августа. Начато «Дело Штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения о предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова, за произведенный первым с поручиком Лермонтовым дуэль, отчего Лермонтов помер».

Рукописное отделение ЛБ, Дело Штаба Отдельного Кавказского корпуса; см. изд. ЛБ: М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 16–63.

10 октября. Рапорт пятигорского коменданта полковника В. И. Ильяшенко командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту П. Х. Граббе о суде над Мартыновым и секундантами Глебовым и Васильчиковым.

Ракович, Приложения, стр. 34–35.

1842

3 января. Высочайшая конфирмация по военно-судному делу о майоре Мартынове,

корнете Глебова и титулярном советнике князе Васильчикове: «Майора Мартынова посадить в крепость на гоубтвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

«Дело Штаба Отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения о предании военному суду отставного майора Мартынова, корнета Глебова и титулярного советника князя Васильчикова за произведенный первым с поручиком Лермонтовым дуэль отчего Лермонтов помер» — ЛБ; ср. изд. ЛБ: М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 49.

21 января. Министр внутренних дел Перовский уведомил пензенского гражданского губернатора Панчулидзева о том, что «государь император, снисходя на просьбу помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой урожденной Столыпиной, изъявил высочайшее соизволение на перевоз из Пятигорска тела умершего там в июле месяце прошедше-

го года внука ее Михаила Лермонтова, Пензенской губернии, Чембарского уезда в принадлежащее ей село Тарханы, для погребения на фамильном кладбище, с тем, чтобы помянутое тело закупорено было в свинцовом и засмоленном гробе и с соблюдением всех предосторожностей, употребляемых на сей предмет».

Пензенский Государственный областной архив, оп. 10, № 242; Висковатов, Приложение, стр 23–24; РА, 1896, кн. 1, стр. 496, ЛН, т. 45–46, 1948, стр. 638–639.

21 апреля. Гроб с телом Лермонтова привезен в Тарханы.

Там же.

23 апреля. Прах Лермонтова погребен в фамильном склепе Арсеньевых в Тарханах.

Пензенский Государственный областной архив, ф. 5, д. № 2635. В деле рапорт Чембарского исправника от 24 апреля 1842 года о перевозе и погребении гроба с прахом Лермонтова; ср. ЛН, т. 58, 1952, стр. 444 и 447.

Иллюстрации

М. Ю. Лермонтов. Портрет маслом К. А. Горбунова, 1883 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

С. А. Раевский. Акварельный портрет работы М. Ю. Лермонтова, 1836 г. Музей изобразительных искусств, Москва

Страница из романа «Княгиня Лиговская». Автограф М. Ю. Лермонтова, 1836 г. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Страница из романа «Герой нашего времени». Автограф М. Ю. Лермонтова, 1839–1840 гг. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Тамань. Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Дуэль. Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1832–1834 гг. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

Печорин и княжна Мери. Рисунок М. Ю. Лермонтова, 1840–1841 гг. Государственная

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Вид Пятигорска. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1837 г. Государственный Литературный музей, Москва

Перестрелка в горах Дагестана. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1837–1838 гг. Государственный Литературный музей, Москва

M. L. l'an, 1825 <1.>

Невинность всегда охранена <2.>

Вид Крестовой горы <3.>

Magnétisme du regard <5.>

Diplomatie <6.>

Поспешает на тревогу <7.>

21 мая после прогулки <8.>

В. А. Лопухина-Бахметева. Акварельный портрет работы М. Ю. Лермонтова, 1835 г. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

А. А. Столыпин (Монго). Акварельный портрет М. Ю. Лермонтова, 1841 г. Государственный Литературный музей, Москва

От редакции

В работе над шестым томом участвовали: М. К. Азадовский (примечания к «Ашик-Керибу»), Т. П. Ден (текст и примечания к «Княгине Лиговской» и текст писем Лермонтова), А. М. Докусов (текст и примечания к «Вадиму»), В. А. Мануйлов (примечания к письмам Лермонтова и «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова»), А. Н. Михайлова (текст и примечания к «Надписям на книгах»), Э. Э. Найдич (текст «Ашик-Кериба», примечания к «Штоссу», текст и примечания к «Панораме Москвы»), А. И. Перепеч (текст и примечания к отрывку «Я хочу рассказать вам» и «Кавказцу»), Е. М. Хмелевская (текст «Штосса», текст и примечания к разделам: «Планы, наброски, сюжеты», «Автобиографические заметки», «Наброски стихотворений», «Заметки на рукописях», «Подписи под рисунками», «Письма к Лермонтову», «Письма к Лермонтову, упомянутые в „Деле о непозволительных стихах“», «Мысли, выписки и замечания», указатели), Б. М. Эйхенбаум (текст и примечания к «Герою нашего времени»).

Выходные данные

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

Редактор Издательства А. И. Соболева

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор Р. С. Певзнер

Корректоры Н. Д. Соколова и К. Н. Феномен

НОВ

РИСО АН СССР № 1-100В.

Подписано к печати 3/І 1957 г.

Бумага 60 X 92/16. Бум. л. 28 1/4. Печ. л. 56 1/2.

Уч. — изд. л. 51.36 + 10 вкл (0.89 уч. — изд. л.).

Тираж 25000. Зап. № 749.

Цена 15 руб.

1-я типография Издательства АН СССР.

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Примечания

1

Оставь надежду всякий сюда входящий!
(Итал.) — Ред.

[^^^]

кстати (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

господин Жорж (*франц.*) — *Ред.*

[^^^]

4

Он очень любезен (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

5

веселая шайка (*франц.*) — *Ред.*

[^^^]

6

по-китайски (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

как у госпожи Севинье (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

во вкусе молодой Франции (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

по-руски (франц.). — *Ред.*

[^^^]

по-средневековому (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

как у Тита (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

во вкусе последователей Сен-Симона
(франц.). — *Ред.*

[^^^]

а знаете, дорогая, он очень приличен
(франц.). — *Ред.*

[^^^]

синих чулок (*англ.*). — *Ред.*

[^^^]

по-руски (франц.). — *Ред.*

[^^^]

буквально лицом к лицу, в данном случае партнер по танцу (франц.). — Ред.

[^^^]

у нее вид мещанки (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Ермолове. *(Примечание Лермонтова.)*

[^^^]

Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка вторая натура. (*Примечание Лермонтова*)

[^^^]

Кунак значит приятель. (*Примечание Лермонтова.*)

[^^^]

Овраги. *(Примечание Лермонтова.)*

[^^^]

серо-жемчужное (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

красновато-бурого цвета (цвет блохи)
(франц.). — *Ред.*

[^^^]

по-мужицки. (Франц.). — *Ред.*

[^^^]

Мой милый, я ненавижу людей для того, чтобы не презирать их, ибо иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом.
(Франц.). — *Ред.*

[^^^]

Мой милый, я презираю женщин для того,
чтобы их не любить, ибо

иначе жизнь была бы слишком смехотвор-
ной мелодрамой. (Франц.). — *Ред.*

[^^^]

медленная горячка (франц.). — Ред.

[^^^]

ПИКНИКОМ (франц.). — Ред.

[^^^]

Боже мой, черкес!..(Франц.) — Ред.

[^^^]

Не бойтесь, сударыня, — я не опаснее вашего кавалера. (*Франц.*) — *Ред.*

[^^^]

Это бесподобно! (*Франц.*) — *Ред.*

[^^^]

на мазурку (франц.). — Ред.

[^^^]

очаровательно! восхитительно! (Франц.) —
Ред.

[^^^]

свое сердце и свою судьбу (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Кончена комедия! (*Итал.*) — *Ред.*

[^^^]

за (латин.) — Ред.

[^^^]

против (латин.) — Ред.

[^^^]

Для памяти. (*Латинск.*) — Ред.

[^^^]

Сон лорда Байрона для мисс Александрины.
(Англ. и франц.) — *Ред.*

[^^^]

Написать трагедию: Нерон. (Франц.) — Ред.

[^^^]

Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая, будет любить изящные искусства. — Я думаю, что в такой душе много музыки (*Примечание Лермонтова.*)

[^^^]

Я не окончил, потому что не мог (*франц.*). —
Ред.

[^^^]

было пúстыни — *Ред.*

[^^^]

Мисс черноокая. (Англ.) — Ред.

[^^^]

М<истер> Корд. (Англ.) — Ред.

[^^^]

Душа моей души. (Франц.) — Ред.

[^^^]

М<ихаил> Л<ермонтов> год 1825, 13-е июня на
Горячих водах. (Франц.) — Ред.

[^^^]

Магнетизм взгляда и действие кошелька.
(Франц.) — *Ред.*

[^^^]

Дипломатия гражданская и военная.
(Франц.) — *Ред.*

[^^^]

Эжен де Герль (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Я поспешал по направлению к берегам туманного Альбиона, который представлялся издалека глазам моим, как бы залитый океанами туманов. Голоса гальцион, собравшихся около нашей барки, были нашими путеводителями по волнам. (Франц.) — Ред.

[^^^]

99 баранов и один шампенуазец составляют
100 скотов (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Стиль — это сам человек. (Франц.) — Ред.

[^^^]

О мертвых ничего, кроме хорошего (*латинск.*). — *Ред.*

[^^^]

Да здравствует теория! (Франц.) — Ред.

[^^^]

Мало трудов, написанных на русском языке, можно было бы приравнять по изяществу и гармонии к сочинениям, вышедшим из-под пера плодовитого Сумарокова. (*Франц.*) — *Ред.*

[^^^]

по небесному глобусу *вписано*. — *Ред.*

[^^^]

однако ж вписано. — *Ред.*

[^^^]

оперу *вписано*. — *Ред.*

[^^^]

было: ко мне — Ред.

[^^^]

портфеля (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

о! Я чувствую себя, как обычно... хорошо!
(Франц.). — *Ред.*

[^^^]

Страдания тела происходят от болезней души!
(Франц.). — *Ред.*

[^^^]

Выражение одного ученика. (*Примечание Лермонтова.*)

[^^^]

Г-н Ж. Жандро (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

после было начато: Вер<но> — Ред.

[^^^]

было: не смотрит — *Ред.*

[^^^]

было: я помню конец — Ред.

[^^^]

придворные *вписано.* — *Ред.*

[^^^]

после было: чтобы — Ред.

[^^^]

твоей кузины *вписано* — *Ред.*

[^^^]

Неиссякаемый источник! (Франц.). — Ред.

[^^^]

веселой шайки (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

было: Куда как скучен — *Ред.*

[^^^]

было: Но наконец — Ред.

[^^^]

было: Но рок — Ред.

[^^^]

В автографе расчищенный — Ред.

[^^^]

было: fréquemment — *ред.*

[^^^]

было: Мой серебряный <песок> — *Ред.*

[^^^]

было холодной — *Ред.*

[^^^]

было: qu'il est hypocrite — *Ред.*

[^^^]

было: somme — Ped.

[^^^]

в рукописи: chacauts — Ред.

[^^^]

перед personne было: propre — *Ред.*

[^^^]

перед content было: et — Ред.

[^^^]

Великие имена создаются на Востоке.
(Франц.). — *Ред.*

[^^^]

было: Tout cela — Ped.

[^^^]

перед c'est si doux было: je sais — Ped.

[^^^]

было: risquées — *Ред.*

[^^^]

было: dans la famille — *Ред.*

[^^^]

для детского возраста (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Я хотел бы, чтобы предмет этих стихов не стал бы негодником (непереводимая игра слов). (Франц.). — *Ред.*

[^^^]

было: чувством — Ред.

[^^^]

Под липами. (Франц.). — Ред.

[^^^]

было: хотя — Ред.

[^^^]

купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Список сокращений для «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» см. на стр. 780–782.

[^^^]

Первая — в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 5, 1913; вторая, составленная нами, опубликована в Соч. изд. «Academia», т. 5, 1937.

[^^^]

В дальнейшем высочайшие приказы о поощрении Лермонтова в числе других офицеров обозначаются: Высочайший приказ о поощрении.

[^^^]

Поддевиченский Арзамас — молодое содружество воспитанников Московского благородного университетского пансиона, окончивших его в конце XVIII — начале XIX в.

[^^^]

Цензор Август, Вильгельм или Евстафий Ольдекоп подписывался: А. Ольдекоп, Е. Ольдекоп и В. Ольдекоп.

[^^^]

Не позднее 23 апреля 1841 года (см. эту дату).

[^^^]

Не позднее 10 мая 1841 года (см. эту дату).

[^^^]

Вернее всего в Пятигорске, в июне — начале июля 1841 года, если это стихотворение, действительно, посвящено Е. Быховец (настоящее издание, т. II, стр. 364).

[^^^]